ՄԵՐՋԱՎՈՐ ԵՎ ՄԻՋԻՆ ԱՐԵՎԵԼՔԻ ԵՐԿՐՆԵՐ ԵՎ ԺՈՂՈՎՈՒՐԴՆԵՐ

V

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
СЕКТОР ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СТРАНЫ и НАРОДЫ БЛИЖНЕГО и СРЕДНЕГО ВОСТОКА

V

ТУРЦИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1970

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ԱՐԵՎԵԼԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ՍԵԿՏՈՐ

ՄԵՐՁԱՎՈՐ ԵՎ ՄԻՋԻՆ ԱՐԵՎԵԼՔԻ ԵՐԿՐՆԵՐ ԵՎ ԺՈՂՈՎՈՒՐԴՆԵՐ

V

ԹՈՒՐՔԻԱ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1970

32И (И 5)
Ո 66

Ժողովածուում քննարկվում են Օսմանյան կայսրության և հանրապետական Թուրքիայի ներքին և արտաքին քաղաքականության մի շարք պրոբլեմներ։

В сборнике рассматривается ряд проблем внутренней и внешней политики Османской империи и республиканской Турции.

Խմբագրական կոլեգիա

Հ. Գ. ԻՆՃԻԿՅԱՆ, Ն. Հ. ՀՈՎՀԱՆՆԻՍՅԱՆ,
Հ. Մ. ՆԳԱՆՅԱՆ, Ե. Ղ. ՍԱՐԳՍՅԱՆ (պատ. խմբագիր)

Редакционная коллегия:

О. Г. ИНДЖИКЯН, Н. О. ОГАНЕСЯН,
Г. М. ЕГАНЯН, Е. К. САРКИСЯН (ответ. редактор)

THE COUNTRIES AND PEOPLES OF THE NEAR AND MIDDLE EAST

V

TURKEY

Publishing House of the Academy of sciences of the Armenian SSR
Yerevan, 1970

1—6—3

Р. П. КОНДАКЧЯН

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ (1950—1960)

Мировая капиталистическая система переживает третий этап своего общего кризиса, характерной особенностью которого является нарастание борьбы между трудом и капиталом, небывалое усиление внутренней неустойчивости и политической реакции, отказ от буржуазных свобод, установление в ряде стран тиранического режима, глубокий кризис политики и идеологии буржуазии. Поэтому исследование внутренней политики буржуазных государств составляет одну из важнейших задач советской исторической науки.

За последние годы советское востоковедение сделало значительный вклад в изучение экономических и политических изменений, происшедших после второй мировой войны на Востоке, в частности в Турции. Опубликовано несколько монографий, большое количество статей и брошюр, в которых рассматриваются в первую очередь экономические и военно-политические последствия экспансии американского империализма в Турции, состояние ее экономики, финансов, внешней политики, положение крестьянства и промышленного пролетариата, особенности развития капитализма и национальной буржуазии, вопросы внутренней политики после военного переворота 27 мая 1960 г. и др.

В целом внутренняя политика Турции после второй мировой войны, особенно в период правления демократической партии (ДП), еще не стала предметом специального исследования.

Научная важность и политическая актуальность этой проблемы заключается в том, что она связана с политикой новой буржуазной партии, впервые пришедшей к власти.

Изучение данной проблемы важно также для правильного понимания многих внутриполитических событий, имевших место в Турции после майского военного переворота 1960 г.

В работе делается попытка на основе конкретного исторического материала раскрыть классовую сущность и преемственный характер политики турецких буржуазно-помещичьих партий, показать причины перехода Турции к двухпартийной системе правления и разоблачить антинаучные концепции буржуазных историков в указанных вопросах.

Методологической основой работы послужили положения классиков марксизма-ленинизма о буржуазных партиях, о сущности их программ и целях оппозиционной борьбы, о характере двухпартийной буржуазной системы правления, о влиянии милитаризации на экономику и финансы капиталистических стран, об антинародной и реакционной внутренней политике их правящих классов.

При изучении внутриполитических проблем послевоенной Турции серьезным подспорьем явились материалы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий и Программа Коммунистической партии Советского Союза. В Программе КПСС получили глубокую марксистско-ленинскую оценку важнейшие вопросы внутренней и внешней политики стран мировой капиталистической системы и современного международного положения. Характеристика некоторых вопросов внутренней политики главных капиталистических стран, данная в Программе КПСС, полностью относится и к внутренней политике Турции.

Автор использовал работы советских турколога: А. Ф. Миллера «Очерки новейшей истории Турции», Б. Данцига «Турция», П. П. Моисеева «Аграрные отношения в современной Турции», А. Шамсутдинова «Турецкая республика» и Ю. Н. Розалиева «Особенности развития капитализма в Турции».

В работах А. Ф. Миллера и Б. Данцига впервые сделана попытка обобщить внутреннюю и внешнюю политику Турции после провозглашения ее республикой.

П. П. Моисеев исследует аграрные отношения в турецкой деревне, сложившиеся после второй мировой войны. Особенно примечательна та часть его работы, где освещается процесс развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

В книге А. Шамсутдинова в общих чертах изложено экономическое и внутриполитическое положение Турции в период и после второй мировой войны, а внутренняя политика ДП дана в краткой форме.

Работа Ю. Н. Розалиева посвящена очень сложному и

малоизученному вопросу — развитию капитализма в Турции и экономическому положению страны.

Использованы коллективные труды сотрудников Института народов Азии АН СССР «Современная Турция» (1958) и «Политика США на Ближнем Востоке».

В первом из них освещено состояние экономики, культуры, внутренней и внешней политики страны. Внутренней политике ДП уделено здесь всего несколько страниц. Более того, в этой работе репрессии правительства Мендереса против компартии и демократических элементов рассмотрены заодно с репрессиями против оппозиционных буржуазных партий и их печати.

В книге «Политика США на Ближнем и Среднем Востоке» выделен специальный раздел, в котором авторы рассматривают вопросы политической, военной, экономической и идеологической экспансии американского империализма в Турции, не касаясь вовсе внутренней политики страны после второй мировой войны.

В работе использованы также материалы советской печати.

Основной фактический материал взят и критически проанализирован из литературы на турецком, английском и французском языках.

Из работ турецких историков привлечена книга проф. юридического факультета Стамбульского университета Т. З. Тунайы «Политические партии в Турции», содержащая богатый фактический материал о политических организациях и партиях, возникших за период 1859—1952 гг. Книга эта скорее сборник документов и материалов, нежели научное исследование. В ней уделено большое внимание образованию и деятельности народно-республиканской партии (НРП). Довольно много места отведено образованию ДП и ее оппозиционной деятельности. Хотя хронологические рамки книги доведены до 1952 года, все же автор не затрагивает внутреннюю политику этой партии. В книге Туная отсутствует характеристика послевоенной внутриполитической обстановки Турции.

Следует подчеркнуть, что Туная всячески игнорирует политические организации рабочего класса. У него нет упоминания о коммунистической партии Турции, а материалы, относящиеся к другим партиям рабочего класса, возникшим после второй мировой войны, ограничены лишь данными о времени их образования, запрещения и списками руководителей. Компартия Турции и другие политические организации рабочего класса подвергнуты явной дискриминации, что, несомненно, снижает ее ценность.

В трудах турецких историков Т. Юнала «Политическая история Турции в период 1700—1958 гг.» и Т. Демирая «Внут-

ренняя политика Турции за последние 50 лет» в очерковой форме изложена история внутренней политики послевоенной Турции, причем без достаточного фактического материала и научной аргументации. В книге Т. Юнала внутренней политике ДП отведено всего несколько страниц. То же самое можно сказать об учебниках по истории Турецкой республики (авторы—Э. З. Карал, М. К. Су и К. Су, Ф. Язган и М. Сердарлар).

В книгах Дж. Кутая, С. Парсадана, Дж. Юнджи и И. Гёктюрка содержатся политические биографии лидеров ДП Джеляля Баяра и Аднана Мендереса, всячески восхваляются их мнимые заслуги перед страной и государством до и после прихода ДП к власти. Так, например, Дж. Кутай пытается доказать, что Баяр, будучи одним из близких сподвижников М. Кемаля, после его смерти являлся наиболее подходящей кандидатурой на пост президента, однако был незаслуженно удален с политической арены.

Особо следует остановиться на сборнике опубликованных в разное время статей проф. Т. Фейзиоглу «О демократии и диктатуре», в которых он резко критикует мероприятия правительства Мендереса, направленные на ликвидацию буржуазной оппозиции. Автор, однако, обходит такой важный вопрос, как репрессии правительства Мендереса против трудящихся, против членов компартии и сторонников мира, что, фактически, означало поддержку реакционных мероприятий правительства.

Обзор использованной турецкой литературы был бы неполным, если бы мы не остановились на книгах турецких авторов К. Х. Карпата и А. Э. Ялмана, изданных в США на английском языке. В книге К. Х. Карпата «Политика Турции» подробно освещены только вопросы внутренней и внешней политики НРП, как и образование ДП и ее борьба за власть.

Книга А. Э. Ялмана «Турция в мое время» содержит мало материалов о внутриполитической обстановке послевоенной Турции. Это в основном автобиографический очерк, изложенный на фоне событий, имевших место в Турции при его жизни. Будучи главным редактором и издателем газеты «Ватан», Ялман вначале поддерживал ДП, но впоследствии критиковал мероприятия правительства Мендереса, направленные на преследование оппозиционных буржуазных партий и печати. В дальнейшем перешел в оппозицию ДП.

Значительный интерес представляют материалы печати, в особенности оппозиционных буржуазных газет и журналов. Впрочем, турецкая официозная печать не освещала такие

важные вопросы внутриполитической жизни страны, как активизация крестьянской борьбы за землю, усиление борьбы рабочего класса против обнищания и бесправия и обострение классовых противоречий.

Этот пробел в некоторой степени нами восполнен данными оппозиционной буржуазной печати, освещавшей борьбу трудящихся масс города и деревни, разумеется, не в целях защиты их прав, а лишь в интересах межпартийной борьбы.

Примечательны материалы судебного процесса над лидерами и активными деятелями ДП, организованного правительством Джемаля Гюрселя на Яссыада.

После второй мировой войны на Западе, особенно в США, значительно расширилось издание различной литературы о Турции на английском, французском и других языках. Укажем, прежде всего, работы американских историков Э. Бисби «Новые турки», Дж. Ленцовского «Средний Восток в международных отношениях», Л. В. Томаса и Р. Н. Фрая «Соединенные Штаты и Турция и Иран» и другие. Из работ английских историков отметим книгу «Турция» Дж. Люиса, статьи Ф. Прайза, из французских авторов «Историю Турции» Р. Мантрана, «Современный Средний Восток 1946—1958» Ф. Люилиэ, «Ислам и мусульмане сегодня» П. Рондо и другие. Ни один из этих авторов не ставил себе целью изучение внутренней политики послевоенной Турции с тем, чтобы глубже вникнуть в происходящие события и дать им правильную оценку. Интересно исследование П. Рондо. В нем освещается политика правящих кругов послевоенной Турции по отношению к религии. Однако автор не сумел разглядеть причины и цели этой политики.

Турецкие и другие буржуазные историки занимались поверхностным изложением внутренней политики правительства ДП без глубокого анализа последней.

Подробная критика ошибочных взглядов буржуазных историков дается в тексте работы.

В работе использованы также газетные и журнальные статьи, опубликованные в американской, английской и французской печати. Печать монополий, как правило, поддерживала политику милитаризации Турции, преследования коммунистов и всех подлинных патриотов страны. Наряду с этим она то и дело осуждала политику подавления в стране буржуазной демократии, будто последняя и не связана с системой правления.

В мае 1960 г. в Турции побывала делегация французских журналистов, которая подробно осветила внутриполитическую обстановку страны накануне военного переворота. К этому времени большинство оппозиционных и других турецких газет

было закрыто правительством ДП. Естественно поэтому, что данные французской печати позволили более полно осветить внутреннее положение страны в рассматриваемый нами период.

После военного переворота и в Турции и на Западе появилось множество газетных и журнальных статей, авторы которых делали попытку проанализировать правление ДП и причины ее политического краха. Но эти попытки оказались тщетными.

Глава I

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРИХОД К ВЛАСТИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

В период второй мировой войны правящая народно-республиканская партия[1] проводила антинародную, антинациональную внутреннюю и внешнюю политику. Турция держала под ружьем миллионную армию. Непомерные военные расходы, составлявшие подавляющую часть государственного бюджета и национального дохода, явились главной причиной серьезных экономических и финансовых трудностей. Политика милитаризации страны обнажила и еще более обострила все противоречия турецкого общества.

Сельское хозяйство, будучи основой экономики страны, переживало значительные трудности. Преобладание крупнопомещичьего и кулацкого землевладения, наряду с феодальными пережитками и жестокой эксплуатацией миллионных масс безземельных и малоземельных крестьян, явилось одной из главных причин застоя сельского хозяйства. Посевные площади под зерновые культуры в 1945 г. составили 6894 тыс. га, что почти на 16% меньше, чем в 1940 г. В результате сокращения посевов и неурожая 1945 г. валовой сбор зерновых составил 4013 тыс. т против 8280 тыс. т в 1940 г. Сократились также урожай технических культур и поголовье скота. Турция испытывала острую нехватку зерна, в связи с чем в декабре 1941 г. в крупных городах была введена карточная система на хлеб. В 1942 г. последовала реквизиция хлебных запасов у крестьян, а через год—введение обязательных размеров посевов под зерновые и их поставок государству. Норма поставок составляла 10—20% всего урожая, что означало вос-

[1] После победы турецкого народа в национально-освободительной войне к власти пришла народная партия, впоследствии переименованная в народно-республиканскую. Основана Мустафой Кемалем.

становление натурального налога ашар. Были установлены также твердые закупочные цены на сельскохозяйственные культуры, принудительный труд крестьян в помещичьих и кулацких хозяйствах и на шахтах. Турция была вынуждена даже импортировать зерно. Однако все эти мероприятия правительства не смогли преодолеть продовольственные трудности страны.

В 1942 г. истек срок действия закона о поощрении промышленности, затем власти провели национализацию некоторых предприятий. Правительство ввело регулирование внешней торговли путем создания экспортно-импортных объединений. Было организовано 36 таких объединений[2], занимавшихся экспортом полезных ископаемых и сельскохозяйственной продукции, импортом текстиля, промышленного оборудования и пшеницы. В 1942 г. правительство ввело также новый налог — имущественный, взимаемый исключительно с национальных меньшинств и направленный на подрыв их экономических позиций и физическое подавление.

Примечательна политика правительства в рабочем вопросе. На основе закона «О защите нации», принятого в начале 1940 г., оно ввело принудительный труд на фабриках и шахтах, продлило рабочий день на 3—4 часа, отменило выходной день и оплату за сверхурочные работы, ввело труд женщин и детей в ночных сменах, распустило профсоюзы.

В стране постепенно нарастал серьезный финансовый и экономический кризис. В 1945 г. количество бумажных денег в обращении составило 944,4 млн. лир, или увеличилось почти в шесть раз по сравнению с 1938 г., дважды упала стоимость лиры. Сумма внутренних и внешних государственных долгов тогда же составила 870 млн. лир против 192 млн. лир в 1939 г. Одновременно ухудшилось материальное положение трудящихся — почти в четыре раза по сравнению с довоенным периодом[3].

Многие турецкие и западноевропейские историки отмечали ухудшение экономического положения страны[4].

«После войны, — писали турецкие историки М. К. Су и К. Су,— бедственное положение не изменилось. Дороговизна жизни с каждым днем все больше давала о себе знать. В области экономики не наблюдалось никакого ощутимого роста.

---

[2] А. М. Шамсутдинов, Турецкая республика, стр. 41.

[3] T. Geveci, İktisadî Kanunların Işiğinde Türkiye iktisadî politikası, s. 41.

[4] T. Ünal, 1700 den 1958-e Kadar Türk Siyasî tarihi, s. 282; M. K. Su K. Su, Türkiye cumhuriyeti tarihi, s. 176; S. Parsadan, C. Hunca ve İ. Göktürk, Adnan Menderes siyasî hayatı ve nutukları, s. 30; C. Brockelmann, Histoire des peuples et des Etats islamiques, p. 426.

Будучи сельскохозяйственной страной, Турция вынуждена была ввозить пшеницу из-за границы»[5]. Или: «После выхода из последней войны Турция оказалась бедной, разоренной и парализованной»[6].

Однако выгодная военная конъюнктура явилась источником высоких прибылей турецких буржуа и помещиков. Сокращение импорта промышленных товаров, ослабление иностранной конкуренции и возросшие потребности армии и рынка явились некоторым стимулом к увеличению продукции текстильной, бумажной, пищевой, цементной промышленности, добычи бурого и каменного угля, железной и медной руд, выплавки металла[7]. Рост цен на местные потребительские и промышленные товары, спекуляция, экспорт полезных ископаемых и сельскохозяйственной продукции, усиленная эксплуатация рабочего класса и крестьянства, грабеж национальных меньшинств — все это не в меньшей мере способствовало обогащению буржуазии и помещиков.

В турецкой статистике отсутствуют конкретные сведения о растущих доходах правящих классов в период второй мировой войны, поэтому приходится обращаться к косвенным данным. В 1945 г. номинальный капитал турецких банков составил 487,3 млн. лир против 270,2 млн. лир в 1939 г.[8], или увеличился более чем на 80% по сравнению с предыдущим периодом. Тогда же сумма частных банковских вкладов составила 582,2 млн. лир, дважды превысив вклады 1940 г.[9]. Увеличение сумм частных вкладов можно проследить и на примере Делового банка (основной частный банк), общий капитал которого в 1945 г. составил 182,5 млн. лир против 67,7 млн. лир 1934 г. и 2,4 млн. лир 1924 г.[10]. Одновременно шла концентрация банковского капитала: в 1939 г. число национальных банков составляло 34, в 1945 г. оно сократилось на 4[11].

Касаясь обогащения турецкой буржуазии в период войны, Т. Юнал пишет: «Рост цен, явившийся естественным результатом экономического кризиса, стал причиной возникновения буржуазии (речь идет о возникновении крупной буржуазии.— *Р. К.*). Среди определенной ее части появились такие богачи, которые, как говорил тогдашний министр финансов, смогли бы купить даже государство»[12].

---

[5] M. K. Su K. Su, aynı eser, s. 176.

[6] „Monde", 1960, 29—30 mal.

[7] Б. Данциг, Турция, 1949, стр. 171—182.

[8] Istatistik yıllığı 1942—1943, s. 261; 1951, s. 343.

[9] K. H. Karpat, Turkeyś politics, p. 92.

[10] Istatistik yıllığı 1942—1943, s. 261; 1951, s. 343.

[11] „Ekonomi gazetesi", 1957, 12, şubat.

[12] T. Ünal, aynı eser, s. 282.

В период войны в Турции усилились позиции реакции во всех сферах внутриполитической жизни. Компартия продолжала оставаться вне закона, усилилось политическое бесправие рабочего класса, жестоким гонениям и репрессиям подверглись демократические элементы и национальные меньшинства — греки, армяне, евреи, курды, лазы и другие. Активную деятельность развернули пантюркистские организации. 20 ноября 1940 г. было введено осадное положение в шести вилайетах — Стамбул, Коджаели. Чачаккале, Текирдаг, Эдирне и Кыркларели. Характеризуя разгул реакции ко времени окончания войны, А. Тунджер пишет, что правление НРП «ежеминутно напоминало форму правления последнего османского правительства»[13]. Обострились классовые противоречия. Внутренняя и внешняя политика НРП потерпела полное банкротство. В стране царило широкое недовольство против правящей партии[14] и назревал глубокий внутриполитический кризис, который тесно переплетался с экономическим кризисом.

Усилилась борьба крестьян за землю, участились случаи захвата помещичьих земель и вооруженные столкновения между крестьянами и полицией. Заметно оживилось и рабочее движение. Помимо экономических (повышение зарплаты, улучшение условий труда, страхование от несчастных случаев и др.), рабочие все чаще выдвигали политические требования — свобода организации рабочих профсоюзов и партий, легализация компартии и восстановление восьмичасового рабочего дня. В поддержку этих требований рабочие провели ряд стачек и забастовок.

Прогрессивная интеллигенция и другие демократические слои населения требовали прекратить разгул реакции и произвол властей, ввести свободные одностепенные выборы в меджлис, освободить политических заключенных, очистить государственный аппарат от профашистских элементов, отказаться от однопартийной системы правления и антисоветской внешней политики. Были предприняты шаги к созданию «Демократического фронта борьбы против фашизма и спекуляции».

Борьба турецкого народа за демократические преобразования развернулась в такой благоприятной внешней обстановке, как разгром германского фашизма и японского милитаризма, всеобщее ослабление капиталистического мира, образование и укрепление мировой социалистической системы и рост антиимпериалистической борьбы народов колониальных и зависимых стран.

---

[13] A. Tuncer, Modern Türkiyenin mimarı Adnan Menderes, s. 36.

[14] См. T. Unal, aynı eser, s. 282; M. K. Su K. Su, aynı eser, s. 176.

Аграрные и другие социальные преобразования в народно-демократических странах Юго-восточной и Восточной Европы оставили глубокое впечатление на крестьян и рабочих Турции.

Демократическое движение и аграрные преобразования, развернувшиеся в Иранском Азербайджане и Курдистане, также нашли благоприятный отклик среди безземельных крестьян Турции, в особенности у крестьян Восточной Анатолии. Заметный след в сознании турецкого народа оставили и другие события этого периода. У западной границы Турции греческий народ вел самоотверженную борьбу против английских поработителей и местной реакции. Были выведены иностранные войска из Ливана и Сирии, получивших политическую независимость. Мощный подъем антиимпериалистической борьбы наметился в Египте и Ираке.

Внутриполитический кризис в Турции после окончания войны явился прямым результатом антинародной и антинациональной внутренней и внешней политики правящих кругов страны. На его развитие и углубление большое влияние оказали успехи мировой социалистической системы и рост освободительной борьбы в странах Востока.

Позиции правительства были сильно поколеблены недовольством самых широких народных масс политикой НРП, проводимой до, в период и после второй мировой войны. Этому не в меньшей степени способствовало также общее ослабление мировой системы капитализма и то обстоятельство, что турецкие правители потеряли своих покровителей в лице германских фашистов. «После поражения двух диктатур в Европе (речь идет о фашистских диктатурах в Германии и Италии. — *Р. К.*), — писал Т. Демирай, — диктатура в Турции осталась под открытым небом»[15].

Об ослаблении позиций правящей партии свидетельствовал тот факт, что в декабре 1946 г. было продлено военное положение в вышеупомянутых вилайетах и предприняты новые репрессии против демократических сил.

Следует также отметить, что правление НРП вызвало недовольство и в некоторых кругах правящих классов. Мероприятия правительства в области сельского хозяйства, промышленности и торговли, осуществленные в период войны, несколько ущемляли интересы помещиков, кулаков и буржуазии.

Экономический и внутриполитический кризис вызвал брожение внутри НРП и господствующих классов. Турецкая буржуазия и помещики были сильно обеспокоены создавшейся обстановкой. В этих условиях в различных кругах правящих

---

[15] T. Demiray, Türkiyede son 50 yillik iç politika, s. 36.

классов обнаружились серьезные тактические разногласия о путях и средствах дальнейшего сохранения власти в их руках. Эти разногласия касались лишь вопросов внутренней политики.

Основным из них было отношение к этатизму. Известно, что начиная с 30-х годов НРП проводила политику этатизма—государственного капитализма. Большую и бескорыстную помощь Турции в промышленном строительстве оказал Советский Союз. Политика этатизма исходила из интересов мелкой и средней буржуазии, не имевшей возможности самостоятельно взяться за крупное промышленное строительство. В Турции в то время не было крупной промышленной, торговой и финансовой буржуазии в силу общей социально-экономической отсталости страны.

Пытаясь опорочить политику этатизма, наиболее состоятельная часть буржуазии объясняла экономические и финансовые трудности, отталкиваясь именно от этой политики.

Выше указывалось, что выгодная военная конъюнктура способствовала концентрации частного капитала и обогащению буржуазии, среди которой выделилась сильная прослойка крупных торговцев и промышленников. Усилению их позиции в некоторой степени способствовало также снижение конкурентоспособности инонациональной буржуазии. Крупные торговцы и промышленники активизировали свое стремление к свободному предпринимательству и повели решительную борьбу за строгое ограничение политики этатизма и поощрение частного капитала, в том числе и иностранного. Они считали, что только ничем не ограниченная частная предпринимательская деятельность и приток иностранного капитала могут вывести страну из экономических и финансовых трудностей, стимулировать ускоренное промышленное развитие. Борьба вокруг этатизма отражала борьбу между крупной торговой и промышленной буржуазией, с одной стороны, мелкой и средней, с другой. Выразителем интересов последней по-прежнему выступала НРП.

Экономические требования крупной буржуазии особенно ярко выявились во время обсуждения в меджлисе окончательного проекта закона об аграрной реформе и проекта закона о государственном бюджете на 1945/46 финансовый год и на конгрессе промышленников в Измире (февраль 1946 г.). В Измире крупные промышленники, банкиры, торговцы и купцы потребовали разграничения сфер деятельности государственного и частного капитала, передачи частному капиталу предприятий легкой и пищевкусовой промышленности и оставления в ведении государства отраслей тяжелой промышленности.

Разногласия вокруг политики этатизма в дальнейшем были дополнены противоречиями внутриполитического характера. Дело в том, что крупная торговая и промышленная буржуазия начала активнее стремиться к власти, заявляя, что дальнейшее сохранение однопартийного режима наносит ущерб всей буржуазной системе правления. Она добывалась разрешения новых буржуазных партий, обеспечения норм буржуазной демократии и свободы оппозиционной деятельности. Используя недовольство народных масс правлением НРП, буржуазная оппозиция повела атаки против правительства и, помимо своих классовых требований, выдвигала лозунги, ранее исходившие от подлинно демократических кругов. Это делалось с целью направить недовольство народа по выгодному себе руслу и одновременно выставить себя поборником интересов трудящихся, использовать в собственных интересах движение масс за демократические преобразования. После второй мировой войны Турция нуждалась в действительных демократических реформах, но об этом правящие круги и слушать не желали.

Выход из создавшегося внутриполитического положения турецкие правители решили найти в псевдодемократических уступках, которые ничего не могли дать народу, но укрепили бы диктатуру буржуазии и помещиков. Это были частичные уступки, рассчитанные на усиление позиции господствующих классов.

Одной из таких уступок явилась земельная реформа 11 июня 1945 г. Целью этой широко разрекламированной реформы было предотвращение борьбы безземельных и малоземельных крестьян за землю. Были и другие уступки: отмена натурального налога на продукты земледелия, учреждение министерства труда, принятие закона о создании общества страхования рабочих, введение системы одностепенных выборов в меджлис, «свободные» выборы депутатов на вакантные места и др.

Наиболее эффективным маневром явилось создание новой буржуазной партии. 19 мая 1945 г. президент Турции и генеральный председатель НРП Исмет Инёню заявил о возможности образования буржуазной оппозиционной партии[16]. Аналогичное заявление он сделал и 1 ноября 1945 г.[17]. В период 1945—1946 гг. в Турции были организованы следующие буржуазные партии: партия национального возрождения (18 июля 1945 г.), демократическая партия (7 января 1946 г.), либерально-демократическая партия (11 марта 1946 г.) и другие[18].

---

[16] A. H. Başar, Yaşadığımız devrin iç yüzü, s. 28.

[17] G. Lewis, Turkey, p. 122—123.

[18] T. Z. Tunaya, Türkiyede siyasî partiler 1859—1952, s. 639—634.

Правящие круги всячески препятствовали образованию партии рабочего класса. Тем не менее 14 мая и 20 июня 1946 г. были оформлены социалистическая партия и социалистическая рабоче-крестьянская партия. Во главе последней стал Шефик Хюсню Деймер, ветеран рабочего движения, один из руководителей социалистической рабоче-крестьянской партии, организованной еще в 1919 г. Наряду с ними, с ведома властей, появилось множество псевдорабочих партий. Партия социальной справедливости (28 февраля 1946 г.), турецкая социал-демократическая партия (26 апреля 1946 г.), социалистическая рабочая партия Турции (24 мая 1946 г.) и рабочая и крестьянская партия (24 апреля 1946 г.)[19]. Основная задача этих партий заключалась в том, чтобы внести раскол в рабочее движение и выявить подлинно демократические элементы, чтобы затем провоцировать их преследование.

Правящая партия стремилась лишить прогрессивные организации участия во внутриполитической жизни.

16 декабря 1946 г. социалистическая партия и социалистическая рабоче-крестьянская партия были запрещены, а их руководители преданы суду за «коммунистическую пропаганду». Таким образом, на политической арене остались НРП и оппозиционные буржуазные партии. Среди последних выделилась и заняла особое место демократическая партия. Основателями ее были Джеляль Баяр (председатель ЦК), Аднан Мендерес, Фуад Кёпрюлю и Рефик Коралтан — эти наиболее типичные представители турецкой реакции.

Биографии основателей ДП свидетельствуют о том, что они либо являлись в прошлом активными деятелями младотурецкой партии, либо прошли ее школу. С начала 1945 г. все они развернули усиленную оппозиционную деятельность внутри НРП и меджлиса. Поводом для нападок на правительство оппозиция избрала обсуждение в парламентской фракции итогов конференции в Сан-Франциско, состоявшейся 27—28 марта 1945 г.

12 июня Баяр, Мендерес, Кёпрюлю и Коралтан внесли в бюро парламентской фракции НРП предложение о либерализации устава партии. Это предложение сразу же получило отпор со стороны фракции и премьер-министра Сараджоглу, заявившего, что такое требование может быть рассмотрено только съездом партии[20].

Несмотря на то, что первая попытка оппозиции оказалась безуспешной, в июне 1945 г. Баяр внес в президиум меджлиса

---

[19] T. Z. Tunaya, ayni eser, s. 693—702.

[20] „Revue française de science politique", 1954, janvier-mars, p. 140—141.

новое предложение об изменении закона о печати[21], принятого в период, когда он был премьером. Суть предложения заключалась в расширении прав печати и ограничении цензуры, в изменении статей 17-й и 50-й закона о печати, согласно которым власти имели право на закрытие газет. Меджлис отклонил и это требование Баяра. Одновременно Мендерес и Кёпрюлю в газете «Ватан» подвергли критике внутреннюю политику правительства[22], за что 21 сентября 1945 г. были исключены из партии[23], Коралтан, который защищал их, тоже был исключен из партии[24], но все трое сохранили за собой депутатские мандаты. 26 сентября Баяр, в связи с исключением из партии его единомышленников, сложил с себя депутатские полномочия[25] и затем, 3 декабря, вышел из НРП. Вскоре эта четверка заявила о своем намерении организовать новую партию под названием «Демократическая», о том, что она приступает к разработке устава и программы партии. В создании ДП принял активное участие также У. Авундук, один из представителей крупного частного капитала (Деловой банк). В начале января 1946 г. ДП оформилась официально — ее устав и программа были утверждены министерством внутренних дел и через несколько дней, 8 января, опубликованы в турецкой печати[26].

В своей программе ДП голословно декларировала, что целью ее является управление государством на демократических началах, ликвидация безработицы, установление социальной гармонии и удовлетворение потребностей всех членов общества, начиная от крестьянина и рабочего и кончая помещиком и капиталистом. Программа обещала улучшение дела национального просвещения, здравоохранения и юстиции, свободу религиозного верования, намечала ряд мер к улучшению состояния сельского хозяйства и повышению урожайности сельскохозяйственных культур. Что касается политики ДП в области промышленности, то в программе указывалось, что «частная инициатива и капиталы являются основой экономической жизни. Поэтому необходимо предоставить им новые сферы деятельности и условия при наличии свободы и безопасности. Мы убеждены, что при условии строгого раз-

---

[21] „Vatan", 1945, 13 haziran; K. H. Karpat, ibid, p. 141.

[22] A. E. Yalman, Turkey in my Time, p. 223.

[23] T. Z. Tunaya, aynı eser, s. 648.

[24] „Vatan", 1945, 28 kasım.

[25] „Vatan", 1945, 29 eylûl.

[26] Программа и устав ДП окончательно были приняты на первом конгрессе партии в 1947 г. Программу партии см. в „Türkiyede siyasî dernekler", 169—171; T. Z. Tunaya, aynı eser, s. 662—673.

граничения сферы деятельности возможно, и даже полезно, сотрудничество частной и государственной инициативы таким образом, чтобы они не препятствовали друг другу и оказывали друг другу помощь» (статья 43)[27]... «В интересах стабилизированной и безопасной деятельности частной инициативы и капиталов необходимо строго определить границы экономической деятельности государства» (статья 44)[28]. В программе выдвигались требования о составлении долгосрочного общего плана и предварительном определении основных направлений политики государства в области экономики, таможен, монополий и финансов. В соответствии с программой партии предусматривалось создание тяжелой промышленности и строительство крупных электростанций, железных дорог, портов, транспортных средств и водопроводов, крупных горнорудных предприятий и лесных хозяйств, словом — все то, что «частная инициатива и капиталы не в состоянии осуществить, либо не принесет им достаточной прибыли» (статья 45)[29]. Программа требовала недопущения возникновения монополий и передачи частному капиталу на подходящих условиях государственных предприятий, которые могли бы работать более рентабельно[30]. Далее следовал пункт о заключении долгосрочных внешних займов и девальвации турецкой лиры. Во всем этом учитывались стремления крупной турецкой буржуазии оставить государству малорентабельные предприятия, а себе — наиболее доходные отрасли промышленности.

Статья 12-я программы гласила: «Мы намерены считать вне закона те политические общества и партии, которые имеют своей целью нарушение независимости и территориальной целостности нашей страны, ограничение основных прав граждан, либо же связаны с политическими организациями, находящимися за пределами страны»[31]. Эта статья целиком была направлена против компартии и всех подлинных демократов и патриотов страны, против сторонников мира, которые якобы получают инструкции из заграницы. Программа не скрывала свое стремление к отуречиванию национальных меньшинств. Об этом в статье 13-й говорилось: «Наша партия считает турками всех граждан, независимо от их расовой принадлежности и вероисповедания»[32].

Что касается внешней политики, то она была сформулиро-

---

[27] T. Z. Tunaya, aynı eser, s. 667.

[28] Там же.

[29] T. Z. Tunaya, aynı eser, 667—668.

[30] T. Z. Tunaya, aynı eser, s. 668.

[31] „Türkiyede siyasî dernekler", s. 170.

[32] Там же.

вана следующим образом: «Наша внешняя политика должна основываться на юридическом равенстве народов, на международном политическом, экономическом и культурном сотрудничестве, коллективной безопасности и добрососедских отношениях»[33].

В программе ДП сквозит стремление демагогическими обещаниями как можно лучше приукрасить свою антинародную сущность. Программа ДП основывалась на «шести стрелах» конституции, а последняя, как известно, была разработана в соответствии с программой НРП. Стало быть, между НРП и ДП с самого начала не было существенных программных расхождений, и та и другая представляли и защищали интересы класса эксплуататоров, жизненно заинтересованных в сохранении власти в своих руках. Обе партии отпочковались от буржуазии и помещиков и были призваны служить им верой и правдой. Это обстоятельство находит свое подтверждение также у Т. Фейзиоглу[34] и А. Ялмана[35]. Сам Баяр утверждал, что ДП отличается от НРП только лишь толкованием и применением принципов, изложенных Ататюрком[36].

Однако статьи программы ДП, в которых говорилось о строгом ограничении политики этатизма, о поощрении частного и иностранного капитала и девальвации лиры, соответствовали интересам крупной буржуазии. Таким образом, разница между двумя партиями заключалась в том, что НРП отстаивала интересы мелкой и средней, городской и сельской, а ДП — крупной торгово-промышленной и банковской буржуазии и помещиков. Следует сказать, что именно эти статьи соответствовали агрессивным устремлениям и интересам американских монополий, которые уже нацелились на Турцию для превращения ее в военно-политический плацдарм на Ближнем и Среднем Востоке. Не случайно поэтому, что в составлении устава и программы ДП принимали активное участие апологеты американских монополий. Об этом свидетельствует один из видных деятелей партии проф. К. Онер, который отмечал, что в составлении программы партии принимали участие один американец и А. Ялман[37]. А. Х. Башар также подтверждает активное участие А. Ялмана в составлении программы[38].

---

[33] „Türkiyede siyasî dernekler", s. 171.

[34] „Revue française...", ibid, p. 176.

[35] A. E. Yalman, ibid, p. 227.

[36] См. Г. Акопян, Турецкая реакция на службе американского империализма, стр. 6.

[37] „Vatan", 1948, 18 ocak. А. Ялман был одним из сторонников принятия мандата США.

[38] A. H. Başar, aynı eser, s. 32.

Образование ДП по-разному истолковывалось в Турции и заграницей. Исмет Инёню вопреки действительности в свое время говорил: «В период Республики всегда был сохранен принцип ее демократического характера. Диктатура никогда не была приемлема, более того, она была вредным и незаслуженным обвинением для турецкой нации. Единственным нашим недостатком было то, что против правящей партии в меджлисе не было ни одной оппозиционной партии. Но ради потребностей страны, для создания естественной атмосферы свободы и демократии, необходимо создание *другой партии*» (подчеркнуто нами. — *Р. К.*)[39].

Некоторые турецкие и западноевропейские авторы одну из причин возникновения ДП видят в личной вражде к Инёню Баяра и Мендереса, с давних пор находившихся в оппозиции. Этого мнения, в частности, придерживаются А. Тунджер[40], «Монд» и другие. «Монд» прямо пишет: «С самого начала разногласия возникли на почве личной неприязни между Инёню и Баяром»[41].

С. Парсадан, Ч. Юнджа, И. Гёктюрк, К. Карпат, Т. Туная и другие утверждают, что турецкое правительство разрешило образование политических партий, в том числе ДП, исходя из внешнеполитических соображений — выглядеть более или менее «демократично» после поражения фашистских режимов и вступления Турции в Организацию Объединенных Наций[42].

Т. Туная пишет, что правительство разрешило ДП в то время, когда с окончанием второй мировой войны и созданием ООН возникла необходимость расширения рамок демократии[43]. Ф. Люилиэ также пишет, что «великие либеральные обещания, опубликованные в Сан-Франциско, вдохновили политическую реакцию, чреватую после смерти Ататюрка: дебаты во время ратификации хартии... дали повод Баяру и Мендересу объявить о свободном режиме»[44]. К. Карпат указывает, что турецкое правительство было озабочено тем, что трудно будет принять участие в конференции Сан-Франциско из-за реакционного режима в стране, что во избежание непри-

---

[39] T. Z. Tunaya, ayni, eser, s. 647.

[40] A. Tuncer, ayni eser, s. 9.

[41] „Monde", 1960, 29—30 mai.

[42] S. Parsadan, C. Hunca ve I. Göktürk, ayni eser, s. 37; K. H. Karpat, ibid, p. 137; T. Z. Tunaya, ayni eser, s. 647; „The Middle East 1961", p. 332.

[43] T. Z. Tunaya, ayni eser, s. 647.

[44] F. L'Huillier, Le Moyen-Orient contemporain 1946—1958, p. 178.

ятностей оно дало указание своей делегации заявить конференции о либерализации режима[45].

Находятся, однако, авторы, которые объясняют образование ДП широким недовольством, возникшим в стране из-за отрицательных последствий однопартийной системы правления в экономической и политической жизни страны. К этим авторам относятся составители «Энциклопедического политического словаря» и Э. З. Карал[46].

Сама ДП следующим образом формулирует свои задачи: «Демократическая партия, верящая в необходимость руководства нашей политической жизнью с помощью партий, уважающих друг друга, создана с целью еще более широкого проведения демократизации Турецкой республики и развития общей политики на основе демократических взглядов и идеологии»[47].

Причиной, заставившей НРП допустить оформление новых буржуазных партий, в частности демократической, являлось стремление преодолеть обострившийся внутриполитический кризис и кризис в правящих верхах псевдодемократическими уступками, упрочить власть господствующих кругов, подавить подлинно демократическое движение трудящихся масс. Как впоследствии признавал сам Инёню, для подавления возмущения народа «демократическая партия сделала больше, чем осадное положение»[48]. Касаясь этого вопроса, турецкий коммунист С. Устюнгель пишет: «Когда почва стала уходить из-под ног народно-республиканской партии, а от авторитета Инёню не осталось и следа, буржуазия стала сколачивать новые партии, одну реакционнее другой. Это делалось для того, чтобы предотвратить окончательное банкротство реакционных правящих кругов, помочь им сманеврировать. Баяр и К° создали тогда так называемую демократическую партию»[49].

Образование ДП свидетельствовало о том, что турецкая буржуазия перестала быть однородным классом, что она уже расслоилась со своими противоречивыми интересами.

Ее появление на политической арене было встречено с радостью оппозиционной буржуазией, торговыми кругами и крупными помещиками, особенно в западных районах страны, сравнительно больше развитых в капиталистическом от-

---

[45] K. H. Karpat, ibid, p. 141.

[46] „Ansiklopedik politika sözlüğü", s. 96; E. Z. Karal, aynı eser, s. 218.

[47] T. Z. Tunaya, aynı eser, s. 662.

[48] «За прочный мир, за народную демократию», 13 октября 1950 г.

[49] С. Устюнгель, В тюрьме и на «воле», стр. 33.

ношении. Т. Фейзиоглу пишет, что ДП «развивалась очень быстро, в особенности на западе страны»[50]. «Монд» также отмечает эту деталь: «Демократическая оппозиция очень быстро нашла общий язык с желаниями городской буржуазии, земельной аристократии, средиземноморской интеллигенции, одним словом — со всеми классами, желающими стряхнуть анатолийскую опеку, навязанную основателями современной Турции»[51].

В этих условиях лидеры ДП энергично взялись за организацию первичных ячеек. В партию в первую очередь вступали бизнесмены от политики, банкиры и промышленники, торговцы и купцы, подрядчики и инженеры, врачи и журналисты, помещики и кулаки, адвокаты и судьи, коммерсанты и лавочники, преподаватели университетов и другие. К ней же примкнуло множество разных политиканов и карьеристов, стремящихся в личных целях использовать любую оппозицию. В ДП вступали также рабочие и крестьяне, ремесленники и мелкие служащие, малоискушенные в вопросах межпартийной борьбы буржуазных партий, поверившие в ее социальную демагогию и обещание спасти от всех социальных бед. Наконец, в ряды ДП вошли представители национальных меньшинств, поверившие, что с приходом ее к власти им будут предоставлены права наравне с турками. Как видим, классовый состав этой партии оказался весьма разношерстным, члены ее принадлежали к разным классовым, религиозным, национальным и другим категориям. Руководство же прочно захватили представители крупной буржуазии и помещиков. Об этом красноречиво свидетельствовал список кандидатов в депутаты на досрочных выборах в меджлис 1946 г. Список этот пестрел воротилами бизнеса и торговли, крупными дельцами и представителями земельной аристократии. В числе 243 кандидатов в депутаты от ДП были 7 банкиров, 42 помещика и кулака, 39 коммерсантов, 2 губернатора, 15 генералов и офицеров, 52 адвоката, 40 врачей, 14 инженеров-подрядчиков, 6 профессоров, 5 фармацевтов, 8 журналистов (главным образом владельцев газет) и 13 учителей[52].

28 июля 1946 г. состоялись прямые выборы в меджлис. Правящая партия, полиция и жандармерия оказывали грубый нажим на избирателей[53], что дало повод ДП объявить выборы в меджлис незаконными[54]. Недовольство правлением НРП

---

[50] „Revue française...", ibid, p. 141.

[51] „Monde", 1960, 29—30 mai.

[52] А. Ф. Миллер, Очерки новейшей истории Турции, стр. 221.

[53] A. Tuncer, ayni eser, s. 45.

[54] E. Bisbee, The New Turks, p. 227; „Ansiklopedik politika sözlüğü", s. 96.

было настолько сильным, что ДП удалось получить 61 депутатское место[55]. И это было заработано за полгода оппозиционной деятельности. НРП потерпела поражение в таких важных вилайетах, как Стамбульский и Измирский, то есть там, где ДП с первого дня своего оформления имела прочную опору. В Стамбуле она получила 18 из 23 депутатских мест, в Анкаре победа ее была безраздельной. Выборы в меджлис показали серьезное ослабление позиций НРП, стоявшей у власти 23 года, и до конца обнажили недовольство, царившее в стране.

Лидеры НРП отдавали себе отчет в том, что шаткое положение их партии и правительства наносит огромный ущерб всей буржуазно-помещичьей системе правления. Чтобы преодолеть надвигавшийся внутриполитический кризис, они решили заручиться поддержкой Соединенных Штатов Америки. Ставка на США была не случайной.

Еще в 1939 г. между Англией и Турцией был заключен договор о «дружбе» сроком на десять лет. Несмотря на то, что в период войны Турция нарушала этот договор, последний оставался в силе. Англия вышла из войны с сильно подорванными позициями, и поэтому она уже не годилась для роли «спасителя» и правящие круги Турции не решились прибегнуть к ее помощи. Франция, с которой Турция также имела договор о «дружбе», находилась в более тяжелом положении, нежели Англия, а разгром Италии и Германии лишил Турцию последней надежды найти опору в Европе.

США еще в конце 1941 г. распространили на Турцию закон о ленд-лизе, несмотря на то, что последняя не только не находилась в состоянии войны с Германией, но даже всемерно помогала ей. Ориентация на США окончательно определилась тогда, когда было уже ясно, что Советский Союз разгромит Германию. В 1943 г. в Каире состоялась встреча между президентами США и Турции, положившая начало американо-турецкому «сближению». США вышли из войны более сильными и богатыми, чем капиталистические страны—участницы антифашистской коалиции, и даже сильнее, чем все капиталистические страны, вместе взятые. Это обстоятельство укрепило уверенность правителей Турции в том, что США в состоянии оказать им помощь. После войны «экономический, а вслед за ним политический и военный центр империализма переместился из Европы в США»[56]. Туда же переместился центр мировой реакции. США стали мировым жандармом, душителем освободительной борьбы народов ко-

---

[55] T. Z. Tunaya, ayni eser, s. 657.

[56] «Программа КПСС», 1961, стр. 31.

лониальных и зависимых стран. Монополистическая буржуазия США явилась главным оплотом международной реакции, взявшей на себя роль «спасителя» загнивающего капитализма[57]. Все это полностью соответствовало интересам турецкой реакции, рассчитывавшей при помощи американских империалистов усилить свои позиции и покончить внутри страны с движением за демократию и свободу. Не менее важной причиной ориентации Турции на США явилась ее экономическая заинтересованность. Правящие круги Турции рассчитывали при помощи США преодолеть экономические трудности и сохранить уровень своих доходов. Таким образом, национальные интересы Турции приносились в жертву узкоклассовым интересам правящих кругов страны.

Известно, что в прошлом, кроме периода от провозглашения республики до середины 30-х годов, Турция ориентировалась на Францию, Англию, в первой мировой войне—на кайзеровскую Германию, в период второй мировой войны—на фашистскую Германию. Изменяя национальным интересам страны, правители Турции всегда шли на подчинение самой сильной, самой реакционной и агрессивной державе и поэтому в нынешней ее ориентации на США нет ничего случайного.

В начале марта 1947 г. правительство Турции официально обратилось к США с просьбой о помощи[58]. Заокеанские империалисты, намного усилившие после второй мировой войны свою экономическую, политическую, идеологическую и военную экспансию во всем капиталистическом мире, охотно согласились предоставить «помощь» Турции. Две причины определили характер этой «помощи»: во-первых, особая заинтересованность США в тех капиталистических странах, которые граничат с Советским Союзом, и, во-вторых, интерес к природным богатствам Турции, как выгодной сфере приложения капиталов и экспорта товаров. Под флагом «помощи», указывается в «Программе КПСС», империалисты пытаются удержать старые и захватить новые позиции, расширить свою социальную опору, перетянуть на свою сторону национальную буржуазию, насадить военно-деспотический режим, поставить у власти послушных марионеток[59]. Эта характеристика целей империалистической «помощи» полностью относится к американо-турецким отношениям послевоенного периода. Следует также подчеркнуть, что агрессивные планы американской военщины, направленные против мировой социалистической системы, с самого начала соответствовали собственным за-

---

[57] Там же.

[58] „Ulus", 1947, 19 mart.

[59] См. «Программа КПСС», стр. 46.

хватническим целям и вожделениям турецкой реакции. Классовые интересы обеих стран, преследующие одни и те же цели, явились основой послевоенного «сотрудничества».

12 марта 1947 г. президент США Трумэн обратился к конгрессу с посланием о предоставлении военной «помощи» Греции и Турции. В послании ясно говорилось, что США намерены оказать всемерную помощь этим странам в борьбе против «коммунистической угрозы».

В. И. Ленин отмечал: «Когда дело касается до классовых прибылей, буржуазия продает родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими угодно чужеземцами»[60]. Данная характеристика как нельзя лучше вскрывает тактику турецкой буржуазии сразу после окончания войны. Это был период, когда «по мере нарастания противоречий между трудящимися и имущими классами и обострения классовой борьбы внутри страны национальная буржуазия проявляет все большую склонность к соглашательству с империализмом и внутренней реакцией»[61].

После провозглашения «доктрины Трумэна» с еще большей силой развернулась межпартийная борьба в Турции. И НРП, и ДП всячески старались заполучить поддержку правящих кругов США: первая — для сохранения власти, вторая — ради прихода к власти. Лидеры ДП на все лады восхваляли «щедрость» США в предоставлении военной «помощи» Турции. «США по достоинству оценили значение турецкого народа,—заявил Баяр, — как важнейшего фактора на Ближнем Востоке и, следовательно, во всем мире. Мы встречаем предложения Трумэна с большим удовлетворением и благодарностью»[62].

Демократическая партия развернула широкую оппозиционную деятельность против НРП: устраивала публичные собрания, митинги, бурные парламентские дебаты. Очень часто депутаты от ДП покидали зал заседаний меджлиса, а также бойкотировали местные выборы. Для привлечения населения на свою сторону они подвергали критике любое мероприятие правительства в области внутренней политики и в самых мрачных красках выставляли и без того тяжелое положение страны. Лидеры «демократов» требовали прекращения произвола властей, отмены антиконституционных законов, поднятия роли меджлиса во внутриполитической жизни, улучшения жизненного уровня рабочих и крестьян, снижения цен на товары первой необходимости, предоставления рабочим

---

60 В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 10.
61 См. «Программа КПСС», стр. 47.
62 „Vatan", 1947, 14 mart.

права на забастовку, расширения прав печати и привлечения иностранного капитала. Атаки оппозиции особенно подкреплялись, когда затрагивались такие вопросы, как состояние просвещения и здравоохранения, коррупция и продажность государственного аппарата, превышение полномочий исполнительной власти и сращивание партийного аппарата с государством. Оппозиция обвиняла правительство в забвении принципов Ататюрка и поднимала много шума по поводу своей приверженности к его личности и принципам. На этом она спекулировала, чтобы приобрести поддержку тех людей, которые высоко ставили Ататюрка. Оппозиция выступала также за невмешательство президента республики в межпартийные дела, улучшение избирательного права, требовала тайных выборов и надпартийности административных органов[63].

Баяр и Мендерес поддерживали внешнюю политику правительства, в особенности враждебный курс в отношении Советского Союза, одобряли репрессии против компартии, рабочих и других прогрессивных организаций. Разумеется, оппозиционная деятельность ДП была направлена лишь к завоеванию власти, а не к искоренению социальных бед. Не случайно В. И. Ленин указывал, что буржуазные партии «в парламентах только болтают со специальной целью надувать «простонародье»[64]. Вспышки ярости, резкость критики и «бунтарство» депутатов от ДП в меджлисе преследовали именно эту цель.

16 февраля 1950 г. был принят новый избирательный закон № 5545[65], согласно которому выборы в меджлис впредь должны были проходить по мажоритарной системе. После принятия закона началась предвыборная борьба между двумя ведущими буржуазными партиями. Лидеры ДП на предвыборных собраниях давали щедрые обещания — провести массовое переселение безземельных крестьян Черноморского побережья на плодородные земли между реками Кызыл-Ирмак и Ешил-Ирмак, придерживаться политики мира и дружбы со всеми странами.

Демократическая партия обещала ликвидировать безработицу, сократить налоги, ввести в оборот банковские вклады, привлечь иностранный капитал, осуществить крупные преобразования в области экономики и финансов, строгую экономию государственных средств, поскольку, заявил Баяр в одной из своих предвыборных речей, «деньги, расходуемые го-

---

[63] „Revue française...", ibid, p. 141.

[64] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 46.

[65] T. Z. Tunaya, ayni eser, s. 659.

сударством, являются народными средствами»[66]. ДП обещала также предоставить рабочим право на забастовку[67]. Лидеры ее остро критиковали правительство, имея в виду тяжелое экономическое положение страны, дефицит внешней торговли, рост государственных долгов и обесценение лиры. Они обещали прекратить произвол властей, обеспечить конституционные права граждан, провести амнистию политических заключенных, отделить должность президента республики от должности генерального председателя партии[68].

В своей предвыборной платформе оппозиция выдвигала и такие, казалось бы, маловажные пункты, как ничем не ограниченная свобода религиозного верования, чтение молитв на арабском языке, объявление пятницы выходным днем, возвращение к мусульманскому летосчислению и т. п. Лидеры ДП предприняли специальное предвыборное путешествие по стране. «Баяр, несмотря на свои шестьдесят шесть лет, порой пешком обходил деревни, районы и даже города и агитировал за свою партию»[69]. Касаясь предвыборной деятельности Мендереса, «Монд» писала: «Он без устали обходил деревни и районы, проповедуя политическую и экономическую свободу, обещая конец ограничениям, свободное предпринимательство против этатизма, основанного Ататюрком. Он говорил, что промышленность, торговля и в особенности сельское хозяйство должны развиваться стихийно, не надо никакого плана, никакой доктрины, важны только цифровые результаты»[70].

Список кандидатов в депутаты от ДП пестрел теми лицами, которые прочно восседали на ее партийном седле.

14 мая 1950 г. состоялись выборы в меджлис, прошедшие в условиях полицейского нажима. Жандармерия приводила к урнам группы избирателей и заставляла их голосовать в пользу НРП. Выборы не обошлись без массовых подлогов избирательных бюллетеней. В них приняло участие около 75% всех избирателей[71], остальные фактически бойкотировали выборы. Тем не менее правящая партия потерпела поражение. Инёню прошел в меджлис от Анкары и от вилайета Малатьи, где он также баллотировался[72]. Ни один член правительства, кроме

---

[66] O. Şahingiray, Celâl Bayar, 1946, 1950 ve 1954 yılları seçim kampanyasındakı söylev ve demecleri, s. 52.

[67] E. Bisbee, ibid, p. 107; S. Erdemir, Ismet Inönü muhalefette 1950—1956, s. 369.

[68] O. Şahingiray, aynı eser, s. 76.

[69] C. Kutay, Celâl Bayar, s. 94.

[70] „Monde", 1960, 29—30 mai.

[71] A. E. Yalman, ibid, p. 246.

[72] Согласно заявлению Мендереса, Инёню не был избран депутатом.

Шамсетдина Гюналтая, не был избран[73]. ДП получила 54,31% голосов, а НРП—41,05% голосов[74]. Однако благодаря мажоритарной системе в меджлисе ДП заимела 434 депутатских мандата против 51-го, доставшегося НРП. В одном только Стамбульском вилайете демократы завоевали 27 мест.

Победа ДП на выборах и ее приход к власти были разным образом истолкованы в Турции и за ее пределами. Так, например, С. Парсадан, Дж. Юнджа и И. Гёктюрк объясняют это тем, что ДП не ставила себе целью захват власти, а стремилась якобы направить нацию на путь полной свободы и демократии, а также многопартийной политической борьбы[75]. Ф. Язган и М. Сердарлар пишут: «С точки зрения развития демократии, выборы являются великой революцией в истории Республики»[76]. М. К. Су и К. Су также находят, что выборы эти являются «великим подтверждением развития нашей демократической жизни»[77]. Дж. Кутай считает, что они означают лишь «выигрыш турецкого народа против олигархии»[78]. Р. Мантран: «Успех ДП на выборах 1950 года — новый этап в истории Турецкой республики, которая превратилась в настоящую демократию, где народ имеет возможность высказывать свое мнение, где общественное мнение играет все большую роль»[79].

Некоторые органы западной печати победу ДП объясняли главным образом поддержкой крупной буржуазии. Бывший посол США в Турции Дж. Макги пишет: «Появление группы предпринимателей, готовых и способных пойти на экономический риск и взять на себя экономическую ответственность, в значительной степени содействовало приходу к власти в 1950 году демократической партии, на основе программы максимального поощрения свободного предпринимательства и иностранных капитальных вложений»[80]. Совершенно иную точку зрения высказал «Экономист», который писал: «В 1950 году демократы были неизвестной величиной; их призвали к власти не за то, что они что-то обещали, а потому, что турецкий

от Анкары, что было предметом длительного спора между ними. См. S. Erdemir, aynı eser, s. 119.

[73] «Вопросы экономики», 1950, № 7, стр. 100.

[74] „Seçim neticeleri üzerinde bir inceleme 1950, 1954, 1957 Milletvekili seçimleri", Tablo.

[75] S. Parsadan, C. Huncaveł. Göktürk, aynı eser, s. 51.

[76] F. Yazgan, M. Serdarlar, aynı eser, s. 170.

[77] M. K. Su, K. Su, aynı eser, s. 176.

[78] C. Kutay, aynı eser, s. 94.

[79] R. Mantran, Histoire de la Turquie, p. 126.

[80] „Foreign Affairs", 1954, july. p. 627.

избиратель решил насладиться новым ощущением, которое доставляет возможность прогнать людей от власти»[81]. Английский турколог Ф. Прайз приход к власти ДП характеризует как «олицетворение реакции на чрезмерный экономический контроль и «этатизм» со стороны популистского режима Ататюрка»[82]. Весьма оригинально объясняет «Перспектив» победу ДП. «Эта победа, — пишет он,—была неожиданностью как для победителей, так и для побежденных»[83].

Результаты выборов вызвали восторженные отклики в правящих кругах США. Так, сенатор Фулбрайт заявил, что выборы в меджлис явились чрезвычайно важным событием в жизни стран «свободного мира» и поворотным пунктом в истории Турции. Он считал, что с приходом к власти ДП в Турции установилась демократия, и никто впредь не сумеет обвинить ее в реакционности[84].

Высказывания турецких и других историков и органов печати не вскрывают подлинных причин победы ДП на выборах 1950 года. Эта победа не открыла никакой новой эпохи в истории страны и вообще не привела к расширению демократии.

Одной из главных причин победы ДП было недовольство и разочарование широких слоев турецкого народа долголетним правлением НРП, не сумевшей и не желавшей разрешить коренные социальные проблемы страны. Другая причина заключалась в том, что массы поверили в социальную демагогию ДП и надеялись, что она обеспечит экономический подъем, улучшение условий жизни и демократические свободы. Отсутствие легальных возможностей для компартии и других прогрессивных организаций не дало турецкому рядовому избирателю свободно выразить свою волю, и его голоса были фактически разделены двумя этими партиями. ДП пришла к власти при активной поддержке торговой и промышленной буржуазии и крупных помещиков, интересы которых она представляла и защищала. Определенную поддержку оказали ей правящие круги США, которые учитывали непопулярность НРП и считали, что не стоит будущее американских интересов ставить под сомнение, связав себя с НРП. К тому же руководство ДП обещало содействовать привлечению иностранного капитала и следовать за внешней политикой США, что отвечало интересам американских деловых кругов. Победа ДП соответствовала общим классовым

---

[81] „Economist", ibid, p. I.

[82] „Spectator", 1960, 2 december, p. 889.

[83] „Perspective", 1956, 10 mars, p. 3.

[84] „Ulus", 1950, 31 mayis.

интересам правящих классов страны — власть опять оказалась в руках турецкой буржуазии и помещиков. Тем самым была оправдана одна из целей образования новых буржуазных партий.

Основоположники марксизма разоблачали всю фальшь, которой прикрывается буржуазия, передавая власть от одной партии другой. «Олигархия увековечивает себя не только при помощи постоянного сохранения власти в одних руках,—писал Маркс,— но также и тем, что она попеременно выпускает власть из одной руки, чтобы подхватить ее тут же другой»[85]. То же самое произошло в мае 1950 г. в Турции. С приходом к власти ДП было положено начало двухпартийной системе правления, издавна практикуемой в Англии и США. В. И. Ленин отмечал, что система «двух партий» необычно выгодна для эксплуататоров[86], что посредством эффективных и бессодержательных дуэлей двух буржуазных партий правящие круги США обманывали народ и отвлекали от их насущных интересов[87].

В Турции двухпартийная система правления с самого начала приобрела такой же антинародный реакционный характер, как и в других странах капитализма.

Переход к двухпартийной системе свидетельствовал об определенном кризисе правящих верхов Турции, о том, что прежние методы правления изжили себя. После объявления итогов голосования меджлис избрал президентом республики Баяра, а председателем меджлиса — Коралтана. Мендересу было поручено сформирование правительства, в котором Кёпрюлю занял пост министра иностранных дел.

29 мая 1950 г. на заседании меджлиса Мендерес изложил программу правительства, в которой предусматривались такие мероприятия, как ликвидация безработицы, оздоровление экономики и финансов, снижение цен, установление справедливых налогов, право рабочих на организацию забастовок и свободных профсоюзов, свобода слова и печати, упрочение национальной независимости. В программе отмечалось также, что новое правительство будет добиваться расширения экономических, политических и культурных связей с США и привлечения иностранного капитала, установления дружественных отношений с соседними государствами и упрочения мира во всем мире. Вместе с тем Мендерес особо подчеркнул, что его правительство будет проводить в жизнь американо-турец-

---

85 К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. II, т. 11, стр. 372.
86 В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 68.
87 В. И. Ленин, Полн., собр. соч., т. 22, стр. 193.

кое соглашение, подписанное на основе «доктрины Трумэна», и осуществлять дальнейшую милитаризацию страны. В программе ясно говорилось, что правительство намерено принять строгие меры к подавлению демократического движения внутри страны. Что касается политики в области религии, то последняя не должна была использоваться как средство политической борьбы и пропаганды против других религий или «свободного мышления». Баяр заявил, что правительство ДП продолжит курс внешней политики бывшей правящей партии[88].

Глава II

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Одной из самых главных проблем для Турции оставался аграрный вопрос. Земельная проблема имела жизненно важное значение для самого многочисленного класса турецкого общества — крестьянства, как и для социально-экономического развития всей страны.

По данным сельскохозяйственной переписи 1952 г., в Турции насчитывалось около 2900 тыс. крестьянских семейств. Из них 403 тыс. семейств, или 13,7% всех крестьянских хозяйств, не имели земли, 773 тыс. семейств обрабатывали землю в размере от 0,1 га до 2 га и 797 тыс. — от 2,1 га до 5 га. Таким образом, на 1973 тыс. безземельных и малоземельных семейств, 67,3% из общего числа, приходилось 18,6% всей земельной площади. Крестьянские хозяйства, обрабатывавшие от 5,1 га до 10,0 га, составляли 18,9%. Мелкие и крупные помещики (2,6%) обрабатывали 32,6%, а 328 тыс. кулаков (11,2%)—28,1% земли[1].

Положение в сельском хозяйстве страны и аграрные отношения достигли такой остроты, что правящие верхи не могли отмахнуться от этой проблемы.

В 1950 г. наступил второй этап аграрной реформы, когда правительство НРП отказалось от отчуждения помещичьих земель. Новый земельный закон, принятый в марте 1950 г., по существу соответствовал программе ДП. Правительство начиная с мая 1950 г. и по 1959 г. выделило 333292 кресть-

---

[88] Вскоре Баяр ушел с поста председателя ЦК партии, чтобы подчеркнуть свою «нейтральность» в межпартийных вопросах. Но он остался членом ЦК. На его место был избран Мендерес, занявший руководящее положение в партии и правительстве.

[1] П. П. Моисеев, Аграрные отношения в современной Турции, стр. 33.

янским семьям 16813 тыс. денюмов земли[2]. В среднем каждая из них получила 5,4 денюма земли. Это мероприятие осуществлялось, главным образом, за счет пустующих государственных земель. Иначе говоря, правительство не тронуло крупные помещичьи и кулацкие владения и не освободило крестьян от оков феодально-помещичьей эксплуатации.

В 1950—1957 гг. увеличилось кредитование сельского хозяйства, что выразилось в сумме 1912 млн. лир[3].

Крестьянские хозяйства, наделенные землей в период 1950—1956 гг., получили 9746 тыс. лир кредита против 3080 тыс. лир, выделенных в связи с аналогичными мероприятиями в 1945—1950 гг.[4]. Большая часть сельскохозяйственного кредита досталась помещичьим и кулацким хозяйствам, составлявшим опору ДП в деревне.

Правительство Мендереса импортировало большое количество сельскохозяйственных машин. В 1959 г. в стране насчитывалось уже более 44000 тракторов и 5000 комбайнов против 3000 тракторов и комбайнов в 1950 г. Значительная их часть попала в руки помещиков и кулаков. Беднейшее же крестьянство обрабатывало землю примитивными способами.

В сельском хозяйстве происходило дальнейшее усиление капиталистических тенденций, не приведшее, однако, к значительным качественным изменениям.

В результате указанных выше мероприятий, общая площадь под зерновые, технические и другие культуры в 1959 г. составила 23164 тыс. га против 14542 тыс. га в 1950 г.[5]. Увеличился валовый сбор всех сельскохозяйственных культур. Так, например, в 1959 г. урожайность зерновых культур составила 14250 тыс. т против 7769 тыс. т 1950 г.[6]. Начиная с 1954 г. Турция импортировала большое количество пшеницы и других зерновых культур за счет американской «помощи». К 1960 г. она все еще оставалась сельскохозяйственной страной со слаборазвитой промышленностью. Удельный вес продукции сельского хозяйства составлял больше половины всего национального производства.

В период правления ДП значительно расширил свою деятельность турецкий частный капитал, принимавший активное участие в строительстве промышленных объектов, в том числе государственных. Правительство Мендереса разработало план строительства сахарных, цементных, текстильных предприятий, гидроэлектростанций, теплоцентралей и т. д.

---

2 Один денюм равен почти 1 га.

3 „Türkiye nasıl ilerliyor", 1950—1957, s. 5.

4 Там же.

5 „1960 yılının denk, yapıcı ve örnek bütcesi", s. 7.

6 Там же.

В 1951 г. была основана Всетурецкая компания сахарных заводов с участием государственного и частного капитала. На строительство этих предприятий было ассигновано 440,7 млн. лир. Новые сахарные заводы вступили в эксплуатацию в Эрзруме, Эрзинджане, Малатье, Амасье, Кайсери, Адане, Мерсине, Анкаре, Адапазаре, Кастамону и Кьютахье. В 1959 г. производство сахара составило 500 тыс. т против 137 тыс. т в 1950 г.

Программа правительства предусматривала строительство более двадцати цементных заводов. В 1953 г. была основана Всетурецкая компания цементной промышленности, в которой, наряду с государственным капиталом, принял участие и частный капитал. Цементные заводы были построены в Измире, Анкаре, Тарсусе, Эскишехире, Адане, Афьоне, Чоруме, Балыкесире, Пинархисаре, Элязиге, Кайсери, Диарбекире, Мараше, Ване, Эрзруме и Мардине. С вводом в эксплуатацию новых и реконструированных старых предприятий производство цемента в 1959 г. составило 1963 тыс. т и превысило в пять раз уровень 1950 г. Общие ассигнования на расширение этой отрасли составили более 500 млн. лир[7].

Увеличилось также количество предприятий текстильной промышленности. Новые капиталовложения составили 1768 млн. лир, из коих 1370 млн. лир принадлежали частному капиталу, построившему текстильные комбинаты в Балыкесире, Айдыне и Пергаме. Предприятия текстильной промышленности создавались также в Манисе, Анталье, Эскишехире, Мараше, Карамане и других городах. Подвергались реконструкции и расширяли производство государственные текстильные комбинаты в Кайсери, Назилли, Эрегли, Бакыркее, Анталье и Адане. К концу 1959 г. производство текстильных тканей составило 785 млн. м, т. е. увеличилось в три раза по сравнению с 1950 г.[8]. На долю частного капитала приходилось 70% всех веретен и 80% всей продукции текстильной промышленности.

В период правления ДП было введено в эксплуатацию несколько крупных гидроэлектростанций и теплоцентралей. Расходы на их строительство составили 1640 млн. лир включая иностранные займы. В 1959 г. производство электроэнергии составило 2550 млн. квт/ч и превысило в три раза уровень 1950 г.

Значительные сдвиги произошли в добыче угля, хромовой руды, железа и меди, в производстве стали, кокса, бумаги, целлюлозы и т. д.

---

[7] „1960 yılının...", s. 8.

[8] „1960 yılının...", s. 9.

Как видим, вложения частного и государственного капитала менее всего коснулись металлургической и машиностроительной промышленности. Они в основном направлялись в те отрасли производства, которые требовали меньше расходов и приносили больше прибыли.

За период правления ДП соотношение между государственным и частным секторами в промышленности изменилось в пользу последнего. По нашим подсчетам, ему принадлежали почти две трети всей продукции фабрично-заводской промышленности.

Правительство Мендереса осуществило ряд мероприятий по привлечению иностранного монополистического капитала в экономику страны.

1 августа 1951 г. меджлис принял закон о поощрении иностранного капитала, согласно которому последний получал свободный доступ в энергетическую промышленность, в связь, в общественные и туристические организации. Закон разрешил капиталовложения в строительство новых, в расширение и реконструкцию старых промышленных предприятий. Иностранный капитал мог вкладываться валютой, а также в форме строительного и машинного оборудования и стоимости фабрично-торговых марок и патентов. На особенно льготных условиях предусматривался ввоз строительных материалов, главным образом для предприятий, работающих на экспорт. Закон предоставил право министру финансов гарантировать долгосрочные иностранные займы турецким фирмам в пределах 1 млрд. лир. По истечении пятилетнего срока после инвестиции иностранный капитал получал право на перевод вложений за границу в той валюте, в какой они первоначально исчислялись.

Иностранные фирмы могли переводить свои прибыли за границу в размере не более 10% вложенного капитала[9].

Закон намного расширил и облегчил возможности для свободной деятельности иностранного капитала в Турции. Некоторые ограничения предусматривали последние два пункта. В целом проникновение иностранного капитала в Турцию после принятия указанного закона усилилось по сравнению с прошлым периодом относительно. Так, например, число американских компаний и фирм, действовавших в 1953 г. в Турции, составило 180, а сумма вложенного капитала — 33 млн. долларов.

Тем не менее закон не полностью удовлетворил требования иностранного капитала. Не случайно бывший посол США в Анкаре Дж. Макги писал, что «закон 1951 г. не соз-

---

[9] R. Cenani, „Foreign Capital Investments in Turkey", p. 17—22.

дает надлежащих стимулов для иностранных вкладчиков капитала»[10].

18 января 1954 г. меджлис принял новый закон о поощрении иностранного капитала, согласно которому прямые иностранные капиталовложения ничем уже не ограничивались. Они могли быть также реинвестированы. Закон разрешил перевод за границу иностранного капитала в валюте по существующему курсу и прибыль — в неограниченном размере. Иностранный капитал гарантировался от обесценения денег. Новый закон приравнивал все права турецкого государственного и частного капитала с иностранным, что с нескрываемым удовлетворением было принято монополистическими кругами западных стран. Дж. Макги писал, что этот закон — один «из самых либеральных законов об иностранных капиталовложениях».

Принятие закона привело к дальнейшему расширению экспансии иностранных монополий в Турцию. В период 1951—1958 гг. прямые иностранные капиталовложения составили номинально 216,6 млн. лир, а совместные инвестиции иностранного и турецкого капиталов — 288,8 млн. лир[11].

Почти половина иностранных капиталовложений приходилась на долю американских монополий.

Монополии западных стран свою экспансию осуществляли посредством прямых и косвенных инвестиций, создания смешанных акционерных обществ с турецким государственным и частным капиталом, заказов на строительство промышленных и других предприятий. Вложения этих стран в основном охватывали производство цемента, химикалий, жиров, лекарств, фруктовых соков, пряжи, серной кислоты, минеральных удобрений, тракторов и грузовиков, бумаги, электроэнергии, электротехнических средств и другие отрасли промышленности. Часть иностранных вложений правительство направило на капитальное строительство. Был построен ряд промышленных предприятий: завод сельскохозяйственного машиностроения близ Анкары («Миннеаполис Молин тюрк А. Ш.»), фабрика по производству бумаги в Измите («Парсонс Витманн» и «Эгейское общество бумажной промышленности»), фабрика по производству полотна («Парутек трейдинг аджензи и турецкие предприниматели Дилбер и Шованн»), завод минеральных удобрений в Александретте («Фортилайзер корпорейшн оф Америка» и «Гюбре фабрикалары тюрк А. Ш.») и другие.

Значительно усилили свою экспансию в Турцию английские, французские, итальянские и особенно западногерманские

---

[10] „Foreign Affairs", ibid, p. 627.

[11] „Ekonomi gazetesi", 1958, 7 şubat.

монополии. После американского капитала они занимали второе место как по количеству различных фирм и компаний, так и по сумме вложенного капитала. Иностранный капитал осуществлял свою экспансию также через Банк промышленного развития Турции.

Следующим мероприятием турецкого правительства в области поощрения иностранного капитала явилось принятие закона о нефти от 7 марта 1954 г. По этому закону правительство получило право на сдачу нефтяных концессий местным и иностранным компаниям сроком на 40 лет с последующим продлением его, в случае повторных заявок, еще на 20 лет. До принятия этого закона нефтеразведочными работами и добычей нефти занимался государственный капитал Турции. Теперь иностранные концессионеры обязывались выплатить Турции 12,5% стоимости добытой нефти за аренду и эксплуатацию нефтяного участка. Прибыль от нефти подлежала распределению поровну между правительством и концессионерами, но только после возмещения расходов. Согласно закону, на территории Турции были выделены девять нефтеносных районов — побережье Эгейского моря, побережье Мраморного моря, Анкара, Адана, Анталья, Диарбекир, Сиирд, Сивас и Эрзрум со своими окрестностями. Кроме последних двух, остальные районы были объявлены открытыми для изыскательских работ. Закон о нефти вступил в силу 6 мая 1954 г. и в тот же день «Сокони вакуум ойл» получила первую концессию на нефтеразведочные работы. Впоследствии концессии получили «Стандарт-ойл оф Нью-Джерси», «Калифорния-Техас ойл», «Ройалл-датч Шелл», «Дёйче Эрдол» и другие иностранные монополии. К осени 1957 г. правительство выдало 188 разрешений на проведение геологоразведочных работ на территории общей площадью 8724560 га[12]. К этому времени капиталовложения иностранных и местных монополий составили 42 млн. лир[13].

В целом иностранный капитал слабо проникал в экономику Турции. Основными причинами этого были узость внутреннего рынка и низкий процент извлекаемой прибыли.

Строительство новых и реконструкция старых предприятий, рост валовой продукции промышленности и сельского хозяйства не изменили слаборазвитый характер экономики Турции. Более того, страна переживала серьезные финансовые и экономические трудности.

Начиная с 12 июля 1947 г., когда между США и Турцией было заключено первое соглашение о военной «помощи» на основе «доктрины Трумэна», между правительствами обеих

---

[12] „Ekonomi gazetesi", 1957, 1 ekim.

[13] „Ekonomi gazetesi", 1957, 25 ekim.

стран была подписана целая серия соглашений, касавшихся практического осуществления американской военной, экономической, технической и иной «помощи» Турции. Одновременно США вовлекли Турцию в агрессивные военные блоки: Северо-Атлантический (февраль 1952 г.), СЕНТО (бывший Багдадский пакт, февраль 1955 г.) и заключили с ней двустороннее военное соглашение (5 марта 1959 г.), в рамках которых осуществлялась усиленная милитаризация страны.

Американская военная и экономическая «помощь» Турции подразделяется на следующие виды: безвозмездные дары, займы, кредиты, техническая «помощь» и «помощь» сельскохозяйственными излишками.

В турецкой и американской печати, в выступлениях экономистов и государственных деятелей очень часто приводились данные об американской «помощи». Но эти данные не всегда соответствовали друг другу. Поэтому мы взяли наиболее точные, на наш взгляд, и последние данные.

По данным «Нью-Йорк таймс», официальная военная «помощь» США Турции с 1 июля 1945 г. по 30 июня 1960 г. составила 1924700000 долл., или около 7% всей суммы военной «помощи» США, предоставленной иностранным государствам[14]. В августе 1960 г. посол США в Турции Ф. Уоррен сделал специальное заявление об американской «помощи» Турции. Согласно его данным, общая сумма «помощи» за 12 лет, начиная с 1948 г., составила: 1878300 тыс. долл. военной «помощи» в виде дара, 628000 тыс. долл. экономической «помощи» в виде дара, 150000 тыс. долл. в кредит, 29214 тыс. долл. технической «помощи» и 200 000 тыс. долл. сельскохозяйственными товарами[15].

Турция получила также «помощь» и займы от Международного банка реконструкции и развития (МБРР), Экспортно-импортного банка (ЭИБ) и Международного валютного фонда (МВФ), находящихся под влиянием США и являющихся рычагами проведения их захватнической политики за рубежом. По данным на ноябрь 1957 г., Турция получила от МВФ беспроцентных кредитов на сумму 48,5 млн. долл. и 21,5 млн. долл. «на определенных условиях»[16]. Займы и кредиты МБРР и ЭИБ к 1 июля 1959 г. составили соответственно 58,5 млн. долл. и 24,2 млн. долл. Таким образом, общая американская «помощь» Турции в период 1945—1960 гг. составила 3.084.614.000 долл.

Очень важно отметить, что более половины американской

---

[14] „New York Times", 1961, 21 may.

[15] „Akşam", 1960, 25 agustos.

[16] „Yeni gün", 1958, 8 mart.

экономической и технической «помощи», а также «помощи» от различных международных банковских и финансовых корпораций шло на строительство шоссейных и железных дорог, аэродромов и портов, имеющих стратегическое значение, и поэтому ее следует рассматривать как часть военной «помощи».

Военная, экономическая и техническая «помощь» сама по себе свидетельствовала о том, какое важное значение придавал американский империализм превращению Турции в свой плацдарм.

Придя к власти, ДП начала проводить политику усиленной милитаризации страны. В результате Турция была превращена в плацдарм американского империализма на Ближнем и Среднем Востоке. Правительство Мендереса ежегодно ассигновывало огромные суммы из государственного бюджета. Составить полную картину всех военных расходов почти невозможно, так как они в завуалированном виде производились через различные министерства и ведомства. Эти расходы отнюдь не ограничивались прямыми расходами по линии министерства национальной обороны. Следует учесть также расходы на вспомогательные вооруженные силы (органы безопасности, полицию и жандармерию), косвенные военные расходы (погашение и уплату процентов государственного долга, пенсии и пособия бывшим военнослужащим и их семьям) и скрытые военные расходы (строительство шоссейных и железных дорог, портов и аэродромов, имеющих военное значение, но осуществлявшееся по линии других министерств). По данным турецкой официальной статистики, прямые военные расходы министерства национальной обороны в период 1946—1960 гг. составили 11,283 млн. лир[17]. Согласно сведениям министра финансов Х. Полаткана, в 1960/61 финансовом году на прямые военные расходы было ассигновано 1468 млн. лир — на 9,7% больше, чем в предыдущем году, и на 182% больше, чем в 1950 г.[18]. В том же финансовом году на общие военные расходы было ассигновано почти 3 млрд. лир. Когда в 1957 г. прямые военные расходы Турции составляли 26,3% всего государственного бюджета, она занимала четвертое место в мире после США (62,6%), Канады (32,8%) и Франции (26,5%)[19]. За последующие годы эти расходы поглотили более 30% государственного бюджета, и Турция заняла в системе НАТО второе место после США. За этот же период расходы ее на вспомогательные вооруженные силы и

---

[17] Сумма прямых и других военных расходов Турции подсчитана по данным „T. C. Resmi gazete" за соответствующие годы.

[18] 1960 yılının ... s. 6.

[19] „Monde", 1959, 19 mai.

косвенные цели составили более 5,5 млрд. лир. Таким образом, в период 1946—1960 гг. прямые и косвенные военные расходы и расходы на вспомогательные вооруженные силы составили около 17 млрд. лир. Если учесть и скрытые военные расходы, то выходит, что в изучаемый период около 60% государственного бюджета — свыше 25 млрд. лир направлялись на военные цели. Эта сумма намного превышала расходы на мирные отрасли экономики, просвещение и здравоохранение, вместе взятые.

Изучение доступных данных показывает, что в период правления ДП военные расходы Турции постоянно увеличивались.

Достаточно отметить, что прямые военные расходы ежегодно поглощали около 10%, а общие — 20% национального дохода страны, что значительно превышает соответствующие данные развитых капиталистических стран[20].

Сопоставление общих военных расходов Турции с американской военной, экономической и технической «помощью» показывает, что правительство ДП израсходовало на милитаризацию страны почти в три раза больше, чем вся эта американская «помощь». Наши подсчеты одновременно свидетельствуют о том, что США основное бремя военных расходов взвалили на Турцию.

Огромные военные расходы Турции всегда вызывали одобрение американской военщины, чей рупор журнал «Юнайтед стейтс ньюс энд уорлд рипорт» писал: «Здесь (т. е. в Турции. — *Р. К.*) никто не говорит о сокращении военных ассигнований или уменьшении вооружений»[21].

Государственный бюджет Турции в период правления ДП смело можно назвать бюджетом гонки вооружений и «холодной войны», рассчитанным на милитаризацию страны. В истории Турции не было правительства, которое так разбазаривало бы государственные средства, как правительство ДП.

Непомерные военные расходы нанесли огромный ущерб финансам и экономике Турции прежде всего потому, что политика милитаризации вызывает наиболее отрицательные последствия в слаборазвитых странах.

Милитаризация в Турции осуществлялась на основе слаборазвитой экономики при отсутствии крупной военной промышленности, способной производить новейшие виды оружий. По этой причине военные расходы не могли служить здесь временным стимулирующим фактором расширения производ-

---

[20] О сумме национального дохода см. стр. 56.

[21] „United States News and World Report", 1954, 13 august, p. 38.

ства. К тому же Турция импортировала большое количество оружия, и часть ее военных расходов оседала в сейфах военно-промышленных монополий США и других западных стран. Военные расходы Турции сокращали возможности финансирования промышленности госсектора. В то же время под удар ставилось финансирование частной промышленности. Между тем турецкая буржуазия еще не так сильна, чтобы без поддержки госбюджета обеспечить расширенное воспроизводство и те прибыли, которые она могла получить из других сфер экономики.

Турция держала под ружьем одну дивизию на миллион населения. Стало быть, значительное число людей было переведено из сферы производства в сферу потребления.

Одной из важных причин отрицательных последствий гонки вооружений явилось то, что экономика Турции, не преодолев последствий непроизводительных и непомерных военных расходов периода второй мировой войны, после окончания войны сразу же вступила в новый и более тяжелый этап милитаризации страны. Таким образом, политика милитаризации продолжалась почти четверть века и притом без всякой передышки.

Чрезмерный рост прямых, косвенных и всякого рода скрытых военных расходов привел к разбуханию расходной части государственного бюджета. Если к началу правления ДП она составляла 1423 млн. лир, то проект бюджета на 1960/61 финансовый год предусматривал ее в сумме 7,2 млрд. лир[22], то есть в пять раз больше, чем в 1950 г. При изучении структуры расходной части бюджета за вышеуказанные годы бросается в глаза, что ее разбухание начинается сразу же после прихода к власти ДП и вступления страны в НАТО и СЕНТО.

Рост военных расходов привел к постоянному дефициту бюджета. Последний достиг наибольшей суммы в 1955/56 финансовом году — 547 млн. лир, что в 16 раз превышало сумму дефицита 1950 года.

В период 1958—1960 гг. правительство Мендереса представляло на обсуждение меджлиса проекты сбалансированного бюджета. В дальнейшем итоги его практического выполнения показывали, что расходная часть всегда превышала сумму государственных доходов. Так, по данным печати, дефицит бюджета на 1960/61 финансовый год намечался в сумме 500 млн. лир[23]. В целом за все время правления ДП бюджет Турции сводился с хроническим дефицитом. Согласно за-

---

[22] „Ulus", 1959, 18 aralık.

[23] „Ulus", 1960, 9 şubat. См. об этом также заявление министра финансов в правительстве Гюрселя Э. Алиджана. „Ulus", 1960, 18 haziran.

явлению Э. Алиджана, общий дефицит за это время составил 2141 млн. лир[24].

Военные расходы явились причиной увеличения государственных долгов Турции (внешнего и внутреннего). В целях милитаризации приходилось все чаще обращаться к внешним и внутренним займам. По заявлению министра финансов в правительстве Мендереса Полаткана, государственные долги на 31 октября 1959 г. составили 4894 млн. лир. Такая сумма получалась по старому курсу: один доллар—2,8 лиры. Если же подсчитать эту сумму по новому курсу (один доллар—9,2 лиры), то она составит 7925 млн. лир[25].

Оппозиционные партии и газеты не раз отмечали, что государственные долги Турции составляют более крупную сумму, нежели официальные данные, что при подсчете правительство прибегает к явной фальсификации. Депутат меджлиса от НРП Ф. Мелен, выступая в прениях по проекту бюджета на 1960/61 финансовый год, заявил, что внутренний государственный долг составляет 7219, а внешний—12475 млн. лир[26]. Согласно его подсчетам, в 1950 г. государственные долги составляли 26,7 всего национального дохода, а в 1959 г.—55%[27]. «Миллиет» сообщала также, что внешний государственный долг страны в 1960 г. составил около 13 млрд. лир[28]. После свержения правительства Мендереса выяснилось, что сумма государственных долгов намного превосходит все прежние официальные данные. Например, по данным Э. Алиджана, внешний долг Турции на 27 мая 1960 г. составил 12191 млн. лир[29] против 775 млн. лир в 1950 г.[30].

В период правления ДП внешняя задолженность Турции возросла в абсолютных цифрах более чем в 15 раз. По данным Ш. Инана, государственного министра в правительстве Гюрселя, общая сумма долгов на то же время составила 18959 млн. лир[31]. По его подсчетам, в период 1960—1965 гг. Турция должна была выплатить в счет погашения внешних долгов ежегодно по 1 млрд. лир. Другими словами, на погашение только внешних долгов в 1960/61 финансовом году предстояло выделить около 15% всей расходной части бюджета, вместо 271,3 млн. лир, предусмотренных правитель-

---

[24] „Ulus", 1960, 18 haziran.
[25] „Ulus", 1959, 18 aralık.
[26] „Ulus", 1960, 20 şubat.
[27] Там же.
[28] „Milliyet", 1960, 2 nisan.
[29] „Ulus", 1960, 18 haziran.
[30] „Ulus", 1957, 17 haziran.
[31] „Ulus", 1960, 22 haziran.

ством Мендереса для этой цели[32]. «Миллиет» еще в апреле 1960 г. писала, что на погашение внешнего долга в 1960 г. Турция, вместе с процентами, должна выделить 1058 млн. лир[33]. Ш. Инан заявил также, что погашение государственных долгов продлится до 2008 г., что последние в 25 раз превышают наличные запасы золота и валюты[34].

Фактически государственные долги Турции, в особенности ее внешний долг, стали неоплатными. Поэтому в начале 1958 г. правительство Мендереса объявило о прекращении выплаты процентов по кредитам и займам, полученным от западных стран.

В 1950 г. общая сумма внутреннего государственного долга Турции составляла 1791 млн. лир[35], к концу правления ДП, к 1960 г., она возросла более чем в четыре раза. Характерна и другая картина. Если в 1950 г. внутренний государственный долг более чем дважды превышал сумму внешнего долга, то в последующие годы происходит обратный процесс — внешний долг начинает превалировать над внутренним. Это подтверждается также данными Э. Алиджана и Ш. Инана. В 1960 г. внешний долг почти в два раза превышал сумму внутреннего долга, что явилось одной из причин осложнения финансового состояния Турции и усиления ее зависимости от «союзников» по НАТО. Правительство Мендереса втянуло страну в такие неоплатные внешние долги, которые воскрешают в памяти самые мрачные времена финансовой зависимости Османской империи от западноевропейских держав. В период правления ДП долг Турции иностранным государствам превышал сумму пресловутого оттоманского долга. «За десять лет правления демократов,— писала «Монд», — Турция влезла в долги, которые превосходили долги Оттоманской империи за всю ее историю»[36]. Приведенные цифры свидетельствуют о том, какое огромное бремя взвалило на плечи турецкого народа правительство Мендереса. Такой итог деятельности ДП находит свое наиболее яркое подтверждение в следующих словах К. Маркса: «Единственная часть так называемого национального богатства, которая действительно находится в общем владении современных народов, это—их государственные долгие»[37].

Наряду с резким увеличением государственных долгов Турции увеличился также дефицит ее внешней торговли. Это

---

[32] Ulus", 1959, 18 aralık.

[33] „Milliyet", 1960, 2 nisan.

[34] Ulus", 1960, 22 haziran.

[35] „Ulus", 1957, 17 haziran.

[36] „Monde", 1960, 3 août.

[37] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 757.

явилось результатом торговой экспансии монополий США, ФРГ, Англии и других западных держав, как и следствием неэквивалентного характера внешнеторгового оборота. Несмотря на ряд ограничительных мероприятий, проведенных правительством Мендереса в последние годы своего пребывания у власти, внешняя торговля Турции в период 1950—1960 гг. имела хронический дефицит, составивший в целом 3096 млн. лир[38]. Наибольших размеров он достиг в 1952 и 1955 гг., соответственно 540,6[39] и 515 млн. лир[40]. В остальные годы дефицит внешней торговли колебался от 145 до 401 млн. лир[41]. Как видим, в рассматриваемый период внешняя торговля Турции также переживала значительные затруднения. Вследствие односторонней внешнеторговой ориентации и неэквивалентного торгового баланса, Турция оказалась в полной внешнеторговой зависимости от США и других западных держав.

«Турция,—писал «Экономист», — приобретает дурную славу у своих торговых партнеров»[42]. Дело дошло даже до того, что некоторые торговые контрагенты Турции прекратили экспорт без наличного расчета, поскольку не оплачивалась сумма ранее импортированных товаров. Например, нефтяные компании США и Англии соглашались выгружать горючее только при получении наличных денег в твердой валюте[43].

Не в лучшем положении оказался и платежный баланс, который сводился с огромным дефицитом. Только в 1960 г. дефицит этот составил 210 млн. долл.[44].

Вследствие постоянного дефицита государственного бюджета, внешнеторгового и платежного балансов и увеличения государственных долгов сократился золотой запас Турции. Если в 1950 г. он составлял 138 т[45], то в 1960 г. снизился до 118 т[46]. Согласно официальным данным, из этого количества золота 102 т были заложены в иностранных банках под краткосрочные кредиты и авансы. Только на проценты за займы, авансированные под заложенное золото, Турция должна ежегодно выплачивать 4,5 млн. долл.[47]. Таким образом, за время

---

[38] „Ulus", 1960, 16 kasım.

[39] Там, же.

[40] „Ulus", 1957, 9 şubat.

[41] „Three Monthly Economic Review Turkey", ann. supp. 1960, p. 8.

[42] „Economist", ibid, p. 11.

[43] „New York Times Magazine", 1957, 17 november.

[44] «Экономическое положение стран Азии и Африки в 1960 г.», стр. 274.

[45] «Бюллетень иностранной коммерческой информации», 1953, № 72, стр. 1.

[46] „Ulus", 1960, 18 haziran.

[47] Там же.

правления ДП золотой запас страны сократился на 20 т, а остальное золото, за исключением 16 т, заложено в иностранных банках. Сокращение золотого запаса Турции также послужило одной из причин усиления ее валютной и финансовой зависимости от США и других западных стран, куда и перекочевало турецкое золото.

Следует сказать, что с погашением долгов и дефицита внешней торговли Турция лишится и этого количества свободного запаса золота.

Правительство Мендереса часто прибегало к выпуску бумажных денег. За время с 1950 до конца 1960 гг. бумажная масса в денежном обращении увеличилась с 1 млрд.[48] до 3891 млн. лир[49]. Отмечены факты, когда количество бумажных денег в обращении за неделю увеличилось более чем на 200 млн. лир[50]. Годовое увеличение бумажной массы в обращении также достигло большой суммы. Например, в 1956 г. оно составило 555,5 млн. лир[51], или эмиссия денег увеличилась на 18% по сравнению с 1955 г.[52]. Данные за период 1950—1960 гг. показывают, что количество бумажных денег в обращении увеличилось почти в четыре раза.

Штамповка бумажных денег диктовалась отнюдь не потребностями экономического развития страны, а только стремлением избавиться от хронического дефицита бюджета.

Но эта попытка привела лишь к обесцениванию турецкой лиры, к дальнейшему расстройству финансов и обнищанию трудящихся масс Турции.

Первая послевоенная девальвация турецкой лиры имела место в 1946 г., когда 2,8 лиры были приравнены 1 долл. Хотя в период правления НРП правительство всячески поддерживало официальный курс лиры, последний все же не отражал ее фактического соотношения к доллару. Уже в 1950 г. доллар на «черном рынке» покупался за 4 лиры[53], или на 1,2 лиры дороже его официального курса. В последующие годы, в связи с дальнейшим расстройством финансов, курс лиры постепенно падал; в 1958 г. на «черном рынке» стоимость доллара подскочила до 10—13 лир. Чтобы сократить количество бумажных денег в обращении и приостановить обесценение лиры, правительство Мендереса в то время провело вторую девальвацию. Для внутренних расчетов курс лиры оставался

---

[48] T. Geveci, ayni eser, s. 41.

[49] „Cumhuriyet", 1960, 9 ocak.

[50] „Ulus", 1958, 5 temmuz.

[51] „Economi gazetesi", 1957, 2 ocak.

[52] „Vatan", 1957, 3 ekim.

[53] T. Geveci, ayni eser, s. 41.

прежним, но для внешних расчетов 9,2 лиры были приравнены 1 долл.[54]. Таким образом, после второй девальвации стоимость лиры по отношению к доллару упала более чем в три раза. Однако новый официальный курс все равно не отражал фактического соотношения лиры к доллару — на «черном рынке» он покупался за 13—15 лир. Последствием обесценивания лиры явилось также повышение цен на золото в слитках и «решадие» — золотой лиры. Обесценение лиры продолжалось и в последующие годы, когда инфляция приняла уже катастрофический характер.

Девальвация лиры оказалась на руку американским и другим империалистическим монополиям, получившим возможность за более низкие цены скупать турецкое сырье и по более высоким ценам продавать свои товары на турецком рынке. Собственно, этого и добивались западные державы во главе с США.

Обесценивание лиры, явившееся прямым результатом усиленной милитаризации страны, привело к разбуханию расходной части государственного бюджета, к росту его дефицита и долгов, в особенности внешних. Так, например, после второй девальвации внешние долги сразу возросли более чем в три раза, что не учитывалось официальной статистикой.

Характеризуя экономическое и финансовое положение Турции, «Ля трибьюн де Насьон» писала: «Экономический кризис начинал принимать форму национального бедствия. Промышленность работала медленно, сельское хозяйство приходило в упадок из-за нехватки удобрений и машин, дефицит внешней торговли возрастал, а импорт сокращался, с одной стороны, из-за правительства, бедного девизами, а с другой, — из-за иностранных поставщиков, которым надоели неоплаченные счета»[55]. «Монд» в свою очередь писала: «Экономика страны в течение последних лет без всяких промежуточных периодов переходила от инфляции к спаду»[56]. О серьезных экономических трудностях, переживаемых Турцией, писал также журнал «Перспектив»[57].

Девальвация лиры привела к дальнейшему росту цен на товары первой необходимости, удорожанию квартирной платы, коммунальных услуг и, следовательно, стоимости жизни.

Как отмечал Международный валютный фонд, в 1956 г. в Турции имело место наиболее сильное повышение цен на

---

[54] „Resmi gazete", 1958, 4 agustos.

[55] „La Tribune des Nations", 1958, 5 septembre.

[56] „Monde", 1960, 3 août.

[57] „Perspective", 1956, 10 mars, p. 1.

товары первой необходимости по сравнению с остальными странами Ближнего и Среднего Востока[58].

Согласно данным газеты «Дюнья», в 1957 г. по сравнению с 1938 г. цены на хлеб повысились в 5 раз, на мясо, молоко и сахар—в 9 раз, на картофель—в 11 раз, на сливочное масло—в 16 раз, на маслины—в 15 раз, на оливковое масло — в 16 раз, на фасоль — в 20 раз и т. д.[59].

В августе 1959 г. Главное статистическое управление Турции опубликовало данные, показывающие, что цены на продукты питания в Стамбуле по сравнению с 1938 г. повысились на 961%, цены на одежду—на 830%[60]. По сравнению с уровнем 1950 г. цены на продукты питания и товары первой необходимости в 1958 г. повысились почти в два раза[61], а в 1959 г.—в три раза[62]. Однако зарплата рабочих по сравнению с довоенным периодом увеличилась в один-два раза, составив в среднем от 100 до 250 лир[63]. В условиях резкого удорожания жизни это, разумеется, не означало повышения их реальной заработной платы, особенно если учесть, что постоянно повышались также цены на питьевую воду, мыло, электричество, газ, дрова, уголь, газеты, средства связи и транспорт, что, наряду с взвинчиванием цен на товары первой необходимости, очень часто ощущался их острый недостаток, приведший к расцвету спекуляции.

Положение широких масс ухудшилось и в связи с резким повышением квартирной платы. В 1959 г. в Стамбуле она повысилась более чем в четыре раза по сравнению с 1938 г.[64]. В среднем на наем жилплощади уходила одна треть месячной зарплаты рабочего. В то время как многие частные жилые дома пустовали из-за высокой платы, в окрестностях крупных городов сотни тысяч людей жили в ужасных жилищных условиях, в так называемых геджеконду. Согласно официальным данным, в Анкаре имелось 45850 генджеконду, где ютились 222.275 человек, или почти половина населения города[65]. По тем же данным, в трех крупных городах—Анкаре, Измире и Стамбуле насчитывалось 90425 геджеконду, в них разместилось более 500 тыс. жителей[66]. Подсчита-

---

58 „Vatan", 1957, 3 ekim.

59 „Dünya", 1957, 20 ekim.

60 „Vatan", 1959, 19 ağustos.

61 „Ulus", 1958, 16 ağustos.

62 „Ulus", 1959, 1 eylûl.

63 «Политика США на Ближнем и Среднем Востоке», стр. 150.

64 „Vatan", 1959, 19 ağustos.

65 „Ulus", 1958, 16 ocak.

66 Там же.

но также, что в каждой из этих хибарок проживало минимум 5—7 человек в условиях полной антисанитарии.

Правительство Мендереса увеличило налоговое бремя трудящихся. Достаточно сказать, что поступления от налогов составляли до 50% доходной части государственного бюджета. К концу 1959 г. прямые и косвенные налоги на душу населения возросли в 8 раз по сравнению с 1939 г., причем сумма косвенных налогов, взимаемых с трудящихся, почти в два раза превышала сумму прямых налогов. «Турция превратилась в налоговый ад», — писала в свое время газета «Улус»[67].

О тяжелом материальном положении трудящихся говорит их доля в общем национальном доходе. Так, например, в 1958 г. доля 536 тыс. турецких рабочих, на которых распространялся закон о труде, составила 1.878 млн. лир, или почти четвертую часть прибылей от промышленности[68]. Более четкое представление об этом даст годовой доход одного рабочего, который едва выходил за пределы 3500 лир, в то время как месячный прожиточный минимум семьи в три-четыре человека составлял 2000—2500 лир[69]. Но это означает, что месячная зарплата рабочего в семь — десять раз ниже официального прожиточного минимума.

Прямым результатом хронического повышения цен и усиления налогового пресса явилось удорожание стоимости жизни. Например, согласно данным турецкого статистического управления, индекс жизни в Стамбуле в 1958 г. повысился на 652% по сравнению с 1938 г.[70]. Такова была картина и в других городах страны, в частности в Анкаре, Измире, Кайсери, Сивасе, Адане, Эрзруме и т. д.

В турецких, западноевропейских и американских газетах часто печатались статьи о тяжелом положении населения крупных городов Турции. Так, например, «Фигаро» очень метко описала положение столицы Турции—Анкары. Она писала: «Однако Анкара — город бедный. Лавки пусты настолько, что в них бесполезно искать чай, кофе или просто бумагу для пишущих машин. На улицах теснится бедно одетая, мрачная толпа. Ежедневная пища крестьян и рабочих продолжает оставаться очень скудной; хлеб с луком, помидор и несколько маслин»[71].

В январе 1960 г. из официальных турецких источников

---

[67] „Ulus", 1958, 1 mart.

[68] „Ulus", 1960, 23 şubat.

[69] «Проблемы мира и социализма», 1960, № 8, стр. 42.

[70] „Vatan", 1959, agustos.

[71] „Figaro", 1957, 17 mars.

стало известно, что по дороговизне жизни Турция заняла второе место в мире после Бразилии[72]. Однако воинствующие апологеты крупной буржуазии демагогически заявляли, что «турецкая нация при Мендересе переживает свои самые сладкие дни»[73].

Антинародная политика правительства Мендереса привела к росту безработицы, о чем свидетельствуют официальные данные. Так, например, в течение восьми месяцев 1958 г. в Общество найма рабочей силы обратилось 136486 безработных, за такой же период 1959 г.—421936 человек, из них только половина смогла получить работу[74]. Ежемесячно в общество обращалось более 50—60 тысяч человек[75]. В Анкаре за десять месяцев 1959 г. было зарегистрировано 26282 безработных — вдвое больше, чем за соответствующий период 1958 г.[76]. Число безработных увеличилось не только в результате свертывания некоторых отраслей промышленности, но и вследствие притока крестьян, гонимых нуждой и жестокой эксплуатацией. В 1955—1960 гг. бросили свое хозяйство и переселились в города 410 тыс. крестьянских семей[77]. В городах их ожидала та же участь. «Монд», описывая положение турецких крестьян, покинувших деревню, сообщала: «Насчитывается около двух миллионов крестьян, которые в течение последних 10 лет вынуждены покинуть деревни и искать счастье в городах. Десятки тысяч этих «йорганлы» (людей, окутанных одеялом. — *Р. К.*) продолжают скитаться по Турции в поисках сезонных работ»[78].

Таким образом, проблема занятости и спасения сотен тысяч людей от перспективы полуголодного существования стала одной из жгучих.

В марте 1959 г. правительство приняло решение об увеличении зарплаты рабочим некоторых отраслей промышленности, в том числе рабочим военной промышленности на 20%, машиностроительной и химической — на 25—35%, государственных монополий — на 20%, сахарной промышленности — на 30—40%, железнодорожного транспорта—на 25—30% и рабочим государственных предприятий—на 20—40%. Одновременно была увеличена зарплата служащих государственных учреждений на 10% и денежное содержание офицерскому со-

---

[72] „Cumhuriyet", 1960, 12 ocak.

[73] S. Parsadan, C. Hunca ve I. Göktürk, aynı eser, s. 70.

[74] „Yeni gün", 1959, 5 ekim.

[75] „Akşam", 1959, 19 ekim.

[76] „Vatan", 1959, 4 aralık.

[77] «Проблема мира и социализма», 1960, № 8, стр. 42.

[78] „Monde", 1960, 4 août.

ставу, а депутаты меджлиса получили надбавку к своей основной зарплате в сумме 2000 лир. Это мероприятие, однако, не распространилось на рабочих частных предприятий. К тому же оно было предпринято в условиях резкого повышения цен на товары первой необходимости, когда продолжал возрастать разрыв между стоимостью жизни и доходами трудящихся.

Общеизвестны причины, вынуждающие правительства капиталистических стран идти на частичное повышение зарплаты трудящимся. «Страх перед революцией,— указано в Программе КПСС,—успехи социалистических стран, давление рабочего движения вынуждают буржуазию идти на частичные уступки в отношении заработной платы, условий труда, социального обеспечения»[79]. К тому же «растущая дороговизна и инфляция сплошь и рядом сводят на нет эти уступки»[80].

Турецкие, западноевропейские и американские буржуазные историки, экономисты и органы печати главную причину экономических и финансовых трудностей Турции объясняют непродуманной экономической политикой правительства Мендереса, ошибочной практикой строительства промышленных предприятий и их географического распределения. Этого мнения придерживались также оппозиционные партии и органы их печати, на страницах которых поднималось много шуму об ошибках правительства Мендереса в области экономического планирования, о нерентабельности строительства некоторых предприятий. Эрбиль указывает, что американские экономисты, ознакомившись с положением дел в стране, говорят об отсутствии в Турции экономической сообразительности[81]. Он приводит слова Р. Дора—главы американской экономической миссии в Турции, что «в любом министерстве Турции имеются планы экономического подъема на несколько сот миллионов лир, но между этими планами и программами нет координации»[82]. К. Рендолл—председатель комиссии конгресса по внешнеэкономическим связям и личный советник президента Эйзенхауэра, побывав в начале 1956 г. в Турции, «разъяснял» турецким министрам, что выход Турции из экономических и финансовых затруднений в свертывании строительства промышленных предприятий. Ф. Люилиэ, в свою очередь, писал, что «было объявлено множество планов строительства железных дорог, гидроэлектростанций на Сакарье, не считая честолюбивых набросков вроде строительства ан-

---

79 «Программа КПСС», стр. 31.

80 Там же.

81 H. Erbil, Hayat pahalılığı azaltılabilir mı?, s. 6.

82 Там же.

карской оперы и висячего моста через Босфор»[83]. Этот автор самым серьезным тоном утверждал, что Турция страдает также от сохранившегося обычая — «мужчины в кафе и на улицах, в то время как женщины работают на поле»[84]. «Экономист» считал основной причиной расстройства финансов и экономики Турции бесплановое строительство промышленных предприятий и причиненный ими убыток. Журнал прямо писал: «Почти полная бесплановость экономики (Турция построила 15 сахарных заводов, причем сырьем обеспечены лишь пять, задумано строительство такого большого числа гидроэлектростанций, что потребуется 80 лет, чтобы их энергия была материализована) привела к появлению долгов, инфляции и других затруднений»[85]. «Экономисту» вторил Ф. Прайз: «Крупные суммы из иностранной помощи брошены на ветер. Предприятия, в том числе сахарные заводы, построены на местах, где невозможно их эффективно использовать»[86]. Но неправильно утверждение Прайза, будто на строительство промышленных предприятий затрачены крупные суммы из иностранной помощи, поскольку на это ушло гораздо больше собственных турецких средств. Касаясь ошибок правительства Мендереса в географическом распределении сахарных заводов, «Монд» писала: «Завод в Эрзруме был построен, несмотря на возражения иностранных экспертов. Он работает всего лишь несколько дней в году за неимением сахарной свеклы, которая не культивируется в этом горном районе в необходимых количествах. Таково положение и с электростанциями, построенными в районах, где почти не было никакой промышленности»[87]. Далее газета указывала, что «разумное планирование было оставлено, и экономика страны пошла по пути анархии и спекуляции»[88].

Журнал «Нью-рипаблик» пошел еще дальше в неправильном объяснении причин расстройства экономики и финансов Турции. «Иногда говорят, — читаем на его страницах, — что громоздкость турецкой армии является главной причиной экономических трудностей Турции, приведших ее в прошлом году к краху. Это миф»[89]. После этого повторяется тот тезис, что трудности в большинстве своем вызваны бесплановым развитием экономики, что военные расходы, составляющие якобы

---

[83] F. L'Huillier, ibid, p. 179.

[84] Там же.

[85] „Economist", 1958, 22 november, p. 706.

[86] „Spectator", 1960, 2 december, p. 889.

[87] „Monde", 1960, 3 août.

[88] Там же.

[89] „New Republic", 1959, 26 january, p. 9.

не более 5—6% национального дохода страны, отнюдь не могут служить их причиной[90]. Высказывалось также мнение, будто тяжелое экономическое положение страны—результат низкой урожайности зерновых и других сельскохозяйственных культур[91]. Правда, в 1959 г. сбор зерновых снизился почти на 10% по сравнению с предыдущим годом[92], но это не могло быть главной причиной создавшихся трудностей. А. Х. Башар, один из бывших активных членов ДП, причину кризиса видел в политике правительства, взявшего линию на ускоренное экономическое развитие[93]. Министры правительства Гюрселя — Э. Алиджан и Ш. Инан прикрывали действительную причину кризиса рассуждениями о расточительной и показной экономико-финансовой политике правительства Мендереса[94]. В частности, Э. Алиджан еще в прениях по бюджету 1957/58 финансового года указывал, что основной причиной тяжелого экономического положения страны являются «бесплановые, беспрограммные и нерентабельные капиталовложения в промышленность»[95].

Несомненно, в этих рассуждениях имеется доля правды. Правительство Мендереса, планируя строительство промышленных предприятий, не всегда исходило из принципа рентабельности, допускало грубые просчеты в их географическом распределении и тем самым наносило ущерб экономике страны. Слишком дорого обходилось строительство гидроэлектростанций. Например, окончание строительства Сарьерской электростанции было запланировано на 1954 г. со стоимостью в 150 млн. лир. Фактически ее сдали в эксплуатацию в 1956 г., а строительство обошлось в 270 млн. лир[96]. Аналогичным примером может служить также строительство Сейханской электростанции, завершение которого намечалось в 1954 г. Между тем строительство завершилось лишь в 1956 г. с повышением стоимости станции на 44 млн. лир[97]. Строительство промышленных и других предприятий, как отмечалось в зарубежной печати, зачастую преследовало политическую цель — поднять авторитет правительства и лично Мендереса.

---

[90] „New Republic", ibid, p. 9.

[91] „Middle Eastern Affairs", 1958, january, p. 4.

[92] «Экономическое положение стран Азии и Африки в 1959 году», стр. 232.

[93] A. H. Basar, Demokrasi buhranları, s. 79.

[94] „Ulus", 1960, 18 ve 22 haziran.

[95] „Görüşümuz" (Hürriyet partisi meclis grubu), s. 30.

[96] Aynı eser, s. 30.

[97] Там же.

Приверженцы ДП дали Мендересу кличку «зодчий»[98]. Страдая манией величия, Мендерес во время своих заграничных поездок по телефону вносил коррективы в планы строительства предприятий. Его указания немедленно принимались к руководству. Баяр, Мендерес и их окружение принимали участие в пышных торжествах при закладке и пуске новых заводов и фабрик, гидроэлектростанций и железных дорог, используя это для восхваления своей экономической политики. Мендерес демагогически заявлял, что страна не развивается, а заново строится[99].

Объяснение экономических и финансовых трудностей Турции главным образом ошибками и недочетами строительства преследовало единственную цель — всячески оправдать военные расходы и доказать, что якобы при правильном размещении промышленности можно предотвратить кризисные явления в экономике. Внушая массам эту идею, правительство пыталось ослабить их борьбу против превращения страны в плацдарм американского империализма.

Основоположники марксизма давно разоблачили всю фальшь подобных утверждений. К. Маркс указывал, что военные расходы и производство на войну— «в непосредственно экономическом отношении это то же самое, как если бы нация кинула в воду часть своего капитала»[100]. Эта мысль К. Маркса получила свое дальнейшее развитие в Программе КПСС. «Милитаризм,— говорится в ней,— ведет к истощению наций, разорению народов, изнывающих под бременем налогов, растущей инфляции и дороговизны»[101]. Экономические и финансовые последствия политики милитаризации, которую проводило правительство Мендереса, полностью подтверждают этот вывод. Факт ухудшения экономического положения Турции вследствие политики милитаризации не раз признавал и сам Мендерес. Как ни парадоксально, даже такой ярый милитарист и вдохновитель западногерманского реваншизма, как Аденауэр, причину экономических затруднений Турции видел в чрезмерных военных расходах и содержании большой армии[102]. «Вашингтон пост энд Таймс геральд» в этой связи также выдвигала на первый план непомерные военные расходы Турции[103].

---

[98] A. Tuncer, Modern Türkiyenin mimarı Adnan Mendares.

[99] A. H. Basar, ayni eser, s. 90.

[100] «Архив Маркса и Энгельса», т. 4, стр. 29.

[101] «Программа КПСС», стр. 29.

[102] „Vatan", 1958, 29 temmuz.

[103] „Washington Post and Times Herald", 1959, 9 december.

В поисках выхода из создавшегося экономического и финансового положения правительство Мендереса неоднократно обращалось к США с просьбой расширить экономическую «помощь» (300—500 млн. долл.). «Американцы оплатят, думал Мендерес, и проблема будет в общем решена» — так писала «Монд» об умонастроениях турецких правителей, стремившихся за счет американской «помощи» преодолеть экономические трудности. Но все попытки Баяра, Мендереса, Полаткана, Зорлу и других, предпринявших в период 1953—1957 гг. специальные поездки в США для переговоров на эту тему, кончились неудачей[104]. США были против предоставления широкой экономической «помощи» Турции. Такое поведение правящих кругов США нашло свое обоснование в так называемой «доктрине Рокфеллера». Имея в виду Турцию, один из столпов американского империализма писал, что «пойманная рыбка в приманке не нуждается» и что Турции следует оказать «помощь» только в той мере, какой хватило бы на то, чтобы правительство смогло остаться у власти и подавило оппозицию[105]. И только в августе 1958 г. США и другие западные страны согласились предоставить Турции экономическую «помощь» в сумме 359 млн. долл. Значительную часть этой суммы — 234 млн. долл., предоставили США в качестве военной «помощи». Остальную часть предоставили МВФ (25 млн. долл.) и ЕПС (100 млн. долл.), причем половину суммы ЕПС предоставила Западная Германия. Касаясь причин предоставления этой «помощи», «Ное Цюрихе» писала, что в данном случае была предпринята попытка спасти турецкую экономику, которая села на мель[106].

«Помощь», разумеется, была предоставлена на очень жестких условиях. Монополистические круги США и других западных держав потребовали от правительства Мендереса девальвации лиры, что было осуществлено в начале августа 1958 г. Далее оно обязывалось ввести новый внешнеторговый режим, обложить налогами доходы с сельского хозяйства, прекратить выдачу кредитов государственным экономическим организациям и средств на строительство новых и завершение ранее начатых промышленных предприятий, не имеющих военного значения. Условиями займа предусматривались также сокращение кредитов частных банков и увеличение ставок на них, отказ от контроля над ценами и прибылями. Кроме того, Турция испытала дополнительный нажим со стороны Западной Германии. Бюджетная комиссия бундестага

---

[104] „Monde", 1960, 4 août.

[105] «Правда», 17 февраля 1957 г.

[106] „Neue Züriche Zeitung", 1958, 30 juli.

потребовала от Турции вернуть немецкое имущество в сумме почти 120 млн. марок, конфискованное турецкими властями в период второй мировой войны. Далее ФРГ потребовала, чтобы половина товаров, экспортируемых в Турцию, перевозилась западногерманскими судами. Правительство Мендереса приняло эти требования, и бундестаг решил предоставить Турции «помощь» в вышеуказанной сумме, равной 210 млн. марок[107].

На основе продиктованных условий правительство Мендереса принялось за подготовку трехгодичного плана капиталовложений, названного «программой стабилизации». Последняя предусматривала сокращение государственных капиталовложений, сбалансирование бюджета, приостановку инфляции и роста государственных долгов, а также увеличения налогового бремени. Особое внимание уделялось сельскому хозяйству, разработке полезных ископаемых, в частности хрома, угля и развитию туризма. ОЕЭС одобрила программу «стабилизации» с тем, чтобы Турция через полгода возобновила уплату торговых долгов.

«Помощь» западных держав не улучшила экономическое положение страны, поскольку продолжалась политика милитаризации. Как писала «Монд», эффект этого переливания (заем в сумме 359 млн. долл. — *Р. К.*) исчез быстро, экономический упадок повлиял особенно на наемных рабочих и на тех, кто имел неизменные доходы[108]. Эта же газета, касаясь «программы стабилизации», писала, что последняя «вызвала упадок и крах мелких предприятий, увеличение безработицы и головокружительный рост стоимости жизни. Классы с неизменными доходами стали ее первыми жертвами»[109].

Сокращение банковских кредитов с одновременным повышением учетной ставки привело к нехватке оборотных средств у частных предпринимателей, торговцев и коммерсантов, что в свою очередь явилось причиной свертывания производства в ряде отраслей промышленности, банкротства множества крупных и мелких фирм, роста безработицы и дальнейшего перенапряжения финансов. Так, например, в 1959 г. добыча хромовой руды по сравнению с 1958 г. упала на 15,6%, железной руды—на 7,9%, меди — на 38,7%. Сократилось также производство резино-технических изделий, разорилось большое количество кустарей, ремесленников и надомников. Что касается состояния финансов, то сам Мендерес в начале

---

[107] „Financial Times", 1959, 2 december.

[108] „Monde", 1960, 29—30 mai.

[109] „Monde", 1960, 3 août.

1960 г. заявил: «Турция находится на краю финансового банкротства»[110].

Одновременно правительство Мендереса решило присоединить Турцию к Общему рынку. Оно рассчитывало таким путем добиться широких возможностей для экспорта сельскохозяйственной продукции и полезных ископаемых в страны, входящие в Общий рынок. Оно надеялось также получить от этих стран новые кредиты на осуществление трехгодичного плана капиталовложений.

Программа «стабилизации» и решение о присоединении к Общему рынку были обсуждены с вице-канцлером и министром хозяйства ФРГ Эрхардом во время его визита в Турцию летом 1959 г. Эрхард одобрил план капиталовложений и обещал поддержку ФРГ при обсуждении этого плана в ОЕЭС. Он обещал также поддержать решение правительства Мендереса о присоединении к Общему рынку, исходя из следующих соображений. Во-первых, Западная Германия имеет более сильную и развитую экономику, нежели страны НАТО, кроме США[111], а также страны, входящие в этот рынок. Во-вторых, она имеет сильные позиции во внешней торговле, промышленности и разработке полезных ископаемых Турции, поэтому вступление последней в Общий рынок приведет к усилению ее позиций. Таким образом, Западная Германия поддержала решение правительства Мендереса о вступлении в Общий рынок в целях дальнейшего усиления своей экономической экспансии в Турции.

Военные расходы явились источником высоких прибылей для турецких промышленников, купцов, торговцев, коммерсантов, подрядчиков, помещиков и кулаков.

Процесс обогащения турецкой буржуазии можно проследить по росту абсолютных цифр национального дохода, за средними величинами которого скрывается обогащение эксплуататорских классов и обнищание трудящихся масс. По заявлению Э. Алиджана, национальный доход на душу населения в 1958 г. составил 552 лиры против 440 лир в 1950 г. в ценах 1948 г.[112], общая ее сумма — 15455 млн. лир против 9088 млн. лир в 1950 г.[113].

Долю эксплуататорских классов в национальном доходе страны подсчитал депутат от НРП Р. Текели. По его данным, в 1958 г. три четверти прибылей от промышленности (всего более 5,6 млрд. лир) пало на долю буржуазии и государства[114].

---

110 „Neues Deutschland", 1960, 31 mai.
111 «Правда», 15 января 1960 г.
112 „Ulus", 1960, 18 haziran.
113 Там же.
114 „Ulus", 1960, 23 şubat.

Другим источником для изучения процесса обогащения турецкой буржуазии и движения национального дохода могут служить данные о количестве промышленных и торговых обществ, о сумме их основного капитала и прибылей, а также число миллионеров. В 1957 г., согласно данным статистического управления, в стране имелось 1444 разных обществ с чистой годовой прибылью в сумме 448.526 тыс. лир[115].

Сюда входили 464 акционерных общества с общим капиталом в 200 млн. лир, 580 обществ—лимитед с общим капиталом в 77 млн. лир, 100 государственных предприятий с годовой прибылью 135 млн. лир, 35 иностранных обществ и другие[116]. В вилайетах Стамбул, Измир, Анкара, Бурса, Эскишекир, Коджаели и Сакарья число промышленных предприятий в 1957 г. возросло в 4 раза по сравнению с 1949 г. и составило 27248 единиц[117].

Не менее красноречивым свидетельством обогащения буржуазии явилось увеличение количества банков и банковских вкладов.

В 1957 г. сумма этих вкладов составила 5331 млн. лир[118] против 990 млн. лир 1949 г.[119]. Данные об этом приводятся также К. Карпатом. Согласно его подсчетам, банковские вклады в 1957 г. составили 6 млрд. лир против 702,8 млн. лир в 1947 г.[120]. В старейшем турецком частном банке Ишбанкасы в 1956 г. общая сумма вкладов составила 1,1 млрд. лир против 282,5 млн. лир в 1950 г.[121] (увеличилась почти в четыре раза). Наряду с этим возросли размеры банковского и другого кредита. На 31 марта 1957 г. сумма торгового, промышленного, сельскохозяйственного и ипотечного кредита составила 7278 млн. лир против 1588 млн. лир в 1950 г.[122]. По данным Х. Полаткана, в 1957 г. банковский кредит выразился в сумме 7701 млн. лир против 1330 млн. лир в 1950 г.[123]. В период правления ДП было основано множество банков — Райбанк, Памукбанк, Экспресс, Эснафкреди, Бугдай, Стамбул, Демир, Вакуф, Санайи, Халк, Денизджилик, Догу и другие. Кроме того, в разных частях страны появилось более 100 агентств старых и новых банков.

---

115 „Ekonomi gazetesi", 1957, 12 şubat.

116 „Ekonomi gazetesi", 1957, 12 ocak.

117 „Türkiye nasıl ilerliyor", s. 43.

118 „Istanbul", 1957, 19 decembre.

119 M. Atalay, Türk millî bankaciliği, s. 60.

120 K. H. Karpat, ibid, p. 92.

121 „Ekonomi gazetesi", 1957, 12 şubat.

122 „Türkiye nasıl ilerliyor"..., s. 111.

123 „Istanbul", 1957, 19 decembre.

Помимо данных об увеличении сумм частных вкладов и банковских кредитов, свидетельствующих об обогащении турецкой буржуазии, об этом говорят также данные о прибылях отдельных промышленных предприятий и обществ.

Например, за 1956 г. Турецкое нефтяное общество получило 13,4 млн. лир, Карабюкский сталелитейный завод — 10 млн. лир, Измитская бумажная фабрика—6,8 млн. лир прибыли[124]. Особенно высокие доходы имели сахарные заводы, например, завод Адапазара, получивший за сезон 1954 г. 10 млн. лир прибыли[125].

Важным источником для изучения этого вопроса могут служить планы строительства промышленных и других предприятий, в которых подсчитывались также их прибыли.

Было подсчитано, что годичная прибыль 11 сахарных заводов, построенных после 1950 г., составит приблизительно 200 млн. лир[126], прибыль цементных заводов — 170 млн. лир[127]. Продукция хлопчатобумажных фабрик, построенных за тот же период, сулила 338 млн. лир прибыли[128], производство искусственного волокна — 18 млн. лир[129], производство стали и труб — 233 млн. лир[130], производство бумаги — 100 млн. лир[131].

В рассматриваемый период появились новые миллионеры. В 1960 г. их число достигло 100 против 13 в 1953 году[132]. Среди них У. Авундук, К. Ташкенд, В. Коч, Ш. Зюмре, Ш. Кочак, Сазаки и другие. В период избирательной кампании 1957 г. Мендерес хвастливо заявил, что теперь в каждом квартале имеется по 10—15 миллионеров[133]. Правда, приведенные им данные несколько преувеличены, но факт остается фактом, что политика милитаризации страны и усиления эксплуатации трудящихся привела к обогащению верхушки турецкой буржуазии.

За время правления ДП огромные богатства нажили помещики и кулаки. Достаточно сказать, что прибыли от сельского хозяйства составили более половины национального дохода (см. стр. 33, 56). Если учесть, что основными произво-

---

[124] „Ekonomi gazetesi", 1957, 3 nisan, 21 ocak ve 12 mart.

[125] „Ekonomi gazetesi", 1954, 2 kasim.

[126] „Türkiye nasıl ilerliyor"... s. 16.

[127] Aynı eser, s. 22.

[128] Aynı eser, s. 25.

[129] Aynı eser, s. 33.

[130] Aynı eser, s. 37.

[131] Aynı eser, s. 40.

[132] „Cumhuriyet", 1962, 17 aralık.

[133] K. H. Karpat, ibid, p. 119.

дителями товарной продукции сельского хозяйства являлись помещики и кулаки, то ясно, что им и досталась значительная часть прибылей. Обогащению земельной аристократии содействовали высокие цены на сельскохозяйственные товары, реализуемые на внутреннем рынке. Да и политика правительства вела к этому. Оно закупало продукцию сельского хозяйства по более высоким ценам, по сравнению с ценами на экспорт, покрывая дефицит за счет государства.

Все эти явления и факты, ставшие характерными для турецкой действительности, свидетельствовали о значительной концентрации частного капитала и усилении позиций торгово-финансовой и промышленной буржуазии.

Разбазаривание государственных средств создало самые благоприятные условия для личного обогащения министров и депутатов правящей партии. Эта категория людей нажила огромные капиталы путем различного рода махинаций, взяток и грабежа казны.

К примеру, Баяр, находясь в течение десяти лет на посту президента республики, нажил капитал в сумме 103 млн. лир[134]. Он брал крупные взятки от иностранных фирм, в частности, в 1956 г. получил взятку от шведской телефонной компании «Л. М. Эриксон»[135]. Не отставал и Мендерес. Личный долг его казне составлял 13.462.249 лир[136]. Мендерес превратил «специальный фонд» при премьер-министре в своеобразную кормушку, откуда брал деньги на личные расходы. В течение долгого времени он безвозмездно снимал сорокакомнатный этаж в доме, находящемся в Парк-отеле (Стамбул)[137]. Х. Полаткан брал взятки от двух акционерных обществ — «Винилкекс» и «Стандарт» за обеспечение кредитов и сырья на льготных условиях. Сумма взяток, полученных Х. Полатканом только от «Винилкекса», составляла 110 тыс. лир[138]. Он присвоил также два парохода, купленных на средства государства[139]. Зорлу, который сравнительно недолго находился на посту министра иностранных дел, назвали «господином 10 процентов» за получение комиссионных от разных лиц. Накануне свержения правительства ДП он уже именовался «господином 50 процентов»[140]. Зорлу занимался также валютными махинациями. Во время ареста у него оказались расписки, свидетельствующие о получении им 4,5 млн. лир

---

134 «Международная жизнь», 1960, № 12, стр. 114.

135 „1962 Türkiye yıllığı", s. 78.

136 „Ulus", 1960, 25 kasım.

137 „Ulus", 1959, 8 aralık.

138 „1962 Türkiye yıllığı", s. 81.

139 „Ulus", 1960, 2 haziran.

140 „Monde", 1960, 3 août.

взятки и 2,5 млн. лир за «содействие» строительству Мерсинского порта[141]. Он присвоил 7 пароходов, приобретенных за счет государства[142]. Казнокрадством и взяточничеством занимались и остальные члены верхушки ДП. В течение семи лет Сельскохозяйственный банк предоставил 75 млн. лир кредита двум обществам — «Кромит лимитед» и «Истанбул демирчелик санайи», так как в этом были лично заинтересованы С. Агаоглу, Э. Калафат и М. Сароль[143]. С. Агаоглу допускал также злоупотребления в Управлении целлюлозной и бумажной промышленности. Министр внутренних дел Н. Гедик и министр торговли Х. Эркмен за счет банковских кредитов построили большой доходный дом в Анкаре, который сдавался по найму[144]. Министр сельского хозяйства Н. Окмен продал Деловому банку земельный участок жены и получил 500 тыс. лир. Этот же банк предоставил ЦК ДП 5 млн. лир на избирательные цели[145]. Всеми этими злоупотреблениями занимались и рядовые депутаты меджлиса, губернаторы вилайетов, сотрудники аппарата правящей партии, словом—все те, в чьих руках находилась власть. Коррупция и взяточничество, грабеж казны стали общим явлением, поощряемым верхушкой правящей партии, пронизывающим весь государственный и управленческий аппарат сверху донизу. Характеризуя атмосферу всеобщей коррупции, Ф. Прайз писал: «Стремление к «освобождению народа», однако, скоро вылилось в систему, способствовавшую процветанию спекуляции, коррупции и растратам государственных средств»[146].

«Это разбазаривание средств, — писала «Монд», — не было случайным. Зачастую правительственные решения диктовались избирательными соображениями. Взятка стала всеобщей. Тот, кто добивался лицензии на импорт или на предоставление валюты; делец, желающий заключить соглашение с каким-нибудь государственным учреждением; богатый крестьянин, хлопочущий о проведении воды или прокладке дороги около его земли, — все они должны были для достижения своих целей уметь постучаться в нужную дверь. Некоторые руководители ДП превратились в коммерсантов. За вознаграждения они добивались для своих «клиентов» благосклонности власти».

В политике милитаризации правящие круги Турции видели источник легкой наживы и прибылей, она содействовала их обогащению за счет трудящихся масс.

---

[141] „Ulus", 1960, 2 haziran.
[142] Там же.
[143] „Ulus", 1960, 3 haziran.
[144] „Akis", 1960, 30 mayis, s. 8.
[145] „Ulus", 1960, 18 haziran.
[146] „Spectator", 1960, 2 december, p. 889.

ГЛАВА III

ПОЛИТИКА ПОДАВЛЕНИЯ ПРОГРЕССИВНЫХ И ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СИЛ

Внутриполитическая линия правительства Мендереса и демократической партии была направлена на укрепление буржуазно-помещичьей формы правления, усиление позиций реакции в стране. Она соответствовала взятому правящей верхушкой курсу на участие страны в агрессивных военных блоках.

Непосредственно после прихода к власти правительство Мендереса встало на путь организации репрессий и гонений против демократических сил. Свой основной удар оно сконцентрировало против Коммунистической партии. Тем самым ДП стала прямым продолжателем реакционной политики антикоммунизма, проводимой НРП.

Антикоммунизм в Турции имеет свою историю. Как известно, в начале 1921 г. руководители турецкой компартии во главе с Мустафой Субхи были зверски убиты и брошены в море. В 1925 г. компартия в Турции была объявлена вне закона. После второй мировой войны, в мае 1948 г., в Турции была создана специальная организация — «Комиссия по борьбе с коммунизмом» во главе с махровым реакционером Ялчином, депутатом меджлиса от правящей партии.

В июле 1948 г. правительство инсценировало судебный процесс против руководителей социалистической рабоче-крестьянской партии во главе с Шефиком Хюсню Деймером. 44 человека были приговорены к тюремному заключению от одного до четырех лет, а Деймер, несмотря на престарелый возраст, к пяти годам ссылки. Был также организован ряд других судебных процессов против деятелей профсоюзов и представителей прогрессивной интеллигенции, обвиненных в «коммунистической деятельности».

В начале 1951 г. меджлис возобновил обсуждение законопроекта, направленного на ликвидацию компартии. Эта кампания сопровождалась усилением антикоммунистической истерии в печати, арестами коммунистов и других патриотов. В октябре 1951 г., когда обсуждение законопроекта подходило к концу, в Стамбуле, Анкаре, Назилли, Кайсери, Измире, Адане, Зонгулдаке, Карабюке и других городах была арестована группа лиц, которых обвинили в «коммунистической деятельности».

Характерно, что аресты производились не гражданскими властями, а военной прокуратурой.

В печати была поднята шумиха по поводу «коммунистической опасности» с тем, чтобы оправдать принятие закона. 53 депутата меджлиса от правящей партии во главе с известным реакционером Ш. Моджаном начали кампанию за предание арестованных суду до утверждения законопроекта. Они потребовали также пересмотра соответствующих статей уголовного кодекса, добиваясь применения смертной казни в отношении лиц, обвиненных в коммунистической деятельности.

28 ноября 1951 г. меджлис утвердил этот законопроект. В своей новой редакции первый параграф статьи 141 уголовного кодекса предусматривал, что руководители и активные члены организаций, целью которых является подрыв господства одного класса над другим и свержение существующих в стране экономических и социальных порядков, впредь должны приговариваться к смертной казни[1].

При подготовке законопроекта из первоначального текста параграфа были изъяты слова «насильственным образом», что намного расширяло рамки применения закона и предоставляло властям неограниченные возможности для обвинения в антигосударственных преступлениях лиц, поднимающих голос в защиту трудящихся. 30 ноября меджлис одобрил второй, третий, четвертый, пятый и шестой параграфы статьи 141 уголовного кодекса. Согласно второму параграфу, лица, занимающиеся пропагандой с целью «установления господства одного класса над другим, ликвидации какого-либо класса, свержения основ экономических, социальных, политических и правовых порядков государства», впредь должны приговариваться к каторге сроком от пяти до десяти лет[2].

В тексте нового закона отсутствуют слова «коммунист», «компартия». Они изъяты, видимо, с той целью, чтобы дать возможность правительству обвинять в таких «преступлениях» не только коммунистов, но и всех тех, кто выступает в защиту демократии.

Принятие закона вызвало возмущение среди трудящихся и прогрессивной интеллигенции. Закон носил столь архиреакционный характер, что против него вынуждены были выступить и некоторые депутаты меджлиса. Они указывали, что новый закон — это копия антикоммунистического закона, принятого в Италии времен Муссолини. Один из депутатов меджлиса Дж. Тюрк заявил, что закон предоставляет правительству возможность оклеветать любого человека и совершить

---

[1] „Zafer", 1951, 29 kasım; K. H. Karpat. ibid, p. 371.

[2] „CHP'nin El Kitabı", s. 133.

над ним расправу, что с его принятием «в Турции начнется кровавый режим»[3].

Этот закон стал правовой основой политики репрессий и гонений, проводимой партией лжедемократов против демократии.

В декабре 1952 г. в Турции было основано «Общество борьбы с коммунизмом» — филиал международной антикоммунистической организации «Мир и свобода». Председателем общества был избран председатель парламентской фракции ДП Х. Кеймен, а генеральным секретарем — З. Эбюзия, депутат меджлиса от той же партии. Это общество проводило широкую кампанию клеветы против международного рабочего, профсоюзного и коммунистического движения и турецких коммунистов. Оно стало пособником правительства в преследованиях коммунистов. Впоследствии «Общество борьбы с коммунизмом» было переименовано в «Общество служителей общим интересам»[4].

В период правления ДП в стране имели место многочисленные аресты. По заявлению Мендереса, к концу 1951 г. было арестовано 180 человек, заподозренных в «коммунистической деятельности». К этому времени были закрыты многие журналы и газеты, такие, как «Хюр Генчлик», «Чомур», «Нухун Гёмиси», «Герчек», «Марко-паша», «Хюр Марко-паша».

Дошло до того, что в начале декабря 1951 г. был арестован ученик средней школы Бурсы Н. Тектимур. Вся его вина заключалась в том, что в тетрадях своих товарищей он нарисовал серп и молот[5].

В феврале 1952 г. в Денизли власти арестовали ученика девятого класса лицея С. Йылдыза, написавшего на стене «Да здравствует коммунизм»[6]. Такая же участь постигла плотника Низамеддина, осмелившегося крикнуть на измирской ярмарке — «Да здравствует Россия»[7].

В декабре 1952 г. были арестованы артисты Анкарского государственного театра Р. Су, У. Ураз, Адж. Сайилган, К. Б. Йозманов и С. Терек[8], несколько позднее — В. Ашикян[9], К. Элмаджи, восемь человек в Айвалыке[10], 11 членов профсо-

---

[3] „Новое время", 1951. № 49, стр. 24.
[4] „Yeni Istanbul", 1957, 18 mart.
[5] „Cumhuriyet", 1951, 8 aralık.
[6] „La République", 1952, 11 février.
[7] „Cumhuriyet", 1952, 12 aralık.
[8] „Vatan", 1952, 10 aralık.
[9] „Akşam", 1952, 1 mayıs.
[10] „Zafer", 1953, 14 mart.

юза строительных рабочих в Стамбуле и четыре компаньона общества «Лале-фильм»[11].

Арестованных по обвинению в «коммунистической деятельности» или «коммунистической пропаганде» с каждым годом становилось все больше. В их числе были люди разных национальностей, профессий и политических взглядов. Характерно, что малейшее проявление симпатии к Советскому Союзу квалифицировалось как «коммунистическая пропаганда». Репрессии приняли широкий размах с тех пор, как правительство Мендереса стало объяснять пагубные последствия своей политики «кознями коммунистов». В частности, коммунистам было инкриминировано обвинение в организации погромов греков, армян и евреев в Стамбуле и Измире в начале сентября 1955 года. Последовали многочисленные аресты, однако провокация не достигла цели.

Осенью 1957 г. правительство Мендереса призвало к усилению борьбы с так называемым «тайным коммунизмом». В связи с этим была намечена программа сотрудничества между министерствами просвещения, внутренних дел и обороны. Программа предусматривала введение специальных уроков в школах и создание особых курсов для новобранцев с целью пропаганды антикоммунизма. Был поднят вопрос об усилении контроля на советско-турецкой границе[12]. Все эти мероприятия послужили новым толчком к разжиганию антикоммунистического психоза, за которым последовали новые репрессии.

5 ноября 1957 г. был арестован генеральный председатель партии Ватан Х. Кывылджим[13] по обвинению в «коммунистической пропаганде» накануне выборов в меджлис и использовании религии в политических целях[14]. Правда, вскоре Кывылджим был освобожден. Но в начале 1958 года власти запретили партию и вновь арестовали ее руководителя. Вместе с ним оказались в тюрьме и другие члены партии—всего 42 человека.

Правительство объявило преступниками сторонников мира и поставило их вне закона на том основании, что движение за мир якобы инспирировалось извне. 29 июля 1950 г. были задержаны руководители Общества сторонников мира—Б. Боран (председатель общества), А. Джемгиль (генеральный секретарь), К. Атиль (владелец типографии, где печата-

---

11 «Работническо дело», 23 февруари 1954 година.

12 „Zafer", 1958, 5 ocak.

13 Партия Ватан была организована в 1957 г., программа ее требовала улучшения жизненных условий трудящихся и проведения миролюбивой внешней политики.

14 „Istanbul", 1957, 6 novembre.

лись воззвания), Б. Барут и О. Ф. Топракоглу (адвокаты), Н. Дж. Озремич (архитектор), М. Гюран (домашняя хозяйка) и др. Был арестован рабочий завода «Фесхане» А. Токер, приклеивший на стене цеха воззвание общества. Им были предъявлены обвинения в действиях, якобы направленных против «национальных интересов». Вслед за этим последовало закрытие органа общества, журнала «Барыш йолу». Подвергся гонениям и был обвинен в «коммунистической пропаганде» М. З. Сертель[15] — активный деятель турецкого и международного движения сторонников мира, вынужденный в связи с этим покинуть пределы страны.

Турецкие власти преследовали сельские институты и их студентов. Правительство, как заявил министр внутренних дел Гедик, считало их «очагами коммунизма»[16]. «Мендерес, — писала «Монд», — не замедлил поддержать мнение о том, что эти институты нарушают общественный порядок. Некоторые из энтузиастов этих институтов были арестованы за «пагубную деятельность»[17]. Коммунистов искали всюду, в «коммунистической деятельности» подозревались почти все инакомыслящие. Маккартизм, «охота за ведьмами», газетная шумиха о «коммунистической опасности», — все это получило широкое распространение и было возведено в ранг государственной политики. В ноябре 1952 г. власти заподозрили «коммунистическую пропаганду» в носовых платках красного цвета, импортированных из Италии и якобы имевших изображение серпа и молота[18].

Небезызвестный пантюркист П. Сафа, выражая мнения властей, писал: «Агенты коммунизма имеются в газетах, партиях, университетах и в большинстве клиник. Они действуют тайно, а порой даже открыто. Это агенты Кремля и те, кто восхищается Советами под влиянием этих агентов. Их цель состоит в том, чтобы присоединить Турцию к Советам»[19]. Сафа видел «коммунистическую опасность» даже в тканях красного цвета магазинов Сумербанка, в модернистских рисунках, в которых якобы обнаружил слово «Совет» и изображение серпа и молота[20]. Небезынтересно отметить, что П. Сафа принимал активное участие в деятельности «Общества борьбы с коммунизмом»[21].

---

[15] „Cumhuriyet", 1953, 23 haziran.

[16] «Новое время», 1960, № 39, стр. 26.

[17] „Monde", 1960, 4 août.

[18] „Yeni İstanbul", 1952, 11 kasım.

[19] „Tercuman", 1959, 22 aralık.

[20] Там же.

[21] „Milliyet", 1957, 8 ocak.

О влиянии маккартизма на общественную жизнь Турции журналист А. Балкан писал следующее: «То, о чем у нас можно было свободно говорить, читать и писать в университетах и в печати пятнадцать лет назад, стало немыслимо теперь. Ныне учителя опасаются учеников, профессора — ассистентов, а редакторы газет — корреспондентов. Наша молодежь воспитывается в духе, далеком от гуманизма и действительного понимания положения в мире. Среди ремесленников и торговцев имеются даже такие люди, которые для устрашения своего конкурента сочиняют доносы, представляя его коммунистом»[22].

Правительство Мендереса организовало ряд судебных процессов. Так, в апреле 1953 г. в Анкаре состоялся процесс против 11 лиц, привлеченных к суду по статье 141 уголовного кодекса. Все они были приговорены к различным срокам тюремного заключения.

Громкую известность получило провокационное судилище, затеянное правительством против коммунистов и других патриотов в Стамбуле. 15 октября 1953 г. в военном трибунале первой турецкой армии начался судебный процесс против 167 патриотов, арестованных еще в 1951 г. Из отрывочных сообщений турецкой печати известно, что подсудимые обвинялись в организации «коммунистического заговора» с целью «свержения существующего строя и установления диктатуры пролетариата». Среди подсудимых было 156 мужчин и 11 женщин, в том числе 43 рабочих, 35 чиновников, 34 студента, 21 ремесленник, 8 безработных, 7 артистов и музыкантов, 6 преподавателей, 3 переводчика, 2 фабриканта, 2 военных, 2 адвоката, 1 купец и другие. Перед трибуналом предстали также Деймер и еще несколько лиц, ранее осужденных по делу социалистической рабоче-крестьянской партии Турции.

В подготовке судебной расправы над демократами, продолжавшейся почти два года, приняли активное участие военная прокуратура и охранка в составе более 300 полицейских. Во время допроса арестованные подверглись нечеловеческим пыткам. Стража стамбульской тюрьмы изнасиловала арестованных женщин и девушек. Выпускник Стамбульского университета Ш. Акшык сошел с ума от пыток. Обвиняемый К. Эргин на суде заявил: «Среди арестованных, сидящих перед судом, 15 человек потеряли рассудок. Я не буду вызывать в памяти пытки, которым нас подвергали»[23]. Несколько раз заключенные объявляли голодовку в знак протеста. Первые

---

[22] „Cumhuriyet", 1960, 8 mart.

[23] „Istanbul", 1953, 16 octobre.

дни заседания трибунала проходили при открытых дверях, но вскоре власти решили перейти к закрытым заседаниям, опасаясь широкой огласки. Подсудимые, в частности С. Тары, заявили протест против рассмотрения их дела в военном трибунале и одновременно выразили недоверие членам трибунала и прокурору Х. Юлджеру. Эти возражения, однако, были отклонены. Процесс затянулся почти на целый год. За это время число обвиняемых увеличилось еще на 17 человек. 7 октября 1954 г. трибунал приговорил 131 человека к тюремному заключению сроком от одного до 10 лет[24]. Среди них были Ш. Орман, А. Оздемир, Ы. Акшык, Э. Берктай и Ф. Урал. З. Баштымар, К. Эргин, М. Бильгю и А. Демирхан были приговорены к 10 годам тюремного заключения[25]. После отбытия тюремного заключения приговоренные должны были находиться в ссылке в течение двух-трех лет. Процесс, фактически, окончился лишь в августе 1957 года. Военный трибунал Анкары, куда поступили дела остальных, лишенных права кассации 34 человек, приговорил их к различным срокам тюремного заключения и ссылки[26].

В дальнейшем турецкие правители организовали ряд других антикоммунистических процессов. 9 апреля 1954 г. было возбуждено судебное дело против 20 членов профсоюза строительных рабочих Стамбула, обвиненных в «коммунистической пропаганде». Суд и на этот раз проходил при закрытых дверях[27]. В декабре 1954 г. в Кыркларели власти осудили еще пять человек: О. Баязида, Ф. Актана и Х. Йозгана — к восьми годам тюремного заключения и ссылке, Ш. Акынджиоглу и А. А. Ваштана — к 28 и 16 месяцам тюремного заключения и ссылке[28]. В январе 1958 г. начался второй крупный процесс: перед судом предстали Х. Кывылджим и другие руководящие члены партии «Ватан». Все они обвинялись в «коммунистической деятельности» с применением той же статьи 141. В обвинительном заключении отмечалось, что партия «Ватан» играла роль подпольной компартии, в уставе которой якобы содержались некоторые статьи из Конституции СССР. В основе этой прокурорской стряпни фигурировало, что Кывылджим и ряд других членов партии в прошлом были несколько раз осуждены за «коммунистическую пропаганду». В декабре 1959 г. был объявлен перерыв в судебных заседаниях, и Ы-

---

[24] „Cumhuriyet", 1954, 8 ekim.

[25] „Istanbul", 1954, 8 octobre.

[26] „Ulus", 1957, 8 agustos.

[27] „Istanbul", 1954, 10 avril.

[28] „Cumhuriyet", 1954, 12 aralik.

выльджим, генеральный секретарь партии Ахмед Джансузоглу, члены партии Осман Серджан и Хюсейн Казанджи были освобождены из-под ареста[29]. Но их предупредили, что процесс будет продолжен.

Антикоммунистические процессы в Турции проходили почти беспрерывно во всех частях страны.

19 ноября 1950 г. в Анкаре был проведен постыдный процесс над руководителями Общества сторонников мира.

Несмотря на то обстоятельство, что они были арестованы за действия, якобы направленные против «национальных интересов», их обвинили согласно статье 161 уголовного кодекса «за подстрекательство армии к мятежу». Руководители общества опубликовали опровержение против этой гнусной клеветы и довели до сведения общественности факты издевательства над ними со стороны тюремных властей. В декабре 1950 г. семь руководителей и членов общества были приговорены к тюремному заключению сроком на 3 года и 9 месяцев. Судебная расправа над сторонниками мира была актом глумления над совестью турецкого народа. Самый факт осуждения их благородной деятельности явился разоблачением правителей ДП как ярых милитаристов и сторонников усиления «холодной войны».

С точки зрения юридической, в ходе судебных процессов были нарушены элементарные нормы судопроизводства, — отсутствие состава преступления, слушание дел военным трибуналом, при закрытых дверях и без права на защиту.

Правительство ДП широко рекламировало репрессии против коммунистов и других патриотов, выставляя тем самым турецкое правосудие на посмешище мировой общественности. При помощи этих полицейских мер оно пыталось расположить к себе американских империалистов. Характерно, что всякий раз, когда турецкое правительство встречало препятствия на пути увеличения американской «помощи», оно делало все, чтобы усилить роль Турции в качестве антикоммунистического барьера, спекулировало на том, что якобы ей угрожает «коммунистическая опасность». Об этом, в частности, свидетельствовали американо-турецкие переговоры, состоявшиеся в декабре 1959 г. во время визита президента США Эйзенхауэра в Турцию. Баяр доказывал американскому президенту, что для ликвидации «коммунистической опасности» внутри страны необходимо не только продолжить предоставление «помощи», но и увеличить сумму последней[30].

---

[29] „Cumhuriyet", 1959, 4 aralik.

[30] „Revue de défense nationale", 1960, février, p. 323.

Аресты коммунистов, организация судебных процессов и другие репрессии в Турции находили одобрение и поддержку со стороны реакционных кругов США.

Американские империалисты не скрывали своего восторга позицией правительства Мендереса и ставили Турцию в пример другим союзникам США по НАТО. Дж. Макги писал, что «коммунизм как таковой объявлен в Турции вне закона. С теми, кого обнаруживают, поступают решительно». Далее он отмечал, что турецкое правительство «последовательно выступало против внутреннего коммунизма и сажало в тюрьмы активных организаторов»[31]. «Вашингтон пост энд Таймс Геральд», вторя Дж. Макги, писала: «Для Турции (т. е. правительства Мендереса.— *Р. К.*) борьба против коммунизма — это не только политика, это образ жизни, смысл существования, оправдание всего, что сделано и не сделано»[32].

* * *

Правительство Мендереса проводило курс на возрождение религиозного фанатизма, рассчитывая таким путем одурманить трудящиеся массы, задержать рост их классового самосознания. Этот курс был составной частью общего наступления реакции против прогрессивных сил, средством усиления позиции буржуазии и помещиков.

Известно, что в период буржуазных реформ, осуществленных в Турции после провозглашения республики, религия была отделена от государства, школы и суды перешли в гражданское ведомство, были запрещены секты, ношение религиозной одежды и т. п. Право ношения религиозной одежды сохранилось лишь за духовенством и то в мечетях. 9 апреля 1928 г. были внесены изменения в конституцию, согласно которым ислам более не считался государственной религией[33]. Постепенно власти закрыли все религиозные школы. Так, например, если в 1924 г. в Турции насчитывалось 29 школ имамов и проповедников, то в 1940 г. остались только две. Впоследствии и они были закрыты[34]. В 1924 г. в школе богословия обучалось 284 студента, в 1933 г.—20 студентов, а в 1941 г. она была вовсе упразднена[35]. Такая участь постиг-

---

[31] „Foreign Affairs", 1954, July, p. 626.

[32] „Washington Post and Times Herald", 1959, 9 december.

[33] „Revue française de science politique", 1955, octobre—décembre, p. 763.

[34] K. H. Karpat, ibid, p. 56.

[35] Там же.

ла и богословский факультет Стамбульского университета. В результате осуществления политики лаицизма позиции духовенства в турецком обществе были сильно подорваны.

Накануне и в период второй мировой войны, когда проведение буржуазных реформ значительно замедлилось, духовенство активизировало свою деятельность, в особенности в сельских местностях. В период войны стал издаваться журнал «Бююк Догу», требовавший возврата к религии. Молитвы в мечетях начали читаться на арабском языке. Раздавались требования о преподавании в школах арабского языка.

После войны правительство НРП пошло на некоторые уступки духовенству. Оно стремилось использовать религию в межпартийной борьбе против ДП, начавшей кампанию за свободу религиозного верования.

19 февраля 1948 г. парламентская фракция НРП решила ввести факультативное, а в действительности обязательное преподавание религии в двух последних классах начальных школ. В решении подчеркивалось, что обучение религии должно вестись на турецком языке под контролем государства. Тогда же было решено открыть богословский факультет при Анкарском университете. Решение о преподавании религии в школах вступило в силу с 1 января 1949 года. Одновременно открылось несколько школ по подготовке преподавателей религии в Анкаре, Стамбуле, Трабзоне и других городах. Возобновили свою деятельность некоторые мечети под видом ознакомления публики с их архитектурой.

Правительство Мендереса с большим рвением продолжало политику уступок духовенству. Эти уступки, как заявил И. Акчал, государственный министр, ведавший делами религии, правительство оправдывало фальшивым лозунгом о свободе мысли и вероисповедания[36].

16 июня 1950 г. меджлис принял постановление о чтении молитв на арабском языке[37]. «Первым законом, принятым правительством Мендереса, было разрешение молиться по-арабски»[38]. Принятие этого закона было нарушением конституции.

7 июля правительство разрешило чтение Корана по государственному радио[39]. Передачи эти велись три раза в неделю. Стало обязательным преподавание религии в начальных и средних школах. Были восстановлены школы по подготовке имамов и проповедников, открылся факультет богословия при

---

[36] „Monde", 1958, 31 décembre.

[37] „Revue française de science politique", ibid, p. 767.

[38] „Monde", 1960, 3 juin.

[39] G. Lenczowski, The Middle East in World Affairs, p. 151.

Анкарском университете. Полуофициальная «Зафер» перешла на мусульманское летосчисление.

Повсюду в стране на средства государства строились новые мечети и ремонтировались старые. По данным «Монд», в период 1950—1960 гг. было построено 5000 мечетей, в то время как 16 тыс. деревень не имели школ[40]. Строительство мечетей в четыре раза превосходило строительство школ[41]. В Анкаре огромная мечеть была построена прямо напротив мавзолея Ататюрка, как бы символизируя этим отход от провозглашенной им политики лаицизма[42]. В сельских местностях приступили к преподаванию арабской письменности. Духовенство огромными тиражами издавало на арабском языке Коран, который сперва тайком, а потом публично продавался у мечетей. Женщины стали носить чадру не только в провинциях, но даже в городах, включая Анкару, Стамбул и Измир. Участились случаи многоженства. Власти открыли 12 новых религиозных школ[43]. К началу 1959 г. в Турции уже насчитывалось 19 таких школ с 4233 учащимися[44]. Несмотря на разрешение религиозного обучения в школах, духовенство зачастую умудрялось тайком преподавать религию и в мечетях[45]. В ноябре 1959 г. в Стамбуле открылась высшая школа ислама. На ее торжественном открытии присутствовали депутаты меджлиса от правящей партии, губернатор Стамбула и другие официальные лица во главе с министром просвещения Т. Илери. Пришли также многочисленные представители духовенства. Илери в своем выступлении восхвалял политику правительства и роль мусульманской религии в духовном развитии турецкого народа. Присутствовавшие возгласами одобрения встретили выступление Илери[46]. Высшая школа ислама, рассчитанная на 80 студентов, имеет двухгодичный срок обучения. Ее выпускники направляются на преподавательскую работу в школы по подготовке имамов. Правительство насаждало религию также в армии.

В новых условиях возобновили и активизировали свою деятельность различные религиозные секты — бекташи (Стамбул), накшибенде (восточные вилайеты), мевлеви (Конья), тиджани, бахаи, акифи, нурджи и другие. Секты имели свои

---

[40] „Monde", 1960, 4 août.

[41] „Monde", 1960, 3 juin.

[42] Там же.

[43] „Monde", 1960, 4 août.

[44] „Vatan", 1959, 20 kasım.

[45] „Yeni İstanbul", 1952, 22 aralık.

[46] „Vatan", 1959, 20 kasım.

отделения не только в деревнях, но и в крупных городах. По данным турецкой печати, общее число сектантов в 1960 г. составляло 8 млн. человек[47]. Особенно усилила свою деятельность секта нурджи, объединявшая 600 тыс. человек[48]. Глава секты С. Нурси при содействии властей свободно совершал поездки по стране, проповедовал ношение фесок и религиозной одежды, вербовал новых сектантов.

«Реакционная буржуазия везде заботилась... о том, чтобы разжечь религиозную вражду, чтобы отвлечь в эту сторону внимание масс от действительно важных и коренных экономических и политических вопросов...»[49]. Эти слова В. И. Ленина точно характеризуют сущность политики уступок духовенству и разжигания религиозного фанатизма в Турции.

Турецкая реакция приветствовала мероприятия правительства в области религии также потому, что усматривала в них одно из важных средств борьбы против распространения коммунистических идей. Подтверждение этому мы находим также у Ф. Люилиэ[50] и М. Коломба[51].

Политика ДП в области религии пользовалась поддержкой правящих кругов США. «Фостер Даллес и его окружение,—писала «Франс обсерватёр»,—одолеваемые идеями двух миров: одного — атеистического и другого — верующего, поддерживали Мендереса и Баяра в их религиозной политике, лишь бы они гарантировали им ракетные базы на подступах к Кавказу»[52]. Правящая партия рассматривала религию как средство политической борьбы, с одной стороны, против классовых врагов, а с другой — против буржуазной оппозиции, против политических противников.

Не случайно «Обсервер» писала: «Мендересу удалось расширить влияние правящей партии в деревнях тем, что он открыл мечети, закрытые Ататюрком»[53]. Имамы обрабатывали умы крестьян в духе рабской покорности, они учили: «бунт против правительства — это бунт против аллаха»[54]. Правящая партия посредством духовенства натравливала население против оппозиционных партий и их деятелей. Муллы в молитвах говорили: «Ататюрк был английским шпионом, Инёню — слу-

---

47 „Forum", 1960, 1 temmuz, s. 6.

48 „Monde", 1960, 13 janvier.

49 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 146.

50 F. L'Huillier, ibid, p. 178.

51 „Revue fraçaise de science politique", ibid, p. 764, 768.

52 См. «Международная жизнь», 1960, № 7, стр. 62.

53 „Observer", 1960, 29 may.

54 „Forum", 1960, 1 temmuz, s. 7.

жил русским»[55]. Духовенство всячески проводило среди верующих мысль о том, что сотрудничают с оппозиционными партиями, в особенности с НРП, только гяуры, что истинный мусульманин должен следовать за ДП. После известной лондонской авиационной катастрофы 17 февраля 1959 года, когда Мендерес остался жив, духовенство на все лады твердило, что аллах сохранил ему жизнь, так как перед вылетом он совершил жертвоприношение в мечети Эйюба[56]. С тех пор Мендерес стал «избранником аллаха». Когда он возвращался в Стамбул и Анкару, приносились жертвоприношения, по всей стране читались молитвы за скорейшее его выздоровление. Власти использовали этот религиозный спектакль, чтобы представить Мендереса в ореоле славы и перетянуть на свою сторону избирателей, поверивших в непогрешимость его личности.

О том, что правящая партия использовала религию в качестве средства борьбы за власть, много раз подчеркивалось и западной печатью[57].

Турецкие власти, используя религию в политических целях, не останавливались даже перед преступлениями, наказуемыми в уголовном порядке — от одного до пяти лет[58]. Но уголовный кодекс применялся властями лишь против оппозиционных партий.

Политика уступок религии привела к возрождению фанатизма, к усилению ее позиций в общественной жизни страны. Духовенство при содействии членов ДП выступало против перевода Корана на турецкий язык, против латинского алфавита, за сохранение старых молитвенных обрядов[59]. Оно требовало возврата к конституции 1924 г., согласно которой ислам считался государственной религией Турции[60]. На страницах печати и в парламенте все громче раздавались голоса о восстановлении халифата. Всем этим выступлениям задавали тон члены ДП. Еще в 1951 г. на вилайетской конференции партии в Конье было принято решение о восстановлении шариатских судов, ношении феса и чадры, введении многоженства, употреблении арабского алфавита и уничтожении всех

---

[55] „Milliyet", 1956, 2 nisan.

[56] P. Rondot, L'Islam et les musulmans d'aujourd'hui, t. II, p. 177, 1960.

[57] „Revue française de science politique", ibid, p. 767; „Times", 1960, 23 february; „Combat", 1960, 8 avril; „Observer", 1960, 29 may.

[58] Там же, стр. 766.

[59] „Forum", 1960, 1 temmuz, s. 7.

[60] F. L'Huillier, ibid, p. 176.

памятников[61]. Депутат от ДП Х. Набат потребовал провозглашения ислама государственной религией[62]. Другой депутат ДП потребовал, чтобы турки обучались в университете Аль-Азхар (Египет)[63].

В марте 1959 г. возобновилось издание журнала «Бююк Доку» (редактор — Н. Кысакюрек), выступавшего за восстановление ислама в качестве государственной религии.

Религиозный фанатизм, как и следовало ожидать, вскоре переступил за пределы желаемого. Сектанты начали разрушать бюсты и статуи Ататюрка. «Ислам запрещает воздвигать людям — живым или мертвым — памятники». Особенно отличались члены секты тиджани, которых возглавлял шейх К. Пилавоглу. В 1951 г. бюсты и памятники Ататюрка были разрушены в Кыршехире, Мардине, Конье, Эрзинджане, Анкаре, Кастамону и Эскишехире. Был разбит бюст Ататюрка и в селе Челтик (район Силиври)[64]. Сектанты оскверняли портреты Ататюрка[65]; публично ругали его[66]. Они справляли религиозные обряды, запрещенные законом. Действия эти приняли такие масштабы, что правительство было вынуждено как-то ограничить их. 25 июля 1951 г. меджлис в спешном порядке принял закон о покровительстве памяти бывшего президента. Статья первая закона гласила, что лица, оскорбившие память Ататюрка, подлежат тюремному заключению сроком до трех лет, а разрушившие его бюсты и памятники—до пяти лет[67]. Но и после такой острастки власти преследовали лишь наиболее зарвавшихся сектантов. Были арестованы некоторые шейхи и члены сект. Так, в конце марта 1951 г. в Кырыккале было привлечено к ответственности более 100 сектантов, в том числе 18 женщин[68].

В апреле 1953 г. в Эскишехире власти организовали судебный процесс над шейхом А. Бингёли и 31 сектантом. Затем последовала высылка из страны шейха С. Баба (декабрь 1953 года), арест 17 других шейхов в Мардине (февраль 1954 года) и другие факты. Однако все это проводилось в основном с показной целью и арестованные сектанты весьма быстро освобождались.

---

[61] K. H. Karpat, ibid, p. 287.

[62] Там же.

[63] P. Rondot, ibid. t. I, 1958, p. 289.

[64] „Ulus", 1957, 23 nisan.

[65] „Cumhuriyet", 1954, 1 aralık.

[66] „La République", 1952, 1 mai.

[67] „CHP'nin El kitabı"..., s. 144.

[68] „Istanbul", 1951, 31 mars.

Эти меры были направлены исключительно на успокоение общественного мнения. Принятием закона от 25 июля 1951 г. ДП стремилась доказать свою верность личности Ататюрка и заработать на этом политический капитал. На деле же правительство Мендереса проводило политику возрождения религиозного фанатизма, противоречившую завету Ататюрка: Турция никогда не должна быть страной шейхов, дервишей и мюридов[69]. Она способствовала усилению великодержавных и пантюркистских настроений, так как мусульманская религия известна своей нетерпимостью к иноверцам, в особенности к христианам.

* * *

Правительство Мендереса усиленно насаждало национализм и шовинизм, провоцировало вражду между трудящимися разных национальностей, чтобы ослабить классовую борьбу и укрепить буржуазно-помещичью форму правления. Дух национализма и шовинизма господствовал в системе школьного и вузовского образования. Учебники и «научные исследования» по истории турецкого народа, языка, литературы и искусства были призваны доказать превосходство турок над остальными нациями и национальностями, населяющими страну — греками, евреями, армянами и другими, отрицать их вклад в создание турецкой культуры. Все инородцы представлялись как враги турецкого народа и государства. Власти запрещали преподавание истории и литературы этих народов в турецких школах. Турецкая печать, при явном содействии властей, периодически проводила кампанию, направленную на то, чтобы не только в общественных местах, но и дома, все разговаривали только на турецком языке.

В апреле 1951 г. в Анкаре состоялся конгресс националистических организаций с целью их объединения. Работой конгресса непосредственно руководил депутат меджлиса от правящей партии С. Бильгич. Конгресс принял решение об основании единого «Общества националистов», во главе с С. Бильгичем, «духовным отцом» которого был Т. Илери — министр просвещения правительства Мендереса. «Общество националистов» развило кипучую деятельность по разжиганию национализма и натравливанию турок против национальных меньшинств, а также народов мировой социалистической системы. Деятельность общества вскоре приняла столь широкий размах, что вызвала протесты со стороны некоторых

[69] M. K. Su, K. Su, ayni eser, s. 150.

слоев общественности, и правительство решило распустить его. В связи с этим Т. Илери был вынужден подать в отставку[70]. 16 февраля 1953 г. в Стамбуле взамен распущенного было основано новое общество — «Фронт национальной солидарности». Задачей общества была борьба против коммунизма и всех «крайних левых организаций, ставящих под угрозу государственный и общественный строй».

В период правления ДП усилили свою деятельность также различные эмигрантские националистические организации, окопавшиеся в Турции и скрывающиеся под различными наименованиями. Так, например, в Турции действовало «Общество по оказанию помощи крымским туркам»[71]. На собраниях общества крымские эмигранты и их покровители выступали с клеветническими заявлениями по адресу Советского Союза. В Турции действовал также «Комитет помощи туркестанцам»[72]. Было создано и «Общество содействия иракским туркам». Кстати, следует отметить, что пока Ирак находился в составе Багдадского пакта, турецких властей не интересовала судьба турок этой страны. После свержения власти Хашимитской династии, они вдруг вспомнили о них, с целью вмешательства во внутренние дела Иракской республики. Правительство Мендереса не раз предъявляло ноты протеста правительству Иракской республики, якобы в связи с имевшими там место притеснениями турок.

В Турции действовали также «Общество защиты прав турок Западной Фракии и островов Додеканез», «Кавказское культурное общество», «Азербайджанское культурное общество» и др.

В Турции нашли приют и пользовались покровительством властей С. Агаоглу — сын известного пантюркиста А. Агаоглу; бывший член парламента «независимой Азербайджанской Республики» — М. С. Аран; бывший глава правительства Северного Кавказа — Ч. И. Айдыноглу, С. Кырымер — руководитель пантюркистского движения в Крыму в 1917—1918 гг.[73] и другие. Турецкие власти с большой помпой встретили бывшего главу националистического правительства Украины Я. Стецко[74].

---

[70] В последующем Т. Илери был повышен в должности — занимал посты заместителя председателя меджлиса, заместителя премьер-министра, государственного министра, а позже вновь стал министром просвещения.

[71] „Son havadis", 1957. 16 ekim.

[72] „Vatan", 1956, 13 şubat.

[73] „La République", 1952, 30 avril.

[74] „Vatan", 1956, 22 ağustos.

Правительство Мендереса продолжало политику насильственного отуречивания и подавления национальных меньшинств. Оно отрицало существование в стране национальных меньшинств и наличие национального вопроса. Так, например, около 3 млн. курдов, т. е. самое многочисленное в настоящее время в стране национальное меньшинство, проживающих главным образом в восточной и юго-восточной частях страны, именовались «горными турками»[75]. Районы, населенные курдами, были оставлены на чрезвычайном военном положении[76]. В этих районах действовала единая полицейская инспекция. Стремясь замести следы своей политики по отуречиванию курдов, власти запретили въезд иностранных туристов в курдские районы[77].

В начале 1960 года в Турции участились случаи притеснений национальных меньшинств. В Стамбуле и Анкаре началась травля евреев[78]. Вслед за антиеврейской кампанией, развернувшейся в Западной Германии и других капиталистических странах, на стенах Стамбульского университета и кинотеатра в Бейоглу были начертаны фашистские знаки[79]. Изображения свастики появились и на стенах домов в кварталах Бахчелиэвлер, в Анкаре, построенных израильской фирмой[80]. Вскоре подобные случаи вновь повторились[81]. Как и в других капиталистических странах, антиеврейская кампания в Турции была делом рук тайных фашистских организаций, центр которых находится в Западной Германии. Газета «Йени Истанбул», стремясь выгородить истинных виновников, заявила, что организация этой кампании якобы является делом рук коммунистов[82].

Свидетельством того, что кампания вражды против евреев соответствовала определенным целям правительства, являются следующие факты. 5 января 1960 г. «Йени Сабах» выступила против антиеврейской кампании, имевшей место в Западной Германии. Правда, газета допустила грубую ошибку, обвинив в этом всех немцев. Но турецкие власти расце-

---

75 „Spectator", 1951, 2 november, p. 562.

76 См. «Проблемы мира и социализма», там же, стр. 48.

77 G. Lenczowski, ibid, p. 126.

78 Травля евреев однажды уже имела место в 1952 г., когда одной из жертв оказался А. Э. Ялман — турецкий еврей, принявший ислам. 22.XI. 1952 г. в Малатье была сделана попытка покушения на его жизнь. Но последний уцелел, несмотря на пять пулевых ранений. „Yeni İstanbul", 1952, 23 kasım.

79 „Cumhuriyet", 1960, 12 ocak.

80 „Cumhuriyet", 1960, 14 ocak.

81 „Yeni İstanbul", 1960, 19 ocak.

82 Там же.

нили выступление газеты как стремление подорвать турецко-немецкую «дружбу» и запретили ей печатать официальные объявления и рекламы[83]. Более того, в конце января группа фашиствующих молодчиков совершила покушение на С. Кылычоглу — председателя правления этой газеты, нанеся ему ранения[84].

Руководство ДП нашло повод для дальнейшего притеснения национальных меньшинств в проблеме Кипра. Правительство Мендереса использовало справедливую борьбу киприотов и греческого народа против английского империализма для раздувания национализма и шовинизма против греков и других национальных меньшинств. Несмотря на то, что согласно международно-правовому статусу Кипра Турция не имела никаких прав на этот остров, правительство Мендереса вмешалось в англо-греческий спор по этому вопросу. Единственным «оправданием» правительства Мендереса послужило то, что оно якобы не могло равнодушно отнестись к судьбе турецкого меньшинства острова. Турция требовала возвращения Кипра или введения особого положения — автономии кипрских турок.

Турецкое правительство и печать всячески нагнетали атмосферу, разглагольствовали о «зверствах», якобы чинимых греками над турками. Турецкая печать, радио и официальные лица выступали с угрозами и оскорблениями в адрес Греции и греков. При покровительстве и содействии властей были основаны Национальный комитет защиты Кипра и общество «Кипр—турецкий», которые в основном состояли из членов ДП и других националистических элементов. Проводились демонстрации в поддержку позиции правительства в кипрском вопросе, в которых принимало участие также националистически настроенное студенчество. В заключение всего правительство выдвинуло явно провокационный лозунг — «Раздел острова или смерть». Положение греческого национального меньшинства стало угрожающим. Угроза нависла и над другими национальными меньшинствами — евреями и армянами.

Наивысшего накала эта шовинистическая кампания достигла в августе 1955 г., когда в Лондоне проходила англо-греко-турецкая конференция по вопросу Кипра. Логическим финалом всей этой политики правительства Мендереса был кровавый погром греков, евреев и армян, совершенный в Стамбуле и Измире 6—7 сентября 1955 года.

Погром задуман Мендересом и Зорлу. Непосредственным же организатором погрома был Гедик. 24 августа 1955 г.

---

[83] „Ulus", 1960, 11 ocak.

[84] „Ulus", 1960, 30 ocak.

Мендерес выступил в Стамбуле, в ресторане «Лиман», с подстрекательской речью против греков. В начале сентября он встретился с руководителями общества «Кипр — турецкий». Мендерес потребовал активизации деятельности общества для поддержки позиции Турции в период работы Лондонской конференции по Кипру. Одновременно в печать просочились провокационные слухи о готовящейся резне турок Западной Фракии и Кипра.

Непосредственным поводом к погрому послужила провокация, связанная со взрывом дома-музея Ататюрка в Салониках, в котором помещалось турецкое консульство. Турецкий консул в Салониках Бали и его помощник Четинер заложили бомбу под здание консульства и взорвали его, а вину взвалили на греков. Весть эта молниеносно распространилась по стране через вечерние газеты и радио, заведомо ждавших ее и оставивших для этого места на своих страницах и в программах.

В течение двух дней двадцатитысячная толпа громила и грабила лавки, магазины и дома греков, евреев и армян в Стамбуле, а также Измире. Было разрушено и сожжено 73 церкви и два монастыря греков. Были вскрыты могилы греческих патриархов, а их кости разбросаны в сторону Греции. Было осквернено также христианское кладбище Шишли и разрушены 24 греческие школы.

Значительный ущерб был нанесен и армянам — совершено нападение на здание армянского патриаршества, разрушено несколько церквей и 8 школ. Толпа напала также на еврейскую синагогу и здание главного раввина. Во время погрома было убито 3 человека. Есть данные о том, что было ранено 600 человек.

Что касается событий в Измире, то здесь было предано огню греческое консульство и церковь. Всего разгромлено и разграблено 5538 домов, магазинов и 1 завод. Общий материальный ущерб, нанесенный национальным меньшинствам, составил около 250—300 млн. лир[85]. Турецкие власти явно занизили общую сумму ущерба до 69.578.744 тыс. лир[86].

Как отмечалось выше, правительство Мендереса виновниками и организаторами этих событий объявило коммунистов. На эту мысль натолкнул Мендереса начальник ЦРУ США А. Даллес, находившийся в это время в Стамбуле и принимавший участие в конгрессе криминалистов. Уже один тот факт, что А. Даллес во время этих событий находился инкогнито в Стамбуле, не случаен и свидетельствует о том, что он

---

[85] «Международная жизнь», 1955, № 10, стр. 115.

[86] „Cumhuriyet", 1955, 16 ekim.

тайком вдохновлял турецких правителей на эту гнусную расправу над национальными меньшинствами. Много людей было арестовано и подвергнуто пыткам для признания в том, что они якобы являются коммунистами и организаторами погрома. Но все старания властей в этом направлении не дали никаких результатов. Это подтвердил впоследствии начальник тайной полиции Стамбула Дж. Санджак, который заявил, что «у нас не было никаких данных о какой-либо роли коммунистов в этих событиях»[87].

Выше было отмечено, что погром греков, евреев и армян был тщательно подготовлен турецкими властями. Это подтверждают следующие факты. Все дома греков были заранее обозначены мелом, внесены в списки и вручены погромщикам. Губернатор Стамбула Гёкай за два часа до событий сообщил патриарху Атенагоросу о том, что возможны серьезные антигреческие волнения, но его жизнь будет вне опасности. Для защиты здания патриаршества губернатор выслал отряд солдат. Примечательно также, что Мендерес в эти дни находился в Стамбуле, но ничего не предпринял для пресечения погрома. Более того, полиция и армия порой сами участвовали в погроме.

О причастности правительства Мендереса к этим событиям свидетельствуют также заявления Гёкая и Кёпрюлю — лиц, знавших всю закулисную историю этого дела. Так, например, Гёкай впоследствии заявил в адрес Мендереса и Гёдика, что «сами желали этого, а теперь подавай им виновников». Кёпрюлю признал, что погромы в Стамбуле и Измире были делом рук премьер-министра и министра внутренних дел[88].

Когда вопрос сентябрьского погрома разбирался на чрезвычайной сессии меджлиса в середине сентября 1955 г., Гедик обещал раскрыть тайну его организации[89]. Многое стало бы ясно в этом вопросе, если бы он впоследствии не отказался от своего обещания.

Погром национальных меньшинств был закономерным результатом принятого правительством курса на их насильственное отуречивание, составной частью его реакционной внутренней политики.

* * *

Несмотря на все меры правительства Мендереса по отвлечению народных масс от социального движения, борьбы крестьян за землю, против помещичье-кулацкой эксплуатации не

---

[87] «Новое время», 1960, № 52, стр. 27.

[88] Там же.

[89] „Akis", 1960, 30 mayis, s. 8.

только не ослабла, но и усилилась. Борьбу безземельных и малоземельных крестьян за землю не смогла приостановить и аграрная реформа, проводившаяся правительством.

По данным турецкой печати, только за 6 месяцев 1951 г. имело место 718 случаев «нарушения крестьянами» общественного порядка, более четырехсот случаев угона помещичьего скота и 43 случая захвата земель помещиков[90].

2 июля 1952 г. в районе Эскишехира произошло столкновение между крестьянами четырех сел, захватившими помещичьи земли, и крупным отрядом жандармов. Столкновение это переросло в кровавое побоище. Были убитые и раненые с обеих сторон. Крупное столкновение крестьян с жандармерией произошло также в селе Коджаюрт Сивасского вилайета. Крестьяне этого села, начиная с 1950 г., часто совершали нападения на поместья помещиков—братьев Феридуна и Ихсана. Летом 1952 г. крестьяне захватили значительную часть земли этих помещиков и начали обрабатывать ее. Один из помещиков — Феридун, неоднократно пытался отобрать землю обратно, но безуспешно. На помощь были вызваны судья и несколько жандармов. Произошло столкновение между крестьянами и жандармами, а помещик был сильно избит. Тогда в село прибыл крупный отряд жандармов. 300 крестьян с утра до поздней ночи оказывали упорное сопротивление жандармам, в результате чего последние были вынуждены отступить. Крестьяне вышли победителями в этой схватке с властями и остались жить на захваченных землях и еще угнали 600 овец помещиков.

Крупное столкновение между крестьянами и жандармерией произошло также в селе Бахчеджик (район Сиврихисара). Крестьяне этого села вспахали часть земель помещика Б. Кызылырмака. На помощь помещику пришел отряд жандармов. Но крестьяне, общим числом 200 человек, оказали стойкое сопротивление, окружили и разоружили жандармов[91]. Насильственные захваты помещичьих земель и вооруженные столкновения между крестьянами, помещиками и жандармами имели место в деревнях Гюнелли (вил. Чанкыри)[92], Ханчайыз (район Диарбекира)[93], Булджук (вил. Коньи)[94], Лалаоглу (район Сарыкамыша)[95] и других.

Захваты помещичьих земель крестьянами продолжались

---

[90] „Cumhuriyet", 1951, 7 aralık.

[91] „Yeni İstanbul", 1952, 24 ekim.

[92] „Cumhuriyet", 1953, 4 nisan.

[93] „Akşam", 1953, 2 ocak.

[94] „Akşam", 1953, 12 mayıs.

[95] „Dünya", 1954, 2 temmuz.

и в последующие годы. Так, например, в мае 1957 г. крестьяне захватили помещичьи луга в горном эйлаге Камер (около Ардагана). Власти срочно вызвали жандармов из Ардагана, а также из Карса. Прибывшие 50 жандармов натолкнулись на вооруженное сопротивление крестьян. Один крестьянин был убит, трое получили серьезные ранения[96]. Крестьяне захватили земли помещиков также в селах Думанлар (вил. Антальи)[97] и Согютли (вил. Коньи)[98].

Помимо насильственных захватов помещичьих земель и угона скота крестьянами, в стране имели место многочисленные случаи столкновения между самими крестьянами из-за земли, лугов и водоемов, что также явилось проявлением аграрного кризиса. Столкновения между крестьянами из-за земли, в результате чего проливалась кровь, произошли между селами Явручак и Балыкпынар (вил. Анкары)[99], Каракёй и Баят (район Игдыра)[100] и в других местах. Как сообщала турецкая печать, крупное столкновение произошло между крестьянами сел Кызылчаболюкбуджаги и Вакыфлар (вилайет Денизли). Причиной столкновения послужила нехватка воды в селе Кызылчаболюкбуджаги, крестьяне которого решили воспользоваться питьевой водой соседнего села. Они обратились за помощью к уездным властям. Но крестьяне села Вакыфлар, приблизительно 700—800 человек, в том числе множество женщин, вооруженные камнями и палками и с криками: «Это вы пришли за нашей водой», — набросились на крестьян и представителей уездных властей и сильно избили их[101].

Крупное столкновение произошло также между крестьянами сел Полатлы и Полатдере (вил. Малатьи). Стычка возникла по той причине, что крестьяне села Полатлы, общим числом 30 человек, решили рубить лес в местечке Согук Öз, принадлежащий селу Полатдере. Крестьяне этого села с палками и ножами набросились на своих соседей. Столкновение длилось больше часа, в результате чего 5 человек были тяжело ранены. Затем вмешались и остальные крестьяне[102].

В декабре 1952 г. стычка между крестьянами произошла в селе Бейшехир (вил. Коньи). Она кончилась тем, что четыре крестьянина были убиты и два тяжело ранены[103]. Стычки

---

[96] „Ulus", 1957, 31 mayis.
[97] „Ulus", 1957, 14 haziran.
[98] „Yeni sabah", 1959, 22 nisan.
[99] „Yeni istanbul", 1952, 22 aralık.
[100] „Son telgraf", 1953, 29 haziran.
[101] „Yeni istanbul", 1952, 11 aralık.
[102] „Yeni istanbul", 1952, 11 aralık
[103] „Yeni istanbul", 1952, 21 aralık

между крестьянами произошли в селах Ягмурбаба (район Полатлы)[104] и Баксанлы (вил. Антальи)[105].

О том, что стычки и столкновения крестьян из-за земли, лесов и воды приняли широкий размах, свидетельствует также турецкая статистика. По ее данным, лишь в 1959 г. число вооруженных столкновений между крестьянами достигло 200[106].

Анализ крестьянской борьбы против помещичье-кулацкой эксплуатации и за землю показывает, что она принимала различные формы. Самой распространенной формой этой борьбы был насильственный захват помещичьих земель. Как свидетельствуют факты, крестьяне все чаще прибегали к оружию. Характерной чертой крестьянской борьбы следует считать также участие в ней женщин (в селе Доганлы, вил. Аданы, июль 1951 г., в селах Чорухского вилайета, март 1952 г., и вилайета Денизли, декабрь 1952 г. и др.).

Но бывали и случаи, когда крестьяне прибегали к пассивной форме борьбы — представление коллективных петиций и жалоб властям (село Испичиоба, вил. Коньи и другие).

Говоря об усилении крестьянской борьбы в период правления ДП, одновременно следует отметить, что она не приняла организованного и всеобщего характера. Борьба эта велась в основном стихийно, была разрознена как в территориальном отношении, так и по формам борьбы. Стычки и столкновения между крестьянами из-за земли и по другим причинам нарушали их единый фронт борьбы против помещичье-кулацкой эксплуатации. Отсутствие руководства со стороны рабочего класса ослабляло общий ход этой борьбы. Слабость общекрестьянской борьбы за землю, в свою очередь, обусловливала и слабость общедемократической борьбы турецкого народа.

В обозреваемый период сравнительно усилилась также борьба рабочего класса против эксплуатации, обнищания, политического бесправия.

В первой главе было отмечено, что во время предвыборной кампании 1950 г. ДП обещала рабочим право на организацию забастовок. В начале января 1951 г. министр труда нового правительства заявил, что законопроект о праве рабочих на забастовку вскоре станет предметом обсуждения меджлиса. Согласно этому законопроекту, право на забастовку признавалось за рабочими всех предприятий, кроме рабочих электростанций, трамвая и предприятий коммунального хозяйства. Но правительство сохраняло за собой право запре-

---

104 „Ulus", 1957, 19 mart.

105 „Akşam", 1960, 1 mart.

106 «Экономическое положение стран Азии и Африки в 1959 г.», стр. 231.

щения забастовок в период объявления чрезвычайного положения в стране. Вскоре законопроект был разослан министерствам и различным учреждениям для ознакомления.

Законопроект не обеспечивал права на забастовку рабочим всех отраслей промышленности и фактически предоставлял правительству неограниченное право на ее запрещение путем объявления военного положения в стране. Но и в этом виде законопроект остался под сукном и не был утвержден меджлисом. Продолжал оставаться в силе закон о труде от 8 июня 1936 г., запрещавший рабочие забастовки.

Несмотря на это, рабочий класс Турции сравнительно усилил свою забастовочную борьбу. Он боролся за восьмичасовой рабочий день, введение социального страхования, облегчение условий труда, снижение налогов, запрещение штрафов и предоставление права на организацию забастовок, за улучшение материального положения.

Бастовали текстильщики и кожевники, обувщики и табачники, рабочие пекарен, боен, цементных заводов и других предприятий. Например, в течение 1951 г. организовали забастовку рабочие и работницы текстильных и табачных фабрик Стамбула, рабочие анкарских боен, пекарен Мерсина и другие.

В конце марта 1952 г. владелец шелкоткацкой фабрики в Анкаре, без всякого на то основания, уволил с работы 150 женщин. Рабочие и работницы запротестовали против такого произвола фабриканта и добились восстановления на работе своих товарищей. В течение 1952 г. бастовали также текстильщики Стамбула, рабочие муниципалитета Измира и докеры Александретты.

В последующие годы забастовочное движение приняло более широкий размах. В январе 1954 г. объявили забастовку рабочие текстильной фабрики «Адалет» и ситценабивной фабрики «Вакко» в Стамбуле. Они требовали повышения заработной платы на 50%. В апреле 1954 г. владелец текстильной фабрики в Едикуле (Стамбул) Фуад Безмен уволил с работы 8 рабочих, которые были избраны в правление профсоюза. В ответ на это около тысячи рабочих не вышли на работу. Они объявили забастовку, требуя возвращения своих товарищей. И рабочие одержали победу. Все восемь рабочих были восстановлены на работе.

16 июля 1954 г. организовали забастовку около шестисот докеров Измира. Они запротестовали против изменения контракта на погрузочно-разгрузочные работы, заключенного еще в 1951 году. Власти сумели подавить забастовку при помощи войск[107]. Был закрыт профсоюз докеров, произведены много-

[107] „Istanbul", 1954, 17 juillet.

численные аресты и возбужден судебный процесс против рабочих. В июле 1955 г. портовые рабочие Измира опять организовали забастовку с требованием повышения зарплаты[108]. Это была вторая крупная забастовка в течение года. Она была примечательна тем, что несмотря на продолжение судебного процесса рабочие не испугались его и вновь объявили забастовку[109].

Волна забастовочного движения в 1955 г. охватила Стамбул, Анкару, Измир, Адану, Битлис и другие города. Забастовочная борьба турецких рабочих ширилась и в последующие годы. Требовали повышения заработной платы рабочие ткацкой фабрики в Кайсери, пивоваренного завода в Анкаре и военного завода в Кырыккале. В мае 1959 г. объявили забастовку 50 работниц ткацкой фабрики «Ланатекс» в Рами (Стамбул). Это была первая забастовка работниц. Они требовали восстановления на работе своего мастера, чего и добились[110].

Рабочий класс Турции организовал также ряд забастовок, направленных против иностранных монополий. Так, в конце декабря 1957 г. произошел конфликт между рабочими порта Алсанджак и руководством Голландской строительной компании. Рабочие требовали повышения зарплаты на 30%. В конфликт вмешалось правительство, проведшее переговоры с рабочими, а также с компанией. Лишь после того, как компания удовлетворила требования рабочих, последние возобновили работу[111]. В конце октября 1959 г. произошел конфликт также между рабочими и американской компанией «Миткоф Гамильтон». Причиной конфликта послужило увольнение компанией 550 рабочих, занятых на строительстве американского городка в Анкаре. Компания в течение недели отказывала рабочим в выдаче заработной платы. 2 ноября рабочие устроили демонстрацию молчаливого протеста перед министерством труда и зданием американского посольства. Демонстрация рабочих была разогнана полицией.

Кроме экономических забастовок, рабочие организовали ряд выступлений политического характера. Так, докеры Измира и Александретты несколько раз (июнь 1950 г., июль 1951 г.) отказались выгружать американское оружие. Рабочий класс Турции выступал также за вывод турецкой бригады из Южной Кореи, за мир и дружбу между всеми народами, прекращение вмешательства иностранных монополий и военщины во

---

[108] „Cumhuriyet", 1955, 16 temmuz.

[109] Этот судебный процесс кончился в апреле 1957 г. оправданием рабочих.

[110] „Yeni sabah", 1959, 29 mayis.

[111] „Milliyet", 1957, 27 aralik.

внутренние дела страны, проведение национальной внешней политики и восстановление добрососедских отношений с Советским Союзом.

Но наряду с активными формами забастовочной борьбы, имели место также случаи, когда рабочие прибегали к составлению коллективных петиций на имя правительства (петиция десяти тысяч угольщиков Зонгуладского бассейна в декабре 1951 г., петиция министру труда от ткачей Анкары в марте 1952 года и др.).

Касаясь характера рабочего движения Турции, нельзя обойти вопрос о месте и роли профсоюзных организаций в этом движении. Закон о рабочих профсоюзах и союзах рабочих профсоюзов и предпринимателей был принят еще 30 февраля 1947 года. Согласно этому закону, рабочие профсоюзы могли быть организованы не по территориальному, а по профессиональному признаку, т. е. на одном предприятии разрешалась организация нескольких профсоюзов, объединяющих рабочих разных профессий. Закон предусматривал, что профсоюзы не имеют права на организацию забастовок, а также выступлений политического характера. Профсоюзы должны были работать под наблюдением представителей министерства труда[112].

С тех пор в Турции было организовано множество низовых профсоюзных организаций, а также их объединений. Число рабочих, объединенных в профсоюзы, к концу правления ДП составило более 350 тысяч. Турецкие власти позаботились о том, чтобы расставить верных себе людей в руководящих органах профсоюзов и держать профсоюзное движение под контролем правительства. Так, во главе Всеобщей конфедерации рабочих профсоюзов Турции, организованной в 1952 г., всегда стояли лица, близкие к правительственным кругам, в особенности последний из них — Нури Бешер.

Эти меры предопределили характер турецкого профсоюзного движения, которое верно служило интересам буржуазии. В период правления ДП не было такого случая, чтобы профсоюзы по своей инициативе возглавили забастовочное движение турецкого пролетариата. Забастовки и стачки организовывались помимо воли и желания профсоюзных бюрократов. Но в связи с тем, что в последние годы правления ДП материальное положение турецких рабочих значительно ухудшилось, лидеры профсоюзов, под прямым давлением трудящихся масс, начали выступать в поддержку их требований. Лидеры профсоюзов, с одной стороны, опасались оказаться дискредитированными в глазах трудящихся масс, а с другой —

[112] „Ulus", 1947, 21 şubat.

стать неспособными выполнить свою роль по подчинению профсоюзного движения интересам буржуазии. На профсоюзных собраниях рабочие выступали не только за право на организацию забастовок, но и требовали повышения зарплаты, введения социального страхования и оплачиваемых отпусков, улучшения охраны труда женщин и детей, создания страхового фонда по безработице, льгот беременным женщинам и заключения коллективных договоров с предпринимателями. Эти требования на словах выдвигали и профсоюзные лидеры. Но они фактически ничего не делали для их практического осуществления.

Правительство Мендереса, испугавшись дальнейшего подъема профсоюзного движения, пошло на применение репрессий против него, с января 1957 г. были закрыты профсоюзы рабочих Чукурова, рабочих района Сакарьи (Эскишехира)[113], объединение рабочих профсоюзов Стамбула[114]. Было закрыто также объединение рабочих профсоюзов Бурсы и т. д.[115]. Профсоюзы эти были закрыты якобы потому, что занимались политикой, а объединение рабочих профсоюзов Стамбула—за нарушение законодательства о профсоюзах, так как последнее состояло из рабочих разных профессий[116].

Помимо репрессий против профсоюзов и рабочего класса, правительство Мендереса пошло и на частичные уступки — повышение зарплаты рабочих некоторых отраслей промышленности, чтобы ослабить их борьбу. Но это мероприятие правительства не дало желаемых результатов.

В годы правления правительства Мендереса забастовочная борьба рабочего класса по сравнению с предыдущим периодом значительно усилилась, возросла его классовая сознательность и укрепилась рабочая солидарность. Рабочие одержали ряд побед над владельцами фабрик и заводов. Особенно следует отметить участие женщин в забастовочной борьбе.

Основной формой борьбы рабочего класса являлась борьба за улучшение материального положения, т. е. экономическая борьба. Политическая борьба в основном сводилась к требованию права на забастовку. В виду того, что турецкая компартия находилась в глубоком подполье, рабочие почти не вели легальную идеологическую борьбу. Тем самым борьба рабочего класса в Турции в основном находилась на первой и отчасти на второй стадиях рабочего движения.

Профсоюзы Турции, как уже отмечалось, не оказались

---

[113] „Ulus", 1957, 12 ocak.

[114] „Ulus", 1957, 15 ocak.

[115] „Ulus", 1957, 6 mayis.

[116] „Ulus", 1957, 15 ocak.

на должной высоте отчасти по вине их руководителей — верных прислужников правящей партии. Тем самым широкие массы трудящихся продолжали оставаться без организаторов профсоюзного движения. Некоторая часть рабочих еще уверовала в правительство, что говорило о ее недостаточной классовой сознательности.

В силу этих причин рабочее движение в Турции не сумело объединиться в национальном масштабе, оно развивалось в отрыве от крестьянской борьбы. Более того, рабочий класс Турции не сумел обеспечить руководство крестьянским движением, что ослабляло единый фронт общедемократической борьбы турецкого народа. Борьба трудящихся масс города и села не приняла форму общенародной борьбы за социальное освобождение.

ГЛАВА IV

МЕЖПАРТИЙНАЯ БОРЬБА В ТУРЦИИ В 1950—1960 гг.

До прихода к власти Мендерес и другие лидеры ДП выдавали себя за сторонников многопартийной системы правления[1]. В связи с этим они заявляли, что будут соблюдать нормы и правила межпартийной борьбы. Став правящей партией, ДП предала забвению свои обещания и вскоре стала на путь постепенной ликвидации буржуазной оппозиции.

Репрессии правительства Мендереса против оппозиционных буржуазных партий явились проявлением борьбы, развернувшейся между различными группировками турецкой буржуазии. Они были призваны способствовать установлению монопольной власти крупной буржуазии над экономикой, а также политикой страны.

Правительство Мендереса первым долгом начало преследовать НРП — наиболее сильную и организованную оппозиционную партию и главную соперницу ДП.

Пользуясь большинством в меджлисе, ДП провела ряд законов с целью подавления оппозиции. Оформлением этих мер в законодательном порядке правящая партия стремилась представить дело таким образом, что якобы ее политика в этой области отражает волю нации.

Первый такой закон был принят меджлисом 8 августа 1951 года. Согласно закону, все «народные дома» и «народные комнаты» НРП подлежали роспуску, а их имущество—

---

[1] S. Parsadan, C. Hunca ve I. Göktürk, ayni eser, s. 70—71.

передаче в государственную казну. Официальной версией роспуска «народных домов» и «народных комнат» послужило то, что эти учреждения были основаны НРП за счет государства в период нахождения у власти[2]. В результате НРП лишилась своих опорных пунктов.

Следующим мероприятием правительства Мендереса, направленным против НРП, было принятие закона о конфискации ее движимого и недвижимого имущества, приобретенного на средства государства. Подлежало конфискации даже имущество, завещанное М. Кемалем НРП.

8 декабря 1953 г. парламентская фракция ДП одобрила законопроект по этому вопросу. Автором законопроекта был депутат меджлиса А. Тюркан. 14 декабря меджлис принял закон, через день он был утвержден президентом, а 17 декабря — вступил в силу.

Кроме конфискации всего движимого и недвижимого имущества НРП, закон предусматривал также взыскание с последней сумм, которые она получила от государства на нужды партии под предлогом обеспечения деятельности «народных домов» и «народных комнат». Задолженность НРП государству, согласно этому закону, составила 20 млн. тыс. лир. Закон предусматривал, что в случае неуплаты этой суммы на НРП будет распространен «Закон о банкротстве». Это повлекло бы за собой роспуск партии. Чтобы уплатить эту сумму, НРП должна была продать не только все свое имущество, но и газеты «Улус» и «Дюнья». Орган НРП, газета «Улус» с 15 декабря 1953 г. начала выходить под названием «Ени Улус»[3].

Обращает на себя внимание то, с какой поспешностью был обсужден и принят этот закон. Один из видных членов ДП А. Х. Башар в этой связи впоследствии писал, что «этот закон наподобие молнии пронесся через партийную фракцию, комиссию и меджлис»[4].

НРП встретила в штыки решение меджлиса. Особенно неистовствовал Ялчин. Он писал, что конфискацией имущества НРП правительство Мендереса стремится ликвидировать

---

2 Решения об учреждении «народных домов» и «народных комнат» были приняты правительством НРП соответственно в 1931 и 1940 гг. «Народные дома» были учреждены в крупных и мелких городах. Первые «народные дома» были открыты в 1932 году, а в 1949 г. их число составило 478 (см. G. Lewis, ibid, p. 107). «Народные комнаты» были основаны большей частью в деревнях и поселках, число которых в 1950 г. составляло 4392 (см. G. Lewis, ibid, p. 107—108). «Народные дома» и «Народные комнаты» являлись пропагандистско-просветительными центрами НРП.

3 23 мая 1954 г. эта газета начала выходить под названием «Халкчи», а с 10 июня 1955 г. опять под названием «Улус».

4 A. H. Başar, Demokrasi buhranları, s. 100.

ее и что путь, на который встал премьер-министр, ведет к установлению диктатуры[5]. Позже он писал, что теперь Турция «будет рассматриваться как страна, идущая по стопам Гитлера и Муссолини так как Мендерес попрал юридические нормы государства, растоптал демократию и встал на путь установления личной диктатуры»[6]. Газеты «Джумхуриет», «Хюрриет», «Ватан», «Ени Сабах» и «Акшам» расценили принятие этого закона как орудие политической борьбы накануне выборов в меджлис десятого созыва.

Закон нашел неблагоприятные отклики также на Западе. Некоторые органы западной монополистической печати были возмущены тем, что в Турции был принят закон, ущемляющий буржуазную демократию. Так, «Экономист» писал: «Верно, что правительство иногда было повинно в деспотическом поведении: в частности, проведенную правительством конфискацию имущества и активов народно-республиканской партии всего за несколько месяцев до выборов трудно оправдать»[7]. «Форчун» отмечал, что «...в декабре прошлого года она (т. е. ДП.—*Р. К.*) оказалась способной провести через парламент закон, лишающий оппозиционную партию почти всех ее активов, включая газету «Улус». Право оппозиции на эти активы возможно и было спорным, но метод вынесения решения скорее походил на воровство, чем на законный процесс»[8].

В 1954 г. НРП была также лишена возможности пользоваться государственным радио[9]. В связи с этим обращает на себя внимание утверждение П. Сафа о том, что «радио в Турции не нейтрально». Он считал, что это уже означало отсутствие свободы слова на 90%[10]. Таким образом, государственное радио Турции было полностью поставлено на службу правящей партии.

Правительство Мендереса не останавливалось и перед репрессиями против Инёню, тогдашнего генерального секретаря НРП К. Гюлека и других ее руководящих деятелей.

Одним из методов преследования лидеров НРП был срыв их выступлений на собраниях и митингах партии. Так, в октябре 1952 г. намерению Инёню выступить в Балыкесире воспротивился губернатор вилайета[11]. Этого было достаточно, чтобы члены правящей партии стали чинить ему всякие пре-

---

[5] „Ulus", 1953, 12 aralik

[6] „Ulus", 1953, 14 aralik.

[7] „Economist", 1954,... p. 2.

[8] „Fortune", 1954, June,

[9] „Monde", 1960, 3 août.

[10] T. Feyzioglu, Demokrasiye ve Diktatörluge dair, s. 35.

[11] N. Berksan, Başvekil, s. 118.

пятствия. Они привезли на площадь пчелиные ульи с расчетом пустить пчел на Иненю. В довершение ко всему этому председатель муниципалитета Айвалыка, член правящей партии А. Баскин, приехал в Балыкесир и привез с собой 6 ящиков гнилых помидор, чтобы ими швыряли в Инёню. Члены НРП, в свою очередь, решили предупредить срыв митинга. На этой почве произошла свалка, в ходе которой многие члены НРП были избиты. Сам Инёню вынужден был отказаться от поездки в Балыкесир и направился в Бурсу. В Бурсе Инёню заявил, что в создавшейся обстановке он вынужден отменить свою поездку по стране, так как в «настоящее время в Турции невозможно проводить политические собрания и выступать на них». Инцидент этот получил широкий резонанс в стране. Чтобы как-то сгладить впечатление, Мендерес выступил с публичным заявлением. Он заявил по этому поводу: «Уважаемый лидер оппозиции весьма прав. Губернатор Балыкесира злоупотребил властью, и мы ему дали указание, чтобы этого больше не повторялось впредь. От имени правительства я прошу прощения у Инёню»[12].

Как показали дальнейшие события, это заявление Мендереса носило чисто формальный характер, так как власти продолжали чинить препятствия Инёню во время его выступлений на публичных собраниях и митингах. Дело доходило до того, что полиция прибегала к газовым и слезоточивым бомбам, применяла конницу и пускала в ход дубинки против членов НРП и других лиц, встречавших Инёню.

Примечателен в этом отношении случай, происшедший в городе Зиле (вил. Токата). 17 октября 1958 г. полиция запретила сторонникам и членам НРП собираться на пути следования Инёню. Последние воспротивились этому. Произошло столкновение. Полиция сумела разогнать их, применив дубинки, приклады и слезоточивые газы. Столкновение между членами НРП и полицией произошло также в Бурдуре. А 30 апреля 1959 г. власти организовали покушение на Инёню в Ушаке, в результате чего он был ранен в голову[13]. Полиция была вынуждена применить слезоточивые газы, чтобы разогнать демонстрацию. В организации покушения на Инёню принял непосредственное участие Гедик.

Неудача покушения на Инёню в Ушаке не остановила властей. Они решили расправиться с ним в Стамбуле, куда он возвратился сразу же после событий в Ушаке. 4 мая 1959 г. огромная толпа членов правящей партии, около 5 тысяч человек, с камнями и палками набросилась на машину Инёню в

---

[12] N. Berksan, ayni eser, s. 118.

[13] „Vatan", 1959, 2 mayis.

Топкапы с намерением убить его. Но тут вмешались майор турецкой армии К. Байрактар и 6 солдат, которым силой оружия удалось спасти Инёню[14]. Небезынтересно отметить, что некоторые члены ДП выступили с требованием выслать Инёню за пределы страны[15].

Подвергался преследованиям и Гюлек. В августе 1955 г. он был арестован в Синопе за то, что поставил под сомнение законность выборов в меджлис десятого созыва[16]. Правда, вскоре власти были вынуждены освободить Гюлека. Но в декабре он предстал перед уголовным судом Стамбула. По требованию прокурора дело Гюлека рассматривалось при закрытых дверях[17]. Процесс длился почти полтора года. В мае 1957 г. он был приговорен к восьми месяцам тюремного заключения и денежному штрафу в сумме 15533 тыс. лир[18]. Таким образом Гюлек был лишен возможности принимать участие в выборах меджлиса одиннадцатого созыва.

Правительство Мендереса подвергало преследованиям не только НРП и ее лидеров, но и национальную партию. 3 сентября 1953 г. была запрещена газета «Миллиет» — орган этой партии. 26 сентября 1953 г. власти возбудили судебное дело против 13 руководящих деятелей партии, обвинив их в том, что они якобы использовали религию как средство политической борьбы и имели намерение создать теократическое государство[19]. Фактически руководство национальной партии было предано суду из-за оппозиционной деятельности. Решением анкарского суда партия была распущена, а ее лидеры арестованы и оштрафованы[20]. 10 февраля 1954 г. бывшие руководящие деятели национальной партии основали новую партию—республиканскую национальную партию (впредь РНП.—*Р. К.*)[21]. На этот раз власти стали преследовать и ее, всячески мешая в развертывании оппозиционной деятельности.

8 июня 1954 г. был заключен в тюрьму сроком на 3 месяца и 6 дней один из активных членов этой партии, генерал в отставке С. Алдоган. Последний подверг резкой критике деятельность правительства Мендереса. 1 июля 1955 г. он вновь

---

[14] „Ulus", 1960, 24 haziran.

[15] „Akşam", 1959, 12 ekim.

[16] „Ulus", 1955, 14 agustos.

[17] „Ulus", 1955, 15 aralık.

[18] „Ulus", 1957, 31 mayıs.

[19] „Middle East Journal", 1954, № 1, p. 90.

[20] G. Lewis, ibid, p. 135.

[21] Генеральным председателем РНП был избран А. Тахтакылыч, а генеральным секретарем А. Бояджигилер. На первом конгрессе партии, имевшем место в октябре 1956 г., А. Тахтаклыча заменил О. Бёлюкбаши.

был арестован за свою речь в Чанкыры, в которой якобы «оскорбил» меджлис. 20 июля 1955 г. его приговорили к тюремному заключению сроком на 9 месяцев и 10 дней[22].

2 июля 1957 г. был арестован лидер РНП О. Бёлюкбаши. Мотивы ареста состояли в следующем: 12 июня 1957 г. меджлис принял решение о том, чтобы город Кыршехир вновь стал вилайетским центром. Однако район, уроженцем которого был Бёлюкбаши, продолжал оставаться в подчинении Невшехира. Бёлюкбаши потребовал, чтобы район остался в составе вилайета Кыршехир, откуда он был избран депутатом меджлиса. 24 июня 1957 г. его лишили депутатской неприкосновенности 247 голосами против 49, а в начале июля арестовали. Тогда члены РНП организовали митинг протеста перед зданием палаты правосудия. 23 июля Бёлюкбаши был освобожден из-под ареста, но 25 июля опять заключен в тюрьму[23]. Он был освобожден из тюрьмы 30 ноября 1957 г. лишь после того, как был избран депутатом меджлиса[24]. Примечательно, что Бёлюкбаши освободили из тюрьмы не непосредственно после объявления итогов выборов в меджлис, а спустя месяц.

В ноябре 1959 г. О. Бёлюкбаши был осужден на 10 месяцев тюремного заключения с лишением избирательного права[25].

Наряду с репрессиями правительство Мендереса прибегло также и к другим мерам с целью подавления и ликвидации официальной оппозиции. Одной из таких мер было принятие меджлисом 27 июня 1956 г. закона № 5761 о собраниях и демонстрациях. Согласно статье 12 этого закона, запрещались всякие открытые и закрытые собрания и демонстрации в общественных местах, частных домах и учреждениях. Подобные собрания и демонстрации могли проводиться лишь по разрешению властей. Тем самым оппозиционные партии фактически лишались свободы в проведении собраний и демонстраций. Закон (статья 13-я) предоставлял властям право разгона не разрешенных ими собраний и демонстраций при помощи оружия. Нарушители закона могли подвергнуться тюремному заключению сроком от одного до трех лет и штрафу от 1000 до 5000 лир[26]. Закон целиком и полностью был направлен против оппозиционных партий[27]. В то же вре-

---

[22] „Ulus", 1955, 21 temmuz.

[23] „Ulus", 1957, 24 ve 26 temmuz.

[24] „Ansiklopedik politika sözlüğü", s. 72.

[25] „Akşam", 1959, 8 kasim.

[26] „CHP'nin El Kitabı", s. 125—126.

[27] M. Alpaslan, Son tadillere göre Cemiyetler kanunu ve toplanmalarla ilgili mevzuat, s. 73.

мя получили полную свободу действий члены ДП, которым всегда было обеспечено согласие властей на проведение любых собраний и демонстраций.

Закон от 27 июня 1956 г. был важным этапом в политике правительства Мендереса на пути ликвидации буржуазных прав и свобод. Одна из целей принятия этого закона заключалась в том, чтобы сковать возможности оппозиционных партий накануне выборов в одиннадцатый меджлис.

После принятия закона власти начали повсеместно запрещать собрания оппозиционных партий. Так, власти запретили собрание членов НРП в Чебеджи (вил. Анкары)[28], работу конгресса НРП в Бартыне[29] и т. д. Были арестованы и преданы суду секретарь вилайетской организации НРП в Диарбекире Ф. Калфаги и восемь других членов партии. Им были предъявлены обвинения в нарушении закона о собраниях и демонстрациях. В действительности, они сидели в кафе и обсуждали партийные вопросы[30]. В апреле того же года конгресс НРП в Соке проходил в присутствии жандармов[31].

В марте 1960 г. полиция разогнала собрание женской организации при НРП в Стамбуле, якобы потому, что оно проводилось в политических целях[32].

Власти запрещали проводить собрания и демонстрации также членам РНП и партии свободы. В январе 1957 г. губернатор Анкары Гёктан запретил проведение закрытого собрания партии Свободы[33]. Далее, 22 января 1958 г. 22 члена и сторонники партии были приговорены к шести годам тюремного заключения. Вина их заключалась в том, что 12 мая 1957 г. они собрались на встречу Фетхи Челикбаша — одного из лидеров партии. Этого было достаточно, чтобы власти усмотрели в ней организацию незаконного политического митинга[34]. Властей не смутило и то, что закон не предусматривал столь длительный срок тюремного заключения — почти в два раза больше, чем полагалось за подобные «преступления».

Однажды в кругу приближенных Мендерес хвастливо заявил, что он в течение «трех—пяти месяцев наденет мешок на голову партии Свободы», т. е. заставит ее замолчать[35].

---

28 „Ulus", 1957, 20 ocak.

29 „Ulus", 1957, 1 eylûl.

30 „Ulus", 1957, 3 nisan.

31 „Ulus", 1957, 15 nisan.

32 „Ulus", 1960, 7 mart.

33 „Ulus", 1957, 20 ocak.

34 „Ulus", 1958, 23 ocak.

35 „1962 Türkiye yıllığı", s. 143.

Правительство Мендереса широко практиковало также лишение парламентской неприкосновенности депутатов НРП и других партий. Только в период 1954—1957 гг. меджлис рассмотрел 33 дела депутатов оппозиции о лишении их права неприкосновенности, что составляло почти половину их общего числа. Были лишены депутатской неприкосновенности депутаты НРП С. Аталай, О. Алишироглу, К. Кырыкоглу, И. Су и другие[36].

Репрессии и другие меры властей против оппозиции явились грубым нарушением элементарных норм буржуазной демократии, — свободы слова, собраний и демонстраций, свободы личности.

Характеризуя политику преследований правительства Мендереса в отношении оппозиционных партий, «Вашингтон Пост энд Геральд» писала: «Турки подавили не только коммунистов, но фактически уничтожили всякую политическую оппозицию, причем самыми резкими мерами»[37]. Репрессии властей против оппозиции значительно усилились накануне выборов в меджлис осенью 1957 года. Конечной целью этой политики правительства Мендереса было установление однопартийной системы правления.

Правительство Мендереса подавляло также свободу печати. Ко времени прихода к власти ДП прогрессивная турецкая печать уже была разгромлена усилиями правительства НРП. Следовательно, когда мы говорим о политике ликвидации свободы печати, проводившейся ДП, то подразумеваем подавление оппозиционной буржуазной печати.

Печать, находившаяся на службе у НРП, РНП, партии Свободы и других партий, восхваляла американскую военную, экономическую и техническую «помощь» Турции, политику гонки вооружений, репрессий против коммунистов, сторонников мира и других патриотов. Она превозносила до небес «традиционную дружбу» Турции с западными странами. Лишний раз это было продемонстрировано по случаю столетия Крымской войны.

Турецким газетам было запрещено печатать объективные материалы о СССР и других социалистических странах. Страницы турецкой печати были наводнены материалами антисоветского характера. Турецким газетам запрещалось критиковать американскую агрессивную внешнюю политику, что вызывало восторг правящих кругов США. «Юнайтед стейтс ньюс энд уорлд рипорт» писала по этому поводу, что в Тур-

---

[36] „Hürriyet", 1951, 14 şubat.

[37] „Washington Post and Times Herald", 1959, 9 december.

ции «антиамериканизм запрещен, а критиковать США значит совершить политическое самоубийство»[38].

Несмотря на непринципиальность и непоследовательность критики, с которой оппозиционная печать выступала против деятельности правительства Мендереса, правящая партия встала на путь ее окончательной ликвидации. Политика ликвидации оппозиционной печати явилась составной частью политики ликвидации буржуазной оппозиции в целом.

Первый закон, направленный против оппозиционной печати, был принят меджлисом 7 марта 1954 года. Он предусматривал, что журналисты и авторы статей, критикующие государственных деятелей и наносящие ущерб их авторитету, должны были подвергаться тюремному заключению сроком от пяти месяцев до трех лет и денежному штрафу от 1000 до 10000 лир. Закон предусматривал увеличение меры наказания, если нарушитель его являлся высокопоставленной личностью[39].

Если прежний закон о печати (статья 159 уголовного кодекса) предусматривал наказание лишь лиц, публично оскорбивших «честь» Турецкой республики, меджлиса, министерств, армии и органов государственной безопасности, то новый закон шел намного дальше — наказанию подлежали все лица, оскорбившие в печати любого государственного чиновника. Согласно этому закону, были учреждены специальные суды по делам печати, полностью находившиеся под контролем властей. Такие суды были учреждены в Стамбуле и Анкаре.

Оппозиция голосовала против нового закона, принятие которого власти заведомо приурочили к началу предвыборной кампании в десятый меджлис. Закон нанес сильный удар по позициям оппозиционных партий и органов их печати. Т. Фейзиоглу отмечал, что закон был принят именно накануне выборов в меджлис 1954 г., чтобы оставить НРП без газет и издательств[40].

Опираясь на этот закон, власти привлекли к судебной ответственности и заключили в тюрьму ряд турецких журналистов. Первой жертвой стал Ялчин — главный редактор газеты «Халкчи». 25 сентября 1954 г. он был арестован за критику правительства и лично Мендереса. Надо отметить, что еще 18 апреля 1952 г. меджлис лишил его депутатской неприкосновенности за статью «Голосование с закрытыми глазами», в которой он подверг резкой критике выборы в меджлис 1950 г. и внутреннюю политику ДП. На сей раз суд приговорил Ял-

---

[38] „United States News and World Report", 1954, 13 august, p. 38.

[39] A. E. Yalman, ibid, p. 263.

[40] T. Feyzioğlu, aym eser, s. 110.

чина к тюремному заключению сроком на 26 месяцев и 20 дней и денежному штрафу в сумме 4444,5 лир. 1 декабря 1954 г. он был заключен в тюрьму Искюдара, где и отметил свое восьмидесятилетие[41]. Вместе с Ялчином власти упрятали за решетку ответственного директора газеты «Халкчи» Дж. Саглама—на 46 месяцев 20 дней с штрафом 7777,5 лир[42]. Владелец газеты Н. Эрим был оштрафован на сумму в 22,222 лир. В октябре 1954 г. был приговорен к 14 месяцам тюремного заключения и штрафу в сумме 2500 лир Джеляль Карныч-оглу—владелец выходящей в Эскишехире газеты «Халк-йолу» за критику деятельности министра финансов и губернатора вилайета[43]. Затем в тюрьме оказались также журналисты Ф. Арна, Б. Фаик, Т. Туран, Э. Адемхан, З. Ханхан, Ш. Беркер, Х. З. Сойлемезоглу и другие.

Однако и этот драконовский закон о печати не удовлетворял правительство Мендереса.

6 июня 1956 г. меджлис принял новый закон о печати, согласно которому газетам и журналам запрещалось печатание статей и заметок об экономическом положении страны; опубликование подобных статей, заимствованных из иностранных газет, журналов и книг; статей, критикующих депутатов меджлиса. Лица, нарушившие этот закон, могли быть приговорены к тюремному заключению сроком от одного до пяти лет и штрафу от 1 тыс. до 5 тыс. лир[44]. Закон лишал журналистов права апелляции и права на доказательство, и судьи могли сами определить, допущено ли обвиненным журналистом оскорбление в отношении лица, возбудившего иск. Как явствует из текста нового закона, последний охватывал более широкий круг «преступлений», не говоря уже о том, что срок тюремного заключения был продлен на два года.

Депутаты оппозиции в своих выступлениях в меджлисе подвергли резкой критике новый закон. Они, в частности, отмечали, что даже в период султанской Турции власти не оказывали такого давления на печать, что закон является новым шагом к установлению режима тьмы и мрака[45]. Согласно заявлению Инёню, новый закон о печати был призван

---

[41] 18 марта 1955 г. Ялчин был амнистирован президентом, а 18 октября 1957 г. он умер.

[42] Джемаль Саглам умер 20 октября 1955 г. Он был привлечен к судебной ответственности 60 раз, больше, чем какой-либо другой журналист, см. „Vatan", 1955, 21 ekim.

[43] „Istanbul", 1954, 20 octobre.

[44] „Zafer", 1956, 8 haziran.

[45] „Istanbul", 1956, 7 juin.

окончательно ликвидировать всякую критику печати и оппозиции в адрес правительства[46].

После того как меджлис принял этот закон, власти обрушили новые репрессии и преследования на оппозиционную печать. В феврале 1957 г. был арестован владелец и главный редактор журнала «Акис» — М. Токер за статью, опубликованную более года назад и направленную против министра печати и информации. Токера заключили в тюрьму сроком на 7 месяцев и оштрафовали на сумму 5 тыс. лир. В конце мая 1957 г. суд приговорил к тюремному заключению сроком на 8 месяцев Гюлека — как издателя «Улуса»[47]. Вскоре оказались в тюрьме также издатель газеты «Заман акшам постасы» Н. С. Джошкун и редактор той же газеты Р. Экинджи[48].

Преследование оппозиционной печати еще более усилилось в период предвыборной кампании 1957 г. и после нее. Было закрыто Стамбульское общество журналистов за опубликование манифеста, в котором выражалось недовольство отношением властей к журналистам во время их встречи 1 июля 1957 г. с Бёлюкбаши[49]. Закрылась и газета «Ени гюн» — орган партии Свободы[50]. Подвергся аресту Дж. С. Барлас — владелец газеты «Сон Хавадис»[51], был заключен в тюрьму ответственный редактор газеты «Ени гюн» — Э. Токатли[52].

Впоследствии власти закрыли газеты «Улус», «Ени гюн», «Демократ Измир», журналы «Акис» и «Ким».

В период 1958—1960 гг. в Турции было арестовано и посажено в тюрьму большое число журналистов, в том числе З. Бумут, А. Оймен, Ю. З. Адемхан, У. Арман, Б. Дженкчи, Х. Сойтюрк, А. Гюнгор, М. Гюльгенджи, Эмин М. Адисом, Бахчиоглу, Ф. Гирей и другие.

Не избежал тюрьмы и Ялман. 30 мая 1959 г. его осудили на 15 месяцев тюрьмы и ссылку в Самсун на три месяца и 10 дней. «Преступление» Ялмана заключалось в том, что он «оскорбил добропорядочность правительства», перепечатав статью американского журналиста Юджина Пуллуэма из газеты «Стар», в которой критиковалась экономическая политика Мендереса и приводились факты распределения американской «помощи» среди окружения премьер-министра. Вместе с Ялманом были приговорены к тюремному заключению

---

[46] Там же.

[47] „Ulus", 1957, 31 mayis.

[48] „Ulus", 1957, 11 mayis.

[49] „Istanbul", 1957, 6 juillet.

[50] „Ulus", 1957, 21 agustos.

[51] „Ulus", 1957, 2 kasim.

[52] „Ulus", 1957, 22 kasim.

на 16 месяцев его сын — журналист Т. Ялман и ответственный редактор газеты «Ватан» — С. Акпынар. В начале января 1960 г. власти отложили на 6 недель приведение в исполнение приговора по делу Ялмана. Однако в марте Ялман все же оказался в тюрьме, несмотря на свой 72-летний возраст и плохое состояние здоровья. Вскоре он был переведен в больницу. В середине апреля 1960 г. он вышел из больницы, и отбывание тюремного заключения было отложено на шесть месяцев. Арест Ялмана получил широкую огласку на Западе и вызвал протесты со стороны Международного института печати, в который он входил в качестве члена исполнительного конгресса. 18 декабря 1959 г. институт призвал всех редакторов газет «свободного мира» заявить самый решительный протест против преследования свободы буржуазной печати в Турции. 25 марта 1960 г. институт опубликовал копию письма Ялмана Мендересу. В письме отмечалось, что в Турции нет свободы печати. Ялман писал, что глубоко огорчен действиями правительства и сожалеет по поводу того, что Мендерес, которого он в свое время поддерживал и которому помог основать партию, подвергся «недугу», угрожающему людям, стоящим у власти. 25 марта 1960 г. в Токио состоялся конгресс института. Ялман был переизбран членом исполнительного конгресса. Участники конгресса потребовали освобождения Ялмана из тюрьмы. Конгресс потребовал также восстановления свободы печати в Турции. В этой обстановке власти вынуждены были отложить отбывание тюремного заключения Ялманом из-за неблагоприятных международных откликов.

В общей сложности, как об этом заявил в меджлисе Гедик, в период с 14 мая 1950 г. по 14 мая 1958 г. турецкими судами было рассмотрено 2324 обвинения против журналистов, 811 журналистов были присуждены к 144 годам 8 месяцам и 3 дням тюремного заключения и денежному штрафу в сумме 41 862 960 лир[53]. 1959 год явился «самым тяжелым годом турецкой печати», в течение которого 61 журналист был приговорен к 48 годам 10 месяцам и 1 дню тюремного заключения и 21 тыс. лир штрафу[54].

Правительство Мендереса не останавливалось перед насильственными мерами в отношении оппозиционной печати. Примером может служить разгром редакции оппозиционной газеты «Демократ Измир». В мае 1959 г. члены правящей партии с бутылками горючего и криками — «Громите коммунистическую газету», подожгли здание редакции газеты, вы-

---

[53] „Ulus", 1958, 19 aralık.

[54] „Cumhuriyet", 1960, 1 ocak.

ступавшей с критикой деятельности правительства. Это чудовищное по своему характеру преступление против свободы печати было равноценно фашистским разбоям.

Однако правительство не собиралось ограничиться этими мероприятиями. Без согласия меджлиса оно приняло решение: с 1 января 1958 г. частные объявления и рекламы предоставлялись газетам и журналам только акционерным обществом официальных объявлений Союза турецкой печати. Доходы от реклам и объявлений являлись важными статьями поступлений для турецких газет и журналов. Поэтому установление правительственного контроля над ними сильно подорвало их финансовые дела. Вскоре журналам «Форум» и «Акис» вовсе было запрещено печатать рекламы[55].

В августе 1959 г. правительство приняло новое постановление, согласно которому право публикования реклам и объявлений предоставлялось газетам с тиражом 10 тысяч экземпляров. Для вечерних газет устанавливалась норма не менее 6 тыс. экземпляров. Примечателен нашедший отражение в постановлении пункт, согласно которому одним из условий получения реклам и объявлений власти считали публикацию «объективной информации» газетами, т. е. восхваление политики правительства и личности лидеров правящей партии. Это постановление правительства поставило под угрозу закрытия 45 газет, а газета «Истикляль газетеси» (Анкара) сразу же была закрыта. Оказались на краю краха также газеты «Анкара телеграф», «Ени сес» и «Хер-гюн экспресс».

В знак протеста против этого постановления правительства подал в отставку председатель федерации профсоюза журналистов Месут Оздемир. Причину своей отставки он объяснил тем, что при режиме, созданном правительством для турецких журналистов, они не в состоянии выполнять свои обязанности. Как подчеркнул М. Оздемир, журналистов даже избивают при исполнении служебных обязанностей...[56].

Одним из рычагов давления властей на оппозиционную печать было также неравномерное распределение газетной бумаги среди редакций. Правительство щедро поставляло бумагу редакциям газет, восхвалявшим политику ДП, в то время как оппозиционные газеты держались на голодном пайке.

Принятые меджлисом законы о печати противоречили элементарным нормам буржуазной демократии и конституции Турции.

После второй мировой войны реакция в Турции предприняла против оппозиционной буржуазной печати такие ре-

---

[55] „Economist", 1958, 19 april, p. 223.

[56] „Akşam", 1959, 6 ekim.

прессии и преследования, какие не знала ни одна из самых реакционных стран капиталистического мира. Дело доходило до того, что журналиста, отбывавшего тюремное заключение, власти приговаривали к новым срокам заключения (У. Арман, Ю. Зия Адемхан и другие).

Эта позиция правительства неоднократно вызывала протесты не только со стороны турецкой, но и западной печати, пытавшейся спасти «честь» буржуазной свободы.

Против подавления свободы печати выступали «Нью-Йорк-таймс», «Нью-Йорк геральд Трибюн»[57], «Вашингтон пост», «Манчестр гардиан», «Монд» и другие органы монополистической печати Запада. «Вашингтон пост» писала: «Преследование печати в Турции столь же печальное, как и *всем знакомая история* (подчеркнуто нами. — *Р. К.*). Вновь Международный институт печати сообщает, что турецкие редакторы оштрафованы или брошены в тюрьмы за высказывание мыслей, которые правительство считает безответственными, или, как это имело место в одном случае, «могущими подорвать уважение к министру юстиции». Одной из жертв нынешней кампании является 16-летний разносчик газет, обвиняемый в том, что, продавая газеты, он кричал: «Пишут, что цена на сахар будет повышена»[58]. «Манчестер гардиан» отмечала, что в Турции «каждый месяц редакторов газет бросают в тюрьмы, издателей подвергают штрафу, а газеты закрывают. Со времени прихода к власти правительством Мендереса в тюрьмы было брошено более 800 журналистов»[59].

Характеризуя действия властей в отношении печати, «Монд» указывала: «Произвол закона доходил до того, что газета обязана была публиковать опровержение объемом в три раза больше, чем сама статья, и притом под заголовком, который предлагали власти»[60].

Следует подчеркнуть, что западная печать, критикуя действия правительства Мендереса в отношении оппозиционных газет, словом не упоминала о том, что прогрессивная печать в Турции была разгромлена правительствами НРП и ДП.

В упомянутой нами книге Э. Бисби утверждается, что «сегодняшняя турецкая печать вполне свободна от репрессий»[61]. Преследования и репрессии правительства Мендереса

---

[57] „New York Times", 1956, 10 may; 1958, 21 october; „New York Herald Tribune", 1959, 11 january.

[58] „Washington Post", 1959, 23 may.

[59] „Manchester Guardian", 1959, 8 may.

[60] „Monde", 1960, 3 août.

[61] E. Bisbee, ibid, p. 277.

против буржуазной печати начисто опровергали эти утверждения. Меры правительства ДП были направлены на достижение ее конечной цели — подавить буржуазную демократию и ликвидировать оппозицию, установить однопартийную буржуазную систему правления в стране.

* * *

Оппозиционные буржуазные партии, в особенности НРП, стремились использовать борьбу крестьянских масс и рабочего класса в своих узкопартийных целях. В целях привлечения на свою сторону широких народных масс, недовольных последствиями политики правительства, оппозиционные партии рядились в тогу выразителей их интересов.

В этой связи они подвергали острой критике экономическую политику правительства. Газеты оппозиционных партий пестрели объявлениями о нехватке питьевой воды, хлеба, мяса, кофе, масла и других товаров первой необходимости. Зачастую это иллюстрировалось снимками длинных очередей за продуктами питания. Вопрос дороговизны жизни почти всегда затрагивался в выступлениях руководящих деятелей оппозиционных партий.

Оппозиционные партии и органы печати «возмущались» по поводу повышения цен, «сочувствовали» беднейшим слоям населения, в густых красках описывали тяжелое экономическое и финансовое положение страны. Оппозиция обвиняла правящую партию, ее руководящих деятелей —депутатов меджлиса и членов правительства во взяточничестве, в использовании своего служебного положения в целях личного обогащения как за счет государства, так и за счет народных масс. Вместе с тем оппозиция стремилась вовлечь рабочий класс и крестьян в межпартийную борьбу, отвлекая их от классовой борьбы.

Правительство подвергалось критике за плачевное состояние просвещения и здравоохранения, особенно в восточных вилайетах страны.

Оппозиция выступила против проводимой правительством политики привлечения иностранного капитала. Парламентская фракция НРП, например, проголосовала против закона № 6224 от 18 января 1954 г. о поощрении иностранного капитала. Оппозиция выступила также против закона № 6326 от 7 марта 1954 г. о привлечении иностранного капитала в нефтяную промышленность. Подверглось критике и соглашение о неприкосновенности собственности американских монополий, подписанное между Турцией и США в январе 1957 года.

Оппозиционные партии воспротивились вступлению Турции в «общий рынок». Газета «Ени гюн» писала по этому поводу, что промышленность стран—участниц этого рынка раздавит и уничтожит турецкую промышленность[62].

Оппозиция критиковала правительство и лично Мендереса в том, что они не возмещали ущерб владельцам деревянных и других лавок и домов, снесенных якобы в целях благоустройства Стамбула. Это квалифицировалось как нарушение конституции, согласно которой отбираемое государством имущество подлежало оплате[63].

Что касается отношения оппозиции к внутриполитическим мероприятиям правительства, то они сводились к критике политики возрождения религиозного фанатизма, насаждения национализма и др.

На чрезвычайной сессии меджлиса 12 сентября 1955 г. НРП, РНП и крестьянская партия осудили поведение правительства во время событий 6—7 сентября в Стамбуле и Измире, чтобы привлечь на свою сторону симпатии национальных меньшинств. Правящая партия обвинялась в этой связи и на последующих заседаниях меджлиса, в частности в январе 1956 года. НРП выражала свой протест против репрессий, применяемых против нее властями, репрессий против оппозиционных партий и печати, нарушений властями избирательной системы.

Негодование оппозиции вызвал закон о собраниях и демонстрациях. Критикуя антидемократический характер этого закона, Т. Фейзиоглу провел параллель между султанской Турцией и Турцией республиканской и напомнил, что закон, разрешавший политические и другие собрания, впервые был принят в Турции еще в 1909 году[64]. Некоторые депутаты указывали, что новый закон противоречит как конституции, так и Всеобщей декларации прав человека. М. Хазер (депутат меджлиса от НРП) вслед за Т. Фейзиоглу отмечал, что еще 50 лет назад, т. е. в период правления султанов, в Турции был принят закон, разрешавший ее подданным проведение свободных собраний и демонстраций, что ныне запрещено делать гражданам республики[65].

Оппозиция обвиняла правящую партию также в том, что она оказывала давление на чиновников государственного аппарата, судей и использовала последних в своих партийных целях, вела дело к сращиванию партийного аппарата с госу-

---

[62] „Yeni gün", 1959, 2 eylûl.

[63] „Ulus", 1959, 8 aralık.

[64] T. Feyzioğlu, ayni eser, s. 68.

[65] „Ulus", 1960, 25 şubat.

дарственным, превышению полномочий полицейских, жандармерии и судов, установлению в стране режима «полицейской демократии»[66].

Лишение прав пользования государственным радио она характеризовала как нарушение закона № 5332 от 1949 г. об учреждении Главного управления печати, информации и туризма[67].

Критика оппозиции в адрес правительства Мендереса и ДП была справедливой, но далеко не полной, не принципиальной и не последовательной. Взять хотя бы критику оппозицией экономических мероприятий правительства. Когда дело доходило до вскрытия подлинных причин создавшегося экономического и финансового положения страны и обнищания трудящихся масс, оппозиция предпочитала умалчивать и уходить от ответа на этот злободневный вопрос. Типичным примером в этом отношении может служить мнение турецкого экономиста Хашима Х. Эрбиля, написавшего специальную работу о дороговизне жизни. На свой же вопрос: «Каковы причины дороговизны» он с напускной наивностью заявлял: «Нет людей, которые ответили бы правильно на этот вопрос»[68]. Подобное заявление фактически являлось оправданием политики милитаризации, послужившей одной из главных причин ухудшения экономического и финансового положения страны и обнищания трудящихся масс. Зачастую, выступая против мероприятий правительства по поощрению иностранного капитала, НРП умышленно предавала забвению тот факт, что эта политика началась еще в бытность ее у власти. В то же время НРП и другие оппозиционные партии всячески оправдывали политику репрессий против компартии, сторонников мира, передовой интеллигенции, судебные расправы над патриотами, — все то, что целиком и полностью было унаследовано от нее.

Выступая против преследований оппозиционных партий, НРП предавала забвению то, что еще в начальный период своего правления она провела через меджлис закон (1925 г.), запрещавший партии и общества, невзирая на их классовую принадлежность. НРП заложила также основу политики уступок духовенству.

Чтобы пользоваться поддержкой США и внутренней реакции, НРП поддерживала проводимую правительством Мендереса политику милитаризации страны, — политику, которую ДП также целиком и полностью унаследовала от НРП.

---

[66] „Ulus", 1957, 16 mayis.

[67] T. Feyzioğlu, ayni eser, s. 83.

[68] H. H. Erbil, ayni eser, s. 4.

Более того, лидеры НРП постоянно утверждали, что в случае их возврата к власти изменений в политике милитаризации не произойдет. Они постоянно подчеркивали, что приоритет проведения этой политики принадлежит НРП. Как писал журнал «Монд нуво парю», «политика милитаризации страны является равным образом общей для двух партий»[69].

Примечательно, что парламентские фракции НРП и других оппозиционных партий, голосуя против проектов государственного бюджета в целом, в то же время голосовали за утверждение военных расходов, вступление Турции в НАТО, СЕНТО, принятие «доктрины Эйзенхауэра» и т. п. Оппозиция всецело поддерживала агрессивную внешнюю политику правящей партии. Лидеры НРП и в этом случае заявляли, что, вновь оказавшись у власти, они не внесут изменений во внешнюю политику Турции[70]. Это они поясняли тем, что ДП в свое время сама унаследовала ее от НРП. В этой связи обращает на себя внимание то, что вопросы внешней политики редко обсуждались на конгрессе НРП. НРП была в принципе согласна на участие Турции в американской агрессии против КНДР, но осуждала ее неконституционный характер[71]. В дальнейшем вынужденные считаться с недовольством народных масс агрессивным характером внешней политики страны, лидеры оппозиции стали критиковать и некоторые внешнеполитические шаги правительства.

Было, в частности, осуждено поведение делегации Турции на Бандунгской конференции, выступившей в поддержку колониализма. Оппозиция выступила также против американо-турецких планов развязывания агрессии против Сирии осенью 1957 года. Она подняла бурю протеста по поводу того, что американо-турецкое соглашение об использовании американской авиацией военно-воздушной базы Инджирлик было подписано без ведома меджлиса. Использование базы в Инджирлике против Ливана расценивалось как предательство национальных интересов. Оппозиционные партии и печать осуждали провокационную деятельность правительства в отношении Иракской республики. Они выступали против разгула и финансовых махинаций американских военнослужащих, чувствовавших себя в Турции более свободно, чем в своей стране. Оппозиция отмечала, что американским военнослужащим фактически предоставлено право экстерриториальности и что

---

[69] „Monde Nouveau paru", 1954, mai, p. 21.

[70] „Akşam", 1958, 23 eylûl.

[71] A. Kılıç, Turkey and the World, p. 149. Решение о посылке турецкой бригады в Южную Корею правительство Мендереса приняло без ведома и согласия меджлиса.

соглашение по этому вопросу было подписано в глубокой тайне, без утверждения меджлиса.

Следует указать, что многочисленные преступления военнослужащих США, кончавшихся трагически для турецких граждан, объявлялись американскими военными властями совершенными при исполнении служебных обязанностей. Тем самым преступники получали возможность миновать турецкое законодательство и предстать перед американским военным судом. Последний выносил легкий приговор или же вовсе оправдывал преступников. Возмущение оппозиции вызвал случай с американским полковником Моррисоном, который в январе 1960 г. в пьяном состоянии врезался на машине в турецкий отряд, убив и ранив нескольких солдат[72]. Но американский суд оправдал его под тем предлогом, что якобы это случилось во время исполнения служебных обязанностей.

Особенно резкой критике со стороны оппозиции подверглось американо-турецкое военное соглашение от 5 марта 1959 года. Депутат Х. Эроглу и другие в комиссии по иностранным делам отмечали, что соглашение может привести к грубому иностранному вмешательству во внутренние дела страны, что оно несовместимо с независимостью и национальным достоинством Турции. Указывалось, что США получали право военного вмешательства во внутренние дела Турции даже в случае вероятной «невооруженной военной агрессии» против нее, «проникновения международного коммунизма» или «наличия тайной подрывной деятельности» в стране[73]. Депутаты оппозиции были явно обеспокоены тем, что военное вмешательство США во внутренние дела страны в пользу правительства Мендереса могло иметь место даже в случае междоусобицы буржуазных партий. Депутаты НРП указывали, что такие права Соединенным Штатам не предоставлялись ни одной страной — участницей НАТО и что соглашение стало осуществляться еще задолго до утверждения его меджлисом.

В начале апреля 1960 г., когда соглашение вновь стало предметом обсуждения в комиссии, депутаты оппозиции опять выступили против него. И когда 9 мая 1960 г. меджлис без обсуждения ратифицировал соглашение, парламентские фракции НРП и других оппозиционных партий в полном составе бойкотировали заседание меджлиса.

Поведение оппозиции на заседаниях комиссии показывает, что ее критика в адрес правительства носила формальный характер. Оппозиция не выступала против главной цели

---

[72] „Monde", 1960, 9 août.

[73] „Ulus", 1960, 26 şubat.

соглашения — превращения страны в атомно-ракетный плацдарм по соседству с СССР, чреватый пагубными последствиями для Турции. Критика оппозиции исходила не из интересов страны и народа, а отвечала лишь целям оппозиционной борьбы. Оппозиция использовала антиамериканские настроения для усиления своего влияния в стране.

Оппозиционные партии выдвигали также и свои требования. В частности, выдвигались требования о введении пропорциональной системы представительства в меджлисе, взамен мажоритарной системы выборов[74], создании двухпалатного меджлиса[75], предоставлении права на доказательство, об автономии университетов, независимости судей и обеспечении свободы выборов. Оппозиция требовала также нейтральности президента республики и государственного радио, учреждения высшего конституционного суда (совета) и др.[76]. В отношении государственного радио оппозиция открыто заявляла, что оно является всего лишь громкоговорителем ДП[77].

Оппозиция выступала также за нейтральность председателя меджлиса. Что же касается права на доказательство, то представители оппозиции указывали на существование этого права еще в древней Греции и Италии, а также в положениях мусульманской религии[78]. Т. Фейзиоглу писал по этому поводу, что все диктаторы были против права на доказательство, начиная с Наполеона и кончая итальянскими и германскими фашистами[79]. Оппозиция требовала также предоставления рабочим права на забастовку[80]. Она обещала, что в случае прихода к власти наделит крестьян дополнительными участками земли и т. д.

Межпартийная борьба в период правления ДП напоминала аналогичную борьбу в США, о которой В. И. Ленин в свое время писал: «Никакого *серьезного* значения для массы народа эта борьба *не имела*. Народ обманывали, отвлекали от его насущных интересов посредством эффектных и бессодержательных *дуэлей* буржуазных партий»[81].

---

[74] „Istanbul", 1957, 24 mai.

[75] „Cumhuriyetçi Millet Partisi", s. 10.

[76] T. Feyzioğlu, ayni eser, s. 68—175; Cumhuriyetçi Millet Partisi", s. 10.

[77] „Ulus", 1960, 25 ocak.

[78] T. Feyzioğlu, ayni eser, s. 122.

[79] T. Feyzioğlu, ayni eser, s. 177.

[80] „Monde", 1957, 7 septembre.

[81] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 22, стр. 193.

* * *

Ухудшение экономического и финансового положения страны, возросшее недовольство трудящихся масс внутренней и внешней политикой правительства, усиление их борьбы против эксплуатации и обнищания, активизация деятельности оппозиционных партий, — все это пошатнуло позиции правящей партии, послужило причиной ее глубокого внутреннего кризиса.

Ослабление позиций партии нашло свое отражение в итогах выборов в меджлис 27 октября 1957 года. Об этом говорит простое сопоставление результатов выборов в меджлис в мае 1954 и осенью 1957 годов.

На выборах в десятый меджлис правящая партия получила 5 150 924 голоса, или 58,22% голосов всех избирателей[82]. НРП тогда получила 3 214 885 голосов, или 36,34% голосов всех избирателей[83]. РНП провела в меджлис пять своих кандидатов. Все они были от вилайета Кыршехир.

Победе ДП на предыдущих выборах способствовал ряд факторов. Прежде всего, наделение крестьян землей. В 1953 г. был собран самый богатый урожай зерновых культур — более 14 млн. тонн. Правящая партия не преминула приписать это себе. В этот год продолжала удерживаться высокая конъюнктура на продукцию сельского хозяйства, связанная с агрессией американского империализма против корейского народа. Во время предвыборной кампании правительство сыграло на том, что обещало сохранить высокие закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию (30—35 курушей на центнер пшеницы).

Произошли некоторые сдвиги и в сфере промышленного производства. Было заложено и введено в эксплуатацию несколько новых промышленных предприятий — меры, специально приуроченные к началу предвыборной кампании.

Официозная печать широко пропагандировала экономическую политику правительства Мендереса. Руководство правящей партии в пропагандистских целях козыряло цифрами роста валовой продукции сельского хозяйства и промышленности, данными сельскохозяйственного кредита. Оно восхваляло законы о поощрении иностранного капитала, которые якобы призваны были способствовать развитию экономики страны. Демократическая партия акцентировала на том, что она намерена уделить особое внимание развитию восточных вилайетов[84].

---

[82] „Seçim neticeleri...“ s. 5; G. Lewis, ibid, p. 138.

[83] „Seçim neticeleri...“ s. 5.

[84] O. Şahingiray, aynı eser, s. s. 90—97, 139.

Накануне выборов меджлис принял законы о выплате три раза в год наградных государственным чиновникам и военнослужащим и один раз — рабочим государственных предприятий в размере их месячной зарплаты. Законы эти представляли собой своеобразную форму подкупа избирателей. Следует иметь в виду, что в тот период экономическое и финансовое положение страны лишь начинало ухудшаться, и многие избиратели верили, что правительству удастся стабилизировать экономику. Победе ДП содействовало также принятие меджлисом законов о поощрении иностранного капитала, денационализации нефтяной промышленности, обеспечившие ей поддержку иностранных монополий и правящих кругов США.

Демократическая партия получила большинство голосов в 60 вилайетах и потерпела поражение в вилайетах Карс, Синоп, Малатья и Кыршехир.

Иную картину представляли выборы в меджлис одиннадцатого созыва. Выборы эти были проведены досрочно, потому что ДП сознавала, что в связи с наметившимся ухудшением экономического и финансового положения страны ей вряд ли удалось бы одержать победу в 1958 году. Правительство Мендереса приурочило выборы к моменту подготовки агрессии против Сирии, чтобы путем раздувания военного психоза отвлечь внимание избирателей от насущных внутренних проблем. Власти повысили закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, отсрочили на пять лет погашение крестьянами долгов по кредитам, полученным от государства.

В тех районах, где ДП не была уверена в успехе, власти призвали в армию резервистов, тем самым лишив их участия в выборах. ДП прибегала также к широкому подкупу избирателей и давлению на них, использованию влияния духовенства на избирателей в свою пользу. В то же время власти предприняли новые репрессии против оппозиции. 11 сентября 1957 г. меджлис одобрил закон, запрещающий оппозиционным партиям выступать на выборах единым списком. Правящая верхушка использовала государственные средства и аппарат в узкопартийных целях. Щедрую финансовую поддержку ей оказали Деловой банк и многие крупные промышленники[85].

Но ни финансовая помощь со стороны крупного капитала, ни предвыборные обещания, ни подкупы и нажим не помогли правящей партии. На выборах в меджлис она получила на 375814 голосов меньше, чем оппозиционные партии. И лишь мажоритарная система обеспечила большинство депутатских мест за правящей партией. Несмотря на то, что НРП, РНП и

[85] „Ulus", 1960, 18 haziran.

партия Свободы вместе взятые, получили 4 770 717, или 52,9% голосов всех избирателей, эти партии получили всего 186 депутатских мест в меджлисе против 424 мест ДП. НРП получила 41,03% голосов всех избирателей[86] и 178 депутатских мест, РНП—4 места (вил. Кыршехир) и партия Свободы—4 места (вил. Бурдур).

Демократическая партия одержала победу в 46 вилайетах.

Распределение депутатских мест в меджлисе не отражало фактического соотношения сил между правящей и оппозиционными партиями. Недовольство оппозиционных партий итогами выборов в меджлис настолько усилилось, что привело к кровавым столкновениям между сторонниками оппозиции и властями в Газиантепе, Хатайе, Кайсери, Чанаккале, Самсуне, Гиресуне и Кастамону. Имелись убитые и раненые.

После выборов в меджлис процесс ослабления позиций правящей партии продолжался.

Этот процесс послужил непосредственной причиной внутреннего кризиса в правящей партии. Об этом свидетельствовало создание новых буржуазных партий бывшими ее членами, выход рядовых и видных членов из ее рядов, принявший со временем довольно широкие масштабы. Лица, недовольные политикой правительства, заблаговременно порывали с ней связи, пока еще не пробил час ее неизбежного политического краха.

Об усилении этого процесса говорили частые отставки министров и самого правительства во главе с Мендересом, возникновение новой оппозиции внутри партии и т. д.

Признаки раскола внутри партии имелись еще до ее прихода к власти. Так, в январе 1948 г. из партии вышел проф. К. Онер — председатель Стамбульской вилайетской организации. 10 марта ЦК исключил из партии пять депутатов меджлиса, из-за чего возникли разногласия внутри ЦК. Вскоре шесть членов ЦК вышли из его состава в знак протеста против исключений. Основной причиной исключений и ухода из рядов партии послужили закулисные махинации, имевшие место между лидерами ДП и НРП.

20 июля 1948 г. была образована новая, национальная партия, организаторами которой явились маршал Ф. Чакмак, Е. Акайген, О. Кони, проф. Ю. Баюр, К. Онер, д-р М. Кентли, помещик О. Бёлюкбаши и генерал С. Алдоган[87]. Впоследствии в национальную партию вступили А. Тахтакылыч,

---

[86] „Seçim neticeleri...“ s. 5.

[87] T. Z. Tunaya, aynı eser, s. 712.

Х. Диичер, А. Огуз, С. Лачин, Р. Айдынлы, Э. Кок, С. Батур и Ю. Тенгиршенк. Почетным председателем ЦК партии был избран Ф. Чакмак, генеральным председателем — Ю. Баюр[88].

В национальную партию вошли представители мелкой и средней буржуазии, помещичье-кулацкие элементы. Она выступала в защиту западной демократии, постепенной ликвидации этатизма, привлечения иностранного капитала, за преподавание богословских предметов и преследование прогрессивных элементов.

Другой партией, образованной бывшими членами ДП, была крестьянская партия Турции. История ее формирования следующая. 28—29 мая 1951 г. в Адане происходила вторая конференция Сейханской вилайетской организации ДП, на которой ряд делегатов подверг резкой критике ЦК и его председателя Мендереса. В знак протеста против самоуправств Мендереса они покинули конференцию и вышли из состава партии. Среди них находились депутаты меджлиса проф. Р. Арык, д-р Дж. Тюрк, Ю. Экер и Т. Чошкун (депутаты от вилайета Сейхан)[89]. В своем заявлении о выходе из ДП они указывали, что руководители правящей партии «растоптали принципы демократии и гигантскими шагами ведут партию к диктатуре»[90].

19 мая 1952 г. вышеуказанные лица и их сторонники собрались на свой первый конгресс, состоявшийся в Анкаре, и провозгласили образование крестьянской партии Турции[91]. Организаторами этой партии явились: почетный председатель ЦК партии проф. Э. Менеменджиоглу, председатель ЦК партии проф. Р. О. Арык[92], генеральный секретарь — Т. Демирай (публицист), члены ЦК — д-р Дж. Тюрк, Ю. Экер, д-р С. Эндик (деп. от Чанаккале), Х. Беше (бывший генеральный секретарь вануфов), А. Гюнч, А. Илбай и Дж. Кантемир[93].

Крестьянская партия Турции выражала интересы кулацких элементов. Она выступала против обложения кулаков подоходным налогом[94]. Однако крестьянская партия не сумела превратиться в сильную оппозиционную партию.

---

[88] О роспуске национальной партии и ее преобразовании в республиканскую национальную партию см. выше, стр. 92.

[89] „Cumhuriyet", 1951, 30 mayis.

[90] „Cumhuriyet", 1951, 31 mayis.

[91] „Türkiye köylü partisi", s. 71.

[92] Проф. Р. Арык умер 3 апреля 1954 г. в районе Аданы в результате авиационной катастрофы.

[93] T. Z. Tunaya, ayni eser, s. 774.

[94] „Vatan", 1955, 4 aralik.

В ноябре 1955 г. бывшими членами ДП была образована еще одна буржуазная оппозиционная партия — партия Свободы. Ее история берет начало с августа 1953 г., когда группа членов ЦК партии в составе С. Агаоглу[95], Э. Гюрелли, Р. Индже и других, при поддержке около 40 депутатов меджлиса, попыталась отнять у Мендереса пост председателя ЦК партии[96]. Эта оппозиция внутри ДП выступала против закона о конфискации имущества НРП[97], законов о печати, демонстрациях и собраниях. Она также высказывалась против принятия законов о поощрении иностранного капитала и о нефти до выборов в меджлис 1954 года[98].

Некоторые депутаты меджлиса от правящей партии подвергли острой критике поведение правительства в период сентябрьских событий 1955 г. в Стамбуле и Измире. В парламентской группе партии прошло бурное заседание по этому вопросу. Не подозревая, что эти события были делом рук правительства, парламентская группа приняла резолюцию, требовавшую проведения расследования. Но Мендерес путем грубого нажима на председателя фракции сумел отклонить резолюцию. Оппозиция, несмотря на противодействие Мендереса, требовала предоставления журналистам права на доказательство. Входящие в нее 19 депутатов меджлиса потребовали объяснения по поводу репрессий против печати и журналистов, изменения закона о печати. 14 октября 1955 г., т. е. за день до открытия четвертого конгресса ДП, ЦК исключил 9 депутатов меджлиса из партии, в том числе — Ф. Караосманоглу (бывший министр внутренних дел в первом правительстве Мендереса, а впоследствии государственный министр, член ЦК с 1951 г.), Э. Устюндаг (бывший министр здравоохранения), Б. Каяальп, С. Каранакчи, И. Акьюз, Р. Караосманоглу, Э. Эбюззия, М. Тимуроглу и С. Чираджиоглу[99].

Ф. Караосманоглу направил выдержанное в резком критическом тоне письмо Мендересу. В этом письме, сам этого не желая, он метко характеризовал деятельность правящей партии. Он писал: «Придя к власти, мы ничего не изменили. Существует такой же тоталитарный режим, как и при наших

---

[95] Следует указать, что С. Агаоглу и впоследствии оставался в рядах оппозиции к Мендересу, но не принимал активного участия в ее борьбе против правительства и до свержения правления ДП занимал различные министерские посты.

[96] „Gece postası", 1953, 15 agustos.

[97] „Economist", 1954, 15 may, supp. „Turkey", p. 2.

[98] A. E. Yalman, ibid, p. 270—271.

[99] „Cumhuriyet", 1955, 16 ekim.

предшественниках. Наш режим не только не обеспечивает прав личности, но и является своего рода диктатурой. Все виды махинации и интриг считаются обычными методами. Программа нашей партии осталась в стороне, а на практике получилось и получается совсем другое. Не принципы, а групповщина господствует в национальных делах. Даже внутри партии, пришедшей к власти под знаменем свободы, отсутствует свобода»[100].

15 октября 1955 г. в знак протеста против исключения своих единомышленников из партии 10 депутатов меджлиса в письме на имя съезда заявили о выходе из партии, в том числе проф. Ф. Челикбаш (бывший министр государственных предприятий, член ЦК с 1951 года), К. Кюфреви, Э. Гюрелли, М. Экинджи, М. Байрамоглу, Ш. Менгю, Р. Айбар, И. Октем, Т. Гюнеш и Э. Алиджан[101]. К ним примкнули Ф. К. Эркин, бывший министр национальной обороны, исключенный из партии в августе того же года, Ю. Очаклы, генерал в отставке Ю. Эгели, И. Тигрел. По случаю исключения из партии Ф. Л. Караосманоглу и Э. Х. Устюндага, члены 18 отделений партии вышли из ее состава, а отделения эти закрылись. Вышли из партии также все организации в Манисе, кроме ее секретаря, и члены «Организации молодых демократов» в Анкаре.

20 ноября 1955 г. эти лица и основали партию Свободы. Генеральным председателем партии первоначально был избран Э. Устюндаг. Но он отказался от этого поста из-за болезни[102] и был избран председателем парламентской фракции партии. Генеральным председателем партии был избран Ф. Караосманоглу, председателем партии — Э. Гюрелли, генеральным секретарем—И. Октем. Партия Свободы выступала за планируемую свободную экономику.

Эти партии были сформированы исходя из целей оппозиционной борьбы. Но борьба этой партии, как и борьба остальных оппозиционных партий, не была принципиальной и последовательной. Причиной их образования были разногласия с правящей партией не по коренным социальным проблемам страны, а исходя из целей захвата власти.

Образование партии Свободы не положило конец оппозиционным тенденциям внутри ДП, так как недовольных политикой правительства внутри руководства партии было больше, чем организаторов новой партии. Оппозиция внутри ДП, несмотря на ряд исключений и другие репрессии, не прекратила свою борьбу против руководства.

---

[100] „Vatan", 1955, 16 ekim.

[101] Там же.

[102] Э. Х. Устюндаг умер 15 июня 1956 г.

Цель оппозиции заключалась в захвате руководства партии. В состав новой оппозиции входили 75—150 депутатов меджлиса, избранных осенью 1957 года. Эти лица образовали свою почти отдельную фракцию в меджлисе и именовались «яйляджистами», т. е. сидящими на верхних скамьях меджлиса. Яйляджисты выступали за отмену законов о печати, собраниях и демонстрациях, за прекращение репрессий против оппозиции, разрядку внутриполитической обстановки, равноправное отношение ко всем гражданам независимо от их партийной принадлежности, рациональное расходование средств на экономику и т. д. Группу эту возглавляли С. Ырджали (бывший министр печати, туризма и информации), Ш. Эргин (бывший министр национальной обороны) и С. Агаоглу.

В 1958 г. яйляджисты выдвинули свои кандидатуры на посты председателя меджлиса и председателя парламентской фракции партии. Кандидату этой группы на пост председателя меджлиса — Ш. Эргину не хватило всего несколько голосов, чтобы занять этот пост[103]. Однако яйляджисты так и не сумели оформиться в самостоятельную партию.

О внутреннем кризисе ДП свидетельствовали также многочисленные случаи выхода влиятельных и других членов из ее рядов. В декабре 1953 г. вышел из партии А. Башар — депутат от Стамбула[104]. Как писал впоследствии Башар, он вышел из партии в знак протеста против конфискации имущества НРП и диктаторских форм правления правительства Мендереса[105].

В августе 1954 г. вышли из партии С. Эренгил, Х. Эрдоху, А. Эфе, Н. Кадынан и Х. Кямиль — кандидаты в депутаты меджлиса на выборах 1954 года[106].

Вышли из ДП также Ш. Инал, Х. Э. Нутку, М. Эте, А. Окур, Х. Балык, С. Токар, Х. Индже, Дж. Кыпчак, Э. Термен, Дж. Кёпрюлю, С. Ялим и другие[107].

В период 1957 г. и в особенности накануне парламентских выборов отставки депутатов меджлиса от правящей партии и выход отдельных лиц из ее рядов приняли весьма широкий размах. Так, только в сентябре-октябре 1957 г. из состава партии вышли депутаты меджлиса Б. Онат, Д. Бинербей, А. Измен, М. Себук, М. Обуз и Р. Озал, И. Шакироглу,

---

[103] «Новое время», № 15, 1959, стр. 12.

[104] A. H. Başar, Demokrasi buhranlari, s. 17.

[105] A. H. Başar, ayni eser, s. 99—100.

[106] „Ekonomi gazetesi", 1954, 4 ağuştos.

[107] „Vatan", 1955, 19 kasım; 15 aralik; 30 aralik; 1956, 2 şubat; 8 şubat, 19 mayis; 1959, 2 ocak.

М. Тимур, У. Аксу, Дж. Бойнук, Х. Балык и Э. Сатар, генерал Ф. Белен, редактор газеты «Демократ улкью» Ф. Мухсиноглу (Газиантеп) и другие. А. Гедикоглу, З. Гёкчер, Х. Булгурлу и А. Бендерлиоглу, депутаты меджлиса от Анкары, отказались от выдвижения своих кандидатур на предстоящих выборах.

Вслед за выходом из партии видных членов, ее стали покидать также и рядовые члены в вилайетах Алтындаг, Диарбекир, Кайсери, Эрзинджан, Мараш, Элбистан, Ван, Стамбул, Адьяман, Сивас, Токат, Мерсин, Сарьер, Александретта и других. Были случаи, когда более сотни членов сразу покидали партию, как это произошло в селах Тахова (вил. Кыршехир), Чирлик (вил. Диарбекир), Эскишехире, Мугле.

Чувствительным ударом по престижу ДП был выход из ее рядов Ф. Кёпрюлю[108]. В своем заявлении об уходе из партии Ф. Кёпрюлю отмечал, что правительство Мендереса, пренебрегая программой партии, проводит совершенно противоположный курс. «Я ожидал, — говорил он, — что руководство партии и правительства накануне всеобщих выборов произведет ряд изменений в соответствии с программой партии. Однако решение о проведении досрочных выборов показало, что в руководстве партии и правительстве не осталось возможностей даже для самых минимальных демократических перемен»[109]. Ушел из рядов партии и сын Ф. Кёпрюлю— О. Кёпрюлю, председатель Стамбульской вилайетской организации[110].

Проявлением внутренней неустойчивости правящей партии могут послужить также многочисленные изменения в составе правительства, отставки министров, а также случаи отставки правительства во главе с Мендересом. В период правления ДП подали в отставку следующие министры: Ф. Белен, Ф. Кёпрюлю, Ф. Караосманоглу, Х. Ойзерюк, Р. Индже, М. Алакан, О. Капани, Коймен, С. Куртбек, Ш. Эргин, Н. Озсам, Ф. Челикбаш, А. Озель, С. Бурчак, Э. Гюрелли, З. Устюндаг, З. Будакоглу, а также Э. Велибеши, Н. Эгрибоз, М. Эте, М. Сароль, Н. Окмен и многие другие.

Почти все министры правительства Мендереса были вынуждены подавать в отставку, притом не один, а порой по нескольку раз. За период правления ДП не было такого ми-

---

[108] Ф. Кёпрюлю пользовался большим авторитетом в партии. На выборах в центральное правление партии осенью 1955 г. он получил 1004 голоса из 1284, т. е. занял второе место после А. Мендереса по полученным голосам. См. „Akşam", 1955, 17 ekim.

[109] „Ulus", 1957, 8 eylûl.

[110] „Ulus", 1957, 19 agustos.

нистра, который не подал бы в отставку из-за своих разногласий с Мендересом.

Вместе с тем следует отметить, что правительство зачастую оказывалось в таком безвыходном положении, что бывало вынуждено подавать в отставку. За весь период нахождения у власти правительство Мендереса подавало в отставку четыре раза: 20 декабря 1950 г., 8 марта 1951 г., 8 апреля 1953 г. и 29 ноября 1955 г.

В последнем случае на заседании парламентской фракции присутствовали и все члены правительства. Члены фракции Ортакчиоглу и Танйовер, воспользовавшись тем, что правительство резко осуждалось со стороны оппозиции по поводу сентябрьских событий, а также выходом из ее рядов видных членов, подвергли острой критике деятельность министра экономики и торговли С. Ырджали и всю экономическую политику правительства. С. Ырджали подал в отставку, но это не удовлетворило парламентскую фракцию. Ортакчиоглу и Танйовер выступили против валютных и импортных махинаций министра финансов Х. Полаткана и его родственника[111], а также Ф. Зорлу — председателя комиссии меджлиса по ассигнованиям. Член фракции Ю. Азизоглу потребовал отставки правительства. Перед тем как подать в отставку, Мендерес потребовал отставки Х. Полаткана и Ф. Зорлу, которые согласились с ним. Затем ушло в отставку и все правительство.

Это был первый случай, когда парламентская фракция ДП выразила вотум недоверия правительству. Если в прежние времена правительственные кризисы преодолевались в сравнительно короткий срок, то на сей раз Мендересу потребовалось на это около месяца. Парламентская фракция выдвинула следующие требования: образование правительства во главе с Мендересом и некоторыми старыми министрами или назначение нового премьер-министра[112]. Оппозиционные партии потребовали образования коалиционного правительства[113], а С. Алдоган выступил даже с требованием о назначении Инёню премьер-министром[114]. Один из лидеров партии Свободы Э. Устюндаг заявил о необходимости основательной чистки ДП[115]. Сформирование нового правительства в конце декабря лишь формально разрешило правительственный кри-

---

111 Речь шла о свояке Полаткана Я. Союгенче, присвоившем в течение пяти лет более 2 млн. лир. „Vatan", 1955, 7 aralık.

112 „Vatan", 1955, 2 aralık.

113 „Vatan", 1955, 3 aralık.

114 „Vatan", 1955, 3 aralık.

115 „Vatan", 1955, 28 aralık.

зис, но оно не устранило и не могло устранить породившие его причины — экономические и финансовые последствия политики милитаризации, подавление оппозиции.

Стремясь предупредить дальнейшее ослабление позиций ДП, Мендерес в сентябре 1958 г. выступил с планом создания так называемого «Отечественного фронта». Чтобы расширить свое влияние в стране, ДП вовлекала в эту организацию различные слои населения, оказывая материальное и моральное давление. Руководство партии намеревалось в будущем объединить ее с партией.

Демократическая партия с особенным рвением взялась за организацию ячеек Отечественного фронта в различных частях страны. К апрелю 1960 г. было основано 144 ячейки[116], которые возглавлялись членами партии и пользовались покровительством Мендереса. Церемония открытия новых ячеек сопровождалась шумной помпезностью: присутствовали лидеры местных организаций партии и т. д. Но ничто не сумело задержать процесс ослабления позиций партии. Организация Отечественного фронта не оправдала надежд, возложенных на него правящей партией.

По мере того как возрастало недовольство народных масс политикой правительства, усиливалось влияние оппозиции, в особенности НРП. В этом отношении весьма характерен 1957 год, когда особенно участились переходы членов ДП в НРП, включая членов меджлиса, целых низовых организаций, а также отдельных членов партии. Из рядов правящей партии уходили рабочие и крестьяне, мелкие ремесленники, мелкая и средняя буржуазия, представители национальных меньшинств.

Так, вступили в ряды НРП и многие депутаты меджлиса от ДП, в том числе М. Обуз, Р. Озал, Д. Бинербей, У. Диздар, Х. Балык, Б. Асутай и другие. Вступили в ряды НРП также известный юрист Х. Юджекок[117], генерал в отставке А. Сандер[118], бывший генеральный директор государственных воздушных линий Н. Асрал, проф. Т. Фейзиоглу, доцент истории культуры Стамбульского университета д-р З. Умре, генерал А. Октай, художник С. Теки и другие. Случалось, что члены ДП, ушедшие из ее рядов, группами вступали в ряды НРП.

Увеличилось число низовых организаций НРП. Лишь в течение 1957 г. было основано 4 новых отделения в вилайете

---

[116] „Zafer", 1960, 8 nisan.

[117] „Ulus", 1957, 15 haziran.

[118] „Ulus", 1957, 21 agustos.

Диарбекир[119], два отделения—в вилайете Карс, 17 отделений — в селах вилайета Эскишехир и других местах[120].

Усилилось влияние также партии Свободы, в состав которой вошли Ф. Кёпрюлю[121], О. Кёпрюлю, Э. Термен и другие. За сравнительно короткий срок партия Свободы сумела основать 8742 низовые организации, количество членов которых составило более одного миллиона человек. Наряду с вышеуказанными партиями произошло также усиление позиций крестьянской и республиканско-национальной партий.

Начиная с марта 1957 г., между оппозиционными партиями велись переговоры о единстве действий на предстоящих выборах в меджлис. 5 сентября НРП, РНП и партия Свободы опубликовали общую предвыборную программу, повторявшую в основном их прежние требования.

В единстве действий оппозиционных партий на выборах правительство усмотрело явную угрозу для себя. Оно в спешном порядке протащило через меджлис закон, запрещающий оппозиционным партиям выступать на выборах единым списком. И действительно, как показали итоги выборов в меджлис, если бы оппозиционным партиям удалось выступить единым блоком, они сумели бы прийти к власти и сформировать правительство.

Оппозиционные партии сделали соответствующие выводы из этого мероприятия правительства. Было ясно, что и на будущих выборах в меджлис им вряд ли удастся выступить единым блоком против правящей партии. Поэтому они решили объединить свои силы, тем более что, как мы уже отметили, Мендерес выступил с планом организации Отечественного фронта.

В октябре 1958 г. партия Свободы выступила с проектом создания фронта Объединенных сил оппозиции (гючбирлиги), который был поддержан НРП и другими оппозиционными партиями.

16 октября 1958 г. путем объединения РНП и крестьянской партии была образована новая оппозиционная партия — республиканская-крестьянская-национальная партия (РКНП)[122], лидером которой остался Бёлюкбаши. В октябре того же года имело место объединение партии Свободы с НРП, во главе которой остался Инёню[123].

---

[119] „Ulus", 1957, 18 mart.

[120] „Ulus", 1957, 29 mart ve 23 temmuz.

[121] „Ulus", 1957, 1 kasım.

[122] „Cumhuriyetçi Millet Partisi", s. 29.

[123] Кстати, следует отметить, что еще в ноябре 1955 г. К. Гюлек будущих лидеров партии Свободы пригласил «в отцовский дом», т. е. вернуться в НРП. „Vatan", 1955, 7 kasım.

Таким образом, как правящая партия, так и оппозиция заметно усилили борьбу за расширение своего влияния накануне очередных выборов в меджлис. Политическая арена, находившаяся во власти буржуазных партий, продолжала оставаться в их руках. На одной ее стороне стояла ДП, старавшаяся во что бы то ни стало сохранить власть, на другой — оппозиционные партии во главе с НРП, стремившиеся использовать растущее недовольство народных масс политикой правительства для прихода к власти.

* * *

Накануне 1960 г. внутриполитическая обстановка в Турции достигла высокого накала. Положение внутри страны все осложнялось по мере приближения новых выборов в меджлис. Верхушка ДП отдавала себе отчет в том, что если выборы в меджлис будут проведены в установленный срок, то ей не избежать поражения. Поэтому правящая партия решила и на этот раз провести досрочные выборы, которые были назначены на 14 мая 1960 года[124]. Но в печать просочились также слухи, что якобы выборы намечены на 22 мая 1960 г.[125].

Оппозиция неоднократно требовала от правительства, чтобы была внесена ясность в этот вопрос. Но оно упорно уклонялось от ответа. Руководство ДП намеревалось застигнуть оппозицию врасплох. Правительство исходя из предвыборных соображений объявило об образовании 17 новых вилайетов. Были искусственно раздроблены те вилайеты, где избиратели на прошлых выборах голосовали за НРП и другие оппозиционные партии. В ответ на это руководство НРП направило обращение ко всем своим организациям, чтобы они были готовы к новым выборам. Оно решило оставить в Анкаре 30 депутатов меджлиса, а остальных направить в пропагандистское турне по стране[126].

Правящая партия и оппозиция начали усиленно готовиться к предстоящим выборам, невзирая на то, что точная дата выборов не была известна. Именно в этот разгар предвыборной кампании правительство и решило начать новые репрессии против оппозиции и ее печати с целью их окончательной ликвидации.

В двадцатых числах февраля 1960 г. ЦК ДП за подписью Мендереса разослал циркуляр всем своим организациям, в котором предлагалось начать работу по развалу и ликвида-

---

[124] „Revue de défense nationale", 1960, fevrier p. 231.

[125] „Cumhuriyet", 1960, 9 ocak.

[126] „Revue de défense nationale", ibid, p. 231.

ции оппозиции. Члены ДП на местах настолько распоясались, что при содействии властей стали поголовно избивать членов оппозиции. Имели место случаи применения оружия против них, как, например, в уезде Ешильхисар (вил. Кайсери). Полиция открыла огонь по сторонникам оппозиции, собравшимся у полицейского участка и протестовавшим против избиения члена НРП М. Бозкурта. Были тяжело ранены трое[127].

В конце февраля канцелярия Мендереса направила в меджлис два отношения о лишении парламентской неприкосновенности Инёню и депутатов НРП А. Акбыйыкоглу, Р. Салиджи, А. Чаликоглу, А. Урала, Н. Армана, С. Байкана, Р. Текели, Х. Теза, С. Солея и Ш. Китапчи[128]. Когда 24 марта Инёню приехал в Кайсери, чтобы принять участие в работах вилайетской конференции НРП, губернатор А. Кыныk, по приказу Мендереса, двинул войска против собравшихся встречать Инёню, и он не был допущен в город.

В знак протеста против использования армии в политических целях три высокопоставленных офицера К. Саваш, О. Озкоджак и С. Четинер 8 апреля 1960 г. подали в отставку, но были посажены в тюрьму[129].

Власти начали с еще большей свирепостью преследовать оппозиционную печать. Были арестованы и заключены в тюрьму Дж. Юнлю—редактор газеты «Ени гюн»[130], Б. Дженкчи—директор газеты «Улус»[131], Барлас—владелец газеты «Сон-Хавадис» и Е. Тамер — редактор той же газеты[132], О. Верел — писатель-романист[133]. Были упрятаны за решетку также П. Сафа, С. Тудрул и Дж. Хунал—сотрудники газеты «Терджуман» и А. Эрдем — владелец газеты «Керван» (Назилли). Власти приговорили к тюремному заключению сроком на 20 месяцев и Н. Шумну — редактора газеты «Дженуби Постасы» (Мерсин). Она была первой журналисткой, приговоренной к тюремному заключению[134].

В Карсе за «оскорбление губернатора» был осужден О. Кырал—владелец газеты «Ени Сарыкамыш»[135].

Помимо чисто административных репрессий, власти ока-

---

127 „Ulus", 1960, 25 mart.
128 „Ulus", 1960, 27 şubat.
129 „New York Times", 1960, 25 april.
130 „Ulus", 1960, 29 ocak.
131 „Ulus", 1960, 26 şubat.
132 „Ulus", 1960, 26 şubat.
133 „Monde", 1960, 8 avril.
134 „Cumhuriyet", 1960, 21 ocak.
135 „Cumhuriyet", 1960, 22 ocak.

зывали на печать и финансовое давление. Лишились прав публикации официальных объявлений и реклам газеты «Улус», «Ени гюн», «Ватан», «Дюнья». Была лишена прав публикации реклам и объявлений газета «Экинджи» (Карс), в результате чего последняя стала выходить три раза в неделю. Рекламы и объявления, согласно решению губернатора, были распределены между газетами ДП[136].

В ответ на репресии правительства оппозиция за подписью 147 депутатов меджлиса от НРП потребовала расследования меджлисом вопроса об участии Мендереса и Гедика в организации репрессий против Инёню в Ушаке и Стамбуле.

16 февраля 1960 г. меджлис обсудил запрос НРП, но не применил никаких санкций против Мендереса и Гедика[137]. На следующий день оппозиция потребовала расследования вопроса о незаконных доходах С. Агаоглу и его зятя Вернера Ташенбрекера. Требование оппозиции было отклонено большинством голосов правящей партии. В ходе обсуждения возникла перебранка и драка между депутатами ДП и НРП. Депутат НРП И. Инан, получивший серьезное повреждение, был отправлен в больницу[138].

В январе-феврале 1960 г. оппозиция усилила свои нападки на правительство. Поводом к этому послужило обсуждение в меджлисе проекта государственного бюджета на 1960/61 финансовый год.

В последующие месяцы борьба между ДП и оппозицией еще более обострилась. 13 апреля 1960 г. НРП решила внести в меджлис предложение о проведении парламентского расследования по вопросу незаконных действий руководителей правящей партии и правительства. В ответ на это некоторые депутаты на заседании парламентской фракции ДП выступили с требованием приговорить Инёню к смертной казни через повешение[139]. Но по предложению Мендереса было решено создать парламентскую комиссию по расследованию «подрывной, тайной и незаконной деятельности» НРП и ее печати.

15 апреля парламентская фракция ДП внесла в меджлис резолюцию за подписью председателя фракции М. Калаяра и заместителя председателя фракции Б. Акшина об образовании комиссии. В резолюции содержались обвинения в том, что НРП якобы проводила разрушительную и незаконную деятельность, вооружала сторонников партии, пыталась втя-

---

136 „Cumhuriyet", 1960, 22 ocak.

137 „Ulus", 1960, 17 şubat.

138 „Ulus", 1960, 18 şubat.

139 „Ulus", 1961, 16 mayıs.

нуть армию в политику и создавала тайные ячейки. Резолюция требовала, чтобы в ходе расследования деятельности НРП комиссии было предоставлено право запретить вслкую политическую деятельность в стране. Такой запрет мог быть наложен без какого-либо предварительного разрешения меджлиса или судебных органов. Имелось в виду, что деятельность комиссии, которая должна была состоять лишь из депутатов правящей партии, могла проводить свою работу вне здания меджлиса[140].

17 апреля парламентская фракция НРП опубликовала резолюцию, требовавшую, чтобы меджлис расследовал незаконные действия Мендереса. НРП мотивировала это тем, что правительство подавляло «конституционные свободы» граждан. В качестве примера был приведен случай с Инёню в Кайсери. В резолюции отмечалось, что чиновники государственного аппарата подвергаются партийному давлению, а Мендерес стал врагом свободы печати, так как не выносит отрицательные высказывания печати о его действиях[141]. В тот же день НРП внесла в меджлис новое предложение — предать Мендереса высшему государственному суду. Но это предложение, как и вышеупомянутая резолюция, были отклонены большинством голосов депутатов правящей партии[142].

На следующий день меджлис большинством голосов одобрил образование комиссии в составе 15 человек: О. Кавунджу, Б. Дюлгер, И. Улусой, С. Билгич, А. Санджар, В. Асена, К. Бибероглу, К. Озер, Х. Дура, Э. Анит, Н. Киришчиоглу, Т. Бахадир, С. Динджер, Х. Олчмен и Н. Ондер. Председателем комиссии был назначен А. Санджар[143]. Как писала «Монд», в состав комиссии были включены самые «твердые» депутаты меджлиса от ДП[144]. Комиссии поручили представить меджлису свой доклад о расследовании деятельности НРП в течение трех месяцев.

День 18 апреля был одним из самых шумных дней меджлиса, бушевавшего от взаимных нападок, оскорблений и обвинений депутатов ДП и оппозиции. Депутат от НРП Х. Эрдоган был лишен права присутствия на последующих 12 заседаниях меджлиса за то, что бросил ящик на А. Сакина — депутата от ДП. Выяснилось, что А. Сакин вызвал гнев оппозиции тем, что вытащил пистолет в здании меджлиса.

Создание комиссии явилось вопиющим нарушением кон-

---

[140] „Zafer", 1960, 16 nisan.

[141] „Ulus", 1960, 17 nisan.

[142] Там же.

[143] „Zafer", 1960, 19 nisan.

[144] „Monde", 1960, 3 août.

ституции и устава меджлиса. Предоставление комиссии полномочий исполнительной власти превратило ее в правительство в меджлисе. Создание комиссии было равносильно роспуску меджлиса. История Турции, как и других капиталистических стран, еще не знала такого случая, чтобы в законодательном органе государства создавалась комиссия с полномочиями исполнительной власти. После создания комиссии в стране фактически правили два правительства одной и той же партии. Созданием комиссии правящая партия попрала конституцию страны и вставала на путь установления своей неприкрытой диктатуры.

Вечером того же дня комиссия в экстренном порядке приняла два решения. Согласно первому решению, запрещалось проведение собраний и съездов НРП и других оппозиционных партий в течение трех месяцев. Второе решение запрещало публикование газетами оппозиции «любыми способами любой информации, заявлений, коммюнике, мнений, документов, фотографий или статей, помимо сообщений о деятельности меджлиса и комиссии»[145]. На следующий день полиция наложила арест на тиражи газет «Улус», «Дюнья» и «Демократ Измир», не подчинившихся этому решению[146].

19 апреля 1960 г. около 10 тысяч человек организовали демонстрацию на пл. Кызылай. Среди них находились Инёню и другие депутаты меджлиса от оппозиции. Полиция разогнала демонстрантов, арестовав 22 человека[147]. В связи с этим Инёню заявил, что будет оказано сопротивление мерам, которые предпринимает комиссия. Он дал понять, что в обстановке продолжающихся репрессий «восстание является законным правом наций»[148].

21 апреля комиссия опубликовала новое решение, в котором указывалось, что газеты, не печатающие материалы о расследовании НРП, будут конфисковываться.

Несмотря на то, что комиссия была наделена широкими полномочиями, правительству это показалось недостаточным, и 26 апреля депутаты ДП внесли в меджлис законопроект о предоставлении ей чрезвычайных полномочий[149]. Согласно законопроекту, комиссии предоставлялось право конфискации и закрытия газет и типографий, а также право приговаривать к тюремному заключению сроком от одного до трех лет лиц, не подчиняющихся ее решениям. Тем самым комиссия получи-

---

[145] „Zafer", 1960, 20 nisan.

[146] „Zafer", 1960, 20 nisan.

[147] „Ulus", 1960, 20 nisan.

[148] „Ulus", 1960, 20 nisan.

[149] „Zafer", 1960, 27 nisan.

ла право заключать людей в тюрьму без суда и следствия. Законопроект был внесен на обсуждение меджлиса 310 голосами против 130. Инёню заявил, что принятие законопроекта будет означать изменение режима и полное подавление конституции[150]. Следует отметить, что некоторые депутаты ДП воздержались от голосования. Один из лидеров внутрипартийной оппозиции С. Ырджали заявил, что предоставление комиссии чрезвычайных полномочий противоречит конституции и что такого рода полномочия не предоставляются даже тогда, когда объявляется осадное положение[151].

Оппозиция воспротивилась продолжению заседания, и президиум меджлиса лишил 12 депутатов НРП права посещать меджлис от трех до шести заседаний. Но они отказались покинуть меджлис. Была вызвана полиция, которая и вывела их из зала заседаний[152]. Инёню, который был лишен права посещать 12 заседаний меджлиса, немедленно покинул зал. Несмотря на решительный протест НРП, других оппозиционных партий и некоторых депутатов ДП законопроект все же был принят.

Предоставление комиссии чрезвычайных полномочий поставило ее над правительством и меджлисом, превратило в фактического правителя страны и государства. Правительство Мендереса, решившее пойти на такой шаг, имело целью с помощью комиссии ликвидировать оппозицию, а самому остаться в стороне. Создавалось впечатление, что все делается с согласия меджлиса. В крайнем случае, ответственность за последствия правительство могло легко переложить на комиссию.

«Решив сохранить в своих руках правление страной,—писала «Монд»,—демократы со всей силой обрушили эти драконовские законы против противников»[153].

27 апреля комиссия приступила к выполнению своих обязанностей. Первым делом она запретила ежегодную конференцию студенческого общества медицинского факультета Стамбульского университета, арестовав некоторых ее участников. На следующий день комиссия ввела осадное положение в Стамбуле и Анкаре. Ответственным за соблюдение порядка в Стамбуле был назначен генерал Ф. Оздилек (командующий первой армией), в Анкаре — генерал Н. Аргюч (командующий второй армией)[154]. Были закрыты газеты «Улус»,

---

[150] „Ulus", 1960, 26 nisan.

[151] „Ulus", 1960, 27 nisan.

[152] „Zafer", 1960, 28 nisan.

[153] „Monde", 1960, 30 avril.

[154] Н. Аргюч был командиром турецкой бригады в Южной Корее. См „Yeni Istanbul", 1952, 4 eylûl.

«Дюнья», «Джумхуриет» и журнал «Акис». Директор газеты «Улус» Ч. Четинел был приговорен к тюремному заключению сроком на 4 месяца и 12 дней за статью, якобы оскорбительную для министра общественных работ.

Наделение комиссии чрезвычайными полномочиями вызвало волну антиправительственных демонстраций почти во всех крупных городах страны. Первыми вышли на демонстрацию протеста студенты Стамбульского университета[155].

28 апреля более тысячи студентов собрались у памятника Ататюрку в парке университета, чтобы выразить молчаливый протест против незаконных действий правительства. Полиция ворвалась в парк и стала разгонять демонстрантов. Ректор университета проф. С. Онар заявил протест по поводу нарушения автономии университета. В ответ начальник полиции З. Шахин нанес несколько ударов ректору. Последний при падении разбил себе голову. Присутствовавшие при этом студенты напали на полицейского и избили его. Они разгромили также полицейскую машину. Тогда полиция пустила в ход гранаты со слезоточивыми газами и дубинки. Студенты не сдались и с пением национального гимна вышли на площадь Баязида. Они несли портреты Ататюрка и флаги. Полиция предложила им разойтись. Но студенты не подчинились и продолжали выкрикивать лозунги одобрения по поводу свержения южнокорейского диктатора Ли Сын Мана. В ответ полиция открыла огонь по студентам. Был убит студент Т. Эмексиз и ранено более 25 человек. Имелись раненые также среди полицейских.

Под нажимом властей сотрудники морга представили подложное заключение о вскрытии тела Т. Эмексиза. В заключении утверждалось, что Т. Эмексиз якобы умер от ножевой раны, т. е. полиция тут не причем[156]. Примечательно, что в качестве вознаграждения за подавление студенческой демонстрации власти раздали полицейским 250 тыс. лир[157].

Это была первая схватка между полицией и студенчеством накануне свержения правительства Мендереса. Она свидетельствовала о намерении властей огнем и мечом распра-

---

155 Начиная с января 1960 г. студенты Стамбульского университета, в большинстве своем выходцы из мелкой и средней буржуазии, организовали ряд демонстраций протеста против правительства. Так, 9 января 1960 г. они устроили молчаливую демонстрацию в парке университета, протестуя против приезда в Стамбул главы религиозной секты «Нурджи» и ношения им религиозной одежды. Они пели марш независимости, собравшись у памятника Ататюрку. Полиция разогнала демонстрацию и арестовала около 300 студентов. (См. „Cumhuriyet", 1960, 10 ocak).

156 „Ulus", 1961, 10 ocak.

157 „Ulus", 1961, 10 ocak.

виться с оппозицией. В тот же день власти ввели комендантский час в Стамбуле. Были закрыты все увеселительные заведения.

В день, когда в Анкаре было введено военное положение, Аргюч запретил всякого рода собрания и общественные митинги[158]. Военное командование отдало приказ всем силам безопасности «немедленно и самым жестоким образом пресекать действия, противоречащие существующим законам», применять самые решительные меры против лиц, которые прибегнут к действиям, противоречащим закону о собраниях и демонстрациях[159]. Университеты в Анкаре и Стамбуле были закрыты до 29 мая.

29 апреля 1960 г. около четырех тысяч студентов юридического факультета и факультета политических наук Анкарского университета в знак солидарности со студенчеством Стамбула организовали демонстрацию протеста против правительства. Полиция начала избивать студентов дубинками. Но студенты оказали им упорное сопротивление. На помощь полиции были двинуты войска. Н. Аргюч обратился к студентам с предложением разойтись. В ответ студенты заявили, что разойдутся, если он подаст в отставку. Н. Аргюч обещал выполнить их требование с условием, что это произойдет через день и в случае, если они тотчас разойдутся и восстановят спокойствие. Студенты потребовали его немедленной отставки. В это время на стенах здания факультета появились написанные кровью раненых студентов лозунги: «Мендереса в отставку», «Убийцы», «Мы следуем за Ататюрком». Тогда Аргюч отдал приказ солдатам стрелять по студентам. Солдаты вместе с полицией обстреляли аудиторию факультета из автоматов. Была учинена кровавая бойня над безоружными студентами.

Приказ министру внутренних дел о применении оружия против студентов отдал Баяр, а тот, в свою очередь, Аргючу. Заместитель начальника тайной полиции Анкары И. Кютай, посылая своих подчиненных на подавление студенческой демонстрации, отдал провокационный приказ: «Идите и убивайте: они — коммунисты. Демонстрация — это дело рук коммунистов». В качестве вознаграждения полицейские получили от Аргюча 250 тыс. лир[160].

День 29 апреля вошел в историю Турции как «кровавая пятница». Использование армии в целях подавления студенческой демонстрации было грубейшим нарушением консти-

---

158 „Zafer", 1960, 29 nisan.

159 Там же.

160 „Ulus", 1961, 10 ocak.

туции. Совершив убийство безоружных студентов и студенток, правительство Мендереса не остановилось перед новым преступлением — тела убитых не были переданы их родителям. Правительство боялось нового взрыва гнева оппозиции и студенчества. Тела убитых студентов наспех были спрятаны в холодильниках, колодцах и кладбищах.

Расстрел студентов Анкарского университета вызвал широкую волну протестов. 30 апреля состоялись демонстрации протеста студентов технического факультета Анкарского университета и студентов Диарбекира. В тот же день демонстрации протеста студентов и адвокатов состоялись в Измире. 2 мая около 35 турецких студентов пикетировали здание ООН в Нью-Йорке в знак протеста против репрессий правительства Мендереса. В тот же день организовали демонстрацию протеста и студенты Стамбула. В ней приняли участие около двух тысяч человек. Они пели национальный марш и с криками «убийца Мендерес» пошли по главной улице города. Студенты выкрикивали вслед за машиной государственного секретаря США К. Гертера, приехавшего на сессию НАТО в Стамбул: «Почему вы поддерживаете тех, кто нас притесняет?», «Почему вы на нашей земле?», «Что вы здесь ищете?»[161].

3 мая командующий сухопутными войсками турецкой армии армейский генерал Дж. Гюрсель направил письмо министру обороны Э. Мендересу. В нем он высказался за немедленную отставку Баяра, как главного виновника кровавых событий, удаление непопулярных членов правительства, образование нового кабинета, смещение губернаторов и начальников служб безопасности Анкары и Стамбула, Ардюча, освобождение арестованных журналистов и студентов и отмену закона о создании комиссии меджлиса по расследованию деятельности НРП и ее печати[162]. Через два дня он подал в отставку и уехал в Измир[163]. Об этом инциденте знали лишь немногие, и правительство не придало этому особого значения.

4 мая устроили демонстрацию студенты Измирского университета. Около 5 тыс. студентов потребовали отставки Мендереса.

Но самой мощной демонстрацией протеста студентов была демонстрация 5 мая 1960 г. в Анкаре, на площади Кызылай. В этот день около 4 тыс. студентов и молодежи заполнили бульвар Ататюрка. Молодежь пела марш «Гази Осман-

---

[161] „Cumhuriyet", 1960, 14 haziran.

[162] M. Atalay, Cemal Gürsel ve hayati, Istanbul, 1960, s. 22.

[163] «Проблемы мира и социализма», № 8, 1960, стр. 41.

паша». Затем демонстранты на мотив этого марша начали распевать слова: «Где это видано, чтобы брат убивал брата? Разве проклятые диктаторы оставят вам этот мир»[164]. На зов этой песни собралось около 15 тыс. человек. Вскоре появились полиция и солдаты во главе с начальником анкарской полиции Н. Биджиоглу. Полицейские и солдаты стали избивать демонстрантов. Были произведены аресты. Мендерес, беседовавший за чашкой чаю с генералами в Доме армии, вышел оттуда и направился к площади Кызылай, полагая, что началась запланированная им демонстрация в его поддержку. Но демонстранты начали выкрикивать слова: «Позор», «Отставка». Тогда Мендерес обратился к ним со словами: «Зачем вы устроили демонстрацию?». Студенты ответили: «Отставка». «Тогда лучше убейте меня»,—сказал Мендерес и положил правую руку на сердце[165]. Демонстранты двинулись на него, но его спас Биджиоглу. Он втолкнул Мендереса в машину и увез.

Мендерес распорядился немедленно арестовать всех демонстрантов, а Баяр — отрезать демонстрантов от толпы и открыть огонь по ним. Однако власти не рискнули устроить новую кровавую расправу над мирными демонстрантами.

5 мая 1960 г. 18 депутатов НРП внесли в президиум меджлиса резолюцию, требовавшую расследования действий премьер-министра. Резолюцию, требовавшую расследования деятельности парламентской комиссии, внесла в президиум меджлиса РКНП. Меджлис отклонил эти резолюции.

15 мая власти спровоцировали в Измире драку между сторонниками ДП и НРП. 4 тысячи юношей и девушек, сторонников НРП, собрались у здания партии и начали кричать: «Свобода, свобода», «Мендереса — в отставку». Почти такое же число членов и сторонников правящей партии напали на них и стали избивать. На помощь сторонникам ДП пришли власти. Через два дня молодежь Измира организовала новую демонстрацию протеста. Демонстранты прошли по главным улицам города с пением марша «Гази Осман-паша».

Демонстрации протеста против властей были организованы и в последующие дни — 19 мая в Анкаре, по случаю праздника 19 мая 1919 г., 20 мая в Анкаре — в день приезда Дж. Неру и 21 мая. Демонстрация молодежи имела место также в Стамбуле, где 19 мая около 2 тыс. студентов, собравшись у памятника Ататюрку, скандировали: «Мы следуем твоему примеру, Ататюрк», «Мы боремся за свободу». Де-

---

[164] „Akis", 1960, 30 mayis, s. 22.

[165] „Monde", 1960, 7 mai.

монстрацию студентов возглавлял бывший преподаватель университета проф. Р. Батурбай—член НРП[166].

Наряду с репрессиями и гонениями против оппозиции и студенчества, военные власти Анкары закрыли газеты «Ени Сабах» за опубликование фотоснимков демонстрации студентов в Сеуле и «Зафер» — за печатание фотоснимков демонстрации 5 мая 1960 года. Были закрыты также и другие газеты. Создалось такое положение, что в первой декаде мая помимо уже упомянутых выше газет не выходили газеты «Улус», «Ени гюн», «Миллиет», «Акшам», «Ени Анд» (Бурса), «Ени Адана» и «Тюрк сёзю» (Адана). Впоследствии была закрыта также газета «Хабер» (Анкара). Власти закрыли кинотеатры «Улус», «Бююк Синема», «Анкара» и «Гюльбаши».

Однако движение за отставку правительства все ширилось, принимая массовый характер. Вслед за студентами против правительства Мендереса выступили курсанты анкарской военной школы. 21 мая около 1000 курсантов этой школы устроили молчаливую демонстрацию протеста против правительства. Вместе с курсантами на демонстрацию вышли также офицеры средних чинов. Курсанты вышли на площадь Кызылай, а затем направились к памятнику Ататюрку у Дома армии. Там к ним присоединились почти 20 тыс. человек. Вскоре число демонстрантов достигло 50 тысяч.

Аргюч попытался уговорить курсантов разойтись, но его старания успеха не имели. Курсанты прошли мимо здания министерства обороны, а затем направились к своему училищу.

Демонстрация курсантов была первым открытым выражением недовольства военных против политики правительства. Она показала, что в армии идет брожение против властей и что она присоединится к тем политическим силам, которые борются за свержение правительства Мендереса.

Таким образом, правительству Мендереса противостояли буржуазные оппозиционные партии, печать, студенчество, молодые офицеры. Они ставили вопрос о немедленной отставке правительства. На этом этапе трудящиеся массы не принимали непосредственного участия в борьбе за свержение власти ДП.

Касаясь выступления курсантов военной школы, «Монд» писала, что «начиная с этого момента судьба правительства Мендереса практически была решена»[167]. Она далее отмечала: «На первый взгляд кажется, что премьер-министр со своей стороны понял значение этого предупреждения. Он был го-

---

[166] „Combat", 1960, 20 mai.

[167] „Monde", 1960, 28 mai.

тов, как кажется, если не к капитуляции перед требованиями оппозиции, но к уходу с политической арены, что создало бы возможность образовать временное правительство. Он предложил также, как первую меру, объявить об отставке министров внутренних дел и обороны, которые вместе со своим коллегой — министром иностранных дел, вызывали главное недовольство оппозиции. Это... Баяр, который, если верить некоторым данным, воспротивился уступкам и, став перед необходимостью выбора, предпочел лучше продолжить борьбу, чем пойти на смягчение мер, принятых против оппозиции»[168].

После демонстрации курсантов наступило некоторое затишье. Но создавшаяся обстановка была обманчивой. В этом убедили последующие события. 25 мая комиссия по расследованию деятельности НРП на два месяца раньше срока закончила свою работу, проведя ее вне меджлиса. Весть эта вызвала вспышку протеста со стороны оппозиции. Заседание меджлиса проходило в бурной обстановке и продолжалось до вечера. В последние 15 минут депутаты оппозиции и правящей партии дрались кулаками. Для восстановления порядка была вызвана полиция. Это был второй случай, когда власти вынуждены были прибегнуть к помощи полиции. В этой обстановке было принято решение о роспуске меджлиса до 20 июня. Было также решено, что меджлис после возобновления работы приступит к обсуждению законопроекта об изменении некоторых статей избирательного закона.

Итак, работа меджлиса была парализована. Страна осталась без высшего законодательного органа. Роспуск меджлиса развязал руки властям, получившим полную свободу действий.

Начиная с 25 мая в стране установилась ничем не ограниченная диктатура ДП и ее правительства. Этого мнения придерживались все иностранные наблюдатели[169]. Даже К. Гертер, поддерживающий Мендереса, придерживался мнения, что последний установил в стране диктаторский режим[170].

Тем временем правительство начало тайком вербовать иррегулярную армию из людей, проживавших в окрестностях Стамбула. Оно подготовило обмундирование и оружие почти на 7 тыс. человек. Склады оружия и обмундирования находились в Стамбуле и Анкаре[171]. Идея организации этой армии

---

168 „Monde", 1960, 28 mai.

169 „New York Times", 1960, 30 april; „Washington Post and Times Herald", 1960, 3 may; „Yorkshir Post", 1960, 25 may.

170 „Yeni Istanbul, 1960, 30 mayis.

171 „Ulus", 1960, 30 mayis.

исходила от Баяра[172]. В ее задачи входило физическое уничтожение членов оппозиционных партий и студентов, а также выступление против населения Стамбула. Более того, Баяр и Мендерес намеревались использовать эту армию также для физического уничтожения курсантов военной школы Анкары[173]. Баяру принадлежат слова: «Нет никакой опасности для 30-миллионного населения Турции, если мы убьем 1500 курсантов военной школы»[174].

26 мая в Анкаре и других городах было относительно спокойно. В этот день Зорлу принял гостившую в стране делегацию французских журналистов и на вопрос одного из них, какова, мол, позиция армии в сложившейся обстановке, ответил: «Правительство уверено в верности и нейтральности армии, понимающей чувство своего долга»[175].

И тут, неожиданно для правительства, в ночь на 27 мая 1960 г. в стране был совершен военный переворот, свергнувший власть ДП и ее правительства.

Первоначально переворот был намечен на 28 мая. Но так как Мендерес днем раньше намеревался выступить в Конье, центре религиозных сект, с заявлением о повышении закупочных цен на пшеницу[176], дата переворота была перенесена на 27 мая.

Военный переворот был осуществлен высокопоставленными офицерами турецкой армии, заблаговременно образовавшими Комитет национального единства во главе с Гюрселем. Комитет национального единства (дальше КНЕ) сосредоточил в своих руках всю верховную законодательную и исполнительную власть. Гюрсель занял посты председателя КНЕ, главы государства, премьер-министра и главнокомандующего вооруженными силами. В стране была установлена военная диктатура. В заявлении КНЕ по поводу свержения правительства Мендереса говорилось: «В связи с кризисом, в котором оказалась наша демократия, в связи с недавними прискорбными инцидентами и для того, чтобы предотвратить братоубийство, турецкие вооруженные силы взяли на себя управление страной[177]. В заявлении также отмечалось, что решение о свержении правительства было принято с целью предотвращения гражданской войны в стране и устранения пропасти, разделяющей две крупные партии. В нем со-

---

[172] „Monde", 1960, 1 juin.

[173] „Akis", 1960, 30 mayis, s. 11.

[174] „Dünya", 1960, 11 haziran.

[175] „La Croix", 1960, 31 mai.

[176] „Monde", 1960, 4 août.

[177] „Ulus", 1960, 28 mayis.

держалось обещание обеспечить справедливые и свободные выборы, которые должны быть проведены по возможности скорее под наблюдением и арбитражем стоящего выше партий беспристрастного правительства, и передать управление страной той партии, которая победит на выборах[178].

Свержение правительства Мендереса вызвало оживленные толки в политических кругах западных стран. Турецкие оппозиционные партии, газеты и журналы утверждали, что причиной свержения правительства послужили диктаторские методы правления, грубое подавление буржуазных прав и свобод, кровавые репрессии против оппозиции и студенчества. Целью переворота, по их мнению, было установление «новой эпохи демократической системы правления Ататюрка»[179]. «Акис», в частности, писала, что целью переворота являлось свержение антиконституционного режима Мендереса и установление конституционной системы правления[180]. Переворот был охарактеризован как «бескровная революция»[181].

Монополистическая печать США узрела причину свержения власти ДП в личной трагедии Мендереса, перешедшего к диктаторским методам правления. Так, «Нью-Йорк таймс» писала: «По мнению специалистов по средневосточным делам, трагедия премьера Мендереса состояла в том, что он не понимал, что невозможно сочетать программу экономического развития XX века с политическими репрессиями образца XIX века»[182]. Близорукость газеты заключалась в том, что в «трагедии Мендереса» она не видела порочности всей внутренней и внешней политики возглавляемого им правительства, партии и класса, чьи интересы он выражал и защищал.

Английская буржуазная печать, в частности «Обсервер», назвала свержение правительства Мендереса «гибелью диктатора»[183]. Ей вторила «Скотсмен», писавшая, что «армия захватила власть в свои руки, поскольку правительство Мендереса становилось все более диктаторским»[184]. К. Гертер причину падения правительства Мендереса также усмотрел в диктаторском режиме правления[185].

Как свидетельствуют высказывания американских и английских газет, западная печать закрывала глаза на то, что

---

178 „Ulus", 1960, 28 mayis.

179 „Dünya", 1960, 30 mayis.

180 „Akis", 1960, 30 mayis, s. 3.

181 M. A t a l a y, ayni eser, s. 28.

182 „New York Times", 1960, 28 may.

183 „Observer", 1960, 29 may.

184 „Skotsman", 1961, 17 february.

185 „Yeni Istanbul", 1960, 30 mayis.

диктаторские методы правления правительства Мендереса явились следствием антинародной внутренней политики правительства, вдохновляемой и поддерживаемой западными державами во главе с США.

Французская «Монд» пыталась найти причину свержения правительства Мендереса в намерении военных кругов предотвратить «кровавые взрывы»[186].

На самом деле, руководители переворота — высокопоставленные чины турецкой армии ставили перед собой цель предотвратить прогрессирующее обострение межпартийной борьбы, ликвидировать напряженность внутриполитической обстановки в стране.

Участники переворота ясно осознавали, что в условиях сильного углубления кризиса в правящих верхах обычные средства буржуазной демократии были уже непригодны для установления равновесия между буржуазными политическими организациями. На данном этапе сохранение власти в руках господствующих классов было возможно лишь путем осуществления военного переворота.

Правительство Мендереса было принесено в жертву во имя интересов турецких капиталистов и помещиков, во имя сохранения буржуазной формы правления. Военный переворот был лишь одной из форм борьбы между буржуазными партиями во время преодоления кризиса в правящих кругах.

ВЫВОДЫ

После второй мировой войны в Турции стал назревать глубокий экономический и внутриполитический кризис, явившийся следствием антинародной и антинациональной внутренней и внешней политики правящей народно-республиканской партии. Для выхода из кризиса НРП пошла на псевдодемократические уступки, приняла закон об аграрной реформе, разрешила деятельность новых буржуазных партий, а также обратилась за помощью к США.

Среди буржуазных партий видное место заняла демократическая партия — партия разбогатевшей на войне торгово-промышленной буржуазии и помещиков, стремившихся к свободному промышленному предпринимательству и привлечению иностранного капитала. США предоставили Турции военную, экономическую и техническую «помощь», с одной стороны, для спасения позиций турецкой реакции, а с другой, для превращения страны в военно-стратегический плацдарм

---

[186] „Monde", 1960, 3 août.

против СССР и освободительной борьбы народов Ближнего и Среднего Востока. Агрессивная политика США в Турции отвечала целям внутренней и внешней политики турецкой реакции. Оппозиционная ДП, используя недовольство турецкого народа правлением НРП, в мае 1950 г. одержала победу на выборах в меджлис.

Тем самым власть в Турции перешла от одной буржуазной партии к другой. США оказали помощь ДП, будучи уверенны в том, что она более ревностно станет проводить политику подчинения национальных интересов страны американскому империализму.

Политика ДП в области экономики и финансов исходила из интересов крупной буржуазии и помещиков. В период ее правления усилились позиции помещиков и кулаков в деревне. Активизировал свою деятельность турецкий частный капитал. На средства частного и государственного капитала был построен ряд промышленных предприятий. Сравнительно усилилось проникновение в страну иностранного монополистического капитала. Увеличилась валовая продукция промышленности.

Однако Турция по-прежнему оставалась слаборазвитой страной. Она переживала серьезные экономические и финансовые трудности. Не только военная, но и более половины американской невоенной «помощи» расходовались на милитаризацию страны. Американская военщина взвалила на плечи трудящихся масс Турции тяжелое бремя вооружений. Турция израсходовала на военные цели намного больше, чем вся сумма американской «помощи».

Политика милитаризации еще более углубила противоречия в социально-экономической структуре Турции и явилась одной из главных причин серьезных экономических и финансовых затруднений. Милитаризация страны привела к разбуханию расходной части государственного бюджета и его хроническому дефициту. В результате дефицит бюджета достиг огромной суммы. Увеличились также суммы внутреннего и внешнего государственных долгов. Если ко времени прихода к власти ДП сумма внутреннего долга более чем в два раза превышала сумму внешнего долга, то к маю 1960 г., наоборот, внешний долг почти в два раза превысил сумму внутреннего долга.

Увеличилось количество бумажных денег в обращении. Это привело к обесценению турецкой лиры, снижению ее эквивалентной стоимости по соотношению с долларом и золотой лирой. В августе 1958 г. правительство Мендереса произвело фактическую девальвацию лиры. Ее стоимость по соотношению с долларом была снижена более чем в три раза. Но это

мероприятие не возымело действия и падение стоимости бумажной лиры продолжалось.

Обесценение лиры привело к повышению цен на товары первой необходимости, квартирной платы и коммунальных услуг, удорожанию стоимости жизни, ухудшению материального положения трудящихся масс. В результате Турция по уровню жизни заняла одно из последних мест в мире. Правительство Мендереса повысило зарплату рабочим некоторых отраслей промышленности. Но так как цены на продукты питания и другие товары первой необходимости продолжали расти, положение трудящихся масс не изменилось к лучшему.

Таким образом, ДП не выполнила своих обещаний в отношении улучшения жизненных условий трудящихся масс, ликвидации безработицы, стабилизации экономического и финансового положения страны. В поисках выхода из создавшегося положения летом 1958 г. правительство Мендереса обратилось за «помощью» к западным странам, что еще более усилило финансовую зависимость Турции от своих «партнеров» по НАТО. С этой же целью правительство ДП приняло решение о присоединении Турции к «Общему рынку».

Политика милитаризации Турции была выгодна американским монополиям, которые использовали усиление военно-стратегических позиций США для превращения Турции в выгодную сферу приложения капитала и рынок сбыта. Но политика милитаризации, с другой стороны, создала благодатную почву для обогащения турецкой буржуазии и помещиков. Это привело к увеличению частных банковских вкладов, появлению большого числа миллионеров. Произошла значительная концентрация национального частного капитала, усилились позиции крупной торговой, банковской и промышленной буржуазии. Эта политика привела также к обогащению верхушки правящей партии, видевшей в ней средство легкой наживы за счет турецкого налогоплательщика.

Основной целью внутренней политики ДП было дальнейшее усиление позиций реакции. Средством достижения этой цели служила политика антикоммунизма, подавления прогрессивных и демократических сил. Правительство Мендереса направило свой главный удар против Коммунистической партии, прогрессивных и демократических сил. Был принят закон о смертной казни и долгосрочной ссылке членов Компартии, положивший начало кампании антикоммунистической истерии и кровавым репрессиям против коммунистов. Этот закон применялся не только против коммунистов, но и против всех патриотов. Власти использовали его также для подавления гражданских прав и свобод. Антикоммунизм служил пра-

вительству Мендереса одним из условий для пребывания у власти[1].

В целях борьбы против роста классового самосознания рабочих и крестьян, отвлечения пролетариата и его союзников от классовой борьбы правительство Мендереса усиленно возрождало религиозный фанатизм и национализм. Использование религии и национализма против своих классовых врагов рассматривалось как одно из средств политической борьбы. Путем разжигания религиозного фанатизма ДП расширяла свои позиции среди крестьянства, использовала религию в узкопартийных целях как орудие борьбы против влияния оппозиционных буржуазных партий. Разжигание религиозного фанатизма нанесло значительный вред светским началам турецкого общества, явилось грубым нарушением конституции.

Несмотря на мероприятия правительства, борьба крестьянства и рабочего класса за свои права по сравнению с прошлым периодом несколько усилилась, хотя и не приняла характера общенациональной борьбы против системы угнетения и эксплуатации. Борьба крестьянских масс и рабочего класса за свое социальное освобождение была обособленной. Пролетариат Турции не сумел обеспечить руководства крестьянской борьбой.

Правительство Мендереса предприняло ряд репрессий против оппозиционных буржуазных партий, в особенности против своей главной соперницы за власть — НРП. Оно поставило перед собой задачу постепенной и окончательной ликвидации всякой буржуазной оппозиции с целью установления однопартийной буржуазной системы правления. Преследование оппозиционных буржуазных партий со стороны правительства Мендереса явилось одним из звеньев в цепи мероприятий, направленных на дальнейшее усиление процесса концентрации экономической и политической власти в руках крупной буржуазии. Были ликвидированы «народные комнаты» и «народные дома», принадлежащие НРП, конфисковано все ее имущество. Клика Баяра — Мендереса запретила свободную деятельность оппозиционных партий и их газет, тем самым ликвидировав свободу слова и собраний, свободу печати и изданий — важнейшие элементы буржуазных прав и свобод. Правительство Мендереса фактически ликвидировало буржуазную демократию и перешло к диктаторским формам правления.

Как указывается в Заявлении совещания представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в ноябре 1960 г., «в ряде стран усиливается процесс фашизации и но-

---

[1] См. «Программа КПСС», стр. 35.

вых формах: диктаторские методы управления сочетаются с фикцией парламентаризма, лишенного демократического содержания и сведенного к чистой формальности»[2]. Это целиком и полностью относилось к Турции того периода.

Обещания ДП — «Сперва материальное благополучие, потом свобода»[3] — оказались блефом. Правящая партия не дала народу ни того, ни другого. Оппозиционные партии, в особенности НРП, используя недовольство широких народных масс пагубными последствиями политики милитаризации страны, усилили борьбу против правительства Мендереса. Основной упор оппозиционные партии делали на критику внутренней политики правительства, но затем, перед лицом ряда внешнеполитических провалов, начали критиковать и внешнюю политику Мендереса. Итоги досрочных выборов в меджлис одиннадцатого созыва свидетельствовали об ослаблении позиций ДП. Лишь мажоритарная система выборов смогла на время оставить ее у власти.

После выборов борьба оппозиционных партий за власть еще более активизировалась. Ослабление позиций правящей партии сопровождалось расширением сферы влияния оппозиции. Ее позиции усилились также в результате образования единого фронта борьбы против ДП, что было сделано в противовес организации правящей партией так называемого «Отечественного фронта».

Накануне 1960 г. внутренняя и внешняя политика правительства Мендереса потерпела полное банкротство, она переживала глубокий кризис. Но это был кризис не только правления ДП, но и всей правящей верхушки страны. Кризис обозначился и внутри самой правящей партии, о чем свидетельствовали факты образования новых политических партий бывшими ее членами, уход из нее видных членов и депутатов меджлиса, отставки министров и правительства, возникновение внутренней оппозиции — яйляджистов.

В связи с приближением очередных выборов в меджлис ДП предприняла новые преследования и репрессии против оппозиционных партий. Была организована комиссия по расследованию деятельности НРП и ее печати, впоследствии наделенная чрезвычайными полномочиями. Власти ввели осадное положение в Стамбуле и Анкаре, запретили политическую деятельность оппозиции, закрыли ее органы печати, арестовали большое числе журналистов. В стране воцарились беззаконие и полный произвол властей. Репрессии и пресле-

---

[2] «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», стр. 71.

[3] „Dörüşümüz....", s. 11.

дования правительством оппозиции, студенчества и др. находили поддержку у правящих кругов США. К концу правления ДП в Турции нашло свое наиболее полное выражение одно из проявлений третьего этапа общего кризиса капитализма—небывалое усиление политической реакции по всем линиям, отказ от буржуазных свобод и установление фашистского, тиранического режима и глубокий кризис буржуазной политики и идеологии[4].

Правительство Мендереса подавило в крови студенческие выступления в Стамбуле и Анкаре, встало на путь использования армии как орудия политической борьбы. Власти замышляли физическое уничтожение оппозиции при помощи банды наемников и расправу над курсантами анкарской военной школы, присоединившимися к оппозиции.

Обострились противоречия между рабочим классом и крестьянством, с одной стороны, и эксплуататорскими классами — с другой. Обострилась также борьба между демократической партией и оппозиционными буржуазными партиями. Внутриполитическая обстановка накалилась как никогда, а межпартийная борьба сопровождалась потасовкой в меджлисе. Правительство Мендереса завело страну в тупик. Буржуазная оппозиция требовала немедленной отставки правительства. Но верхушка ДП не проявляла никакой готовности передать власть другим буржуазным партиям. Обычные формы буржуазной демократии оказались непригодными разрешить кризис межпартийной борьбы. Правящие круги стали проявлять сильное беспокойство перспективой дальнейшего углубления кризиса. Турецкая буржуазия свои последние надежды связывала с армией. Так зародилась идея военного переворота 27 мая 1960 года. В стране была установлена власть Комитета национального единства, совершившего переворот.

Переворот носил верхушечный характер. Основной целью свержения власти ДП и правительства Мендереса была разрядка напряженности в межпартийной борьбе, преодоление кризиса в пользу правящих классов страны.

Подлинной причиной политического краха ДП и клики Баяра—Мендереса была их антинародная и антинациональная внутренняя и внешняя политика, политика превращения Турции в военно-стратегический плацдарм американского империализма на Ближнем и Среднем Востоке. Это свидетельствовало о перерождении турецкой национальной буржуазии, еще накануне второй мировой войны исчерпавшей свои и без того ограниченные прогрессивные способности, в реакционный класс, препятствующий прогрессивному развитию страны.

---

[4] См. «Программа КПСС», стр. 26.

Ռ. Գ. ԿՈՆԴԱԿՉՅԱՆ

ԹՈՒՐՔԻԱՅԻ ՆԵՐՔԻՆ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ (1950—1960 թթ.)

(Ա մ փ ո փ ո ւ մ)

Աշխատության մեջ լուսաբանվում է Թուրքիայի ներքաղաքական վիճակը համաշխարհային երկրորդ պատերազմից հետո, շահագործող դասակարգերի ձգտումը հաղթահարելու ներքաղաքական և կառավարող վերնախավի իշխանության ճգնաժամը, Դեմոկրատական կուսակցության կազմակերպումը, նրա ընդդիմադիր պայքարը, անցումը իշխանության գլուխ և երկկուսակցական կառավարման սիստեմի հաստատումը։

Աշխատության մեջ լուսաբանված է Բայար—Մենդերեսի կառավարության քաղաքականությունը գյուղատնտեսության և արդյունաբերության բնագավառում, օտարերկրյա կապիտալի նկատմամբ, երկրի ֆինանսական դրությունը ու աշխատավոր դասակարգերի վիճակը։ Ուսումնասիրվող ժամանակաշրջանում այստեղ կառուցվեցին մի շարք նոր արդյունաբերական ձեռնարկություններ, վերակառուցվեցին գործարաններ ու ֆաբրիկաներ, ավելացավ արդյունաբերության ու գյուղատնտեսության արտադրանքի ծավալը, այնուամենայնիվ Թուրքիայի էկոնոմիկան, Դեմոկրատական կուսակցության կառավարման վերջում, պահպանում էր իր թույլ զարգացած բնույթը։ Դեռ ավելին, երկիրը կրում էր ծանր ֆինանսական դժվարություններ, որոնց գլխավոր պատճառներից մեկը ռազմական անհամեմատ բարձր ծախսումներն էին։ Սակայն երկրի ուժգին ռազմականացման քաղաքականությունը աջակցում էր կալվածատերերի և բուրժուազիայի հարբուստացմանը, մասնավոր կապիտալի կենտրոնացմանը ու նրա դիրքերի ամրապնդմանը արդյունաբերության պետական սեկտորի նկատմամբ։

Բացահայտվում է դեմոկրատական ու առաջադիմական ուժերի հետապնդումը կառավարող շրջանների կողմից, ռեակցիայի դիրքերի հետագա ամրապնդումը երկրի քաղաքական կյանքի բոլոր բնագավառներում։ Այդ քաղաքականության հիմնական լծակներն էին հակակոմունիզմը, կրոնական մոլեռանդության բորբոքումը և ազգային փոքրամասնությունների ճնշումը։

Առանձնակի ուշադրության է առնված բուրժուական ընդդիմադիր կուսակցությունների, հատկապես ժողովրդա-հանրապետական կուսակցության հետապնդումը Դեմոկրատական կուսակցության կառավարության կողմից, միջկուսակցական պայքարը և ներքաղաքական իրադրությունը 1960 թ. մայիսի 27-ի զինվորական հեղաշրջման նախօրյակին։

Դեմոկրատական կուսակցության ներքին քաղաքականության ուսումնասիրությունը բերել է հետևյալ եզրակացություններին.

1. Դեմոկրատական կուսակցությունը գալով իշխանության գլուխ, մոռացության մատնեց իր ծրագրային ու նախընտրական խոստումները՝ աշխատավոր զանգվածների կենսամակարդակի բարելավման, էկոնոմիկայի ու ֆինանսների կայունացման, քաղաքացիական ազատությունների ու իրավունքների ապահովության հարցերում։

2. Երկրի ուժգին ռազմականացման քաղաքականությունը, որը հանդիսանում է տնտեսական ու ֆինանսական դժվարությունների գլխավոր պատճառներից մեկը, էլ ավելի սրեց Թուրքիայի սոցիալ-տնտեսական վիճակը և դասակարգային հակասությունները։

3. Դեմոկրատական կուսակցության ներքին քաղաքականության հիմնական նպատակն էր՝ ամրապնդել խոշոր առևտրա-արդյունաբերական բուրժուազիայի ու կալվածատիրության իշխանությունը։

4. Դեմոկրատական կուսակցության կառավարման ժամանակաշրջանում թուրքական բուրժուազիան վերջնականապես սպառեց իր համեմատաբար առաջադիմական ունակությունները և վերածվեց հետադիմական դասակարգի։

5. 1960 թ. մայիսի 27-ի զինվորական հեղաշրջման նպատակն էր հաղթահարել ծայր աստիճան լարված ներքաղաքական իրադրությունը և կառավարող կուսակցության իշխանության ճգնաժամը։ Այն չուներ սոցիալական կամ հակաիմպերալիստական բնույթ, այլ վերնախավային էր և չհանգեցրեց էական ներքին և արտաքին քաղաքական փոփոխությունների։

А. М. МАРТИРОСЯН

ПОЛИТИКА ТУРЕЦКИХ ПРАВЯЩИХ КРУГОВ В ОТНОШЕНИИ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА

Проникновение иностранного капитала в Турцию имеет довольно долгую историю. Еще в XIX в. банки, внутренняя и внешняя торговля, транспорт, а также имеющиеся промышленные предприятия находились под контролем иностранного капитала. Турция стонала также под тяжелым бременем многочисленных займов западных держав. Этому содействовала политика османского правительства, которое приложило все возможные усилия для привлечения иностранного капитала. В результате накануне первой мировой войны Османская империя представляла собой полуколониальную страну, в экономической и политической жизни которой господствовал иностранный капитал[1]. Зависимость Османской империи от империалистических держав обрекала ее народы на невыносимые страдания. В. И. Ленин указывал, что для полуколониального положения Турции было характерно «долгое, мучительное падение и разложение, мучительное в особенности для всех трудящихся и эксплуатируемых масс народа»[2].

После победы национально-освободительной борьбы (1918—1922 гг.) и провозглашения в 1923 г. республики турецкая буржуазия, стремясь к политико-экономической независимости, повела упорную борьбу против господства иностранного капитала. Политика правящей народно-республиканской партии (НРП) до середины 30-х годов была направлена на укрепление национальной независимости страны, поддержание мира и развитие дружественных отношений с соседними странами. Большую роль в экономической жизни страны в эти годы сыграла так называемая политика «этатиз-

---

[1] На 1 ноября 1914 г. внешний долг Турции равнялся 152265915 лирам. А. Д. Новичев, Очерки экономики Турции до мировой войны, М.—Л., 1937, стр. 127.

[2] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 10, стр. 313.

ма»[3], призванная развить национальную промышленность и защитить ее от экспансии мощного западного капитала. В результате проведения этой политики иностранное частное предпринимательство начало переживать глубокий кризис, который углубился в результате как ликвидации «Управления государственного долга» в режиме капитуляции, так и принятия законов, ограничивающих деятельность иностранного капитала[4], а также выкупа иностранных предприятий (железных дорог, портовых сооружений и оборудования, угольных шахт Зонгулдакского бассейна, предприятий городского коммунального обслуживания и др.). В ослаблении позиций иностранного капитала немалую роль сыграло постановление, лишающее Оттоманский банк права на эмиссию банкнот и других казначейских функций и передачу их в ведение Центрального банка, организованного в 1930 г. В результате мероприятий по ограничению деятельности иностранного капитала общая сумма иностранных вложений в Турции со 142 млн. ф. ст. в 1923 г. снизилась до 40,2 млн. турецких золотых лир в 1929 г.[5] и до 26 млн. лир в 1933 г.[6]. Иностранный капитал сохранил позиции лишь в некоторых отраслях горнодобывающей промышленности, в области банковских страховых операций, в незначительной степени на железнодорожном транспорте и некоторых предприятий легкой промышленности, которые были большей частью заняты переработкой сельскохозяйственного сырья для экспорта. Так, из 23 иностранных банков, функционировавших в 1924 г., к концу 30-х годов осталось 8, кредитовавших почти исключительно импортно-экспортные операции[7].

---

[3] «Этатизм» — специфическая форма государственного капитализма в условиях Турции 30-х гг., отвечал интересам национальной буржуазии, выступающей за экономическую самостоятельность. Государственное предпринимательство и регулирование способствовало развитию капиталистических отношений в стране, стимулируя в первую очередь процесс накопления капитала.

[4] Среди законов, ограничивающих деятельность иностранного капитала, заслуживают упоминания законы № 2007 и 2818. Первый отдавал предпочтение местным вложениям в промышленность, второй допускал эксплуатацию недр исключительно в интересах Турции (даже для использования иностранных экспертов, инженеров, квалифицированных рабочих требовалось специальное разрешение турецкого правительства). См. „Türkiye iktisat gazetesi" 6.II 1959.

[5] Б. Данциг, Иностранный капитал в Турции, «Новый Восток», 1929, № 26—27, стр. 338.

[6] Ю. Н. Розалиев, Особенности развития капитализма в Турции, М., 1962, стр. 61.

[7] Д. М. Вдовиченко, Национальная буржуазия Турции, М., 1962, стр. 120.

Однако необходимо отметить, что национальная буржуазия в борьбе против иностранного капитала была непоследовательна и не отказалась от сотрудничества с ним. Эта непоследовательность была результатом, с одной стороны, недостаточного осознания турецкой буржуазией национальных интересов страны, с другой — ее экономической слабости, а также корыстных интересов ее некоторых кругов. В итоге турецкое правительство, принуждаемое трудностями финансирования экономики[8], стремилось вовлечь иностранный капитал (как в виде кредитов, так и прямых вложений) в строительство промышленных объектов. Вот почему уже в 1938 г. доля внешнего финансирования в общей сумме расходов турецкого государства составила 22%[9]. Если в 1928 г. унаследованные от Османской Турции внешние государственные долги составляли 107,5 млн. лир золотом, то к 1938 г. они возросли до 188 млн. лир[10]. Рост внешних долгов объяснялся тем, что в 30-х годах Турция получила ряд займов[11]. «Помощь» Запада была предоставлена на определенных условиях: в целях выкупа иностранных концессий, осуществления ряда проектов промышленного строительства и вооружения турецкой армии[12].

Стремление Турции к политико-экономической независимости нашло глубокое понимание со стороны Советского Союза, который оказывал ей бескорыстное материальное и моральное содействие. Особенно большое значение для развития турецкой экономики имел советский беспроцентный заем в сумме 8 млн. долл., в счет которого в стране был сооружен ряд промышленных объектов. Однако с середины 30-х годов турецкие правящие круги постепенно отошли от принципов самостоятельной национальной политики и развития дружественных отношений с СССР[13]. Вначале Турция тяготела к ан-

---

8 Несмотря на многочисленные привилегии, предоставляемые турецким правительством местному частному капиталу в целях развития промышленности, инвестиции производились в основном в торговлю, а в лучшем случае — в пищевую промышленность (где оборот капитала, естественно, значительно быстрее). Это объяснялось отсутствием экономического опыта и психологическими особенностями турецкой буржуазии, которая, в противовес западной, предпочитала иметь богатство скорее в валюте, чем в виде капитала.

9 Б. Данциг, П. Моисеев, Особенности экономического развития Турции, «Мировая экономика и международные отношения», 1966, № 2, стр. 88.

10 „The Economy of Turkey", Washington, 1951, pp. 246—248.

11 В частности, Турция от Англии получила 30,5 млн. ф. ст., США — 11,9 млн. долл., Франции—264 млн. фр. Д. М. Вдовиченко, Национальная буржуазия Турции, стр. 119—121.

12 Крупнейшим из предприятий был металлургический комбинат в Карабюке, построенный за счет английского кредита в 3 млн. ф. ст.

13 Причиной ориентации на Запад с середины 30-х годов явилось уси-

гло-французской группировке, в годы войны — к Германии, а когда исход войны стал уже вполне определенным, примкнула целиком к США. В годы войны в результате политики «нейтралитета» Турция смогла получить значительные кредиты: 100 млн. марок от Германии, 35 млн. долл. от США (по ленд-лизу), 20 млн. ф. ст. от Англии (все эти суммы были отведены на вооружение турецкой армии)[14]. В итоге к 1944 г. внешние долги Турции по сравнению с 1938 г. удвоились[15].

Сразу же после окончания войны турецкая буржуазия, которая нажилась на эксплуатации трудящихся масс с помощью государства и на продаже Германии стратегического сырья, а также значительно укрепила связи с империалистическими монополиями, начала смелее выступать против «этатизма», за привлечение в страну иностранного капитала и расширение поля деятельности местного частного капитала. В поощрении иностранного капитала особенно большую роль играл Деловой банк («Иш банкасы»), являющийся крупнейшей организацией частного сектора[16]. Правящие круги в свою очередь возлагали еще большие надежды на внешнюю «помощь», стремясь заполучить ее в максимально возможных размерах. Новым явлением в проникновении иностранного капитала в Турцию было создание смешанных не только турецко-частно-иностранных, но и турецко-государственно-частных иностранных обществ.

Ориентируясь на иностранные империалистические силы, турецкие правящие круги стали усиленно проводить милитаризацию страны и одновременно под видом борьбы с «коммунизмом» подавлять демократическое и патриотическое движение. В свою очередь, западные державы пытались поставить под свой контроль политико-экономическую жизнь Турции, стремясь превратить ее в военный плацдарм.

В соответствии с американо-турецким соглашением, заключенным в 1947 г. по «доктрине Трумэна», американский империализм начал осуществлять в Турции конкретные военные приготовления, направленные против СССР и стран социалистического лагеря. Американская военная «помощь»,

---

ление узкоклассовых и шовинистических тенденций буржуазии, а также позиций крупной торгово-банковской буржуазии и оппозиционных феодально-помещичьих групп и давление международного империализма на правящие круги. Всему этому способствовала также смерть Ататюрка. (Об этом см. А. Миллер, Пути развития Турции, «Коммунист»„ М., 1959, № 3, стр. 94—105).

[14] «Современная Турция», М., 1965, стр. 176.

[15] „The Economy of Turkey", pp. 246—248.

[16] Об этом см. Ю. Н. Розалиев, Характер и роль крупного национального капитала, «Проблемы востоковедения», М., 1960, № 1, стр. 100.

предоставленная Турции по этому соглашению в течение 1947—1949 гг., составила 175 млн. долл[17]. В 1948 г. между США и Турцией было заключено соглашение о предоставлении экономической «помощи» в рамках так называемого «плана Маршалла». По этому соглашению в 1948—1949 гг. Турция получила 33,8 млн. долл.[18]

С первых же лет американо-турецкого военного экономического сотрудничества Турция стала испытывать большие валютно-финансовые трудности. Если до 1947 г. финансовое положение страны было довольно прочным, то в 1950 г. в платежном балансе возник дефицит, составивший уже в 1947 и 1948 гг. 60 млн. и 219 млн. лир соответственно. Для покрытия дефицита баланса внешних платежей Турция в период между окончанием второй мировой войны и до конца 1950 г. была вынуждена использовать не только внешние кредиты, но и золотой запас страны на сумму 73 млн. долл.[19].

Иностранные частные вкладчики в послевоенные годы начали активизироваться и проявлять повышенный интерес к инвестированию капитала в Турции. Первой мерой поощрения иностранного частного капитала в Турции явилась статья 31 декрета № 13 (3—5843) от 22 мая 1947 г.[20], согласно которой министерству финансов в целях развития промышленности, сельского хозяйства и транспорта предоставлялось право заключать сделки с иностранными организациями. Вслед за этим в 1948 г. было заключено американо-турецкое соглашение, по которому Турция обязывалась рассматривать частные американские платежи (в том числе и вложения) как собственность правительства США[21]. Тем самым турецкое правительство фактически признавало частные американские вложения и гарантировало их неприкосновенность.

1 марта 1950 г. турецкий меджлис принял первый закон о поощрении иностранного капитала (№ 5567)[22]. Этот закон (действовавший 16 месяцев — до утверждения нового) уже юридически гарантировал иностранные частные капиталовложения. Несмотря на это, иностраный частный капитал избегал новых инвестиций, считая принятые меры неудовлетворительными. Приход к власти правительства демократической партии в 1950 г. изменил положение.

---

[17] Һ. Ә. Әлиев, Муасир Туркијәдә харичи капитал, Баки, 1962, с. 30.

[18] TCMB Aylik Bülten, Ankara, 1966, № 1, s. 117.

[19] „The Economy of Turkey", pp. 246—248.

[20] „T. C. Resmî gazete", 26.V 1947

[21] „Investment in Turkey (Us Department of Commerce), Washington, 1956, p. 1.

[22] „T. C. Resmî gazete", 4.III 1950.

Таким образом, период правления правительства народно-республиканской партии (1923—1950 гг.) можно рассматривать как определенный этап политики в отношении иностранного капитала, когда иностранный частный капитал в целом не поощрялся. В то же время турецкие правящие круги принимали меры по привлечению преимущественно иностранного (государственного) ссудного капитала, который, по их мнению, не угрожал национальной независимости страны и не мог серьезно ущемить интересы турецкой буржуазии. Хотя в течение 1930—1950 гг. Турция погасила значительную часть внешних долгов, в том числе и долги так называемого «оттоманского долга»[23], из-за привлечения новых кредитов и займов международное финансовое положение страны не улучшилось[24]. В 1950 г. внешние долги Турции составили 260 млн. долл[25].

За период правления демократической партии военно-политические и экономические связи Турции с Западом расширились. Важными моментами в деятельности иностранного капитала в Турции были: рост частных капиталовложений в турецкую экономику, расширение союза крупного турецкого капитала с империалистическими монополиями, широкое использование государственных средств в интересах верхушки турецкой буржуазии и поддерживающих их иностранных держав. Одновременно расширился и военно-политический союз Турции с агрессивными кругами Запада.

Не прошло и двух месяцев после прихода демократической партии к власти, как Турция приняла участие в агрессии против Корейской Народно-Демократической Республики. В 1950 г. вместе с державами Запада Турция выступила с предложением о создании «объединенного средневосточного командования», направленного против безопасности стран Ближнего и Среднего Востока. В 1952 г. она вступила в НАТО, а в 1955 г.—в Багдадский пакт (СЕНТО). В 1956 г. Турция поддержала англо-франко-израильскую агрессию против Египта, а в 1958 г.—англо-американскую интервенцию в Ливане и Иорданию. В течение 1950—1960 гг. турецкие правящие круги заключили с западными державами несколько соглашений, которые предусматривали переподготовку и вооружение турецкой армии, строительство военно-морских баз, аэродромов, стратегических железных и шоссейных дорог, размещение на территории Турции штаба «сухопутных

---

[23] Османский долг окончательно погашен Турцией в 1949 г.

[24] В 1946 г. внешние долги по сравнению с 1944 г. сразу удвоились из-за девальвации лиры.

[25] „The Economy of Turkey", pp. 246—248.

сил НАТО в юго-восточной зоне Европы» (в Измире), ракетных баз НАТО, а также ряд других планов милитаризации страны.

Численность турецкой армии превысила полмиллиона; причем 300 тыс. находилось в распоряжении НАТО[26]. Ни одна из стран — членов НАТО не имела в составе этой организации такой большой армии. В качестве платы за политику турецких правящих кругов в 1950—1959 гг. Турция получила 1650 млн. долл. американской военной «помощи» и 300 млн.—по линии НАТО. Тогда же американская экономическая «помощь» Турции составила еще 994 млн. долл.[27]. По заявлениям турецкой и иностранной прессы, 40% американской экономической «помощи» выделялось на военные цели. Следовательно, на военные цели из экономической «помощи» было израсходовано 397,6 млн. долл., а вся сумма, затраченная на военные цели, превысила 2347 млн. долл.

Выражая интересы крупной буржуазии и помещиков, руководители демократической партии связывали осуществление задач финансирования и развития экономики страны с получением западной экономической «помощи». Премьер-министр А. Мендерес заявлял даже, что с помощью Запада он превратит страну в маленькую Америку[28]. В 1950—1959 гг. Турция вошла в ряд экономических и финансовых организаций, созданных империалистическими державами, и согласно 4-му пункту «доктрины Трумэна» подписала с США соглашение об оказании технической помощи. Полученная в период 1950—1959 гг. экономическая «помощь» Запада равнялась 1332,4 млн. долл.[29]. «Помощь» предоставлялась после длительных переговоров турецкого правительства, которое после получения подачек выдавало ее за «выражение доброй воли» западных держав.

Экономическая политика демократической партии разрабатывалась в соответствии с интересами и желаниями, прежде всего, частного капитала и частного предпринимательства, что нашло выражение в предоставлении частному капиталу широкой поддержки, поощрении его союза с иностранными капиталами, а также в налоговой политике государства. Если до 1949 г. частные предприниматели получали 891 млн. лир государственного кредита, то за период 1949—1959 гг.—6925 млн. лир. Из кредитов, предоставленных частному сектору в 1950—1959 гг., было выделено на торговые операции—53%,

---

[26] Timothy W. Stanley, Nato in transition, Washington, 1965, p. 350.

[27] „Middle-Eastern affairs", january 1961, p. 4.

[28] «Экономическая газета», 20.X 1962.

[29] „Türkiye iktisat gazetesi", 18.IV 1963.

на сельское хозяйство—37,7%, на развитие промышленности—23%, а остальное — на другие отрасли хозяйства[30]. Подобная кредитная политика была на руку помещикам, кулакам и экспортерам сельскохозяйственной продукции. Помещики не только не заплатили государству подоходного налога, но и продавали ему продукцию по гарантированным высоким ценам, а также получали из государственного бюджета экспортные премии. В области промышленности руководители демократической партии вели политику подчинения государственного сектора частному.

Турецкие правящие круги усиленно стремились привлечь иностранный частный капитал. В свою очередь, монополии требовали, чтобы Турция «заслужила доверие иностранных вкладчиков, возместив причиненные им в 30-е годы убытки»[31]. Большое недовольство иностранных инвеститоров вызвала налоговая политика правительства и все еще сохранившиеся некоторые ограничения деятельности империалистических монополий в Турции. В годы правления демократической партии был принят ряд законов, поощрявших иностранных частных вкладчиков капитала и дававших широкие возможности для их деятельности почти во всех областях турецкой экономики. Основные принципы этих законов были предложены и разработаны американскими и западноевропейскими специалистами.

1 августа 1951 г. турецкий меджлис принял закон о поощрении иностранного капитала (№ 5821)[32]. По закону, иностранные частные компании могли беспрепятственно вкладывать свои капиталы в промышленность, энергетику, средства связи, общественные работы и туристические организации. Иностранные вкладчики получили право инвестировать в качестве капитала машинное оборудование и патенты, использовать иностранных специалистов, вывозить капитал (через 3—5 лет со дня вложения), а также прибыли в размере 10% от вложенных средств. В то же время законы № 2007, 2818, сковывавшие деятельность иностранного частного капитала, были аннулированы. Однако ожидаемые масштабы иностранных вложений не были обеспечены. За два года в турецкую экономику было вложено всего 9,12 млн. долл.[33]. Иностранные вкладчики в основном возражали против пунктов, связанных с порядком перевода капитала и прибылей за границу.

---

[30] „Türkiye iktisat gazetesi", 6.I 1966.

[31] „The Economy of Turkey", p. 245.

[32] „T. C. Resmî gazete", 9.VIII 1951.

[33] „Türkiye iktisat gazetesi", 12.V 1966.

18 января 1954 г. на основании рекомендации миссии Рэндолла[34] турецкий меджлис принял новый закон о поощрении иностранных капиталовложений (№ 6224). В соответствии с этим законом местному и иностранному капиталам были предоставлены равные права (с точки зрения эксплуатации людских и естественных ресурсов). С разрешения властей иностранные вкладчики могли продавать свои предприятия и вывозить прибыли в любое время и в неограниченных размерах. Государство гарантировало также вложенный капитал в сумме до 1 млд. лир[35]. После утверждения этого закона иностранный частный капитал в Турции заметно активизировался, его поток возрос, составив в конце 1959 г. 38,7 млн. долл.[36], которые были вложены в промышленность целиком.

С целью развития в кратчайшие сроки нефтяных ресурсов страны усилиями иностранных нефтяных монополий, на основании рекомендации американских специалистов (Макс Болл и Элмер Петцелы), 7 марта 1954 г. Великое национальное собрание (ВНСТ) приняло закон о нефти (№ 6327)[37]. В дальнейшем, в 1955 и 1957 гг. закон о нефти подвергся частичным изменениям, которые еще больше расширили права нефтяных монополий[38]. В соответствии с этим законом к концу 1959 г. было вложено 334,6 млн. лир (140 млн. долл.)[39] на организацию бурильных и разведывательных работ. Кроме названных законов, турецкое правительство принимало постановления о разрешении и поощрении иностранных вложений в отдельные промышленности. По американо-турецкому соглашению 1957 г., «обе страны» обеспечивали гарантию неприкосновенности американского частного капитала, что практически означало гарантию его неприкосновенности в Турции. Многие американские фирмы получили разрешение турецкого правительства на свободный импорт необходимых материалов и оборудования, а также были освобождены от обложения некоторыми местными налогами[40]. Так, в 1958 г. меджлис провозгласил район Тузлу «свободной зоной», где аме-

---

34 Кларнес Рэндолл был председателем Комиссии по вопросам внешнеэкономической политики при Конгрессе США и помощником президента. В августе 1953 г. с группой экспертов посетил Турцию в связи с реформой закона об иностранных частных вложениях.

35 „T. C. Resmî gazete", 23.I 1954.

36 „Türkiye iktisat gazetesi", 12.V 1966.

37 T. C. Resmî gazete", 16.III 1954.

38 „Investing and licensing conditions in 40 countries", New York, 1962, p. 82.

39 „Türkiye iktisat gazetesi", 6.VII 1961.

40 Е. И. Уразова, Проблема промышленного развития Турции и иностранный капитал, «Проблемы современной Турции», стр. 161.

риканская «Дженерал моторс» должна была построить дочернее автосборочное предприятие[41].

Наряду с созданием экономически выгодных и благоприятных условий, турецкие правящие круги считали важным средством привлечения иностранного частного капитала заверения в «устойчивости» внутриполитической обстановки в стране. Если для получения внешней «помощи» обычно ссылались на «внешнюю коммунистическую угрозу», то для привлечения иностранного частного капитала по каждому поводу делались заверения, что «коммунизм не может представлять внутренней угрозы»[42]. Законодательные мероприятия турецкого правительства шли параллельно с усилением союза турецкого крупного капитала с империалистическими монополиями. Одним из первых конкретных мероприятий по усилению такого союза было создание Банка промышленного развития в 1950 г. Капитал банка определялся в сумме 18 млн. долл., из которых половина была получена в виде кредита от Международного банка реконструкции и развития (Мировой банк), а другая половина — от турецкого правительства и 18 местных и иностранных частных обществ[43]. Задачей банка было развитие промышленности страны путем поощрения сотрудничества местных и иностранных частных предприятий. Турецкое правительство всеми мерами содействовало деятельности банка, гарантировало прибыли акционеров за счет государственной казны. Банк получил также кредиты от международных организаций, а также право пользоваться частью «фонда плана Маршалла». В результате общая сумма капиталов, которыми оперировал банк, быстро возросла и к 1958 г. достигла 184 млн. лир[44]. Увеличение средств происходило в основном за счет внешних займов и кредитов. В 1950—1960 гг. банк выделил на развитие промышленности 348 млн. лир, из коих 126 млн. в иностранной валюте[45].

Вследствие антинародной политики демократической партии Турция уже в 1958 г. встала перед небывалыми экономическими трудностями. Правящие круги, серьезно обеспокоенные внутриполитической напряженностью, решили выйти из тяжелого положения, использовав внешнюю помощь. С августа 1958 г. началось осуществление программы экономической стабилизации. Задачами этой программы было — провести

---

[41] „Cumhuriyet", 22.V 1958.

[42] Rasin Genani, Foreign capital investments in Turkey, Istanbul, p. 32.

[43] Н. Ә. Әлиев, Муасир Туркијәдә харичи капитал, с. 54.

[44] Ю. Н. Розалиев, Особенности развития капитализма в Турции, стр. 279.

[45] „Ekonomi gazetesi", 12.IX 1961.

девальвацию лиры, ограничить импорт (с помощью системы квот), выплатить внешнеторговые долги в срок, приостановить инфляцию, отказаться от дефицитного метода финансирования, сократить государственные кредиты, сбалансировать финансы государственных предприятий, скоординировать вложения и стабилизировать цены.

Согласно решению парижского совещания западных держав (июль 1958 г.), Турция для выполнения этой программы получала заем в сумме 377 млн. долл., из них 234 млн. долл.— от США, 100 млн. долл.—от Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС) и остальную сумму—от различных европейских организаций и стран[46]. Однако ни программа стабилизации экономики, ни предоставленная Западом «помощь», ни рекомендуемые иностранными советниками меры урегулирования не смогли приостановить все большее обострение экономической неустойчивости, которая в 1960 г. привела страну к глубокому экономическому и политическому кризису.

Следует отметить, что этот кризис в конечном счете был результатом политико-экономического сотрудничества Турции с Западом. Предоставление западной «помощи» на определенных условиях, краткосрочность кредитов и высокие проценты по ним (5—6%), торговля, ведущаяся с капиталистическим миром на неравноправной основе, ненормальное положение, создавшееся в результате деятельности иностранного частного капитала, огромные расходы на вооружение[47]—это основные причины, приведшие страну на грань экономического и финансового банкротства. Пагубное влияние западной «помощи» на турецкую экономику не могли не признать даже некоторые круги буржуазной печати. Орган лейбористской партии Англии газета «Гардиан», отмечая тяжелое положение страны в начале 1960 г., писала: «Сегодня Турция политически и экономически более уязвима, чем 15 лет тому назад. Помощь Запада еще больше ухудшила положение страны»[48].

Кризис, охвативший все отрасли экономики страны, выразился в валютно-финансовых трудностях[49], росте внутренних

---

[46] „EIU—Turkey", London, may 1961, № 38, p. 1.

[47] Расходы на вооружение составляли более трети бюджета Турции. Если в 1950 г. расходы на военные цели составляли 599 млн. лир, то в 1960 г. — 2405 млн. См. T. W. Stanley, Nato in transition, p. 350. Содержание каждого военного обходится Турции ежегодно в 7000 лир. „Journal de Geneve", 13.II 1964.

[48] „The Guardian", 10.V 1961.

[49] Если в 1950 г. золотой запас Турции равнялся 133,1 т (из коих 128,6 т было свободно, а 4,5 т заложено в иностранных банках), то в

и внешних долгов[50], увеличении хронического дефицита баланса торговли и платежей[51], усилении инфляции[52], снижении деловой активности[53], росте армии безработных[54], росте цен[55] и налогов. В сельском хозяйстве кризис в первую очередь выразился в низкой производительности труда, слабом и медленном развитии производительных сил и углублении классового расслоения и противоречий в деревне. Если в 1927 г. в сельском хозяйстве было занято 82%[56] населения, то в 1960 г.— 80,5%[57]. Следовательно, за 33 года процент занятого в сельском хозяйстве населения почти не изменился. Несмотря на то, что подавляющая часть населения была занята в сельском хозяйстве, доля его доходов в общей сумме национального дохода страны составила 42%[58]. В период правления ДП площадь обрабатываемых земель заметно расширилась (1950 г.— 14542 тыс. га, 1960 г. — 23246 тыс. га)[59]. Однако это не устранило сельскохозяйственного кризиса, так как расширение в основном происходило за счет распашки лугов и пастбищ, что наносило чувствительный урон животноводству[60].

1960 г. из 118,1 т золотого запаса было свободно лишь 22,3 т. „Turkiye iktisat gazetesi", 20.IV 1961.

50 Сумма общих долгов Турции в 1960 г. равнялась 17,9 млрд. лир, из них 12 млрд. (1,4 млрд. долл.)—внешние. Долги Турции превышали ее годовой общий и местные бюджеты более чем в два раза. Только в 1960 г. Турция должна была погасить 120 млн. долл. внешнего долга. См. „Iktisadi rapor", Ankara, 1961, s. 41. Если в 1950 г. внешние долги страны составляли 26,7% национального дохода, то в 1959 г. — уже 55%. См. Middle-Eastern Affairs", January 1961, p. 4.

51 В 1960 г. дефицит платежного баланса, который вытекал в основном из дефицита внешней торговли, равнялся 204 млн. долл. См. „Economic survey by the OECD—Turkey", Paris, 1964, p. 24. Если в 1950 г. дефицит внешней торговли составлял 62,3 млн. лир, то в 1959 г.— 321 млн. См. „World trade information services", 1961, p. 3.

52 В 1958 г. в обращении находилось 3052 млн. лир, в мае 1960 г. 4452 млн. («TCMB Aylik Bulten», 1964, № 4, s. 52). В течение 1950—1960 гг. курс лиры подвергся значительному обесценению. В 1946 г. 1 доллар стоил 2,8 лиры, а в 1960 г. — 9 лир (на черном рынке 20 лир).

53 В течение 50-х годов доля частного капитала в общей сумме капиталовложений в среднем равнялась 50%, а в 1959 г.—38%.

54 В 1959 г. в стране было 3 млн. полностью и частично безработных («Проблемы современной Турции», стр. 11).

55 За десять лет (1950—1959 гг.), по данным статистического управления Турции, цены возросли более чем в 6 раз.

56 „Yön", 7.I 1966.

57 „Türkiye yıllığı", Istanbul, 1962, s. 250.

58 П. П. Моисеев, Национальный доход Турции. «Народы Азии и Африки», 1964, № 5, стр. 48.

59 „Türkiye yıllığı", 1962, s. 250.

60 А. П. Базиянц, Причины государственного переворота 1960 г., «Проблемы современной Турции», стр. 5.

Будучи сельскохозяйственной страной, Турция тем не менее испытывала большие трудности в обеспечении населения продовольствием. В 50-е годы Турция была вынуждена импортировать многие виды основных сельскохозяйственных товаров (пшеница, различные масла, мороженое мясо и др.), тогда как раньше она сама экспортировала такие товары. С 1955 по 1959 гг. Турция импортировала из США на 197,1 млн. долл. пшеницы и муки[61]. Только с 1960 г. было импортировано 470 тыс. т пшеницы[62].

Одной из самых важных проблем сельского хозяйства была и остается земельная реформа, которая имеет огромное значение не только для судьбы крестьянства, но и для демократического развития страны. Однако, несмотря на многочисленные обещания, реформа так и не была проведена. Турция нуждается также в оснащении сельского хозяйства современными орудиями производства. Так, согласно сообщению министерства сельского хозяйства, турецкое животноводство ежегодно несет убытки в 10 млрд. лир[63] из-за отсутствия техники, нехватки опыта, знаний, умения. Однако и в этой области ничего не было сделано. Уровень механизации весьма низок. В середине 1950-х годов в стране использовалось 40 тыс. тракторов, однако они обрабатывали лишь 15% возделываемой земли.

Подобное же положение сложилось и в промышленности. Кризис периодически охватывал многие отрасли промышленности, страдавшие от иностранной конкуренции: горнорудную, металлообрабатывающую, строительную, текстильную, табачную, резиновую и др. Например, в 1959 г. добыча хромитов по сравнению с 1958 г. снизилась на 15,7%, железной руды— на 7,9%, медной руды— на 38,7%, а производство в текстильной промышленности — на 50%[64].

Если в 1948 году доля промышленности в национальном доходе составляла 10,5%, то в 1960 г.—10,9%. Этот прирост настолько незначителен, что с экономической точки зрения это совершенно не изменило удельного веса промышленности в экономике страны.

В течение 10-летнего правления демократической партии в промышленности заметно увеличилась доля частного сектора. В 1949 г. уровень частных и государственных капиталовложений превышал государственные на 14%[65]. В 1950—1959 гг.

---

[61] „Türkiye iktisat gazetesi", 18.IV 1963.

[62] „EIU—Turkey", august 1964, № 39, p. 4.

[63] „Ekonomi gazetesi", 15.III 1966.

[64] „Le Soir", 30.V 1963.

[65] Ю. Н. Розалиев, Особенности развития капитализма в Турции, стр. 254.

частный капитал инвестировал 6251,1 млн. лир, а государственный — 5093,9 млн. лир[66], т. е. соответственно 55,1 и 44,9%. Однако отметим, что предпочтение, оказанное государством частному сектору, не привело к образованию и развитию новых отраслей промышленности. Сфера деятельности национальной буржуазии ограничивалась, как и прежде, областью легкой промышленности. Таким образом, промышленность Турции получила одностороннее развитие, в результате чего не были заложены основы важных отраслей тяжелой индустрии; машиностроение было предано забвению, а некоторые отрасли легкой промышленности работали на импортируемом сырье.

Медленное развитие турецкой промышленности имело и другую причину. Несмотря на дешевую рабочую силу, себестоимость продукции турецкой промышленности резко увеличилась из-за дороговизны сырья, низкой производительности труда, нехватки рабочих высокой квалификации, необходимости ввоза машин и оборудования. В то же время низкий жизненный уровень населения порождал ничтожный спрос на промышленные товары.

В трудном положении находились и государственные предприятия. Многие из них были построены по соображениям «престижа», в совершенно не подходящих с экономико-географической точки зрения районах. В конце 50-х годов многие предприятия свернули производство из-за нехватки сырья (между тем многие потребительские товары импортировались). В результате этого 80% вновь построенных предприятий оказались нерентабельными, а многие работали на половину мощности[67]. Нерентабельность и незагруженность, с одной стороны, огромные производственные расходы, — с другой, тяжело отразились на финансовом балансе государственных предприятий. В результате к 1960 г. долги государственных предприятий исчислялись в 7,5 млрд. лир[68]. Таким образом, до второй мировой войны турецкое правительство стремилось ограничить деятельность иностранного капитала в стране, препятствовало притоку частных инвестиций, усматривая в попытках иностранных компаний сделать капиталовложения угрозу позициям национальной буржуазии. В период войны турецкая буржуазия сконцентрировала значительные средства в своих руках. Особенно укрепились позиции крупного капитала, который все активнее и настойчивее ищет союза с империалистическими монополиями. Послевоенная экс-

---

[66] „Türkiye iktisat gazetesi", 20.II 1964.

[67] „The Guardian", 10.V 1961.

[68] „Middle-East Economic Digest", 23.IX 1960, p. 421.

пансия иностранного капитала в Турции была тесно связана с военно-стратегическими планами США и их союзников. С помощью верхушечных слоев турецкой буржуазии империалистические монополии захватили важные позиции в экономике Турции, что привело к ряду серьезных экономических и политических трудностей и в конечном счете — к государственному перевороту в мае 1960 г.

27 мая 1960 г. в Турции произошел военный переворот, организованный молодыми армейскими офицерами во главе с генералом Гюрселем. Переворот завершился в течение нескольких часов. Это свидетельствовало о том, что политический курс правительства Баяра—Мендереса вызвал глубокое недовольство различных слоев населения (переворот отчасти явился выражением борьбы различных политических группировок за власть). В возглавляемое Дж. Гюрселем Временное правительство (Комитет национального единства) вошли высокопоставленные армейские офицеры[69].

КНЕ за 17 месяцев (до передачи власти конституционному режиму) под лозунгом «возврата к курсу Ататюрка»[70] утвердил более 200 законов, касающихся всех областей социально-экономической жизни страны.

Руководители нового режима в первые же месяцы правления обещали обеспечить бесперебойную работу всех промышленных предприятий, положить конец безработице, вывести сельское хозяйство из тупика, улучшить тяжелое финансовое положение страны и упорядочить торговлю. Руководители нового правительства объявили о своем стремлении разработать меры, способные привести к индустриализации страны. «Несомненно, мы должны стараться, — заявил глава государства Дж. Гюрсель, — развивать сельское хозяйство, на что требуется израсходовать 8 млрд. лир. Однако сначала необходимо развивать промышленность»[71].

Особое внимание было уделено структуре государственных вложений и деятельности государственных предприятий. Министр торговли Д. Ирен заявлял: «Одной из главных целей нового правительства является реформа государственных

---

69 Почти весь состав прежнего правительства, «демократы» — депутаты меджлиса, мэры, руководители государственных предприятий — всего 592 человека были арестованы, из них трое приговорены к смертной казни (премьер-министр Мендерес, министр иностранных дел Зорлу, министр финансов Полаткан), а 464 человека осуждены на различные сроки заключения.

70 Все политические группировки и общественные организации выступали под лозунгом «кемализма», маскируя им свои подлинные взгляды и стремления.

71 „Vatan", 16.V 1961.

предприятий»[72]. Осуществление многих проектов бывшего правительства было признано нецелесообразным и их строительство законсервировано. При государственном аппарате были созданы отдельные организации, начавшие заниматься планированием экономики страны. Для финансирования капиталовложений в экономику правительство 5 января 1961 г. создало особый фонд, средства которого обеспечились сберегательными бонами, выпущенными государством сроком на 10 лет и распределяемыми преимущественно среди трудящихся.

Стремясь преодолеть финансовые трудности, правящие круги повысили налоги на 10%[73] и прибегли к режиму «экономии». Одновременно было решено сбалансировать государственный бюджет, приостановить инфляцию, провести экономию за счет сокращения армии (это намерение не было осуществлено), «не ослабляя оборонной мощи страны». Правительство Дж. Гюрселя объявило о важности проведения аграрной реформы, которую давно ожидало крестьянство. На практике и эти обещания, как и обещания бывших правителей, не были осуществлены. Созданная комиссия по проведению аграрной реформы разработала проект аграрных преобразований, который оказался ухудшенным вариантом закона аграрной реформы 1945 г.[74].

Политика правительства в области внешней торговли выразилась в основном в ограничении импорта и поощрении торговли по клиринговой системе.

Стержнем экономической политики Комитета национального единства осталось, как и прежде, поощрение частного капитала. Так, правительство создало при Банке промышленного развития особый фонд государственных средств (60 млн. лир)[75], который должен был активизировать деятельность частных предприятий и сократить тем самым импорт промышленных товаров широкого потребления. Кроме того, в октябре 1960 г. оно основало «Компанию вложений» (капитал 75 млн. лир). Две трети капитала компании принадлежало офицерам, которые после военного переворота получили от государства крупные вознаграждения, а одна треть — местным и иностранным деловым кругам[76].

Новые руководители продолжали возлагать большие на-

---

[72] „EIU—Turkey", 1960, № 35, p. 4.

[73] „EIU—Turkey", 1961, № 39, p. 2.

[74] П. П. Моисеев, Экономическая политика правительства Дж. Гюрселя, «Проблемы современной Турции», стр. 23.

[75] „Cumhuriyet", 19.IV 1961.

[76] „Middle-East economic digest", 2.XII 1960, p. 460.

дежды на внешнюю помощь. Несмотря на их многочисленные декларации и заверения о том, что Турция сохранит верность своим обязательствам и западной ориентации, США в начальный период, опасаясь неблагоприятного для себя исхода борьбы в Комитете национального единства, не торопились с экономической «помощью» новому турецкому режиму. Опасения империалистических монополий вызывала «группа четырнадцати» (Тюркеш и 13 его сторонников)[77]. После исключения в ноябре 1960 г. «группы четырнадцати» из КНЕ правящие круги США изменили свою позицию и начали оказывать Турции финансовую поддержку. Предоставленная Западом с мая 1960 г. по октябрь 1961 г. военная и экономическая «помощь» составила более 1 млрд. долл[78]. Это означает, что правительство Гюрселя получило за год в среднем в два раза больше помощи, чем правительство Мендереса.

Следуя политике прежнего правительства, руководители нового режима расширяли экономическое сотрудничество с Западом, с той лишь разницей, что они предпочитали получать большую часть помощи от международных финансовых и экономических организаций, считая ее более выгодной и якобы менее обусловленной политическими требованиями. В частности, были восстановлены связи с Международным банком реконструкции и развития, прерванные в 1954 г.[79].

Важным стимулом развития экономики страны правительство по-прежнему считало привлечение иностранного частного капитала и иностранной техники.

Подобное стремление обусловливалось как западной ориентацией, так и политикой ограничения государственных вложений, проводимой в целях экономии. Предполагалось путем поощрения иностранного частного капитала увеличить объем капиталовложений в экономику страны. В целях активизации притока иностранного частного капитала был принят ряд мер по усилению заинтересованности иностранных вкладчиков.

Так, в июне 1960 г. КНЕ принял закон № 13, который допускал деятельность иностранных вкладчиков при новом режиме[80]. Комитет предоставил «Управлению иностранными вложениями» право разрешить некоторым иностранным фирмам вывоз части прибыли. Крупнейшим актом правительства Дж.

---

77 Тюркеш и его сторонники выступали за ослабление иностранного влияния и проведение социально-экономических реформ. Подробнее см. М. А. Гасратян, Турция в 1960—1963 гг., стр. 65.

78 „Türkiye yıllığı", 1962, s 253.

79 Причиной разрыва было то, что правительство Мендереса отказалось предоставить банку (согласно уставу банка) докладные об использовании полученных кредитов.

80 „T. C. Resmî gazete", 1.VII 1960.

Гюрселя по привлечению иностранного частного капитала явилось американо-турецкое соглашение 1961 г. о строительстве Эреглийского металлургического комбината. Это огромное предприятие, принадлежащее частному капиталу, было основано в соответствии со специальным законом, на который не распространялось действие закона № 6224.

Кроме того, правительство начало искать пути повышения заинтересованности иностранных владельцев предприятий в реинвестиции прибылей. В связи с этим предполагалось установить тесное сотрудничество между «Управлением иностранными вложениями» и иностранными вкладчиками, а также изменить закон об иностранных инвестициях. Правительство поручило ряду акционерных компаний и учреждений разработать проект мероприятий по активизации иностранных капиталовложений[81]. В результате, если по закону № 6224 иностранные инвестиции в 1959 г. исчислялись 620 тыс. долл., то в 1961 г.—3,5 млн. долл. (в 1960 г. в связи с политическим кризисом иностранные вложения снизились до 20 тыс. долл.)[82].

Усилия правительства, направленные на стабилизацию экономики страны, нисколько не улучшили ее положения, в том числе и промышленности. Если в 1959 г. индекс промышленного производства равнялся 252, то в 1960 г.—256, а в 1961 г.—255 (1948 г.—100)[83]. Однако увеличение иностранных инвестиций создало благоприятные условия для деятельности крупных и трудные—для мелких и средних местных предприятий. Только за два года после переворота в стране обанкротилось 358 главным образом мелких фирм[84]. Тяжелые испытания выпали на долю крестьянства, которое так и не дождалось аграрной реформы. Общее состояние сельского хозяйства даже ухудшилось после переворота. Из-за суровой зимы 1961 г. страна стояла на грани массового голода, и Турция была вынуждена импортировать из США огромное количество продовольствия. Только в 1962 г. помощь США своими «сельскохозяйственными излишками» составила 126,9 млн. долл[85]. (Турция ввезла 1,5 млн. т пшеницы),[86] что равнялось общему импорту продовольствия за четыре предыдущих года. Значительно вырос дефицит внешней торговли. Например, в 1959 г. он равнялся 112 млн. долл., в 1960 г.—143 млн.,

---

[81] „Cumhuriyet", 15.III 1962.

[82] „Türkiye iktisat gazetesi", 12.V 1966.

[83] „Iktisadî rapor", s. 74.

[84] М. А. Гасратян, Турция в 1960—1963 гг., стр. 97.

[85] „Cumhuriyet", 10.V 1963.

[86] „EIU—Turkey", 1962, № 43, p. 7

а в 1961 г.—160 млн. долл.[87]. Огромных размеров достиг также дефицит бюджета, составивший в 1960/61 финансовом году 900 млн. лир[88]. Такой дефицит, возникший несмотря на проводимый правительством «режим экономии» (были сокращены в основном государственные капиталовложения и расходы на административный аппарат), в значительной мере был вызван тем, что уровень военных ассигнований в стране оставался исключительно высоким. В связи с этим английский журнал «Экономический обзор Турции» писал: «Большая часть национального дохода Турции ассигнуется на военные расходы. Подобное положение создает специфические трудности в такой стране, страдающей от недостатка капитала, как Турция, где военные расходы ограничивают необходимые для капиталовложения средства»[89].

Хотя правительство Гюрселя, как указывалось выше, приняло более 200 законов, касающихся социальной и экономической жизни страны, однако положение страны, как видим, продолжало ухудшаться. Объясняется это тем, что принятые законы не затрагивали социально-экономических отношений турецкого общества. Участие Турции в агрессивных империалистических блоках, увеличение военных расходов, милитаризация экономики, снижение активности части частных предпринимателей из-за политической неустойчивости и экономических трудностей продолжали иметь место.

Экономическая неустойчивость в стране продолжалась и после выборов в октябре 1961 г. и прихода к власти коалиционных правительств[90].

Хотя в разное время большую часть мест в коалиционных правительствах занимали представители различных партий, однако программы деятельности правительств почти ничем не отличались.

27 ноября 1961 г. И. Иненю зачитал в меджлисе программу первого коалиционного правительства[91], в которой говорилось, что «целью правительства является обеспечить быстрый подъем экономики и в ближайшем будущем догнать передовые страны». Правительство предусматривало увеличить капиталовложения в государственный и частный секторы экономики как за счет внутренних накоплений, так и притока иностранного капитала. В программе говорилось также о прове-

---

[87] „Economy report 1962", Ankara, 1963, pp. 71—72.

[88] „EIU—Turkey", 1961, № 40, p. 6.

[89] „EIU—Turkey", 1961, № 40, p. 6.

[90] Первые три коалиционные правительства возглавлял И. Иненю (НРП), а последнее—Ф. Х. Ургюплю (Независимый).

[91] „T. C. Rasmî gazete", 4.XII 1961.

дении земельной реформы, приостановке инфляции (путем введения новой налоговой системы), о необходимости создать условия для использования в полной мере мощностей предприятий для планомерного развития отдельных отраслей экономики.

В области внешней политики правительство обещало тесно сотрудничать со странами, входящими в агрессивные блоки НАТО и СЕНТО и участвовать во всех их акциях. Далее подчеркивалось, что правительство приложит все возможные усилия для расширения экономических связей Турции со странами Запада.

Коалиционное правительство связывало перспективы стабилизации и развития экономики с осуществлением пятилетнего плана, принятого ВНСТ осенью 1962 г. Пятилетний план (1963—1967 гг.) предусматривал вложения в сумме 59647 млн. лир, 75% которых обеспечивалось за счет местных источников, а остальное — за счет внешних поступлений. Турция рассчитывала до 1967 г. получить 11,3 млрд. лир западной помощи (1,26 млн. долл.)[92]. Ожидалось, что ежегодный приток иностранного частного капитала составит 25 млн. долл. Чтобы обеспечить внутренние источники финансирования плана, правящие круги продолжали проводить «режим экономии» и повысили налоги[93]. Уже в 1963 г. общая сумма налогов определялась 9 млрд. лир (в 1962 г.—7,8 млрд. лир), а к концу пятилетки она должна была составить 12,8 млрд. лир[94].

Для обеспечения внешних источников финансирования плана осенью 1962 г. был организован международный консорциум, в который вошли страны «общего рынка» (ФРГ, Франция, Италия, Бельгия, Голландия, Люксембург), а также США, Канада, Англия, Австрия, Швеция и ряд международных организаций. До конца 1965 г. страны консорциума предоставили Турции 900 млн. долл.[95]. Если в начале 60-х годов правящие круги в целях обеспечения необходимой помощи неоднократно заверяли империалистические державы, что Турция — неотъемлемая часть Запада и до конца останется преданной НАТО и СЕНТО, то в дальнейшем картина несколько изменилась. Турецкие правящие круги стали опасаться, что уменьшится внешняя помощь[96]. Опасения вызывались,

---

[92] „Birinci beş yıllık kalkınma planı", Ankara, 1963, s. 117.

[93] По данным 1962 г., 60% налогов ложилось на плечи трудящихся масс, на долю которых приходилось 19% национального дохода.

[94] „EIU-Turkey", 1963, № 45, p. 4.

[95] „Middle—East economic digest", 18.II 1966, p. 82.

[96] Опасения турецких правящих кругов имели серьезное основание, так как западные державы по любому предлогу предупреждали, что Тур-

с одной стороны, финансовыми трудностями Запада, с другой — ликвидацией с 1962 г. баз в Турции для американских ракет «Юпитер»[97]. Последнее обстоятельство вызывало тревогу правящих кругов в том смысле, что для Запада стратегическая важность Турции могла потерять значение. В связи с этим Турция начала «угрожать», что она будет вынуждена обратиться к другим странам. В начале 1965 г. министр иностранных дел Турции заявил, что «есть другие нации вне консорциума, к помощи которых мы можем обратиться, и СССР может быть одной из таких стран»[98].

Коалиционные правительства считали важным стимулом стабилизации экономики страны расширение экономического сотрудничества Турции с Западом. В связи с этим турецкие правящие круги предприняли много усилий для вхождения страны в «общий рынок». Однако эти усилия встречали противодействие западных держав. Переговоры, начатые по этому поводу еще в 1959 г. и прерванные из-за военного переворота, вновь начались лишь в сентябре 1964 г. После упорных стараний турецких правящих кругов Турция была принята, наконец, в «общий рынок» в качестве ассоциированного члена с 6-летним испытательным сроком.

В то же время коалиционные правительства предпринимали новые меры, направленные на привлечение иностранных капиталовложений. Эти меры были продиктованы в значительной мере давлением как внутренних, так и внешних сил. Так, премьер-министр И. Иненю, выступая по радио 9 января 1962 г., заявил, что правительство приложит старания для привлечения в страну иностранного капитала[99].

Правительственная программа поощрения иностранного частного капитала нашла единодушную поддержку как в меджлисе, так и в сенате[100]. Правительство поручило министерству торговли организовать особую комиссию, которая должна была заняться подготовкой нового законопроекта об иностранных вложениях (в дальнейшем вся ответственность за его подготовку была возложена на Государственную плановую организацию).

В соответствии с решением правительства, новый законопроект должен был строиться на следующих основных принципах: закон должен был абсолютно исключить возможность

ция не должна возлагать большие надежды на внешнюю помощь и что ей необходимо приложить значительно больше собственных усилий. См. «Cumhuriyet», 14. IV 1963.

[97] „EIU—Turkey", 1963, № 45, p. 1.

[98] „Middle—East economic digest", 12.III 1965, p. 175.

[99] „Middle—East economic digest", 26.I 1962, p. 45.

[100] „Vatan", 26.X 1962.

национализации иностранных предприятий, облегчить вывоз прибылей иностранцев за границу и предоставить иностранным вкладчикам еще большие льготы и широкое поле деятельности. Важной уступкой империалистам было разрешение иностранным компаниям продавать свои акции за границей[101]. Однако новый законопроект, опубликованный в начале 1963 г., в частности статьи 3, 5 и 6, которые определяли условия вывоза капитала и прибылей, не получил одобрения иностранных деловых кругов. Согласно законопроекту, иностранным предпринимателям разрешалось целиком вывозить прибыли и вложенный капитал только с согласия турецкого правительства. Именно это и не устраивало иностранных вкладчиков, которые не проявили особой заинтересованности к увеличению своих инвестиций. Правительство сочло возможным удовлетворить хотя бы частично требования иностранных предпринимателей.

В феврале 1963 г. ВНСТ приняло закон № 202, который изменял прежние нормы налогов, взимаемых с иностранных предприятий[102]. По этому закону, 30—50% прибыли, вновь вкладываемой в производство, освобождалось от подоходного налога[103]. Одновременно с внутренними силами на турецкое правительство оказывалось сильное давление из-за границы, со стороны империалистических монополий и держав Запада.

В июне 1962 г. Турция подписала с Западной Германией соглашение о предоставлении западногерманским капиталовладельцам особых льгот. Западногерманский капитал получил все права турецкого частного капитала, гарантировался ото всякого рода отчуждения (в случае национализации он подлежал полной компенсации), получил право переводить капитал в любое время и вывозить прибыли в неограниченных масштабах[104]. Наиболее унизительным для Турции в договоре было то, что конфликты между западногерманским и местным капиталами (государственным и частным) подлежали рассмотрению не турецких юридических органов, а Международного суда в Гааге. Это соглашение закрепило позиции западногерманского капитала в Турции, что способствовало в дальнейшем увеличению его притока.

В начале 1963 г. с помощью Запада и Турции был основан Банк промышленных инвестиций и кредитов с капиталом

---

[101] „Ekonomi gazetesi", 16.II 1963.

[102] По закону № 6224, вложенный иностранный капитал облагался следующими налогами: 20% прибыли как корпорационный налог, 20% оставшейся прибыли как налог на прибыль.

[103] „T. C. Resmî gazete", 28.II 1963.

[104] М. А. Гасратян, Турция в 1960—1963 гг., стр. 99.

в 40 млн. лир. Банк должен финансировать иностранных и местных частных инвесторов[105].

В марте 1963 г. турецкое правительство пригласило в страну группу экспертов (8 человек) промышленного комитета стран Организации европейского экономического сотрудничества для изучения возможностей активизации иностранных инвеститоров. Эта группа после длительного изучения экономики страны представила правительству доклад, в котором рекомендовала следующие меры: а) провести финансово-налоговую реформу (главным образом снизить подоходные налоги с компаний); б) передать все отрасли промышленности частному сектору; в) расширить предоставляемые частникам краткосрочные и среднесрочные кредиты; резко увеличить долгосрочное кредитование; г) ликвидировать ограничения импорта (в основном необходимого сырья и оборудования); д) снизить импортные пошлины; е) сократить процедуру рассмотрения предложений иностранных инвесторов; ж) обеспечить иностранным инвесторам более широкие гарантии неприкосновенности их предприятий и капиталов; з) пересмотреть закон № 6224 в интересах иностранных вкладчиков[106].

Представленные комиссией рекомендации оживленно обсуждались в турецкой прессе, которая в общем и целом выразила свое несогласие безмерными притязаниями представителей иностранных монополий.

Под давлением местных деловых кругов турецкое правительство было вынуждено перейти к более осторожной и завуалированной политике.

В конце 1963 г. по решению правительства за границей были созданы информационнные бюро, которые должны были рекламировать условия, созданные в Турции для иностранных инвесторов и способствовать притоку иностранного частного капитала в Турцию[107].

В 1964 г. был организован особый центр по утверждению предложений иностранных инвесторов, который должен был ускорить процедуру рассмотрения. В его состав были включены и представители плановой организации, чтобы направлять вложения в необходимые отрасли экономики[108]. Благодаря предпринятым усилиям иностранные частные капиталовложения значительно возросли: за три года (1961—1963 гг.)

---

[105] „EIU—Turkey", 1964, № 49, p. 5.
[106] „Journal de Geneve", 1964, № 27.
[107] „Ekonomi gazetesi", 25.X 1963.
[108] „Ekonomi gazetesi", 7.XII 1964.

в экономику Турции было вложено столько иностранного капитала, сколько за предыдущие 10 лет (1951—1960 гг.)[109].

К концу 1965 г. был вложен 2401 млн. лир, из них 424 млн.—по закону № 6224, 1532 млн.—по закону о нефти, 265 млн. — по каналам Банка промышленного развития и 180 млн. — по соглашению о строительстве комбината в Эрегли[110].

Следует отметить, что политика коалиционных правительств не смогла внести коренных изменений в экономическое положение страны.

К середине 60-х годов финансовое положение страны ухудшилось. Если в 1960 г. дефицит платежного баланса равнялся 204 млн. долл., то в 1963 г.—371 млн. долл.[111] Внешняя задолженность Турции превысила 1559 млн. долл.[112] По признанию самих турецких экономистов, Турция и через 100 лет не будет в состоянии погасить свои долги. Только в 1965 г. Турция должна была выплатить процентов по старым долгам и внести часть своей задолженности на сумму 216 млн. долл.[113]

Не имея возможности оплатить долги, Турция постоянно обращается к западным державам с просьбой о консолидации или продлении сроков погашения просроченных займов. Золотые запасы Турции на 2 января 1965 г. равнялись 109,2 т (на 8,9 т меньше, чем в 1960 г.), из них 98,4 т было заложено в иностранных банках (на 2,6 т больше, чем в 1960 г.)[114]. В 1960—1965 гг. значительно выросли и внутренние долги, составившие еще в 1963 г. 10,3 млрд. лир[115]. Хотя правительство старалось приостановить инфляцию, количество находящихся в обращении денег в 1964 г. увеличилось по сравнению с 1960 г. на 32%[116].

Правление коалиционных правительств ознаменовалось ухудшением положения трудящихся. Значительно поднялись цены на предметы первой необходимости. Только с 1964 по 1965 гг. цена на зерно выросла на 10%. По данным на 1965 г., армия безработных насчитывала 3 млн.[117], а число жителей

---

[109] „Türkiye iktisat gazetesi", 12.V 1966.

[110] „Türkiye iktisat gazetesi", 12.V 1966.

[111] „Economic survey by the OECD—Turkey", p. 24.

[112] Там же.

[113] „EIU—Turkey", 1965, p. 12.

[114] „Türkiye iktisat gazetesi", 7.I 1965.

[115] „Ulus", 10.III 1963.

[116] „Ekonomi gazetesi", 12.III 1965.

[117] См. „Iktisat ve maliye", 1965, № 2, s. 38 (Иностранные источники доводят их до 4—5 млн. „EIU—Turkey", 1965, № 41, p. 3).

«геджия конду» в 1963 г. лишь в нескольких крупных городах равнялось 1,2 млн.[118]. Таким образом, пришедший к власти Комитет национального единства, несмотря на желание части офицеров избавить Турцию от иностранной зависимости, не только не смог ограничить деятельность империалистических монополий в Турции, но, связанный соглашениями с США о военно-политическом сотрудничестве, вынужден был униженно просить экономической помощи от Запада. Экономическое положение Турции, ослабленной военными приготовлениями, было столь тяжелым, что новые правители в силу своей классовой ограниченности не смогли противостоять экспансии империализма. Коалиционные правительства продолжали политику Комитета национального единства и практически стояли на тех же позициях, что и предыдущие свергнутые правители.

Парламентские выборы в октябре 1965 г. положили конец коалиционной системе правления. К власти пришла партия справедливости (созданная в начале 1961 г. на основе бывшей демократической партии) во главе с С. Демирелем. Приход к власти этой партии, являющейся главной идейно-политической опорой крупной буржуазии и помещиков, свидетельствует о том, что после военного переворота 1960 г. позиции крупного капитала страны не только не ослабли, а, напротив, даже усилились.

Деятельность нового правительства показала, что оно является наследником политики демократической партии. В экономической части программы[119] правительства С. Демиреля основное место отведено развитию местного и иностранного частного капитала, а в области внешней политики — тесному сотрудничеству с западными державами.

В целях активизации частного капитала и укрепления его позиций новое правительство стало проводить чистку государственного аппарата, избавляясь от тех чиновников, которые служили помехой в развитии частного предпринимательства. Только в первые два месяца своего правления оно отстранило от должности 500 служащих[120] (включая руководителей некоторых районов, руководителей государственных предприятий и организаций). Среди освобожденных были руководители Государственной плановой организации, «Тюрк петроллери», Этибанка, Сумербанка, Карабюкского комбината, ряда отраслей промышленности. Отстраненные были, как правило, сторонниками развития государственного сектора[121].

---

[118] „Ulus", 10.III 1963.

[119] „Middle—East economic digest", 12.XI 1965, p. 515.

[120] „Cumhuriyet", 23.I 1966.

[121] „Kim", 2—8 mart 1966, s. 4.

Правительство ПС начало прилагать новые усилия для привлечения иностранного капитала. С. Демирель во всех выступлениях ратовал за расширение отношений с Западом, одновременно предупреждая, что любое неблагоприятное высказывание турецких деятелей и печати об этих связях может отразиться на размерах внешней помощи.

Политика поощрения иностранного частного капитала преследовала следующие цели: 1) активизировать местный частный капитал; 2) сократить импорт (путем организации производства необходимой продукции иностранными инвесторами на месте); 3) создать новые источники приобретения иностранной валюты (в основном путем экспорта продукции иностранных предприятий).

Практические меры по привлечению иностранного капитала в Турцию правительство С. Демиреля проводит путем поощрения, создания смешанных государственно-частно-иностранных компаний, предоставления льгот конкретным иностранным обществам, особенно нефтяным компаниям, гарантирования прибылей иностранных корпораций и выдачи им разрешения на вывоз своих доходов.

Кроме того, правительство было намерено внести изменения в закон об иностранных вложениях. В начале 1966 г. Государственная плановая организация разработала новые меры, которые должны были содействовать выполнению следующих задач: своевременно и в полном объеме осуществлять принятые предложения, расширить экспорт продукции предприятий иностранного капитала, поощрять его сотрудничество с местным капиталом, облегчить вывоз прибылей и т. д.[122].

Таковы мероприятия, которые, по мнению правящих кругов, должны были усилить частное предпринимательство, оживить экономическую жизнь в стране.

Резюмируя изложенный материал, можно отметить, что привлечение иностранного капитала в Турцию было обусловлено, с одной стороны, западной ориентацией, присоединением к империалистическим военным и экономическим блокам, с другой—усилением влияния крупной национальной буржуазии и укреплением ее связей с внешними монополистическими силами. Привлекая и поощряя иностранный частный капитал, правящие круги преследовали следующие цели: обеспечить финансирование развития экономики, активизировать турецкий частный капитал, развить промышленность, сократить импорт, расширить экспорт, освоить опыт и умение Запада и привлечь новейшую технику. Однако ни огромные раз-

---

[122] „EIU—Turkey", 1966, № 1, p. 14.

меры помощи западных держав, ни активизация иностранного частного капитала, ни присоединение Турции к «общему рынку», ни «помощь» турецкому пятилетнему плану, представленная консорциумом, ни рекомендации иностранных советников не смогли оправдать надежды Турции и, наоборот, еще больше ухудшили ее экономическое и политическое положение.

Հ. Մ. ՄԱՐՏԻՐՈՍՅԱՆ

ԹՈՒՐՔԱԿԱՆ ԿԱՌԱՎԱՐՈՂ ՇՐՋԱՆՆԵՐԻ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ՕՏԱՐԵՐԿՐՅԱ ԿԱՊԻՏԱԼԻ ՆԿԱՏՄԱՄԲ

Ամփոփում

Մինչև առաջին համաշխարհային պատերազմը Թուրքիան իրենից ներկայացնում էր կիսագաղութային երկիր, որտեղ օտարերկրյա կապիտալը տիրապետում էր տնտեսական և քաղաքական բոլոր ոլորտներում։

1923 թ. հանրապետության հռչակումից հետո, թուրքական բուրժուազիան՝ ձգտելով տնտեսա-քաղաքական անկախության, սկսեց ուժեղ պայքար ծավալել օտարերկրյա կապիտալի տիրապետության դեմ։ Ժողովրդա-հանրապետական կուսակցության քաղաքականությունը մինչև 30-ական թթ. կեսերը ուղղված էր ազգային անկախության ամրապնդմանը։ Այդ տարիներին երկրի տնտեսական կյանքում խոշոր դեր խաղաց այսպես կոչված «էտատիզմի» քաղաքականությունը, որը կոչված էր զարգացնելու ազգային արդյունաբերությունը և պաշտպանելու այն արևմտյան հզոր կապիտալի էքսպանսիայից։ Վերոհիշյալ քաղաքականության պատճառով օտարերկրյա ձեռնարկատիրությունը սկսեց խոր ճգնաժամ ապրել։ Սակայն ազգային բուրժուազիան օտարերկրյա կապիտալի դեմ մղած պայքարում հետևողական չգտնվեց և լիովին չհրաժարվեց նրա հետ համագործակցելուց։ Թուրքական կառավարությունն էլ իր հերթին, տնտեսության ֆինանսավորման դժվարությունների հարկադրմամբ, ձգտում էր օտարերկրյա կապիտալին ներգրավել արդյունաբերության օբյեկտների շինարարության մեջ։ Այսպիսով, Ժողովրդա-հանրապետական կուսակցության կառավարության տարիներին (1923—1950) օտարերկրյա մասնավոր կապիտալի ներդրումները արդյունաբերության մեջ չիրախտավեցին։ Այդ նույն ժամանակ կառավարող շրջանները

ղգալի ջանքեր թափեցին օտարերկրյա փոխատվական կապիտալի ներգրավման համար։

Դեմոկրատական կուսակցության կառավարության իշխանության շրջանում (1950—1960) Թուրքիան ընդարձակեց իր ռազմաքաղաքական և տնտեսական կապերը Արևմուտքի հետ։ Թուրքիայում օտարերկրյա կապիտալի գործունեության կարևոր մոմենտներ հանդիսացան էկոնոմիկայում մասնավոր ներդրումների աճը, իմպերիալիստական մոնոպոլիաների հետ թուրքական խոշոր կապիտալի համագործակցության ընդարձակումն ու ամրապնդումը, պետական միջոցների անարդել օգտագործումը հօգուտ թուրքական բուրժուազիայի վերնախավի և նրան հովանավորող օտարերկրյա տերությունների։

Դեմոկրատական կուսակցության իշխանության տարիներին ընդունվեցին օտարերկրյա մասնավոր կապիտալի ներթափանցումը խրախուսող մի շարք օրենքներ, որոնք լայն հնարավորություններ ստեղծեցին տնտեսության բոլոր բնագավառներում նրա գործունեության համար։ Դեմոկրատական կուսակցության վարած հակաժողովրդական և հակաազգային քաղաքականության հետևանքով Թուրքիան 50-ական թթ. վերջին կանգնեց տնտեսական ու քաղաքական խոր ճգնաժամի առաջ, որը և պատճառ դարձավ 1960 թ. պետական հեղաշրջման։

Հեղաշրջումից հետո Ազգային Միասնության Կոմիտեն (ժամանակավոր կառավարությունը) փորձեց երկրի էկոնոմիկան դուրս բերել փակուղուց (ընդունեց ավելի քան 200 օրենք, որոնք վերաբերում էին երկրի սոցիալ-տնտեսական կյանքի բոլոր բնագավառներին)։ Հատուկ ուշադրություն նվիրվեց պետական ներդրումների ստրուկտուրային։ Կառավարող շրջանները, նպատակ ունենալով հաղթահարել երկրի ֆինանսական դժվարությունները դիմեցին «էկոնոմիայի» ռեժիմին։

Ազգային Միասնության Կոմիտեի տնտեսական քաղաքականության առանցքը նախկինի պես շարունակեց մնալ մասնավոր կապիտալի խրախուսումը։ Երկրի տնտեսության զարգացման կարևոր աղբակ էր համարվում նաև օտարերկրյա մասնավոր կապիտալի և օտարեկրյա տեխնիկայի ընդգրկումը։ Նոր ղեկավարները շարունակեցին մեծ հույսեր կապել արտաքին օգնության հետ։

Երկրում տնտեսական անկայունությունը շարունակվեց և 1961 թ. ընտրություններից հետո՝ կոալիցիոն կառավարությունների իշխանության տարիներին (1961—1965)։ Չնայած, որ կոալիցիոն կա-

ռավարություններում տարբեր ժամանակներում տարբեր կուսակցություններ էին գլխավորում տեղերի մեծ մասը, այնուամենայնիվ, նրանց գործունեության ծրագրերը գրեթե ոչնչով չէին տարբերվում միմյանցից։ Կոալիցիոն կառավարությունների կողմից տնտեսության կայունացման և նրա զարգացման հեռանկարները ամբողջությամբ կապվեցին հնգամյա պլանի իրականացման հետ, որի ներդրումների 25%-ը՝ 15 մլրդ. լիրան օտարերկրյա հատկացումներ էին։ Կոալիցիոն կառավարությունների կողմից երկրի տնտեսության կայունացման կարևոր ազդակ դիտվեց նաև Արևմուտքի հետ Թուրքիայի տնտեսական համագործակցության ընդլայնումը։ Այդ նույն ժամանակ նորանոր միջոցներ ձեռնարկեցին օտարերկրյա մասնավոր կապիտալ ներդրողների ակտիվությունը բարձրացնելու ուղղությամբ։

1965 թ. իշխանությունը նվաճեց խոշոր բուրժուազիայի և կալվածատերերի դաղափարական-քաղաքական գլխավոր հենարանն հանդիսացող Արդարության կուսակցությունը Դեմիրելի գլխավորությամբ, որի կառավարության ծրագրի տնտեսական բաժնում առաջին տեղը հատկացված է տեղական և օտարերկրյա մասնավոր կապիտալի զարգացմանը, իսկ արտաքին քաղաքականության բնագավառում՝ արևմտյան տերությունների հետ սերտ համագործակցությանը։

Օտարերկրյա մասնավոր կապիտալի խրախուսման Դեմիրելի կառավարության քաղաքականությունը հետապնդում էր հետևյալ խնդիրները. 1. ակտիվացնել տեղական մասնավոր կապիտալը, 2. նվազեցնել ներմուծումները (անհրաժեշտ ապրանքների արտադրությունը օտարերկրյա ներդրողների կողմից տեղում կազմակերպելու միջոցով), 3. ստեղծել օտարերկրյա վալյուտայի ձեռքբերման նոր աղբյուրներ (հիմնականում օտարերկրյա ձեռնարկությունների արտադրանքների արտահանման շնորհիվ)։

Ետպատերազմյան ժամանակաշրջանում Թուրքիայի տնտեսության զարգացման ողջ պատմությունը սերտորեն կապված է օտարերկրյա կապիտալի տենդագին գործունեության հետ։ 1946—1965 թթ. ընթացքում օտարերկրյա կապիտալի հոսքը դեպի Թուրքիա կազմել է 5,5 մլրդ. դոլար, որից 295,6 մլն. մասնավոր ներդրումներ են։ Չնայած օտարերկրյա կապիտալի վիթխարի հոսքին, այնուամենայնիվ գնալով ստվարանում են երկրի տնտեսության առաջ կանգնած դժվարությունները։

Р. С. ДАНИЕЛЯН

ПРОСВЕЩЕНИЕ В ТУРЦИИ

(1960—1965 гг.)

Государственный переворот 27 мая 1960 г. положил конец десятилетнему режиму Баяра—Мендереса. К власти пришло новое правительство, которое далеко не стремилось проводить широкие социально-экономические реформы, улучшить тяжелое положение трудящихся или осуществлять политику нейтралитета. Все это ярко отразилось на состоянии просвещения в стране, где все еще более 60% населения, начиная со школьного возраста и старше, продолжает оставаться неграмотным[1]. Придя к власти, новое правительство Турции провело некоторые мероприятия в области просвещения, которые, однако, не внесли коренных преобразований.

* * *

5 января 1961 г. турецкое правительство приняло новый закон о всеобщем обязательном начальном обучении[2] (Ilk öğretim ve eğitim kanunu № 222), согласно которому был разработан 10-летний план строительства школьных зданий. В пла-

---

[1] „Cumhuriyet", 5.VIII 1960, 14.IX 1964.

[2] Начальная школа в Турции имеет 5-летний срок обучения (для детей обоего пола с 7 до 12 лет). Курс обучения делится на две ступени: первая с 3-летним и вторая с 2-летним сроком обучения. В сельских местностях в основном преобладает 3-летнее обучение. Начальной школе предшествует дошкольное воспитание, сеть которого развита крайне слабо. В основном дошкольное воспитание осуществляется частными лицами. По официальным данным, в 1960 г. в стране функционировали всего 63 материнские школы (ana okulu), охватывающие 2884 учащихся. Иначе говоря, на 10 тыс. населения приходился всего один ребенок, посещающий материнскую школу (см. Turkiye yilligi, 1962, s. 281). После майского переворота 1960 г. сеть дошкольных учреждений не была расширена. По-прежнему воспитание детей дошкольного возраста считалось необязательным.

не было предусмотрено строительство 2010 начальных школ, из них 240 — в городах и 1770 — в деревнях[3]. В соответствии с 10-летним планом строительства школ, в 1961/62 учебном году на нужды просвещения было ассигновано свыше 1 млрд. тур. лир, в то время как год назад на эти цели было предоставлено 542 млн. лир. Следовательно, ассигнования на образование возросли более чем в два раза. В связи с этим увеличились ассигнования на строительство начальных школ. В 1963 г. на строительство было выделено 250 млн. лир[4], в 1964—300 млн. лир[5].

Хотя средства, выделенные на строительство начальных школ, увеличились, что связано с общим ростом расходной части государственного бюджета, однако в процентном отношении эти ассигнования не были увеличены. Следует еще учесть продолжающийся процесс обесценения турецкой лиры, который сводил на нет увеличение средств на образование. В этих условиях программа строительства новых школ вряд ли может быть выполнена в предусмотренный срок. По статистическим данным, с 1960 до 1965 г. было построено всего 5164 школы[6]. Таким образом, за первые 5 лет 10-летнего плана программа школьного строительства была выполнена только на 1/4 часть.

Рассмотрим, как происходил рост школ по вилайетам. В Стамбульском вилайете, где функционировали в 1960/61 гг. 522 начальные школы, охватывающие 169340 учащихся, в 1962/63 гг. число школ составляло 543, а учащихся 202594. В то время как за три года число учащихся увеличилось на 33254 человека, была построена всего 21 школа[7]. Соответственно за те же годы в Измирском вилайете построено 25 школ, число же учащихся увеличилось на 17171 человек[8]. В таких вилайетах, как Агры, Мардин, Ван, 62% сел не имеют школ, в Муше и Диарбекире—57%, в Урфе—53%, в Элязыге—49%, Хаккяри и Эрзеруме—46% сел не имеют начальных школ[9]. В настоящее время для удовлетворения нужд городов необходимо построить 2388 начальных школ, в селах 17700 школ[10]. Если при этом учесть, что более 5,5 тыс. школьных помещений нуждаются в капитальном ремонте, большинство школ расположено в помещениях, не соответствующих уста-

---

[3] „Forum", 15 şubat 1961, № 165, s. 15.

[4] „Ulus", 4.I 1963.

[5] „Cumhuriyet", 14.IX 1963.

[6] „Istatistik yıllığı", 1960—1962, № 460, s. 141. См. „Ulus", 20.IX 1965.

[7] „Cumhuriyet", 28.VII 1963.

[8] „Istatistik yıllığı", 1960—62, s. 145.

[9] „Ulus", 25.XII 1967.

[10] „Türkiye yıllığı", 1962, s. 282. „Cumhuriyet", 6.II 1962.

новленным требованиям, то потребность в школах еще более увеличится.

Таким образом, можно заключить, что расширение сети школ идет очень медленно, и не может удовлетворить растущее число учащихся. В 1964/65 учебном году число обучающихся в начальных школах составляло 3830281, и 1301659 детей были лишены возможности учиться[11]. Иначе говоря, 25% детей начального школьного возраста остается вне школы. В результате увеличения числа учащихся и нехватки учебных помещений наблюдается чрезмерная перегруженность школ: многосменность, переполненность классов (по 70 и более учеников)[12]. Такое положение дает основание предполагать, что и этот пункт 10-летнего плана[13], согласно которому должны были ликвидировать 2—3-сменные занятия и число учащихся в классах довести до 40 человек, также не будет выполнен.

Далее, следует отметить, что не все дети, начавшие учиться, оканчивают школу. Дети трудящихся покидают школу главным образом из-за тяжелого материального положения и низкого жизненного уровня. Согласно статистическим данным, Турция по дороговизне жизни все еще занимает второе место в мире. По сообщению газеты «Миллиет», цены на продукты питания в 1965 г. возросли на 40% по сравнению с 1964 г.[14] В связи с постоянным повышением цен на некоторые продукты питания стоимость жизни за последние годы увеличилась почти в 3,5 раза, заработная плата же рабочих повысилась всего в 2—2,5 раза.

В худшем положении находятся крестьяне Турции, в основном малоземельные и безземельные, которые составляют 80% населения страны. Их годовой доход, как указывается в докладе, представленном НАТО, составляет лишь 950 лир[15]. Большая часть национального дохода Турции попадает в руки кучки людей, не составляющих и 10%. О тяжелом положении крестьян говорит тот факт, что из 40 тыс. деревень 90% не имеют дорог, 99%—электричества, 60%—чистой питьевой воды, только на 8% пахотной земли имеется ирригационная система[16].

Спасаясь от голода, нужды, громадные толпы крестьян уходят в города на заработки, где они пополняют ряды безработных[17].

---

[11] „Forum", 1 ekim, 1965, № 18, s. 276. „Ulus", 25.XII 1967.
[12] „Cumhuriyet", 28.VII 1963.
[13] „Türkiye yıllığı", 1963, s. 301.
[14] „Milliyet", 22.I 1966.
[15] „Türkiye yıllığı", 1962, s. 243.
[16] „Yeni gazete", 15.IV 1966.
[17] „Hürriyet", 6.I 1962.

В плачевном состоянии находится медицинское обслуживание населения. В стране с населением в 30 млн. человек всего 6,9 тыс. врачей, причем основная масса их работает в крупных городах. В восточных районах страны на 9.400 жителей приходится всего один врач.

Тяжелое положение трудящихся прежде всего сказывается на молодом поколении. Сотни тысяч детей, обреченные на голод и болезни, лишены возможности обучаться в начальных школах. Бедные семьи не в состоянии оплачивать расходы по обучению. По данным турецкой печати, общие расходы на содержание одного учащегося начальной школы составляют более 1000 лир, т. е. по сравнению с послевоенным периодом они возросли на 400 лир[18]. В письме, полученном редакцией газеты «Улус» от одного соотечественника, месячный доход которого составляет 350 лир, сообщалось, что ему на обеспечение 4 детей учебниками и учебными принадлежностями необходимо около 1000 лир. В противном случае его дети не смогут учиться. Далее он сообщает, что из «своего бюджета он не в состоянии выделить не только 1000 лир, но и 10»[19].

Вследствие такого положения в 1963/64 учебном году начальную школу окончили 384 тыс. учащихся, что составляло 1/10 часть числа поступивших.

Закон об обязательном начальном обучении не осуществляется еще и потому, что в стране ежегодно увеличивается потребность в учителях. Так, в Центральной Анатолии имелась потребность в 23500 учителях, а работало 13757 человек. Нехватка учителей особенно сильно ощущается в восточной и юго-восточной части страны, где вместо 23 тыс. педагогов работало 10 тыс.[20].

Недостаток учителей, крайне низкий уровень их подготовки, а также условия, в которых они занимаются, тяжело отражаются на качестве обучения. Сельский учитель Махмут Макал в своей книге «Halktan ayrı duşenler» с горечью пишет, что учащиеся, окончившие начальную школу, не знают элементарных вещей, «головы их покрыты плесенью». Исторические факты преподают им в извращенном виде, природные явления трактуют с религиозных позиций. Так, их учат, что «дождь идет, когда ангелы бьют плетьми по облакам»[21].

Махмут Макал далее отмечает, что несмотря на обещания правящих кругов Турции провести реформу начальной

---

[18] „Ulus", 22.IX 1966.

[19] „Cumhuriyet", 17.IX 1964.

[20] „Türkiye yıllığı", 1962, s. 282.

[21] Mahmut Makal, Halktan ayrı duşenler, Istanbul, 1965, s. 71.

школы (улучшить программу обучения, построить новые школы, ускорить подготовку учителей), сегодня все еще миллионы крестьянских детей остаются без школ, без учителей.

Передовая турецкая общественность не раз выступала с требованием провести реформы школьной системы вообще и начальной школы в первую очередь. В связи с этим ставится вопрос о продлении срока начального обучения до 8 лет. Суть этой реорганизации, как заявил министр просвещения Орхан Делпиз, заключается в слиянии начального и промежуточного среднего обучения в основное обучение (Temel ögretim)[22]. Работы в этом направлении велись с 1946 г. После военного переворота, когда вновь был поднят этот вопрос, в Стамбуле стали функционировать 10 экспериментальных школ. Они работали по новой программе, рассчитанной на 8-летний период обязательного обучения. В программе учитывались возрастные особенности детей, связь обучения с окружающей средой [23]. При этом в программе предусматривалось не пассивное приспособление к окружающей среде, а привитие им определенных знаний, которые они могли бы применить в практической жизни. Кроме Стамбула, экспериментальные школы предполагалось открыть в Анкаре[24].

В современных условиях восьмилетнее обучение может быть осуществлено только в районных школах с пансионатами, открытие которых является вопросом будущего. Пока же в Турции функционируют несколько экспериментальных школ, в которых внедряется новая программа, новые методы обучения. В целом в начальном обучении не произошло изменений, так что говорить о реформе школы пока не приходится. Состояние начального образования продолжает оставаться плачевным.

* * *

Необходимость развития промышленности и сельского хозяйства страны ставила перед средними школами[25] новые проблемы, что вызывало стремление правящих кругов Турции улучшить постановку среднего образования.

Передовая турецкая общественность ставила вопрос об изменении классического характера обучения, о приближении

---

[22] „Milliyet", 29.VI 1966.

[23] „Cumhuriyet", 15.IV 1964.

[24] „Milliyet", 29.VI 1966.

[25] В Турции существует единый тип общеобразовательной средней школы. Срок обучения 6-летний, делится на два концентра: 3 года—промежуточная средняя школа и 3 года—лицей. Первый концентр существует как самостоятельная школа

средней школы к производству. Следует отметить, что в послевоенный период в средних школах была введена новая программа, в которой большое значение стали придавать практическим занятиям. Учащихся знакомили с основами сельского хозяйства, обучали ремеслам, коммерции. Однако из-за отсутствия учебно-технической базы, слабой подготовки учителей образование, приобретаемое в промежуточных средних школах, далеко не отвечало требованиям программы[26]. По своему содержанию средние школы в целом давали гуманитарное, так называемое классическое образование, которое недостаточно даже для поступления учащихся в лицей. Итак, средняя школа по своему характеру не отвечала требованиям времени. Однако для ликвидации кризиса средней школы необходимо было пересмотреть не только их программу, но и разрешить проблему расширения сети школ, подготовку квалифицированных педагогов.

В 1960/61 учебном году в Турции насчитывалось 689 средних школ. Расширение сети школ, как и начальных, происходило медленно. Так, в 1964/65 учебном году функционировали всего 762 школы[27], т. е. их число увеличилось всего на 73. Поэтому не удивительно, что 95% нахие (волость) и 25% каза (уезд) не имеют средних школ. Из-за нехватки школьных зданий многие дети среднего школьного возраста (13—15 лет) оставались за порогом школы.

В 1963 г. имелось 1.985 тыс. детей среднего школьного возраста, из них обучалось 387 тыс., т. е. 19% от общего числа.

В 1965 г. число детей составляло 2.200 тыс., а обучалось 427 тыс., т. е. опять 19%. Хотя ежегодно расширяется охват детей школой, тем не менее по сравнению с ростом детей среднего школьного возраста их число не увеличивается. Если учесть, что из 19% учащихся далеко не все оканчивают школу, то можно заключить, что только малая часть населения получает среднее образование. Небезынтересно отметить, что на долю детей из села приходится менее 1%, т. е. 99% их не могут получить среднее образование[28].

Недостаток учебных помещений, оборудования, педагогических кадров сказывается прежде всего на успеваемости учащихся. В средних школах плохая дисциплина, низкая успеваемость. По данным турецких газет, 50% учеников имеют переэкзаменовки[29]. В системе просвещения Турции в течение последних 10 лет ученику разрешалось иметь переэкзаменовки по нескольким предметам. При этом его переводили в

---

[26] „Cumhuriyet", 20.VI 1963.

[27] „Ulus", 20.IX 1965.

[28] „Ulus", 3.X 1965.

[29] „Cumhuriyet", 14.IX 1964.

следующий класс, если он имел задолженность по одному предмету. Передовые учителя не раз указывали на вредность такой системы[30].

В 1963/64 учебном году предполагалось ввести новую систему переэкзаменовок, согласно которой ученик, имеющий более двух неудовлетворительных оценок, оставался в классе. В случае, если ученик не сдавал одну из переэкзаменовок, его оставляли на второй год[31].

Для ликвидации в средних школах второгодничества, которое составляет 60—80%, высший совет национального просвещения принял решение ввести обязательные и факультативные предметы. Сетка обязательных предметов составляет 26 часов, а практических дисциплин—10 часов. Учащийся по своему выбору останавливается на той или иной специальности. Вместе с тем предусматривалось продлить срок обучения, так, чтобы учащиеся могли бы завершить программу обучения. Предполагалось, что занятия будут длиться 36 недель, будут сокращены дни каникул до одного или полутора месяцев[32].

После военного переворота произошли изменения в системе приема учащихся в средние школы. Согласно сообщению министра просвещения Ибрагима Октема, с 1963/1964 учебного года должны быть введены вступительные экзамены для поступления в средние школы и лицеи[33]. Изменение в системе приема учащихся, с одной стороны, преследовало цель повысить ответственность и требования к учащимся, с другой стороны—Министерство просвещения явно стремилось ограничить поток учащихся в средние классические школы. Судя по заявлению Ибрагима Октема, учащиеся, которые не смогут сдать вступительные экзамены, будут направляться в технические средние школы[34].

Правящие круги Турции пытаются вместо реформы средней школы ограничиться только введением некоторых новшеств. Прогрессивные турецкие круги разоблачают стремление официальных органов сохранить привилегии господствующих классов на среднее образование. Существуют привилегированные средние школы для господствующих классов и для детей трудящихся—технические средние школы, которые дают неполноценное среднее образование. Так что по окончании они не могут поступить в высшее учебное заведе-

---

30 „Akis", 2 ekim, 1964, s. 17.

31 *«Մարմարա», 4. IX 1963.*

32 „Cumhuriyet", 9.II 1962.

33 Там же, 23. VII 1963.

34 Там же, 31. VII 1963.

ние[35]. Кроме того, установление такой системы приема в средние школы создает новые трудности для поступления детей, окончивших сельскую начальную школу, ибо они не смогут конкурировать с детьми, окончившими городскую начальную школу.

Наконец, стремясь еще больше ограничить доступ к среднему образованию, правящие круги Турции поставили вопрос о платном среднем обучении. Под давлением прогрессивной общественности платное обучение пока не введено. Однако официальные круги Турции стремятся использовать другие методы, ограничивающие доступ детей трудящихся в средние школы. С этой целью представители правящих классов использовали теорию реакционного психолого-педагогического учения об одаренности, возникшего в начале XX в., согласно которому различие в умственной одаренности детей мешает их успешному совместному обучению. Опираясь на эту реакционную теорию, руководители просвещения в Турции стремятся сохранить за господствующими классами привилегированный тип классической средней школы, а для трудящихся — ремесленные школы, или даже разные классы в рамках одной и той же школы. Махмут Макал по этому поводу писал, что начиная с начальной школы дети рассаживаются в классе согласно социальному положению их родителей, так что они с раннего детства через школу, радио, газеты, книги воспитываются в духе неравенства. В средней школе для детей из села имеются даже отдельные классы. Махмут Макал приводит письмо некоего Абдурахмана Ялмаза из казы Эрменек (вилайет Конья), в котором сообщается, что «сельские дети, как правило, учатся в подвальном этаже, отдельно от городских детей. Излишне спрашивать, как педагоги относятся к ним в процессе преподавания»[36].

В новой конституции имеется статья об обеспечении средним образованием способных, но неимущих детей в интернатах[37]. Однако эта простая декларация в действительности почти не осуществлялась. В 1964 г. в платных средних школах-интернатах обучалось за плату 13283 учащихся. Следовательно, число бесплатно обучающихся, согласно закону, должно было составить 6641 человек[38], в то время как имелось всего 2500 учащихся. Итак 4141 выходец из несостоятельных семей был лишен возможности пользоваться предоставленным им конституцией правом бесплатного обучения в средних шко-

---

[35] „Akis", 23 mart, 1963, s. 15.

[36] Mahmut Makal, „Halktan ayrı düşenler", Istanbul, 1965, s. 112—114.

[37] „Cumhuriyet", 30.IV 1964; 10.II 1962.

[38] „Cumhuriyet", 30.IV 1964.

лах-интернатах. Приведенные факты показывают, что особых изменений в состоянии средних школ не произошло.

После окончания средней школы учащиеся поступают в лицей, программа которых включает более глубокое изучение гуманитарных и точных наук. Последний класс лицея имеет два отделения: словесное и естественно-математическое. В стране в 1964/65 учебном году насчитывалось 155 лицеев (дается только число государственных лицеев) с общим числом учащихся 97 тыс.[39] Лицеи расположены в основном в больших городах. Так, в Стамбуле в 1962/63 гг. имелось 62 лицея, в Измире—19, в Анкаре—14, в Адане—9. В других городах, особенно в восточных вилайетах страны, числилось от 1 до 3 лицеев[40]. Это не значит, конечно, что лицеи имеются во всех городах. Так, по некоторым данным, в 507 районных центрах нет вообще лицеев[41].

В результате нехватки помещений многие лицеи проводят двухсменное занятие. В некоторых классах число учащихся доходит до 100 человек[42]. В лицеях нет лабораторий, библиотек. Так, в 65 лицеях нет физических лабораторий, в 123—химических, в 113—биологических, 16 лицеев вообще не имеют приусадебных участков[43]. В более худшем состоянии находятся лицеи в городах Анатолии. По словам директора Роберта-колледжа, посетившего в 1963 г. 30 школ и лицеев Анатолии, «большинство не имеют педагогов, школьного оборудования, технической базы. Академические требования в них пониженные»[44]. Все это влияет на успеваемость учащихся, о чем свидетельствует большое число второгодников в лицеях, составляющее 33%[45]. С годами этот процент увеличивается. Введенные новым правительством с 1963 г. приемные испытания в лицеях проводятся по тестам[46], которые рассчитаны не на проверку знаний, а на установление умственной одаренности. В основе тестов лежит указанная нами реакционная теория врожденной умственной одаренности, отрицающая возможность усовершенствования природных задатков человека. Проведение испытаний с помощью тестов дает преимущество детям состоятельных родителей, которые имеют возможность уделить больше внимания умственному развитию своих детей. Одновременно в лицеях, по сообщению министра

---

[39] „Ulus", 20.IX 1965.

[40] „Istatistik yıllığı", 1960—62, s. 154, 156.

[41] „Cumhuriyet", 10.VII 1965.

[42] „Ulus", 14.X 1965.

[43] „Akis", 23 mart, 1963, s. 17.

[44] „Cumhuriyet", 21.VI 1963.

[45] „Akis", 2 ekim, 1964, s. 17.

[46] „Cumhuriyet", 23.VII 1963.

просвещения Хильми Инджесулу, с 1963 г. вводились выпускные экзамены для получения свидетельства об окончании — олгунлуг[47]. Экзамены проводились по истории Турции, иностранному языку, а также по той специальности, которую они выбирают для поступления в высшее учебное заведение.

Незначительные изменения произошли и в программе обучения. В 25 средних школах и лицеях учащиеся должны были получить специальное образование. Вводились факультативные предметы. Окончание классического лицея дает право учащимся поступать на любой факультет университета. Однако подготовка, получаемая учащимися лицея, не отвечает требованиям жизни и уровню развития науки. Показателен тот факт, что только 2% выпускников лицеев могут надеяться на поступление в высшие учебные заведения.

По-прежнему большое место отводилось религиозному воспитанию учащихся, хотя и новое правительство заявило о своей верности прежним законам, провозглашавшим светский характер государства. Турецкие правящие круги проводят прежнюю политику Баяра — Мендереса, политику использования религии для борьбы с распространением прогрессивных взглядов среди молодежи. Увеличивая часы религии в школах, реакционная часть турецкой буржуазии стремится воспитать молодежь в духе покорности. Став на путь поощрения религии, турецкие правящие круги открывали новые школы имамов. В 1964/65 учебном году число их составляло 26[48]. С целью подготовки педагогов для школ имамов с 1961 г. повсеместно были открыты курсы обучения духовенства[49]. Предполагалось открыть и богословский институт в Кайсери[50]. Небезынтересно отметить, что в Стамбуле в районе Карагюмрюка функционирует медресе. Газета «Джумхуриет», сообщая об этом, отмечала, что «те, которые финансируют это медресе, отдают своих детей в иностранные колледжи»[51]. О том, какое значение придавалось религиозному воспитанию, говорит тот факт, что при Министерстве просвещения была создана Дирекция по религиозному обучению[52]. На религиозные школы в течение трех лет с 1961 по 1964 г. было отпущено 18009075 турецких лир, в 1965 г. предусматривалось 16674500 турецких лир[53].

---

47 „Cumhuriyet", 7.I 1962.
48 „Ulus", 20.IX 1965.
49 Там же.
50 „Eni Istanbul", 9.IX 1963.
51 „Cumhuriyet", 18.IV 1964.
52 Там же, 10.VI 1964.
53 „Ulus", 20.IX 1965.

* * *

Профессиональное обучение в Турции осуществляется в неполных средних технических школах, технических институтах, являющихся средними специальными учебными заведениями, и в высших технических школах.

По официальным данным, в Турции в 1960 г. имелось 536 торговых, технических и специальных школ[54], что крайне недостаточно. До сих пор не все технические школы перешли под контроль государства. Каждое Министерство для удовлетворения своих потребностей открывает несколько специальных школ. Причем в этой области почти нет координации, часто по основным отраслям промышленности нет ремесленных и технических школ, а имеющиеся находятся на неудовлетворительном уровне[55]. В школах отсутствует единая программа обучения, большей частью она оставляется на усмотрение учителей, которые редко имеют соответствующую квалификацию. Отсутствует учебно-техническая база. Все это приводит к тому, что технические школы дают слабую специальную подготовку, не отвечающую требованиям современной техники и научного прогресса. Плохо поставлена в них и общеобразовательная подготовка.

Такое состояние специальных школ было вызвано незначительными средствами, которые отпускались на профессиональное обучение. В результате в Турции не хватало 20 тыс. техников[56]. Что касается инженеров, то на 100 тыс. населения в 1960 г. приходилось в Турции 1,1 человека, в то время как в Германии—5,6, в США—13,3, в Советском Союзе—31,8[57]. Главная причина дефицита технических кадров заключается в ограниченных средствах, отпускаемых на профессиональное обучение. Следует еще учесть, что окончившие профессиональные школы не могли поступить в университет. Поэтому не приходится удивляться, что в Турции только 13% детей среднего школьного возраста идет в технические школы[58].

После военного переворота были предприняты некоторые меры в этой области. В частности, Министерство просвещения с целью увеличения потока учащихся в технические школы ввело приемные и выпускные экзамены. Учащиеся, не выдержавшие приемных испытаний, направлялись в технические школы.

С другой стороны, ряд технических институтов, являю-

---

[54] „Istatistik yıllığı", 1960—62, s. 141.

[55] Mustafa Asiler, „Türk eğitim davaları", Istanbul, 1960, s. 16.

[56] „Ulus", 29.I 1962.

[57] „Forum", 15 mart, 1965, № 263, s. 10.

[58] „Ulus", 8.X 1965.

щихся второй ступенью профессионального образования с 2-летним сроком обучения, стали 3-летними. Это обеспечивало выпускникам получение квалификации инженера[59]. В программу этих школ предусматривалось ввести высшую математику, иностранный язык, уделить особое внимание изучению специальных дисциплин, черчению, физике, химии, а также соответствующим общеобразовательным предметам[60].

Предусматривалось увеличить и срок обучения в средних технических школах до 3 лет, т. е. довести их до уровня лицея. Выпускники их для получения свидетельства должны будут сдавать экзамены по общеобразовательным предметам, а также по той специальности, которую они избирают для поступления в университет. Одновременно повышались и требования к учащимся. Была отменена система перевода в следующий класс учащихся, имеющих переэкзаменовки по 4 предметам. Теперь ученик, имеющий переэкзаменовку по специальному предмету, не переводился[61]. Итак, была пересмотрена программа технических школ, повышены академические требования к учащимся с тем, чтобы окончившие технические лицеи могли поступить в университет.

Пятилетним планом развития промышленности было предусмотрено расширить сеть профессиональных школ. С 1960 г. по 1963 г. построена 1 сельскохозяйственная школа, 4 торговые средние школы, 4 торговых лицея, 13 мужских и женских ремесленных школ, 10 медицинских[62], 9 ремесленных институтов и т. д.[63].

В 1965 г. число ремесленных и технических школ достигло 670[64]. Однако растущая сеть технических школ все еще не может удовлетворить потребности страны в специалистах.

В связи с этим 5-летним планом предусмотрено подготовить без отрыва от производства старших мастеров и квалифицированных рабочих для промышленности. С этой целью были открыты курсы и центры ремесленного обучения, где ученики получали теоретическую подготовку[65].

В восточных районах страны важное значение для профессионального образования играют по-прежнему сельские

---

[59] „Cumhuriyet", 9.II 1962.

[60] „Ulus", 29.I 1962.

[61] „Cumhuriyet", 27.XI 1963.

[62] „Istatistik yıllığı", 1960—62, s. 141.

[63] „Türkiye yıllığı", 1964, s. 334.

[64] „Ulus", 20.IX 1965.

[65] „Türkiye yıllığı", 1963, s. 300, см. M. Asiler, „Türk eğitim davaları", Istanbul, 1960, s. 29.

кузнечные и столярные курсы. Характер подготовки на этих курсах определяется в большинстве случаев местными географическими условиями. Всего в 1961/62 гг. в Турции функционировало 1097 курсов. Из них кузнечных и столярных было 230, строительных и лесных — 39, курсы кройки и шитья для сельских женщин—660, курсы для медсестер—61 и т. д. Интересно отметить, что в то же время действовало 643 курса по изучению Корана[66].

В рассматриваемый период не все запланированные мероприятия были проведены в жизнь, хотя предусматривалось довести число учащихся в технических школах до 64 тыс.[67], все еще только 13% детей среднего школьного возраста охвачено профессиональным обучением. Это объясняется тем, что пока не ликвидированы помехи, делающие профессиональное обучение непопулярным. Главное, с годами уменьшаются средства, отпускаемые Министерством просвещения на специальное обучение. Так, если в 1961 г. на техническое обучение было ассигновано 13,2%, то в 1963—7,7%. В связи с уменьшением ассигнований увеличивается дефицит в технических кадрах. К 1977 г. нехватка технических кадров достигнет 30 тыс.

* * *

Расширение сети учебных заведений, увеличение числа учащихся вызвали необходимость подготовки педагогических кадров.

В 1960/61 гг. в Турции в 25927 функционирующих школах, включая и высшие, работало 91229 учителей[68], что было крайне недостаточно. Разрешение вопроса подготовки квалифицированных преподавательских кадров является самым наболевшим вопросом в области просвещения. Нехватка педагогических кадров остро ощущается во всех звеньях школ, особенно в начальной и средней. Для осуществления закона о всеобщем начальном обучении не хватает 35 тыс. учителей[69]. В средней школе в 1963/64 учебном году вместо 18 тыс. работало 6900 учителей, в лицеях—2200, вместо 7800[70]. Если принять во внимание, что большинство учителей начальных и средних школ—неквалифицированные педагоги, то потребность в них повысится намного[71]. В основном не хватает педагогов по физико-математическим дисциплинам и иностран-

---

[66] „Istatistik yıllığı", 1960—62, s. 172.

[67] „Akis", 23 mart, 1963, s. 15.

[68] „Istatistik yıllığı", 1960—62, s. 142.

[69] „Jeni Sabah", 22.X 1963.

[70] „Uius", 3.X 1963. Türkiye yıllığı, 1964, s. 334.

[71] „Cumhuriyet", 14.IX 1964. „Forum", 1 ekim, 1965, № 18, s. 276.

ным языкам. Нехватка преподавателей по техническим дисциплинам в вузах в 1963/64 учебном году составляла 600 человек, в 1972 г. повысится до 8700[72]. Вследствие нехватки педагогов в 1962/63 гг. было закрыто 1000 школ, не могли начать занятия многие техникумы, высшие учебные заведения. О росте дефицита преподавательских кадров говорит тот факт, что количество учащихся, приходящихся на одного учителя, годами не уменьшается. В то время как в развитых странах наблюдается тенденция сокращения, в Турции в 1959/60 гг. соотношение учителя и учащихся в начальной школе 1 : 46. Это соотношение до сих пор не меняется. По сообщению газеты «Джумхуриет», в Турции в целом на 1 учителя приходилось 260 учащихся[73].

Подготовка педагогических кадров затруднялась, поскольку в стране имелось незначительное число педагогических школ. В 1960/61 учебном году их число составляло 56, и в них обучалось 18945 будущих учителей. В 1964/65 учебном году число педагогических школ составляло 73, а обучающихся 42753[74]. Если учесть, что не все учащиеся завершают учебу, то можно заключить, что потребность страны в учительских кадрах не будет разрешена. Эта проблема вызывает серьезную тревогу передовой общественности страны, которая ставит вопрос о проведении реформ в области подготовки учительских кадров. Однако реформы в этой области были сведены к некоторым мероприятиям. Было принято решение направлять на педагогическую работу в деревню выпускников средних школ и лицеев[75]. Вместе с тем по предложению председателя общества учителей Шюкрю Коча, те учителя, которые оставили педагогическую деятельность с 1950 г. по 18 октября 1961 г., могли в течение одного года вернуться в систему Министерства просвещения. Причем они не теряли стажа работы. Таким образом, 10 тыс. педагогов могли вернуться к своей прежней специальности[76]. Более реальным было решение использовать 11 тыс. призывников в армию в качестве учителей[77]. Однако если считать, что в деревнях не хватало 30 тыс. учителей, а в начальных педагогических школах число выпускников удовлетворяло только половину потребностей в учителях, а также рост числа учащихся, то, естественно, эта мера правительства не могла быть удовлетворительной. К тому же срок службы 7 тыс. призывников кончался в 1962 г.

---

[73] „Türkiye yıllığı", 1964, s. 334.

[73] „Cumhuriyet", 7.II 1962.

[74] „Istatistik yıllığı", 1960—62, s. 141. „Forum", 15 mart, 1965, № 263, s. 12.

[75] „The Muslim world", vol LI, № 2, apr. 1961, p. 155.

[76] „Ulus", 15.II 1962.

[77] Там же, 10.I 1962.

Так что потребность в учительских кадрах для села резко возрастала.

В этот период неоднократно ставился вопрос об открытии сельских институтов[78]. Но, как правильно отметил министр просвещения Хильмы Инджесулу, главное не название, которое дается педагогическому учебному заведению, а методы их работы, программа. В связи с этим министр просвещения предложил перенять некоторые более эффективные методы работы сельских институтов, а именно, большое место в программе обучения отводить профессиональному образованию[79]. В начальные педагогические школы стали принимать больше сельских юношей и девушек. Уже в 1964/65 учебном году дети крестьян составляли 75% обучающихся[80]. Что касается изменения программы обучения начальных педагогических школ, то в этом направлении не были сделаны практические шаги. Подготовка учительских кадров для средних школ и лицеев осуществлялась в педагогических институтах. Такие институты имеются в Стамбуле, Анкаре, Балыкесире, Самсуне, Эрзеруме, Диарбекире, Трабзоне[81]. В последнее время стали функционировать педагогические отделения при Анкарском, Эрзерумском, Стамбульском и Измирском университетах[82]. В связи с усилением развития профессионального обучения расширилась сеть педагогических учебных заведений с техническим уклоном. В Анкаре, Стамбуле функционировали мужская и женская технические высшие педагогические школы, где готовили педагогов для средних технических школ. Имелось также 6 сельскохозяйственных педагогических школ. Педагоги для сельскохозяйственных школ (лицеев) готовились на сельскохозяйственных факультетах университетов[83].

Несмотря на принятые меры, Министерство просвещения не могло обеспечить нужды страны в преподавательских кадрах. Расширение сети педагогических школ было незначительным. Вместе с тем, по своим материальным возможностям, по квалификации преподавателей, по уровню развития учащихся педагогические школы в Турции отстают от других учебных заведений. Это главным образом объясняется тем, что педагогическим учебным заведениям уделяется

---

[78] „Cumhuriyet", 13.VIII 1963.

[79] „Cumhuriyet", 7.I 1962.

[80] „Forum", 15 nisan, 1965, № 265, s. 14.

[81] „Ulus", 18.XI 1965.

[82] „Cumhuriyet", 14.V 1964.

[83] The professional training of teachers in vocational agricultural schools, Paris, 1961, p. 255—256.

мало внимания. Не менее важное значение имеет то, что педагогическая профессия не пользуется популярностью. Учителя современной Турции делятся на категории, различающиеся как по экономическому, так и по общественному положению. Отличие это определяется их подготовкой, условиями их работы, а также учебным заведением, в котором они работают. Не все учителя зачисляются в соответствующий штат служащих, и поэтому, несмотря на стаж работы, они получают низкую зарплату. Согласно заявлению Шюкрю Коча, из 88 тыс. педагогов 60 тыс. получают 300—400 лир в месяц, в то время как прожиточный минимум для семьи из 5 человек по подсчетам газеты «Улус» составлял 695 лир. При таком заработке многие из них вынуждены помимо педагогической деятельности заниматься побочной работой или вообще менять свою профессию. Помимо низкой заработной платы, трудности еще связаны с тяжелыми условиями, в которых работают учителя. Многие городские школы не имеют специальных кабинетов, лабораторий, а также оборудования для физического воспитания детей. В худшем положении находятся школы в сельских местностях. Здесь школы часто размещаются в старых полуразрушенных помещениях, во многих школах нет парт. Учителя не имеют даже необходимой литературы.

Тяжело приходится учителям, работающим в глухих деревушках, где хозяйничают шейхи и ага. Здесь они часто подвергаются притеснениям и избиениям. Примером может служить событие в деревне Каракурт близ Кыркагача, где группа реакционеров напала на учителя. Выступая в связи с этим событием, председатель Федерации общества учителей Шюкрю Коч отметил, что «это не первый случай, что почти ежедневно поступают в Федерацию сообщения о действиях реакционных элементов»[84]. Премьер-министр Исмет Инёню, касаясь этого события, сказал, что «этот инцидент является конфликтом между преподавателем и учащимися государственной школы, с одной стороны, и имамом и учащимися религиозной школы, с другой стороны»[85].

Учителя современной Турции ведут активную борьбу за улучшение своего правового и экономического положения. Они выдвинули ряд требований, связанных с обеспечением пенсии всем педагогам, с увеличением оплаты их труда.

В рассматриваемый период под давлением общественности был принят законопроект, согласно которому учителя и воспитатели в касаба сверх зарплаты должны были получить сумму в размере 100 лир, а учителя сельских школ —

---

[84] „Ulus", 19.I 1965.

[85] „Cumhuriyet", 20.I 1965.

150 лир[86]. Однако в дальнейшем этот закон был пересмотрен так, что добавочные ассигнования сельским учителям составляли 50 лир[87]. Хотя сумма добавочных ассигнований учителям начальных школ намного сократилась, тем не менее до сих пор этот закон не претворяется в жизнь.

В 1964 г. был утвержден в меджлисе законопроект, согласно которому увеличивалась часовая оплата учителей. Педагоги средних школ и лицеев за 1 час сверх ставки должны были получать 10 лир вместо 5, а учителя высших учебных заведений — 15 лир, вместо прежних 10[88]. Этот закон должны были претворить в жизнь с 1 марта 1964 г. Но, как заявило Министерство просвещения, «изменение в оплате труда учителей ляжет тяжелым бременем на бюджет, что составит 54 млн. лир. Правительство же сможет в 1964 г. ассигновать только 20—25 млн. лир»[89]. Итак, этот закон могли осуществить только наполовину.

Не разрешен до сих пор и вопрос об увеличении выпускникам педагогических школ суммы для приобретения необходимых принадлежностей. До сих пор не все учителя получают пенсию, хотя проект обсуждался в меджлисе в августе 1963 г.[90] То же самое можно сказать о жилищном вопросе. Служащих других профессий, работающих в тяжелых условиях, в отдаленных районах обязаны обеспечить квартирой. Но это положение не распространяется на учителей.

Из изложенного явствует, что в экономическом и правовом положении учителей не произошло существенных изменений. Это является важнейшим препятствием на пути увеличения педагогических кадров.

* * *

Прошедшие годы после переворота показали, что в отношении школ национальных меньшинств не произошло никаких изменений.

Согласно официальным данным, в Стамбуле функционировало в 1960 г. 32 армянские школы с 9254 учащимися, 46 греческих — с 7254 учащимися, 6 еврейских — с 1385 учащимися[91]. По-прежнему турецкие правящие круги стремятся отуречить нацменьшинства. Турецкие газеты помещают статьи, требующие проводить занятия в школах нацменьшинств

---

[86] „Cumhuriyet", 28.XI 1963.

[87] Там же, 27.III 1964.

[88] Там же, 4.III 1964.

[89] „Forum", 1 ekim, 1963, № 228, s. 5.

[90] „Cumhuriyet", 21.IX 1963.

[91] „Türkiye yıllığı", 1963, s. 301. „Известия", 28.III 1962.

на турецком языке. Такие предметы, как турецкий язык и литература, история, география, преподавали на турецком языке, причем учителя-турки. Что касается преподавания родного языка, то оно поставлено плохо. Этому способствует отсутствие учебников, квалифицированных педагогов, и дети нацменьшинств забывают свой родной язык.

Учителя школ национальных меньшинств работают в худших условиях, чем учителя в турецких школах. Они получают за свой труд не больше среднего рабочего, т. е. 250—300 лир. Зарплата учителей школ нацменьшинств зависит от финансового положения школы. Этими делами ведает квартальный совет. Школы финансируются за счет платы за обучение, взносов благотворителей. Кроме того, вилайетская организация, согласно Лозаннскому договору, выдает каждой школе от 50 до 250 лир ежегодно. Всего школам национальных меньшинств ассигнуется 10600 турецких лир, которые распределяются между 84 школами[92]. На страницах турецких газет не раз появлялись требования прекратить денежную помощь школам нацменьшинств. Так, в газете «Хюрриет» писалось, что «правительство, которое не может обеспечить экономические нужды своих школ, должно ликвидировать помощь школам нацменьшинств, которую оно оказывает по Лозаннскому договору»[93].

Вопрос: будет ли правительство оказывать денежную помощь школам национальных меньшинств — не меняет сущности дела. Материальное положение учителей школ оставляет желать лучшего. Учителя не пользуются правом на пенсию. В 1962 г. был разработан законопроект пенсионного обеспечения учителей, работающих в частных школах. Однако проведение его в жизнь затянулось вплоть до 1965 г., когда был издан закон, согласно которому учителя школ нацменьшинств должны были входить в общество по социальному страхованию. При этом они обязаны были вносить ежемесячно членские взносы с тем, чтобы получить пенсию[94].

Кроме тяжелого материального положения, учителя школ национальных меньшинств подвергаются строгому контролю со стороны турецких правящих кругов. По той причине, что учителя, окончившие частные школы, недостаточно знают турецкий язык, был принят закон, по которому начинающие свою педагогическую деятельность должны сдать экзамен по турецкому языку. В связи с кипрским вопросом, особенно придирчиво турецкие власти относились к преподавателям греческих школ. Однако в 1964/65 учебном году многие учителя

---

[92] „Մարմարա", 27.II 1964.

[93] Там же.

[94] „Մարմարա", 21.II 1965.

армянских школ также не были допущены к педагогической деятельности. Ведя по-прежнему оголтелую шовинистическую политику в отношении национальных меньшинств, турецкие правящие круги снова ввели закон, по которому заместителем директора назначался турок. Это положение было отменено в 1949 г. и снова введено после военного переворота. Замдиректора обязан контролировать преподавание турецкого языка и других общественных дисциплин, а также оказывать «помощь» директору в области административной работы[95].

Урезывая права школ национальных меньшинств, турецкие власти отказались признавать за некоторыми начальными школами право организовывать выпускные экзамены. И для того, чтобы начальное образование, полученное в этих школах, считалось действительным, их выпускники должны были сдать экзамены в других учебных заведениях[96]. В Турции по-прежнему продолжается компания против употребления нацменьшинствами родного языка. Студенты университетов, лицеев выступают с требованиями, чтобы армяне, греки, евреи[97] и др. говорили бы только по-турецки. Представители «Комитета студенческих организаций борьбы за Кипр» в декабре 1965 г. заявили, что будет начата широкая компания бойкота греческих магазинов, у дверей которых будут дежурить по два студента. Далее представители комитета заявили, что необходимо заново пересмотреть все соглашения, заключенные с Грецией и Англией со времени перемирия в Муданье, в том числе вопрос о нацменьшинствах Турции, о их школах[98].

Стремясь полностью отуречить нацменьшинства, правящие круги Турции не разрешают, например, курдам открывать свои школы. Газета «Ватан» в связи с этим писала, что в результате такой политики 93% курдов не умеют писать и читать[99]. Правда, курды стремятся сохранить свои привычки, свой язык. Со стороны интеллигенции делались попытки издавать свои газеты и журналы. В апреле 1963 г. в Стамбуле на курдском и турецком языках стал выходить ежемесячный журнал «Денг» («Голос Востока») и газета «Роже Неве» («Новый день»). Однако они издавались недолго. Турецкие власти запрещают курдам говорить на их родном языке, не разрешают открывать школы, где бы преподавание велось на курдском языке, а также издавать газеты и журналы. Восточные

---

[95] „Մարմարա", 21.VII 1962. „Շարժում", 26.X 1963.

[96] „Մարմարա", 9.VI 1964.

[97] Там же, 18.XI 1963.

[98] „Cumhuriyet", 24.XII 1965.

[99] „Vatan", 15.IX 1962.

вилайеты Турции по своему экономическому, социальному и культурному развитию являются самыми отсталыми районами страны. Проводя шовинистическую политику, правящие круги придерживаются той концепции, которая утверждает, что все проживающие в Турции являются турками. Касаясь курдского вопроса, Дж. Гюрсель в своем выступлении 24 октября 1960 г. в Диарбекире сказал: «Нет курдов, все—турки. Те, кто хочет расколоть нас, сеют раздоры... Земля, вырастившая Зия Гёкальпа, не может принадлежать курдам. Не только здесь, но и во всех восточных вилайетах живут только турки»[100].

Правящие круги Турции проводят политику преследования курдов: их бросают в тюрьмы, выселяют из восточных вилайетов в другие части страны. Турецкие власти стремятся разрешить курдский вопрос путем насильственной ассимиляции или же, если это невозможно, путем их физического уничтожения. Будучи премьер-министром, Инёню, касаясь курдского вопроса, заявил, что «в Турции он не может быть поднят, а если и будет поднят, то разрешение его произойдет раньше, чем он станет проблемой»[101]. В газете «Дюнья» известный писатель и журналист Ф. Р. Атай писал, что в Турции должны жить только те, которые любят турок...[102]. В газетах встречаются и прямые призывы к физическому уничтожению нацменьшинств. Так, А. Тюркеш, объявляя нацменьшинства внутренними врагами Турции, считает необходимым ликвидировать их[103].

* * *

После майских событий в Турции по-прежнему вели активную пропагандистскую деятельность американцы. Большое значение в идеологической работе придавалось американским школам и колледжам. По данным 1961 г., в Турции насчитывалось 6 американских колледжей с платным обучением. Это Роберт-колледж, основанный в 1863 г. в Стамбуле американским миссионером Кирус Хамдином. Затем идут Стамбульский женский колледж, Измирский, Тарсусский колледж. США имеет также две средние школы — мужская в Талассе и в Скутари—женская. Кроме того, функционирует в Анкаре созданная с помощью американских экспертов школа архитекторов, строительства и планирования городов. По числу учащихся особое место занимает Роберт-колледж. В нем обучается более 2 тыс. студентов, 90% которых составляют

---

100 См. «Проблемы современной Турции», М., 1963, стр. 141.

101 „Cumhuriyet", 30.VI 1963.

102 „Մարմարա", 1.III 1962.

103 Там же, 5.III 1962.

турки. Неслучайно Роберт-колледж является одним из крупных центров пропаганды американской культуры и идеологии. Правящие круги США стремятся создать проамериканскую прослойку среди господствующих и общественных деятелей Турции. Второе место среди иностранных учебных заведений занимают французские школы, число которых достигает 20-ти.

Одновременно в стране действуют 2 немецкие, 5 английских, 11 итальянских, 6 австрийских, 2 болгарские и 1 иранская школа[104]. Число учащихся в иностранных школах из года в год увеличивается, что характеризует стремление империалистических держав проникнуть в области турецкой культуры. Важным средством идеологического воздействия на кадры турецкой интеллигенции служат кафедры по литературе и истории США, факультет деловой администрации, основанные при Стамбульском университете на средства Форда и Рокфеллера. Пропагандистскую работу в Турции ведут и ряд американских высших учебных заведений. Нью-Йоркский университет и университет Небраски вместе с Анкарским готовят административные кадры и специалистов в области сельского хозяйства. Империалисты США проявляют заинтересованность в обучении турецких граждан для использования их в своих интересах. Говоря о целях американской помощи для развития образования в Турции, Ф. Уоррен, будучи послом США в Турции, отмечал, что «развитие образования в Турции имеет большое значение для ваших собственных деловых успехов. Непременно содействуйте в этом стране, в экономику которой вы вкладываете капитал»[105].

В турецких учебных заведениях работает много американских преподавателей. Несколько специалистов из США работают в Министерстве просвещения. Еженедельник «Йён» от 6 июня 1962 г. писал, что США настаивают на реорганизации системы образования в Турции по американскому образцу, в противном случае они угрожают прекратить помощь для развития просвещения. Журнал опубликовал меморандум, врученный 23 марта 1962 г. представителем посольства США турецкому министру национального просвещения Инджесулу, содержащий следующие требования:

1) реорганизовать по американской системе учебные заведения, готовящие учителей;

2) в учебных заведениях ввести американский метод преподавания и воспитания;

3) американским советникам по образованию предоставить важные посты в системе просвещения Турции;

---

[104] „The Times", 25.X 1963.

[105] Политика США на Ближнем и Среднем Востоке, М., 1960, стр. 128.

4) турецких учителей, которых посылают для обучения и специализации в США, по возвращении в страну назначать на должность в соответствии с рекомендациями американских советников;

5) американскую помощь на образование использовать по указанию американских советников.

Кроме использования учебных заведений, идеологическое воздействие на турецкую молодежь США оказывают через библиотеки и клубы. Значительное место в пропаганде американского образа жизни отводилось радио, телевидению, распространению кинокартин и печатных изданий.

* * *

Майские события 1960 г. не внесли существенных изменений и в области высшего образования. В 1962/63 учебном году высших школ и факультетов было 69, с общим числом студентов — 72562[106], т. е. только 3,3% населения получало высшее образование[107], или на 416 человек населения приходился один студент.

Насколько остра проблема высшего образования, говорит тот факт, что в Турции не хватает 120 тыс. инженеров и техников, 65 тыс. медицинских работников[108]. В результате один врач приходится на 4 тыс. человек[109]. Такое состояние высшего образования в Турции связано с участием ее в агрессивных пактах и блоках. Став на путь милитаризации, Турция увеличивает из года в год военные расходы. В 1960 г. на высшее образование было ассигновано 200 млн. лир, тогда как на военные расходы ушло 4 млрд. лир. Это соотношение не изменилось и после переворота. В 1963 г. по сообщению Министерства просвещения ассигнования на высшее образование составили 1/4 часть бюджета на просвещение. Из-за ограниченности средств большинство высших учебных заведений имеют плохое оборудование, мало лабораторий, учебных пособий. Все это сказывается на успеваемости студентов. О низком уровне успеваемости в вузах говорит тот факт, что только 8—10% студентов сдают экзамены.

Многие турецкие студенты испытывают значительные затруднения, что в свою очередь влияет на их успеваемость. По-прежнему студенты жалуются, что им негде спать, готовиться к занятиям, что у них не хватает денег для приобретения книг и учебных пособий.

По данным Турецкой национальной студенческой феде-

---

[106] „Istatistik yilligi", 1960—62, s. 168.

[107] „Akis", 23 mart, 1963, № 456, s. 15.

[108] Народное образование, 1964, № 6, стр. 100.

[109] „Vatan", 7.II 1964.

рации, прожиточный минимум студентов составляет в месяц 415—490 турецких лир, в то время как только 5,7% получают мизерную государственную стипендию[110]. Этой стипендии, как отмечают студенты, даже не хватает на питание. А ведь студентам необходимо вносить вступительный взнос, платить в отдельности за изучение каждого предмета, за право держать экзамен. Кроме этих расходов, студенту приходится платить за пользование лабораторией, библиотекой, покупать учебники. Последние стоят очень дорого. Как заявило студенческое общество Стамбульского университета, цены на книги с каждым годом повышаются. Есть книги, которые стоят около 100 лир[111]. Согласно сообщению министра просвещения, расходы на обучение увеличились на 46%[112]. Интересные данные о расходах приводит декан экономического факультета Стамбульского университета Хайдар Фургач. Он отмечает, что расходы на обучение одного студента, начиная с регистрации и кончая выпускными экзаменами, после майского переворота возросли от 474 до 1142 лир[113]. Резкое увеличение расходов является причиной того, что многие студенты оставляют учебу, так и не закончив университет. Однако самым наболевшим вопросом для турецких студентов является вопрос общежитий. Только 13,2% студентов могут надеяться на общежитие. Тысячи студентов ждут очереди.

В этом направлении турецкие правящие круги не предприняли никаких шагов. Новые общежития не строятся, старые же продолжают оставаться в антисанитарном состоянии. Помещения не отапливаются, крыши часто протекают. Студенты не имеют читальных комнат[114]. Среди студентов много больных. Студенческий союз Стамбульского университета опубликовал данные о состоянии здоровья студентов, из которых видно, что 10% имеют психическое растройство, 2%—больны туберкулезом, 25%—страдают трахомой[115]. В докладе отмечалось, что заболевания молодежи являются результатом тяжелых условий, в которых приходится жить турецким студентам, из-за необеспеченности жильем, вечной тревоги за свое будущее. Хотя способным, но материально необеспеченным детям, согласно 50 ст. Конституции, оказывалась помощь для получения высшего образования, тем не менее эта «помощь» была настолько незначительна, что из

---

110 „Yön", 9 ekim, 1964, № 80, s. 5—6.

111 „Cumhuriyet", 2.IV 1964.

112 Там же, 12.IX 1964.

113 „Forum", 15 ekim, 1964, № 253, s. 4.

114 „Cumhuriyet", 9.XII 1963.

115 Там же.

7 тыс. студентов только 842 смогли закончить высшее учебное заведение. Следовательно, дети несостоятельных родителей не могут завершить учебу, мы не говорим уже о детях трудящихся масс, которые составляют незначительное число среди получивших высшее образование.

Интересны данные о социальном происхождении студентов. Национальная студенческая федерация (ТНСФ) распространила анкеты среди 4315 студентов различных факультетов. Их исследование показало, что 8% студентов—дети рабочих, 5% — военнослужащих, 37% — должностных лиц, 23% — торговцев, 10% — свободной профессии[116].

Поступление в высшее учебное заведение затрудняется еще и тем, что в связи с недостаточностью учебных помещений и преподавателей, крайне ограничен прием. В 1965 г. в университеты и высшие школы было подано 36 тыс. заявлений, из них удовлетворены 12 тыс.[117]. Иначе говоря, 2/3 выпускников лицеев остается вне вузов.

Стремясь ограничить прием молодежи в вузы, министерство просвещения ввело с 1964/65 учебного года одну систему приема, согласно которому абитуриенты могли поступить лишь на тот факультет, куда сдавали экзамены[118]. Причем экзамены проводились по тестовой системе[119], что создавало новые трудности для поступления в университет и тем самым ограничивало число студентов. Несмотря на это, в стране явно не хватало высших учебных заведений. Однако после военного переворота почти не было принято существенных мер для расширения сети высших школ, если не считать решения об открытии новых факультетов при высших учебных заведениях или их филиалов в других городах[120]. В связи с нехваткой высших учебных заведений появились частные высшие школы[121]. В 1965 г. их число составляло 14. Срок обучения в них 4 года. Число обучающихся — 5—6 тыс.[122] В основном частные высшие школы готовят зубных врачей, экономистов и т. п., в то время как страна нуждается больше в инженерно-технических кадрах. Это объясняется тем, что частные высшие школы не контролируются государством. Отсутствие контроля ведет к снижению качества обучения. Противники частных высших школ подчеркивают, что открытие этих школ наносит

---

[116] „Cumhuriyet", 12.II 1962. См. Nermin Abadan. „Universite ögrencilerinini serbest zaman faaliyetleri", Ankara, 1961, s. 10, 18.

[117] „Forum", 15 temmuz, 1965, № 271, s. 4. „Ulus", 17.IX 1966.

[118] „Ulus", 23.VIII 1963.

[119] „Cumhuriyet", 19.V 1964.

[120] „Forum", 15 şubat, 1961, № 261, s. 9.

[121] Там же, 1 agustos, 1964, № 248, s. 6.

[122] Там же, 15 temmuz, 1965, № 271, s. 15.

вред государственным университетам, поскольку вследствие более высокой оплаты труда педагоги, число которых и без того недостаточно, переходят на работу в частные школы[123]. Кроме того, они утверждают, что частные высшие школы, будучи платными, создают определенные трудности для поступления молодежи из незажиточных семейств. Доводы эти не лишены здравого смысла, тем более, что открытие частных высших школ не разрешает проблемы подготовки инженерно-технических кадров, особенно необходимых стране.

Неразрешенной остается и проблема укомплектования высших школ преподавательскими кадрами. По-прежнему в Стамбульском университете не хватает 53 профессора, 64 доцента и 67 ассистентов. Перед проблемой нехватки квалифицированных педагогов стоял и университет им. Ататюрка в Эрзеруме[124]. Так, в 1962/63 г. в университете им. Ататюрка на сельскохозяйственном факультете преподавало только два профессора[125], а на иностранном отделении не было ни одного преподавателя с профессорским званием[126].

Каковы же причины нехватки педагогических кадров в высших учебных заведениях. Ректор Стамбульского университета объясняет кризис с преподавательскими кадрами низкой оплатой труда. Так, ассистенты получают 300—400 лир в месяц. В то время как работая не по своей специальности, они могли бы получать 1000—1500 лир[127].

Деятельность профессорско-преподавательского состава затрудняется еще и тем, что для них не созданы нормальные условия работы. По-прежнему их деятельность подвергалась контролю правительства, хотя и по ст. 120 Конституции «университеты пользуются автономией в области административного управления, назначения и увольнения преподавателей, управляются органами, избранными с их стороны, и подвергаются контролю с их стороны...»[128]. Согласно законам 114 и 115, принятым 27 октября 1960 г., также не урезывались автономные права университетов. В действительности же автономные права университетов стали ограничивать. Если преподаватели затрагивали в своих лекциях политические вопросы, они немедленно увольнялись с работы. Так, Комитет национального единства (КНЕ) уволил из Стамбульского университета 147 преподавателей под предлогом пополнения их

---

[123] „Forum", 15 ekim, 1964, № 253, s. 4.

[124] „The Middle East journal", 1962, vol 16, № 3, p. 282.

[125] „Forum", 15 mayis, 1963, № 219, s. 4.

[126] „Cumhuriyet", 21.I 1964.

[127] „Forum", 15 mart, 1965, № 263, s. 15.

[128] „Cumhuriyet", 4.VII 1963, „Forum", 15 şubat, 1966, s. 6.

состава квалифицированными кадрами. Профессорско-преподавательский состав в основном пополняется иностранными специалистами, главным образом американцами. С помощью американских специалистов США осуществляют идеологическое наступление на турецкую молодежь.

После майских событий ярким примером усиления идеологического влияния США на Турцию является подписание соглашения 27 августа 1962 г. о сферах деятельности добровольцев американского «корпуса мира»[129]. Оказывая помощь в области промышленности, сельского хозяйства, здравоохранения и образования, США стремятся усилить свое идеологическое влияние с тем, чтобы укрепить здесь позиции американского монополистического капитала.

Прогрессивные представители турецкого народа понимают истинные цели американских империалистов и ведут борьбу против милитаризации страны, против проникновения американских монополий, за проведение социально-экономических реформ, за демократизацию школы. Многократно против антинациональной политики правящих кругов Турции выступало и прогрессивно настроенное студенчество. Оно требовало улучшения условий жизни в общежитиях, снижения высокой платы за обучение, боролось против увольнения прогрессивных преподавателей. Так, в 1964 г. студенты требовали вернуть в университет 147 профессоров и преподавателей, уволенных КНЕ в октябре 1960 г.

В апреле 1961 г. Национально-студенческая федерация опубликовала заявление, в котором отмечалось, что турецкая молодежь решила включиться в всемирное движение за разоружение, начатое миролюбивыми народами. Не раз Национально-студенческая федерация выступала против агрессивной империалистической политики США во Вьетнаме. Однако можно привести немало примеров, когда своими выступлениями студенческие организации поддерживали реакционные мероприятия правительства. В 1965 г. студенческие организации выступали за аннексию Кипра и террор в отношении греческого населения. Не раз турецкая общественность, в том числе и студенческие организации, поддерживали реакционную политику правящих кругов в отношении нацменьшинств. Так, НСТС в сентябре 1960 г. организовал компанию, преследующую цель заставить греков, курдов, армян говорить по-турецки. Турецкая Национальная студенческая федерация (ТНСФ) организовывала антикоммунистические манифестации в Стамбуле, Измире и в других городах страны.

Таким образом, в молодежном движении существует раз-

---

[129] „Vatan", 31.VIII 1962.

общенность. Правящие круги Турции стремились объединить студенческие организации НСТС и ТНСФ в одну организацию с тем, чтобы помешать им вести политическую борьбу[130]. В 1964 г. был создан Высший студенческий комитет[131], который выступил с требованиями о проведении коренной реформы университета, о необходимости сокращения расходов на обучение и т. д.

Итак, и после военного переворота не прекратились выступления прогрессивной общественности, молодежи. Это говорит о том, что правящие круги не разрешили важные социально-экономические проблемы, стоящие перед Турцией.

Не разрешена и проблема просвещения. Это объясняется в значительной степени тяжелым экономическим положением страны, недостаточностью средств, ассигнуемых на школу. По пятилетнему плану развития на 1963—1967 гг. на нужды просвещения предусматривалось выделить всего 7,1% ассигнований. Между тем на общие военные расходы ежегодно выделяется около 60% государственного бюджета. Анализ мероприятий, проводимых правящими кругами Турции в области просвещения в исследуемый период свидетельствует, что в системе образования не произошло существенных изменений. Просвещение все еще остается одним из насущных проблем, требующих своего коренного разрешения.

Ռ. Ս. ԴԱՆԻԵԼՅԱՆ

ԼՈՒՍԱՎՈՐՈՒԹՅՈՒՆԸ ԹՈՒՐՔԻԱՅՈՒՄ (1960—1965 թթ.)

Ամփոփում

Հոդվածը նվիրված է զինվորական հեղաշրջումից հետո Թուրքիայի կառավարող շրջանների՝ լուսավորության բնագավառում վարած քաղաքականությանը։ Թուրքիայի լուսավորության հարցերը քննության են առնվում երկրի սոցիալ-տնտեսական և քաղաքական առանցքային հարցերին համակցված։

Երկրի տարրական, միջնակարգ և բարձրագույն դպրոցներում անցկացրած միջոցառումների (միջնակարգ դպրոցը արտադրությանը մոտեցնելու մասին որոշում, հանրակրթական դպրոցների

---

130 „Cumhuriyet", 23.IV 1964.

131 „Yön", 9 ekim, 1964, № 80, s. 5—6.

ու լիցեյների ընդունելության նոր կարգ, մասնագիտական դպրոցների ծրագրերի ընդլայնում՝ ի հաշիվ պրոֆիլային առարկաների և այլն) քննության հիման վրա ցույց է տրվում, որ արմատական ռեֆորմների փոխարեն կառավարող շրջանները բավարարվում են մասնակի բարեփոխումներով։ Այդ իսկ պատճառով էլ, մինչև օրս Թուրքիայում չլուծված են մնում լուսավորության սիստեմի կարևորագույն մի քանի խնդիրներ (տարրական պարտադիր ուսուցում, դպրոցների ցանցի ընդլայնում, մանկավարժական կադրերի պատրաստում և այլն)։

Հոդվածում լուսաբանվում են նաև թուրքական իշխանությունների միջոցառումները սովորող երիտասարդության կրոնական և ազգային մոլեռանդության ու հակակոմունիզմի գաղափարներով դաստիարակելու ուղղությամբ։

Հենվելով փաստերի վրա, հեղինակը ցույց է տալիս, որ լուսավորության գործի անմխիթար վիճակը հետևանք է երկրի սոցիալ-տնտեսական ընդհանուր հետամնացության և ռազմա-քաղաքական բլոկներին Թուրքիայի մասնակցության։

Р. С. КОРХМАЗЯН

К ВОПРОСУ О ГЕРМАНО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ (1939—1940 гг.)

Круг проблем внешней политики Турции в предвоенный период и в течение второй мировой войны, еще недостаточно исследованный в советской и зарубежной марксистской исторической литературе, представляет несомненный интерес, особенно в аспекте развития германо-турецких отношений. История германо-турецких отношений заслуживает пристального изучения не столько с целью выявления агрессивности и авантюристичности политики гитлеровской Германии, общая внешнеполитическая концепция которой широко известна, сколько с целью подробно проследить особенности политической линии одного из официально нейтральных во второй мировой войне государств. Исключительно важное стратегическое и военно-политическое значение Турции сделало ее объектом большой политической и дипломатической активности обеих империалистических группировок — стран оси и западных держав. Со своей стороны Турция во внешней политике преследовала собственные цели. Этому обстоятельству при исследовании взаимоотношений Турции с великими державами часто не уделяется должного внимания. Подобный подход низводит Турцию до положения полуколониальной страны и тем самым косвенно опровергает возможность проведения ею более последовательной политики.

Пользуясь создавшейся возможностью лавировать между двумя антагонистическими блоками, страховаться и перестраховываться, Турция в большинстве случаев только тогда позволяла «вовлечь себя в орбиту» определенной политики, когда эта орбита обещала привести к осуществлению интересов турецких правящих кругов. В зигзагах внешней политики Турции была определенная логика, обусловленная корыстными целями турецкой буржуазии, которые нередко противоречили на-

циональным интересам страны. Именно этим объясняется рискованная политическая игра, длившаяся в течение всей войны, в том числе и нейтралитет Турции, который теперь выдается за успех турецкой политики и дипломатии[1].

Основной линией внешней политики Турции до середины тридцатых годов было стремление упрочить свое международное положение на сложившейся после завоевания национальной независимости основе. Об этом свидетельствует продление договора 1925 г. о дружбе и нейтралитете между СССР и Турцией, заключение ряда других двусторонних договоров, направленных на сохранение статус-кво, и присоединение к Лондонской конвенции об определении агрессора. К интересующему нас периоду Турция стала членом Лиги наций и подписала пакт Балканской Антанты. Происшедшие к этому времени сдвиги в политике турецкого правительства и радикальное изменение международной обстановки в Европе после прихода Гитлера к власти оказали сильное воздействие на развитие германо-турецких отношений.

Состояние этих отношений с момента утверждения в Германии фашизма и до начала 1939 г. характеризуется в основном постепенным расширением экономических связей между странами. Инициатива исходила от Германии, испытывавшей, как известно, недостаток в сырье для военной промышленности и поэтому заинтересованной в турецком сырьевом рынке. Турцию гитлеровская Германия привлекла к себе материальными выгодами, которые получала от торговых операций с Германией определенная часть турецкой буржуазии, а также всякого рода пропагандистскими средствами. Германия постоянно заверяла, что в своей внешней политике стремится только к пересмотру жестких условий Версальского мирного договора. Это стремление Германии к ревизии версальской системы ассоциировалось у части правящих кругов Турции с недавней борьбой против Севрского договора, что облегчало экономическое и политическое проникновение германского империализма в страну[2]. В этот период турецкое правительство пошло на заключение с Германией так называемых клиринговых соглашений (10 августа 1933 г. и 15 апреля 1935 г.), в результате чего доля Германии в экспорте Турции в 1937 г. составила 55,5%, а в импорте—43,5%[3]. Германия заняла важнейшие позиции в турецкой экономике. До-

---

[1] Y. T. Kurat, Ikinci Dünya Savaşinda Türk—Alman ticaretindeki iktisadi siyaset, „Belleten", Ankara, 1961, s. 95.

[2] L. Krecker, Deutschland und die Türkei im zweiten Weltkrieg, Frankfurt/Mein, 1964, S. 19

[3] Ю. Н. Розалиев, Особенности развития капитализма в Турции, М., 1962, стр. 175.

биваясь положения монополиста на турецком рынке, Германия в 1936 г. закупила в Турции 75% всего экспортируемого изюма, 60% инжира, 25% орехов, 24% табака, 35% свежих фруктов и т. д.[4]

Экспортируя из Турции руду, шерсть, хлопок, табак, кожу, сельскохозяйственные продукты, Германия поставляла ей промышленное оборудование, морские суда, средства воздушного транспорта, железнодорожное оборудование и т. д. Закупки вооружения и техники преимущественно в Германии неуклонно влекли за собой опасность сделать Турцию зависимой от будущих поставок из Германии запасных частей и вынуждали ее расширять число штатских и военных немецких специалистов и консультантов, необходимых для ввода в эксплуатацию закупленного оборудования и вооружения.

Столь тесные германо-турецкие экономические отношения не только вели Турцию к необходимости считаться с экономическими интересами Германии, но и ставили под угрозу политическую самостоятельность страны.

Уже в середине 30-х годов Германия экономической политикой в Турции преследовала далеко идущие политико-милитаристические цели, которые, однако, старалась тщательно скрывать. Но деятельность германских официальных представителей в Турции, направленная на сбор важнейших данных, необходимых для военно-стратегической подготовки второй мировой войны, вскрывает истинные цели германской политики в этом районе. Доклады и донесения германского военного атташе в Турции Роде содержат обстоятельные данные о турецкой обороне (включая состояние и происхождение вооружения), точные наблюдения за осуществленными и запланированными заказами на военную технику, подробные сведения о военных перевозках через Босфор и Дарданеллы, тщательно составленные обзоры состояния турецкой военной индустрии, ее производительности и перечень еще находящихся в строительстве отраслей, данные о дислокации турецких войск и т. д.[5]

В каком бы направлении ни готовил немецкий генеральный штаб будущие военные действия, Турция неизменно сохраняла в них свое стратегическое значение. Так, в планируемой войне против Советского Союза важное место занимала идея создания Кавказского фронта на территории Турции с перспективой немедленной оккупации Баку. Что касает-

---

[4] А. Лавров, Фашистская экспансия в страны Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока, «Большевик», 1938, № 16, стр. 77.

[5] См. H. Tillmann, Deutschlands Araberpolitik im zweiten Weltkrieg, Berlin, 1965, S. 40—42.

ся планов ведения военных действий против западных держав (в особенности против Англии), то немецкий военный атташе в Турции Роде неоднократно отмечал: «Ирак, Палестина и в широком смысле также Сирия более чем когда-либо образовывают гласис для обороны Египта Англией... Они имеют одновременно решающее значение также из-за нефтяных полей Мосула—Киркука и нефтепроводов, ведущих от них через Сирию и Палестину в Триполи и Хайфу для обеспечения нефтью англо-французского флота в Средиземноморье»[6] и «единственными странами, которые сегодня с военной точки зрения на основании их географического и военного положения способны нанести чувствительный урон военному потенциалу Англии и Франции в Восточном Средиземноморье путем нарушения доставки нефти, а тем самым и с этой стороны действительно угрожать Индии, — являются только Турция и Иран»[7]. «Военно-политическое значение Турции в средиземноморском конфликте основывается отнюдь не только на господстве над проливами и малоазиатским побережьем. Оно хотя бы в такой же степени основано на ее соседстве с Сирией и Ираком и на ее военно-политическом союзе с Ираном»[8].

Правящие круги Англии и Франции несомненно отдавали себе отчет в той угрозе, которая вытекала из все увеличивающейся активности германо-турецких отношений. Тем не менее, надеясь направить немецкую агрессию против Советского Союза, они не препятствовали этой активности.

Однако в политической области влияние Германии на Турцию было еще относительно слабым. Турецкий генеральный штаб увеличил число немецких военных инструкторов, обучавших турецкие вооруженные силы (армия и флот) по германскому образцу, но этим пока и ограничивались связи между турецкими и германскими военными кругами.

В гораздо большей степени прогрессировало англо-турецкое политическое сотрудничество, к которому Турция в то время стремилась из-за агрессивной политики Италии. Перевооружение и укрепление Додеканесских островов, расположенных в непосредственной близости от берегов Турции, и громогласные заявления Муссолини о том, что исторические цели Италии лежат в Азии и Африке[9], внесли предельную напряженность в турецко-итальянские отношения. Италия оказалась единственным государством из подписавших Лозанн-

---

[6] Цит. по кн.: H. Tillmann, Op. cit., s. 45.

[7] Указ. соч., стр. 46.

[8] Указ. соч., стр. 47.

[9] Б. Данциг, Турция, М., 1940, стр. 124; см. также G. Lenczowski. The Middle East in World Affairs, N.—Y., 1959, p. 132.

скую конвенцию о режиме проливов, не пожелавшим участвовать в ее пересмотре на конференции в Монтре. Стремление Муссолини превратить Средиземное море в море Итальянское и прибрать к рукам некоторые территории в районе Средиземного моря, на Балканах и в Африке[10], знаменовавшее собой основную цель внешней политики Италии, было хорошо известно Турции, и образование оси Берлин—Рим в октябре 1936 г. позволило турецким правящим кругам разглядеть агрессивные по отношению к ней аспекты германской внешней политики.

Все более укреплявшиеся в течение следующих двух лет связи Германии и Италии явились основной причиной предпринятых турецким правительством мер к некоторому ослаблению ставших обременительными экономических отношений с Германией и к дальнейшему сближению с соперницами Италии на Средиземном море — Великобританией и Францией.

Турция договорилась с англичанами о строительстве укреплений в районе проливов и сооружении металлургического завода, отказавшись от предложенных фирмой Крупп услуг[11]. Турция настояла на расторжении германо-турецкого экономического договора и при заключении нового договора в конце июля 1938 г. внесла ряд изменений[12]. Однако, укрепляя свое влияние в Турции, англо-французская дипломатия делала по-прежнему основную ставку на использование гитлеровской агрессии против Советского Союза и, в сущности, предоставляла Германии свободу действий в Турции.

В ответ на предоставленный в мае 1938 г. Англией заем в 16 млн. фунтов стерлингов (из которых 10 млн. было предназначено для закупки промышленного и транспортного оборудования, а 6 млн. — для вооружения) в октябре того же года во время посещения Турции министром хозяйства Германии Функом была достигнута договоренность, по которой Турция должна была получить от Германии кредит в 150 млн. марок[13].

Несмотря на некоторое охлаждение отношений между странами, позиции Германии в Турции в течение всего 1938 г. были настолько сильны, что возможность участия Турции в

---

[10] В. А. Секистов, «Странная война» в Западной Европе и в бассейне Средиземного моря (1939—1943), М., 1958, стр. 14.

[11] И. Генин, Экспансия германского фашизма на Ближнем Востоке, «Мировое хозяйство и мировая политика», 1939, № 2, стр. 148.

[12] А. Лавров, Фашистская экспансия в страны Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока, «Большевик», 1938, № 16, стр. 81.

[13] Соглашение об этом кредите было подписано 16 января 1939 г. Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918—1945 (далее ADAP), Ser. D, Bd. 5, № 557.

средиземноморском конфликте на стороне западных держав германским генеральным штабом даже не рассматривалась[14].

Стремясь еще больше приблизить к себе Турцию, гитлеровская Германия предполагала использовать для этого и территориальную приманку — арабские области (Северная Сирия)[15]. Беседы Риббентропа с генеральным секретарем Министерства иностранных дел Турции Нуманом Менеменджиоглу 1 и 7 июля 1938 г. совершенно определенно были направлены на то, чтобы склонить Турцию присоединиться к политике стран оси. Не довольствуясь уверениями генерального секретаря турецкого министерства иностранных дел, что отношение Турции к Германии основывается на политике доброжелательного нейтралитета, Риббентроп заговорил о тесном сплочении всех государств, пострадавших от мирных договоров[16]. В ответ последовало заявление Менеменджиоглу, что «Турция принципиально не нуждается в ревизии...»[17]. Турецкое правительство не считало тогда нужным устанавливать с Германией тесные политические связи. Отклонив предложение заключить договор о нейтралитете, Менеменджиоглу ограничился заверениями, что Турция будет развивать особенные дружественные отношения с Германией и не присоединится к антигерманской коалиции[18]. Неудачей закончились и длившиеся целый год германо-турецкие переговоры о присоединении Германии к Монтреской конвенции. Германии так и не удалось добиться от Турции двустороннего соглашения[19]. 20 января 1939 г. в беседе с Менеменджиоглу Риббентроп выразил удивление позицией Турции, заявив, что не понимает тонкостей, выдвинутых турецкой стороной, которые не могли бы задержать соглашения, если бы турецкое правительство действительно собиралось договориться с Германией[20].

Все же Германия не теряла надежд в конце концов договориться с Турцией, столь необходимой ей для осуществления военно-политических и стратегических операций против Советского Союза и западных держав, тем более, что экономические связи между странами продолжали благополучно развиваться. Общая стоимость немецкого экспорта в Турцию в 1938 г. достигла своего максимума — 151,4 млн. немецких марок. Турция вышла с 27 места в общем германском экс-

---

[14] H. Tillmann, Op. cit., s. 47.

[15] H. Tillmann, Op. ctt., s. 44.

[16] ADAP, Ser. D, Bd. 5, № 548.

[17] Там же.

[18] ADAP, Ser. D, Bd. 5, № 546, 548.

[19] ADAP, Ser. D, Bd. 5, № 550.

[20] ADAP, Ser. D, Bd. 5, № 548.

порте на 10, а турецкий импорт в Германию достиг в 1939 г. 122,6 млн. немецких марок[21]. Конечно, Германия стремилась сбывать только те товары, производство которых не требовало импортного сырья. Острый недостаток его Германия сама постоянно ощущала и нередко затягивала экспорт товаров, необходимых ей для создания военных запасов[22]. Кроме того, Германия поставляла и недоброкачественную продукцию, оборудование, суда с большими дефектами и т. д.[23]. Все это вызывало протест со стороны Турции, но в целом не влияло на общую картину германо-турецких экономических отношений.

Откровенные притязания Германии в районе Юго-Восточной Европы и Балкан вызвали в Турции большое недовольство, так как уже непосредственно шли вразрез с внешнеполитическими интересами страны, которая длительное время укрепляла там свое влияние и теперь играла заметную роль в Балканской Антанте.

Весной 1939 г. агрессии подверглась близкая к Турции зона. 15 марта 1939 г. была захвачена вся Чехословакия. Румыния, получив ультиматум с требованием подчинить свою экономику промышленным интересам Германии, 23 марта заключила соответствующий германо-румынский «хозяйственный договор»[24]. Обеспокоенная Турция через своего посла в Англии Араса в конце марта обратилась к правительству Англии с вопросом, может ли она рассчитывать на прямую помощь Англии, если подвергнется агрессии на Средиземноморье[25]. Несмотря на положительный ответ Англии, турецкое правительство сохранило неуверенность в ее намерении противостоять дальнейшему расширению агрессии[26]. Сомнения эти были порождены всей предшествовавшей англо-французской политикой: попустительство агрессору сильно подорвало престиж западных держав[27].

Нападение Италии на Албанию 7 апреля 1939 г. побудило правительства Англии и Турции к быстрейшему достиже-

---

[21] L. Krecker, Op. cit., s. 23.

[22] И. Генин, Экспансия германского фашизма на Ближнем Востоке, «Мировое хозяйство и мировая политика», 1939, № 2, стр. 143.

[23] ADAP, Ser. D, Bd. 5, № 557.

[24] Подробно о германо-румынском «хозяйственном договоре» см. А. А. Языкова, Румыния накануне второй мировой войны, М., 1963, стр. 259—264.

[25] Documents on British Foreign Policy 1919—1939 (далее DBFP), Third series, vol. IV, № 472.

[26] DBFP, 3 ser., vol. V, № 119.

[27] Подробно см. А. М. Некрич. Политика английского империализма в Европе (октябрь 1938—сентябрь 1939), М., 1955, стр. 289—321.

нию политического соглашения. Вслед за этим во второй половине апреля начались англо-турецкие переговоры. Придя к решению официально примкнуть к англо-французскому блоку, Турция в то же время стремилась избежать осложнений с Германией. Это способствовало дальнейшему усилению англо-германской борьбы за Турцию, из которой расчетливое турецкое правительство надеялось извлечь определенную выгоду. Считая, что не следует полагаться только на добрую волю Турции, английский посол в Анкаре Нэджбэлл-Хьюджессон предлагал своему правительству решить, что оно может предложить Турции в обмен на ее дружбу, указывая на огромное давление, которое будет оказывать другая сторона[28].

Переговоры привели к заключению англо-турецкого соглашения. 12 мая президент Турции в Национальном собрании и премьер-министр Англии в палате общин сделали заявление о том, что правительства Турции и Англии в случае агрессии в районе Средиземного моря «будут готовы взаимодействовать и оказать друг другу всю имеющуюся в их распоряжении помощь и поддержку»[29].

Союз с западными державами, по мнению турецкого правительства, должен был укрепить позиции Турции. А приобретение союзника в лице Турции, которая являлась ключом ко всем английским позициям на Ближнем Востоке[30], означало ощутимое изменение соотношения сил в этом районе в пользу Англии и Франции. Кроме того, Англия, рассчитывая создать на Балканах блок государств под своим руководством, и в этом плане рассматривала Турцию как ключ к балканской солидарности[31].

Заключение соглашения между Турцией и Англией опровергло расчеты Германии на то, что экономические интересы не позволят Турции изменить свою внешнюю политику. Гитлеровская дипломатия вынуждена была на время отказаться от надежд на участие Турции в военно-политических планах стран оси.

Перед германской дипломатией встала другая цель — предотвратить подписание союзного договора Турции с западными державами или, по крайней мере, уменьшить объем ее договорных обязательств. Это и составило основную задачу нового германского посла фон Папена, прибывшего в Анкару в апреле 1939 г. Но попытки Папена убедить турецкое

---

[28] DBFP, 3 ser., vol. V, № 124.

[29] DBFP, 3 ser., vol. V, № 506.

[30] Дж. Батлер, Большая стратегия. Сентябрь 1939—июнь 1941, М., 1959, стр. 81.

[31] DBFP, 3 ser., vol. V, № 144.

правительство в том, что дружба с Германией гарантирует ее от агрессии со стороны Италии[32] вкупе с соответствующими заверениями итальянского правительства[33], остались безрезультатными. Во время обсуждения в меджлисе англо-турецкого соглашения турецкое правительство весьма определенно высказалось относительно внешнеполитической позиции страны. Премьер-министр Рефик Сайдам заявил, что «с тех пор, как обострение обстановки распространилось также на Балканы и вопрос о безопасности Средиземного моря снова связывается с нашим национальным существованием, турецкое правительство находит, что сейчас уже невозможно больше оставаться на нейтральной и индефферентной позиции, особенно тогда, когда речь идет об угрозе нашей национальной безопасности»[34]. Одновременно он подчеркнул, что соглашение с Англией не направлено на окружение и нанесение ущерба кому бы то ни было.

Самонадеянная германская политика получила достаточно ощутимый удар, но реакция ее, вопреки ожидаемому, оказалась сдержанной. В политическом отношении Германия ограничилась антитурецкой кампанией в прессе и укорами Риббентропа турецкому послу в Германии Хамди Арпагу за намерение Турции принять участие в английской политике «окружения Германии»[35].

Надежда предотвратить подписание окончательного договора между Англией и Турцией и боязнь, что нетерпеливый и резкий жест ускорит это событие, привели Германию к решению занять выжидательную позицию.

Со своей стороны Папен настойчиво рекомендовал германскому правительству проявить в отношении Турции терпеливость, корректность и даже уступчивость. В меморандуме для предстоящей 21 мая 1939 г. беседы Риббентропа с министром иностранных дел Италии Чиано Папен советовал скрывать военные приготовления в Албании, побудить Италию уступить Турции небольшой остров Кастеллорицо, являющийся для турок из-за близкого расположения к Анатолийским берегам бельмом на глазу, и убедить ее предложить Турции дого-

---

[32] DBFP, 3 ser., vol. V, № 302. См. также Н. Васильев. Новое во внешней политике Турции, «Мировое хозяйство и мировая политика», 1939, № 6, стр. 51.

[33] G. Ciano, The Ciano Diaries. 1939—1943, N.-Y., 1946, p. 76.

[34] Цит. по: Н. Васильев. Новое во внешней политике Турции, «Мировое хозяйство и мировая политика», 1939, № 6, стр. 50.

[35] ADAP, Ser. D, Bd. 6, № 496.

вор о ненападении[36]. Однако рекомендации Папена не были осуществлены: Италия не пожелала пойти ни на какие уступки в отношении Турции, тем более, что Гитлер с энтузиазмом отнесся к итальянскому плану превращения Албании в крепость, которая должна господствовать на Балканах, и утверждал даже, что в средиземноморской политике решающей должна быть Италия[37].

Противодействие новому курсу внешней политики Турции Германия предполагала осуществить главным образом в области экономических отношений, где позиции Германии продолжали оставаться исключительно сильными. Уже в начале мая 1939 г. Геринг с согласия Гитлера приказал задержать поставку в Турцию шести 240-миллиметровых пушек «Шкода», предназначенных для ремилитаризации Дарданелл, о чем Турция договорилась в свое время с Чехословакией. Затем это распоряжение было распространено на всю заказанную Турцией военную технику[38]. Тогда же была молчаливо аннулирована договоренность о предоставлении Турции немецкого кредита в 150 млн. марок. Риббентроп распорядился уклоняться от приема турецких представителей и на срочные заявления Турции реагировать с замедлением[39]. А на аудиенции у президента Иненю Папен сформулировал ряд требований, удовлетворение которых могло содействовать сохранению дружественных отношений между Германией и Турцией: 1. Недолгосрочность проектируемого англо-турецкого договора и, соответственно, возможность отказа от него; 2. Решение Турции о вступлении союзнического обязательства в силу только при угрозе ее собственным интересам; 3. Отказ от любого давления на балканские страны[40]. Эти требования Германии, будь они приняты Турцией, лишили бы англо-турецкий договор его основного содержания. Понимая это, турецкое правительство отклонило их, чему немало способствовали успешный ход переговоров с Францией относительно присоединения к Турции Александреттского санджака (Хатая) и начатые Англией поставки боевой техники в Турцию. Таким образом, попытки Германии повлиять на Турцию путем экономического давления также окончились безрезультатно. Президент Иненю 7 июня ответил Папену, что в вопросах жизни и смерти торговые дела играют второстепенную роль[41].

---

[36] ADAP, Ser. D, Bd. 6, № 413.
[37] G. Ciano, Op. cit., p. 85.
[38] ADAP, Ser. D, Bd. 6, № 321, 435.
[39] ADAP, Ser. D, Bd. 6, № 483.
[40] ADAP, Ser. D, Bd. 6, № 495.
[41] ADAP, Ser. D, Bd. 6, № 489.

Ответом на германское экономическое давление было затягивание Турцией поставок хромовой руды в Германию и угроза их полного прекращения. Известно, что в канун мировой войны германская экономика не стала независимой и из 30 видов стратегических материалов 23 ей приходилось ввозить[42], потребность же в хроме она целиком покрывала за счет импорта[43], причем одним из важнейших поставщиков являлась Турция. В такой ситуации турецкие угрозы произвели на Германию соответствующее впечатление, тем более, что прекращение турецких поставок хромовой руды вынудило бы Германию целиком зависеть в этом отношении от Британской империи — второго важнейшего поставщика хрома[44]. Эти контрмеры турецкого правительства, а возможно, и сопровождавший их прозрачный намек Иненю, напомнившего Папену о роли задержания в 1914 г. в Англии заказанных Турцией броненосцев[45], побудили Германию воздержаться от решительных антитурецких действий и в области экономических отношений. Ослабив непосредственное политическое экономическое давление на Турцию, Германия развила бурную деятельность в столицах балканских стран, связанных с Турцией пактом Балканской Антанты. Цель этой дипломатической активности состояла в том, чтобы с помощью балканских государств оказать косвенное влияние на позицию Турции. «Ключ к дальнейшему соскальзыванию Турции лежит теперь отчасти в руках балканских государств, — писал статс-секретарь германского министерства иностранных дел Вейцзекер в посольство в Бухаресте 7 июня 1939 г.— Если Румыния, а также Греция и Югославия со всей ясностью заявят в Анкаре, что они ни прямо, ни в завуалированной форме не хотят быть объектом англо-турецкой сделки, то это, вероятно, произведет впечатление на Турцию и Англию»[46].

Когда же 23 июня были подписаны два тесно связанных друг с другом, хотя формально отдельных документа: о присоединении Хатая к Турции—в Анкаре и декларации о взаимной помощи, которая полностью повторяла текст англо-турецкого соглашения, — в Париже, стало очевидно, что повлиять на позицию Турции, используя балканские государства, Германии тоже не удалось.

---

[42] И. Файнгар, Очерк развития германского монополистического капитала, М., 1958, стр. 258.

[43] Там же, стр. 248.

[44] «Мировое хозяйство и мировая политика», 1939, № 7—8, стр. 29.

[45] ADAP, Ser. D, Bd. 6, № 489.

[46] Цит. по кн.: L. Krecker. Op. cit., s. 46.

Присоединение Турции к англо-французскому блоку было большим успехом английской дипломатии. Оно казалось выгодным и для Турции, так как в то время ее соглашение с Англией и Францией, в военном преимуществе которых над странами оси она была абсолютно убеждена, сопровождалось переговорами о заключении советско-турецкого договора, параллельно намечавшемуся соглашению между СССР и западными державами. Как свидетельствует Гафенку, во время его второго визита в Анкару Исмет Иненю верил только в одно единственно возможное нападение—со стороны стран оси. Президент считал, что против этой агрессии необходимо заранее гарантировать себя, организуя общее сопротивление. Он был убежден, что это сопротивление могло опереться на Советский Союз. Президент выразил уверенность в победе союзников[47]. Турецкое правительство, возможно, в какой-то мере рассчитывало, что заключение советско-турецкого договора создаст оптимально выгодную ситуацию: от СССР Турция получит наиболее эффективную гарантию безопасности, а соглашение между СССР, Англией и Францией облегчит турецкому правительству маневрирование между Советским Союзом и западными державами, которые делали все возможное, чтобы оторвать Турцию от Советского Союза и превратить ее в опорный пункт борьбы с «большевизмом». С другой стороны, турецкие политические деятели полностью разделяли стремление западных держав спровоцировать германскую агрессию против СССР и подчинили советско-турецкие переговоры судьбе англо-франко-советских.

Однако вскоре стало совершенно очевидно, что заключить равноправное соглашение с Советским Союзом и создать действенную систему коллективной безопасности Англия и Франция не желают. Они остались верны своей мюнхенской антисоветской политике и поставили СССР перед необходимостью заключить с Германией договор о ненападении, чтобы не оказаться в ближайшем будущем перед фактом нападения со стороны империалистической коалиции. В этих условиях и был заключен 23 августа 1939 г. советско-германский пакт о ненападении, разрушивший хитроумные сплетения мюнхенской политики.

Радикальное изменение международной обстановки, вызванное заключением советско-германского договора и объективно выгодное Турции, которая получила теперь возможность занять позицию нейтралитета и не связывать себя ни с одной из воюющих империалистических группировок в разразившемся мировой конфликте, не было использовано турецкой дипломатией.

---

[47] G. Gafencu, Last days of Europa, N.-Y., 1948, p. 195—196.

Решив проводить избранный ранее курс, турецкое правительство продолжило в прежнем направлении переговоры с Англией и Францией, приведшие к заключению 19 октября 1939 г. союзного договора с ними, вопреки широко распространенному в стране мнению о том, что у Турции нет причин становиться на чью-либо сторону[48]. С этого времени переход Турции с позиции невоюющего союзника западных держав, уже находившихся в состоянии войны с Германией, к непосредственному участию в военных действиях на их стороне казался предопределенным[49]. Однако истинная позиция Турции была значительно менее категоричной. Несмотря на успешный ход англо-франко-турецких переговоров, Германия еще до начала войны была осведомлена о том, что Турция будет стремиться всеми силами избежать непосредственного участия в вооруженном конфликте. 27 августа 1939 г. президент Турции заявил германскому послу, что относительно Балкан признает только обязательства, вытекающие из Балканского пакта[50], а представитель высшего командования сообщил, что Турция только тогда примет решительные меры, если она станет объектом агрессии[51].

Таким образом, идя на заключение англо-франко-турецкого союзного договора, Турция предполагала рассматривать его как одностороннее обязательство Англии и Франции гарантировать ее безопасность. Это, однако, был роковой просчет турецкой дипломатии. Договор с западными державами не только не избавил Турцию от нажима со стороны фашистских агрессоров, но, связав внешнюю политику страны с одним империалистическим лагерем, показал и другому всю ее неустойчивость.

Договорившись с Англией и Францией, турецкое прави-

---

[48] ADAP, Ser. D, Bd. 7, № 448; См. также E. Vere-Hodge. Turkish Foreign Policy 1919—1950, London, 1951, p. 130.

[49] Согласно договору, Турция обещала оказать помощь своим союзникам, если они будут вовлечены в войну на Средиземном море в результате агрессии или в связи с данными ими гарантиями. Кроме того, Турция обязывалась занять по меньшей мере позицию благожелательного нейтралитета в случае непредусмотренной договором агрессии. Англия и Франция обязывались оказать Турции всю возможную помощь, если она подвергнется агрессии со стороны европейской державы или если агрессия приведет к войне в районе Средиземного моря, в которую будет вовлечена Турция. Приложенный к договору специальный протокол № 2 оговаривал возможность отказа Турции от принятых ею обязательств, если их выполнение могло бы повлечь за собой войну с Советским Союзом.

[50] ADAP, Ser. D, Bd. 7, № 342; См. также Bd. 8, № 105.

[51] ADAP, Ser. D, Bd. 7, № 448.

тельство было озабочено теперь сохранением тех, хотя и прохладных, но вполне корректных отношений, которые установились между Германией и Турцией с лета 1939 г. С этой целью постоянно подчеркивалось, что договор с западными державами рассматривается только как оборонительная мера и что заключение этого пакта увеличивает для Турции возможность остаться вне конфликта[52]. Берлин в свою очередь избегал сколько-нибудь решительных политических мер в отношении Турции. Занятая европейской войной, Германия не собиралась в ближайшем будущем распространять военные действия на Ближний Восток и Балканы и потому была заинтересована на этом этапе только в сохранении спокойствия в указанных районах, чтобы обеспечить себе беспрепятственное приобретение продовольствия и стратегического сырья.

В экономической области Германия постоянно высказывалась за сохранение связей между странами и объявила о своей готовности заключить новый торговый договор, если Турция откажется от поставок германскими фирмами боевой техники и не потребует выплаты по гарантиям за невыполнение контракта[53]. Однако Турция решила воздержаться от заключения нового торгового договора (срок предыдущего соглашения истек в августе 1939 г.) и продолжала снижать объем торговли между странами в так называемый бездоговорный период. Ей удалось в значительной степени сбалансировать свой экспортно-импортный рынок договорными обязательствами союзников производить закупки турецкого сырья и продовольствия в порядке погашения кредитов. Турция могла позволить себе не принимать поставленных Германией условий заключения нового экономического договора. Наличие же предложений со стороны Германии было использовано Турцией при экономических переговорах с Англией и Францией. Турецкое правительство временами прямо ставило заключение договора в зависимость от выдвинутых им и нежелательных для Великобритании требований обширной экономической помощи, включая поставки боевой техники[54]. Таким образом, западные державы были поставлены своим новым союзником в весьма сложное положение. Турция вынудила Англию и Францию сопроводить договор «специальным соглашением», которое обусловливало вступление договора в силу только после получения Турцией обещанных ей военных материалов и займов[55]. Переговоры, которые вел Менеменджиоглу

---

[52] ADAP, Ser. D, Bd. 8, № 339.

[53] ADAP, Ser. D, Bd. 7, № 80.

[54] DBFP, 3 ser., vol. VII, № 583, 292, 329, 337.

[55] Дж. Батлер, ук. соч., стр. 82.

в ноябре и декабре 1939 г. в Париже и Лондоне, закончились успешно. Было заключено торговое соглашение, Турция получила займы и кредит. 8 января 1940 г. было достигнуто соглашение о вступлении союзного договора в силу, как только обещанное Турции золото будет доставлено в Анкару[56]. Все это еще более осложнило для Германии задачу улучшения отношений с Турцией. Не произвел впечатления на Турцию и дипломатический демарш Германии, связанный с подписанием англо-франко-турецкого союзного договора. 9 ноября 1939 г. Германия выразила свое отношение к этому шагу турецкого правительства, сообщив, что усматривает в нем серьезный проступок относительно обязательств неучаствующего в войне государства и сознательный выпад против рейха. Дав понять турецкому правительству, что заключение упомянутого договора расценивается ею как дипломатический акт, который не будет иметь никаких военно-политических последствий, Германия оставила за собой право принять соответствующие меры в случае иного развития событий[57].

Всю первую военную зиму продолжались безуспешные попытки Германии улучшить свои отношения с Турцией[58]. Не уступая настойчивости Германии, турецкое правительство, тем не менее верное своему принципу избегать обострения отношений, не лишало Германию надежд на урегулирование германо-турецких экономических отношений[59]. Однако отсутствие каких-либо сдвигов в области германо-турецких экономических переговоров, прекращение поставок в Германию хромовой руды, переговоры между генеральными штабами западных держав и Турции, принятие турецким меджлисом закона о национальной обороне, муссируемые в связи с этим англо-французской дипломатией слухи о скором вступлении Турции в войну, балканская деятельность турецкой дипломатии, тесно связанная с интересами Англии и Франции в этих районах, вызвали в Германии взрыв негодования в адрес Турции. Цели своей — запугать Турцию и заставить ее пересмотреть свою позицию — эта антитурецкая кампания германской прес-

---

[56] Там же, стр. 82. Тогда же было достигнуто негласное соглашение о закупках Англией и Францией турецкой хромовой руды, по которому вся добытая руда в течение двух лет предоставлялась союзникам. Англия, обеспеченная поставками руды из собственных колоний, покупала турецкий хром, чтобы не допустить его продажи Германии, по отношению к которой она проводила экономическую блокаду.

[57] ADAP, Ser. D, Bd. 8, № 324.

[58] ADAP, Ser. D, Bd. 9, № 30.

[59] ADAP, Ser. D. Bd. 9, № 137.

сы не добилась и только осложнила задачи германского посольства в Турции.

Весна 1940 г. принесла дальнейшее распространение военных действий, правда, пока еще на север Европы. В начале апреля гитлеровская армия оккупировала Данию, затем агрессии подверглась Норвегия. Немедленно до сведения турецкого правительства было доведено, что «нет каких-либо факторов относительно германских действий в Скандинавии, по которым можно сделать вывод о том, что война распространится на юго-восток»[60]. Эта предупредительность, проявленная Германией в адрес Турции, объяснялась обещанием Муссолини в случае успешного наступления германской армии принять участие в военных действиях против Франции. Вступление Италии в войну и распространение военных действий на районы Средиземного моря создали ситуацию, предусмотренную англо-франко-турецким договором, и должны были неминуемо вызвать выступление Турции на стороне союзников. Участие же Турции в войне повлекло бы за собой начало военных действий в Юго-Восточной Европе, что означало для Германии не только невозможность беспрепятственного снабжения из этих районов, но и необходимость оказания военной помощи своим сателлитам[61], т. е. фактически войну на два фронта, чего Германия стремилась избежать. Выход из этой опасной ситуации она видела только в удержании Турции вне войны.

Это стремление Германии находилось в полном соответствии с собственными целями турецкой политики, которая изыскивала благовидные предлоги, чтобы избежать участия в войне. Германия по сути ломилась в открытую дверь. Ее военные успехи на севере Европы произвели впечатление на турецкое правительство, учитывавшее в своей политике любое изменение в соотношении сил. Надеясь на перелом в ходе военных действий, турецкие правящие круги решили тем не менее перестраховаться у Германии перед возможной итальянской агрессией. Турция, казавшаяся преданным союзником западных держав, еще до начала военных действий против Франции, в первых числах мая 1940 г., подробно информировала германского посла относительно своей будущей пози-

---

[60] ADAP, Ser. D, Bd. 9, № 137.

[61] На вопрос Германии, сможет ли болгарская армия выдержать напор турецкой армии, если последняя нападет на Болгарию, последовал ответ: Болгария будет в состоянии сделать это через год-полтора, когда получит необходимое вооружение (Л. Б. Валев. Болгарский народ в борьбе против фашизма накануне и в начальный период второй мировой войны, М., 1964, стр. 131).

ции. После встречи с Менеменджиоглу Папен доносил в Берлин:

«Турция горячо желает, чтобы Италия продолжала оставаться вне войны.

В случае вступления Италии в войну Турция не смогла бы отказаться от обязательств по пакту. Однако если Италия не атакует ни Балканы, ни турецкую территорию, то Турция ограничится созданием нескольких портов с углем на Эгейском побережье, доступных военным судам союзников, но она удержится от каких-либо военных действий. Турция надеется, что таким образом Балканы и Ближний Восток останутся вне войны. В этом случае Турция будет продолжать с уважением рассматривать букву англо-франко-турецкого договора о взаимомощи, но практически не вступит в войну»[62].

Начало германского наступления против Франции вызвало новые усилия союзников втянуть Турцию в войну и таким образом отвести итальянские силы от возможной операции против южной Франции. Они рассчитывали по крайней мере добиться разрыва дипломатических отношений Турции с Германией[63]. Турция со своей стороны стремилась не утратить возможности маневрирования между воюющими группировками и потому предпочитала не принимать никаких решений, ожидая дальнейшего развития событий. Постепенно стало очевидно, что Турция не сделает доступными для флота союзников свои базы на побережье Малой Азии, если будет уверена, что на нее не нападут с Додеканесских островов[64]. Успешный для Германии ход военных действий побудил турецкое правительство улучшить свои отношения с ней. Президент дал официальные инструкции министру иностранных дел о заключении в ближайшем будущем экономического соглашения с Германией, которое и было достигнуто через день после вступления Италии в войну[65].

Германия немедленно воспользовалась плодами своих побед и в отношениях с Турцией. От прежней терпеливости не осталось и следа. Турция была поставлена в известность, что попытка разорвать дипломатические отношения как с Германией, так и с Италией будет означать для нее начало войны[66]. Германия настойчиво рекомендовала Турции пересмотреть свое отношение к ней. Папен сделал недвусмысленное заявление: «Турция может быть спокойна, что найдет верного союз-

---

[62] ADAP, Ser. D, Bd. 9, № 200.
[63] ADAP, Ser. D, Bd. 9, № 244.
[64] ADAP, Ser. D, Bd. 9, № 265.
[65] ADAP, Ser. D, Bd. 9, № 383, 424.
[66] ADAP, Ser. D, Bd. 9, № 383.

ника в лице Германии в будущем, если в настоящем ограничится охраной своих собственных интересов»[67]. Тот факт, что неучастие в империалистической войне действительно отвечало интересам Турции, делало позицию Германии на этом этапе значительно перспективней англо-французской.

Вступление Италии в войну 10 июня не привело ни к каким изменениям во внешней политике Турции. Только на следующий день после поражения Франции, 26 июня, премьер-министр Турции сделал официальное заявление о решении турецкого правительства сохранить нейтралитет[68].

Этот маневр, хотя и позволил Турции избежать немедленного вступления в войну, однако отнюдь не гарантировал безопасности страны в ближайшем будущем. Германия, правда, проявляла прежнюю заинтересованность в спокойствии на Балканах и Ближнем Востоке, но дуче не желал связывать себе рук в отношении Турции[69].

Отказ Турции от участия в войне на стороне западных держав не может быть расценен нами как успех германской дипломатии, поскольку, как мы видели, Турция с самого начала вообще не собиралась воевать. Заключив союзный договор с Англией и Францией, осенью 1939 г. турецкие правящие круги предполагали воспользоваться плодами победы (в военном преимуществе союзников над странами оси, как указывалось, Турция в то время не сомневалась), практически не принимая участия в войне. Германская активность, направленная на удержание Турции вне конфликта, угрозы с ее стороны и формальное сохранение в силе после поражения Франции договора от 19 октября позволили Турции предстать перед мировым общественным мнением в качестве верного и искреннего союзника западных держав, вынужденного в силу обстоятельств воздержаться от выполнения своих договорных обязательств[70].

---

[67] ADAP, Ser. D, Bd. 9, № 375.

[68] ADAP, Ser. D, Bd. 9, № 431.

[69] ADAP, Ser, D, Bd. 9, № 324.

[70] Англия, стремившаяся после поражения Франции сохранить благожелательный нейтралитет Турции, положила основу подобной интерпретации турецкой позиции. «Верность турок их союзу с Англией подобна лучу света в темном мире трусости, дезертирства и предательства»,—писал в октябре 1940 г. «Экономист» (цит. по А. М. Некрич. Внешняя политика Англии... стр. 418). В современной исторической литературе эта точка зрения нашла дальнейшее развитие. Не имея возможности отрицать очевидную корыстность и двуличие турецкой политики, Л. Крекер, например, выдвигает тезис о том, что Турция была верным и честным союзником западных держав, а как только проявился советско-германский кон-

Политика турецкого правительства провоцировала империалистические державы на борьбу за усиление своих позиций в этой стране, активизировала их деятельность по вовлечению Турции в свои военно-политические планы. Позиция строгого нейтралитета не только избавила бы страну от сложных политических маневров, но и укрепила бы ее положение, обеспечив ей поддержку Советского Союза, заинтересованного в безопасности своих южных границ. Что касается Англии и Франции, то они в случае опасности оказали бы и нейтральной Турции помощь и поддержку, поскольку нейтральная Турция прикрывала их коммуникации и делала практически неприступными англо-французские позиции на Арабском Востоке[71].

Событиями лета 1940 г. заканчивается первый этап турецкой внешней политики военного периода, характеризовавшийся сближением Турции с западными державами. В течение этого периода проявились особенности внешнеполитического курса Турции, ее расчетливость, корыстность и обусловленная ими политика балансирования при антисоветской настроенности турецких правящих кругов.

Ռ. Ս. ԿՈՐԽՄԱԶՅԱՆ

ԳԵՐՄԱՆԱ-ԹՈՒՐՔԱԿԱՆ ՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՀԱՐՑԸ (1939 — 1940 թթ.)

Ամփոփում

Հոդվածում քննարկվում է Թուրքիայի արտաքին քաղաքականության կարևորագույն ասպեկտներից մեկը՝ նրա փոխհարաբերությունները Գերմանիայի հետ 2-րդ համաշխարհային պատերազմի նախօրյակին և առաջին տարում, որը քիչ է ուսումնա-

---

фликт,—даже благожелательным нейтралом по отношению к их врагам (!?), но вынуждена была придавать своей политике вид двуликого Януса (L. Krecker. Op. cit., s. 67).

71 Несколько позднее, в первые месяцы 1941 г., указывая на большое стратегическое значение арабской территории «с точки зрения борьбы с Англией», руководитель политического отдела министерства иностранных дел Германии Воерманн отмечал, что, пока Турция нейтральна, арабские территории находятся вне досягаемости, за исключением авиации стран оси (H. Tillmann. Op. cit., S. 197—198).

սիրված սովետական և արտասահմանյան մարքսիստական պատմագիտության կողմից։

Նպատակ է դրված գերմանա-թուրքական հարաբերությունների զարդացման օրինակի վրա դիտել այդ պատերազմում պաշտոնապես չեղոք երկրներից մեկի քաղաքական դծի առանձնահատկությունները, որի կարևոր ստրատեգիական և ռազմա-քաղաքական նշանակությունը նրան դարձրել է արևմտյան երկրների երկու իմպերիալիստական խմբավորումների դիվանագիտության պայքարի օբյեկտ։ Իր կողմից Թուրքիան արտաքին քաղաքականության մեջ հետապնդում էր իր նպատակները և նա ներգրավվում էր այն քաղաքականության ոլորտը, որը կարող էր հանգեցնել Թուրքիայի կառավարող շրջանների շահերի իրականացմանը։

Թուրքիայի արտաքին քաղաքականության շեղումներում առկա էր որոշակի տրամաբանություն, որը պայմանավորված էր թուրքական բուրժուազիայի շահադիտական նպատակներով։ Դրանով է բացատրվում Թուրքիայի քաղաքական խաղը, այդ թվում և նրա չեղոքությունը, որն այժմ ներկայացվում է որպես թուրքական դիվանագիտության և քաղաքականության հաջողություն։

Ш. Х. МГОИ

ТУРЦИЯ И ПРОБЛЕМА КУРДСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ В ИРАКЕ

В современной Турции курды находятся в положении угнетаемого национального меньшинства. Объявив пятимиллионное курдское население[1] «горными турками», правящие круги страны тем самым хотят отрицать существование курдской национальной проблемы. Народные массы Турецкого Курдистана никогда не мирились с теми деспотическими порядками, которые являлись источником их национальных и социальных бедствий. Однако все выступления курдов подавлялись с невероятной жестокостью, опустошались курдские города и села. Физическая расправа, регулярное переселение курдов из родных мест, насильственная ассимиляторская политика — все это призвано было покончить с «курдской проблемой». «Я считаю, — говорил один из видных пантюркистов Нихаль Адсыз, — что в Турции должна господствовать турецкая раса... Все нетурки должны быть выброшены из Турции...»[2].

Несмотря на все это, курдский национальный вопрос остается нерешенным и за мнимым «спокойствием» скрывается то брожение, которое постоянно существует в Турецком Курдистане. В связи с этим становится понятным тот повышенный интерес, который Турция проявляет к событиям, связанным с курдскими национальными выступлениями вообще и с проблемой курдской национальной автономии в Ираке в частности. Турецкими правящими кругами движение курдов в Ираке не рассматривается как «лишь внутреннее дело этой страны», ибо «каждое национальное выступление курдов на-

---

[1] M. S. Karadaghy. Kurdistan and Kurds, London, 1963, p. 12.

[2] М. Гасратян. О политике турецких правящих кругов в национальном вопросе (см. «Проблемы современной Турции», М., 1963), стр. 134.

ходит широкий отклик во всех частях разобщенного Курдистана»[3].

В данной статье автор делает попытку пролить свет на некоторые стороны политики турецкого правительства в курдском вопросе в тесной связи с событиями, развернувшимися за последние годы в Иракском Курдистане.

Антиимпериалистическая буржуазная революция 1958 г. в Ираке была воспринята Турцией с явной враждебностью. Одной из главных причин этого было то, что, как пишет английский историк Дерк Киннан, «монархический режим был заменен республикой арабов и курдов, а Ирак вышел из Багдадского пакта»[4]. Несмотря на свои «союзнические связи», турецкие правящие круги были не прочь предъявить свои экспансионистские планы не только Сирии, но и Ираку. Изолировав себя от арабских стран, Ирак превратился в удобный объект «курдской» и «арабской» политики Турции. В свете этих обстоятельств представляют интерес следующие факты. Не довольствуясь сохранением большей части Курдистана в составе турецкого государства, турецкие правящие круги стремились воспользоваться удобным случаем для присоединения к Турции «Мосула и северных районов Ирака», т. е. Южного Курдистана. В начале ноября 1957 г. турецкая газета «Джумхуриет» и журнал «Акис» опубликовали статьи, в которых откровенно выражались эти притязания Турции[5]. 24 января 1958 г. накануне открытия сессии Багдадского пакта турецкий премьер Мендерес вылетел в Ирак, где вел переговоры с Нури Саидом. Целью этих переговоров, как заявил Мендерес по возвращении, было «принятие мер для защиты арабского и мусульманского мира от подрывной деятельности»[6]. В действительности они были посвящены подавлению борьбы иракского народа — арабов и курдов как основному условию сохранения агрессивного Багдадского пакта. Стремясь напугать Ирак «курдской опасностью», турецкая дипломатия всячески создавала надежные преграды «на пути курдского национально-освободительного движения»[7]. С другой стороны, изолировав Ирак от других арабских стран, Турция стремилась не допустить единства и усиления арабских стран, поддержавших претензии Сирии на Александреттский санджак.

---

[3] Serge Ganter, Le mouvement national Kurde („Orient", № 32—33), paris, 1964—1965, p. 54.

[4] Derk Kinnane, The Kurds and Kurdistan, London, 1964, p. 60.

[5] Ю. В. Марунов, Ю. В. Потемкин, Арабо-турецкие отношения на современном этапе, М., 1961, стр. 70.

[6] „Le Monde", 29.I 1958.

[7] A. R. Ghassemloy, Kurds and Kurdistan, Prague, 1965, p. 85.

Характерно в этом отношении то, что после провозглашения Объединенной Арабской Республики (Египет и Сирия) в начале февраля 1958 г. турецкое правительство поспешно обратилось к своим союзникам по Багдадскому пакту с требованием гарантировать Турции поддержку в случае, если ОАР потребует возвращения Александреттского санджака[8].

Таким образом, участие Ирака в агрессивном Багдадском пакте, даже на примере этих фактов, было актом национального предательства в отношении как арабов, так и курдов. Нетрудно отсюда заключить, что июльская революция в Ираке явилась большим ударом не только для западных империалистических держав, но и для их активного партнера по ближневосточным военно-агрессивным блокам — Турции.

15 июля 1958 г. в Бейруте высадился отряд американской морской пехоты. Министр иностранных дел Англии Сельвин Ллойд в палате общин заявил, что «английское правительство полностью поддерживает действия американцев»[9]. «Не может быть никакого сомнения, — писала английская газета «Дейли экспресс», — что ни Англия, ни США не могут не реагировать на вызов, брошенный их общим интересам. От английского правительства ожидают, что оно выполнит свой долг (!? *Ш. М.*) в Ираке полностью и своевременно»[10]. В агрессивных действиях против «арабо-курдской республики» самое активное участие принимало турецкое правительство. С согласия последнего 16 июля на военно-воздушной базе Адане произвели посадку многочисленные американские военные самолеты, которые перебрасывали войска на Ближний Восток[11]. Было бы ошибочно полагать, что в агрессивных действиях, направленных против Иракской республики, Турция являлась всего лишь слепой исполнительницей планов американо-английских правящих кругов и боролась за их экономические и политические интересы. У турецкого правительства были свои собственные планы в отношении Ирака, и не только Ирака. Не случайно, что в заявлении Советского правительства, опубликованном 17 июля по поводу ближневосточных событий, отмечалось, что «образование Иракской республики было воспринято с нескрываемой враждебностью со стороны правительств США, Англии и Турции» и что после июльской революции «в Вашингтоне и в Анкаре развернули лихорадочную деятельность»[12].

---

8 «Арабо-турецкие отношения...», стр. 70.

9 «Правда», 16.VII 1958.

10 Там же.

11 «Правда» 18.VII 1958.

12 «Правда», 17.VII 1958.

Турецкие правящие круги стремились воспользоваться создавшимся положением, чтобы осуществить свои экспансионистские планы в отношении Ирака и Южного Курдистана. 17 июля 1958 г. турецкий министр иностранных дел Фатин Зорлу заявил, что «Турция готова всеми средствами оказать помощь англо-американским действиям на Ближнем Востоке». «Мы полностью поддерживаем прибытие английских сил в Иорданию, — заявил турецкий министр, — мы надеемся, что они далее продвинутся к Ираку. Если они это сделают, Турция окажет им помощь»[13]. Турецкое правительство выступило с авантюристическим планом «повернуть вкрутую ход развития событий в Ираке». Для осуществления этой цели оно предложило использовать «против нового багдадского правительства... 500 тыс. (?! *Ш. М.)* турецкое национальное меньшинство в северном Ираке», которое, по словам Зорлу, «нуждается только в руководстве»[14]. В Турции вполне серьезно поговаривали даже о сборе добровольцев. Было сделано официальное заявление о том, что «для защиты своих (? *Ш. М.)* интересов в Киркуке Турция готова провести самую активную политику»[15]. Турецкие правящие круги до того увлеклись своими экспансионистскими планами, что стали бредить не только «судьбой мусульманских братьев» в Ираке, но и «освобождением (?! *Ш. М.*) 50 миллионов мусульманских братьев», которые мол «находятся в зависимом положении в России»[16]. Позиция Турции в отношении Иракской республики принимала все более угрожающий характер. Турецкое правительство настойчиво добивалось немедленного ввода английских и американских войск в Ирак и выражало готовность выступить против «республики арабов и курдов». При этом правящие круги Турции исходили из стремления восстановить свое былое господство над Южным Курдистаном. Если бы не поддержка международных миролюбивых сил, и в первую очередь решительная позиция Советского Союза, трудно было бы предугадать последствия создавшейся ситуации. 24 июля 1958 г. советское правительство направило турецкому правительству памятную записку, предостерегавшую Турцию от вооруженного вмешательства в дела стран Арабского Востока, в частности Иракской республики. «Советское правительство, — говорилось в памятной записке, — считает своим долгом предупредить правительство Турции о тяжелой ответственности за возможные последствия в развязывании военно-

---

13 «Правда», 24.VII 1958.

14 Там же.

15 «Арабо-турецкие отношения...», стр. 71.

16 «Правда», 24.VII 1958.

то конфликта в этом районе...»[17]. Решительная позиция Советского Союза явилась одним из решающих факторов предотвращения агрессии против Иракской республики. Она была неоценимой помощью также национальной борьбе курдов, которые в тяжелых условиях добивались признания своих национальных прав.

24 марта 1959 г. правительство Иракской республики официально заявило о выходе Ирака из Багдадского пакта, так как он противоречил принципам той политики «нейтралитета, которая была провозглашена 14 июля» и шел наперекор интересам иракского народа—арабов и курдов[18].

После упорных, но безуспешных попыток военного вмешательства в дела Иракской республики турецкие правящие круги изменили свою тактику. Первые мероприятия иракского правительства по признанию национальных прав курдов, социально-политическим преобразованиям в Ираке происходили в условиях острой классовой борьбы. Несмотря на то, что июльская революция нанесла большой политический удар интересам арабских и курдских реакционных феодалов и духовенства, они все еще располагали значительной экономической и даже политической мощью и всячески чинили преграды на пути прогресса Иракской республики. Реакционные круги Турции стремились использовать эти силы в своих антинародных целях. В турецкой прессе все чаще появлялись статьи о «засилье коммунистов» в Ираке, о растущей угрозе «коммунистического проникновения» в Ирак и т. д. Турецкие правящие круги поощряли подрывную деятельность против молодой республики. В начале февраля 1960 г. в Анкаре состоялось четырехдневное совещание руководителей разведывательных служб Турции и Ирана по разработке мер «для политического воздействия на иракский народ». Инициаторами этого совещания были турецкие разведывательные органы и пресловутый «комитет по борьбе с подрывной деятельностью» СЕНТО. Характерно, что в зону намечавшейся «деятельности» входили исключительно курдские районы Ирака.

Для осуществления этой задачи они рассчитывали на поддержку арабских и курдских реакционных феодалов и шейхов, а также на туркменов Ирака, среди которых проводилась определенная работа.

В прогрессивной печати Ирака публиковались многочисленные факты, подтверждавшие, что сторонники феодально-монархических порядков терроризировали демократические

---

17 «Правда», 26.VII 1958.

18 «Новое время», 1959, № 14, стр. 2.

силы. Они были «вооружены современными пулеметами и гранатами американского производства. Вся эта антинародная деятельность проводилась турецкими офицерами, которые орудуют в Курдистане»,— писала газета иракских коммунистов «Иттихад аш Шааб»[19].

Значительное место в кампании, направленной против прогрессивных мероприятий иракского правительства, отводилось измышлениям о преследовании турок в Ираке. «Турецкое правительство,—писала газета «Байрам газетеси»,— решило принять меры против сильного давления, оказываемого в последнее время на иракских турок»[20]. В начале июня 1959 г. турецкие газеты опубликовали протест реакционной организации — Турецкого национального студенческого союза — против «давления, зверств и коммунистической тирании», якобы осуществляемых в отношении турок Киркука[21]. Турецкие реакционные круги всячески старались обострить положение в курдских районах Ирака с тем, чтобы провалить политику демократических преобразований иракских властей.

Растущее влияние коммунистической партии, демократической партии Курдистана в Ираке, сравнительно свободные возможности распространения курдской национальной прессы и рост демократических сил в Курдистане все больше беспокоили турецкие правящие круги. Последние опасались, что «семена раздора», которые якобы сеет иностранная пропаганда в восточных вилайетах Турции приведет к нежелательным последствиям. В результате в Турции, где официально отрицалось существование «курдского вопроса», нередко стали предпринимать меры различного характера «для сохранения спокойствия в восточных вилайетах». 13 июля 1960 г. по инициативе комитета национального единства в Анкаре, в помещении «Турецких очагов», было проведено собрание, на котором обсуждался вопрос о происхождении курдов. Весьма интересно, что на собрании присутствовали члены комитета — министр национальной обороны армейский генерал Фахри Оздилек и губернатор Анкары дивизионный генерал Джемаль Маданоглу. Собрание призывало «уничтожить семена раздора, которые сеет иностранная пропаганда»[22]. 24 октября 1960 г. в Диарбекире Дж. Гюрсель, обеспокоенный «курдской опасностью», сказал: «Нет курдов, все—турки. Те, кто хочет расколоть нас, сеют раздоры... Земля (т. е. Диарбекир), вырастившая Зия Гёкальпа, не может принадлежать курдам. Не

---

[19] 6.V 1959, «اتحاد الشعب».

[20] Цит. по «Арабо-турецкие отношения...», стр. 75.

[21] Там же.

[22] М. Гасратян, О политике турецких правящих кругов в национальном вопросе, стр. 140.

только здесь, но и во всех восточных вилайетах живут только турки»[23].

С одной стороны, отрицалось существование «курдской проблемы» в стране, с другой стороны, «вопрос курдов» все чаще становился предметом обсуждения государственных органов и официальной печати Турции. «Мы не знаем никого, кто бы назывался курдом,— писала газета «Ени гюн».— Все граждане Турецкой республики — турки»[24]. Проводя последовательную антикурдскую политику, турецкие правящие круги через соответствующие каналы оказывали помощь тем реакционным элементам, которые терроризировали демократические силы Иракского Курдистана. Поддержкой Турции пользовался, в частности, реакционный курдский феодал, разбойник шейх Рашид Лолан, известный своими антинародными, предательскими действиями еще при монархическом режиме. Этот реакционер получал помощь не только от Турции, но через нее также и от агрессивного блока СЕНТО[25]. Торжествуя по поводу провокационных действий Рашида Лолана против курдских демократических сил, возглавляемых Мустафой Барзани, газета «Ени гюн» писала: «На севере Ирака происходят кровопролитные бои между прокоммунистическими племенами Барзани и антикоммунистическими силами шейха Рашида... Перейдя турецкую границу,— продолжала газета, — шейх Рашид заявил представителям печати: «В скором времени мы разгромим сторонников Барзани. *В этом деле основную нашу надежду мы возлагаем на Турцию* (подчеркнуто нами.— *Ш. М.*)»[26]. Все демократические мероприятия в Иракском Курдистане встречали яростное сопротивление таких реакционеров, как Рашид Лолан, Махмуд Халиф Саманд, Башо Саид Таха, Беша Ага и др., которые «пользовались поддержкой Турции...»[27].

Несмотря на натянутые отношения между Турцией и Ираком, начиная с половины 1959 г., когда правительство Касема сделало поворот в сторону правых реакционных сил, для совместных антикурдских и антидемократических действий объективно стали создаваться более благоприятные условия. Примером, в частности, являются события в Киркуке. Столкновения между туркоманами и курдами[28], в спровоцировании ко-

---

[23] „Hürriyet", 25.X 1960.

[24] Цит. по М. Гасратян, О политике турецких правящих кругов в национальном вопросе, стр. 141.

[25] Б. Темков, Кюрдистан, София, 1964, стр. 75.

[26] „Yeni Gun", 4.V 1959.

[27] Շ. Մեոյի, *Ազգային-ազատագրական պայքարը Իրաքում...*, էջ 125։

[28] Pierre Rossi, L'Irak des Revoltes, Paris, 1962, p. 287.

торых не последнюю роль играла турецкая агентура, послужили удобным поводом для Касема, чтобы нанести удар по арабо-курдским демократическим силам.

Верхушка туркоманов, находящаяся под влиянием пантюркистской идеологии, являлась инициатором провокационных вылазок против демократических сил в Киркуке. Межнациональные столкновения, как отмечал ЦК КП Ирака, имели целью создать напряженное положение в стране и тем самым воспрепятствовать осуществлению демократических мероприятий. В самом деле, киркукские события явились для политически недальновидного Касема удобным поводом для преследования не врагов республики, а арабских и курдских демократических сил в целом.

Турецкие правящие круги к этому и стремились. Они с полным одобрением отнеслись к отступлению правительства Касема от начального демократического курса. «Турецкие власти,—писал один французский обозреватель, посетивший Турцию, — внимательно следят за Касемом в его попытках усмирить своих политических врагов. Турция безоговорочно доверяет иракскому премьеру»[29]. Турецкое правительство выражало свою «солидарность иракскому правительству» в его антидемократических действиях. Вот что писала по этому поводу влиятельная турецкая газета «Джумхуриет»: «Иракский премьер начал борьбу против коммунистов, будучи уверенным в поддержке Турции...»[30].

Почти все реакционные курдские феодалы, известные своими кровавыми действиями против арабских и курдских демократических сил, «находили поддержку турецких властей»[31].

В июне 1959 г. Касем амнистировал реакционных курдских феодалов, бежавших в Турцию, и разрешил им вернуться в страну, что способствовало усилению позиций реакционных сил в Ираке. Бейрутская газета «Ан Нида» в связи с этим писала, что антидемократическая работа в Курдистане «проводится американским империализмом и их турецкими агентами. Ее непосредственной целью является отторжение от Ирака нефтеносных районов Киркука и Мосула»[32].

Турецкий посол в Ираке Байрам-оглы, который был вызван в Турцию для информирования правительства о положении в Ираке, перед своим отъездом из Анкары заявил: «Мы

---

29 Շ. Մեռյի, *Քրդական ազգային-ազատագրական պայքարը Իրաքում...*, էջ 129։

30 „Cumhuriyet", 30.VI 1959.

31 احمد فوزى ، قاسم والاكراد ، القاهرة ١٩٦١ ص ٦ стр. 116, 161

32 «Новое время», № 31, 1959, стр. 2.

436—15

одобряем действия Касема». «Для осуществления этого, — далее сказал он, — ему необходима наша поддержка»[33]. Параллельно с этим турецкие власти продолжали преследование курдских патриотов в самой Турции. С конца мая до половины сентября 1960 г. число арестованных курдов по обвинению в «подрывной деятельности в восточных вилайетах» достигло более двух тысяч человек[34]. Арестовано было 28 курдских шейхов, в том числе сыновья руководителя курдского восстания 1925 года Шейха Саида — Шейх Али Рыза и Шейх Салахэддин[35].

19 октября 1960 г. комитет национального единства в дополнение к закону № 2510 принял закон № 105, согласно которому неугодные правительству курдские семьи в принудительном порядке должны были переселиться с родных мест в западные районы страны. В соответствии с этим законом работа по «обезвреживанию подрывных элементов» согласно циркуляру министерства внутренних дел должна была проводиться в следующих вилайетах: Хатай, Муш, Сиирт, Диарбекир, Урфа, Мардин, Агры, Битлис, Ван, Эрзерум, Газиантеб, Мараш, Адыяман, Малатья, Элязыг, Тунджели, Бингёл, Хакяри и Эрзинджан—всего 19 вилайетов»[36]. В 1961 г. две большие группы курдов предстали перед турецким судом. Им было предъявлено обвинение в «подрывной деятельности против целостности государства».

Политика турецких правящих кругов, направленная на искоренение возможностей курдского национально-освободительного движения, была не новым явлением. Периодические высылки курдов из родных мест, террор и преследование являлись и являются обычными методами политики турецких правящих кругов.

Привлекают внимание изменения, происшедшие в реакционной национальной политике турецких правящих кругов. Известно, что в пресловутых планах турецких правителей по ликвидации проблем национальных меньшинств курды подлежали не физическому уничтожению, а насильственной ассимиляции. Однако, убедившись в невозможности этих планов, реакционные круги этой страны все больше прибегают к методам массовой физической расправы по отношению к курдскому населению. Характерно в этой связи заявление одного из руководителей переворота 1960 г. А. Тюркеша о том, что «национальные меньшинства являются внутренними врагами

---

[33] „Yeni Gün", 10.VIII 1960.

[34] „Kurdistan", № 7—8, 1961, p. 41.

[35] „Hürriyet", 26.IX 1960.

[36] Там же.

Турции. Поэтому,—заключает он,—нужно ликвидировать их»[37].

Курдские демократические организации, в частности «Общество курдских студентов в Европе», развернули широкую кампанию в поддержку репрессированных патриотов[38]. Турецкий суд приговорил курдов к различным срокам тюремного заключения. Аналогичные репрессивные меры против курдов были предприняты особенно с того момента, когда в Иракском Курдистане началась вооруженная борьба против диктатуры Касема. Всем арестованным курдам предъявлялось обвинение в «подрывной деятельности против целостности турецкого государства», а также «за связи с мятежниками на севере Ирака»[39].

Наибольший размах антикурдская политика турецких правящих кругов получила во время бурных событий в Иракском Курдистане в 1963 г.

Развязывание братоубийственной войны в Иракском Курдистане явилось «одной из основных причин банкротства и падения касемовской диктатуры»[40]. Реакционные правобаасистские силы, пришедшие к власти, стали заговаривать о «мирном решении курдской проблемы» на основе признания национальных прав курдов в пределах Иракской Республики. И хотя эти шаги баасистов носили временный характер и были продиктованы тактическими соображениями, в Турции в связи с этим возникли «основания для беспокойства». Как и всегда, по совершенно понятным нам соображениям, турецкие правящие круги враждебно отнеслись к любым попыткам объединения арабских стран. А после февральского и мартовского баасистских переворотов в Ираке и Сирии были предприняты первые шаги для создания федерации трех арабских стран — ОАР, Ирака и Сирии. Какова была позиция Турции при такой ситуации? Турецкие реакционные круги, которые глубоко были заинтересованы в ликвидации курдского национального движения, одобрительно отнеслись к свержению Касема, которого в Турции обвиняли в том, что он «раскрепостил курдскую опасность», а впоследствии «за неспособность расправиться с курдским восстанием». «В действительности, — писала газета «Ватан», — Касем головой ударяется о ту скалу, которую он сам воздвигнул»[41]. В то же время турецкие официальные круги «пережили известный период

---

[37] «Ишрашрш», 5. III 1962.

[38] „Kurdistan", № 7—8, 1961, p. 41.

[39] Blay Joyce, Le probleme kurde, Bruxells, 1963, p. 39—40.

[40] A statement about the present state of affairs in Iraqi Kurdistan, 1965, p. 8.

[41] „Vatan", 18.XI 1962.

разочарования» по отношению к баасовскому режиму по следующим связанным друг с другом двум причинам: 1. Баасисты вели переговоры с представителями курдского национального движения. Факт ведения этих официальных переговоров с представителями курдского национального движения сам по себе опроверг сообщения иракских и турецких официальных кругов и их прессы о якобы «горстке бунтовщиков на севере Ирака». Официально был признан факт существования курдской национальной проблемы, к которой небезучастной была и Турция. Более того, на словах баасисты перещеголяли и Касема. Они, как это ни парадоксально, признали факт существования курдского народа как отдельной этнической единицы. В заявлении национального совета революционного командования от 11 марта 1963 г. было сказано, что «Революционное командование признает национальные права курдского народа на основании принципа децентрализации»[42]. Это обстоятельство ни в политическом, ни в тактическом плане не вкладывалось в рамки «курдской политики» Турции. 2. Турцию, с другой стороны, беспокоило не только создание федерации арабских стран. По мнению официальных кругов этой страны, национальная автономия курдов в Ираке может осуществиться по настоянию правительства ОАР, которое тем самым заняло бы выгодную позицию в арабско-турецких отношениях. Содействуя автономии для курдов, тем самым Насер создал бы очаг неприятностей для них (т. е. турок. — *Ш. М.*)[43], писала газета «Мармара».

Даже так называемый «план децентрализации», выдвинутый иракским правительством в качестве меры урегулирования курдской проблемы[44] (который был отвергнут курдами), вызвал в Турции определенное раздражение. Выражая точку зрения официальных кругов своей страны, газета «Джумхуриет» писала: «В настоящее время существует реальная опасность, что курдская проблема в Ираке может выйти за пределы этой страны и принять международный характер. Факты показывают, что курдская автономия в Ираке будет установлена по настоянию Насера. Вполне естественно, что Насер намерен создать на турецкой границе опасный очаг и в дальнейшем расширить его»[45]. Эту мысль более четко сформулировала газета «Ватан». «В связи с тем, — писала эта влиятельная

---

[42] S. Ganter, Le mouvement national Kurde, p. 50.

[43] *«Մարմարա», 24.IV 1963.*

[44] David Adamson, The Kurdish War, New York, 1965, pp. 208—211.

[45] Цит. по газ. *«Մարմարա»*, 24.IV 1963.

газета, — что Турция должна стать одним из объектов требований будущей независимой курдской республики, наступил момент установить без промедления, какие меры должны быть приняты и какие основные моменты политики должны проводиться в жизнь»[46].

Тщетность попыток создания арабской федерации, что привело к обострению отношений баасистов с ОАР, и намерение иракского правительства подавить курдское движение силой оружия создали благоприятную почву для сотрудничества турецких властей с баасистами в борьбе против курдов. Призывая страны, заинтересованные в ликвидации курдского национально-демократического движения, объединить свои усилия для осуществления этой цели, турецкая пресса писала: «Над нами одна и та же угроза, мы сталкиваемся с одной и той же опасностью. Как видно из последних событий, Иран, Ирак и Турцию связывает одна судьба. Мы вынуждены сотрудничать»[47]. Представители Турции «предложили иракским властям использовать... турецкие войска для борьбы с курдами на территории Ирака...»[48]. Переговоры об этом велись как в Багдаде, так и в Анкаре. Было решено, что перед началом военных операций против курдов границы между этими странами должны были быть закрыты, так как, по их мнению, «часть оружия, продовольствия и медикаментов доставлялась иракским курдам турецкими курдами»[49]. В Турции были проведены массовые аресты среди курдов. Им вновь было «предъявлено обвинение в связях с руководителями иракских курдов и в проведении подрывной деятельности среди курдов...»[50]. В числе арестованных курдов были редактор курдского журнала «Денг», издающегося в Стамбульском университете, Ясер Кайя и его сотрудник Медат Серхан (после выхода всего нескольких номеров турецкие власти запретили и издание журнала). Турция играла ведущую роль в объединении усилий некоторых стран против национально-демократического движения курдов. Она была инициатором обсуждения этого вопроса на сессии агрессивного военного блока СЕНТО. Газета «Джумхуриет» опубликовала интервью возвратившегося из Карачи с сессии СЕНТО министра иностранных дел Эркина, который заявил, что «на этой сессии рассматривался курдский вопрос, в частности положение иракских курдов»[51]. Турецкие

---

[46] „Vatan", 15.III 1963.

[47] „Dünya", 18.VI 1963.

[48] ١٩٦٣/٤/١١ ، "الحقائق".

[49] ١٩٦٣/٤/١٣ "الدنيا" الجديدة".

[50] „Cumhuriyet", 4.VII 1963.

[51] „Cumhuriyet", 4.V 1963.

официальные круги «предприняли меры для сотрудничества между турецкими и иракскими пограничными властями в соответствии с пограничными соглашениями между обеими странами»[52] (здесь, видимо, имеется в виду соглашение, заключенное между Ираком и Турцией в 1946 г., антикурдский характер которого известен.— *Ш. М.*)[53].

В июле 1963 г. на очередной сессии СЕНТО «был разработан план, согласно которому Турция и Иран должны были помочь Ираку в войне против курдов»[54].

Все вопросы борьбы против национально-демократического движения курдов рассматривались турецкими правящими кругами в тесной связи с усилением военно-полицейского режима в Турецком Курдистане. 20 июня 1963 г. национальный совет безопасности Турции под председательством президента Гюрселя заслушал доклад «О событиях, связанных с Барзани» и решил предпринять соответствующие меры на границе»[55]. После этого заседания один из турецких министров прямо заявил, что «мы будем сотрудничать с иракским правительством для разгрома Барзани»[56]. 19 июня турецкий меджлис специально заслушал доклад министра национальной обороны Санджара «О положении в восточных вилайетах»[57]. Докладывая о положении в Курдистане, Санджар говорил о деятельности курдов, «связанных с курдским движением... Со времени следствия (по делу курдов. — *Ш. М.*) был арестован целый ряд людей, в том числе иностранцы. Установлено, — продолжал он, — что они были связаны с обществом «Независимый Курдистан». Это и есть деятельность организации, корни которой уходят за границу»[58]. Учитывая, что «введение чрезвычайного положения в восточных вилайетах способствовало расследованию такого рода деятельности», турецкий меджлис принял решение «продлить еще на два месяца чрезвычайное положение в трех вилайетах страны... Как правительство, так и национальный совет безопасности считают, что полиция и силы безопасности проявили слабость перед лицом движения за независимость Курдистана»[59]. Вслед за этим была достигнута договоренность о том, что если иракские самолеты, производящие бомбардировку курдских дере-

---

[52] „Milliyet", 4.V 1963.

[53] См. об этом „Les Balkans et le Moyen-Orient", № 25, 1955, p. 20.

[54] A. R. Ghassemloy, Kurdistan and Kurds, p. 228.

[55] *«Մարմարա», 20.VI 1963.*

[56] Там же.

[57] „Milliyet", 21.VI 1963.

[58] Там же

[59] Там же.

вень, углубятся на территорию Турции, то это не будет считаться нарушением границы и Турция не будет преследовать такие самолеты. Официально сообщалось, что турецкое правительство перебросило к границе Ирака большое количество войск и закрыло границу с Ираком[60]. «Турецкие власти, — писала газета «Миллиет», — разработали специальную систему, чтобы помешать установлению связи между курдами Ирака и Турции. Эти меры были приняты после инспекционной поездки по району восточной границы генерала Джемаля Турала, исполняющего обязанности главнокомандующего турецкими сухопутными силами...»[61].

Все антикурдские действия турецких правящих кругов одобрялись западными империалистическими державами, в частности правительствами США и Англии. Известно, что Англия заключила соглашение с правительством Ирака о поставке ему 250 истребителей и бронемашин марки «Сарацин», которые, по словам английской газеты «Дейли телеграф», «идеально подходили для переброски войск в условиях ведения войны в горах»[62]. Кроме того, английское правительство предоставило помощь баасистам в сумме 25 млн. фунтов стерлингов[63]. 28 июня 1963 г. уже в начале военных действий в Басру прибыли первые 400 т американского военного снаряжения, авиабомбы, боеприпасы[64]. Но дело не в одной лишь помощи. Как видно из сообщений американской прессы, правительство США было в курсе дела и одобряло все антикурдские действия Турции и других стран. Характерно в этом отношении следующее сообщение газеты «Нью-Йорк таймс»: «Возможность войны курдов за независимость при поддержке советов, — писала она, — уже вызывает беспокойство Турции и Ирана. Эти страны, будучи нашими союзниками, уже обсуждали вопрос об этой опасности с государственным секретарем Дином Раском»[65].

Размеры участия Турции в борьбе против курдского национально-демократического движения в 1963 г. принимали все больший угрожающий характер. Турецкие военно-воздушные силы «не ограничивались лишь разведывательными полетами над северными районами Ирака. Они принимали непосредственное участие совместно с иракскими ВВС в бомбардировке курдских населенных пунктов напалмовыми бомба-

---

60 «Правда», 11.VIII 1963.

61 „Milliyet", 17.VI 1963.

62 П. Демченко, «Иракский Курдистан в огне», М., 1963, стр. 53.

63 J. Ch. Vanly, The Revolution in Iraqi Kurdistan, 1955, p. 30—31.

64 «Правда», 11.VII 1963

65 „The New York Times", 9.V 1963.

ми»[66]. Турецкие ВВС, таким образом, стали непосредственно участвовать в войне против курдов[67]. Согласно сообщениям ливанской прессы, в Багдаде был учрежден военный комитет, в состав которого входили также и турецкие офицеры, «который занимался координацией военных операций против курдов»[68]. Группа турецких офицеров в районах Эрбиля и Мосула совместно с иракским штабом занималась планированием военных действий в Курдистане... «Данная группа,—писала бейрутская газета «Аш Шааб»,—поддерживала прямую радиосвязь с командирами частей турецкой армии, дислоцированных на иракско-турецкой границе»[69]. В приостановлении турецкого вмешательства в события «на севере Ирака» огромное значение имело заявление Советского правительства, адресованное турецкому правительству[70]. В заявлении, в частности, говорилось, что «факт причастности иностранных государств к этим событиям не вызывает сомнения... Учитывая все это, правительство Советского Союза вынуждено выступить с данным заявлением и содержащимся в нем предостережением»[71]. Заявление советского правительства и его твердая позиция явились решающим фактором приостановления вмешательства Турции и других стран в событиях Иракского Курдистана.

Активную антикурдскую политику турецкие правящие круги проводили и после событий 1963 г. Меры, предпринимаемые против курдского национально-демократического движения, сопровождаются репрессиями и преследованиями патриотических национальных сил в Турецком Курдистане. О готовности турецких правителей способствовать «ликвидации очага курдской опасности» свидетельствуют многочисленные факты. В начале 1966 г. в период подготовки широкого наступления иракской армии против курдов в Анкару прибыл министр иностранных дел Ирака, в результате чего «произошло желанное укрепление ирако-турецких отношений»[72]. Комментируя цели этого визита (первого визита иракского министра в Турцию после революции 1958 г.— *Ш. М.*) один английский журнал писал: «В отличие от Ирана, Турция всегда занимала очень твердую позицию по отношению к курдской проблеме и открыто выражала свою солидарность с иракским пра-

---

[66] ١٩٦٣/٨/١٢ ، "الشعب".

[67] «Правда», 27.VIII 1963.

[68] ١٩٦٣/٨/١٢ ، "الحرية".

[69] ١٩٦٣/٨/١٢ ، "الشعب".

[70] См. «Правда», 10.VII 1963.

[71] Там же.

[72] „The Economist Intelligence Uniti Limited", № 1, London, 1966, p. 6.

вительством в этом вопросе»[73]. Обращают на себя внимание сообщения об «успешных переговорах» Арефа с турецким правительством[74], о визите подобного же характера бывшего иракского премьера Абдель Рахмам аль-Баззаза[75] в Турцию, о переговорах между турецким и иракским правительствами, во время которых был обсужден «вопрос о Кипре и курдская проблема»[76], о «принятии мер против курдской опасности в 16 вилайетах Турции»[77], о «новых арестах курдов, волнениях в Мардине» и т. д. и т. п.

Турецкие официальные круги публично заявляют, что ими должны быть предприняты все меры для того, чтобы «курдская проблема не стала второй Македонией»[78] для них.

Из всего вышеизложенного становятся достаточно ясными причины особой заинтересованности турецких правящих кругов в подавлении курдского национально-демократического движения в Ираке.

Турция переживает постоянный страх перед опасностью такого движения в самом Турецком Курдистане. Впрочем, как уже было отмечено, этот факт признает даже турецкая официальная пресса. Таким образом, было бы ошибочным полагать, что эти опасения вызваны только «событиями на севере Ирака». Последний фактор, вне всякого сомнения, играет большую роль в подъеме национального самосознания курдов и их борьбе вообще, что само по себе беспокоит Турцию. Но в то же время нельзя не обратить внимание на другую причину беспокойства турецких правящих кругов. Речь идет о том, что, несмотря на сохранение жестокого военно-полицейского режима в Турецком Курдистане, события недвусмысленно показывают, что курдская проблема не потеряла свою остроту и здесь. И не удивительно, что турецкий профессор Доган Килич Сихесенанли в связи с этим вынужден был признать: «Если мы заявляем, что у нас курдского вопроса нет, то этим он не перестает существовать... Невозможно отрицать факт существования этнической и языковой самобытности курдов»[79].

Вот почему турецкое правительство решительно выступает против любого разумного решения курдской проблемы в Ираке.

---

73 Там же.

74 «Մարմարա», 21.II 1967։

75 «Արարատ», 12.VIII 1966։

76 «Ժամանակ», 22.II 1967։

77 «Ժամանակ», 2.VII 1966։

78 «Մարմարա», 21.VIII 1962։

79 «Մարմարա», 24.IV 1963։

* * *

На всех этапах развития событий в Иракском Курдистане Турция решительнее других заинтересованных стран проводит политику подавления движения курдов. Этой политики придерживались все правительства республиканской Турции. Для «курдской политики» нынешних правящих кругов характерно следующее заявление Джемаля Гюрселя, сделанное им в ноябре 1960 г. «Если неисправимые горные турки (т. е. курды.— *Ш. М.*) не успокоятся, наша армия будет бомбить и уничтожать их города и села. Кровь будет проливаться до тех пор, пока они и их страна не будут потоплены в море крови...»[80]. Пренебрегая элементарными нормами человеческого разума, турецкие правящие круги заслуживают ненависти и презрения любого здравомыслящего человека, каких бы политических взглядов он ни придерживался. Кажется невероятным, что в наши дни — в эпоху мощного пробуждения и освобождения угнетенных народов, в момент, когда турецкое правительство настойчиво борется за равноправие «20% турок к 80% греков» на Кипре, в то же время в связи с прибытием президента Гюрселя в Диарбекир в городе был выставлен скандальный плакат: «Плюйте в лицо тому, кто назовет вас курдом»[81]. Таково ныне положение курдского народа в Турции. Однако, говоря словами одного из лидеров курдского национально-освободительного движения: «Было бы наивно думать, что так будет продолжаться всегда...»[82].

Շ. Խ. ՄՀՈՅԻ

ԹՈՒՐՔԻԱՆ ԵՎ ՔՐԴԱԿԱՆ ԱԶԳԱՅԻՆ ԻՆՔՆԱՎԱՐՈՒԹՅԱՆ ՊՐՈԲԼԵՄԸ ԻՐԱՔՈՒՄ

Ամփոփում

Քուրդիստանը միմյանց միջև բաժանած տերություններից Թուրքիան առավել հետևողականությամբ վարել և վարում է քրդական ազգային-ազատագրական շարժման ամեն մի դրսևորում անհապաղ ճնշելու քաղաքականություն։ Իրենց հակաքրդական այս

---

[80] S. Ganter, Le mouvement national kurde, p. 64.

[81] Фотоснимок этого плаката был опубликован в газете «Cumhuriyet» от 1 октября 1963 г.

[82] L. Rambout, Les Kurdes et le Droit, Paris, 1947, p. 120.

բաղաքականության մեջ Թուրքիայի կառավարող շրջանները հանձին՝ Նուրի Սաիդի-Ֆեյսալի ռեժիմի ունեին հուսալի դաշնակիցներ։ Այդ էր պատճառը, որ 1958 թ. հուլիսի 14-ի հեղափոխությունը, որը տապալեց միապետական ռեժիմը Իրաքում և հռչակեց արաբների ու քրդերի իրավահավասարությունը, անսքող թշնամանքով ընդունվեց Թուրքիայի կառավարության կողմից։ Թուրքիայի կառավարող շրջանները ամենաակտիվ մասնակցություն ունեցան իրաքյան նորաստեղծ հանրապետության դեմ գործադրված բոլոր ռազմա-քաղաքական միջոցառումներին։ Իրաքում «իրադարձությունները արմատապես շուռ տալու» և երկիրը նախկին հակաժողովրդական ուղին վերադարձնելու գործում առաջատար դերը հատկացված էր Թուրքիային։ Հուլիսյան հեղափոխությունից հետո ստեղծվեց ճգնաժամային այնպիսի մի իրավիճակ, որը կարող էր հասցնել ապրեսիայի սանձազերծմանը Իրաքի հանրապետության դեմ։ Նման իրադրության մեջ խաղաղասեր երկրների, առաջին հերթին Սովետական Միության վճռական դիրքը հանդիսացավ իրաքյան հանրապետության դեմ նախապատրաստվող ագրեսիան կանխելու գլխավոր գործոններից մեկը։

Հոդվածում լուսաբանվում են իրաքյան հանրապետությունում քրդական պրոբլեմի զարգացման հիմնական փուլերը և Թուրքիայի կառավարող շրջանների կողմից քրդական ազգային դեմոկրատական շարժման նկատմամբ վարած թշնամական քաղաքականության կոնկրետ քայլերը։ Բերվում են բազմաթիվ տվյալներ, այդ թվում և բուն իսկ թուրքական մամուլից, որոնք ցույց են տալիս, որ Իրաքյան Քուրդիստանում տեղի ունեցող իրադարձությունների կապակցությամբ Թուրքիայի կառավարող շրջանների անհանգստության հիմնական պատճառը հանդիսանում է թուրքական Քուրդիստանում քրդական ազգային պայքարի նկատմամբ ունեցած մտավախությունը, որտեղ նույնպես, չնայած ռազմա-քաղաքական ռեժիմին, ծանր պայմաններում պայքար է մղվում քրդերի ազգային իրավունքների ճանաչման համար։

Հանգամանորեն խոսվում է մասնավորապես 1963 թ. իրաքյան Քուրդիստանի բուռն իրադարձությունների ժամանակ Թուրքիայի կառավարող շրջանների ջանքերի մասին, որոնց նպատակն էր անհապաղ ղինված ուժով վերջ տալ քրդական ազգային-ազատագրական պայքարին։

Արևմտյան երկրները, մասնավորապես ԱՄՆ-ը և Անգլիան, չնայած «Իրաքի հյուսիսի իրադարձություններին չմիջամտելու»

մասին իրենց հավաստիացումներին, իրականում կանգնած են քրդական ազգային դեմոկրատական պայքարի թշնամիների դիրքերում։ Հոդվածում բերվում են այդ իրողությունը հաստատող կոնկրետ տվյալներ, ինչպես արևմտյան երկրների պաշտոնական մամուլից, այնպես էլ պետական բարձրաստիճան գործիչների ելույթներից։

Քրդական ազգային-ազատագրական արդարացի պայքարի հաջողության հիմնական գրավականը աշխարհի առաջադեմ ուժերի, մասնավորապես սոցիալիզմի և դեմոկրատիայի ուժերի բարյացակամ վերաբերմունքը և բարոյական օգնությունն է։ Այդ լավ են գիտակցում քրդական ազգային դեմոկրատական շարժման ղեկավարները և իրենց պայքարի հաղթանակի հիմնական գրավականներից մեկը համարում են ժամանակակից աշխարհի առավել առաջադիմական ուժերի հզորությունը և հաջողությունները։

Ռ. Գ. ՍԱՀԱԿՅԱՆ

ԹՈՒՐՔ–ՖՐԱՆՍԻԱԿԱՆ ՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ 1919—1921 ԹԹ.

Թուրքիայի անկախության պատերազմի տարիների արտաքին քաղաքականության մեջ առանձնահատուկ տեղ են գրավում նրա փոխհարաբերությունները Անտանտի երկրորդ խոշոր տերության՝ Ֆրանսիայի հետ։ Վերջինիս քաղաքականությունը Թուրքիայի նկատմամբ խիստ տարբերվում է, Անտանտը ոգեշնչող տերության՝ Անգլիայի քաղաքականությունից։ Այն ժամանակ, երբ անգլիական իմպերիալիզմը Մուդրոսի պայմանագրով Օսմանյան կայսրությունը ծնկի բերելուց անմիջապես հետո ձեռնամուխ եղավ նրա բաժանման գործին, ֆրանսիական իմպերիալիզմը, ընդհակառակը, հանդես էր գալիս Թուրքիայի մասնատման և պետական ինքնուրույնության վերացման դեմ։ Դրա պատճառը ֆրանսիական մոնոպոլիաների ու դրամատերերի կենսական շահագրգռվածությունն էր թուրքական գործերում։ Ֆրանսիական կապիտալը գերիշխող դիրք էր գրավում թուրքական տնտեսության մեջ։ Օտոմանյան պարտքի 60,31 տոկոսը (2.454.417.377 ֆրանկ) բաժին էր ընկնում Ֆրանսիային, մինչդեռ Անգլիային՝ միայն 14,19 տոկոսը (577.499.281 ֆրանկ) և Գերմանիային՝ 21,31 տոկոսը (867.583.506 ֆրանկ)[2]։ Օտոմանյան պարտքի վարչությունում, որը

---

[1] *Սույն հոդվածում հարցը քննության է առնվում միայն արտաքին քաղաքական և դիվանագիտական կողմերով։ Այդ նույն տարիներին Կիլիկիայում տեղի ունեցած անցքերին մենք անդրադառնում ենք առանձին։*

[2] „L'Asie française", № 175, février-juillet 1919, p. 180. *Ֆրանսիայի արտաքին գործերի մինիստր Բերտելոյի տվյալներով Օտոմանյան պարտքի 80 տոկոսն էր գտնվում ֆրանսիական ավանդատուների ձեռքում։ Տե՛ս* Ллойд Джордж. Правда о мирных договорах, т. II, М., 1957, *էջ 402։*

ներկայացնում էր 6 տերությունների՝ Անգլիայի, Ֆրանսիայի, Գերմանիայի, Իտալիայի, Բելգիայի ու Հոլանդիայի շահերը, ֆրանսիական ներկայացուցիչները գրավում էին գերիշխող դիրք։ Հիշյալ վարչությունը կայսերական օտտոմանյան բանկի հետ համատեղ ստեղծել էին հզոր մի ընկերություն՝ Օսմանյան կայսրության ծխախոտի ձեռնարկությունների վարչությունը (Régie des tabacs de l'Empire Ottoman), որի կապիտալի կեսը՝ 20 մլն ֆրանկ, գտնվում էր ֆրանսիական դրամատերերի ձեռքում։ Ծխախոտի մենաշնորհը փաստորեն պատկանում էր ֆրանսիական կապիտալիստներին։ Պատերազմին նախորդող տասնամյակում Ֆրանսիան, գործակցելով Գերմանիայի հետ, ձեռք էր բերել մի շարք երկաթուղիներ կառուցելու կոնցեսիաներ. Դամասկոս-Համա (638 կմ), Յաֆա-Երուսաղեմ (87 կմ), Մուդանյա-Բրուսա (41 կմ), Իզմիր-Կասաբա (701 կմ), Սալոնիկ-Կոստանդնուպոլիս (510 կմ) և դեպի Սև ծով ձգվող երկաթգծի մի հատվածը (35 կմ)՝ 2.077 կմ ընդհանուր երկարությամբ։ Հիշյալ երկաթուղիների շինարարության ու շահագործման մեջ ֆրանսիական կապիտալիստները ներդրել էին 550 մլն ֆրանկ[3]։ Ֆրանսիան զգալի առավելություն ուներ իր գլխավոր մրցակիցների՝ Անգլիայի ու Գերմանիայի նկատմամբ, մասնավոր ձեռնարկություններում ներդրած իր կապիտալներով, որոնք կազմում էին 830.856.000 ֆրանկ կամ 50,58 տոկոսը։ Անգլիայինը և Գերմանիայինը համապատասխանորեն կազմում էին 235.818.675 ֆրանկ (14,36%) և 575.903.000 (35,06%)[4]։ Օտարերկրյա մասնավոր ընկերությունների ներդրումները թուրքական ձեռնարկությունների մեջ բաշխվում էին հետևյալ կերպ[5].

Ինչպես երևում է բերված աղյուսակից, Ֆրանսիան բոլոր բնագավառներում էլ գերազանցում էր Անգլիային ու Գերմանիային, ըստ որում երկաթուղիների ու նավահանգիստների կառուցման մեջ ներդրած իր կապիտալներով նա բացահայտ գերակշռություն ուներ Անգլիայի նկատմամբ, իսկ հանքարդյունաբերությունը ամբողջովին կենտրոնացած էր նրա ձեռքում։ Եվ եթե նկատի ունենանք, որ կայզերական Գերմանիան առաջին համաշխարհային իմպերիալիստական պատերազմում պարտություն կրելով, զրկվել էր իր բոլոր գաղութներից, աղդեցության ոլորտներից ու արտոնություններից,

---

3 Տե՛ս «Французскне интересы в Турцин», «Новый Восток», 1923, № 3, էջ 475—476։

4 „L'Asie française", № 175, p. 180.

5 Նույն տեղում, էջ 181։

առավել հասկանալի կդառնա այն հետաքրքրությունն ու շահագրգռվածությունը, որ հանդես էին բերում ֆրանսիական կապիտալի ներկայացուցիչները թուրքական գործերում։ Իրավացի էր Մուխթար-փաշան (թուրքական նախկին դեսպանը Բուխարեստում), գրելով, որ «Ֆրանսիայի քաղաքականությունը Թուրքիայի նկատմամբ պայմանավորված էր նրա դրամատերերի բուռն ցանկություններով»[6]։

	Ֆրանսիա		Անգլիա		Գերմանիա	
	Ֆրանկ	%	Ֆրանկ	%	Ֆրանկ	%
Բանկեր	85.000.000	37,77	75.000.000	33,33	65.000.000	28,9
Երկաթուղիներ	512.784.000	46,97	114.693.675	10,49	466.078.000	42,61
Նավահանգիստներ և նավամատույցներ	55.375.000	67,97	10.000.000	12,27	16.100.000	19,76
Ջրային տնտեսություն	33.000.000	88,65	—	—	4.225.000	11,35
Հանքեր	42.297.000	100	—	—	—	—
Այլ ձեռնարկություններ	102.400.000	62,82	36.125.000	22,15	24.500.000	13,03
Ընդամենը	830.856.000	50,58	235.818.675	14,36	575.703.000	35,06

Ֆրանսիական կապիտալիստների տնտեսական շահերի տեսակետից առանձին հետաքրքրություն էր ներկայացնում Կիլիկիան։ Այս շատ հարուստ երկրամասը մեծ հեռանկարներ էր խոստանում ֆրանսիական արդյունաբերության մի շարք ճյուղերի զարգացման համար։ Արտակարգ բերրիությամբ աչքի ընկնող Կիլիկիայի հողը խիստ բարենպաստ էր գյուղատնտեսական բարձր կուլտուրաների աճեցման և, հատկապես, բամբակագործության զարգացման համար։ Համաշխարհային պատերազմից առաջ մշակվող հողատարածությունները Կիլիկիայում կազմում էին 2.600.000 հեկտար[7]։ Բամբակի մշակման և արտահանման շահավետության վրա առաջինը ուշադրություն էին դարձրել գերմանական ձեռնարկատերերը՝ 1903 թ.

---

6 Տե՛ս Ю. А. Боев, Ближний Восток во внешней политике Франции (1898—1914), Киев, 1964, էջ 50—51։

7 Testis, L'auvre de la France au Levant (Syrie et Cilicie). Paris, 1921, p. 81.

հիմնելով Գերմանա-լևանտական բամբակի ընկերությունը, որը կարճ ժամանակում իր ձեռքում էր կենտրոնացրել բամբակի ամբողջ արտահանությունը և հիմնել բամբակազտիչ մի քանի խոշոր գործարաններ[8]։ Պատերազմից առաջ Ֆրանսիային չհաջողվեց կայուն դիրքեր գրավել այս բնագավառում և ընդհանրապես Կիլիկիայի տնտեսության մեջ։ Այժմ, Գերմանիայի պարտությամբ, այդ վտանգավոր մրցակիցը դուրս էր գալիս հաշվից, իրական հնարավորություն ստեղծելով այդ շրջանում Ֆրանսիայի հաստատման համար։ Կիլիկիայի տնտեսության ճանաչված մասնագետ ֆրանսիացի Աշարի հաշվումներով, միայն Կիլիկիայի բամբակը բավական էր ֆրանսիական տեքստիլ արդյունաբերությունը անհրաժշտ հումքով ապահովելու համար։ Նույն հեղինակի հեռանկարային ծրագրերով, հացահատիկային կուլտուրաների արտադրանքը Կիլիկիայում 150 հազար տոննայից (1914 թ.) կարելի էր հասցնել 1.800.000 տոննայի[9]։ Ֆրանսիական մի այլ տնտեսագետ՝ Ժորժ Դեբոնը «Ֆրանսիայի տնտեսական ապագան Արևելյան Միջերկրածովականի ավազանում» վերնագիրը կրող հոդվածում պետական գործիչների ու գործարար շրջանների ուշադրությունն էր հրավիրում Կիլիկիայի տնտեսական մեծ հեռանկարների վրա։

«Կիլիկիայում ջերմաչափը ցույց է տալիս ձմռանը 13 աստիճան, գարնանը՝ 21, ամռանը՝ 23 և աշնանը՝ 20 աստիճան, ինչպես Կորսիկայում։

Եվ մենք պետք է զարմանանք, տեսնելով ամենուր ամենաօգտակար կուլտուրաների մշակումը՝ հացահատիկ, բամբակ, ծխախոտ, ձիթենի, անուշահոտ բույսեր, բուժիչ բույսերի տեսակներ, քունջութ, վալոնեա և այլն և այլն»[10]։

Ֆրանսիայի շահերը Թուրքիայում և, մասնավորապես, Կիլիկիայում, չէին սահմանափակվում, սակայն, սոսկ տնտեսական ու դրամական ոլորտներով, այլ ընդգրկում էին նաև քաղաքական ու մշակութային ոլորտները։ Ֆրանսիան եվրոպական առաջին տերությունն էր, որ տակավին 1535 թ. Բ. Դռան հետ կնքեց այն պայմանագրերը,

---

8 Տե՛ս «Раздел Азиатской Турции, под. ред. Е. А. Адамова, М., 1924, Предисловие, էջ 20։

9 Testis, op. cit., p. 81.

10 Georges Derbons, L'avenir économigue de la France dans le bassin méditerrannéen oriental. „Le monde industriel, commercial et agricole", namelle série, № 1, 25 février, 1920, p. 7. Կիլիկիայի տնտեսական նշանակության մասին տե՛ս նաև Pierre Redan, La Cilicie et le problème ottoman. Paris, 1921, էջ 114—128։

որոնք հետագայում հիմք դրեցին կապիտուլյացիաների ռեժիմին։ Սկսած այդ ժամանակներից, Ֆրանսիան հանդես գալով որպես Արևելքի բոլոր կաթոլիկների «խնամակալ ու պաշտպան», հետզհետե իր ազդեցությունն էր տարածում Օսմանյան կայսրությունում, հատկապես գրականության, գիտության ու մշակույթի բնագավառներում։ Ֆրանսերենը դարձել էր երկրորդ լեզու մտավորականության համար։ Ֆրանսիան ուսումնական հաստատությունների լայն ցանց էր ստեղծել Թուրքիայում։ 1914 թ. վիճակագրական տվյալներով, ֆրանսիական դպրոցների ընդհանուր թիվը հասնում էր 500-ի, որոնցում սովորում էր 59.414 աշակերտ[11]։

Առավել մեծ թիվ էին կազմում (հարաբերական) ֆրանսիական հաստատությունները Կիլիկիայում։ Թեև համաշխարհային պատերազմի տարիներին փակված ֆրանսիական ոչ բոլոր դպրոցներն էին բացվել պատերազմից հետո, այնուհանդերձ, 1920 թ. մայիսին այստեղ գործում էին ֆրանսիական իշխանությունների պաշտոնական հովանավորության տակ գտնվող 90 դպրոց և 106 մասնավոր դպրոցներ[12]։

Ֆրանսիան իր ազդեցությունն էր տարածում նաև բարեգործական մի շարք հաստատությունների՝ հիվանդանոցների, պանսիոնատների, ծերանոցների, որբանոցների, դիսպանսերների և այլ հիմնարկների միջոցով, որոնք տեղակայված էին Կոստանդնուպոլսում և Անատոլիայի ու Կիլիկիայի գրեթե բոլոր խոշոր քաղաքներում[13]։

Թուրքիայի հանդեպ ֆրանսիական կառավարող շրջանների վարած քաղաքականության մեջ, տնտեսական, դրամական ու մշակութային գործոնների հետ մեկտեղ ոչ նվազ կարևոր նշանակություն ուներ կրոնական գործոնը։ Որքան էլ արտաքուստ տարօրինակ, թվա, անժխտելի է, սակայն, որ քրիստոնեական Ֆրանսիան հանդես էր գալիս ոչ թե Արևելքի քրիստոնյաների պաշտպանությամբ, ինչպես հաճախ փորձում են ներկայացնել ֆրանսիական իմպերիալիզմի ջատագովները, այլ, ընդհակառակը, ելնելով իր մերձավորարևելյան ընդհանուր շահերից, նա որպես կանոն պաշտպանում էր սուլթանական բռնապետական կարգերը՝ ընդդեմ հպա-

---

11 *Տե՛ս* Мустафа Кемаль, Путь новой Турции, т. 1, М., 1929, Примечания, *էջ 393*։

12 Testis, op. cit., p. 80.

13 *Այդ մասին տե՛ս* A. Mandelstam, La société der Nations et les Puirsances devant le problème arménien. Paris, 1926, *էջ 145—146*։

տակ քրիստոնյա ժողովուրդների։ Եվ պատահական չպետք է համարել Ֆրանսիայի թուրքասիրական ավանդական քաղաքականությունը և, միաժամանակ, սուլթանական կառավարության և տիրապետող շրջանների առանձնահատուկ վերաբերմունքը Ֆրանսիայի նկատմամբ։

Հայտնի է, որ 400 տարվա ընթացքում, չհաշված Նապոլեոն Բոնապարտի շրջանում առաջ եկած կարճատև հակամարտությանը, Թուրքիայի ու Ֆրանսիայի միջև ոչ մի լուրջ բախում չի եղել և թուրք-ֆրանսիական հարաբերությունները ընթացել են բավականին խաղաղ, առանց քաղաքական խոր ճգնաժամերի, և այն բազմապիսի արտոնությունները, որոնցից օգտվում էին ֆրանսիացիները Օսմանյան կայսրությունում, վերջիններս ձեռք էին բերել ոչ թե ուժի, այլ հմուտ դիվանագիտության և թուրքասիրական ճկուն քաղաքականության շնորհիվ։ 19-րդ դարի վերջին, օրինակ, այդ թուրքասիրական քաղաքականությունը այնպիսի բնույթ ընդունեց, որ ֆրանսիական կառավարությունը բացահայտորեն հանդես եկավ «արյունոտ սուլթան» Աբդուլ Համիդի հայասպան ոճիրների պաշտպանությամբ, իսկ Ֆրանսիայի արտաքին գործերի մինիստր Դարբրիել Հանոտոն վաստակեց «Հանոտո փաշա» տիտղոսը։ Ճիշտ է, առաջին համաշխարհային պատերազմում Ֆրանսիան և Թուրքիան հանդես եկան թշնամական բանակներում, սակայն վերջին հանգամանքը մեծ դեր չխաղաց նրանց հարաբերությունների վատթարացման գործում։ Եվ պատերազմի ավարտից հետո ֆրանսիական ազդեցիկ շրջաններում հաճախակի էին լսվում ձայներ հօգուտ թուրք-ֆրանսիական «վաղեմի բարեկամության» վերականգնման ու ամրապնդման։

«Ֆրանսիան մահմեդականների կողմնակիցն է,— գրում էր հայտնի հրապարակախոս Ժակ Կայզերը։ Նա այդպիսին է ըստ ավանդության, իր մեծահոգի ձգտումներով և հանուն իր շահերի պաշտպանության...

1914—1918 թթ. պատերազմը չխարխլեց այդ խորը և կայուն համերաշխության հիմքերը. Ֆրանսիան, առժամանակ շեղվելով դեպի անգլո-սաքսոնական իմպերիալիզմի ուղին, պարտավոր էր վերադառնալու Թուրքիայի հետ բարեկամությանը»[14]։

Ֆրանսիական հայտնի լրագրող Միշել Պայառեսը, որը Պոլսում ֆրանսերեն հրատարակվող «Բոսֆոր» թերթի խմբագիրն էր, իր

---

[14] Ж. Кайзер, Европа и новая Турция, перевод с французского, М., 1925, стр. 55.

գրքում վերարտադրում է Ֆրանսիայի բարձրաստիճան զինվորականների հետ ունեցած զրույցները, որոնք արտացոլում էին Ֆրանսիայի թուրքասիրական շրջանների տրամադրությունները։ Ահա նրանցից երկուսի բացահայտ խոստովանությունը.

«...Մենք պետք է լինենք ամբողջովին և բացարձակորեն թուրքասեր, ես կասեի ավելին՝ թուրքամոլ։ Ես սիրում եմ մահմեդականներին ևատում ռայային։ Լինենք խոհեմ և գործարար... Երաշխավորենք այդ մարդկանց ազգային անկախություն ու տերիտորիա։ ամբողջականությունը և մենք կդառնանք նրանց ամենահավատարիմ ու ամենանվիրական ըկերակիցները։ Ի՞նչ ենք փնտրում այստեղ։ Մի պատվա՞ր ռուսական ու բրիտանական իմպերիալիզմի դեմ։ Մեր հեղինակության պահպանո՞ւմ։ Մեր առևտրի ազատ զարգացո՞ւմ։ Մեր լեզվի տարածո՞ւմ։ Մեր եկեղեցիների ու դպրոցների ճանաչո՞ւմ։ Մեր դրամական շահերի ապահովո՞ւմ։ Մենք այդ բոլորը կունենանք Ֆրանս-թուրքական համագործակցության շնորհիվ...»[15]։

«Այս երկրում միայն թուրքերն են հետաքրքիր,—փորձում էր հավատացնել Ֆրանսիացի մեկ ուրիշ զինվորական։ Հենվենք նրանց վրա և մենք կվերադարձնենք գերմանացիների կողմից խլված մեր նախկին տեղը։ Մենք կվարժեցնենք բանակը, կղեկավարենք վարչական գործը, դպրոցները, կվերահսկենք ֆինանսները։ Մենք կներթափանցենք ու կհիմնվենք բոլոր ասպարեզներում։ Մենք ոչ միայն կկայունացնենք մեր բարոյական ազդեցությունը, այլև հսկայական նյութական օգուտներ կքաղենք։ Անատոլիան իր ընդերքում հեքիաթային հարստություններ է պարունակում, որոնք ոչ ոք չի հայտնաբերել։ Մենք հանքերի ու անտառների շահագործման կոնցեսիաներ կստանանք, և լիովին կփոխհատուցենք այն կորուստները, որ մենք ունեցանք Արևելքում։ Մենք կկառուցենք երկաթուղիներ, տրամվայի գծեր, նավահանգիստներ, ճանապարհներ՝ հանրային աշխատանքների մեջ ընտրելով այնպիսիները, որոնք առավել շահավետ են մեր արդյունաբերության համար։ Մենք ո՛չ մի գնով չպետք է վտանգենք մեր շահերը՝ հայերի ու հույների գեղեցիկ աչքերի համար...»[16]։

Թուրքասիրական վաղեմի քաղաքականությանը վերադառնալու հարցը այդ տարիներին բազմիցս քննության առարկա է դարձել

---

[15] Michel Paillarè, Le Kèmalisme devant les Alliés. Constantinople—Paris, 1922, p. 77—78.

[16] Նույն տեղում, էջ 73։

ֆրանսիական պառլամենտում։ «Հաճախ են կրկնում, որ Ֆրանսիան մահմեդական տերություն է։ Եվ դա ճիշտ է,— հայտարարում էր քաղաքական հայտնի գործիչ Էդուարդ Սուլիեն։ Ֆրանսիան աշխարհի չորրորդ մահմեդական պետությունն է։ Բրիտանական կայսրության կազմում կան 92 միլիոն մահմեդականներ, Նիդեռլանդները հաշվում են 36 միլիոն, Չինաստանը՝ 30 միլիոն և Ֆրանսիան՝ 23 միլիոն։ Նա առաջ է Ռուսաստանից, որտեղ կան 19,1 միլիոն մահմեդականներ, և Թուրքիայից, որի կազմում աշխարհի 240 միլիոն մահմեդականներից ընդգրկված են ընդամենը 14 միլիոն 600 հազարը։ Ֆրանսիան մահմեդական ազգ է..., Ֆրանսիան մահմեդական մի մեծ երկիր է»[17]։

Նույն դիրքերից էր ելնում Ֆրանսիայի պրեմիեր-մինիստր Արիստիդ Բրիանը, երբ նա Ազգային ժողովի ամբիոնից կոչ էր անում վերադառնալ ֆրանս-թուրքական բարեկամությանը. «Ֆրանսիան մահմեդական տերություն է, և նա պետք է վերականգնի իր հին ավանդական քաղաքականությունը Թուրքիայի հանդեպ...»[18]։

Ֆրանսիայի տիրապետող շրջանների «թրքասիրության համառ խորքը»[19], որը, ինչպես ցույց տրվեց, խարսխվում էր նրանց աներկբա տնտեսական, դրամական ու բարոյական շահերի վրա Թուրքիայում, կարևորագույն գործոններից մեկը դարձավ համաշխարհային պատերազմի ավարտից շատ չանցած, արդեն 1919 թ. վերջին սկիզբ առած ֆրանսիական թուրքանպաստ անջատ քաղաքականության թեև Ֆրանսիան միշտ էլ հանդիպում էր իր հզոր դաշնակցի, իսկ իրականում, ախոյանի՝ Անգլիայի դիմադրությանը։

Հարցը այն է, որ Առաջին համաշխարհային պատերազմի հաղթական վախճանից հետո Ֆրանսիային առավել զբաղեցնում էին եվրոպական գործերը՝ պարտված գերմանացիներից պատերազմական տուգանքը ստանալու հարցը, Սաարի ավազանի հարցը, Հռենոսի հարցը և այլն։ Սրանց համեմատությամբ մերձավորարևելյան հարցը ստորադաս դիրք էր գրավում։ Բացի այդ, Ֆրանսիան, իր ռազմական բոլոր կարողությունները կենտրոնացնելով կայզերական Գերմանիայի դեմ, փաստորեն պատերազմ չէր մղել Թուր-

---

[17] Fené Puaux, La question d'Orient devant le Parlement. Paris, 1922, p. 17—18.

[18] Տե՛ս A. Mandelstam, op. cit., p. 195, նաև „L'Asie française", № 195, septembre-octobre, 1921, էջ 380—384։

[19] Էռուարդ Էլզե, Ճշմարտությունը քեմալական Թուրքիո մասին, Փարիզ, 1926, էջ 16։

քիայի դեմ՝ մերձավորարևելյան ճակատներում, և համաշխարհային պատերազմի վերջին նա Մերձավոր Արևելքում չուներ թվով զորք ունեցող՝ Անգլիայի համեմատ, իսկ Միջերկրականի ջրերում ու նեղուցներում իշխում էր անգլիական նավատորմը։ 1919 թ. նոյեմբերին Լևանտում Անգլիան ուներ 34 հետևակային գումարտակ, 15 և կես հեծյալ գունդ, 13 հրետանային մարտկոց և ինժեներական զորքերի հինգ և կես գումարտակ։

Ֆրանսիական զորքերի ընդհանուր թիվը այդ նույն շրջանում կազմում էր 13 հետևակային գումարտակ, հեծյալ 3 գունդ և հրետանային 4 մարտկոց[20]։

Նշված երկու գլխավոր պատճառներով, այն է՝ եվրոպական գործերում Անգլիայի աջակցությունը ստանալու անհրաժեշտությամբ և Մերձավոր Արևելքում անգլիական զորքերի բացահայտ գերակշռությամբ պետք է բացատրել այն փաստը, որ Ֆրանսիան հաճախ ստիպված էր լինում նկատելի զիջումներ անել Անգլիային, ի վնաս իր շահերի, համաձայնվելով վերանայել պատերազմի տարիներին կնքված գաղտնի պայմանագրերը Թուրքիայի բաժանման վերաբերյալ և նույնիսկ մասնակցություն ունենալ Թուրքիայի դեմ ձեռնարկված ռազմական գործողություններին։

Ինչպես ասվեց, ի տարբերություն Անգլիայի, Ֆրանսիան ամենևին շահագրգռված չէր Օսմանյան կայսրության փլուզմամբ և թուրքական պետականության վերացմամբ, որովհետև վերջին պարագայում նա կզրկվեր իր դրամական ու տնտեսական արտոնություններից։ «Միջերկրական ծովի շրջանում մեր ազգային բոլոր շահերից ես չգիտեմ առավել կարևորը, քան Օսմանյան կայսրության տերիտորիալ անձեռնմխելիության պահպանումը»[21],— գրում էր հայտնի արևելագետ Վ. Բերարը։

«Թուրքիայի մասնատումը,— գրում էր հայտնի լրագրող Է. Բերնիեն,— հավասարազոր է Մերձավոր Արևելքում ֆրանսիական ազդեցության ոչնչացմանը»[22]։

Եվ եթե Ֆրանսիան, այնուհանդերձ, մասնակցում էր Օսմանյան կայսրության կազմի մեջ մտնող երկրների ու հողամասերի բաժանմանը, ապա սոսկ այն պատճառով, որ այդ բաժանումն անխուսափելի էր դառնում և նա, որպես իմպերիալիստական և գաղութային խոշոր տերություն, չէր կարող իր «բաժինը» չպահանջել։ Իսկ այդ

---

[20] Testis, op. cit., p. 19.

[21] Տե՛ս Мустафа Кемаль, Путь новой Турции, т. I, Предисловие, էջ XI։

[22] „L'Europe nouvelle", № 9, 28 février 1920, p. 342.

«բաժինը» պահանջելիս Ֆրանսիան հանդիպում էր առավել հզոր իմպերիալիստական տերության՝ Անգլիայի դիմադրությանը, որը համաշխարհային պատերազմի ավարտից հետո, իր հզորությունից ու դիրքից օգտվելով, իր նախկին դաշնակցին հասկացնել էր տալիս, որ ինքը մտադիր չէ սրբությամբ պահպանել պատերազմի տարիներին կնքված գաղտնի պայմանագրերի տառն ու ոգին: Խախտումների սկիզբը դրվեց պատերազմից անմիջապես հետո, երբ Անգլիան, առաջինը գնահատելով Մոսուլի շրջանի ահռելի պոտենցիալ հնարավորությունները, 1918 թ. նոյեմբերի 2-ին իր զորքերը մտցրեց այդ շրջանը, որը 1916 թ. կնքված Սայքս-Պիկոյի գաղտնի պայմանագրով կազմելու էր Ֆրանսիայի ազդեցության գոտին: Իսկ դեկտեմբերին Լլոյդ-Ջորջը հայտարարեց Կլեմանսոյին, որ Սայքս-Պիկոյի պայմանագիրը չի կարող ուժի մեջ մնալ, քանի որ նրա «մասնակիցներից» մեկը՝ Ռուսաստանը դուրս է եկել հաշվից: Ու թեև Կլեմանսոն պնդում էր, որ այդ պայմանագիրը կնքվել է միայն Անգլիայի ու Ֆրանսիայի միջև, ուստի այն ուժի մեջ է, ի վերջո նա, կատարված փաստից ելնելով, ստիպված էր հօգուտ Անգլիայի հրաժարվել Մոսուլի վիլայեթից և Պաղեստինի կառավարմանը մասնակցելուց: Հետագայում, Կլեմանսոն, պաշտպանվելով այն հակառակորդներից, որոնք իրեն մեղադրում էին Մոսուլի նման հարուստ շրջանը ձեռքից բաց թողնելու համար, արդարանում էր ասելով.

«Այո, ես զիջեցի Մոսուլը, բայց նրանք մոռանում են, որ ես այն օգտագործեցի որպես խայծ՝ Կիլիկիան ստանալու համար, թեև մեր շատ լավ դաշնակիցներից ոմանք չէին ուզում, որ այն մեզ տրվի... Կիլիկիան եղել է և վերստին կարող է շատ հաճելի երկիր դառնալ... Կիլիկիան ու Ալեքսանդրետը այնքան էլ վատ բաներ չեն»[23]:

Սակայն Ֆրանսիային խոստացված տերիտորիաներն էլ Անգլիան հեշտությամբ չէր զիջում նրան: Հետպատերազմյան տարիներին հրապարակված անգլիական պաշտոնական փաստաթղթերից

---

23 Տե՛ս Мустафа Кемаль, Путь новой Турции, т. III, М., 1933, Примечания, էջ 291: Այս հայտարարությունը, իհարկե, չէր արտացոլում իրական պատկերը: Տակավին Փարիզի հաշտության համաժողովում, Լլոյդ-Ջորջի հետ ունեցած երկու հանդիպումների ժամանակ (1919 թ. մայիսի 21—22-ին) Կլեմանսոն խոստովանել էր, որ ինքը անգիտանալով էր համաձայնվել զիջել Մոսուլի վիլայեթը. «Եթե ես պատկերացում ունենայի Մոսուլի և Միջագետքի կարևորության մասին, ես չէի համաձայնվի դրանք զիջել ձեզ: Եթե դուք ինձ ասեիք, որ Միջագետքի զիջումը կհանգեցնի հսկայական տերիտորիայի կորուստին, ես կմերժեի Ձեր այդ հարցում: Տե՛ս Ж. Кайзер, Европа и новая Турция, էջ 25:

երևում է, թե ինչպիսի սուր կամ «խուլ» պայքար է տեղի ունեցել այդ հարցում Անտանտի զույգ դաշնակիցների միջև։ Այսպես, Փարիզի հաշտության համաժողովում, հինգ մեծ տերությունների պատվիրակությունների ղեկավարների հանդիպման ժամանակ (1919 թ. հուլիսի 18-ին) Կլեմանսոն բողոքում էր այն բանի դեմ, որ զորավար Ալլենբին, առաջնորդվելով իր կառավարությունից ստացված հրահանգներով, «հանդես է գալիս Թուրքիայում, որպես անգլիական դինվորական, և ոչ թե որպես դաշնակից զորքերի գլխավոր հրամանատար, նրա գործողություններն իրենց հետևանքներով ուղղված են ֆրանսիական շահերի դեմ... Նա հրաժարվում է թույլ տալ ֆրանսիական զորքերին մտնել Սիրիա...»[24]։

Իսկ Սիրիան ֆրանսիական իմպերիալիստների ծրագրերում դրավում էր առավել կարևոր տեղ, քան Կիլիկիան։ Ճիշտ է, իր տնտեսական նշանակությամբ և զարգացման հեռանկարներով Սիրիան դիջում էր Կիլիկիային, սակայն նա չափազանց կարևոր ստրատեգիական դիրք էր դրավում, գտնվելով եվրոպական խոշոր տերություններին իրենց արևելյան գաղութներին կապող ճանապարհների կենտրոնում։ Միաժամանակ, Սիրիան իր աշխարհագրական դիրքով միջնորդ առևտրի դեր էր խաղում Եգիպտոսի, Արաբիայի, Միջագետքի ու Փոքր Ասիայի միջև։ Ֆրանսիան տակավին 19-րդ դարի 40-ական թվականներից առանձնահատուկ շահեր էր ձեռք բերել Սիրիայում։ Ֆրանսիական ներթափանցման կարևորագույն միջոցներից մեկը երկաթուղային շինարարությունն էր։ Համաշխարհային պատերազմի նախօրյակին Ֆրանսիան իր ձեռքում էր պահում 788 կմ երկարությամբ երկաթուղային ցանց՝ երկրի բոլոր երկաթուղիների մոտ 40 տոկոսը։ Ֆինանսավորում էր այդ երկաթուղիները Փարիզի հայտնի «Régie Générale des chemins de fer» ընկերությունը։ Ֆրանսիական երկաթգծերը իրար էին կապում Սիրիայի գլխավոր կենտրոնները՝ Հալեպը, Համան, Հոմսը և Դամասկոսը՝ Բեյրութում ու Տրիպոլիում դուրս գալով դեպի ծով։ Այդ գծերը կարևոր էին նաև այն տեսակետից, որ նրանք Բաղդադի երկաթուղու մի ճյուղը կապում էին Եգիպտոսի երկաթուղիների հետ։ Ֆրանսիայի շահագրգռվածությունն այս հարցում այնքան մեծ էր, որ նա պատերազմի նախօրյակին, 1914 թ. փետրվարին, Գերմանիայի հետ կնքեց պայմանագիր, որով նա հրաժարվում էր երկաթուղային շինարարությունից Կիլիկիայում, ինչպես նաև Deutsche Bank-*ին վա-*

[24] Documents on British Foreign Policy 1919—1939, First series, volume I. 1919. London, 1947, p. 134.

ճառեց Բաղդադի երկաթուղու իր ակցիաները (հիմնական կապիտալի 30 տոկոսը) միայն այն բանի դիմաց, որ Գերմանիան հրաժարվեր երկաթուղային շինարարությունից Սիրիայում[25]։

Մեծ էր նաև Ֆրանսիայի քաղաքական ու մշակութային ազդեցությունը Սիրիայում։

Եվ ահա, պատերազմի ավարտից հետո, երբ թվում էր, որ ֆրանսիական կապիտալիստներին կհաջողվի առավել ամրապնդել իրենց տնտեսական ու քաղաքական դիրքերը այդ երկրում, անգլիական իմպերիալիզմն այստեղ էլ հնարավոր բոլոր միջոցներով պայքարում էր իր դաշնակից-մրցակցի անմիջական շահերի դեմ։

Սակայն անգլո-ֆրանսիական իմպերիալիստական հակամարտությամբ չէր սահմանափակվում «Օսմանյան ժառանգության» շուրջը ծավալված կատաղի պայքարը։ Ցարական Ռուսաստանի, Գերմանիայի ու Ավստրո-Հունգարիայի փոխարեն այդ պայքարի մեջ պատերազմից հետո ներգրավվել էին Ամերիկայի Միացյալ Նահանգները, որոնք նույնպես իրենց քաղաքականությամբ լուրջ անհանգստություն էին պատճառում ֆրանսիական կապիտալի շահերին։ ԱՄՆ-ի իմպերիալիստական շրջանների կողմից ստեղծված Քինգի-Կրեյնի հանձնաժողովը, 1919 թ. հունիս-հուլիսին պաշտոնապես հետազոտելով Սիրիան, Փարիզի հաշտության համաժողովին ներկայացրած իր զեկուցագրում առաջարկում էր Ստամբուլի ու Անատոլիայի (Կիլիկիայի հետ միասին) հետ մեկտեղ Սիրիայի մանդատը ևս հանձնել Միացյալ Նահանգներին։

Ֆրանսիական շահերի դեմ ուղղված այս ծրագրերը մեծ դրժգոհություն առաջացրին Ֆրանսիայի գաղութատիրական քաղաքականության պաշտպանների մոտ և նրանց լսափողը հանդիսացող մամուլի էջերում։ Հայտնի լրագրող Պերտինաքսը «Echo de Paris» թերթում պահանջում էր, որ «Ֆրանսիան իր ավանդական ազդեցությունը հնարավորին չափ պահպանելու համար իր ջանքերը կենտրոնացնի Սիրիայի ու Կիլիկիայի վրա, որտեղ ֆրանսիական իրավունքները ճանաչվել են Անգլիայի հետ 1916 թ. կնքված պայմանագրով»[26]։

Կլեմանսոյի կառավարության կողմից թույլ տրված «զիջումներին» քննադատությամբ հանդես էին գալիս մի շարք այլ երևելի

---

25 «Раздел Азиатской Турции», Предисловие, стр. 19—20.

26 Տե՛ս Documents on British Foreign Policy 1919—1939, First series, volume IV, 1919. London, 1952, p. 309.

լրագրողներ ու քաղաքական մեկնաբաններ՝ Օգյուստ Գովենը, Հ. Ռ. Սավարին և ուրիշներ։ «Կպահպանե՞նք արդյոք մեր ժառանգությունն Արևելքում» խորագրով հոդվածում Սավարին գրում էր. «Ֆրանսիան, որն այնքան նշանակալից նյութական ու բարոյական շահեր ունի Արևելքում, և որի լեզուն օգտագործվում էր ամենուրեք՝ Օսմանյան կայսրությունում, շուտով կիմանա չափն այն կորուստների, որ նա ունեցել է՝ մնալով անտարբեր այն դեպքում, երբ մյուսները գործել են խելքով ու մեթոդով... Ֆրանսիական փորձառու հասարակական կարծիքը,— զգուշացնում էր նա,— չի հրաժարվի այն ամենից ինչը մասն է կազմել մեր փառավոր ու թանկագին ժառանգության։ Ֆրանսիան չի բավարարվի Սիրիայի ծովեզրյա մասով։ Նա չի ընդունում ընկույզն առանց կճեպի. նա ուզում է Դամասկոսն ու Հալեպը»[27]։

Սակայն հեշտ չէր «կճեպով ընկույզ» ստանալ Անգլիայի նման մի ախոյանից, թեև Ֆրանսիան համառորեն շարունակում էր պայքարը։ Իրավացի է պրոֆ. Հ. Մ. Լեմինը, Մերձավոր Արևելքի բաժանման համար մղված անգլո-ֆրանսիական պայքարը դասելով «հետպատերազմյան պատմության ամենակեղտոտ էջերի» շարքը[28]։ Այդ պայքարում բրիտանական իմպերիալիզմի հետապնդած հիմնական նպատակն էր Ֆրանսիային կանգնեցնել կատարված փաստի առջև՝ նեղուցների գոտում և Անատոլիայում։ Այդ էր պատճառը, որ անգլիական ներկայացուցիչները Փարիզի հաշտության համաժողովում ամեն կերպ ձգձգում էին թուրքական հարցի քննարկումը։ «Շաբաթների ու ամիսների ընթացքում,— գրում էր Անգլիայի արտաքին գործերի մինիստրության աշխատակից լորդ Ե. Պերսին,— մենք արգելակում էինք թուրքական հարցի ոչ միայն լուծումը, այլև նրա քննարկումը Հաշտության համաժողովում։ Թեև այդ հարցը Համաժողովում քննարկվող հարցերից առավել ինտենսիվ մշակվածն էր, դա միակն էր, որի մասին բրիտանական պատվիրակությանը նույնիսկ արգելված էր հիշատակել Համաժողովի առաջին 4—5 ամիսներին...»[29]։

Ֆրանսիական դիվանագիտությունը, իր հերթին, 1919 թ. վերջին առաջին լուրջ փորձն արեց իր «թուրքական գործերը» կարգա-

---

[27] „Démocratie nauvelle", 15 avril 1919.

[28] И. М. Лемин, Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно, 1919—1925. М., 1947, стр. 184.

[29] Տե՛ս Мустафа Кемаль, Путь новой Турции, т. 1, Предисловие, էջ XLVII։

վորելու Անգլիայից անջատ՝ համաձայնության գալով Սըվասում ստեղծված ներկայացուցչական կոմիտեի հետ։ Այդ նպատակով Սիրիայում և Կիլիկիայում ֆրանսիական գերագույն կոմիսար Ժորժ Պիկոն 1919 թ. դեկտեմբերին երկու սպաների ուղեկցությամբ ժամանեց Սըվաս և հանդիպումներ ունեցավ հիշյալ կոմիտեի նախագահ Մուստաֆա Քեմալի հետ։ Պիկոյի ուղևորության նպատակներից մեկն էր «հենց ազգայնականների պարագլուխ Մուստաֆա Քեմալ փաշայի բերանից ստույգ տեղեկություն ստանալ Կիլիկիայի, Փոքր Հայքի ու Քուրդիստանի նկատմամբ նրանց ունեցած հավակնությունների մասին»[30]։

Ֆրանսիական դիվանագետի այցը Քեմալին ժամանակին մեծ աղմուկ հանեց եվրոպական մամուլում։ Անգլիական թերթերը մեղադրում էին «դաշնակից Ֆրանսիային» նրա ուխտադրուժ, անջատ քայլերի համար, իսկ ֆրանսիական մամուլը քննարկման առարկա էր դարձրել այն հարցը, թե արդյո՞ք Ժորժ Պիկոն իր անձնական նախաձեռնությամբ էր կատարել այդ ուղևորությունը, թե՞ Ֆրանսիայի արտաքին գործերի մինիստրության հանձնարարությամբ։ Այս հարցին հակասական և իրարամերժ պատասխաններ են տալիս նաև ֆրանսիական պատմաբաններն ու նախկին զինվորական գործիչները։ Այսպես, վերը հիշատակված Միշել Պայառեսը անուղղակի ձևով գտնում է, որ Ժորժ Պիկոյի ուղևորությունը Սըվաս համաձայնեցված չէր Քե դ'Օրսեի (Ֆրանսիայի արտաքին գործերի մինիստրության) հետ, որովհետև Կոստանդնուպոլսում ֆրանսիական գերագույն կոմիսար Դեֆրանսը հավանություն չէր տվել այդ քայլին, դիտելով այն, որպես մի ձեռնարկում, որը «կարող էր ֆրանսիացիներին արատավորել սուլթանի աչքում, ինչպես նաև դուր չգալ անգլիացիներին, որոնք հայտարարել էին, որ ճանաչում են միայն կայսերական կառավարությունը»[31]։

Ըստ էության նույն կարծիքն է հայտնում գնդապետ Բրեմոնը, շեշտելով միայն այն հանգամանքը, որ Պիկոյի տեսակցությունը Քեմալի հետ «հավանության չարժանացավ ո՛չ Բեյրութում, ո՛չ էլ Կոստանդնուպոլսում»[32]։

Ֆրանսիական պատմաբան Ժան Պիշոնը ևս գրեթե նման մի

---

[30] Compte R. de Gontaut Byron, Comment la France s'est installée en Syrie (1918—1919). Paris, 1923, p. 333.

[31] Michel Paillarès, op. cit., p. 108—109.

[32] S. Brémond, La Cilicie en 1919—1920. Paris, 1921, p. 36.

պնահատական է տալիս. «Ֆրանսուա Ժորժ Պիկոն, որին Բեյրութում փոխարինել էր ղորավար Գուրոն, ցանկացավ փորձ անել բանակցություն քեմալականների հետ։ Նա ուղևորվեց Սըվաս և այնտեղ դեկտեմբերի 5-ին ու 6-ին հանդիպումներ ունեցավ Մուստաֆա Քեմալի հետ»[33]։ Սակայն, հեղինակը, փաստորեն հերքում է իր վերոհիշյալ պնահատականը, Պիկոյի բանակցությունները համարելով «մի պատասխան Կոստանդնուպոլսի օրինական կառավարության հետ անգլիացիների կնքած սեպտեմբերի 12-ի գաղտնի համաձայնագրին և այն դրույցներին, որ ամերիկյան գեներալ Հարբորդը ունեցել էր Մուստաֆա Քեմալի հետ Սըվասում սեպտեմբերի 20-ին»[34]։ Նման պարագայում, հասկանալի է, Ժորժ Պիկոն չէր կարող գործել միանդամայն ինքնուրույն, առանց իր քայլերը կառավարության հետ համաձայնեցնելու, ինչպես որ անձնական նախաձեռնության արդյունք չէին վերոհիշյալ Հարբորդի բանակցությունները և անգլիական մարշալ Ալլենբիի բանակցությունները սուլթանական կառավարության հետ։

Ֆրանսիական հեղինակներից Գոնտո-Բիրոնը ևս Սըվասի բանակցությունները կապում էր Պիկոյի անձնական նախաձեռնության հետ, այն տարբերությամբ, սակայն, որ նա մի փոքր այլ մեկնաբանություն է տալիս նրա հետապնդած նպատակներին, գրելով, որ Ժորժ Պիկոն մտադրություն ուներ ֆրանսիական կառավարությանը պատկերացում տալ քեմալականների ծրագրերի մասին և ջանալ «կնքել մի համաձայնագիր, որը վերջ կտար սիրիական հուզումներին»[35]։

Անգլիական հեղինակներից այս հարցին անդրադարձել է լորդ Կինրոսը, որը ի տարբերություն ֆրանսիական հեղինակների, մատնանշում է այն հանգամանքը, որ Ժորժ Պիկոն Քեմալին ներկայանում է, որպես «ֆրանսիական կառավարության ներկայացուցիչ», և որ «վերջինս նրան ընդունել է, որպես հենց այդպիսին», և նրանք հանգամանորեն քննարկել են իրենց համատեղ ցանկությունը՝ վերադառնալ ֆրանս-թուրքական բարեկամությանը»[36]։

Պիկոյի ուղևորության շարժառիթներին և Քեմալի հետ ունեցած նրա հանդիպումներին առավել հանգամանորեն անդրադարձել

---

[33] Jean Pichon, Le partage du Proche-Orient. Paris. 1938, p. 203.

[34] *Նույն տեղում։*

[35] Compte K. de Gontaut-Byron, op. cit., p. 333.

[36] Lord Kinross, Atatürk. The rebirth ofa nation. London, 1965, p. 203.

է թուրք հայտնի քաղաքական գործիչ, Մոսկվայում քեմալական կառավարության առաջին դեսպան Ալի Ֆուաթ փաշան (Ջեբեսոյը)՝ «Ազգային-ազատագրական պայքարի հուշերում»։ Վերջինիս բերած փաստերը վկայում են, որ Մուստաֆա Քեմալը և իր համախոհները նախօրոք տեղյակ են եղել Պիկոյի Սըվաս գալու մտադրությանը։ Այդ ժամանակ Կեսարիայում գտնվող Ալի Ֆուաթ փաշան Սըվասից՝ ներկայացուցչական կոմիտեից, ստանում է մի հեռագիր, որտեղ ասված էր, որ Սիրիայի ֆրանսիական ներկայացուցիչ Ժորժ Պիկոն Բեքիր Սամի բեյի[37] միջոցով ցանկություն է հայտնել շփման մեջ մտնել ներկայացուցչական խորհրդի հետ և վերջինիս կողմից հավաստիանալով, որ Սըվասում իրեն գոհունակությամբ կընդունեն, ինքնաշարժով մեկնել է Սըվաս։ «Խնդրվում է,— ասվում էր հիշյալ հեռագրում,— դյուրին դարձնել նրա ուղևորությունը և հնարավորության դեպքում իմանալ ուղևորության պատճառը և այդ մասին տեղեկացնել Ներկայացուցչական խորհրդին՝ նրա ժամանելուց առաջ»[38]։

Դեկտեմբերի 6-ին[39] Պիկոն հասնում է Կեսարիա և անմիջապես հանդիպում ու «անկեղծ զրույցներ» ունենում Ալի Ֆուաթ փաշայի հետ։ Պիկոն վերջինիս հայտնում է, որ Ֆրանսիայում շուտով տեղի է ունենալու մինիստրների կազմի փոփոխություն, որի հետևանքով պրեմիեր մինիստրի պաշտոնը գրավելու է Բրիանը և որ «ամեն ինչ փոխվելու է»։ Ապա ավելացնում է. «Ինչպես պարոն Բրիանի, այնպես էլ ֆրանսիական ազգի քաղաքականությունն է՝ հնարավորություն ստեղծել, որպեսզի Միջին Արևելքում, թուրքական մեծամասնություն կազմող հատվածում, հիմնվի ուժեղ և անկախ թուրքական պետություն»[40]։ Այնուհետև, ֆրանսիական դիվանագետը հավաստիացնում է Ալի Ֆուաթին, որ այդ նպատակի համար Ֆրանսիան կձեռնարկի բոլոր հնարավոր միջոցները։ Միաժամանակ Պիկոն հույս է հայտնում, որ Կիլիկիայում սկսված

---

37 Բեքիր Սամի-բեյը Անկարայի կառավարության արտաքին գործերի մինիստրն էր։ Մինչ այդ նա մի քանի տարի Բեյրութի կոնսակալն էր և հենց այնտեղ էր մտերմացել ֆրանսիական հյուպատոս Ժորժ Պիկոյի հետ։ Տե՛ս Ali Fuat Cebesoy, Millet mücadele hatıraları. Istanbul, 1953, p. 268.

38 Նույն տեղում։

39 Ֆրանսիական հեղինակների տեղեկության համաձայն, Ժորժ Պիկոն արդեն դեկտեմբերի 5-ին Սըվասում էր։ Տե՛ս Compte R. de Gontaut-Byron, Նշվ. աշխ., էջ 338, Jean Pichon, Նշվ. աշխ., էջ 203։

40 Ali Fuat Cebesoy, op. cit., p. 268—269.

արյունահեղ ընդհարումները կկասեցվեն, քանի որ այդ են պահանջում երկու կողմերի շահերը։ «Անկախ Թուրքիայի ու Ֆրանսիայի ապագա քաղաքականությունը,— հայտարարում է նա,— չպետք է վտանգի ենթարկվի նման շարժումների պատճառով»[41]։

Պիկոյի հետ ունեցած իր զրույցների ամփոփումը Ալի Ֆուաթը ծածկագրով հաղորդում է Սըվաս՝ Ներկայացուցչական խորհրդին[42]։

Ֆրանսիական դիվանագետի հայտնած կարծիքներից դժվար չէ հղրակացնել, որ դրանք մասնավոր անձանց հայտարարություններ չէին, այլ այս կամ այն կերպ արտացոլում էին ֆրանսիական ղեկավար շրջանների ձգտումը՝ անջատ համաձայնության հասնել Թուրքիայում իրական իշխանությամբ օժտված միակ կառավարության՝ քեմալականների կողմից գլխավորվող Ներկայացուցչական խորհրդի հետ։ Այդ բանը հաստատեցին նաև Պիկոյի հանդիպումները անձամբ Մուստաֆա Քեմալի հետ։

Ինչպես տեսանք, Քեմալը, դիվանագիտական հմտություն հանդես բերելով, նախապես տեղեկացել էր ֆրանսիական ներկայացուցչի հետամտած նպատակներին և նա վերջինիս Սըվասում դիմավորեց «կազմ-պատրաստ»։ Քեմալի ու Պիկոյի միջև տեղի ունեցած զրույցներին, որոնք տևեցին երկու օր[43], ներկա էին Բեքիր Սամի բեյը, նախկին ծովային մինիստր Հուսեին Ռաուֆ բեյը և ԱՄՆ-ում թուրքական նախկին դեսպան Ահմեթ Ռուստեմ բեյը[44]։ Ալի Ֆուաթ փաշան, վկայակոչելով հիշյալ գործիչների պատմածները, հետևյալ հետաքրքիր մանրամասներն է հաղորդում այդ հանդիպման մասին։

Ժամանելով Սըվաս, Ժորժ Պիկոն Ներկայացուցչական խորհրդին թողնում է իր այցետոմսը, որն անմիջապես հանձնվում է Քեմալին։ Վերջինս, տեսնելով, որ այցետոմսի վրա գրված է՝ «Ֆրանսիական կառավարության ներկայացուցիչ Սիրիայում և Հայաստանում» լուր է ուղարկում Պիկոյին, որ ինքը «չի կարող ընդունել մի անձնավորության, որը եկել է, որպես Ֆրանսիայի հայաստանյան ներկայացուցիչ»։ Տեղեկանալով այդ մասին, Պիկոն անձամբ գնում է Ներկայացուցչական խորհրդի շենքը և հայտնում, որ ինքը հան-

---

41 Նույն տեղում, էջ 269։

42 Նույն տեղում։

43 Paul du Véou, La passion de la Cilicie. 1919—1922, Paris, 1954, p. 107; Jean Pichon, op. cit., p. 203.

44 Ali Fuat Cebesoy, op. cit., p. 269.

պիսանում է Երևանում հաստատված հայկական կառավարության ներկայացուցիչը, և «որևէ կապ կամ հարաբերություն չունի այն պետության հետ, որը մտադրվում են հիմնել այդ կառավարության սահմաններից դուրս»[45]: Միայն Պիկոյի լիազորությունների այս «ճշգրտումից» հետո է, որ Մուստաֆա Քեմալը ընդունում է նրան:

Հանդիպման սկզբում Պիկոն Քեմալին հայտնում Ալի Ֆուաթ փաշայի հետ զրույցի ժամանակ արտահայտած այն կարծիքը, որ շուտով Ֆրանսիայի կառավարության կազմում տեղի կունենան փոփոխություններ, մասնավորապես, նոր կառավարությունը կգլխավորի Բրիանը, և որ «նոր կառավարության քաղաքականությունը ամբողջովին կպաշտպանի թուրքական ազգային քաղաքականությունը»[46]:

Քեմալ-Պիկո հանդիպման, նրանց երկօրյա խոսակցությունների մանրամասները մեզ չեն հասել, սակայն ֆրանսիական պատմաբան Գոնտո-Բիրոնը նշում է, որ «Ֆրանսիային ու Թուրքիային հետաքրքրող բոլոր հիմնական հարցերը քննարկվել և որոշվել են»[47] նրանց կողմից, իսկ Ալի Ֆուաթը տեղեկացնում է, որ «երկար վիճաբանություններից հետո փաշայի (Քեմալի—Ռ. Ս.) և Պիկոյի միջև գոյացել է կատարյալ համաձայնություն թուրքական, արաբական և հայկական հարցերի շուրջը»[48]:

Առավել հանգամանալից քննարկման առարկա է դարձել Կիլիկիայի սահմանների հարցը: Քեմալը հենց սկզբից վճռականորեն հայտարարել է, որ Թուրքիան ճանաչելու է Մուդրոսի զինադադարով գծված սահմանները միայն, հետևաբար չի ճանաչելու Կիլիկիայի այն հատուկ դրությունը, որ հատուկ հոդվածով համաձայնվել էին նախատեսել օսմանյան պատվիրակները՝ անգլիական ծովակալ Կալտորպի թելադրանքով: «Եթե օսմանյան կառավարությունները, ամբողջովին կախման մեջ գտնվելով Անգլիայից, չեն բողոքել Կիլիկիայի գրավման դեմ,— հայտարարել է Մ. Քեմալը,— ազգայնականները, դրան հակառակ, երբեք չեն դադարել դրա դեմ բողոքելուց»: Նա ասել է Պիկոյին, որ ազգայնականները կհամա-

---

[45] Ali Fuat Cebesoy, op. cit., p. 269.

[46] Նույն տեղում:

[47] Comte R. de Gontaut-Byron, op. cit., p. 338.

[48] Ali Fuat Cebesoy, op. cit., p. 269—270.

ձայնվեն «զիջել» միայն Ջեզիրեն, Իրաքը և Սիրիան, բայց երբեք չեն հրաժարվի Կիլիկիայից՝ «իրենց մարմնի մի մասից»[49]։

«Սրվասում ունեցած զրույցների ժամանակ,— գրում էր վերջ հիշատակված ֆրանսիական լրագրող է. Բերնիեն,— Պիկոյին տատանանշվեցին այն լուրջ դժվարությունները, որոնց մենք կհանդիպինք, եթե ցանկանայինք հետևել մեր նախկին վարվելակերպին»[50]։

Մյուս հարցը, որ վիճաբանությունների տեղիք է տվել հիշյալ բանակցությունների ժամանակ, դա ազգային փոքրամասնությունների հարցն էր։ Մուստաֆա Քեմալը համառորեն պաշտպանել է այդ առթիվ էրզրումի համաժողովի կողմից ընդունված որոշումները, մինչդեռ ժորժ Պիկոն փոքրամասնությունների անվտանգության ու ապահովության նոր երաշխիքներ է պահանջել՝ վկայակոչելով Կիլիկիայի բնակչության, հատկապես փոքրամասնությունների հանդեպ Ֆրանսիայի պարտավորությունները[51]։ Այդ հարցի քննարկման ժամանակ Քեմալը վերստին հանդես բերելով դիվանագիտական հմտություն, կարողանում է շփոթության մեջ գցել ֆրանսիացի դիվանագետին՝ նրա մոտ ստեղծելով պատրանք «թուրքական ազգային բանակների» առկայության մասին։ Հավատալով նրանց այդ բանակների գոյությանը, Պիկոն խնդրում է Քեմալին «անհապաղ հրամայել դեպի Կիլիկիա առաջացող ազգային բանակներին կանգ առնել իրենց գտնված վայրում»։ Պիկոյի այս պահանջը Քեմալը մերժում է այնպիսի մի տեսքով, որ նույնիսկ նրա ընկերները (Ռաուֆ բեյը, Բեքիր Սամի բեյը, Ահմեդ Ռուսեմ բեյը) մի պահ հավատում են այդ բանին՝ անգամ զարմանում Քեմալի զաղտնապահության վրա, որն իրենցից թաքցրել էր «թուրքական ազգային բանակների» առկայության փաստը[52]։

Քեմալ-Պիկո տեսակցության ժամանակ մշակվում է համաձայնության մի նախագիծ, որով Ֆրանսիան.

1. «վերադարձնում էր Կիլիկիան Թուրքիային, որը, սակայն, ճանաչում էր Ֆրանսիայի իրավունքը տեղական վարչության և փոքրամասնությունների հովանավորության հարցերում։

---

[49] Comte R. de Gontaut-Byron, op. cit., p. 338. *Այս առթիվ Ռաուֆ-բեյը հայտարարում է, որ «Բարձր Դռան կողմից ճանաչված երևանյան հանրապետությանը բավարար մի հանդրվան է հայերի համար»։ Տե՛ս նույն տեղում։*

[50] „L'Europe Wouvelle", № 9, 28 février 1920, p. 342.

[51] Comte R. de Gontaut-Byron, op. cit., p. 338—339.

[52] Ali Fuat Cebesoy, op. cit., p. 270; Lord Kinross, op. cit., p. 203.

2. Ուրաշխավորում էր Թուրքիայի անբաժանելիությունը՝ ընդդեմ Անգլիայի, Հունաստանի և Իտալիայի»[53]։

Ամփոփելով Քեմալի ու Պիկոյի հանդիպման արդյունքները, պետք է ասել, որ թեև ֆրանսիական դիվանագետը իր կառավարության կողմից լիազորված չէր պաշտոնական բանակցություններ վարելու, սակայն այդ հանդիպումը իր դրական հետևանքներն ունեցավ քեմալականների համար, և բացասական հետևանքներ Ֆրանսիայի քաղաքականության, ավելի ճիշտ՝ Կիլիկիայի հայ ազգաբնակչության համար։ Ֆրանսիական պատմաբանների մեծ մասը, Պիկոյի ուղևորությանը մոտենալով բացառապես Ֆրանսիայի շահերը Թուրքիայում ապահովելու տեսանկյունից, դրական գնահատական է տալիս դրան և ափսոսանքով նշում, որ համաձայնություն չկայացավ։ «Պայմանագրի նախագիծը,— գրում է Ժակ Կայզերը,— Ֆրանսիային ապահովում էր զգալի իրավունքներ Կիլիկիայում ու Անատոլիայի որոշ նահանգներում և խաղաղություն հաստատում Կիլիկիայի սահմաններին»[54]։

«Միանգամայն որոշակի է,— գրում է Ժան Պիշոնը,— որ եթե Ժորժ Պիկոյի բանակցությունները արդյունքի հասնեին, մենք անօգուտ կերպով չէինք զոհաբերի Կիլիկիայում մեր զինվորներին և մեր դրամը»[55]։ Միայն Պիեռ Ռըդանն է իրավացիորեն նշում, որ «Ժորժ Պիկոյի ուղևորությունը Սըվաս՝ Մուստաֆա Քեմալի մոտ, բարձրացրեց վերջինիս արժեքը։ Գյուղերում լուր տարածվեց, որ ֆրանսիացիները քեմալականների ահից ստիպված են լքել Կիլիկիան և հունվարի 1-ին Մարաշը հարձակման ենթարկվեց»[56]։

Ժորժ Պիկոյի ուղևորությունը, ինչպես նշվեց, անհանգստություն ու դժգոհություն առաջ բերեց անգլիական ղեկավար շրջաններում, որպես անմիջականորեն անգլիական քաղաքականությանը հակադրվող անջատ մի քայլ։ «Այդ գործողությունը,— գրում էր անգլիական գործակալը լորդ Քերզոնին,— լույս է սփռում այն հաղորդման վրա, որ ֆրանսիական քաղաքականությունը Մերձավոր Արևելքում ներկայումս ուղղված է բրիտանական ազդեցության ու շահերի դեմ»[57]։ Իսկ անգլիական գերագույն կոմիսար ծովակալ Ռո-

---

[53] Paul du Véan, op. cit., p. 107.

[54] Ж. Кайзер, Европа и новая Турция, стр. 27.

[55] Jean Pichon, op. cit., p. 203.

[56] Pierre Redan, op. cit., p. 93. *Տե՛ս նաև* Lord Kinross, *նշվ. աշխ., էջ 203։*

[57] Documents on British Foreign Policy 1919—1939. First series, volume IV, p. 560.

ընկը Պոլսից նույն Քերզոնին ուղարկած 1919 թ. դեկտեմբերի 12-ի թվակիր նամակում ընդգծում է, որ ֆրանսիացիներից շատերը, այդ թվում պաշտոնական դիրք գրավող անձինք, համակրում են ազգայնական շարժմանը և ցանկանում, որ թուրքական հարցը լուծվի բարեհաշող, «այն հիմքի վրա, որը կազմում է ազգայնականների ծրագրի գլխավոր կետը, այսինքն՝ անբաժան Թուրքիայի պահպանումը»[58]։ Ու թեև Պիկոյի հանդիպումները Քեմալի հետ հավանություն չգտան Ֆրանսիայի կառավարական շրջաններում, որոնք տակավին շահագրգռված լինելով դերմանական ռեպարացիաներում, չէին կարող վերջնականապես դժտվել իրենց նախկին դաշնակցի՝ Անգլիայի հետ, վերջինս որոշում է վճռական քայլի դիմել Թուրքիայի բաժանման հարցը արագ վախճանի հասցնելու համար։ 1920 թ. մարտի 16-ի գիշերը անգլիական զորքերը գեսանտ հանեցին Ստամբուլում։ Քաղաքը պաշտոնապես հայտարարվեց գրավված անգլիացիների կողմից, որոնք ցրեցին օսմանյան պառլամենտը, պատգամավորների մեծ մասին աքսորեցին Մալթա կղզին, իսկ սուլթանին ու նրա կառավարությանը, որը նորից գլխավորեց անգլիասեր Դամատ Ֆերիդ փաշան, ստիպեցին բացահայտորեն հանդես գալ անատոլիական շարժման դեմ։ Շեյխ-ուլ-Իսլամը ֆետվա արձակեց, որով քեմալական շարժումը դիտվում էր որպես խռովություն սուլթանի դեմ, իսկ ինքը՝ Քեմալ փաշան՝ որպես հանցագործ։ Շուտով Ստամբուլի ռազմական ատյանը նրան զրկում է բոլոր տիտղոսներից և մի քանի այլ գործիչների հետ հեռակա կարգով մահվան դատապարտում։

Անգլիայի այս գործողությունները նոր թափ հաղորդեցին քեմալական շարժմանը, իսկ օսմանյան պառլամենտի ցրումը արագացրեց Քեմալի մտահղացման իրականացումը՝ Անատոլիայում նոր պառլամենտի հրավիրումը։ 1920 թ. ապրիլի 23-ին Անկարայում բացվեց Թուրքիայի Ազգային մեծ ժողովը, որի մի զգալի մասը կազմեցին օսմանյան պառլամենտի այն պատգամավորները, որոնց հաջողվել էր խուսափել Մալթայի աքսորից։ Ազգային ժողովն իր ձեռքում կենտրոնացրեց ինչպես օրենսդրական, այնպես էլ գործադիր իշխանությունները, իր գործողությունների հիմքում դնելով 1920 թ. հունվարի 28-ին օսմանյան պառլամենտի կողմից ընդունված «Ազգային ուխտը»։ Միաժամանակ ժողովը որոշում կայացրեց, որ Ստամբուլի գրավման

---

58 Նույն տեղում, էջ 587։

որից՝ մարտի 11-ից հետո, սուլթանի և կառավարության արձակած հրամանները ենթակա չեն կատարման Անկարայի կառավարության կողմից։

Մինչ Անկարայում ստեղծված նոր կառավարությունը համախմբում էր երկրի բոլոր ուժերը Անտանտի տերությունների դեմ պայքարն առավել կազմակերպված մղելու համար, այս վերջիններս, հենց այդ օրերին որոշում էին Օսմանյան կայսրության մեջ մնացող երկրամասերի «վերջնական» բաժանման հարցը։ 1920 թ. ապրիլի 19—26-ը Սան-Ռեմոյում հրավիրված դաշնակիցների կոնֆերանսը մշակեց Թուրքիայի հետ կնքվելիք հաշտության պայմանագրի նախագիծը. Անգլիան ստանում էր Պաղեստինի և ամբողջ Մեսոպոտամիայի (Իրաքի) կառավարման մանդատը, իսկ Ֆրանսիան՝ Սիրիայի և Լիբանանի մանդատը։ Միաժամանակ Անգլիան համաձայնում էր, որ Կիլիկիան միացվեր Սիրիային։ Այս վերջին «զիջումը» Անգլիայի կողմից իրական ոչ մի արժեք չուներ, որովհետև նրան քաջ հայտնի էր, որ ֆրանսիական զորքերը չեն կարողանա իրենց ձեռքում պահել Կիլիկիան, մինչդեռ Ֆրանսիան Անգլիային էր զիջում ստրատեգիական մեծ կարևորություն ունեցող և նավթի պաշարներով հարուստ Մոսուլի շրջանը, որի դիմաց ապրիլի 24-ին ստորագրված անգլո-ֆրանսիական համաձայնագրով նա ապագայում ստանալու էր Մոսուլի նավթի հանույթի 25 տոկոսը։

Սան-Ռեմոյի կոնֆերանսը նշանավորում էր անգլիական դիվանագիտության հաղթանակը Ֆրանսիայի նկատմամբ Մերձավոր Արևելքում։ Դրա պատճառը, ինչպես նախկինում, Ֆրանսիայի կախվածությունն էր Անգլիայից եվրոպական գործերում։ Վերը հիշատակված ծակ Կայզերը նշում է, որ այդ շրջանում ֆրանսիական ամբողջ արտաքին քաղաքականությունը դեմ էր առել հետևյալ տանջալից երկընտրանքին. Անգլիային գործողությունների աղատություն տալ Արևելքում՝ Հռենոսի վրա աջակցություն ստանալու հույսով, կամ հակազդել Անգլիային Արևելքում և այդպիսով մեկուսացված մնալ՝ Գերմանիային դեմ-հանդիման։ Ֆրանսիայի առաջին ներկայացուցիչ Միլերանը գերադասեց զիջել անգլիական պահանջներին Արևելքում՝ Հռենոսի վրա անգլիական դաշնակիցների հնարավոր աջակցությունը ձեռք բերելու համար[59]։

Դաշնակիցների կողմից Սան-Ռեմոյում մշակված պայմանագրի նախագիծը, սակայն, չընդունվեց սուլթանական կառավարության

---

[59] Ж. Кайзер, Европа и новая Турция, стр. 29.

կողմից։ Նախագծի «քննարկմանը» մասնակցելու նպատակով Թեֆիկ փաշայի գլխավորությամբ 1920 թ. մայիսի 11-ին Փարիզ ժամանած Թուրքական պատվիրակությանը առաջարկվեց առանց քննարկման ստորագրել պայմանագիրը։ Պատվիրակությունը հրաժարվեց պայմանագիր կնքել վերը թվարկված պայմաններով և մեկնեց Կ. Պոլիս՝ իր հետ տանելով պայմանագրի նախագիծը։

Տեսնելով, որ անգամ Անտանտից կախված Կ. Պոլսի կառավարությունը չի համաձակվում ահերիտորիալ զիջումներ նախատեսող պայմանագիր կնքել դաշնակից պետությունների հետ, ֆրանսիական դիվանագիտությունը Անկարայի կառավարության հետ համաձայնության գալու և Կիլիկիայում ռազմական գործողությունները դադարեցնելու նոր փորձ արեց։ Քեմալականների հետ «լեզու գտնելու» մյուս պատճառն այն էր, որ Ֆրանսիան այդ ժամանակ լուրջ դժվարությունների էր հանդիպել իրեն «հանձնված» երկրում՝ Սիրիայում, որի բնակչությունը, հենց նոր ազատագրված օսմանյան լծից, չէր ցանկանում մի նոր լծի տակ ընկնել[60]։

Վերջապես, քեմալականների հետ «հաշտվելու» անհրաժեշտությունը թելադրվում էր Կիլիկիայի մի շարք քաղաքներում նրանց ձեռք բերած որոշակի ռազմական հաջողություններով[61]։ Պետք է ավելացնել նաև, որ քեմալականների կողմից մղված պրոպագանդի շնորհիվ «Քրքական ուժին առասպելական չափ տված ու մինչև կես միլիոն կանոնավոր զինվորի քանակին բարձրացրած էին... և գրեթե բոլոր ֆրանսիական թերթերը Կիլիկիայի անմիջական պարպումը կը պահանջեին»[62]։ 1920 թ. մայիսի սկզբին ֆրանսիացիները առաջին փորձն են անում կապեր հաստատելու և բանակցությունների մեջ մտնելու Անկարայի ղեկավար շրջանների հետ։ Այդ նպատակով Ստամբուլից Անկարա է մեկնում մի բարձրաստիճան զինվորական և մի քաղաքացիական անձ։ Բանակցությունները, որոնցում որպես միջնորդ հանդես էր գալիս Վանի նախկին պատգամավոր Հայդար բեյը, այդ ժամանակ շոշափելի արդյունքի չհանգեցրին[63]։

---

60 Ֆրանսիական հեղինակներից Ժան Պիեռ Ալեմը գտնում է, որ ժամանակավոր զինադադարի հիմնական շարժառիթն էր ֆրանսիական ուժերն ուղղել Էմիր Ֆեյսալի դեմ և ջախջախել նրան։ Տե՛ս Jean Pierre Alem, L'Arménie, Paris, 1962, էջ 67։

61 Lord Kinross, op. cit., p. 204.

62 Տե՛ս Վ. Լ. Խուպանեան, Օրագրութիւն ուղեորութեան Եվրոպա-Սահակ Բ. կաթողիկոսին Կիլիկիոյ, Հալեպ, 1928, էջ 13։

63 М. Кемаль, Путь новой Турции, т. III, стр. 87.

Ավելի ուշ՝ մայիսի վերջերին, Անկարա է գալիս Բեյրութում ֆրանսիական գերագույն կոմիսարիատի գլխավոր քարտուղար Ռոբեր դը Քեի գլխավորած միսիան, որի հետ Մուստաֆա Քեմալը «երկար ու ծանր բանակցություններից հետո» մայիսի 30-ին կնքում է զինադադար 20 օրով[64]։

Անկարայում ստորագրված զինադադարի պայմանագիրը նախատեսում էր.

1. Առաջին 10 օրվա ընթացքում ֆրանսիական և մահմեդական բոլոր բանտարկյալների՝ ռազմական թե քաղաքական, փոխանակում.

2. Ֆրանսիական զորքերի նահանջը մինչև Մերսին—Ադանա—Իսլահիե երկաթգիծը· Սսի, Բոզանթիի, Այնթապի, ինչպես նաև երկաթգծից հյուսիս ընկած քաղաքների պարպում.

3. Թշնամական բոլոր գործողությունների դադարեցում՝ մայիսի 30-ի կեսգիշերից հաշված[65]։

Վերևում ասվեց քեմալականների հետ համաձայնության հասնելու՝ ֆրանսիացիների զրդապատճառների մասին։ Ինչ վերաբերում է Անկարայի կառավարության հետապնդած նպատակներին, այդ մասին Քեմալը իր 1927 թ. հայտնի ճառում հետևյալն է ասել. «Ամենից առաջ ես ուզում էի Ադանայի գոտում և Ադանայի ճակատում գտնվող ազգային ուժերի վերակառուցում անցկացնել... Բացի դրանից, ես ի նկատի ունեի քաղաքական շահը, որն այդ պահին մեզ համար խիստ կարևոր էր. Ազգային մեծ ժողովը և նրա կառավարությունը չէին ճանաչվել Անտանտի տերությունների կողմից, ընդհակառակը, երկրի ու ազգի ապագային վերաբերող հարցերի շուրջ այդ տերությունները բանակցում էին Դամատ Ֆերիդ փաշայի կառավարության հետ Ստամբուլում։ Եվ այն փաստը, որ ֆրանսիացիները, շրջանցելով Ստամբուլի կառավարությանը, մեզ հետ բանակցությունների մեջ են մտնում և համաձայնագիր ստորագրում՝ ինչ հարցի վերաբերյալ էլ դա լինի, այդ ժամանակ մեզ համար քաղաքական խոշոր հաջողություն էր... Այդ բանակցություններից ես այն տպավորությունն ստացա, որ ֆրանսիացիները պատրաստ են իրենց զորքը հանել Ադանայի մարզից»[66]։

---

[64] E. Brémond, op. cit., p. 53; Paul Bernard, Six mois en Cilicie, Aix-en-Provence, 1929, p. 40.

[65] Paul du Véon, op. cit., p. 219; Pierre Redan, op. cit., p. 101.

[66] Мустафа Кемаль, Путь новой Турции, т. III, стр. 87—88.

Մայիսի 30-ի զինադադարը, իսկապես, նշանակալից հաջողություն էր քեմալականների համար, մինչդեռ ֆրանսիացիները ոչ միայն որևէ շոշափելի օգուտ չքաղեցին դրանից, այլև կրեցին բարոյական մեծ պարտություն, որն իր հերթին ռազմական նոր անհաջողություններ բերեց Ֆրանսիային Կիլիկիայում: «Զինադադարի հրապարակումը,— խոստովանում է Պիեռ Ռըդանը,— կատարյալ հեղաբեկում առաջ բերեց Կիլիկիայի ազգաբնակչության մեջ: Մինչ այդ մենք կողմնակիցներ ունեինք, իսկ մայիսի վերջից սկսած մի համընդհանուր զայրույթ ու դժգոհություն ծայր առավ. տատանվողները, չեզոքները, որոնք դեռ կարծում էին, թե ֆրանսիական ուժերը կգան հզորացնելու վիլայեթում առկա զորքերը, լրիվ կորցրեցին վստահությունը մեր զորքերի հանդեպ...»[67]:

Կիլիկիայում ֆրանսիական վարչական վերահսկողության ղեկավար դնդապետ Բրեմոնը նույնպես խոստովանում է, որ զինադադարը «հիասթափություն առաջ բերեց, ֆրանսիացիներից վանեց և քեմալիզմին հարել պարտադրեց այն թուրքերին, որոնք հավատ էին ընծայում ֆրանս-թուրքական բարեկամությանը»: Միաժամանակ, նա ընդգծում է այն փաստը, որ Մուստաֆա Քեմալի լայն խոստումները՝ վերջ դնելու թշնամանքին, նույնպես չիրականացան[68]:

Սակայն ֆրանս-քեմալական զինադադարից առավել տուժեցին կիլիկիահայերը: Եթե ժորժ Պիկոյի ուղևորությունը Սըվաս հանդեցրեց քեմալական ուժերի համախմբմանը, ֆրանսիական զորքերի նահանջին և դրա հետևանքով Մարաշի 12 հազար հայերի զարհուրելի կոտորածին, ապա Ռոբեր դը Քեի առաքելությունը Անկարա, վերստին դրսևորելով Ֆրանսիայի դիրքերի թուլությունը Կիլիկիայում և ֆրանսիական դիվանագիտության տատանումները, խրախուսեց ազգայնական այն ուժերին Կիլիկիայում, որոնք հարմար պահի էին սպասում հայերի դեմ խժդժություններ ձեռնարկելու համար: Հասկանալի է, որ ֆրանսիացիների հեռանալուց հետո հայերն այլևս չէին կարող մնալ իրենց հարազատ վայրերում, ստիպված էին նահանջելու ֆրանսիական զորքի հետ մեկտեղ: Այդ ձևով հայությունից դատարկվեց հինավուրց Սիսը՝ Կիլիկիայի հայ կաթողիկոսի աթոռանիստ քաղաքը: Զինադադարի համաձայն ֆրանսիական կայազորը 1920 թ. հունիսի սկզբին թողեց քաղաքը՝ իր հետ

---

[67] Pierre Redan, op. cit., p. 101.
[68] E. Brémond, op. cit., p. 54—55.

տանելով 7500 հայ փախստականների, որոնք հունիսի 7-ին ժամանեցին Ադանա՝ կապիտան Թայարդայի զորասյան ուղեկցությամբ[69]։ «Այդ մարդիկ,— գրում է գնդապետ Բրեմոնը,— ավերված, խաբված, զայրացած այն բանից, որ ստիպված են լքել Փոքր Հայքի մայրաքաղաքը, կաթողիկոսի նստավայրը, գալիս էին անկարգության տարր դառնալու Ադանա քաղաքում, ուր տեղավորվում էին մեծ դժվարությամբ՝ բազմապատկելով օրեցօր սաստկացող սովը»[70]։

Ֆրանս-քեմալական զինադադարը նոր դժգոհություն առաջ բերեց ոչ միայն Կիլիկիայում, այլև Ֆրանսիայում։ Պառլամենտում սուր բանավեճեր էին գնում ֆրանսիական զորքերի Կիլիկիայում մնալու նպատակահարմարության և հեռանկարների շուրջ։ Կառավարական շրջաններում նույնպես լուրջ տարաձայնություններ կային «Թուրքական հարցում» Ֆրանսիայի վարած քաղաքականության շուրջ։ Զինվորական կուսակցությունը մարշալ Ֆոշի գլխավորությամբ պահանջում էր առավել խիստ միջոցների դիմել «Ֆրանսիայի հեղինակությունը փրկելու համար»։ Միլերանի կառավարությունը «առժամանակ» ստիպված էր հաշվի նստել «աջերի» գրաված դիրքի հետ։ Ի վերջո Ֆրանսիան 1920 թ. հունիսի 20—21-ին Բուլոնում կայացած Անտանտի Գերագույն խորհրդի նիստին հանդես գալով Անգլիայի հետ համատեղ, միացավ Անատոլիայում հունական հարձակում ձեռնարկելու վերաբերյալ որոշմանը, իսկ 1920 թ. օգոստոսի 10-ին դաշնակից մյուս պետությունների հետ մեկտեղ Սևրում հաշտության պայմանագիր կնքեց Թուրքիայի հետ։

Սևրի պայմանագիրը ստորագրվեց մի կողմից Մեծ Բրիտանիայի, Ֆրանսիայի, Իտալիայի, Ճապոնիայի, Հայաստանի, Բելգիայի, Հեջազի, Լեհաստանի, Հունաստանի, Ռումինիայի, Պորտուգալիայի, Չեխոսլովակիայի, Հարավսլավիայի, մյուս կողմից՝ Թուրքիայի միջև։

Սևրի պայմանագրով Արևելյան Թրակիան Ադրիանապոլսի հետ, Գալիպոլիի ամբողջ թերակղզին, ինչպես և Իզմիր քաղաքն իր մերձակայքով տրվում էին Հունաստանին։ Կոստանդնուպոլիսը մնում էր թուրքերի ձեռքում, սակայն, 36-րդ հոդվածի համաձայն, եթե Թուրքիան հրաժարվեր պայմանագրի որոշումները կատարելուց, մասնավորապես փոքրամասնությունների էթնիկական, կրոնական

---

[69] Paul du Véou, op. cit., p. 222 Մանրամասն տե՛ս Միսաք Քելեշեան, Սիս-Մատեան, Պէյրութ, 1949, էջ 622—627։

[70] E. Brémond, op. cit., p. 55.

ու լեզվական իրավունքները հարգելուց, Դաշնակից տերություններին իրավունք էր վերապահվում փոփոխել իրենց նախորդ որոշումը։ Նեղուցների գոտին նույնպես մնում էր թուրքական իրավասության ներքո, սակայն լրիվ ապառազմականացվում էր և դրվում հատուկ միջազգային կազմակերպության՝ «Նեղուցների հանձնաժողովի» վերահսկողության տակ։

Սիրիան, Լիբանանը, Մեսոպոտամիան և Պաղեստինը անջատվում էին Օսմանյան կայսրությունից և հանձնվում մանդատային կառավարմանը (հոդված 94—95)։ Թուրքիան պարտավորվում էր ճանաչել որպես ինքնուրույն պետություններ Հեջազի թագավորությունը (հոդված 98) և Հայաստանը՝ Տրապիզոնի, Էրզրումի, Վանի և Բիթլիսի վիլայեթների սահմաններում։ Թուրքիայի ու Հայաստանի սահմանը հիշյալ տերիտորիայի շրջանակներում որոշվելու էր համաձայն ԱՄՆ-ի պրեզիդենտ Վիլսոնի միջնորդ վճռի (հոդված 88—89)։

62-րդ հոդվածով նախատեսվում էր տեղական ինքնավարություն քրդաբնակ այն շրջանների համար, որոնք կընկնեին ապագա Հայաստանի հարավային սահմաններից հարավ և Թուրքիայի ու Սիրիայի ու Մեսոպոտամիայի սահմանից հյուսիս։ Վերջնական տերիտորիան որոշելու էր բրիտանական, ֆրանսիական և իտալական կառավարությունների կողմից նշանակված ներկայացուցիչների հանձնաժողովը, որի որոշումները պարտադիր էին լինելու Թուրքիայի համար (հոդված 63)։ Եթե պայմանագիրը ուժի մեջ մտնելուց մեկ տարի հետո, 62-րդ հոդվածում նշված մարզերի քուրդ ազդաբնակչությունը դիմեր Ազգերի Լիգայի խորհրդին, և եթե խորհուրդը գտներ, որ այդ բնակչությունը ընդունակ է անկախության, Թուրքիան պարտավորվում էր հրաժարվել այդ մարզերի նկատմամբ ունեցած բոլոր իրավունքներից (հոդված 64)։

Պայմանագրի առանձին բաժնում խոսվում էր Թուրքիայի ազդային փոքրամասնությունների իրավունքների մասին, 141-րդ հոդվածով Թուրքիան պարտավորվում էր ապահովել երկրի «բոլոր բնակիչների կյանքի ու ազատության լիակատար պաշտպանությունը, անկախ ծագումից, ազգությունից, լեզվից, ցեղից կամ կրոնից»։ Այդ տեսակետից կարևոր նշանակություն ուներ հաջորդ, 142-րդ հոդվածը, որտեղ ասված էր հետևյալը.

«Ի նկատի ունենալով, որ 1914 թվականի նոյեմբերի 1-ից հետո Թուրքիայում իշխող տեռորիստական ռեժիմի պայմաններում իսլամի դավանանքի ընդունումը չէր կարող տեղի ունենալ նորմալ կար-

գով, այդ ժամանակից ի վեր կատարված դավանափոխությունը չի ճանաչվում, իսկ յուրաքանչյուր անձ, որը մինչև 1914 թ. նոյեմբերի 1-ը մահմեդական չի եղել, դիտվելու է որպես այդպիսին մնացած...

Պատերազմի ժամանակ Թուրքիայում կատարվող գազանությունների հետևանքով մարդկանց պատճառած չարիքը առավել լայն չափով ուղղելու համար Օսմանյան կառավարությունը պարտավորվում է ամեն կերպ տրամադրել իր և օսմանյան իշխանությունների օժանդակությունը՝ փնտրելու և ազատելու ամեն ցեղի ու կրոնի բոլոր այն մարդկանց, ովքեր անհայտացել, առևանգվել, երկրի խորքն են քշվել և կամ ազատությունից զրկվել 1914 թ. նոյեմբերի 1-ից հետո...»[71]:

Սևրի պայմանագիրը ստրկացուցիչ պայմանագիր էր Թուրքիայի համար, որը զրկվում էր Իզմիրի մարզից, Արևելյան Թրակիայից Ադրիանապոլսի հետ մեկտեղ, Դարդանելի եվրոպական ափից և Գալիպոլիական ամբողջ թերակղզուց: Կապիտուլյացիաների ռեժիմը ոչ միայն վերականգնվում էր Անտանտի տերությունների կողմից, այլև տարածվում դաշնակից այն տերությունների վրա, որոնք մինչև համաշխարհային պատերազմը չէին օգտվում այդ իրավունքից (Հոդված 261): Թուրքական ֆինանսների կարգավորման համար ստեղծված ֆինանսական հանձնաժողովի կազմի մեջ էին մտնում Ֆրանսիայի, Բրիտանական կայսրության, Իտալիայի և Թուրքիայի ներկայացուցիչները. խորհրդակցական ձայն ուներ միայն վերջինս (Հոդված 231): Այդ նույն հանձնաժողովին իրավունք էր վերապահվում իր լիակատար վերահսկողությանը ենթարկել Թուրքիայի ամբողջ տնտեսությունը և այլն:

Պետք է նշել, սակայն, որ Օսմանյան կայսրության կեղեքված ժողովուրդների՝ արաբների, քրդերի, հայերի ազգային ինքնուրույնության ու անկախ պետականության հարցի արծարծումը Սևրի պայմանագրում մի քայլ առաջ էր այդ ժողովուրդների ազատագրության և ինքնուրույն պետության ստեղծման ճանապարհին: Ճիշտ է, ազատագրվելով թուրքական դարավոր լծից, այդ ժողովուրդները ընկնելու էին կախման մեջ Արևմուտքի իմպերիալիստական խոշոր տերություններից, սակայն պատմության ընթացքը և, մասնավորապես, Օսմանյան կայսրությունից անջատված արաբական երկրների պատմական զարգացումը ցույց տվեց, որ առավել

---

71 *Մանրամասն տե՛ս* Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. Полный перевод с французского текста под ред. проф. Ю. В. Ключникова и проф. А. В. Сабанина, М., 1927, стр. 25—45.

դյուրին է և իրական ազատագրվել իմպերիալիստական տերությունների լծից, քան թուրքական (լինի դա սուլթանական, իթթիհադական թե քեմալական) դարավոր լծից։

Դառնանք Ֆրանսիայի առնչությանը Սևրի հաշտության պայմանագրին։ Ինչպես երևում է պայմանագրի հոդվածներից, Ֆրանսիան առանձնապես մեծ բան չէր շահում. ֆինանսական վերահսկողությունը, որտեղ նա մինչ պատերազմը գերակշռող դիրք ուներ, նա այժմ պետք է իրականացներ Անգլիայի և Իտալիայի հետ համատեղ, նեղուցներում Ֆրանսիան ստորադաս դիրք էր գրավելու Անգլիայի համեմատ, իսկ Արևմտյան Հայաստանի, Քուրդստանի ու Իզմիրի անջատումով նա զրկվելու էր տնտեսական ու դրամական հսկայական շահույթներից։ Եթե այս բոլորին ավելացնենք Ֆրանսիայի պարտավորությունը՝ Կիլիկիան վերադարձնել Թուրքիային, ապա լիովին հասկանալի կդառնա այն դժգոհությունը, որ Սևրի պայմանագրի ստորագրումը առաջ բերեց Ֆրանսիայի ազդեցիկ քաղաքական շրջաններում ու ֆրանսիական մամուլում։

«Ֆրանսիայում Սևրի պայմանագիրը ուժեղ դիմադրության հանդիպեց այն շրջանակներում,— գրում է Պայառեսը,— որոնք այն տարօրինակ կարծիքին էին, թե հանրապետությունը (Ֆրանսիան— Ռ. Ս.) մահմեդական մի տերություն է»[72]։

Պայմանագրի տակ ֆրանսիական ներկայացուցիչների ստորագրության թանաքը դեռ չչորացած, այդ նույն մարդիկ սկսեցին հանդես գալ Սևրից հրաժարվելու այլազան առաջարկներով, իսկ արտաքին գործերի մինիստրության լսափողը հանդիսացող «Տան» թերթը չէր դադարում կոչ անելուց չեղյալ հայտարարել պայմանագիրը»[73]։

«Թուրքական պայմանագիրը,— գրում էր Պուանկարեն,— ստորագրվեց Սևրում՝ ճենապակու գործարանի գտնվելու վայրում... Եվ նա ինքը փխրուն իր է, գուցե և ջարդված վազա։ Մի դիպչեք նրան։ Արդեն վերջին րոպեին, Ռոդոս կղզու ապագա ճակատագրի հարցում Հունաստանի ու Իտալիայի հակադիր տեսակետները քիչ մնաց խափանեին ամբողջ գործը։ Բազմիցս հայտարարված ստորագրության արարողությունը անընդհատ հետաձգվում էր։ Այն վերջապես տեղի ունեցավ հոգնածության ու անտարբերության մթնոլորտում և ուշադիր դիտորդներից մի քանիսը միայն, ոչ առանց

---

[72] Michel Paillarès, op. cit., p. 190.

[73] Նույն տեղում։

մելամաղձության նկատեցին, որ դրանով արբագործվում էր ֆրանսիական ազդեցության խիստ թուլացումը Արևելքում»[74]։

Պայմանագրի վավերացումը լուրջ դիմադրության հանդիպեց Ֆրանսիայի Ազգային ժողովում և Սենատում։

«Առաջին իսկ ժամից,— խոստովանում էր մինիստրների խորհրդի նախագահ Ա. Բրիանը,— պառլամենտը հանդես բերեց իր բացասական վերաբերմունքը Սևրի պայմանագրի վավերացման հարցում։ Եվ ես մեր դաշնակիցներին պարզորոշ ասացի, որ չպետք է հույս դնել ֆրանսիական պառլամենտի վրա՝ վավերացնելու համար Սևրի պայմանագիրը այն տեսքով, ինչպիսին որ նա կա, որովհետև նա ուժեղ կերպով ոտնահարում է ֆրանսիական ավանդությունները, խիստ հակադրվում մեր շահերին ինչպես ներկա պահին, այնպես էլ ապագայի տեսանկյունից, և որ անհրաժեշտ է վերստին ուսումնասիրել և փոփոխել այն...»[75]։

Սևրի պայմանագիրը վերանայելու կողմնակիցները ելնում էին նաև քեմալականներին ոչ մեծ զիջումներ անելու գնով նրանց հակասովետական խմբավորման մեջ ընդգրկելու ձգտումներից։ 1920 թ. ամռան ամիսներին Անկարայի կառավարության արտաքին քաղաքական դիրքերը զգալիորեն ամրապնդվել էին շնորհիվ Սովետական Ռուսաստանի հետ հաստատված դիվանագիտական հարաբերությունների։ Սևրի պայմանագրի ստորագրման ժամանակ և դրանից հետո Մոսկվայում էր գտնվում Թուրքական պատվիրակությունը Բեքիր Սամի-բեյի գլխավորությամբ, որը օգոստոսի 24-ին նախնական պայմանագիր ստորագրեց ՌՍՖՍՀ կառավարության հետ։ Ֆրանսիական դիվանագիտությունը սովետա-թուրքական հետագա մերձեցումը կանխելու համար, փորձ է անում քեմալական Թուրքիային դուրս բերել Սովետական Ռուսաստանի դեմ՝ օգտագործելով տերիտորիալ հարցերում նրանց միջև ծագած տարաձայնությունները։ Ֆրանսիական զորավար դը Բուրգոնը, Կոստանդնուպոլսի գրավման կորպուսի հրամանատարը, առաջարկում էր Թուրքիային վերադարձնել Իզմիրն ու Թրակիան՝ նրան Ֆրանսիայի կողմը գրավելու համար։

«Ես կարծում եմ,— գրում է նա,— որ դա այնքան էլ թանկ վճար չէր լինի աշխարհի միակ բանակին, որը ներկայումս կարող է հանդես գալ բոլշևիկների դեմ»[76]։

---

[74] *Տե՛ս* Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне, стр. XVIII.

[75] „L'Asie française", № 194, juillet-août 1921, p 312—313.

[76] *Տե՛ս* «История дипломатии», изд. второе, т. III, стр. 214.

Սևրից հրաժարվելու անհրաժեշտության մասին գրում էին բոլոր ազդեցիկ ֆրանսիական թերթերը։ Սովետա-լեհական պատերազմում և Վրանգելի դեմ երիտասարդ Սովետական Ռուսաստանի տարած վճռական հաղթանակներից հետո ֆրանսիական մամուլն առավել մեծ անհանգստությամբ էր գրում այն մասին, որ Անտանտի տերությունների անհետաձգ քաղաքականությունը քեմալականներին նետում է բոլշևիկների գիրկը՝ նրանց դեմ դուրս բերելու փոխարեն։ «Անհրաժեշտ է,—գրում էր «Ծան» թերթը 1921 թ. հունվարի 24-ին, որ Անատոլիան դադարի բոլշևիկացման ենթարկվելուց։ Իսկ այդ բանը հնարավոր կդառնա Սևրի պայմանագիրը վերանայելուց հետո միայն»[77]։ Իսկ «Վիկտուար» թերթը առաջարկում էր ընդունել Քեմալի բոլոր պայմանները, որովհետև «Ասիայում ռուսական բոլշևիզմի լավագույն պատվարը աղգայնական Թուրքիայի հետ համաձայնության գալն է»։ «Թուրքական բանակը,— ասվում էր նույն հոդվածում,— կկասեցնի բոլշևիզմը ամբողջ Ասիայում և որպես դրա սկիզբը կաղատագրի Բաքվի նավթարեր հողերը»[78]։

Միաժամանակ, ֆրանսիական դիվանագիտությունը ծրագրում էր քեմալականների հետ մերձեցումն օգտագործել Մերձավոր Արևելքում Անգլիայի դիրքերը և աղդեցությունը թուլացնելու նպատակով, օգտագործելով նաև Սևրից հետո հատկապես անգլիական իմպերիալիզմի դեմ ծայր առած զժգոհությունն ու զայրույթը։ Ֆրանսիական պատմաբան Տեստին մատնանշում է, որ Սևրից հետո քեմալականների վերաբերմունքը ֆրանսիացիների հանդեպ միանգամայն խաղաղասիրական էր, որովհետև Կիլիկիան թողնվում էր Թուրքիային և վերջինիս հիմնական երկյուղը Ֆրանսիայի մտադրությունների հանդեպ ցրվել էր, մինչդեռ Անգլիան շարունակում էր տեր ու տնօրինություն անել Կոստանդնուպոլսում՝ առավել գրգռելով Թուրքերին[79]։

1920 թ. նոյեմբեր-դեկտեմբերին կայացած Լոնդոնի երկրորդ կոնֆերանսում և 1921 թ. հունվարին Փարիզում դումարված Անտանտի Գերագույն խորհրդի նիստում Ֆրանսիային հաջողվում է հասնել այն բանին, որ ընդունվում է որոշում՝ Սևրի պայմանագիրը մասնակի փոփոխությունների ենթարկելու և այդ նպատակով Լոնդոնում դաշնակից տերությունների կոնֆերանս հրավիրելու մասին։

---

77 Տե՛ս «Вестник НКИД», 15.III 1921.
78 Տե՛ս «Известия», 19.II 1921.
79 Testis, op. cit., p. 45.

Կոնֆերանսին հրավիրվում էին Հունաստանի և Թուրքիայի ներկայացուցիչները, ըստ որում վերջինիս թույլատրվում էր հանդես գալ երկու պատվիրակություններով՝ Կ. Պոլսի կառավարության և Անկարայի կառավարության։ Մեծ վեզիր Թևֆիկ փաշայի բոլոր ջանքերը՝ միացյալ մի պատվիրակություն ուղարկելու Լոնդոն, ապարդյուն անցան։ Այս առթիվ նրա և Մուստաֆա Քեմալի միջև տեղի ունեցած նամակագրության ընթացքում վերջինս վճռականորեն պահանջում էր, որ միայն Անկարայի Մեծ ժողովի պատվիրակները մեկնեն Լոնդոն, որպես ամբողջ Թուրքիայի միակ օրինական ներկայացուցիչներ[80]։ Համաձայնություն չկայացավ, և Անկարայի կառավարությունը կազմեց առանձին պատվիրակություն՝ արտաքին գործերի մինիստր Բեքիր Սամի-բեյի գլխավորությամբ, որը պետք է մեկներ Լոնդոն և մասնակցեր կոնֆերանսին՝ հատուկ հրավեր ստանալու դեպքում միայն[81]։ Քեմալականները վստահ էին, որ նման հրավեր կստացվի, ուստի և, ժամանակ շահելու նպատակով, պատվիրակությունը Ադալիա քաղաքի վրայով ուղևորվում է Հռոմ, որտեղ և Իտալիայի արտաքին գործերի մինիստր Սֆորցան պաշտոնապես հայտնում է, որ Անկարայի կառավարության պատվիրակությունը հրավիրվում է Լոնդոնի կոնֆերանսին։

1921 թ. փետրվարի 21-ին բացված Լոնդոնի կոնֆերանսում սուլթանի ներկայացուցիչները, որոնք «անխոս դերասանների դեր էին կատարում»[82], ձուլվեցին քեմալական պատվիրակությանը և Ռեշիդ փաշան Կ. Պոլսի պատվիրակության անունից պաշտոնապես հայտարարեց, որ Բեքիր Սամի-բեյը լիազորվում է արտահայտելու թուրքական տեսակետը[83]։ Փետրվարի 27-ին թուրքական միացյալ պատվիրակությունը ներկայացրեց իր պահանջները.

1. Եվրոպական մասում 1913 թ. սեպտեմբերի 16-ի թուրք-բուլղարական պայմանագրով գծված սահմանի վերականգնում, այսինքն՝ ամբողջ Արևելյան Թրակիան վերադարձնել Թուրքիային.

2. Թուրքիայի հարավային սահմանները պետք է անցնեն այն գծով, որը բաժանում է նրան արաբական մեծամասնությամբ բնակեցված շրջաններից։ Այդ գիծը կորոշվի Թուրքիայի և շահագրգռված կողմի միջև կնքված համաձայնագրով։ Այդ գծից հյուսիս ընկած

---

80 Տե՛ս М. Кемаль, Путь новой Турции, т. III, стр. 177—199.

81 Տե՛ս La guerre de l'indépendance turque. Publié par la Direction Générale de la Presse au Ministère de l'Intérieur. Ankara, 1937, p. 52—53.

82 Michel Paillarés, op. cit., p. 206.

83 „L'Asie française", Mars 1921, p. 90.

վայրերը, որոնք բնակեցված են թուրքերով, ինչպես և Կիլիկիան, պետք է պարպվեն օտար զորքերից և վերադարձվեն Թուրքիային.

3. Թուրքիայի արևելյան սահմանը պետք է անցնի թուրք-պարսկական սահմանագծով և Թուրքիայի ու Հայաստանի միջև կնքված պայմանագրի (Ալեքսանդրապոլի—Ռ. Ս.) համաձայն.

4. Իզմիրը և Փոքր Ասիայի բոլոր այն տերիտորիաները, որոնք գրավված են հույների կողմից, պետք է վերադարձվեն Թուրքիային.

5. Նեղուցներում ազատ նավարկության սկզբունքի հաստատում, այն հաշվով, սակայն, որ ապահովվի Կ. Պոլսի կատարյալ անվտանգությունը և Թուրքիայի սուվերենությունը.

6. Փոքրամասնությունների, նրանց կրոնի և լեզվի պաշտպանությունը կապահովվի նույն կարգով, ինչ որ նախատեսված է Սեն-Ժերմենի, Նեյիի և Տրիանոնի պայմանագրերով.

7. Օսմանյան սուվերենության հարգումը.

8. Ռազմական և ծովային ուժերի չափը որոշելիս հաշվի առնել երկրի սահմանների տարածվածությունը, ինչպես և հարևան երկրների քաղաքական վիճակը՝ դրան համապատասխանորեն ապահովելու համար ներքին կարգ ու կանոնը և սահմանների անվտանգությունը.

9. Թուրքիայի ֆինանսական ու տնտեսական անկախության ճանաչում՝ կապիտուլյացիաների ռեժիմը լրիվ վերացնելու և երկրի համակողմանի զարգացումն ապահովելու միջոցով[84]։

Թուրքական, իսկ ավելի ճիշտ՝ Անկարայի պատվիրակության կողմից ներկայացված հաշտության ծրագիրը ըստ էության արտահայտում էր «Ազգային ուխտի» բոլոր հիմնական սկզբունքները, այսինքն՝ այն չէր ճանաչում քրդերի ու հայերի ազգային ինքնորոշման իրավունքը, օրինականացնում էր Կարսի մարզի զավթումը քեմալականների կողմից և ոչ մի լուրջ երաշխիքներ չէր ապահովում Թուրքիայի ազգային փոքրամասնություններին։

Փետրվարի 26-ի նիստում դաշնակից տերությունները մերժեցին թուրքական առաջարկները և անցան կոնֆերանսի մյուս՝ ռեպարացիոն հարցի քննարկմանը։ Միաժամանակ, Անտանտի գլխավոր տերությունները՝ Անգլիան ու Ֆրանսիան առեղծված ընդմիջումը օգտագործեցին թուրքական պատվիրակության ղեկավար Բեքիր Սամի-բեյի հետ անջատ բանակցություններ վարելու համար։

---

[84] „L'Asie française", mars 1921, p. 90–91.

Անգլիական դիվանագիտության հետապնդած նպատակն էր քեմալականներին աննշան զիջումներ անելով համաձայնության գալ նրանց հետ և օգտագործել հակասովետական ծրագրերում։ Բեքիր Սամի-բեյը ընդառաջ էր գնացել Լլոյդ-Ջորջին, և նրա հետ ունեցած գաղտնի զրույցների ժամանակ առաջարկել էր Թուրքիան ընդգրկել հակասովետական խմբավորման մեջ՝ նրան միացնելով Հյուսիսային Կովկասի լեռնականներին և այդպիսով ստեղծելով բուֆերային ֆեդերալ պետություն Արևմուտքի և Սովետական Ռուսաստանի միջև[85]։ Սակայն բանակցությունների գաղտնիքը անսպասելիորեն հայտնի դարձավ և հրապարակվեց մամուլում, և Թուրքիայի Ազգային մեծ ժողովը ստիպված էր Բեքիր Սամի-բեյին ազատել արտաքին գործերի մինիստրի պաշտոնից[86]։

Ինչ վերաբերում է Ֆրանսիայի քաղաքականությանը, այն Լոնդոնի կոնֆերանսում երկու հիմնական խնդիր էր հետապնդում. 1. ամեն կերպ խանգարել սովետա-թուրքական քաղաքական մերձեցման, 2. անջատ համաձայնության գալ քեմալականների հետ, նրանց օգտագործելով միաժամանակ Անգլիայի դեմ։ Վերջին խնդրում ֆրանսիական դիվանագիտությունը որոշակի հաջողության հասավ. 1921 թ. մարտի 9-ին Բեքիր Սամի-բեյը և Բրիանը ստորագրեցին ֆրանս-թուրքական քաղաքական, ռազմական ու տնտեսական համաձայնագիր հետևյալ պայմաններով.

1. Թշնամական գործողությունների դադարեցում և ռազմագերիների փոխանակում.

2. Զինված բնակչության և հրոսակների զինաթափում՝ ֆրանսիական և թուրքական հրամանատարության համաձայնությամբ.

---

85 Մանրամասն տե՛ս Halide Edip., The Turkish Ordeal. Being the further memoirs of Halide Edip. London, 1928. էջ 254—256։

86 Մեր կարծիքով, սխալվում են այն թուրքագետները, որոնք Լլոյդ-Ջորջի հետ ունեցած Բեքիր Սամի-բեյի զաղտնի զրույցները դիտում են սոսկ որպես վերջինիս անձնական նախաձեռնության հետևանք։ Իրականում, սակայն, գործը մի փոքր այլ բնույթ էր կրում։ Բեքիր Սամի-բեյի պատվիրակությունը Անկարա վերադարձավ Ինոնյուի դյուցի մոտ 1921 թ. մարտի 31-ին քեմալական զորքերի տարած երկրորդ հաղթանակից հետո և հենց այդ հանգամանքը փոփոխություն առաջ բերեց Անկարայի կառավարության դիրքում՝ նրան դարձնելով առավել անհանդուրժող։ Հայտնի է, որ Թուրքիայի Ազգային մեծ ժողովը Բեքիր Սամիին լիազորություններից զրկեց այդ հաղթանակից և, միաժամանակ, այն բանից հետո, երբ հայտնի դարձավ, որ Անտանտի տերությունները չեն համաձայնվում բավարարել թուրքերի հիմնական պահանջները։ Ուշադրության արժանի է նաև այն փաստը, որ մի քանի ամիս հետո, 1921 թ. օգոստոսին, Բեքիր Սամի-բեյը Քեմալի կողմից նորից ուղարկվեց Եվրոպա Անտանտի պետությունների հետ համաձայնության գալու համար հող նախապատրաստելու նպատակով։

3. Ասիկանական ուժերի ստեղծում (արդեն ստեղծված ժանդարմերիայի օգտագործմամբ)՝ թուրքական հրամանատարության ներքո, ընդգրկելով նաև թուրքական կառավարության տրամադրության տակ դրված ֆրանսիական սպաներին.

4. Ֆրանսիական ու թուրքական հրամանատարության համաձայնությամբ մեկ ամսվա ընթացքում (քննամական գործողություններն դադարեցնելուց հետո) ազատել պատերազմող կողմերի գրաված այն տերիտորիան, որն ընկած էր Սևրի պայմանագրով գծված սահմանից հյուսիս։ Թուրքական զորքերը հեռանում են առաջինը և 8 օր հետո գրավում են ֆրանսիական զորքերի կողմից թողնված տերիտորիան.

Ժամանակավոր բնույթի միջոցներ կձեռնարկվեն՝ կապված այն տերիտորիաների պարպման հետ, որոնք Սևրի պայմանագրով տրվել էին Սիրիային և որոնք ներկա համաձայնագրով, նրանց էթնիկական բնույթից ելնելով, վերստին մտցվում են թուրքական պետության կազմի մեջ.

Երկարատև պատերազմական վիճակի և դրանից առաջացած խորը ցնցումների հետևանքով, ֆրանսիական զորքերը աստիճանաբար հեռանում են ֆրանսիական ու թուրքական իշխանությունների կողմից սահմանված պայմանների համաձայն։ Այդ նպատակով նրանք ստեղծում են հանձնաժողով հետևյալ ընդհանուր հիմքերի վրա. իսկական խաղաղեցում, Եփրատի և Ալեքսանդրետի ծոցի միջև երկաթուղային հաղորդակցության ապահովում՝ ներառյալ Ամանոսի արհեստական կառույցների և Ջերաբլուսի կամրջի վերականգնումը, հրոսակների կողմից ոտնձգությունների առկայության դեպքում՝ պահակախմբի պահպանում, Ուրֆայի միջադեպում[87] մեղավոր անձանց պատժում.

5. Լիակատար քաղաքական ներում և Կիլիկիայի վարչական կազմի պահպանում իրենց պաշտոններում.

6. Պարտավորություն՝ պաշտպանել էթնիկական փոքրամասնությունները, նրանց երաշխավորել բացարձակ իրավահավասարություն՝ ամեն տեսակետից և արդարացի կերպով հաշվի առնել բնակչության թվական հարաբերությունը՝ խառը ազգաբնակչություն ունեցող մարզերում ժանդարմերիայի ու տեղական վարչության կազմավորման ժամանակ հավասարակշռություն պահպանելու համար.

---

87 Խոսքը ֆրանսիական կայազորի ոչնչացման մասին է։

7. Ֆրանս-թուրքական տնտեսական համագործակցություն՝ առաջնության իրավունք տալով այն կոնցեսիաներին, որոնք տրվելու են Կիլիկիայի, ֆրանսիական զորքերի կողմից պարպված շրջանների, ինչպես նաև Մամուրեթ-ուլ-Ազիզի, Դիարբեքիրի և Սըվասի վիլայեթների տնտեսական օգտագործման նպատակով, այն չափով, սակայն, որքան որ այդ բանը չէր իրագործվի անմիջականորեն օսմանյան կառավարության կամ օսմանյան քաղաքացիների կողմից՝ ազգային կապիտալների օգնությամբ.

Կոնցեսիա ֆրանսիական խմբին՝ Արգանա Մադենի հանքերը շահագործելու համար:

Կոնցեսիաները, որոնք նախատեսում են մենաշնորհ կամ արտոնություն, շահագործվելու են օսմանյան օրենքի համաձայն ստեղծված ընկերությունների կողմից:

Օսմանյան և ֆրանսիական կապիտալների առավելագույն հնարավոր միավորում (որոնք կարող են հասնել օսմանյան կապիտալի 50 տոկոսին).

8. Թուրքական ու սիրիական մարզերի միջև մաքսային պատշաճ կարգի հաստատում.

9. Ֆրանսիական դպրոցական ու բժշկական հաստատությունների ու բարեգործական հիմնարկների պահպանում.

10. Ֆրանսիական կառավարությունը հատուկ վարչական ռեժիմ կհաստատի Ալեքսանդրետի նահանգի համար, որտեղ բնակչությունը խառը կազմ ունի. նա պարտավորվում է թուրքական ցեղին պատկանող բնակիչներին հատկացնել ամեն տեսակի արտոնություններ՝ իրենց մշակույթը զարգացնելու և օգտվելու համար թուրքերեն լեզվից, որն այնտեղ պաշտոնական բնույթ կկրի, այն չափով, ինչ չափով արաբերենը և ֆրանսերենը.

11. Կիլիկյան դարպասների և սիրիական սահմանի միջև ընկած Բաղդադի երկաթուղու հատվածի հանձնումը ֆրանսիական խմբին.

12. Թուրքիայի և Սիրիայի միջև սահմանը կսկսվի Ալեքսանդրետի ծոցում, Պարամից անմիջապես հարավ ընկած մասում ընտրված կետից, և այնուհետև կընթանա հիմնականում ուղիղ գծով դեպի Մեյդան Էկբեսը (երկաթուղային կայարանն ու վայրը մնում են Սիրիայի կազմում): Այնտեղից սահմանը կթեքվի դեպի հարավարևելք այն հաշվով, որ Մարսովա վայրը թողնվի Սիրիային, իսկ Կարնաբա վայրը, ինչպես և Քիլիս քաղաքը՝ Թուրքիային: Այնուհետև սահմանագիծը կհասնի երկաթուղուն Ջոբանբեյ կայարանի

մոտ, կանցնի Բաղդադի երկաթուղագծով մինչև Նիսիբին և կհասնի Եփրատի ոլորանին Աղեկխից դեպի հյուսիս և կանցնի Եփրատ գետով մինչև Ջեզիրե Իբն-Օմար։

Թուրքական մաքսատների գիծը կսահմանվի ճանապարհից դեպի հյուսիս, իսկ ֆրանսիական մաքսատներինը՝ ճանապարհից հարավ։

Համաձայնագրին կցված հավելվածում ասվում էր, որ մինչև պայմանավորվող կողմերի միջև ընդհանուր համաձայնագիր կնքելը, ռազմական գործողությունները կդադարեցվեն Կիլիկիայի ճակատում և Թուրքիայի ու Սիրիայի սահմանների վրա՝ հենց որ համապատասխան հրամաններ տրվեն զորքերին ֆրանսիական ու Անկարայի իշխանությունների կողմից, սակայն ոչ ուշ, քան մեկ շաբաթվա ընթացքում։

Համաձայնագիրը կնքվում էր, առանց նրա տևականությունը որոշելու. ռազմական գործողությունները կարող էին վերսկսվել թե այս թե այն կողմից՝ մեկ ամիս շուտ պաշտոնապես տեղեկացնելով համաձայնագրից հրաժարվելու մասին[88]։

Ֆրանս-թուրքական համաձայնագիրը, ինչպես երևում է նրա բովանդակությունից, Սևրի պայմանագրի համեմատությամբ, նախատեսնում էր տերիտորիալ զգալի փոփոխություններ հօգուտ Թուրքիայի, սակայն, միաժամանակ, մի շարք տնտեսական արտոնություններ Ֆրանսիային, արտոնություններ, որոնք, անկասկած, խախտելու էին թուրքական սուվերենությունը։ «Համաձայնագիրը ճանաչում էր Ֆրանսիայի ազդեցության գոտի, մինչդեռ «Ազգային ուխտը» նման ոչ մի բան չէր հանդուրժում[89], այդ պատճառով էլ Թուրքիայի Ազգային մեծ ժողովը հրաժարվեց վավերացնել Բեքիր Սամի-բեյի ստորագրած փաստաթուղթը, և վերջինիս ստիպեց հրաժարական տալ։

Սակայն անկախ դրանից, Ֆրանսիան ինքը, ռեպարացիոն հարցում Անգլիայի աջակցությունն ստանալու համար, ստիպված եղավ վերջինիս հետ մեկտեղ մարտի 12-ին թուրքական ու հունական պատվիրակությանն առաջարկել նոր պայմաններ, որոնք նկատելիորեն տարբերվում էին հենց նոր ստորագրված ֆրանս-թուրքական համաձայնագրի հոդվածներից.

1. Նեղուցների ապառազմականացում.

---

88 «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», ч. III, вып. 1, М., 1929, стр. 82—84.

89 „La guerre de l'Intépendance turque", p. 60.

2. Կ. Պոլսի էվակուացիան դաշնակիցների կողմից.

3. Թուրքերի մասնակցությունը նեղուցների վերահսկողությանը. Թուրքիան, ինչպես գլխավոր տերությունները, կունենա երկու ներկայացուցիչ նեղուցների հանձնաժողովում.

4. Ֆինանսական հանձնաժողովում Թուրքիան կունենա ոչ թե խորհրդակցական, այլ վճռական ձայն.

5. Թուրքական զինված ուժերը կարող են ունենալ 75.000 մարդ, որից 30.000 զինվորներ և 45.000 ժանդարմներ.

6. Իզմիրի ամբողջ շրջանը, բացի բուն քաղաքից, կմաքրվի հունական զորքերից: Իզմիրի նավահանգիստը ազատ կհայտարարվի բոլոր երկրների առևտրի համար: Սուլթանի սուվերենությունը ամբողջ վիլայեթի նկատմամբ կպահպանվի, սակայն այն կկառավարվի ինքնավարության ռեժիմի համաձայն Ազգերի Լիգայի կողմից նշանակված քրիստոնյա նահանգապետի կողմից: Հինգ տարի հետո, ստեղծված վարչակարգը կարող է վերափոխության ենթարկվել, եթե կողմերից մեկը դիմի Ազգերի Լիգային:

7. Թրակիայի ստատուտը չի փոփոխվում, հույները մնում են այն տերիտորիայում, որը նրանց է անցել Սևրի պայմանագրի համաձայն.

8. Թուրքիայի արևելյան սահմաններում հայերին ապահովվում է «Ազգային օջախ», որի սահմանները կորոշի Ազգերի Լիգայի կողմից նշանակված հանձնաժողովը.

9. Քուրդստանը կօգտվի տեղական ինքնավարության ռեժիմից՝ որոշակի երաշխիքներով քրդերին ու ասորա-քաղդեացիներին.

10. Թուրքիան կընդունվի Ազգերի Լիգա[90]:

Դաշնակից տերությունների այս նոր առաջարկները Սևրի համեմատությամբ մի շարք զիջումներ էին պարունակում, ուստի և չէին կարող բավարարել հույներին, իսկ թուրքերին այդ առաջարկները ձեռնտու չէին այն պատճառով, որ դրանք հակասում էին «Ազգային ուխտին», մինչդեռ Անկարայի պատվիրակությունը Լոնդոնի կոնֆերանսին մասնակցություն ունեցավ միայն «Ազգային ուխտի» սկզբունքների վրա հիմնված պայմանագիր ստորագրելու նպատակով[91]: Մարտի 12-ին երկու պատվիրակություններն էլ՝ հունական և թուրքական, մերժեցին վերջ թվարկված պայմանները: Լոնդոնի կոնֆերանսը անփառունակ վախճան ունեցավ:

---

[90] A. Mandelstam, op. cit., p. 184—185.

[91] Кемаль Ататюрк, Избранные речи и выступления, М., 1966, стр. 227.

Լոնդոնի կոնֆերանսից հետո թուրք-ֆրանսիական հարաբերությունները «սառնության» մի կարճատև շրջան ապրեցին, երբ Անկարայի Ազգային ժողովը 1921 թ. մայիսի 3-ին չեղյալ հայտարարեց ֆրանս-թուրքական համաձայնագիրը։ Այնուհետև սկսվում է փոխադարձ այցելությունների և դիվանագիտական զոնդաժի մի շրջան, որն ի վերջո հանգեցրեց 1921 թ. հոկտեմբերի 20-ի Անկարայի պայմանագրին։

* * *

Ամփոփելով թուրք-ֆրանսիական դիվանագիտական հարաբերությունների զարգացումը 1919 թ. վերջից մինչև 1921 թ. Լոնդոնի կոնֆերանսը, հանգում ենք հետևյալ եզրակացությունների.

Ֆրանսիայի քաղաքականությունը Թուրքիայի նկատմամբ պայմանավորված էր նրա տնտեսական, ֆինանսական ու քաղաքական առանձնահատուկ շահերով, որոնք պահանջում էին Թուրքիայի պետական ինքնուրույնության և տերիտորիալ ամբողջականության պահպանում։ Ուստի Ֆրանսիայի քաղաքականությունն ուղղված էր Թուրքիայի հետ անջատ համաձայնության գալուն՝ այդ շահերն ապահովելու համար։

Ֆրանսիական դիվանագիտությունը Թուրքիայի հետ մերձեցումը ձգտում էր օգտագործել նաև հակասովետական նպատակներով՝ բոլշևիկներին դուրս բերելու Սովետական Ռուսաստանի դեմ, նպատակ ունենալով թուրքական զենքի ուժով խանգարել սովետական կարգերի հաստատումը Անդրկովկասում։

Ֆրանսիական կառավարող շրջանների թուրքասիրական քաղաքականությունը, սակայն, հանդիպում էր Ֆրանսիայի դաշնակցի, իսկ իրականում ախոյանի՝ Անգլիայի դիմադրությանը, որն ամենևին շահագրգռված չէր Օսմանյան կայսրության պահպանմամբ, այլ ընդհակառակը, ձգտում էր բաժան-բաժան անել այն՝ առավել հարուստ հողամասերը իր ազդեցությանը ենթարկելու համար։

Մերձավոր Արևելքում գերիշխելու համար ծավալված պայքարում Ֆրանսիան հաճախ ստիպված էր լինում իր դիրքերը զիջել Անգլիային. դրա պատճառը Ֆրանսիայի կախվածությունն էր Անգլիայից՝ եվրոպական գործերում և վերջինիս ռազմական բացահայտ գերակշռությունը՝ Մերձավոր Արևելքի շրջանում։

Ստիպված լինելով իր քաղաքականությունը համաձայնեցնել, իսկ հաճախ՝ ենթարկել Անգլիային, Ֆրանսիան Սան-Ռեմոյում և ապա Սևրում հանդես է գալիս նրա հետ համատեղ՝ կրելով, այդպի-

սով, դիվանագիտական խոշոր պարտություն իր մերձավորարևելյան քաղաքականության մեջ։

Ֆրանսիական դիվանագիտության տատանումները շատ թանկ նստեցին Կիլիկիայի ազգաբնակչությանը և, հատկապես, մեծ եղեռնը վերապրած հայերին, որոնք Ֆրանսիայի հովանավորությանը ապավինելով վերադարձել էին Կիլիկիա՝ իրենց հայրենի օջախները։

Օգտագործելով Ֆրանսիայի անկայուն դիրքը, անգլո-ֆրանսիական սուր հակասությունները, Անկարայի ղեկավար շրջանները, հաստատուն ու վճռական քաղաքականություն կիրառելով, ձեռք բերեցին ռազմական ու դիվանագիտական հաջողություններ, որոնք հող նախապատրաստեցին 1921 թ. հոկտեմբերի 20-ի Անկարայի պայմանագրի ստորագրման համար։

Р. Г. СААКЯН

ТУРЕЦКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1919—1921 гг.

Резюме

Турецко-французские отношения занимают особое место в дипломатической истории Турции в период ее национальной войны. Франция первая из западных держав вступила на путь соглашения с Турцией и заключила с ней Анкарский договор 1921 г.

Политика Франции по отношению к Турции определялась ее особыми экономическими и финансовыми интересами, которые требовали сохранения территориальной целостности Турции. Поэтому и французская политика была направлена на сепаратное соглашение с Турцией для сохранения этих интересов.

Сближение с Турцией французская дипломатия стремилась использовать также в антисоветских целях—подстрекая кемалистские круги на выступление против Советской России и пытаясь турецким оружием помешать установлению советского строя в Закавказье.

Туркофильская политика французских правящих кругов наталкивалась, однако, на сильное противодействие Англии,

в тот период уже не заинтересованной в сохранении Османской империи, а наоборот, стремившейся расчленить Турцию. В этом единоборстве Франции часто приходилось подчинять свою политику ближневосточной политике своей союзницы, а на деле соперницы—Англии. Объяснялось это зависимостью Франции от последней в европейских делах и явным военным превосходством Англии на Ближнем Востоке.

Этим объясняется поддержка французскими кругами позиции Англии в Сан-Ремо и Севре, что явилось поражением французской ближневосточной политики.

Неустойчивость внешнеполитических позиций Франции дорого обошлась в первую очередь населению Киликии, особенно пережившим трагедию 1915 г. армянам, вернувшимся в свои родные очаги.

Умело использовав колебания французской политики и англо-французские острые противоречия, правящие анкарские круги твердой и решительной политикой в 1919—1921 гг. добились военных и дипломатических успехов, которые увенчались подписанием с Францией Анкарского договора 1921 г.

Данная статья хронологически охватывает период с декабря 1919 г. по март 1921 г.—Лондонскую конференцию включительно.

Գ. Ս. ՔԻԼԻՄՋՅԱՆ

ԹՈՒՐՔ–ՀՈՒՆԱԿԱՆ ՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ ԹՈՒՐՔԱԿԱՆ ՊԱՏՄԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ՄԵԿՆԱԲԱՆՈՒԹՅԱՄԲ (1908—1912 թթ.)

1908—1912 թվականների թուրք-հունական հարաբերությունները արդի թուրք պատմագրության մեջ որոշ չափով լուսաբանված են։ Թուրք պատմաբաններից Յուսուֆ Հիքմեթ Բայուրը իր կապիտալ աշխատությունների համապատասխան հատորներում բավականին ծավալուն կերպով է շարադրել հիշյալ շրջանի պատմությունը։ Թուրք պատմաբաններից մի քանիսը ևս, երիտասարդ թուրքերի բալկանյան քաղաքականությունը բնութագրելիս, այս կամ այն չափով անդրադարձել են Հունաստանի նկատմամբ երիտասարդ թուրքերի վարած արտաքին քաղաքականությանը և տվել նրա գնահատականը։

Ընդհանրապես, երիտթուրքերի բալկանյան քաղաքականության գնահատականը թուրքական գրականության մեջ խիստ բացասական է, որովհետև, թուրք հեղինակների կարծիքով սխալ այդ քաղաքականությունը «հսկայական Ռումելիի և էգեյան ծովի կղզիների կորստյան պատճառ հանդիսացավ»։

Ինչպես հայտնի է երիտթուրքերի իշխանության գլուխ անցնելու ժամանակ, Օսմանյան կայսրության նախկին նահանգներից Կրետեն կղզին, 1896—97 թվականի ապստամբության հետևանքով, փաստորեն և իրական տեսակետից այլևս թուրքական տիրապետության տակ չէր գտնվում։ Այդ ժամանակվանից կղզու հովանավորությունն անցել էր Անգլիային, Ֆրանսիային, Իտալիային և Ռուսաստանին, որոնք ստանձնած պարտավորությունների համար կոչվում էին «պաշտպան տերություններ»։ Բացի այդ, կղզուց դուրս հանվեցին թուրքական վարչության բոլոր ներկայացուցիչները և թուրքական զինված ուժերը, ու Կրետեն ինքնավարություն ստանալով, սկսեց

կառավարվել Հունաստանի թագավորի նշանակած գերագույն կոմիսարի կողմից, որն ազգությամբ հույն էր լինում։ Այսուհանդերձ, պաշտպան տերությունները ձևականորեն պահպանեցին սուլթանի վնհապետական իրավունքները կղզու նկատմամբ, որն սակայն, խորհրդանշվում էր միայն Սուդայի ծոցում ծածանվող թուրքական դրոշով[1]։

Սակայն, 1908 թվականի հուլիսի 29-ին, այսինքն օսմանյան սահմանադրության վերահռչակումից ուղիղ 5 օր անց, «Serveti Funun» թերթը կրետական հարցին նվիրված խմբագրականում գրեց. «Սահմանադրության հռչակմամբ լուծվեց նաև կրետական խնդիրը։ Այժմ արդեն պետք է պառլամենտ հրավիրել կրետական պատգամավորներին»։

Թերթը հույս էր հայտնում, որ Հունաստանը, հաշվի առնելով Օսմանյան կայսրությունում սահմանադրության հռչակման իրողությունը և կայսրության մեջ բնակվող հույների շահերը, կհրաժարվի Կրետեն միացնելու իր մտադրությունից։ Թերթի կարծիքով, տերությունները, պաշտպանելով Թուրքիայի սուվերեն իրավունքները Կրետեի նկատմամբ, պետք է օգնեին նրան՝ կղզին իր տիրապետության տակ վերադարձնելու գործում[2]։

Երիտասարդ թուրքերը, սակայն, այդքանով չէին ուզում բավարարվել։ Նրանք ձգտում էին վերականգնել իրենց իշխանությունը ոչ միայն ձևականորեն Օսմանյան կայսրության կազմում գտնվող նահանգների՝ Բոսնիայի ու Հերցեգովինայի, Արևելյան Ռումելիի նկատմամբ, այլև կայսրության փաստական և իրավական տիրապետությունից վաղուց դուրս եկած երկրների՝ Եգիպտոսի, Ալժիրի և Թունիսի նկատմամբ[3]։

Ժամանակակից թուրք պատմաբանները արդարացնում են երիտասարդ թուրքերի այդ քաղաքականությունը։ Նրանց համոզմամբ՝ «Նոր իշխանությունը բերելու էր Եվրոպայի սահմանադրական պետությունների բոլոր շնորհները»։ Ուստի,—եզրակացնում են նրանք,— «բնական էր, որ կայսրության նախկին տերիտորիաները վերադարձվեին Թուրքիային»[4]։ Սակայն, 1908 թվականի հոկտեմ-

---

[1] J. St. Dutkowski, L'Occupation de la Crète (1897—1909), Paris, 1952.

[2] Ed. Driault, Histoire diplomatique de la Crèce, t. V, Paris, 1926, p. 3. „Речь", № 182, 1/14 авг., 1908 г.

[3] Tahsin Ünal, 1700 den 1958e kader Türk siyasi tarihi, Ankara, 1958, s. 192, Türkiye tarihi, cild 12, Istanbul, 1967. s. 189.

[4] Türkiye tarihi, c. 12, s. 189.

բերի 5-ին Բոսնիան ու Հերցեգովինան միացվեցին Ավստրո-Հունգարիային, իսկ Արևելյան Ռումելին հայտարարվեց անկախ Բուլղարիայի անբաժան մասը։ Երկու օր անց Կրետեն իր միությունը հռչակեց Հունաստանի հետ։

Այս դեպքերը խիստ կերպով սրեցին Օսմանյան կայսրության հարաբերությունները Ավստրո-Հունգարիայի և Բուլղարիայի հետ։ Այնուամենայնիվ, մի քանի ամիս անց, երիտասարդ թուրքերը համաձայնության եկան Վիեննայի ու Սոֆիայի հետ և վերջնականապես հրաժարվեցին նախկինում իրենց կայսրության կազմի մեջ մտնող հիշյալ երկու նահանգներից։

Բայց կրետական հարցը թուրք-հունական հարաբերություններում այլ ընթացք ընդունեց։ Միությունը հռչակվելուց հետո տիրող 1—2 ամսվա լռությունը 1909 թվականի սկզբից փոխարինվեց հակահունական կատաղի կամպանիայով։ Հունաստանի վրա քաղաքական ճնշում գործադրելու նպատակով, երիտթուրքերը Օսմանյան կայսրության մեջ հելլենական ապրանքների ու առաջին հերթին առևտուրը սպասարկող նավերի բոյկոտ սկսեցին։ Հակահունական կամպանիան տարածվեց նաև թուրքահպատակ հույների վրա, որոնք միաժամանակ ենթարկվեցին մոլեռանդ ամբոխի հալածանքներին։

Այդպիսով, կրետական խնդիրը 1908 թվականի վերջին դարձավ թուրք-հունական հարաբերությունների ամենասուր հարցը։ Դործերի նման ընթացքը, ժամանակակից թուրք պատմաբանների կարծիքով երիտասարդ թուրքերի կողմից Հունաստանի նկատմամբ վարած ոչ ճիշտ քաղաքականության հետևանք էր։

Յուսուֆ Հիքմեթ Բայուրը իր «Türk inkılâbi tarihi» աշխատության առաջին հատորում նշել է, որ Կրետեն կղզին տարիներ ի վեր եղել է պաշտպան 4 տերությունների իրավասության տակ և կառավարվել է Հունաստանի թագավորի անունից։ Հետևաբար կղզին փաստորեն դուրս է գտնվել թուրքական վարչությունից[5]։

Մեկ այլ տեղում նա նշել է, որ կրետական ապստամբությունից հետո, կղզում թուրքական դրոշի առկայությունից բացի, թուրքական իշխանությունը այլ ձևով չէր ներկայացվում[6]։

Այդպիսով, եզրակացնում է նա, եթե կրետական հարցը 1908—1909 թվականներին մյուս հարցերի նման լուծում ստանար (այ-

---

[5] Jusuf Hikmet Bayur, Türk inkılâbi, tarihi, cild 1, Istanbul, 1940, s. 294.

[6] Bayur, նշվ. աշխ., հ. 2, մաս 1, էջ 409։

ինքն՝ նրա երիտթուրքերը Բոսնիայի ու Հերցեգովինիայի և Արևելյան Ռումելիի նման Կրետեից հրաժարվեին—Գ. Բ.), ապա Օսմանյան պետությունը չունենալով բալկաններում որևէ բարդ խնդիր, ավելի նպաստավոր պայմաններում կգտնվեր[7]։

Իսկ ինչո՞ւ թուրքական կառավարությունը միանգամից չհրաժարվեց Կրետե կղզուց, ինչպես որ հարկադրված այն արեց սլավոնական հիշյալ նահանգների նկատմամբ։

Պատճառը, նշել է Բայուրը, այն էր, որ երիտթուրքերը բոլոր ասպարեզներում բազմաթիվ անհաջողություններ կրելով, ձգտում էին կրետական հարցը դարձնել պրոպագանդիստական հաջողությունների դրավական[8]։

Այդ անհաջողությունները վերաբերում էին ոչ միայն արտաքին, այլև ներքին քաղաքականությանը։ Չկարողանալով ներքին կյանքում հաղթահարել դժվարությունները, երիտթուրքերը փորձում էին արտաքին ավանտյուրաների միջոցով ամրապնդել իրենց իշխանությունը և շեղել կայսրության ժողովուրդների ուշադրությունը ներքին հրատապ խնդիրներից։

Կրետական հարցում օսմանյան կառավարության քաղաքականությունը բնորոշելիս, Բայուրը նշել է, որ երիտթուրքերը այդ կըղզու պատճառով Հունաստանի նկատմամբ հանդես եկան մի շարք սպառնալիքներով[9], այդպիսով հաստատելով, որ թուրք-հունական հարաբերությունների սրման պատճառը նրանց վարքագիծն է։

Ինչպես հայտնի է, կրետական հարցի կապակցությամբ փոխադարձ հարաբերությունները այն աստիճանի սրվեցին, որ 1909—1910 թվականների ամռան ամիսներին թուրք-հունական պատերազմի իրական վտանգ առաջացավ։

Ի տարբերություն Բայուրի, որը Կրետեն Հունաստանին թողնելու քաղաքականության մեջ էր տեսնում Օսմանյան կայսրության համար ավելի նպաստավոր վիճակ, Ահմեդ Բեդևի Քուրանը հանդես է գալիս երիտասարդ թուրքերի քաղաքականության իրագործման ձևերի քննադատությամբ։ Նա կողմնակից է Կրետեն Օսմանյան կայսրության կազմում պահպանելու նրանց ծրագրին, սակայն խիստ բացասական վերաբերմունք է ցուցաբերում այդ հարցում իրականացված տակտիկային։

---

[7] Bayur, *նշվ. աշխ., հ. 1, էջ 294։*

[8] *Նույն տեղում, էջ 324։*

[9] Bayur, *նշվ. աշխ., հ. 1, էջ 324։*

Երկրորդ սահմանադրության հռչակումից հետո ստեղծված պայմաններում, նշում է նա, երբ Օսմանյան կայսրության մեջ կատարված փոփոխությունները դեռևս բավականաչափ կայունացած չէին, իսկ բալկանյան երկրները թշնամական դիրք էին գրավել Կրետեի վերաբերյալ, պառլամենտի նախագահությանը ներկայացրած Հյուսեին Ջահիդ Բեյի թաքրիրը բոլորովին անտեղի էր։ Քուրանը ընդգծված թշնամանքով է արտահայտում իր վերաբերմունքը առանձնապես երիտթուրքերի օրգան «Tanin»-ի նկատմամբ, որի հրատարակած հոդվածների ազդեցությունը, նրա կարծիքով, չէր ավարտվել սոսկ կրետական հարցին վնաս հասցնելով, այլև «այդ վիճաբանությունները ամբողջ Ռումելիի ու կղզիների կորըստյան հող պատրաստեցին»[10]։ Նա համոզված է, որ եթե երիտթուրքերը այդ հարցում կիրառեին ճիշտ տակտիկա և չհարուցեին հակահունական բոյկոտ, ազգային փոքրամասնությունների բացահայտ վեճեր, ապա կրետական հարցը կլուծվեր հօգուտ կայսրության[11]։

Քուրանը ենթադրում է, որ Կրետեի նկատմամբ հնարավոր կլիներ իրականացնել թուրք-հունական համաձայնությունը, եթե պահպանվեր օսմանյան գերիշխանությունը և, միաժամանակ, կղզու անմիջական ղեկավարությունը հանձնվեր հունական գահաժառանգին։ Հարցի լուծումը փոխանակ նման ճանապարհով իրագործելու,— նշել է նա,— երիտթուրքերը «հասարակական կարծիքը առավել մեծ չափով գրգռող թերթերի, մասնավորապես «Tanin» -ի բարբաջանքներին աջակցելը պետության շահերի համար համարել են ավելի օգտակար»[12]։

Երիտասարդ թուրքերը արհամարհել են ոչ միայն կրետական հարցի վերաբերյալ հունական կառավարության հետ որևէ բանակցություն սկսելու դաշափարը, այլ ընդհանրապես բալկանյան երկրների կողմից կատարված համաձայնության առաջարկները, իսկ «Օսմանյան արտաքին գործերի մինիստրությունը հնարել է մի շարք մտացածին տագնապներ և այդ ուղղությամբ կատարված առաջարկներին բնավ կարևորություն չի տվել»[13]։

Քուրանը հատկապես չի ներում երիտթուրքերին Հունաստանի

---

[10] Ahmed Bedevi Kuran, Osmanlı imparatorlugunda inkılâp hareketleri ve milli mücadele, Istanbul, 1956, s. 542.

[11] Նշվ. աշխ., էջ 542։

[12] Նույն տեղում, էջ 543—544։

[13] Նույն տեղում, էջ 544։

նկատմամբ վարած նրանց քաղաքականության համար։ Նրա համոզմամբ երիտթուրքերը կարող էին համաձայնության գալ Հունաստանի հետ և այդպիսով չեզոքացնել նրան ու հեռացնել բալկանյան գլավոններից։

Բայց այդ չի կատարվել և «Իթթիհատ վե Թերաքկը»-ի կառավարությունը իր անխոհեմ գործողություններով վանել է Թուրքիայից և անգամ Բշնամության հասցրել Հունաստանին, որը Բալկաններում մեր շահերին համահնչյուն դիրքերում էր գտնվում»[14]։

Այստեղ նա նկատի ունի Մակեդոնական հարցում գոյություն ունեցած հույն-գլավոնական վեճը, որն այդ շրջանում որոշ չափով, կարող էր հանդիսանալ թուրք-հունական մերձեցման պայմաններից մեկը։ Այդ կապակցությամբ նա նշել է. «Իմ նպատակը չէ պնդել հույների անկեղծության մասին։ Սակայն ընդհանուր շահերի շրջանակներում անգամ բարեկամության պահպանությունն հաջողություն չի ունեցել»[15]։

Քուրանը հայտնում է, որ նախասահմանադրական պաշտոնյաներից Սուրեյյա բեյը, Բալկանյան պատերազմից առաջ, Աթենքում հանդիպել է Վենիզելոսի և Թեոդոկիսի հետ։ Այդ տեսակցության ժամանակ հույն պետական գործիչները նրան հայտնել են, որ օսմանյան կառավարության կողմից կրետական հարցը հունական իղձերին համապատասխան լուծելու, Մակեդոնիայում հունական մեծամասնության սահմանադրական իրավունքներ շնորհելու դեպքում, թուրք-բուլղարական պատերազմի ժամանակ Հունաստանը կպահպանի չեզոքություն։ Հույն պետական գործիչները ցանկություն հայտնեցին վերոհիշյալ պայմաններով անհապաղ պաշտոնական բանակցություններ սկսել թուրքական կառավարության հետ։ Սակայն վերջինս անպատասխան թողեց այդ առիթով Աթենքից ուղարկված Սուրեյյա բեյի հուշագիրը[16]։

Բացի այդ, նշում է Քուրանը, Բալկանյան պատերազմի հռչակման նախօրյակին Ռզա Թևֆիկ բեյի միջնորդությամբ հույների հետ կատարվող հատուկ բանակցությունները եթե թուրքական կառավարության կողմից արժանանային հավանության, գուցե Հունաստանը չմասնակցեր Թուրքիայի դեմ ուղղված պատերազմին[17]։ Ինչպես երևում է, այդ բանակցությունների հիմքում դրված էր Կրե-

---

14 Նույնի՝ Inkılâp tarihimiz ve „Jön Türkler", Istanbul, 1945, s. 313.

15 Նույն տեղում։

16 Նույն տեղում, էջ 315։

17 Նույն տեղում, էջ 314։

տեն Հունաստանին զիջելու պայմանը, որը, սակայն, չի ընդունվել թուրքական կառավարության կողմից[18]։

Հարց է ծագում թե ինչո՞ւ երիտթուրքերը ուշադրություն չդարձրին Հունաստանի հետ հարաբերությունները բարելավելու այդ հնարավորություններին և չնկատեցին Բալկաններում կազմակերպվող հակաթուրքական դաշինքը։

Որովհետև, պատասխանում է Քուրանը, «տարված լինելով կուսակցական վեճերով տեղյակ չեղանք Բալկաններում մեր դեմ կազմակերպվող դաշինքին։ Աշխարհի կացությունից անտեղյակ իթթիհատականները ժամանակը վատնել են իրենց հակառակորդներին ոչնչացնելով և պետությունը կուրորեն դեպի անդունդն են առաջնորդել»[19]։

Այնինչ, Օսմանյան կայսրության դեմ կազմակերպվող դաշնակցությունից ու նրան հաջորդած Ռոմելիի և էգեյան ծովի կղզիների կորստյան ողբերգական փաստից կարելի էր իրր խուսափել, եթե երիտասարդ թուրքերը կարողանային օգտվել բալկանյան երկրների միջև առկա տարաձայնություններից, համոզված կերպով եզրակացնում է Քուրանը[20]։

Այնուհետև նշելով, որ «թուրք յուրդու», «թուրք օջախ» և նման կազմակերպությունների ստեղծումը եթե մի կողմից թուրք երիտասարդության հայրենասիրական դաստիարակություն էր հետապնդում, ապա մյուս կողմից այդ երևույթը անհանգստացրել էր հարևան պետություններին[21]։

Քննադատելով երիտթուրքերի պանթուրքական ցնորական պլանները, Քուրանը նշում է, որ էնվեր փաշայի ու նրա համախոհների պանթուրքիստական գաղափարախոսությունը տվյալ պատմական պայմաններում ոչ միայն չէր կարող կենսագործվել, այլև այն Օսմանյան կայսրության փլուզման պատճառը պիտի հանդիսանար[22],

---

18 Ինչպես հայտնի է, իտալո-թուրքական պատերազմում կրած պարտությունների և մի շարք այլ պատճառների հետևանքով, երիտթուրքերի կառավարությունը 1912 թվականի հուլիսի կեսերին տապալվեց։ Հետևաբար այդ բանակցություններն արդեն վարվում էին Ղազի Ահմեդ Մուհթարի «Ազատություն և համաձայնություն» ֆեոդալակոմպրադորական կուսակցության անդամներից կազմված «Մեծ կառավարության» ժամանակ, որի արտաքին գործերի մինիստրն էր Գաբրիել Նորատունկյանը։

19 Նույն տեղում, էջ 313։

20 Նույն տեղում, էջ 307։

21 Նույնի՝ Osmanlı imparatorlugunda inkılâp hareketleri, էջ 483։

22 Նույն տեղում։

Մեկ այլ պատմաբան՝ Թահսին Յունալը ևս հնարավոր էր համարում թուրք-հունական հարաբերությունների բարելավումը։ Նրա կարծիքով այդ մերձեցումը հնարավոր էր՝ Թուրքիայի կողմից սլավոնական աճող վտանգի պրոպագանդի պայմաններում։

Հունաստանը,— գրել է նա,— ամենօրյա աճող սլավոնական վտանգից վախենալով, որոնում էր Թուրքիայի հետ միանալու հարմար առիթներ։ Սակայն, փոխանակ Թուրքիայի բարեկամությունը փնտրող Հունաստանի հետ համաձայնության գալու, երիտթուրքերը ցանկանում էին համաձայնության գալ Սերբիայի հետ։

Մյուս կողմից՝ կատարվեցին մի շարք հակահունական քայլեր։ Փորձ արվեց փակել պատրիարքարանը, պահանջվեց վերադարձնել Կրետեն կղզին։ Այս բոլորը և կայսրության ներսում տարվող լայն հակահունական կամպանիան,— խոստովանում է հեղինակը,— հուսախաբ արեցին հույներին[23]։

Երիտասարդ թուրքերի բալկանյան քաղաքականության քննադատներից է նաև Իսմայիլ Համի Դանիշմենդը։

Անդրադառնալով Կրետեից պաշտպան պետությունների ջոկատների էվակուացիային, Դանիշմենդը ցավով է գրում. «Բնականորեն, Կրետեի էվակուացիան նշանակում էր, որ այն անցնում էր Հունաստանին»[24]։

Սակայն, շարունակում է նա, այդ իրադարձությունը թուրքական կառավարության կողմից չընդունվեց որպես կատարված փաստ, ինչպես որ այն եղավ Բոսնիայի և Արևելյան Ռումելիի նկատմամբ։

«Կրետեի միացման կապակցությամբ,— գրում է նա,— հելլենական ապրանքների բոյկոտ հայտարարվեց, ժողովրդի մեջ սկսվեց ընդհանուր հուզմունք և սուգ, այնուհետև «Իթթիհատ վե Թերաքկը» կուսակցության աղմկարարները «Կրետեն մեր հոգին է...» բնաբանով մի ամբոխավարական պրոպագանդա սկսեցին և ամենուրեք փոքրիկ երեխաների գլխարկներին ամրացրին մետաքսաթելով ասեղնագործված «Կրետե կամ՝ մահ» արտահայտությունը։ Այս բոլորի հետևանքով թուրք-հունական վեճը հարատև բնույթ ընդունեց»[25]։

Կրետական հարցի կապակցությամբ թուրք-հունական հարաբերությունների սրումը ստիպեց երիտասարդ թուրքերին համաձայնության եզրեր փնտրել Բուլղարիայի ու Սերբիայի հետ, սակայն

---

23 Tahsin Ünal, նշվ. աշխ., էջ 202—203։

24 Ismail Hami Danışmend, Izahlı Osmanlı tarihi kronolojisi, c. 4. Istanbul, 1961, s. 367.

25 Նույն տեղում, էջ 367—368։

այդ որևէ արդյունք չտվեց։ «Պատճառը,—նշում է Դանիշմենդը,—այն էր, որ երիտասարդ թուրքերը վարում էին անշրջահայաց ու անմիտ քաղաքականություն[26]։ Իսկ թե որն էր այդ անշրջահայաց ու անմիտ քաղաքականության էությունը, նա լռում է։ Ինքնըստինքյան հասկանալի է, որ երիտթուրքերի հետապնդած ագրեսիվ նպատակները Բալկաններում տարածվում էին ոչ միայն Հունաստանի, այլև Բուլղարիայի ու Սերբիայի վրա։ Ուստի, երիտթուրքերը ամեն առիթով բալկանյան երկրներին ահաբեկելու և Իսլամի ուժը ցուցադրելու առիթները չէին փախցնում։ Հայտնի է, որ Սուլթան Ռեշադը 1911 թվականի հունիսի 2-ին շրջապատված 40 հազարանոց բանակով և հազարավոր ալբանացիներով, Կոսովո դաշտում հրապարակային աղոթք կատարեց սուլթան Մուրադի դամբարանի վրա։ Այդ պարզապես բալկանյան երկրներին ահաբեկելու ցույցերի դրսևորումներից մեկն էր։ Ինչպես նշել է ռուսական կառավարական օրգանը, այդ՝ «իսլամի ահռելի ցույցն էր»[27]։

Արտաքին քաղաքականության ագրեսիվ ուղղությանը զուգահեռ, երիտթուրքերը իրենց ազգային քաղաքականությամբ ձգտում էին կայսրության բոլոր քրիստոնյա ժողովուրդներին ձուլել և ստեղծել թուրքական համասեռ կայսրություն։

Բալկանյան երկրների ղեկավարները շատ լավ էին ըմբռնում, թե ուր են գնում երիտթուրքերի նպատակները։ Ուստի նրանք հրաժարվեցին Թուրքիայի հետ Բալկանյան դաշինք կնքելու գաղափարից և ընդհանուր համաձայնության եկան նրա դեմ։ Ահա այդ էր երիտասարդ թուրքերի վարած արտաքին քաղաքականության «անշրջահայացության և անմտության» հետևանքը, որի մեկնաբանությունից խուսափել է Դանիշմենդը։

Նշելով թուրք-սլավոնական համաձայնության ձախողումը Բալկաններում, Դանիշմենդը գրում է. «Սակայն, «Իթթիհատ վե Թերաքկի»՝ թուրք-բուլղարո-սերբական համաձայնության ձեռքբերման կապակցությամբ այդ անշրջահայաց ու անմիտ քաղաքականությունը անարդյունք վախճան չի ունեցել միայն, այլ պատճառ է դարձել Թուրքիայի դեմ ուղղված հույն-բուլղարո-սերբական դաշինքի կնքմանը»[28]։

---

26 Նույն տեղում, էջ 368։

27 Правительственный Вестник, 1911, № 119, 4 (17) июня, с. 3.

28 Danişmend, նշվ. աշխ., էջ 368։

թյան հիմնական սխալը բալկանյան երկրների միջև եղած հակասությունները օգտվել չկարողանալն էր, հակասություններ, որոնք «նրանելի» Աբդուլ Համիդի շրջանում այնքան վարպետությամբ էին օգտագործվում այդ երկրները մեկը մյուսի դեմ հրահրելու, նրանց միջև թշնամությունը առհավետ պահելու և դրանով իսկ նրանց միջև պաշինքի որևէ փորձ անիրական դարձնելու համար։

Սակայն, Դանիշմենդը, իզուր է այդքան «խստորեն» քննադատել երիտթուրքերին, որովհետև նրանք բոլորովին էլ չէին հրաժարվել բալկանյան պետություններին մեկը մյուսի դեմ լարելու քաղաքականությունից։ «Բաժանիր՝ որ տիրես» քաղաքականությունը երիտասարդ թուրքերի ամենալավագույն զենքն էր ինչպես բալկանյան պետությունների, այնպես էլ Օսմանյան կայսրության կազմում գտնվող քրիստոնյա ժողովուրդների իրար դեմ թշնամացնելու, նրանց միջև անվստահության մթնոլորտ ստեղծելու, քրդերի ձեռքով անդեն հայ բնակչությանը ջարդելու համար և այլն։

Երիտթուրքերի կողմից հատուկ նպատակներով ընդունած «Ռումելիում գտնվող վիճելի եկեղեցիների ու դպրոցների մասին» օրենքը, որը նոր հակասություններ էր ստեղծելու բալկանյան երկրների միջև, Դանիշմենդը ներկայացնում է այնպես, որ իբր թե այն վերացնելով նրանց միջև եղած տարաձայնությունները, հարթել էր Թուրքիայի դեմ բալկանյան դաշինքը կնքելու ճանապարհը...[29]։

Ուրեմն, ըստ Դանիշմենդի, երիտթուրքերը ոչ միայն ի վիճակի չեն եղել բալկանյան ժողովուրդների միջև պահել թշնամությունը, այլև վերջիններիս համար ձեռնտու օրենքներով նպաստել են նրանց միջև գոյություն ունեցած հակասությունների վերացմանը.... Այս արտառոց և իրականությանը չհամապատասխանող միտքը հատուկ չէ միայն Դանիշմենդին։

Դանիշմենդի իդեալը Աբդուլ Համիդն էր, նոր պատմության արյունառուշտ միապետներից մեկը։ Միայն և միայն նա կարող էր փրկել Օսմանյան կայսրությունը կործանումից։ Այդ էր պատճառը, որ նա, կարծես հանրագումարի բերելով իթթիհատի ամբողջ գործունեությունը, նրա ամենամեծ և աններելի սխալը համարում է Աբդուլ Համիդին փշխանությունից հեռացնելը։ «Իթթիհատ վե թերաքկը»-ի կոմիտեի կողմից այս երկրին հասցրած մեծագույն չարիքը կայանում է սուլթան Համիդին՝ եվրոպական քաղաքականու-

---

[29] Danişmend. նշվ. աշխ., էջ 383։

Պյան ոլորտում 33-ամյա փորձառությամբ իմաստացած միապետին իշխանությունից հեռացնելու մեջ»[30]։

Ի տարբերություն Դանիշմենդի, որն իդեալականացնում է Համիդի քաղաքականությունն ընդհանրապես, Յաշար Նաբին քննադատում է այն տեսակետը, որ իբր թե շնորհիվ սուլթան Համիդի դործադրած ջանքերի, բալկանյան դաշինքը մինչև 1908 թվականը չի իրականացվել, և, հետևաբար, Բալկանյան պատերազմի փոթորիկը նրա ժամանակաշրջանում, կասեցվել է։

Սրանով, նշում է Նաբին, Աբդուլ Համիդին բալկանյան դժբախտության պատասխանատվությունից արդարացնելու հավակնորդներ կան և ավելացնում է. «Իրականում սրանից ավելի սխալ տեսակետ չի կարող լինել»[31]։

Բալկաններում ծավալված իրադարձությունների արմատները այս հեղինակը տեսնում է Աբդուլ Համիդի դարաշրջանի պատմական իրականության մեջ[32]։

Այստեղ, բնականաբար, Նաբին նախ և առաջ նկատի ունի Բեռլինի տրակտատի այն հոդվածները, որոնք հետագայում հիմք ծառայեցին Բալկանյան թերակղզում քաղաքական նոր փոփոխությունների կատարման համար։

Այդպիսով, Նաբին օսմանյան սահմանադրական շարժումից հետո կայսրության կրած տերիտորիալ կորուստների ամբողջ պատասխանատվությունը չի բարդում երիտթուրքերի վրա։ Ընդհակառակը, նա ընդգծում է, որ Աբդուլ Համիդին տապալելու և իշխանությունը իրենց ձեռքը վերցնելու ժամանակ Օսմանյան կայսրությունն արդեն «ծայրե ի ծայր փտած և կործանման եզրին կանգնած, աշխատելու անընդունակ մեքենա էր»[33]։

Այժմ տեսնենք, թե Յաշար Նաբին ինչպես է բացատրում բալկանյան ազատագրական պատերազմի առաջացումը։

«Ճշմարիտ է,— գրում է նա,— որ սահմանադրական հեղաշրջումը արագացրեց Բալկանյան պատերազմի առաջացումը»[34]։

Իսկ ինչու հատկապես սահմանադրական շարժումը պատճառ հանդիսացավ եվրոպական Թուրքիայի ու Էգեյան ծովի կղզիների

---

30 Danişmend, նշվ. աշխ., էջ 383։

31 Jaşar Nabi, Balkanlar ve Türkluk, Ankara, 1936, s. 34—35.

32 Նույն տեղում, էջ 35։

33 Նույն տեղում։

34 Նույն տեղում, էջ 45։

կորստյան համար։ Այդ հարցին նա պատասխանում է հետևյալ կերպ։

Աբդուլ Համիդի դարաշրջանում, օրեցօր քայքայվող շենքի ավերակները հեշտությամբ թալանելու համար բալկանյան պետությունները սպասում էին այդ շենքի ինքնիրեն կործանվելու օրվան։ Բայց, սահմանադրությունը վերջ տվեց այդ վիճակին և Օսմանյան կայսրությունում սկսվեց բարենորոգումների շրջանը։

Նշանակում է, որ Աբդուլ Համիդի ժամանակ քայքայվող կայսրությունը բարենորոգումների շնորհիվ պետք է ներքնապես և արտաքնապես ամրանար։ Այդ, բնականաբար, չէր կարող ձեռնտու լինել Օսմանյան կայսրության կործանմանը սպասող երկրներին, որոնք պետք է աճապարեին՝ ժամ առաջ կայսրության վրա հարձակվելու համար։ Այսպիսով, բալկանյան երկրները «...տեսնելով բարենորոգումների ժամանակաշրջանի սկսվելը, նախաձեռնվող գործի ավարտումը չիրագործված, հազիվ ինքնիրեն հավաքած կայսրության վրա հարձակվելու անհրաժեշտությունն ըմբռնեցին և արագորեն պատրաստվելու գործունեությանը ներգրավվեցին»[35]։

Դուրս է գալիս, որ պատերազմի գործում երիտասարդ թուրքերի պատասխանատվությունը բացառված է։ Որ նրանք, կայսրության ներքին կյանքի բարենորոգմանը ձեռնամուխ լինելով, հարուցեցին բալկանյան երկրների հարձակողական անզուսպ ցանկությունը։ Ավելին։ Դանիշմենդից առաջ այս հեղինակն այն միտքն է արտահայտել, որ թուրքական կառավարությունները բալկանյան երկրների հետ համաձայնության գալու ոչ մի ջանք չեն խնայել և նրանց պահանջներին զոհացում տալով, այլևս փոխադարձ հակասություններ չեն թողել և դրանով իրենց դեմ բալկանյան դաշինքն են առաջացրել։

«Թուրքիան բալկանյան երկրների հետ հնուց մնացած բոլոր անհամաձայնությունները վերացնելու համար ոչ մի զոհողությունից չի քաշվել և խաղաղության գործում երբեմն իր կենսական շահերը զոհաբերելով՝ բալկանյան համաձայնությանն է հանգեցրել»[36]։

Սա ոչ միայն հարցի դիտական մեկնաբանումը չէ, այլև զուրկ է պատմական իրականությանը որևէ չափով համապատասխանելուց։ Օսմանյան սահմանադրության վերահռչակումից շատ կարճ ժամանակ անց, երիտթուրքական պարագլուխների կողմից եղբայրության վերաբերյալ արտասանված կեղծ ու պատիր ճառերի և

35 Jaşar Nabi, նշվ. աշխ., էջ 45։

36 Նույն տեղում, էջ 50։

թուրքական կողմավոր ցույցերի մթնոլորտը չսառած, հենց 1908 թվականի հոկտեմբերին Դիարբեքիրի շրջանում կազմակերպված հայկական սպանդին[37] հաջորդեցին ազգամիջյան թշնամության հրահրումը և ջարդերը Մակեդոնիայում, Կրետեի կապակցությամբ հակահունական կամպանիան և ջարդերը, քրիստոնյա ժողովուրդների ազգային իրավունքների ոտնահարումը և բալկանյան երկրների նկատմամբ ագրեսիվ քաղաքականության դրսևորումը։

Այս հանգամանքներում բալկանյան դաշինքի ստեղծումը որպես ազատագրական պայքարի հիմք, միանգամայն տրամաբանական և արդարացի երևույթ էր։

Փոխանակ երիտթուրքերի այդ քաղաքականությունը քննադատելու, թուրք պատմաբանները, ներկա դեպքում՝ Նաբին, նրանց քննադատում է այն բանի համար, որ իշխանության նոր ղեկավարները բալկանյան պետությունների կողմից իրականացված «պատրաստություններին նշանակություն չեն տվել և ի սկզբանէ միջոցներ չեն ձեռնարկել»։ Եվ սա նրա կողմից համարվում է «նոր իշխանության ամենամեծ սխալը»[38]։ Այդ միջոցառումներից նա նշում է միայն մեկը, ըստ իրեն՝ ամենակարևորը և դա ամեն գնով մի քանի տարով պատերազմի հետաձգումն էր հանդիսանալու[39]։

Թուրք պատմագրությունը երիտթուրքերին մեղադրում է նաև նրանում, որ նրանք անհրաժեշտ ուշադրությամբ չեն վերաբերվել բալկանյան երկրների միավորման նշաններին։ Ավելին։ Թահսին Յունալը իր հիշյալ գրքում նշում է, որ բալկանյան դաշինքի ստեղծման վերաբերյալ իրենք տեղեկություն չեն ունեցել[40]։

Ուրեմն, ըստ նրա, բալկանյան պատերազմը միանգամայն անսպասելիորեն հայտնաբերված, չնախատեսված իրադարձություն էր։ Իսկ Քուրանը նշում է, որ Բալկանյան պատերազմը դեռևս սահմանադրության վերահռչակումից առաջ է պատրաստվել։ Սակայն այդ պատերազմի նախապատրաստմանը երիտթուրքերը լիովին անտեղյակ են եղել։ Դրա հիմնական պատճառն այն է,— նշում է նա,— որ երիտթուրքերը անընդհատ կուսակցական պայքարի մեջ լինելով,

---

37 Ըստ «Journal de St. Pétersbourg»-ի 1908 թվականի հոկտեմբերի 21-ի «Հայկական ջարդերը» հաղորդման, Վիրան-Շեհիրում հայկական սարսափելի ջարդի հետևանքով, սպանվել է ավելի քան երկու հազար հայ։

38 Jaşar Nabi, նշվ. աշխ., էջ 45։

39 Նույն տեղում։

40 Tahsin Ünal, նշվ. աշխ., էջ 204։

անտեղյակ են մնացել Բալկաններում իրենց դեմ պատրաստվող դաշինքից։

Մեկ այլ պատմաբան, Մուստաֆա Բաղըրը, նշում է, որ բալկանյան դաշնակցության ստեղծման վերաբերյալ լուրերը «սկզբնական շրջանում չեն դիմավորվել անհրաժեշտ լրջությամբ»[41]։

Ըստ նրա, միայն 1912 թվականի օգոստոսի 22-ին թուրքական մի թերթ կարճ հաղորդում է տվել Բուլղարիայի կողմից սահմանում ուժեր կենտրոնացնելու մասին և մի հեռագիր էլ հաղորդել է այդ մասին սեպտեմբերի 17 (30)-ին[42]։

Ստացվում է, որ բալկանյան դաշինքից գրեթե անտեղյակ թուրքական կառավարությունը բալկանյան երկրների կողմից հանկարծակի է բերվել։

Որքա՞ն է արժանահավատ հիշյալ փաստարկը, Դանիշմենդը նշում է. «Սաիդ փաշայի կառավարության ամենամեծ սխալն այն է, որ ֆրանսիական կառավարության և Աթենքի թուրքական դեսպանության խորհրդական Գալիբ Քեմալի բեյ Սոյլեմեզօղլուի կողմից կատարված նախազգուշացումներին հակառակ, չի հավատացել բալկանյան դաշինքի գոյությանը»[43]։

Բացի այդ, թուրքական պատմագրությունը մեղադրում է Թուրքական կառավարությանը նաև նրա համար, որ 1912 թվականի սեպտեմբերից, երբ արդեն բալկանյան երկրները սկսել էին իրենց զորահավաքը, «Մեծ կառավարությունը» առաջանալիք իրադարձություններին դիմագրավելու անհրաժեշտ եռանդ չի ցուցաբերել։

«Մինչդեռ բալկանյան երկրները խիստ գաղտնորեն զորահավաք են սկսում և պատերազմական միջոցների վերջին պակասներն են արագորեն լրացնում, թուրքական կառավարությունը գերագնահատելով իր ուժերը, չափազանց դանդաղ էր շարժվում»[44] վրդովմունք է արտահայտում Նաբին։

Այս կարգի քննադատությունները պատմական իրականությանը չեն համապատասխանում։ Հայտնի է, որ 1908 թվականի հոկտեմբերյան իրադարձություններից հետո և թուրք-բալկանյան երկրների հարաբերությունների սրվածության և իտալո-թուրքական

---

41 Mustafa Bagip, Ittihat ve Terakki tarihinde esrar perdesi, Istanbul, 1934, s. 118.

42 Նույն տեղում, էջ 118—119։

43 Danişmend, նշվ. աշխ., էջ 388։

44 Jaşar Nabi, նշվ. աշխ., էջ 46։

պատերազմի հետևանքով, երիտթուրքերը զինվորական մեծ կենտրոնացումներ են կատարել եվրոպական Թուրքիայում, այնպես որ Բալկանյան պատերազմի նախօրյակին նրանք հանկարծակիի գալ կամ անպատրաստ լինել չէին կարող։

Բացի այդ, նույն հույն-բուլղարական մերձեցումը մասնավորապես և բալկանյան երկրների միջև կատարվող համաձայնության հրապարակային դրսևորումներն ընդհանրապես ոչ թե գաղտնիք էին, այլև եվրոպական մամուլի հաղորդումների ուշադրությունն էին գրավել արդեն բալկանյան դաշինքից ավելի քան երկու տարի առաջ։

Ճիշտ է, թեև հունական կառավարությունն առաջինը սկսեց զորահավաքը[45], բայց անմիջապես դրան հաջորդեց թուրքական կառավարության սեպտեմբերի 24-ի հրամանը՝ Թրակիայում գտնվող 10 պահեստային (ռեզիֆային զորակոչի վերաբերյալ)[46]։

Այնուհետև ամենաարագ կերպով համալրումներ և ռազմական տեխնիկա փոխադրվեց ու թուրք-բալկանյան սահմաններն ամրացվեցին։ Այնպես որ, Բալկանյան պատերազմը չսկսված, Թուրքիան արդեն պատրաստ էր։

Իրականում,— նշում է Նաբին,— չնայած Բալկաններում բռնկվելիք պատերազմում թշնամիների բազմությանը, թուրքական կառավարությունը կրկին վստահ էր իր հաղթանակին։ Նույն կարծիքին էին նաև եվրոպական պետությունները[47]։

Ինչպես երևում է, ժամանակակից թուրք պատմագրությունը երիտթուրքերին քննադատում է միայն այն պատճառով, որ նրանք չեն կարողացել թուրք-բալկանյան հարաբերությունների բնագավառում ինչպես հույն-սլավոնական, այնպես էլ սլավոնական երկրների միջև գոյություն ունեցած հակամարտությունները հարատև վիճակում պահել և դրանով անհնարին դարձնել հակաթուրքական բնույթ ունեցող բալկանյան դաշինքի ստեղծումը։

Բայուրը, այդ հարցում խստորեն դատապարտելով երիտասարդ թուրքերին, գրում է. «նրանց մեծամասնությունը տարիներ ի վեր Կրետեն Օսմանյան կայսրությանը միացնող սոսկ թուրքական դրուշակի առկայության պայմաններում Կրետե կղզու համար «Կրետե կամ՝ մահ» բնաբանով ցույցեր կազմակերպելով, իրենց կատարած

---

45 Международные отношения в эпоху империализма, серия II, т. XX, ч. II, № 770, с. 282.

46 Նույն տեղում, № 780, էջ 283։

47 Jaşar Nabi, նշվ. աշխ., էջ 46։

գործերով և ընդունած օրենքներով, հնուց ի վեր միմյանց հանդեպ կատաղի թշնամիներ հանդիսացած հույներին, բուլղարներին և սերբերին միավորել են Օսմանյան կայսրության դեմ։ Հետևաբար, այս գործում նրանց անմտությունը գերազանցում է դավաճանությանը»[48]։

Եթե կրետական հարցում երիտասարդ թուրքերը Հունաստանի նկատմամբ գրգռիչ ընթացք չբռնեին և ջանային համաձայնության գալ նրա հետ, ապա Հունաստանը հավանաբար հեռու կմնար Թուրքիայի դեմ ուղղված սլավոնական դաշինքին միանալուց, միաձայն նշում են թուրք պատմաբանները։

Դրանով նրանք քննադատում են ոչ թե երիտթուրքերի ագրեսիվ արտաքին քաղաքականությունը, այլ այդ քաղաքականության սխալ կիրառումը։ Եթե թուրք պատմագրությունը երիտասարդ թուրքերի արտաքին քաղաքականությունը Հունաստանի և ընդհանրապես բալկանյան երկրների նկատմամբ չի գնահատում որպես ագրեսիվ քաղաքականություն, ապա, բնականաբար, այդ երկրների ազգային-ազատագրական շարժումները չի կարող ընդունել։ Ավելին։

Բալկանյան երկրների և կամ ընդհանրապես Օսմանյան կայսրության կազմում գտնված ժողովուրդների, ինչպես նաև միավորման համար մղված ազգային-ազատագրական պայքարը նրանց կողմից գնահատվել է իբրև Օսմանյան կայսրության սեփական տերիտորիաների զավթման քաղաքականություն։ Այդպես է գրվում «Tarih» պաշտոնական պատմության հատորներում, այդպես են դրում նաև այժմ։

Այսպես. հիշյալ պատմության 3-րդ հատորում բալկանյան երկրների ազգային-ազատագրական պայքարը բնութագրված է հետևյալ կերպ. բալկանյան երկրների «նպատակն էր շպրտել Եվրոպայից օսմանյան տիրապետությունը և Բալկաններում գտնվող օսմանյան նահանգները բաժանել իրար միջև»[49]։

Իսկ Բայուրը գրում է, որ շնորհիվ սահմանադրության ստեղծած հնարավորությունների, հույների և հայերի զորեղ փոքրամասնություն կազմած վայրերում՝ Էգեյան ծովի կղզիներում, Արևելյան վիլայեթներում (այսինքն՝ Արևմտյան Հայաստանում—Գ. Բ.) և այլ վայրերում տնտեսական գերիշխանություն ստեղծելով՝ մտադրվում են ապագայում անկախություն ձեռք բերել և կամ հարևան պետություններին միանալ։ Նման դիտավորությունների խորհրդածումն

---

[48] Bayur, *նշվ. աշխ., հ. 2, մ. 1, էջ 409։*
[49] Tarih, cild III, Istanbul, 1935, s. 301.

անգամ ի վերջո հանգում է կայսրության կործանմանը, նշել է Բայուրը[50]։

Նույն միտքն է արտահայտում նաև Ֆահիր Արմաօղլուն, ընդգծելով, որ բալկանյան երկրները աչք էին դրել օսմանյան պետության բալկանյան տերիտորիաներին[51]։

Հունաստանի ազատագրական պայքարի նպատակները, որոնք արտահայտվում էին հունական տերիտորիաների ազատագրության՝ «Megalo Idea»-ի մեջ, թուրք պատմագրության կողմից քննադատվում են իբրև զավթողական քաղաքականության դրսևորումներ։ Այդպես է դնահատվել նաև Կիպրոսի ազգային-ազատագրական պայքարը, որի վերաբերյալ Թահսին Յունալը գրել է, որ Կիպրոսի համար անկախություն պահանջող հունական քաղաքականությունը «Megalo Idea»-ի դրսևորումներից մեկն է հանդիսանում։

Այսպիսով, թուրք պատմագրությունը, քննադատելով երիտասարդ թուրքերի արտաքին քաղաքականության տակտիկան թուրք-հունական և ընդհանրապես բալկանյան երկրների փոխհարաբերություններում, հանդես է գալիս թուրքերի կողմից նվաճված երկրները Օսմանյան կայսրության կազմում պահելու դիրքերում։ Երիտթուրքերը քննադատվում են այնքանով, որքանով որ նրանք չկարողացան պահպանել տերիտորիալ այն հսկայական ժառանգությունը, որ նրանք ստացել էին Աբդուլ Համիդից։

Սակայն, ոչ Աբդուլ Համիդը, ոչ երիտթուրքերը և ոչ էլ թուրք քաղաքական այլ գործիչներ ի վիճակի չէին կասեցնելու Օսմանյան կայսրության փլուզումը։

«Օսմանյան Թուրքիան ժողովուրդների բանտ էր, որոնք, չնայած իշխանությունների տեռորին և հալածանքներին, չէին դադարեցնում պայքարը իրենց ազատագրության համար»[52]։ Այդ ազատագրական պայքարն, ի վերջո, ավարտվեց Բալկաններում հունա-սլավոնական տերիտորիաների մեծ մասի ազատագրումով և դրանով վերջ տրվեց դարավոր հետամնացությանը, որ հետևանք էր արևելյան Եվրոպայում՝ թուրքական արյունալի տիրապետության։

Թուրքական տիրապետությունն ամեն կերպ ճնշել և արգելակել էր նվաճված ժողովուրդների տնտեսական, քաղաքական և կուլտու-

---

[50] Bayur, նշվ. աշխ., հ. 1, էջ 231։

[51] Fahir Armaoglu, Siyasî tarih dersleri, 1789—1919, Ankara, 1961. s. 442.

[52] История международного рабочего и национально-освободительного движения, ч. I, изд. ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1959, с. 414.

բական զարգացումը։ Դրա հետևանքով, նվաճված ու կեղեքված բրիտանյա ժողովուրդների ընդհանուր զարգացումը «ֆեոդալիզմի ամենաստորին և բարբարոսական աստիճանի վրա»[53] գտնվող Օսմանյան կայսրության կազմում չէր կարող լինել այնպես, ինչպես որ հնարավոր էր ազգային անկախության պայմաններում։

Մարքսիզմի հիմնադիրները, մասնավորեցնելով թուրքական տիրապետության բացասական հետևանքները բալկանյան երկրների նկատմամբ նշել են, որ «...Թուրքերի գոյությունը Եվրոպայում իրենից լուրջ արդելք է ներկայացնում Բրակիա-Իլլիրիական թերակղզու բնական հարստությունների զարգացման համար»[54]։ Թուրքական գերիշխանության պայմաններում ազգային փոքրամասնությունների նկատմամբ կատարվող կամայականությունները, հարբստահարությունները ու կեղեքումը չէին կարող անհետևանք մնալ։ Մյուս կողմից, նվաճված երկրներում կապիտալիստական հարաբերությունների համեմատաբար արագ զարգացումը և ազգային ինքնագիտակցության ձևավորումը հանդիսացան ազգային-ազատագրական շարժման հիմնական գործոնները։

Հույն-թուրքական հարաբերությունների սրումը հետևանք էր ոչ միայն երիտթուրքերի սուբյեկտիվ քաղաքականության, ինչպես նշում է թուրքական պատմագրությունը, այլև հիմնականում՝ դևպքերի բնականոն զարգացման։ Հետևաբար, թուրք պատմաբաններն նշած սուբյեկտիվ պատճառների բացակայությունը կարող էր սոսկ որոշ ժամանակով մեղմացնել հույն-թուրքական հարաբերությունների խզումը։

Հունաստանում և Կրետե կղզում կապիտալիստական հարաբերությունների զարգացումը պահանջում էր ոչ միայն ներքին միասնական շուկայի ստեղծում, այլև՝ միասնական քաղաքական ղեկավարություն, որի պատճառով Կրետեն Հունաստանին միացնելը անհետաձգելի անհրաժեշտություն էր հանդիսանում։

Բացի այդ, հույն-թուրքական հարաբերությունները չէին կրում զուտ երկու անկախ պետությունների հարաբերությունների բնույթ, այլ ենթարկվում էին եվրոպական տերությունների ընթացիկ քաղաքականության պահանջներին, մի հանգամանք, որն ի վերջո վճռական ազդեցություն էր թողնում հույն-թուրքական վեճի վրա։

Երիտասարդ թուրքերը, այսպիսով, սահմանադրության վերահրոչակումից անմիջապես հետո, արտաքին քաղաքականության բը-

---

53 К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, М., 1957, с. 6.

54 Там же.

նագավառում դրսևորեցին Օսմանյան կայսրության փլուզումը կասեցնելու և նրա տերիտորիալ ամբողջականությունը վերականգնելու ագրեսիվ ձգտումը, փորձելով պահպանել այս շրջանում միջնադարյան, ֆեոդալական ազդեցությունը։

Այդ իմաստով, կրետական հարցի շուրջը ծավալված թուրք-հունական հարաբերությունները երիտասարդ թուրքերի վարած ագրեսիվ քաղաքականության մեկ օրինակն է միայն, որով մենք ցանկացանք ցույց տալ այդ քաղաքականության բնույթը։

Г. С. КИЛИМДЖЯН

ТУРЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ТУРЕЦКО-ГРЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (1908—1912 гг.)

Резюме

После переворота 1908 г. младотурки добивались возвращения бывших османских территорий. В связи с этим они активизировали свою политику в критском вопросе, вследствие чего греко-турецкие отношения приняли весьма напряженный характер.

Современные турецкие историки оправдывают эту агрессивную политику младотурок. По их убеждению, при новом режиме блага, которыми пользовались в конституционных государствах Европы, распространятся и на все территории Османской империи.

Следовательно,—заключают они,—было бы естественным возвращение прежних территорий империи Турции.

Младотурки подвергаются критике лишь за то, что они не смогли сохранить огромное территориальное наследство, полученное ими от Абдул Гамида. Критике подвергается тактическая линия внешней политики. Поэтому критика турецких историков исходит из интересов турецких господствующих кругов.

Հ. Հ. ՄԱՐՏԻՐՈՍՅԱՆ

ԿԻԼԻԿԻԱՅԻ 1909 ԹՎԱԿԱՆԻ ԱՊՐԻԼԻ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԿՈՏՈՐԱԾԸ ԵՎ ԵՐԻՏԱՍԱՐԴ ԹՈՒՐՔԵՐԻ ՊԱՏԱՍԽԱՆԱՏՎՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐՑԸ

Ադանայի ջարդերուն պատասխանատուները ճշտելու գործին մեջ երեք Զոհրապ չըլլար, թերևս ջարդվողները հանցավոր նոշակվեին։

Երվանդ Օտյան[1]

Մեր սրբազան պարտքը համարելով հայ տաղանդավոր նովելիստ ու հասարակական գործիչ Գրիգոր Զոհրապի հարցին անդրադառնալ սույն հոդվածի վերջում, առայժմ նշենք, որ հայ մեծանուն դրող Երվանդ Օտյանի՝ մեր բնաբանում բերված այն միտքը, թե Ադանայի կոտորածների ժամանակ «ջարդվողները», այսինքն՝ հայերը, քիչ էր մնում «հանցավոր հռչակվեին», իր ժամանակի համար ամենևին պատահական ու անհիմն չէր։ Բանն այն է, որ այդ կոտորածների համար հայերին պատասխանատու ճանաչելու և նրանց մեղադրելու համար քիչ չանք չգործադրվեց նոր, սահմանադրական Օսմանյան կայսրության օրենսդիր օրգանում՝ մեջլիսում, իսկ մեր օրերում, անապացույց մնացած և անհիմն այդ մեղադրանքները դեռ շարունակում են «հաստատել» ու «ապացուցել» կայսրության շրջանի ղեկավար քաղաքական գործիչներն իրենց հիշողություններում և ժամանակակից թուրք պատմաբաններն իրենց պատմական աշխատություններում։ Թուրք պատմաբանների օրինակով, այդ դեպքերին նույնպիսի տենդենցիոզ մեկնաբանություններ են տալիս նաև արևմտաեվրոպական ու ամերիկյան բուրժուական որոշ պատմաբաններ։

---

1 Երվանդ Օտյան, Երկեր, Հայպետհրատ, Երևան, 1956, էջ 668։

Այդ ամենի հետևանքով, Կիլիկիայի 1909 թվականի հայկական կոտորածների պատասխանատվության հարցում ստեղծվել են տարբեր մոտեցումներ, տարբեր գնահատականներ ու կարծիքներ՝ իրարամերժ ու հակասական։ Քանի որ Կիլիկիայի արյունալի դեպքերը տեղի են ունեցել 1909 թվականի ապրիլի 13-ի (մարտի 31-ի) հետադիմական հեղաշրջման հաջորդած այն 13 օրում, երբ երիտասարդ թուրքերը երկրում կորցրին իշխանությունը և վերստին դրության տեր դարձավ Աբդուլ Համիդ II սուլթանը, ամենից ավելի տարածում գտավ այն կարծիքը, որ այդ կոտորածները հանդիսացել են այդ արյունարբու սուլթանի ձեռքի գործը։ Այս տեսակետը պաշտպանողները կամ հարցը խորը չեն ուսումնասիրել և կամ պարզապես հետապնդել են քաղաքական նպատակ՝ պաշտպանել երիտթուրքերին հնարավոր ամբաստանություններից։ Մյուսները, չժխտելով այդ տեսակետը, ենթադրել կամ անվիճելի են համարել երիտթուրքերի մեղսակցությունը այդ ոճիրին[2]։

Բոլոր այդ կարծիքների մեջ մինչև հիմա էլ դեռ անորոշ է մնում այն հարցը, թե այդ ջարդերը տապալված վարչակարգի վերջին արարքն էին արդյոք, թե ընդհակառակը, նոր Թուրքիայի առաջին գիտակցված շարժումը[3]։ Սույն հոդվածում փորձ է արվում ի մի բերելով այդ հարցում եղած տարբեր կարծիքները, արխիվային փաստաթղթերի և վերջին ժամանակներս հրապարակ հանված այլ նյութերի հիման վրա որոշ չափով պատասխան տալ այդ հարցին։

* * *

«Ասիական ժողովուրդների զարթոնքի» համաշխարհային պատմական խոր պրոցեսը, որը առանձնապես լայն թափ ստացավ ռուս-ճապոնական պատերազմից և 1905—1907 թթ. ռուսական հեղափոխությունից հետո[4], չէր կարող իր անմիջական ազդեցությունը չունենալ հեղափոխության օրրանին՝ Ռուսաստանին այնքան մոտ գտնվող օսմանյան լայնածավալ ու բազմազգ կայսրության վրա։ Այդ բուրժուական հեղափոխությունը սուլթանական Թուրքիայի ժողովուրդների սրտում զարթեցրեց ազգային ու սոցիալական դարավոր ճնշումից ազատագրվելու հույսը և ցույց տվեց այդ նպատակին հասնելու իրական ուղին։

---

[2] Տե՛ս օրինակ, V. Berard, La Mort de Stamboul, Paris, 1913. p. 209.

[3] Տե՛ս Հր. Պաստրմաջյան, Հայոց պատմություն, Բ հատոր, Անթիլիաս-Լիբանան, 1958, թարգմ. ֆրանս., էջ 178։

[4] Տե՛ս Վ. Ի. Լենին, Երկեր, հատ. 15, էջ 266։

Սակայն սուլթանական Թուրքիայի ժողովուրդների ազատագրական շարժումները մեկ միասնական հոսանքի մեջ համախմբելու գործին մեծ խոչընդոտ էին հանդիսանում մուսուլմանական մոլեռանդությունը, բուրժուական նացիոնալիզմը և իմպերիալիստական տերությունների մեքենայությունները։ Աբդուլ Համիդի բռնակալական ռեժիմը տապալելու համար այդ բոլոր ազգային ցաք ու ցրիվ ուժերից մեկ ընդհանուր ճակատ կազմելու խնդիրը իրենց վրա վերցրին երիտթուրքերը, որոնք, ապահովելով այդ ընդհանուր նպատակով միավորած ուժերի անվերապահ աջակցությունը, երբ հեղափոխական իրադրությունը արդեն հասունացել էր ինչպես ներքաղաքական, այնպես էլ միջազգային տեսակետից, անցան վճռական գրոհի և հարկադրեցին Աբդուլ Համիդ II սուլթանին վերականգնել 1876 թվականի սահմանադրությունը և նշանակել պառլամենտական ընտրություններ։ Իրենք՝ երիտթուրքերն էլ կայսրությունում դառնալով դրության տերը, հռչակեցին վաղուց խոստացած «եղբայրության», «հավասարության», «ազատության» և միայն իրենց՝ թուրքերի համար հասկանալի, սպեցիֆիկ «արդարության» լողունգները։

Այսպես կատարվեց թուրքական այդ դրեթե անարյուն հեղափոխությունը։ Եվ քանի որ այն կատարեցին բուրժուական հեղափոխականները, ապա նրա խնդիրները դրանով էլ ավարտվեց, մնալով որպես վերնախավային հեղափոխություն։ Եվ չնայած, որ հեղափոխությունից հետո, որոշ ժամանակ, երկրում տիրում էր ընդհանուր խանդավառություն և ոգևորություն, տեղի էին ունենում թուրք և ոչ թուրք ժողովուրդների եղբայրացման ցույցեր, թուրքերի կողմից ճնշված ազգերը իրենց լրիվ հաշիվ էին տալիս, որ թեպետ երիտթուրքերը խոսքով հանդես էին գալիս որպես կայսրության բոլոր ժողովուրդների միասնության ու հավասարության կողմնակիցներ, բայց իրականում նպատակ ունեին պահպանել թուրքերի գերիշխանությունը ոչ-թուրքերի նկատմամբ, այն տարբերությամբ միայն, որ թուրքական ֆեոդալական ճնշմանը փոխարինելու էր գալիս բուրժուական ազգային ճնշումը։

Թուրքիայում ծավալված ազգային-ազատագրական պայքարը իր զարգացման ճանապարհին բախվում էր երիտթուրքերի հակադեմոկրատական ու հակաժողովրդական շովինիստական քաղաքականության հետ, քանի որ, ինչպես նշել է Վ. Ի. Լենինը, երիտթուր-

քերի «այդ հեղափոխությունը թշնամի է Օսմանյան կայսրության մեջ սկսվող պրոլետարական պայքարին»[5]։

Հեղափոխությունից հետո երիտթուրքերը խուսափեցին անմիջականորեն նոր կառավարության կազմի մեջ մտնելուց և այն գլխավորելուց։ Բայց մայրաքաղաքում և տեղերում ստեղծած իրենց բազմաթիվ կազմակերպությունների միջոցով նրանք իրենց խիստ վերահսկողության տակ էին պահում ինչպես կառավարական ու պետական ամբողջ ապարատը, այնպես էլ իշխանության տեղական օրգանները։ Եթե այս ընդհանուր պատկերին ավելացնենք նաև այն, որ երիտթուրքերը շատ շուտ մոռացության տվեցին հանդիսավոր կերպով հռչակած «ազատության», «եղբայրության» և «հավասարության» լոզունգները, ապա հասկանալի կդառնա երկրի տարբեր ազգությունների և խավերի խոր դժգոհությունը երիտասարդ թուրքերի ստեղծած ռեժիմից։

Երկրում ծնունդ առած ընդհանուր դժգոհության պայմաններում առանձնապես ուժեղացավ ծայրահեղ հետադիմական տարրերի ակտիվությունը, որոնք պայքար էին մղում «Միասնություն և առաջադիմություն» կուսակցության լծի դեմ և ձգտում էին վերականգնել հին ռեժիմը[6]։ Այդ նպատակով Ստամբուլի կայազորի զինվորները «Ախրար» (լիբերալների) կուսակցության և հետադիմական մուսուլմանական հոգևորականության պրոպագանդայի ազդեցության տակ 1909 թվականի ապրիլի 13-ին (հին տոմարով մարտի 31-ին) խռովություն բարձրացրին։ Խռովարարները հիմնականում գվարդիական զորամասերն էին, որոնք կազմում էին սուլթանի պահակախումբը և նվիրված էին նրան։ Պրոպագանդան վարել էին այնքան գաղտնի, և խռովությունը տեղի ունեցավ այնքան անակնկալ, որ նրանք, ովքեր պետք է ամենից ավելի վախենային նրա հաջողությունից, չկարողացան ոչինչ ձեռնարկել այն կանխելու համար։ Հեղաշրջումից հետո Թուրքիայի Ազգային ժողովը Սենատի նախագահ Սայիտ փաշայի գլխավորությամբ մայրաքաղաքից մեկնեց Սան-Ստեֆանո և մնաց այնտեղ մինչև Կոստանդնուպոլսի ազատագրումը «գործողության» բանակի կողմից[7]։

Երկրում տիրող քաղաքական այսպիսի տակնուվրայություններ պայմաններում, երբ նոր ռեակցիոն ռեժիմը դեռ իր դիրքերը չէր

---

5 Վ. Ի. Լենին, Երկեր, հատ. 15, էջ 268—269։

6 Տե՛ս Новая история стран зарубежного Востока, т. II, стр. 4.

7 Տե՛ս, I. H. Danişmend, Izahlı Osmanlı Tarihi Kronolojisi, cilt IV, s. 375.

ամրապնդել երկրում և վստահ չէր իր հարատևությանը, մայրաքաղաքից հեռու ընկած Ադանա քաղաքից երկրով մեկ տարածվեց հայկական կոտորածների ղարհուրելի լուրը, կոտորածներ, որոնք մի քանի օրվա դադարից հետո նոր ուժով վերսկսվեցին վիլայեթի մյուս գրեթե բոլոր հայաշատ քաղաքներում ու գյուղերում և որոնց հետևանքով զոհվեցին մոտ 30 հազար անմեղ հայեր, երեք հարյուր կալվածք հրո ճարակ դարձավ, հափշտակվեց ավելի քան տասը հազար գլուխ անասուն, իսկ նյութական վնասները հասան մինչև քսան միլիոն թուրքական լիրայի (մոտավորապես 500 միլիոն ֆրանկի)[8]:

Հայ մեծանուն պատմաբան Լեոն «Անցյալից» գրքում, կրկնելով իր ժամանակ տարածված այն տեսակետը, թե Աբդուլ Համիդը «բանի դեռ իր արյունոտ գահի վրա էր,... կատարում էր իր վերջին հրեշավոր ոճիրը, հրամանագրելով հայերի ջարդ Ադանա քաղաքում և շրջանակներում»[9], *միաժամանակ միանգամայն տեղին նշում, է, որ երիտթուրքերի կուսակցությունն ամեն ջանք գործադրում էր ցույց տալու համար, որ Ադանան ամբողջովին հին ռեժիմի ոճիրն է. «Բայց,— շարունակում է Լեոն,— այս ջանքերը չպսակվեցին կատարյալ հաջողությամբ: Մնացին շատ կասկածներ (ընդգծումը մերն է.—Հ. Մ.), որոնք ապացուցում էին, թե երիտթուրքերն էլ անմեղ չեն»*[10]:

Ռուս պատմաբան Դուրկո-Կրյաժինը Ադանայի դեպքերը վերագրում է հին ռեժիմին: Նա գրում է. «...15—20.000 հայեր, կոտորվեցին հակահեղափոխության պահին Կիլիկիայում՝ այս է «արյունարբու սուլթանի» մռայլ տիրապետության վերջին հանրագումարը»[11]:

Ադանայի հայ բնակչության կոտորածը նույն կերպ է ներկայացնում նաև ամերիկացի բուրժուական պատմաբան Ջոզեֆ Գրինը. «Պետք է նշել,— գրում է նա,— որ Կոստանդնուպոլսի խռովության իսկ օրը Ադանա քաղաքի ու նահանգի մուսուլմանական բնակչությունը, որին հրահրում էին Կոստանդնուպոլսից, հարձակվեց իր քրիստոնյա հպատակների վրա և մի քանի օրվա ընթացքում կողոպտեց ու սպանեց 20.000 հայ, ավերեց բազմաթիվ քրիստոնեա-

---

[8] Georges Brézol, Les Turcs ont passé la... La verité sur les massacres d'Adana de 1909, Paris, 1911, p. 12.

[9] Լեո, Անցյալից: Հուշեր, թղթեր, դատումներ, Թիֆլիս, 1925, էջ 227:

[10] Նույն տեղում:

[11] В. А. Гурко-Кряжин, История революции в Турции, М., 1923, стр. 60.

կան գյուղեր, եկեղեցիներ, դպրոցներ, սպանեց մեծ թվով վարդապետների, այդ թվում ամերիկացի երկու միսիոներների և 20 բողոքական պաստորի, ինչպես նաև կոլեջի մի պրոֆեսորի... Խռովությունն ու կոտորածը հանդող հրեշավոր սուլթան Աբդուլ Համիդի վերջին ճիգերն էին»[12]:

Եվ վերջապես, ֆրանսիացի բուրժուական պատմաբան Ա. Սարրուն, 1912 թվականին հրատարակած «Երիտասարդ Թուրքիան և հեղափոխությունը» գրքում Կիլիկիայի հայկական կոտորածը ամբողջապես համարում է «հին ռեժիմի», այսինքն՝ Աբդուլ Համիդի իշխանության գործը, իսկ երիտթուրքերին ներկայացնում է իբրև երկրում «կարգ ու կանոնը և խաղաղությունը պահպանելու ձգտող միակ ուժը: «Այն ժամանակ,— գրում է Սարրուն,— երբ Կոստանդնուպոլսում բռնկեց այդ ահարկու հետադիմական շարժումը, Ադանայում ռեակցիան սկսեց մի սարսափելի կոտորած... Երիտասարդ Թուրքերին հավատարիմ մնացած պաշտոնյաների օգնությամբ «Միասնություն և առաջադիմություն» կուսակցության կոմիտեներին ու ենթակոմիտեներին հաջողվեց պահպանել կարգ ու կանոնը: Բայց Ադանայում ռեակցիան նպաստավոր հող գտավ, իսկ պաշտոնյաներն էլ կարծես ոչինչ չէին նախաձեռնում, որպեսզի կանխեն կոտորածները հրահրողների սադրանքները:

Այս նողկալի ոճրագործությունը վարկաբեկեց հին ռեժիմին, Համիդյան ռեժիմին, այլ ոչ թե երիտթուրքերին, ինչպես ոմանք ներկայացնում են: Ճիշտ չէ խոսել այդ դեպքերի մասին առանց ցույց տալու դրանց սերտ կապը 1909 թվականի ապրիլի 13-ի Կոստանդնուպոլսի դեպքերի հետ: Ստույգ է, որ դա նույն կուսակցությունն է, որը կազմակերպել է ռեակցիան մայրաքաղաքում և հրամայել իրականացնել զարհուրելի կոտորածը Ադանայում»[13]:

Անգլիացի ժամանակակից բուրժուական պատմաբան Բեռնարդ Լյուիսը «Ժամանակակից Թուրքիայի ծագումը» գրքում, խոսելով 1909 թվականի ապրիլյան դեպքերի մասին, գրում է. «Հետադիմական շարժումը բնավ միայն Ստամբուլով չսահմանափակվեց: Կասկածելի զուգադիպությամբ (ընդգծումը մերն է —Հ. Մ.) խռովության ալիքը տարածվեց Անատոլիայում: Իրադարձությունները առանձնապես վատ ընթացք ստացան Ադանայի շրջանում և իրենց գագաթնակետին հասան հազարավոր հայերի կոտորածի ժամանակ: Այդ դեպ-

---

[12] Joseph K. Greene, Leavening the Levant, New-York, 1916, p. 42.

[13] A. Sarrou, La Jeune-Turquie et la Revolution, Paris, 1912, p. 89—90.

քերի պատասխանատվությունը տարբեր կերպ է բաշխվում։ Այն ժամանակ, երբ Եվրոպան սարսափած էր թուրքերի դաժանություններից, մուսուլմանական կարծիքը վիրավորված էր հայերի թվացող հանդգնությունից ու քրիստոնեական Եվրոպայի կեղծավորությունից»[14]։

Բնրված վկայությունները բավական հիմք են տալիս մտածելու, որ սահմանադրական Թուրքիայում ոչ թուրք (ասենք նաև հենց թուրք) ազգությունների նկատմամբ գործադրված ազգային ու սոցիալական ուժեղ ճնշման դրսևորումների, կոտորածների ու բազմաթիվ ապօրինությունների համար իրավամբ «արյունարբու սուլթան» անունը ստացած Աբդուլ Համիդը որոշ պատմաբանների աչքում ծառայել է որպես քավության նոխազ։

Վերոհիշյալ պատմաբանների առաջ քաշած վերսիան անհիմն է թվում նաև այն պատճառով, որ դժվար է ենթադրել, թե երկրի հնատադիմական ուժերը կամ նրանց գլուխ կանգնած Աբդուլ Համիդ սուլթանը հեղաշրջումից հետո առանց երկրում իրենց իշխանությունն ամրապնդելու, դիմեին իրենց բախտի համար ճակատագրական այնպիսի մի արկածախնդրության, ինչպիսին տասնյակ հազարավոր հայերի ջարդն էր մայրաքաղաքից հեռու ընկած վիլայեթում։ Բացի այդ, ստորև մենք կաշխատենք ցույց տալ, որ իր բոլոր մանրամասնություններով լավ նախապատրաստված ու կազմակերպված այդ կոտորածները մեկ գիշերվա գործ չէին, որ հայերի ջարդ կազմակերպելու հարցը լուծված է եղել դեռ այն ժամանակ, երբ երկրում տեր ու տնօրեն էին երիտթուրքերը հանձինս «Միասնություն և առաջադիմություն» կուսակցության տեղական կոմիտեների ու տեղական իշխանության օրգաններում նստած նրանց գործակալների։ Եվ քանի որ գնալով ավելի ու ավելի է բացահայտվում երիտթուրքերի մեղսակցությունը Ադանայի վիլայեթի հայ բնակչության կոտորելու սև գործին, հիշյալ կուսակցության նախկին պարագլուխները և ժամանակակից թուրք բուրժուական պատմաբանները, խեղաթյուրելով պատմական իրողությունները, սկսեցին նոր ջանքեր գործադրել, որպեսզի «ապացուցեն», թե Կիլիկիայի հայկական կոտորածների անմիջական պատասխանատուներն ու մեղավորները իրենք՝ հայերն էին, որոնք «այդպիսի կատաղի ապստամբություն բարձրացնելով, նպատակ ունեին պատճառ ստեղծել եվրո-

---

[14] Bernard Lewis, The Emergence of Modern Turkey, London, 1961, p. 212.

պական տերություններուն միջամտության համար և Կիլիկիայում հիմնել հայկական իշխանություն»[15]։

Երիտասարդ թուրքերի պարագլուխներից Ջեմալ փաշան, որը Ադանայի արյունալի դեպքերից չորս ամիս հետո, օգոստոսի կեսերին նշանակվել էր Ադանայի վիլայեթի նահանգապետ և, իր խոսքերով ասած, «իրենից ավելի լավ ոչ ոք չէր կարող ծանոթանալ հոգեբանական այն նախադրյալներին, որոնք առաջ բերին այդ կոտորածը»[16], անտեսելով, ավելի ճիշտ կոպիտ կերպով խեղաթյուրելով պատմական իրական փաստերը, Ադանայի ջարդերի համար մեղավոր է համարում միայն հայերին, դեռ ավելին, միայն մեկ մարդու, այսպես կոչված վերածնյալ հնչակյան կուսակցության անդամ Մուշեղ եպիսկոպոսին։ «Ես անձամբ համոզված եմ,— գրում է նա,— որ այդ արյունալի դեպքերի գլխավոր մեղավորը մոնսինյոր Մուշեղն էր...»[17]։

Ջեմալ փաշայի այս տեսակետը բաժանում է նաև մեր օրերի թուրք պատմաբաններից Իսմայիլ Համի Դանիշմենդը, որը իր «Օսմանյան պատմության ժամանակագրությունը» քառահատոր աշխատության չորրորդ հատորում գրում է. «Ադանայի դեպքը» կազմակերպել էր այնտեղի հայ հեղափոխական եպիսկոպոս, Մուշեղ անունով արյունարբու հոգևորականը»[18]։

Զգալով, որ լայն մասշտաբներ ընդունած Ադանայի կոտորածը մեկ մարդու ձեռքի դործ համարելու վերսիան ակնհայտորեն կարող է անհավանական թվալ, Ջեմալ փաշան, աշխատելով քիչ թե շատ ճշմարտանման դարձնել այդ մեղադրանքը, ստիպված է այնուամենայնիվ նշել, որ «...պատահածի համար պատասխանատվությունը հավասարապես ընկնում է նաև նահանգապետի վրա»[19], որի մեղքը, իբր, եղել է այն, որ նա «սխեմք է հասկանար, թե ինչպիսի վտանգ էր ներակայացնում այդ մարդը և միջոցներ ձեռնարկեր նրան վնասազերծելու համար»[20]։

Ջեմալի պնդմամբ, Մուշեղը մարդիկ ուղարկեց Եվրոպա՝ հայերի համար ղենք գնելու նպատակով[21], և ապա, «վերջապես, ապ-

---

15 I. H. Danişmend, ayni eser, cilt IV, s. 373.

16 Записки Джемаль Паши. 1913—1919. Тифлис, 1923, стр. 210.

17 Նույն տեղում, էջ 214։

18 I. H. Danişmend, ayni eser, s. 374.

19 Ջեմալ փաշա, նույն տեղում։

20 Նույն տեղում։

21 Նույն տեղում էջ 212։

րիլի 14-ին, մոնսինյոր Մուշեղի հրամանով հայերը առաջինը սկսեցին նշանավոր «Ադանայի գործը»։ Ադանայում, Տարսուսում, Համիդիեում, Միդմիսում, Էրզինում, Դյորթ-Յոլում, Ազրաչիլում, մի խոսքով, ամենուրեք, որտեղ հայեր կային, սկսվեց կոտորած։ ...Կառավարությունը այնքան անօգնական դտնվեց նույնիսկ վիլայեթի գլխավոր քաղաքում, և նրա շփոթվածությունը այն աստիճանի հասավ, որ իշխանություններն իրենք այսպես ասած «մոբիլիզացիայի» հրաման տվեցին մուսուլմաններին, որպեսզի կանխեն հայերի հարձակումը նրանց վրա»[22]։

Ամերիկայի Միացյալ Նահանգներում Թուրքիայի նախկին դեսպան Ահմեդ Ռուսթեմ բեյը ևս իր «Համաշխարհային պատերազմը և թուրք-հայկական հարցը» գրքում, որը լույս է տեսել 1918 թվականին Շվեյցարիայում, Կիլիկիայի կոտորածների ամբողջ պատասխանատվությունը դցում է հայ բնակչության և նրա քաղաքական կուսակցությունների վրա։ Նա գրում է. «1909 թվականի ապրիլի 12-ի հակահեղափոխությունը, որը թեև տեղի ունեցավ ավելի շուտ, բան այդ պրոպագանդան կատար իր բոլոր ցանկալի արդյունքները[23]*, կոմիտեների համար (հեղինակը նկատի ունի հայկական կուսակցությունները —Հ. Մ.) բարենպաստ առիթ ծառայեց իրենց պլանների իրականացման համար։ Օգտվելով այն հանգամանքից, որ կայսրությունում ժամանակավորապես բացակայում է կառավարությունը և կարծելով, թե նրա վերջին ժամը հնչել է ապրած սարսափելի ճգնաժամում, նրանք որոշեցին ընդհարում հրահրել մուսուլմանների և հայերի միջև Ադանա քաղաքում և նրա շրջակայքում։ Այդ նպատակով նրանք ամեն միջոց գործադրեցին, որպեսզի երկու տարրերին դրգռեն միմյանց դեմ»*[24]։

Ռուսթեմ բեյը, ջարդերի պատասխանատվությունը բարդելով

---

22 Նույն տեղում, էջ 213—214։

23 «Պրոպագանդա» ասելով Ահմեդ Ռուսթեմ բեյը ակնարկում է հայ ժողովրդի բնական ձգտումը՝ իր հայրենիքը՝ Թուրքահայաստանը ազատագրված տեսնել թուրքական բռնակալությունից։ Նա գրում է. «Հայերի ղեկավարների գործողությունները հանգեցրին այն բանին, որ նրանց ցեղակիցների ճնշող մեծամասնությունը միաձուլվեց մեկ համերաշխ խմբի մեջ, որը միահամուռ կերպով որոշել էր օգտվել նպաստավոր հանգամանքների առաջին իսկ բերումից, որպեսզի իր ազգի համար ստեղծի թիչ թե շատ ինքնավար մի Հայաստան Արևելյան Անատոլիայի նահանգներում, որ նա համառորեն հայտարարում է որպես իրենը, հակառակ վիճակագրության և պատմության հերքումներին»։ Ahmed Rustem Bey, La guerre mondiale et la question turco-arménienne, Berne, 1918, p. 30.

24 Rustem Bey, p. 30—31.

հայերի վրա, դրանով իսկ ձգտում է արդարացնել թուրքերի վայրագ հարձակումները հայերի վրա, խեղաթյուրում կոտորածների իրական պատկերը, դրանք ներկայացնելով որպես հավասար զինված ընդհարում կայսրության երկու տարրերի միջև։ Այդ նպատակի համար նա զուգահեռ է անցկացնում Աբդուլ Համիդի կազմակերպած կոտորածների և 1909 թվականի ապրիլյան ջարդի միջև։ Նա գրում է. «Էական տարբերություն կա 1895—96 թվականներին տեղի ունեցածի և Ադանայի ողբերգության միջև։ Աբդուլհամիդյան ռեակցիան սառնասրտորեն գործում էր հայերի դեմ, որոնք առանց պաշտպանության դիմավորում էին իրենց ճակատագիրը։ Կիլիկիայի մուսուլմանների ռեակցիան մի անմիջական և ուղղակի հակահարված էր իրենց նման լավ զինված հայերի պրովոկացիային։ Այնտեղ մենք գործ ենք ունեցել իսկական կոտորածի հետ։ Այստեղ պայքար է, կռիվ երկու տարրերի միջև։ Դրան ուղեկցած ծայրահեղություններ եղել են փոխադարձ»[25]։

Պատմական փաստերը կեղծելու այսպիսի փորձերից հետո հաջորդ քայլը պետք է լիներ կեղծել կոտորածներին զոհ գնացած մարդկանց թիվը՝ նվազեցնել հայերինը և չափազանցնել մուսուլմաններինը և ապացուցել, որ «հայերը կանգ չէին առնում կանանց ու երեխաներին սպանելու առաջ»[26]։ Ջեմալ փաշան իր հիշողություններում նշելով, որ Ադանայի այդ արյունալի դեպքերին զոհ գնացին 17.000 հայ և 850 մուսուլման[27], միաժամանակ չզիտես ում հետ վիճելով տարօրինակ տրամաբանությամբ պնդում է, թե «այդ թվերը ցույց են տալիս, որ եթե հայերը այստեղ մեծամասնություն կազմեին, ապա արդյունքները հակառակը կլիներին»[28]։

Հայկական կոտորածները նույն ոգով էլ ներկայացնում է մեր օրերի պանթուրքիստ պատմաբան Էսատ Ուրասը, որը իր «Հայերը պատմության մեջ և հայկական հարցը» գրքում մահմեդականներին ներկայացնելով որպես տուժող կողմ, Ադանայի կոտորածի պատասխանատվությունը գցում է հայերի վրա, անմեղ դուրս բերում

---

[25] Rustem Bey, p. 33. *Այս մասին տե՛ս նաև Ն. Սարդարյան, Ռ. Սահակյան, Հայ ժողովրդի նոր շրջանի պատմության աննգափոխումը թուրք պատմագրության մեջ, Հայպետհրատ, Երևան, 1963, էջ 16—17։*

[26] Записки Джемаль Паши, стр. 214.

[27] *Տե՛ս նույն տեղում։*

[28] *Նույն տեղում։*

երիտթուրքերին, իսկ ջարդերին զոհ գնացած հայերի թիվը համաբում ընդամենը հազար մարդ[29]։

Ահա, վերջապես, երիտթուրքերի ապագա տրիումվիրատի անդամներից մեկի, հայ ժողովրդի արյունարբու դահիճ Թալաաթ փաշայի վկայությունները Ադանայի դեպքերի մասին։ Իր «Հիշողություններ»-ում Թալաաթը, զուգահեռ անցկացնելով Ռումելիում բուլղարների և Անատոլիայում հայերի ծավալած ազատագրական շարժումների միջև, նշում է, որ դրանք բուլղարների և հայերի կողմից հրահրվում էին «սոսկ քաղաքական նպատակներով», այն է՝ Եվրոպայի միջամտության օգնությամբ «իրենց համար ապահովել ինքնավար վարչություն և ապա անկախություն»[30]։ «Ադանայի դեպքերը,— շարունակում է նա,— բացառապես նրանց (հայերի —Հ. Մ.) գործերն են, որոնք ի վերջո վերագրվել են թուրք ժողովրդին»[31]։ Ինչպես հայտնի է, Ադանայի դեպքերից որոշ ժամանակ անց Թալաաթը դառնում է Օսմանյան կայսրության ներքին գործերի մինիստր։ «Իբրև անկողմնակալ պետական գործիչ,— պատմում է նա,— ես ուշադրությամբ քննեցի Ադանայի դեպքերի մասին եղած պրովոկացիոն փաստաթղթերը։ Հետաքննող հանձնաժողովի հայ անդամների վկայությամբ ևս հաստատվում է, որ դեպքերը եղել են հայերի սադրանքի արդյունք։ Հանձնաժողովի անդամներից մեկը՝ Հակոբ Պապիկյանը անձամբ խոստովանեց ինձ»[32]։

Այսպիսով, ժամանակակից Թուրքիայում ամեն ջանք գործադրվում է թաքցնելու երիտթուրքերի կատարած ոճրագործությունները, որի համար նրանք բռնել են փաստերը նենգափոխելու իրենց սովորական ուղին։ «Թուրքական կառավարությունը,— 1909 թվականի մայիսի 15-ին հաղորդում է Կ. Պոլսում ռուսական դեսպան Զինովևը—ըստ երևույթին աշխատում է նսեմացնել Ադանայի խառնակությունների նշանակությունը և, ի միջի այլոց, խառնակությունների ժամանակ սպանվածների թվի մասին տարածում է այնպիսի տեղեկություններ, որոնք խիստ հակասում են մեր տեղական

---

[29] Esat Uras, Tarihte Ermeniler ve Ermeni meselesi, Ankara, 1950. s. 575. *Տե՛ս նաև Ե. Ամարգյան, Ռ. Ամահակյան, նշվ. աշխ. էջ 16։*

[30] Tal'at Paşa, Hatıraları, Istanbul, 1946, s. 14. «Հիշողություններ»-ի հայերեն թարգմանությունը տե՛ս ՀՍՍՀ ԳԱ արևելագիտության սեկտորի արխիվում, էջ 12։

[31] Նույն տեղում։

[32] Նույն տեղում, էջ 15։

գործակալներից իմ և մի քանի օտարերկրացի ընկերակիցներիս ստացած տեղեկություններին...»[33]։

Ֆրանսիացի պատմաբան Ժորժ Բրեզոլը իր «Այստեղից թուրքերն են անցել ...Ճշմարտությունը 1909 թվականի Ադանայի կոտորածների մասին» չափազանց արժեքավոր գրքում, որի հրապարակումը մի մեղադրական ակտ էր՝ ուղղված երիտթուրքերի դեմ, ուշագրավ տեղեկություններ է բերում կոտորածներին նախորդած ժամանակաշրջանի որոշ իրադարձությունների մասին, որոնք լույս են սփռում ջարդերի նախապատրաստական փուլի վրա։ Մուսուլմանները, գրում է նա, արդեն իրենց թվական կազմով մի պատկառելի ուժ էին ներկայացնում վիլայեթում, «մանավանդ որ, որոշ ժամանակից ի վեր, առանց ականհայտ պատճառի (ընդգծումը մերն է։— Հ. Մ.) թուրքերն սկսեցին ամեն տեսակ զենքի առատ պաշարներ կուտակել։ Չորս կամ հինգ ամսում Ադանայի շուկայում վաճառվեց ավելի քան 30.000 թուրքական լիրայի (մոտավորապես 700.000 ֆրանկի) ամեն տրամաչափի զենքեր՝ գերմանական, ավստրիական ու բելգիական արտադրության ատրճանակներ, հրացաններ ու կարաբիններ»[34]։

Էրզրումի ռուսական գլխավոր հյուպատոսը մարտի սկզբին հաղորդում էր Կոստանդնուպոլիս՝ ռուսական դեսպան Զինովևին, որ «Երիտթուրքերը սկսել են շտապ կարգով զինել մուսուլմաններին, առանձնապես քաղաքների դադաշներին, որոնք հայտնի են իրենց անձարձակությամբ և հայերի նկատմամբ տածած ատելությամբ։

Ոչ այդ գործողությունները, ոչ դրանց պատճառները, իհարկե, չէին կարող գաղտնի պահվել, և խուզումը մուսուլմանների շրջանում արդեն Էրզրումի վիլայեթից բացի ընդգրկել է Բիթլիսի, Սվասի, Խարբերդի և Դիարբեքիրի շատ վայրեր»[35]։

Կոտորածներից դեռ շատ առաջ ամբողջ Անատոլիայում թուրք մուսուլմանական բնակչության շրջանում ռեակցիոն տարրերը սկսել էին տարածել լուրեր, թե հայերը զինվում են և նպատակ ունեն կոտորել մահմեդականներին ու առևանգել նրանց կանանց[36]։ Կոտո-

---

33 Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов. Под ред. проф. М. Г. Нерсисяна, Ереван, 1966, стр. 169.

34 Georges Brézol, op. cit., p. 8.

35 Геноцид армян..., стр. 167.

36 *Համբարձում Աշճյան, Առանձին եղեռնը և Գոնիայէ հուշեր, Նյու-Յորք, 1950, էջ 149։ Տեղեկագիր Հակոբ Պապիկյանի, Կ. Պոլիս, 1919, էջ 23։*

ցածներին նախորդած օրերին մոլեռանդ ամբոխի գրգռված վիճակը արդին հասել էր գագաթնակետին։

Ջարդերից մի քանի օր առաջ, արձանագրել է Հ. Պապիկյանը իր «տեղեկագրի» մեջ, «Իթիհադ» թերթի խմբագրության կողմից կազմակերպված մի միտինգում «բոլոր իսլամ դասակարգերը — պաշտոնյա, կրոնական, զինվոր և գործավոր — կաշխատին զանգվածային հարձակման մը պատրաստվելու համար»[37]։ Միտինգում վալին հայտարարում է, որ զինապահեստը «կողոպտված է այս գերգրգռված ամբոխի կողմէ»։ Բայց քանի որ, շարունակում է Հ. Պապիկյանը, զինապահեստը պահպանվում էր պահակախմբի կողմից և պահակներն էլ առանց դիմադրության չպետք է թողնեին նրանց մտնել պահեստ, և որ ապացուցված չէ, թե որևէ բախում տեղի է ունեցել պահակների ու ժողովրդի միջև և որ «միևնույն բանը պատահած է նահանգին բոլոր այն մասերուն մեջ՝ ուր այս պատճառներով ջարդեր տեղի ունեցած են, կասկած չի թողուր, որ զենքերը բաշխված հն կառավարական հրամանով»[38]։ Եվ քանի որ «կառավարական հրամանը» տրված պետք է լիներ երիտթուրքերի դրածոների կողմից, իսկ կուտակված զենքերը պետք է մի օր կրակեին և գրգռված մոլեռանդ ամբոխի արհեստականորեն ներշնչված ատելությունն էլ քրիստոնյաների նկատմամբ պետք է պոռթկար, ապա մնում էր միայն առիթը, որը ներկայացավ, երբ լուր ստացվեց Ստամբուլում տեղի ունեցած ռեակցիոն հեղաշրջման մասին։

Կոտորածներն սկսվեցին ամենից առաջ Ադանա քաղաքում՝ առանց հայերի կողմից պրովոկացիայի կամ հարձակման առիթ ստեղծելու, որոնց կարիքը նրանք չունեին, քանի որ չէին հետապնդում ոչ անջատվելու և ոչ էլ հատկապես մահմեդականներին կոտորելու նպատակ։ «...Կարելի չէ եղած գտնել փաստ մը՝ որ կարենար ենթադրել տար թե հայերը կը սնուցանեին հայրենասիրական զգացմունքներու հակառակ գաղափար մը, այսինքն՝ անջատողականություն»[39]։

Ինչպես նշում են աղբյուրները, 1908 թվականի ապրիլի 1-ի (14-ի) օրը Ադանա քաղաքի շուկայում և բանուկ թաղերում արտակարգ աշխուժություն և ոգևորություն էր նկատվում մահմեդական բնակչության շրջանում։ Զինված թուրքերն ու քրդերը վխտում էին քաղաքում։ Հայերը կանխազգալով ինչ-որ վատ բան, փակում են

---

37 Նույն տեղում, էջ 25։

38 Նույն տեղում, էջ 25—26։

39 Նույն տեղում, էջ 33։

իրենց խանութները և շտապում տուն՝ նախ որևէ պրովոկացիայի առիթ չտալու և ապա պաշտպանվելու համար[40]: Բայց վալին, իր մոտ կանչելով հայոց հոգևոր պետերին ու քաղաքի երևելիներին, պահանջում է, որ հայերը վերադառնան իրենց խանութները և վերսկսեն աշխատանքը: Իրականում, քաղաքի իշխանությունների նպատակն էր հայերին զրկել ինքնապաշտպանության բոլոր միջոցներից և դյուրացնել նրանց բնաջնջումը մահմեդականների կողմից[41]: Եվ երբ հայերը, տեղի տալով վալիի պահանջին, վերադառնում են իրենց աշխատանքին, սկսվում է կոտորածը: «Հետո ամբոխը հարձակած է հայ թաղին վրա,— գրում է Հ. Պապիկյանը,— սպաննելու համար բոլոր անոնք որ տուն ապաստանած կամ հոնկն բնավ դուրս չէին ելած: Այն ատեն է միայն, որ հայերը գտնվելով օրինավոր ինքնապաշտպանության մը հարկին տակ, դինված դիմադրություն մը ցույց տված են, ուրկեց պատահած են երկուատեք կորուստներ: Սակայն, որովհետև ոչ մեկ հայ երբեք չէ հարձակած իսլամ թաղին վրա, և որ բոլոր իսլամ սպանվածները գտնված են հայ թաղին կամ ասոր մոտակա դիրքերուն վրա, բացարձակորեն անկարելի է պնդել, որ հայերու ձեռք առած միջոցը պաշտպանողական և թուրքերունը հատկապես պատրաստված հարձակողական չըլլա»[42]:

Երեք օր ու դիշեր շարունակվեցին ջարդերն ու արյունահեղությունը քաղաքում[43]: «Մահմեդականների վայրագությունները Ադանայի վիլայեթում հասել էին հրեշավոր չափերի,— հաղորդում է ռուսական դեսպան Զինովևը:—Սպանված քրիստոնյաների, հատկապես հայերի թիվը հասնում է մինչև 15.000 մարդու... Ադանա բաղաքը այլևս գոյություն չունի, իսկ ամբողջ ունեցվածքը և պաշարները կողոպտված լինելու հետևանքով կոտորածներից խուսափած քրիստոնյա բնակչությունը սկսում է սովի մատնվել»[44]: Հետագա օրերին կոտորածները ծայր առան Ադանայի վիլայեթի գրեթե բոլոր սանջաքներում: Հազիվ էին դրանք կարճ ժամանակով դադարել, երբ ջարդերը նորից վերսկսվեցին մի քանի օրից հետո

---

40 Տե՛ս Հ. Աշճյան, նշվ. աշխ., էջ 16; G. Brezol, op. cit., p. 17. «Ժամանակ», 1 ապրիլի 1909 թ.; Տեղեկագիր Հ. Պապիկյանի, էջ 26;

41 Տե՛ս Տեղեկագիր Հ. Պապիկյանի, էջ 26; Аданские черные дни, стр. 15.

42 Տեղեկագիր Հ. Պապիկյանի, էջ 27;

43 Տե՛ս Аданские черные дни, стр. 7.

44 Геноцид армян..., стр. 168.

ռումելիական զորքերի ժամանման հետ միասին, որոնք եկել էին Թուրքական կառավարության կարգադրությամբ իբր կարգ ու կանոն վերահաստատելու համար[45]։

Կոտորածներին զոհ գնացին ոչ միայն հայերը։ Դահիճները «Ատանայի բիւսոնյաներուն մեջ ոչ մեկ խտրություն դրած են»[46], որի հետևանքով զոհ գնացին նաև հարյուրավոր հայ կաթոլիկներ, բողոքականներ, հույներ, կաթոլիկ սիրիացիներ, սիրիացիներ, քաղդեացիներ և այլն[47]։

Կոտորածների այդ ողբերգական օրերին հայերը դարձյալ իրենց մեջ դաման կորով՝ պաշտպանելու իրենց ընտանիքը, ունեցվածքն ու պատիվը։ Ինչպես նշում են աղբյուրները, այնտեղ, որտեղ թեկուզև փոքրիկ խմբերով հայերը կարողացան զենքը ձեռքին դիմել ինքնապաշտպանության, նրանք վերապրեցին և փրկվեցին անխուսափելի կոտորածից։ Ինքնապաշտպանական հերոսական մարտեր տեղի ունեցան Քեսաբում, Չորք-Մարղվանում, Ֆընդջաքում, Շեյխ-Մուրադում, Շարդևերում, Սիսում, Կարսում (չշփոթել Կարս քաղաքի հետ), Հաճընում և այլուր[48]։

Ադանայի վիլայեթի հայ բնակչության այդ օրհասական օրերին դոնվեցին բարեկամներ ու կարեկցողներ, որոնք օգնության ձեռք մեկնեցին հայերին՝ ընդդեմ թուրք ջարդարարների։ «Գրեթե ամենուրեք,— գրում է «Ադանայի սև օրերը» գրքի հեղինակը,— մոլեռանդ և դաղափած ամբոխի մեջ գտնվում էին առանձին պայծառ անհատներ, բնակչության ամբողջ խավեր, որոնք, չենթարկվելով ընդհանուր հոսանքին, իրենց պահում էին միանգամայն մարդկայնորեն, նույնիսկ հերոսաբար»[49]։ Տարսուսի ֆելլահները ապաստան տվեցին հազարավոր հայերի, որոնք հրո ճարակ դարձած իրենց տներից փախչելով, ապաստան էին փնտրում դաշտերում ու այգիներում։ «Պակաս մարդասիրություն չցուցաբերեցին Աֆրինի հովտի բրդերը, Չուքուրովայի կիսավաչկատուն յուրուքները և չերքեզները[50]։

Ինչպես հայտնի է, Ադանայի վիլայեթում կազմակերպված ջարդերին զոհ գնաց մոտ 30.000 հայ և այլազգի բնակիչ։ Սա ըն-

---

45 Նույն տեղում։

46 Տեղեկագիր Հ. Պապիկյանի, էջ 15։

47 Նույն տեղում, էջ 15—16։

48 Аданские черные дни, стр. 21.

49 Նույն տեղում, էջ 17—18։

50 Նույն տեղում։

հանուրի կողմից ընդունված թիվն է։ «Եթե մենք հաշվի առնենք Անտիոքի, Բեյլանի, Ալեքսանդրետի, Մարաշի և Հալեպի վիլայեթի մյուս վայրերի կոտորածները,— գրում է Ժորժ Բրեզոլը,— ապա կարող ենք առանց որևէ հնարավոր կասկածի պնդել, որ հայ ազգը կորցրեց երեսուն հազար մարդ»[51]։ Իսկ Ֆաուդ փաշան, որը կոտորածների օրերին սուլթանական Թուրքիայի ներքին գործերի մինիստրն էր, լկտիաբար հայտարարում էր Կոստանդնուպոլսի ժուռնալիստներին. «Ինչպե՞ս էիք ուզում, որ Կիլիկիայի 40 հազարանոց հայ բնակչությունից 30.000 սպանված լիներ, քանի որ մեր վիճակագրական տվյալների համաձայն դեռևս կան 25.000 կենդանի մնացած հայեր»[52]։ Կառավարությունը նախ պաշտոնապես հայտարարել էր, թե իբր «սպանված է 1.500 ոչ իսլամ և 1.900 իսլամ, բայց հետաքննությունից հետո ստիպված եղավ ընդունելու 6.000 թիվը»[53]։

Ինչպես հայտնի է, կոտորածներից մեկ ամիս հետո, մայիսին, թուրքական կառավարությունը նշանակեց հատուկ հանձնաժողով՝ ջարդերի պատճառներն ու հանգամանքները ճշտելու և զեկուցագիր ներկայացնելու նպատակով։ Այդ հանձնաժողովը կազմվեց օսմանյան պառլամենտի հայ դեպուտատներ Գրիգոր Զոհրապի և Վարդեսի համառ պահանջներով[54]։ Հանձնաժողովի մեջ բացի Ֆալիգ բեյից և Յուսուֆ Քեմալ բեյից, մտնում էին նաև Մանաստիրի վիլայեթի դատական քննիչ Հարություն Մոստիչյանը և Օսմանյան կայսրության պառլամենտի էդիռնեի դեպուտատ, թուրքասերի համարում ունեցող[55], երիտթուրքերի «Միասնություն և առաջադիմություն» կուսակցության անդամ[56] Հակոբ Պապիկյանը, որի վրա երիտասարդ թուրքերը մեծ հույսեր էին դնում այդ առաքելությանն ուղարկելիս։ Սակայն Հ. Պապիկյանը այդ հույսերը չարդարացրեց, և Քեմալ բեյից անկախ կազմելով իր տեղեկագիրը (որից վերևում մենք մեջբերումներ կատարեցինք), վերադարձավ Կոստանդնուպոլիս և հայ հասարակայնությանը ծանոթացրեց իր եղրակացություններին։ Կատարած անաչառ քննությունից հետո նա եկավ այն դլխավոր եզրա-

---

51 G. Brézol, op. cit., p. 369.

52 Ibidem, p. 365.

53 Տե՛ս «Տեղեկագիր» Հ. Պապիկյանի, էջ 17։

54 Геноцид армян..., стр. 502.

55 Ջ. Կիրակոսյան, Առաջին համաշխարհային պատերազմը և արևմտահայությունը, Երևան, 1967, էջ 48։

56 Ազատարար շարժուն բանակին հաղթական մատոն ի Կ. Պոլիս։ Կ. Պոլիս, 1909, էջ 197։

կացության, որ «Իթթիհատ և Թերաքքը կուսակցության անդամները Ատանայի վայրագ եղերերգության կազմակերպման և գործադրության մասնակից են»[57]։ Օգոստոսի սկզբներին նա ելույթ էր ունենալու պառլամենտի նիստում, բայց դրանից մի քանի օր առաջ մահացավ բոլորովին առեղծվածային մահով[58]։

Հ. Պապիկյանի մահից հետո երիտասարդ թուրքերի մերկացման գործը շարունակեց Դր. Զոհրապը թուրքական պառլամենտում ունեցած իր փայլուն ելույթներով։ Հետագայում (1911 թվականին) նա պատմում էր իր այդ ելույթների մասին. «Հավուսարության բացակայությունը կը դոնեք ամեն տեղ, նույնիսկ օսմ. Խորհրդարանին մեջ։ Քրիստոնյա տարրը երկրին բնակչության մեկ երրորդը կամ առնվազն մեկ չորրորդն է. օսմ. Խորհրդարանին մեջ մեկ յոթերորդն է... Ամենեն մեծ և ահավոր ապացույցը թե Սահմանադրություն հռչակելով ժողովուրդին վարքը ու բարքը չեն փոխվիր՝ Ատանայի արյունալի ողետն է... Պիտի լրսեք թե խուժանին գործն է այդ, բայց ինչ ընթացք բռնեց, օսմ. երեսփ. ժողովը ինչ ըրավ... Ատանա խրկված զինվորական ատյաններն միասին կախաղան բարձրացուցին ջարդողը և ջարդվողը։ Երբ օսմ. Խորհրդարանին բեմեն Ատանայի կոտորածը պատմեցի և զայրույթս հայտնեցի, գիտեք թե ինչ աղմուկներով ձայնս խեղդել ուզեցին։ Կառավարության ներկայացուցիչը հայերուն անհիմն վերագրումներ ըրավ և ծափերով իսլամ երեսփոխանները ողջունեցին այս հայտարարությունները... Մեր առաջին գործը եղավ այս աղետին պատասխանատվությունը ճշտել տալ, ուզեցինք հայ տարրին կողմե առանց պատճառ տված ըլլալու ջարդի սկսված ըլլալը և հայոց... անմեղությունը հռչակվի... Վերջապես դահլիճեն ստացանք ծանոթ հայտարարությունը։... Անհնարին դեպք մըն էր օսմ. կառավարությենեն ձեռք բերել այսպիսի պաշտոնական խոստովանություն մը»[59]։

Այդպիսի պաշտոնական հայտարարությունից հետո, երբ կոտորածների պատասխանատվությունը հայ բնակչության վրա գցե-

---

57 Տեղեկագիր Հ. Պապիկյանի, էջ 42։

58 Геноцид армян..., стр. 502. Հ. Աշճյան, նշվ. աշխ., էջ 52; Տեղեկագիր Հ. Պապիկյանի, էջ 6։

59 Ա ր շ. Ա լ պ ո յ ա ճ յ ա ն, Անհետացող դեմքեր։ Դրիդոր Զոհրապ (իր կյանքը և գործը), Կ. Պոլիս, 1919, էջ 205—206։ Խոսքը թուրքական կառավարության 1909 թվականի հուլիսի 31-ի հայտարարության մասին է, որով հայերը անմեղ էին ճանաչվում կոտորածների համար։ Հայտարարության տեքստը տե՛ս Հ. Աշճյանի մեջբ. աշխ., էջ 55—57։

լու հույսը չարդարացավ, երիտթուրքերը սկսեցին որոնել մի նոր բավության նոխազ... Աբդուլ Համիդը: Բայց, ինչպես մենք աշխատեցինք ցույց տալ, այստեղ ևս նրանք հիմնավոր մեղադրանքներ չկարողանալով գտնել կամ ստեղծել, ստիպված եղան խոստովանել, որ «չհաջողվեց հաստատել Աբդուլ Համիդի մեղսակցությունը այդ կտորածներին...»[60]:

Կովկասյան զինվորական օկրուգի գլխավոր շտաբի պետի պաշտոնակատար գեներալ-մայոր Կարպովը 1909 թվականի հունիսի 5-ին հաղորդում էր. «Կոտորածի և կողոպուտի բոլոր դեպքերին ամենաջերմ մասնակցություն են ունեցել զինվորները. սա մի փաստ է, որը հաստատվել է հարյուրավոր վկաների և այժմ Ադանայում գործող քննչական հանձնաժողովի կողմից: Ավելին, Մերսին ժամանած նիզամի 3-րդ կորպուսի առաջին զորամասերը, որոնք ամբողջապես գտնվում են երիտասարդ թուրք սպաների ձեռքում, կատարում են նույնպիսի գաղանություններ, ինչ որ այստեղի կորպուսի նրանց ընկերները. սրանք ևս փաստեր են, որ չեն ժխտում նաև իրենք՝ երիտթուրքերը, բայց բացատրում են հետադիմական տարրերի պրովոկացիայով: Սկզբում երիտթուրքերը Ադանայի կոտորածի մեղքը վերագրում էին Աբդուլ Համիդի մեքենայություններին, որը ցանկանում էր դրանով ուշադրությունը շեղել Կոստանդնուպոլսում նախապատրաստվող հեղաշրջումից...»[61]:

«Իսկական մեղավորներն ու մարդասպանները՝ իշխանություններն ու մակեդոնական (երիտթուրքական) զորքերը ոչ էլ մտածում էին թաքնվել, ասենք դրա համար նրանք պատճառ էլ չունեն, քանի որ նրանք են հանդիսանում զինվորական դատարանների ու քննչական հանձնաժողովների անդամները, և նրանք էլ այժմ պահպանում են կարգը երկրում, որտեղ և նրանք կոտորել են 25—30 հազար քրիստոնյա: Այն, ինչ տեղի է ունենում զինվորական դատարաններում, հատկապես Ադանայում արդարադատության անվան տակ, չարագույն ծաղր է նրա նկատմամբ»,— գրում էր վերոհիշյալ շտաբի պետի մեկ այլ պաշտոնակատար գեներալ-մայոր Յուդենիչը 1909 թվականի հուլիսի 15-ին[62]:

Հետագայում երիտասարդ թուրքերը, դառնալով իմպերիալիստական Գերմանիայի ռազմական դաշնակիցը և իրենց անպարտելի կարծելով, մտան արդեն սկսված առաջին համաշխարհային պա-

---

60 Геноцид армян..., стр. 172—173.

61 Նույն տեղում, էջ 171—172:

62 Նույն տեղում, էջ 172:

տերտերի մեջ և այլևս չէին աշխատում թաքցնել իրենց ղեկավար դերը Ադանայի կոտորածների մեջ։ Ահա ինչ էր հայտարարում երիտթուրքերի կոմիտեի անդամ, դոկտոր Նազըմը մի խորհրդակցությունում, որտեղ ինքը հանդես էր գալիս որպես գլխավոր ղեկուցող։ «Եթե 1909-ի մեր Ադանայի և այլ վայրերու մեջ կատարել ավածին նման (ընդգծումը մերն է։—Հ. Մ.) տեղական ջարդերով պիտի գոհանանք... Օգուտի տեղ վնասը անպայման է»[63]։ Սա արդեն ժողովրդի մի ամբողջ հատվածի բնաջնջման ծրագիրն էր, որ երիտթուրքերը սկրպտորեն սկսել էին կազմել և շուտով կենսագործելու էին։

Ադանայի կոտորածները մինչև հոգու խորքը ցնցեցին ամբողջ հայ ժողովրդին։ Ամենուրեք լսվում էր նրա արդար բողոքի ձայնը, որին արձագանքում էին նրա լավագույն բարեկամները աշխարհի տարբեր մասերում։ «...Կիլիկիայի ջարդը ճմլեց աղիքներս,— իր նամակներից մեկում գրում էր հայ տաղանդավոր բանաստեղծ Դանիել Վարուժանը։—Ցեղին հոգին արյուն կուլա մեջս, հրդեհված բաղաքներուն նկող ամեն լուր՝ տաք մոխրի պես կթափի գլուխիս և սրտիս վրա։ Հինգ դարեր պետք եղան՝ որպեսզի թուրքերեն մաս մը բաղաքակրթվեր, եվրոպականանար, ինչպես փուճած կաթսաները կկլայեկվին. ով դիտե դեռ որչափ հինգ դարեր են պետք և որչափ հայու արյուն՝ մյուս մեծագույն մասին համար։ Երիտասարդ թուրքերը չեն դադրիր եվրոպայի հասցնելէ թե թուրքը ի բնե բարի ժողովուրդ է, տակ հայերու անխոհեմությունն է աղետին սկզբնապատճառը ոճիր-եղած՝ եվրոպայի հայանպաստ կարծիքին հակազդելու համար, կարծիք մը՝ որ առանց աւորալ պոռնկացած է»[64]։

Սովետական արևելագետ Յու. Վ. Մարունովը իր «Երիտթուրքերի բաղաքականությունը ազգային հարցում (1908—1912)» արժեքավոր հոդվածում, նոր փաստերի ու վավերագրերի հիման վրա արդեն անառարկելի կերպով հաստատում է, որ «Ադանայի ջարդը (1909 թվականի ապրիլ), որը տարածվել էր նաև մյուս շրջանների

---

63 مولان زاده رفعت ، تورکیه انقلابنك ایچ یوزی ، حلب ، ۱۹۲۹ ، ص ۸۹—۹۰

Մ ե վ լ ա ն Զ ա դ է Ռ ի ֆ ա թ, Թուրքական հեղափոխությունը և մութ ծալքերը, Թարգմ. թուրքերենից, Բեյրութ, 1938, էջ 159—160։ Տե՛ս նաև Ե. Ղ. Ս ա ր գ ս յ ա ն, Թուրքիան և նրա նվաճողական քաղաքականությունը Անդրկովկասում, 1914—1918, Երևան, 1964, էջ 232։

64 Դ ա ն ի ե լ Վ ա ր ու ժ ա ն, Նամականի, Երևան, 1965, էջ 174։

վրա, նախօրոք նախապատրաստված և հրահրված էր «Միասնություն և առաջադիմություն» կոմիտեի կողմից»[65]։

Միջազգային պրոլետարիատի առաջնորդ Վ. Ի. Լենինը և ՌՍԴԲԿ բոլշևիկյան կենտրոնի օրգան «Պրավդա» թերթը, դասակարգային միանգամայն ճիշտ դնահատական տալով երիտթուրքերի բուրժուական վերնախավային հեղափոխությանը, խոր հետաքրքրություն էին հանդես բերում արևմտահայության ճակատագրի նկատմամբ, ընդսմին ցույց տալով թուրքական բուրժուազիայի ռեակցիոն շովինիստական քաղաքականությունը նրա նկատմամբ։ «Երիտթուրքերն իրենց առաջին իսկ քայլերից, կարծես դիտավորյալ կերպով, սկսեցին իրենցից ետ մղել Օսմանյան կայսրության ժողովուրդների համակրանքը,— գրել է «Պրավդա»-ն 1912 թվականին։— Նրանք դրսևորեցին լիբերալ բուրժուազիայի բոլոր արատներն ու թուլությունները, իսկ մյուս կողմից իշխանության գլուխ անցած զինվորական կաստայի ամբողջ դեսպոտիզմը։ Խոսքով լինելով լիբերալներ, նրանք գործնականում տոգորված էին սևհարյուրակային ամենաթունդ տեսակի նացիոնալիզմով և մոլի բուրժուական էգոիզմով... Նրանց ձգտումն էր՝ թուլացնել Օսմանյան կայսրության մեջ ապրող հայերին... կիրառելով էլ ավելի կոպիտ բնույթի միջոցառումներ, քան կիրառվում էին Աբդուլ Համիդի ժամանակ»[66]։

1913 թվականի հուլիսին «Պրավդա» թերթը, դարձյալ անդրադառնալով հայ ժողովրդի ճակատագրի հարցին, հրապարակում է «Փոքր Ասիան և հայկական հարցը» խորագրով ընդարձակ հոդվածը, որի մեջ կոնկրետ կերպով խոսելով Կիլիկիայի 1909 թվականի ապրիլի հայկական կոտորածների մասին, որոշակիորեն նշում է, որ «ներկա ռեժիմի (այսինքն երիտթուրքերի ռեժիմի—Հ. Մ.) պայմաններում, Ադանայում արդեն կազմակերպվեց 30 հազար հայերի կոտորածը»[67]։

1913 թվականի դեկտեմբերին Մոսկվայում կարդացած հրապարակային մի դասախոսության մեջ Ալ. Մյասնիկյանը, վերլուծելով Օսմանյան կայսրության, այդ «նեխած և քայքայվող դիակի»

---

65 Ю. В. Марунов, Политика младотурок по национальному вопросу (1908—1912). Кратк. сообщ. Инст. нар. Азии, XXX, 1964, Москва, стр. 16.

66 «Պրավդա», 1912 թվականի հուլիսի 27։

67 «Պրավդա», 1923 թվականի հուլիսի 27։ Մեջբերումները արված են ըստ պրոֆ. Ար. Ն. Մնացականյանի «Հայ ժողովրդի ողբերգությունը ռուս և համաշխարհային հասարակական մտքի գնահատմամբ» դրքի, Երևան, 1965, էջ 75—76։

վիճակը, ընդգծում էր, որ «երիտթուրքերի օրոք հայերի դրությունը բոլորովին չփոփոխվեց... այն մնաց նույնը, ինչ որ կար Համիդի օրերին»։ Որպես ապացույց Ա. Մյասնիկյանը վկայակոչում է Ադանայի հայերի կոտորածները[68]։

* * *

Ադանայի խաղաղ հայ բնակչության 1909 թվականի ապրիլյան կոտորածը երիտթուրքերի՝ իշխանության գլուխ անցնելուց և սահմանադրությունը հռչակելուց հետո լայնորեն ծրագրված ցեղասպանության մի ոճիր էր, իր տեսակի մեջ առաջինը սահմանադրական Օսմանյան կայսրությունում։ Եվ բուրժուական պատմագրության բոլոր ջանքերը՝ դրա պատասխանատվությունը գցելու հայերի կամ հին ռեժիմի՝ այսինքն Աբդուլ Համիդի վրա անհիմն են և անապացույց։ Այդ կոտորածը այն նույն ոճրագործ մտքի արգասիքն է, որը ցեղասպանությունը բարձրացնելով մինչև պետական պաշտոնական քաղաքականության աստիճանի, ավելի դաժան ու անագորույն մեթոդներով կիրառեց 1915 թվականին հայ ժողովրդի ամբողջ արևմտահայ հատվածի նկատմամբ։

А. Г. МАРТИРОСЯН

РЕЗНЯ АРМЯН В КИЛИКИИ В АПРЕЛЕ 1909 ГОДА и ВОПРОС ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЛАДОТУРОК

Резюме

В начале апреля 1909 года (по ст. ст.) в городе Адане, а затем и во всем Аданском вилайете и за его пределами развернулись кровавые события, в результате которых за короткий срок времени (за 13 дней) было вырезано около 30 тысяч армян. События развернулись непосредственно после так называемых «событий 31-го марта»—контрреволюционного переворота, в результате чего власть младотурок была свергнута и временно (на две недели) перешла в руки «кровавого султана» Абдул Гамида II. Это обстоятельство дало повод

---

68 *Տե՛ս «Մշակ», 1913 թվականի դեկտեմբերի 25 (Ար. Մնացականյան, նշվ. աշխ., էջ 77—78)։*

многим западноевропейским и американским буржуазным историкам возложить вину и ответственность за резню армян на Абдул Гамида. Турецкие же буржуазные историки и государственные деятели того периода, формально не отрицая причастность Абдул Гамида к указанным кровавым событиям, возлагали и возлагают всю вину и ответственность на тех, кого убивали... на армян.

Вопреки вышеуказанным необоснованным утверждениям буржуазных ученых, в настоящей статье делается попытка доказать, что факт заблаговременного вооружения мусульманского населения, разжигания в нем антиармянских настроений и религиозного фанатизма, а затем методичность и организованность проведения операций по истреблению армян с неоспоримой очевидностью доказывают, что эта массовая резня ни в чем не повинного армянского населения Османской империи—одно из первых проявлений человеконенавистнической и шовинистической политики истребления народов—геноцида,—была заранее продумана, подготовлена и проведена реакционной младотурецкой партией «Единение и прогресс», которая впоследствии, в период первой мировой войны, став союзницей империалистической Германии, организовала новую подобную резню армян в более широких и чудовищных масштабах.

Վ. Ա. ԲԱՏՐՈՒՐԴՅԱՆ

ԹՈՒՐՔԻԱՅԻ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ԻՐԱՆԻ ՆԿԱՏՄԱՄԲ 20-ՐԴ ԴԱՐԻ ՍԿԶԲԻՆ

16-րդ դարից սկսած Օսմանյան Թուրքիայի և Իրանի միջև մղվում էր լարված քաղաքական պայքար Մերձավոր և Միջին Արևելքում գերիշխանության ձեռք բերելու համար։

16—19-րդ դդ. թուրք-իրանական ռազմական բախումները, որոնք արտաքուստ շղարշված էին մահմեդական կրոնի երկու հիմնական աղանդների՝ շիիզմի (Իրան) և սուննիզմի (Թուրքիա) միջև պայքարի դրոշով, իրականում պարունակում էին խորը տնտեսական և քաղաքական պատճառներ։ Թուրքիան մասնավորապես ձգտում էր զավթել Իրանական Ադրբեջանն ու Քուրդիստանը և ապա շարժվել դեպի Անդրկովկաս և Հյուսիսային Կովկաս, որոնք հանդիսանում էին սուլթանների բաղձանքների առարկան։ Թուրք-իրանական այս պատերազմներում սահմանամերձ շրջանների հսկայական տերիտորիաներ անցնում էին ձեռքից-ձեռք, մի հանգամանք, որի պայմաններում դժվար է պատկերացնել սահմանների կայուն գծեր երկու մարտնչող պետությունների միջև։ Դա ևս իր հերթին հարյուրամյակներ շարունակ պատճառ էր հանդիսանում թուրք-իրանական համարյա անընդհատ սահմանային վեճերի և արյունահեղ բախումների։

19-րդ դարի երկրորդ կեսին Հյուսիսային Աֆրիկայում, Բալկաններում և Միջերկրածովյան ավազանում ունենալով հսկայական տերիտորիալ կորուստներ, եվրոպական քաղաքագետների բնորոշած «հիվանդ մարդը» հուսահատական ճիգեր էր գործադրում երկրի տերիտորիալ ամբողջականությունը պահպանելու համար։ Սակայն դա բնավ չէր նշանակում, որ Թուրքիան ամբողջովին և վերջնականապես հրաժարվել էր արտաքին զավթողական քաղաքա-

կանությունից։ Այն տեսակետը (որն ի դեպ ջերմեռանդորեն պաշտպանվում է թուրքական պատմագրության կողմից), թե իբր 19—20 դդ. Թուրքիայի արտաքին քաղաքականությունը ամբողջապես կրում էր պաշտպանողական բնույթ, բացարձակապես չի համապատասխանում իրականությանը։ Փաստերը անհերքելիորեն վկայում են, որ թուրքական կառավարող շրջանները միշտ էլ ձգտել են, իսկ հաճախ նաև գործնականում իրագործել, ագրեսիվ զավթողական քաղաքականություն հարևան երկրների նկատմամբ։ Այս տեսակետից բնորոշ օրինակներից մեկն է Թուրքիայի քաղաքականությունը իր արևելյան հարևանի՝ Իրանի նկատմամբ։ 20-րդ դարի սկզբին Թուրքիան մեծածավալ ջանքեր էր գործադրում, որպեսզի արևմուտքում իր տերիտորիալ կորուստների համար ինչ-որ չափով փոխհատուցում ստանա Իրանի հաշվին։ Պանիսլամիզմի քաղաքական վարդապետությունը, որ թուրքական կառավարող շրջանների համար ծառայում էր որպես զավթողական քաղաքականության գաղափարախոսություն, մեծապես նպաստելու էր Իրանի նկատմամբ այդ քաղաքական ծրագրերի իրագործմանը։ Պանիսլամիստները գտնում էին, որ Իրանը խոշընդոտ է հանդիսանում թուրքական մեծ կայսրություն ստեղծելու ճանապարհին, որ նա մի պատնեշ է մի կողմից Թուրքիայի, մյուս կողմից Հնդկաստանի, Աֆղանստանի ու Թուրքեստանի միջև։ Եվ այդ պատճառով նրանց մեծածավալ երազանքն էր ոչնչացնել այդ պատնեշը[1]։ Ինչպես կտեսնենք ստորև պանիսլամիստական այդ տեսակետը դարձավ ինչպես Աբդուլ Համիդ II, այնպես էլ երիտթուրքական կառավարության արտաքին քաղաքականության հիմնական դրույթներից մեկը։

1904—1905 թթ. ռուս-ճապոնական պատերազմի սկիզբը նշանավորվեց Ռուսաստանի և Թուրքիայի միջև հարաբերությունների վատթարացումով։ Բ. Դուրը մեծածավալ ուշադրությամբ հետևում էր Հեռավոր Արևելքում ծավալվող իրադարձություններին, որպեսզի Ռուսաստանի ռազմական անհաջողությունների դեպքում կարողանա որոշակի օգուտներ քաղել ստեղծված իրադրությունից։ Կորեայում և Լյաոդունյան թերակղզում ռուսական զորքերի խոշոր պարտությունը ցնծություն առաջացրեց Օսմանյան կայսրության կառավարող շրջաններում։ Բ. Դուրը անմիջապես հրամայեց երկրի արևելյան շրջանների զորքերին բերել մարտական պատրաստության վիճակի և մոբիլիզացնել նոր ուժեր, այդ թվում նաև հա-

---

[1] «Мир ислама», СПб, 1913, т. II, вып. VIII, стр. 568

միդին գնդերին։ 4-րդ զորաբանակի հրամանատար Չեքի-փաշային հրամայվեց զորքերը կենտրոնացնել ռուսական և իրանական սահմանների մոտ[2]։

Ռուսական կառավարության պահանջին, բացատրել զորքերի այդ կենտրոնացումների նպատակը, Բ. Դուրը պատասխանեց, որ ըստ իր ունեցած հավաստի տեղեկությունների Անդրկովկասից և Իրանից պատրաստվում են Թուրքիա անցնել հայկական զինված ջոկատներ Թուրքիայում հայերի համընդհանուր զինված ապըստամբություն բարձրացնելու նպատակով, և որ իրենց պետության անվտանգության շահերը պահանջում են զորքերի կենտրոնացման միջոցով խափանել այն[3]։ Դրան ավելացվեց նաև, որ թուրքական կառավարությունը մտադիր է կարճ ժամկետում ճնշել արաբների ապստամբությունը Եմենում[4]։

Այսպիսով «հայկական վտանգի» պատրվակի տակ թուրքական կառավարությունը խնամքով աշխատում էր թաքցնել իր ռազմական նախապատրաստությունների իսկական նպատակը։

1905 թ. գարնանը Բայազետի շրջանի իրանա-թուրքական սահմանի մոտ հաճախակի դարձան իրանական և թուրքական քրդերի զինված բախումները։ Թուրքիան անմիջապես սահմանի այդ շրջանում կենտրոնացրեց զորքեր։ Իրանը դրան պատասխանեց նույնանման քայլով[5]։

Փաստերը ակներևորեն ցույց են տալիս, որ սահմանամերձ շրջանների քրդերի զինված բախումների կազմակերպիչը թուրքական իշխանություններն էին, որոնք հող էին նախապատրաստում իրանական տերիտորիա կանոնավոր բանակի ներխուժման համար։ Թուրքիայում հավատարմագրված ռուսական ներկայացուցիչները այդ առթիվ հաղորդում էին, որ թուրքական սպաների խոսակցության սիրված թեման է, որ Իրանը կարելի է գրավել հեռավոկի մեկ զորադնդով։ Այդ մասին նրանք նույնիսկ բացահայտ ձևով հայտարարել էին Բայազետի իրանական հյուպատոսին[6]։

Թուրքիան իր էմիսարների միջոցով բուռն պանիսլամիստական պրոպագանդա էր մղում Իրանում, Անդրկովկասում և կով-

---

2 АВПР, ф. «Политархив», 1904 г., д. 1640, л. 62; ф. «Канцелярия МИД», 1904 г., д. 29, л. 499.

3 ЦГВИА. «Турция», ф. 450, д. 142, лл. 57—58.

4 Նույն տեղում։

5 Նույն տեղում, лл. *118—118* об.

6 Նույն տեղում, л. *122*.

կասում։ Այդ պրոպագանդան ուներ շեշտված հակառուսական և հակահայկական բնույթ։

Իրանի նկատմամբ Թուրքիայի աճող հետաքրքրության դրսևորումներից մեկն էր հանդիսանում նաև այն, որ Ադրբեջանում և Իրանական Քուրդիստանում գնալով ավելանում էին թուրքական այցելությունների բիվը, չհաշված այն, որ ամբողջ սահմանների երկայնքով վխտում էին թուրքական գործակալները։ «Անկասկած,—նշում էր Վ. Մինորսկին,—նրանք բոլորը գտնվում են կապերի մեջ իրենց դավանակից քրդերի հետ»[7]։

Վերջապես 1905 թվականի օգոստոսի 17-ին օգտվելով Լահիջանում ծագած մաքսային վեճից, գեներալ Մուհամմեդ Ֆազիլ փաշայի հրամանատարության տակ գործող նախկին միջազետքյան զորաբանակը իրանահպատակ և թուրքահպատակ մոտ երկու հազար քրդերի ուղեկցությամբ ներխուժեց Լահիջանի շրջանը և օկուպացիայի ենթարկեց Սոուջբուլաղի նահանգապետության մեջ մտնող մի շարք վայրեր և շարունակեց իր առաջխաղացումը դեպի Հյուսիս և արևելք։ Թուրքական հրամանատարությունը հայտարարեց, որ Լահիջանի շրջանը պատմականորեն պատկանում է Թուրքիային։

Իրանական իշխանություններին հաջողվեց ձևոք բերել թուրքական ռազմական մինիստրի նամակը, ուղղված տեղական ազդեցիկ քրդական բևկերին, որի մեջ նա հորդորում էր իրենց «դավանակից սուննի քրդերին» հյուրընկալել և աջակցություն ցույց տալ «խալիֆի զորքերին»[8]։ Այս փաստաթուղթը իրանական կառավարող շրջանների վրա խորը ազդեցություն գործեց։ Միանգամայն ակնհայտ էր, որ Թուրքիան աշխատում է իրանական կառավարության դեմ ոտքի հանել պրոթուրքական տրամադրություններ ունեցող Իրանական Քուրդիստանի սուննիթ բնակչությանը և որ Աբդուլ Համիդը ծրագրել է դավթողական լայն քաղաքականություն Իրանում։

1905 թ. դեկտեմբերին սուլթանը հրամայեց Բիթլիսի վիլայեթի զորքերին շարժվել դեպի իրանական սահմանը Մոսուլի վիլայեթի ուղղությամբ[9]։ Հիշյալ վիլայեթի զորքերի գլխավոր հրամանատարը խնդրեց սերասկերաթին, հաշվի առնելով ձմեռային արշավանքի ծանր պայմանները և ֆինանսական դժվարությունները, զորքերի

---

[7] Материалы по изучению Востока, вып. I, СПб, 1909 г., (Отчет о поездке в Макинское ханство драгомана генерального консульства в Азербайджане Минорского в октябре 1905 г.,) стр. 18.

[8] «Тифлисский листок», 1905 г., 30 октября.

[9] ЦГВИА, «Турция», ф. 450, д. 142, лл. 163—168.

տեղաշարժը հետաձգել մինչև գարուն։ Սակայն սուլթանը կտրականապես մերժեց այդ առաջարկը և կրկին հրամայեց արագացնել արշավանքը[10]։

Շուտով թուրքական զորքերը անցան իրանական սահմանը և սկսեցին այսպես կոչված «վիճելի» և նույնիսկ անվիճելի իրանական տերիտորիաների գրավումը, Դերվիշ փաշայի քարտեզը[11] իրականացնելու բացահայտ մտադրությամբ։ Առաջին հերթին նրանք գրավեցին Վանին, Փասվեն (Կալա Փասովա) և Միրիանը, այնուհետև շարունակելով հետագա առաջխաղացումը դեպի հյուսիս և արևելք։

Թուրքական կառավարության ագրեսիվ քաղաքականությունը Իրանի նկատմամբ հետապնդում էր հետևյալ հիմնական նպատակները. գավթել ամբողջ Իրանական Քուրդիստանը և Արևմտյան Ադրբեջանը, ջախջախել հեղափոխական շարժումն Իրանում և թույլ չտալ նրա ներթափանցումը Թուրքիա, Թուրքիայում սկսված բռդական շարժումն ուղղել Իրանի դեմ, արգելք հանդիսանալ Ռուսաստանի հետագա ներթափանցմանը Իրան, ամրապնդել իր արևելյան սահմանները ռուսական վտանգի դեմ և վերջապես իրագործել Աբդուլ Համիդի ծրագիրը Իրանի և Կովկասի մահմեդականների միավորման վերաբերյալ Թուրքիայի գերիշխանության տակ։

Թուրքական կառավարությանը մեծապես խրախուսում էր այն, որ ագրեսիայի համար ստեղծվել էր չափազանց բարենպաստ վիճակ։ Ռուսաստանը ամբողջապես զբաղված էր Հեռավոր Արևելքում և հետևաբար ի վիճակի չէր ակտիվ քաղաքականություն վարել Մերձավոր և Միջին Արևելքի նկատմամբ։ Թուրքիան որևիցե դիմադրություն չէր նախատեսում նաև Անգլիայի և Գերմանիայի կողմից, որոնք շահագրգռված էին Ռուսաստանի թուլացման մեջ։ Անգլիան, օրինակ, հենց սկզբից անտարբեր դիրք գրավեց թուրք-իրանական կոնֆլիկտի նկատմամբ։ Թեհրանում թուրքական դեսպանը հայտնում էր իր կառավարությանը, որ անգլիական կառավարող շրջանները շահագրգռված են բորբոքել այդ կոնֆլիկտը,

---

10 Նույն տեղում, лл. 172 об.—173.

11 Դերվիշ փաշայի քարտեզի համաձայն, իրանական այն բոլոր տերիտորիաները, որոնք մինչև 1639 թ. պատկանում էին Թուրքիային, կրկին պետք է անցնեին վերջինիս (տե՛ս Турецко-персидская пограничная спорная полоса). Сборник главного управления Генерального штаба, вып. 58, март 1914 г., СПб. стр. 78.

նույնիսկ պատերազմ հրահրել Թուրքիայի և Իրանի միջև Իրաքում գործողությունների ազատություն ստանալու համար[12]:

Բ. Դուռը այն կարծիքին էր, որ Գերմանիան ևս պետք է շահագրգռված լինի թուրքական ագրեսիայով, որովհետև դա հնարավորություն կտար նրան թափանցել Արևմտյան Իրան, մանավանդ որ Գերմանիան նախագծեր ուներ Արևելյան Անատոլիայից Բաղդադի երկաթուղու ճյուղ անցկացնել Ուրմիայի և Լահիջանի վրայով: Թուրքերին քաջ հայտնի էր, որ առհասարակ Իրանական Ադրբեջանն ու Քուրդիստանը հանդիսանում են գերմանացիների տնեչանքների առարկան, հետևաբար նրանք շահագրգռված կլինեն թուրքերի օգնությամբ թափանցել այդ շրջանը:

Իրանում ռուսական հյուպատոսները 1906 թ. սկզբներին հայտնում էին իրենց կառավարությանը, որ իրենք ավելի ու ավելի են համոզվում այն բանում, որ թուրք-իրանական վեճում Գերմանիան որոշակիորեն խաղում է գրգռիչ դեր, հույս ունենալով Բ. Դռան վրա անգլո-ռուսական ազդեցության անհաջողության դեպքում հարմար պահին հանդես գալ միջնորդի, առավելապես Իրանի փրկարարի դերում, իհարկե պահանջելով համապատասխան վարձատրություն[13]:

Գերմանիան իրանա-թուրքական վեճում իր այդպիսի միջնորդության իրավունքը հիմնավորում էր 1873 թ. Իրանի հետ կնքած «Բարեկամության, առևտրի և ծովագնացության մասին» պայմանագրի 18-րդ հոդվածով, որը իրավունք էր տալիս նրան Իրանի վեճի կամ տարաձայնության դեպքում որևիցե երրորդ պետության հետ հանդես գալ միջնորդի դերում[14]:

Սկզբնական շրջանում թուրք-իրանական վեճում հաշտարարի դիրք բռնելու քաղաքականությունը Գերմանիային տալու էր որոշակի օգուտներ: Նա կարող էր մի կողմից շահել շահական կառավարության համակրանքը, որը կծառայեցներ Իրանում կոնցեսիաներ և տնտեսական բնույթի այլ արտոնություններ ձեռք բերելու նպատակին, մյուս կողմից կմերձենար իրանական ազգային շրջանների հետ:

Այդ պատճառով Կ. Պոլսում գերմանական դեսպանը եռան-

---

[12] АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1906 г., д. 39, лл. 36—37.

[13] АВПР, ф. «Персидский стол», 1906 г., д. 908, лл. 207—209.

[14] Նույն տեղում, պայմանագրի տեքստը տե՛ս Motamen-ol-molk, Recueil des traités de l'empire persan avec les pays etrangers, Teheran, 1908, pp. 1—13.

դուն կերպով պահանջից Աբդուլ Համիդից դադարեցնել իրանական տերիտորիաների գավթումը և կատարյալ գոհացում տալ Իրանին։ Բ. Դոան համար մի այդպիսի անսպասելի քայլ «մեծ բարեկամի» կողմից վհատեցուցիչ տպավորություն գործեց նրա վրա և նա այնպես ձևացրեց, որ մտադիր է զիջումներ անել, բայց միևնույն ժամանակ սկսեց համոզել անգլիական դեսպանին, որ Գերմանիայի միջամտության միակ նպատակն է նոր կոնցեսիաներ ստանալ Բաղդադի երկաթուղու շրջանում և ստիպել պահեստ Պարսից ծոցում[15]։

Սակայն Անգլիայի և Գերմանիայի միջև փոխադարձ անվրդովություն առաջացնելու միջոցով գործողությունների ազատություն ստանալու Բ. Դոան այդ քաղաքականությունը էական արդյունքներ չտվեց[16]։

Ստամբուլում ռուսական դեսպան Զինովևը 1906 թ. մայիսի 27-ին հեռագրում էր արտաքին գործերի մինիստրությանը, որ գերմանական արտաքին գործերի մինիստր Ֆոն Զիրսկին Բեռլինում թուրքական դեսպան Թեֆվիկ-փաշայի հետ ունեցած զրույցի ժամանակ հայտարարել է, որ ինքը հավանություն չի տալիս Իրանի հետ Թուրքիայի ունեցած սահմանային վեճին։ Մի քանի օր անց Զինովևը կրկին հաղորդում էր, որ գերմանական կառավարությունը ճնշում է գործադրել Թուրքիայի վրա, պահանջելով կարգավորել թուրք-իրանական վեճը։ Նույն թվականի մայիսի 31-ի հեռագրում Զինովևը հաղորդում էր Ֆոն-Զիրսկու հայտարարությունը Թեֆվիկ-փաշային. «Թուրքիան ավանտյուրաների է նետվում Պարսկաստանում և Աֆրիկայում, հաշվի չառնելով դրանց հետևանքները»։ Մինիստրը իր պարտքն է համարում այդ առթիվ զգուշացնել Բ. Դոանը։ «Դուք չպետք է ոչ մի կերպ հույս դնեք մեր օգնության վրա ձեր կողմից հարուցված հարցում։ Գերմանիայի աջակցությունը այս դեպքում վատ ծառայություն կլիներ Թուրքիայի համար և կհանգեցներ եվրոպական պատերազմի»[17]։

Համոզվելով, որ Թուրքիան մտադիր չէ հիշյալ հարցում հաշվի նստել գերմանական պահանջների հետ, իր կառավարության հրահանգով Ստամբուլում գերմանական դեսպան Մարշալ ֆոն Բիբերշտեյնը փորձեց համոզել Բ. Դոանը, որ Իրանի հետ սահմանա-

---

15 «Թուրք-պարսկական կոնֆլիկտը», «Մշակ», 1906 թ. հուլիսի 26, № 159, էջ 3։

16 Նույն տեղում։

17 А. К. Фукс, Германская политика в Персии, журнал «Новый Восток», № 20—21, 1928, стр. 121.

յին վեճի հարցում զիջումներ կատարելը ձեռնտու է նաև Թուրքիային, որովհետև թուրքական զավթումների հետևանքով Բաղդադի և Բասորի վիլայեթների շիիները կատամադրվեն թուրքերի դեմ, որը անշուշտ ձեռնտու կլինի Անգլիային, և դա նա անմիջապես կծառայեցնի Իրաքում իր դիրքերը ամրապնդելու համար[18]։

Թուրքական կառավարությունը գերմանական դեսպանին հայտարարեց, որ ինքը կընդունի Գերմանիայի առաջարկը միայն այն դեպքում, եթե նա ճանաչի Թուրքիայի իրավունքները Վանի, Լահիջանի և սահմանամերձ մի շարք այլ կետերի նկատմամբ[19]։

Գերմանիայի այս քաղաքականությունը որոշ հիասթափություն առաջ բերեց թուրքական կառավարող շրջաններում, սակայն այն ևս չկանգնեցրեց վերջինիս Իրանում ագրեսիան շարունակելու քաղաքական գծից։

1906 թ. առաջին կեսին շարունակվում էր թուրքական զորքերի ուժեղացումը իրանական սահմանների մոտ[20]։ Իրանում իր ինտերվենցիան շարունակելու համար Թուրքիան լայնորեն օգտագործում էր համիդիե քրդերին։ Այդ նպատակով 1906 թ. գարնանից իրանական տերիտորիայում սկսեցին հայտնվել ծպտված սպիտատորներ, որոնք աշխատում էին Թուրքիայի կողմը գրավել իրանական աշիրեթներին։ Այդ պրոպագանդան ունեցավ որոշակի հաջողություն։ Մի շարք խոշոր քրդական ֆեոդալներ իրենց աշիրեթներով անցան Թուրքիայի կողմը և ակտիվորեն սկսեցին մասնակցել թուրքական ագրեսիային։ Քրդական ցեղապետերին խրախուսելու համար սուլթանը առատորեն շնորհում էր նրանց լիվայի (գեներալ-մայորի) աստիճան, փաշայի տիտղոս, շքանշաններ և այլն, այնուհետև ուղարկելով նրանց իրանական քրդերի շրջանում պրոթուրքական ագիտացիա մղելու և Թուրքիայի հետ համագործակցել չցանկացող քրդական աշիրեթներին և բրիտանացիներին պատժելու համար[21]։

Այսպիսով իրանական տերիտորիայում խորանալու Բ. Դուռն քաղաքականության ձևերը աչքի էին ընկնում իրենց բազմազանությամբ։ Թուրքիան աշխատում էր իր զորքերի հարձակողական

---

18 АВПР, ф. «Канцелярия МИД», 1906 г., д. 38, л. 291.

19 ЦГВИА, ф. 2000, д. 310, л. 159.

20 М. Ардатов, Турецко-персидский пограничный конфликт, «Известия штаба Кавказского военного округа», 1908 г., № 21, 3-я треть, стр. 12.

21 АВПР, ф. «Персидский стол», д. 1194, лл. 104, 131—132, ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, д. 603, л. 8.

գործողությունները ներկայացնել որպես այն տերիտորիաների հասարակ ետ դրավում, որոնց նկատմամբ ինքը իբր թե ուներ պատմական իրավունքներ[22]։

Իրանական կառավարության բողոքները Թուրքիայի ագրեսիվ գործողությունների դեմ մնում էին անհետևանք։ Այդ պատճառով նա ստիպված էր դիմել Ռուսաստանին իրեն պաշտպանելու խընդրանքով[23]։ Ռուսական արտաքին գործերի մինիստրությունը Ստամբուլում իր դեսպանի միջոցով եռանդագին դիմումներ էր կատարում Բ. Դռանը, պահանջելով անհապաղ դադարեցնել թուրքական զորքերի ագրեսիվ գործողություններն Իրանում։ Սակայն Բ. Դուռը համառորեն պաշտպանում էր իր «իրավունքները» զավթած տերիտորիաների նկատմամբ, միաժամանակ ձախողման մատնելով իրանա-թուրքական սահմանային հանձնաժողովի նիստերը[24]։

Իրանում և Թուրքիայում գտնվող ռուսական պրակտիկ գործիչները միանգամայն դգաստորեն էին գնահատում այն սպառնալիքը, որ թուրքական ագրեսիան կարող էր ունենալ ոչ միայն Իրանում ռուսական շահերի, այլև հենց Ռուսաստանի համար։ Նրանցից զգալի մասի համար պարզ էր, որ սուլթանական կառավարությունը նպատակ ունի նաև իրանական զավթված տերիտորիաները բազա ծառայեցնել հետագա առաջխաղացման համար դեպի Անդրկովկաս[25]։

1906 թ. ամռանը հեղափոխական իրադարձություններն Իրանում գնալով ավելի ու ավելի էին խորանում և ընդլայնվում։ Օգոստոսի 5-ին հրապարակվեց շահի հրամանագիրը սահմանադրություն ընդունելու մասին, իսկ նույն թվականի դեկտեմբերի 30-ին մահամերձ Մոզաֆֆեր-էդ-Դին շահը ստորագրեց սահմանադրության Հիմնական օրենքը։

Իրանում տեղի ունեցող այդ իրադարձությունները խուճապ առաջացրին թուրքական արքունիքում, մանավանդ որ հարևան երկրում սահմանադրականների հաղթանակը ուժեղացնում էր երիտթուրքերի գրոհները սուլթանի դեմ։ Այսպես, Իրանում Սահ-

---

22 Объезд оккупированных Турцией персидских округов русским и великобританским представителями гг. Минорским и Шипле 8 июня—16 сентября 1911 г.—«Материалы по изучению Востока», вып. II, 1915 стр. 95.

23 АВПР, ф. «Персидский стол», 1905 г., д. 93, л. 262.

24 Турецко-персидская пограничная спорная полоса, стр. 78.

25 Նույն տեղում, էջ 124։

մանադրությունը հռչակվելուց հետո Եգիպտոսում հրատարակվող երիտթուրքական «Ալ-Մենիր» թերթը հայտարարեց, որ «այսուհետև իսլամի հովանավորող և մահմեդականների պաշտպան պետը է համարվի իրանական շահը, որովհետև առաջինը նա իրագործեց մեծ հեղաշրջումը, իր ժողովրդին շնորհելով սահմանադրության բարիքները»[26]: Այս հոդվածին անմիջապես արձագանքեց Կալկաթայում հրատարակվող իրանական «Հաբլ-ուլ-մաթին» թերթը, որի կարծիքով արդի պայմաններում պանիսլամիզմի գաղափարը այլևս չի կարող իրագործել Թուրքիան, որովհետև նա ունի բազմաթիվ ներքին դժվարություններ, իսկ դրսից անընդհատ գտնվում է Եվրոպայի ուժեղ ճնշման տակ[27]:

Այսպիսով սպառնալիք էր ստեղծվում սուլթանի համար ղրկվելու համայն աշխարհի մահմեդականների հովանավորողի և համիսլամության գաղափարախոսության մարմնացումը հանդիսանալու լուսապսակից:

Իր բռնակալական ռեժիմը փրկելու նպատակով սուլթան Աբդուլ Համիդը որոշեց ուժեղացնել հակահեղափոխական ինտերվենցիան Իրանում: Նա աշխատում էր նաև հակահեղափոխական դաշինք կնքել իրանական ռեակցիայի և նրա պարագլուխ Մոհամմեդ-Ալի շահի հետ ընդդեմ իրանական սահմանադրականների և դեմոկրատական շարժման: Պալատ հրավիրելով Ստամբուլում իրանական արտակարգ դեսպան, ռեակցիոներ Արֆա-ուդ-Դոուլեին, սուլթանը հայտարարում է, որ «եթե Իրանի վիճակը շարունակի մնալ նույն ձևով և սահմանադրական շարժումը հնարավորին չափ շուտ արմատախիլ չարվի, ապա այդ ախտը կտարածվի նաև այլ մահմեդական երկրներում և այլևս ոչ մի ձևով հնարավոր չի լինի խոչընդոտել և արգելակել այն: Այդ պատճառով,— ավելացնում է սուլթանը,— մենք պետք է Մոհամմեդ-Ալի շահի հետ դաշնակցած պայքարենք և արմատախիլ անենք այդ վտանգը»[28]: Այնուհետև սուլթանը առաջարկում է Արֆա-ուդ-Դոուլեին դաղտնագրված հեռագիր տալ շահին և իր անունից հայտնել նրան, որ ինքը պատրաստ է 50 հազար լիրա ոսկի և բազմաթիվ զորքեր դնել նրա տրրամադրության տակ, որպեսզի «վերջ տրվի այն խառնակություններ, որ հարուցել են սահմանադրության կողմնակիցները»[29]:

---

[26] ЦГИА Груз. ССР, ф. 15, д. 47, лл. 65—65 об.

[27] Նույն տեղում:

[28] دکتر مهدی ملکزاده ، تاریخ انقلاب مشروطیت ایران ، جلد ۴ تهران ، ۱۳۳۱ ، ص ۱۷۹

[29] Նույն տեղում, էջ 180:

Միաժամանակ Թեհրանում լուրեր տարածվեցին, որ շահը թուրքական դեսպանի միջոցով սուլթանից օգնություն է խնդրել, և որ հենց ինքը շահն է հանդիսանում Ուրմիայի շրջանում ռեակցիոն քրդական խաների խժդժությունների նախաձեռնողը[30]:

Այս բանակցություններից հետո Թուրքիան զգալիորեն ընդլայնեց իր ագրեսիվ գործողությունները Իրանում: Ընդ որում թուրքական կառավարությունը այս անգամ իր ագրեսիան պատճառաբանում էր Իրանի սուննի բնակչության իրանական հեղափոխականների «րոնություններից և հալածանքներից» պաշտպանելու նկատառումներով[31]: Զավթված շրջաններում թուրքական բանակը ակտիվորեն պայքարում էր հեղափոխական էնջումենների դեմ: Օկուպացված շրջանների առավել ռեակցիոն և մոնարխիստական հակումներով անձանց, բունատիրության կողմնակից խաներին ու ֆեոդալներին թուրքերը ուժգնորեն գրգռում էին հեղափոխության և սահմանադրության կողմնակիցների դեմ[32]: Օսմանյան իշխանությունները հրաժարվում էին սահմանային հարցի վերաբերյալ բանակցություններ վարել հեղափոխական էնջումենների և նրանց ներկայացուցիչների հետ, պատճառաբանելով, որ «նրանք արտահայտում են շահի նկատմամբ ընդդիմադիր ձգտումներ»[33]:

Հատկանշական է, որ այս շրջանում երիտթուրքերի կողմից և Իրանի նկատմամբ թուրքական ագրեսիան գնահատվում էր որպես հակահեղափոխական ինտերվենցիա: Երիտթուրքական մամուլն առհասարակ աշխուժորեն արձագանքում էր թուրք-իրանական սահմանային կոնֆլիկտին: «Ստամբուլ» թերթը, օրինակ, թուրք-իրանական սահմանային կոնֆլիկտի հիմնական պատճառը համարում էր սուլթանի ձգտումը ջախջախել հայկական հեղափոխական կազմակերպություններն Իրանում[34]: Ի հակադրություն օսմանյան պաշտոնական մամուլի, երիտթուրքական թերթը գտնում էր, որ թուրք-իրանական վեճում նախահարձակ է եղել Թուրքիան[35]:

Այսպիսով փաստերը ակներևորեն ցույց են տալիս, որ սուլթանական կառավարությունը Իրանի նկատմամբ իրագործում էր

---

30 ЦГИАЛ, ф. 600, д. 340, л. 36; АВПР, ф. «Персидский стол», 1907 г., д. 914, лл. 188—190.

31 «Երկրի ձայնը» (շաբաթաթերթ), ր. տարի, № 25, 1907 թ. նոյեմբերի 18.

32 دکتر مهدی ملکزاده ، تاریخ ... ، جلد چهارم ، ص ۱۷۹

33 Объезд оккупированных..., стр. 123.

34 М. Ардатов, Турецко-персидский пограничный конфликт, стр. 23—24.

35 Նույն տեղում, էջ 24—25:

հակահեղափոխական դինված ինտերվենցիա և Անգլիայի ու ցարական Ռուսաստանի հետ միասին հանդես էր գալիս իրանական ժողովրդի ազգային-ազատագրական, հակաիմպերիալիստական և հակաֆեոդալական շարժումը խեղդողի դերում։

1907 թ. գարնանից ամբողջ եվրոպական մամուլը սկսեց մեծ հետաքրքրություն դրսևորել թուրք-իրանական սահմանային կոնֆլիկտի նկատմամբ։ Դա պայմանավորված էր նրանով, որ արդեն նկատվում էին անգլո-ռուսական մերձեցման առաջին նշանները և թուրք-իրանական հարաբերությունները ձևոք էին բերում նոր քաղաքական բովանդակություն։

Իրանը ազդեցության գոտիների բաժանելու վերաբերյալ 1907 թ. օգոստոսի 31-ի անգլո-ռուսական համաձայնագիրը գերմանական կառավարող շրջանների կողմից դիտվեց որպես Իրանում գերմանական շահերի դեմ ուղղված մի ակտ։ Անգլո-ռուսական բլոկի դեմ գրոհ կազմակերպելու համար Գերմանիան որոշեց լայնորեն օգտագործել Թուրքիային։ Միաժամանակ նա դեն նետեց թուրք-իրանական կոնֆլիկտում «հաշտարարի» իր քաղաքականությունը և Թուրքիային սկսեց հրահրել ակտիվ գործողություններ Իրանի դեմ։ Գերմանական քաղաքականության այդ շրջադարձը թուրք-իրանական կոնֆլիկտի նկատմամբ ցնծությամբ ընդունվեց Աբդուլ Համիդի կառավարության կողմից և ոգեշնչեց նոր զավթումների։ 1907 թ. Յավեր փաշայի հրամանատարության տակ գործող ջոկատը Վանի կողմից ներխուժեց Ուրմիայի արևմտյան շրջանները, Թերգևերում ջախջախեց Մեջդուս-Սալթանևի ջոկատը և Ուրմիայի շրջակայքում զավթեց զգալի տերիտորիաներ[36]։

Օկուպացիոն իշխանությունների դրդումով մամաշ, փիրան, մանգուր և այլ քրդական ցեղերի առաջնորդները կապեր հաստատելով Սոուջբուլաղի շրջանի հյուսիս-արևելյան և արևելյան մասերի խաների հետ, բացահայտ ձևով սկսեցին հայտարարել, որ Ջաղաթու գետից արևելք ընկած բոլոր հողերը այսուհետև անցնում են Թուրքիային[37]։

Սուլթանական կառավարության պլանաչափ զավթումները, որոնք դուրս էին գալիս վիճելի գոտու սահմաններից, ցույց տվե-

---

36 Նույն տեղում, էջ 12—15։

37 Дм. Беляев, Очерк северо-восточной части Персидского Курдистана. (Известия штаба Кавказского военного округа, № 30, Тифлис, 1911. стр. 7).

ցին, որ ապագայում պետք է դործ ունենալ ոչ հասարակ սահմանային միջադեպի հետ։ Շահական կառավարության ծայրահեղ թուլությունը հնարավորություն էր տալիս Թուրքիային անպատիժ կերպով տերիտորիալ զավթումներ կատարել Իրանի հաշվին և ընդհուպ մոտենալ Ռուսաստանի սահմաններին։

1907 թ. վերջին այդ զավթումներն ընդգրկում էին Ադրբեջանի ամբողջ արևմտյան մասը 36-րդ զուգահեռականից մինչև 38-րդ զուգահեռականը[38]։ 1907 թ. աշնանը օկուպացիոն զորքերը այն ատաքեանի խորացել էին Իրանական Ադրբեջանի տերիտորիայում, որ հարկեր էին հավաքում Ուրմիայից ընդամենը վեց մղոն հեռավորության վրա ընկած դյուղերում[39]։ Միաժամանակ իրանական և ռուսական սահմանների մոտ Ստամբուլը տենդորեն շարունակում էր կենտրոնացնել նոր զորքեր[40]։

1907 թ. ընդլայնելով ագրեսիան, Աբդուլ Համիդի կառավարությունը նպատակ ուներ նաև խափանել ռուս-պարսկական երկաթուղու կառուցումը։ Դա կատարվում էր Գերմանիայի թելադրանքով, որն ամբողջապես համապատասխանում էր նաև Բ. Դոան շահերին։

Ռուսական կառավարող շրջանները լրջորեն անհանգստացած էին ստեղծված իրադրությունից, մանավանդ որ Անգլիայի բռնած դիրքի հետևանքով բացառվեց Բ. Դոան առջև անգլո-ռուսական համատեղ ելույթի հնարավորությունը։ Անգլիական դիվանագիտությունը անմիջապես շտապեց թուրք-իրանական կոնֆլիկտի բորբոքման պատճառները բարդել Ռուսաստանի և Գերմանիայի վրա[41]։ Ավելին, քանի որ թուրքական ագրեսիան իրագործվում էր հիմնականում ռուսական զոտու շրջանում և ոչնչով չէր սպառնում բրիտանական շահերին, Անգլիան աշխատում էր Թուրքիային գրգռել Իրանի դեմ իր մրցակից Ռուսաստանի դիրքերը թուլացնելու բացահայտ մտադրությամբ։

«Թայմսը», օրինակ, Թուրքիային հրահրում էր պատերազմի Ռուսաստանի դեմ, միանգամայն բացահայտ ձևով հայտարարելով, որ Անգլիան կգրավի չեզոք դիրք, որովհետև նա զբաղված է իր սեփական դժվարություններով Հնդկաստանում և Եգիպտոսում, իսկ Գերմանիան բարյացակամորեն կվերաբերվի մի փաստի, որը հնարավորություն չի տա իրագործելու Զուլֆա-Բուշիր երկաթուղային

---

38 «Турецко-персидская пограничная спорная полоса», стр. 79.

39 «Times», 24 հոկտեմբերի 1907 թ..

40 М. Ардатов, Турецко-персидский пограничный конфликт, стр. 16.

41 Նույն տեղում, էջ 1—3։

գծի շինարարությունը[42]։ Անգլիական իմպերիալիզմի գաղափարախոսներից մեկը, է. Բրոունը իրանական հեղափոխության մասին իր գրքում պրովոկացիոն ձևով առաջարկում էր Իրանին Ռուսաստանի դեմ պաշտպանողական պայմանագիր կնքել Թուրքիայի հետ, Իրանի մայրաքաղաքը Թեհրանից տեղափոխել Սպահան՝ Ռուսաստանից հեռու լինելու համար[43]։

Անգլիական այս քաղաքականությունը ռուսական կառավարությանը դրեց մեծ դժվարության առջև։ Այդ պատճառով 1907 թ. նոյեմբերի 30-ին վերջինս գումարեց հատուկ խորհրդակցություն, քննարկելու համար թուրքական ագրեսիայի հարցը Իրանում և միջոցներ ձեռնարկելու համար այն դադարեցնելու ուղղությամբ. Արտաքին գործերի մինիստր Ա. Իզվոլսկին իր կառավարությունից եռանդագին ձևով պահանջում էր հրաժարվել թուրքական ագրեսիայի նկատմամբ անտարբերությունից և դրսևորել որոշ եռանդ ու վճռականություն[44]։

Սակայն ռուսական նոր առաջադրությունները Բ. Դռան առջև ոչ մի էական արդյունք չտվեցին։ Ադրբեջանից շարունակում էին գալ տագնապալից լուրեր, որ Ուրմիան և Սոուջբուլաղը գտնվում են Իրանից անջատվելու վտանգի տակ, որ թուրքական զորքերը մտադիր են նաև գրավել Միանդոաբը, որից հետո «կարելի է վրատահ լինել, որ նրանք չեն հապաղի ժամանել նաև Թավրիզ»[45]։

1908 թ. հունվարի 13-ին Ուրմիայում գումարված թուրք-իրանական սահմանային հանձնաժողովի նիստի ժամանակ թուրքական պատգամավոր Թահիր փաշան չէր բավարարվում նույնիսկ Դերվիշ փաշայի «հին սահմանով» և պահանջ ներկայացրեց Սուլդուզի, Սոուջբուլաղի և Սակկըզի նկատմամբ, որոնք իբր թե հանդիսանում են սուլթանի սեփականությունը[46]։ Հանձնաժողովի աշխատանքների ընթացքում թուրքական զավթումներին Թահիր փաշան տվեց սիստեմատիկ բնույթ։ Քողարկվելով այդ բանակցություններով, մայիսից մինչև հուլիս ամիսը Չիարիքի, Էնզելի և Բարանդուզի շրջաններում նա զավթեց մի շարք իրանական գյու-

---

42 Նույն տեղում, էջ 5։

43 E. Browne, The Persian Revolution of 1905—1909, London, 1910, pp. 349—350.

44 ЦГИА Груз. ССР, ф. 15, д. 47, л. 110.

45 М. Ардатов, Турецко-персидский пограничный конфликт, стр. стр. 17, 20—22.

46 АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1907—1908 гг., д. 86, л. 28.

դեր[47]։ Բաղդադում ռուսական փոխ-հյուպատոս Մաշկովը Կովկասի պինվորական իշխանություններին տեղեկացնելով իրանական սահմանի մոտ թուրքական զորքերի նոր կենտրոնացումների մասին ավելացնում էր, որ Թուրքիայում ամենուրեք խոսում են Իրանի հետ մոտալուտ պատերազմի մասին[48]։ Միաժամանակ սահմանային իշխանությունները տենդորեն զինում էին քրդերին վիճելի գոտում ասպատակություններ կատարելու համար, որպեսզի «կարգը վերականգնելու» պատրվակի տակ կանոնավոր զորքեր մտցնեն և վերջնականապես դրավեն այն։ Օկուպացիոն զորքերի գլխավոր հրամանատար գեներալ Ահմեդ Ցազիլ փաշան կոչ էր անում Թաթավու գետի հովտում բնակվող քրդերին ապստամբել իրանական կառավարության դեմ, հայտարարելով, որ շուտով Սուջբուլաղի շրջանը մինչև Ջաղաթու գետը ներառյալ, վերջնականապես կմիացվի Թուրքիային[49]։

Իրանական Ադրբեջանում անարխիան ուժեղացնելու նպատակով թուրքական գործակալությունը աշխատում էր կազմակերպել հակահայկական ելույթներ և ջարդեր։ Այդ նպատակով 1908 թ. սկզբներին Ստամբուլից Անդրկովկաս մեկնեց հսկայական իալամական մի միսիա, որի մեջ կային մեծ քանակությամբ դադիներ, դերվիշներ և քարոզիչ էմիսարներ։ Այդ առթիվ «Голос Москвы» թերթը գրում էր, որ ակամայից այն տպավորությունն է ստեղծվում, որ «Իրանի հորիզոնում հավաքվում են ամպրոպաբեր ամպեր»[50]։ Ուրմիայի փոխ-հյուպատոս Չերկասովը հայտնում էր, որ Իրանի արևմտյան շրջանների հայերը, զգալով թուրքերի մոտալուտ գալուստը, զինվում են նրանց դիմադրություն ցույց տալու համար[51]։

Այս իրադարձությունները և հատկապես Ուրմիայում սահմանային հանձնաժողովի գործունեության ձախողումը ստիպեց ռուսական կառավարությանը լրջորեն ուսումնասիրել Իրանում թուրքական զավթումների հարցը։ Այդ նպատակով նա հանձնարարեց Իրանում իր հյուպատոսական և զինվորական ներկայացուցիչներին մեկնել զավթված տերիտորիաների շրջանները և պարզել ստեղծված վիճակը։ Նման ուղևորություններից հետո

---

47 Турецко-персидская погр. спорн. полоса, стр. 80.

48 ЦГИА Груз. ССР, ф. 15, д .67, лл. 6, 117—117 об.

49 Дм. Беляев, Очерк северо-восточной части..., стр. 8—11.

50 «Голос Москвы», 1908 г., 16 февраля.

51 ЦГИА Груз. ССР, ф. 15, д. 67, л. 104 об.

նրանք եկան այն եզրակացության, որ սուլթանական զորքերը մտադիր են վերջնականապես ամրապնդվել դավթված շրջաններում[52], որը անշուշտ սպառնալիր էր հանդիսանում ոչ միայն ամբողջ Իրանական Ադրբեջանի, այլ նաև Անդրկովկասի համար։ Սակայն ռուսական կառավարությունը, ելնելով Բ. Դոան հետ իր հարաբերությունները չսրելու քաղաքականությունից, չէր ցանկանում կտրուկ հույզ ունենալ նրա դեմ, մանավանդ որ, ինչպես նշվեց, Անգլիան ևս խորշում էր դրանից։ Այդ պատճառով Ստամբուլում թուրքական արտաքին գործերի մինիստրության ղեկավարների հետ բացատրությունների ժամանակ ռուսական դեսպանը որպես կանոն վկայակոչում էր Իրանի քրիստոնյա բնակչության բողոքները օկուպացիոն զորքերի բռնություններից, իրանական կառավարության դիմումները և տեղական նշանակություն ունեցող այս կամ այն միջադեպերը։

Իրանական կառավարությունը ևս իր կողմից ոչ մի վճռական միջոցառում չէր ձեռնարկում արտաքին ագրեսիայի դեմ։ Շահը ամբողջապես զբաղված էր հեղափոխությունը ճնշելու, իր խարխուլ դիրքերը ամրապնդելու գործով, հետևաբար արտաքին սպառնալիքը նրա համար չուներ և ոչ մի էական նշանակություն։ Ընդհակառակը, նա աշխատում էր զորքերը պահել Թեհրանում հեղափոխական էնջումենների դեմ պայքարելու համար։ Ավելին, նա կարգադրել էր իր անձնական պահակախմբի պետ էմիր Բահադուր Ջանգին Թավրիզից 800 հեծյալներ տեղափոխել մայրաքաղաք էնջումենների դեմ պայքարելու նպատակով[53]։

Ամսին-էս-Սուլթանի կառավարությունը ևս, որը ռեակցիոն ֆեոդալներին գրգռում էր դեմոկրատական կազմակերպությունների դեմ, միանգամայն անտարբեր դիրք էր գրավել Իրանի տերիտորիալ ամբողջականության նկատմամբ Օսմանյան կայսրության ոտնձգությունների հանդեպ։

Ամին-էս-Սուլթանի այդ դավաճանական քաղաքականությունը և սահմանագլխից ստացված աննպաստ լուրերը գրգռեցին իրանական հասարակական միտքը։ Թեհրանում հուզումներ բռնկվեցին։ 1907 թ. օգոստոսի 5-ին մեջլիսի առջև տեղի ունեցավ բողոքի մասսայական ցույց կառավարության դեմ[54]։ Նույն թվա-

---

52 ЦГИА Груз. ССР, ф. 15, д. 66, лл. 1—14.

53 М. Ардатов. Турецко-персидский погран. конфликт, стр. 18.

54 احمد کسروی ، تاریخ مشروطهٔ ایران ، بخش دوم ، طهران ۱۳۴۰ ص ۲۱۱

Կանի օգոստոսի 18-ին մեջլիսի շենքից դուրս գալու ժամանակ Ամին-էս-Սուլթանը սպանվեց ատրճանակի մի քանի կրակոցներով[55]։ Թեհրանում ընդհանուր տրամադրությունը Թուրքիայի դեմ ավելի գրգռվեց, երբ ժողովուրդը տեղեկացավ, որ Աբդուլ Համիդը մոբիլիզացիայի է ենթարկել Օսմանյան կայսրությունում բնակվող իրանցիներին և ստիպել է նրանց, որպեսզի կանոնավոր բանակի կազմում մասնակցեն Իրանի նկատմամբ տարվող ագրեսիվ գործողություններին[56]։

Մեջլիսը ևս, բացի եվրոպական պետություններին ուղղված բողոքներից, արտաքին ագրեսիայի դեմ ոչ մի այլ գործնական քայլ չձեռնարկեց[57]։ Մեջլիսի դեմոկրատական ներկայացուցիչների համար պարզ էր, որ «ամեն ինչում մեղավոր է միայն ինչ-որ կաղտոնի ձեռք, որը խափանում է ողջ գործը»[58]։

Մեջլիսի 1907 թ. սեպտեմբերի 16-ի նիստում, որն ամբողջապես նվիրված էր թուրք-իրանական սահմանային վեճի քննությանը, դեմոկրատ պատգամավորները հայտարարեցին, որ եթե շտապ կարգով չձեռնարկվեն համապատասխան միջոցառումներ թուրքական ագրեսիայի դեմ, ապա «ոչ հեռու ապագայում ստիպված կլինենք ներկա լինելու մեր հայրենիքի թաղմանը»[59]։

Սակայն մեջլիսի ռեակցիոն թևը, կառավարության նման վարում էր բացահայտ դավաճանական, կապիտուլյանտական քաղաքականություն։ Այսպես օրինակ, նրա ջանքերով 1907 թ. վերջերին մեջլիսն ընդունում է մի որոշում, որտեղ ասվում էր, որ «ներկա պայմաններում անհրաժեշտ է զորքեր չուղարկել սահման, որպեսզի սուլթանական կառավարությանը առիթ չտրվի մտածելու, որ շահական կառավարությունը մտադիր է ուժ գործադրել թուրքական զորքերի կողմից գրավված տերիտորիաների մաքրման համար, որը հավասարազոր կլիներ պատերազմ հայտարարելու»[60]։

Իրանական քաղաքական գործիչներից Բեռլինում իրանական դեսպան Հովհաննես խան Մասեհյանը թերևս միակն էր, որ հակառակ իր կառավարության կապիտուլյանտական գծին, եռանդագին կերպով պաշտպանում էր իրանական ժողովրդի արդարացի

---

55 Նույն տեղում, էջ 221։

56 دکتر مهدی ملکزاده ، تاریخ ... ، جلد سوم ، ص ۹۴

57 Նույն տեղում, էջ 35—36։

58 М. Ардатов, Турецко-персид. погран. конфликт, стр. стр. 18, 9.

59 «Մեծ օրը մեջլիսում», «Մշակ», 1907, հոկտեմբերի 5, № 123։

60 М. Ардатов, Турецко-персид. погран. конфликт, стр. 18.

դատը: Նա բաղմիցս նախազգուշացրել է, որ «եթե Բ. Դուրը շուտով ետ չկանչի իր զորքերը, գործը կարող է հասնել պատերազմի հայտարարության»[61]:

* * *

1908 թ. հուլիսին երիտթուրքական հեղաշրջման հետևանքով խորտակվեց Աբդուլ Համիդի բռնակալական ռեժիմը և Թուրքիայում հաստատվեցին սահմանադրական կարգեր: Երիտթուրքերը կայսրության ճնշված ժողովուրդներին խոստանում էին սահմանադրությունից բխող դեմոկրատական իրավունքներ և եղբայրություն ու համերաշխություն Թուրքիայի բոլոր քրիստոնյա և ոչ քրիստոնյա ազգությունների ու ժողովուրդների միջև: Սակայն շատ շուտով դրսևորվեց երիտթուրքական հեղաշրջման կիսատությունը ինչպես ներքին, այնպես էլ արտաքին քաղաքականության հարցերում: Ներքին քաղաքականության բնագավառում նրանք սկսեցին վարել ռեակցիոն, շովինիստական գիծ, իսկ արտաքին քաղաքականության բնագավառում մշակեցին որոշակի զավթողական ծրագրեր, հատկապես Իրանի նկատմամբ, տառացիորեն որդեգրելով աբդուլ-համիդյան քաղաքականությունը: Երիտթուրքական հեղաշրջումից հետո Իթթիհադը կապվեց ավստրո-գերմանական իմպերիալիզմի հետ, որը խրախուսում էր նրա պանիսլամիստական ելույթներն Իրանում, Եգիպտոսում, Հյուսիսային Աֆրիկայում և այլն[62]:

Իշխանության գլուխ անցնելուց հետո Իրանի նկատմամբ Թուրքիայի վարած քաղաքականության բնագավառում երիտթուրքերը սկսեցին ավելի վճռական ձևով գործել: Փոխվեց միայն լոզունգը: Եթե հին ռեժիմի ժամանակ առաջին պլանի վրա էր քաշվում իրանական հեղափոխականներից սպասվող կարծեցյալ վրտանդի լոզունգը, նոր ռեժիմի պայմաններում երիտթուրքերը իրանցիներին առաջարկում էին իրենց ծառայությունները նախկին շահի կողմնակիցների դեմ պայքարելու համար[63]:

Ճիշտ է, սկզբնական շրջանում (1908 թ. երկրորդ կեսին) երիտթուրքական կառավարությունը խոստացավ չզրավել անվիճելի իրանական տերիտորիաները և որոշ ժամանակ իսկապես ձեռնպահ էր մնում հետագա զավթումներից, միաժամանակ սահմանների մոտ կրճատելով օկուպացիոն զորքերի թիվը: Սակայն այդ քաղա-

---

61 «Մշակ», 1907, հոկտեմբերի 7, № 125:

62 А. Мельник. Турция, М., 1937, стр. 45.

63 ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, д. 511, л. 17 об.

բականությունը, ինչպես կտեսնենք ստորև, ժամանակավոր տակտիկական քայլ էր։ Կայսրության ներքին դժվարությունները թույլ չէին տալիս երիտթուրքական կառավարությանը անմիջապես ակտիվ քաղաքականություն մշակել Իրանի նկատմամբ։ Թուրքիայի եվրոպական տիրապետությունները գտնվում էին կայսրությունից անջատվելու վտանգի տակ, երկրի ասիական մասում տեղի էին ունենում բուռն ապստամբություններ[64]։ Զբաղված լինելով գերագանցապես ներքին հարցերով, երիտթուրքական կառավարությունը իր դործակալության միջոցով հետախուզական տեղեկություններ էր հավաքում Իրանի և Անդրկովկասի մասին։ 1908 թ. դեկտեմբերին Կովկասի ռազմական շրջանի շտաբը հաղորդում էր արտաքին դործերի մինիստրությանը, որ թուրքական կառավարությունը մտադիր է Թիֆլիսի, Կարսի և Բաթումի իր հյուպատոսություններին կից առևտրական դործակալների անվան տակ նշանակել բարձրադույն կրթություն ունեցող սպաների՝ գաղտնի հետախուզական ծառայություն կատարելու համար[65]։

1908 թ. ժամանակավոր դադարից հետո 1909 թ. երիտթուրքական կառավարությունը եռանդուն գործունեություն սկսեց Իրանում դինված ագրեսիան ընդլայնելու ուղղությամբ։ Անհրաժեշտ է նշել, որ երիտթուրքական հեղաշրջումից հետո Իրանում թուրքական ագրեսիայի իրականացման մեթոդները արմատապես փոխվեցին։ Այժմ հիմնական շեշտը դրվում էր իրանական քրդերին օգտագործելու վրա։ Քանի որ իրավական տեսակետից նրանք մնում էին որպես իրանահպատակներ, հետևաբար նրանց գործողությունների համար թուրքական իշխանությունները երբեք իրենց պատասխանատու չէին համարի։ Օգտվելով դրանից, սահմանային իշխանությունները հրահրում էին քրդերին ասպատակել գյուղերը, որպեսզի ծայր աստիճանի հուսահատության հասած բնակչությունը դիմի Օտամբուլի ռազմական օդնությանը, որից հետո օկուպացիոն զորքերը մտնում էին այդ գյուղերը որպես «ազատարարներ»։

1909 թ. մայիսին Ուրմիայի ռուսական փոխ-հյուպատոս Միլլերը հաղորդում էր իր կառավարությանը, վկայակոչելով նաև անգլիական ներկայացուցիչ Վրատիսլավի տեղեկությունները, որ երիտթուրքական գործակալության դրդումով Մամաշ և Մանգուրցեղի իրանական քրդերից մոտ 200 հեծյալներ Համզե Սուլեյ-

---

64 «Известия штаба Кавказского военного округа», № 26, Тифлис, 1909. стр. 46—48.

65 ЦГИА Груз. ССР, ф. 15, д. 57, л.л. 1—4.

մանի և Բայազիդ աղայի գլխավորությամբ մուտք են գործել Սուջբուլաղ և որ նրանք նպատակ ունեն գրավել Սուջբուլաղի և Մարաղայի միջև ընկած ողջ տերիտորիան մինչև Միանդոաբ[66]։

Մինչև 1909 թ. ամռանը թուրքական զորքերին հաջողվեց գրավել Միանդոաբը (ժամանակավորապես), Սուլդուզի շրջանի դեռևս չգրավված կետը, Խոյը, Դիլմանը և մի շարք այլ իրանական տերիտորիաներ և ընդհուպ մոտենալ Ուրմիային։ Վերջինս ավելի ու ավելի էր ընկնում նրանց քաղաքական ազդեցության տակ։ Ուրմիայի ուղղությամբ կանոնավոր զորքերի կենտրոնացումը ուղեկցվում էր այդ շրջանում թուրքոֆիլական ագիտացիայի հետ։ Միաժամանակ օկուպացիոն զորքերի հրամանատարությունը աշխատում էր քրդական անկարգություններ հրահրել Ուրմիա քաղաքում և նրա շրջակայքում[67]։

Ստամբուլում ռուսական դեսպանի պահանջին, բացատրություններ տալ Ուրմիայի վրա թուրքական զորքեր շարժելու մասին, երիտթուրքական կառավարության արտաքին գործերի մինստրը հայտարարեց, որ զորքերը շարժվել են Ուրմիայի վրա, լոկ գերմանական կառավարության խնդրանքով այդ վայրում գերմանական միսիոներական դպրոցի պաշտպանության համար[68]։

Ուրմիայի շրջանում երիտթուրքական կառավարության հետ կապված քրդական բեկերը առանձնակի եռանդով կողոպտում ու հալածանքների էին ենթարկում հայ ազգաբնակչությանը, որը ստիպված էր կազմակերպել ինքնապաշտպանության ջոկատներ և միաժամանակ դիմումներ էր կատարում ռուսական իշխանություններին, խնդրելով հայ համայնքին պաշտպանել քրդերից[69]։

Թուրքական զորքերի և քրդական ֆեոդալների անլուր հալածանքների հետևանքով զավթված շրջանների քրիստոնյա բնակչության զգալի մասը (հատկապես ասորիները) գաղթում էին ԱՄՆ. շատերն իրենց գոյությունը պաշտպանելու համար ընդունում էին մահմեդականություն[70]։

Այսպիսով Ուրմիայի հարուստ շրջանը, որտեղ ռուսական կառավարությունն ուներ մեծագույն տնտեսական և քաղաքական

---

66 ЦГИА Груз. ССР, ф. 15, д. 170, л. 47.

67 Նույն տեղում, лл. 62 об., 63.

68 «Красный архив», 1923, № 3, Доклады бывшего министра иностранных дел С. Д. Сазонова Николаю Романову, 1910—1912 гг., стр. 10.

69 ЦГИА Груз. ССР, ф. 15, д. 170, л. 48; АВПР, ф. «Персидский стол», 1909, д. 611, л. 12.

70 «Тифлисский листок», 1910, 14 августа.

շահեր, գտնվում էր զավթման վտանգի տակ: Այդ պատճառով Իրանում և Թուրքիայում գործող ռուսական պրակտիկ գործիչները կոչ էին անում իրենց կառավարությանը հրաժարվել այդ հարցի նկատմամբ անտարբեր դիրքից և ակտիվորեն միջամտել իրադարձություններին:

Երիտթուրքական կառավարությունը Իրանում իր զավթողական քաղաքականությունն իրագործելիս քողարկվում էր հեղափոխական լոզունգներով, Գերմանիայի հետ համատեղ ի ցույց դնելով իրեն որպես իրանական հեղափոխության «պաշտպանի»[71]: Իրանական հեղափոխականները մոլորության մեջ էին, կարծելով, թե «հեղափոխական երիտթուրքական կառավարությունը» եղբայրական օգնության ձեռք կմեկնի իրենց, ռեակցիայի դեմ մղած պայքարում:

Հայտնի հեղափոխական Պանովը, օրինակ, հեռագիր էր ուղարկել թուրքական պառլամենտի նախագահ Ահմեդ Ռիզայի անունով, խնդրելով սուլթանի անունից հրամայել թուրքմեն-սուննիների զեկավարներին հանդես չգալ ռեակցիայի կողմում, այլ հարել իրանական հեղափոխականներին[72]: Իսկ մեջլիսը միջոցներ փնտրելով իր իրավունքները ամրապնդելու համար, դիմել էր Թուրքիային և Գերմանիային, խնդրելով պաշտպանել իրանական սահմանադրությունը[73]:

Թուրքիան և Գերմանիան առանձնակի ակտիվությամբ սկսեցին հանդես գալ 1909 թ. Թավրիզի հեղափոխական իրադարձությունների ժամանակ: Գերմանա-թուրքական գործակալությունը մեծ քանակությամբ զենք էր մատակարարում Թավրիզի հեղափոխական էնջումեններին, գլխավորապես այն Ռուսաստանի դեմ օգտագործելու նպատակով[74]: Թավրիզում թուրքական գլխավոր հյուպատոսն իր գերմանական կոլեգայի՝ Շյունեմանի հետ լուրեր էր տարածում, որ Բոսնիայի և Հերցոգովինայի համար Ռուսաստանը փոխհատուցում է փնտրում Իրանում[75]:

Հենց այդ ժամանակ երիտթուրքերը սկսեցին պահանջել, որ Իրանի բաժանման գործում Անգլիան և Ռուսաստանը իրենց համանակից դարձնեն: Այդ առթիվ Թավրիզում գլխավոր հյուպատոս Մամեդ Ալի բեյը հայտարարում է ««Русское слово» թերթի թղ-

---

71 АВПР, ф. «Персидский стол», 1909, д. 661, л.л. 26, 46.

72 ЦГИА Груз. ССР, ф. 15, д. 170, л. 31.

73 روزنامه مجلس ، نوامبر ۷ ، ۱۹۰۷

74 ЦГИА Груз. ССР, ф. 15, д. 199, л.л. 3—3 об.

75 АВПР, ф. «Персидский стол», д. 924, л. 263.

Թակցին, որ Սաֆթար-խանի ապաստան գտնելը Թավրիզի թուրքական հյուպատոսությունում ապացուցում է, թե ինչպիսի մեծ քաղաքական սխալ են թույլ տվել Ռուսաստանը և Անգլիան Թուրքիային չներգրավելով Իրանի վերաբերյալ 1907 թ. համաձայնագրի մեջ։ Այդ առթիվ Թեհրանում ռուսական դեսպանորդ Սաբլինը գրում էր արտաքին գործերի մինիստր Իզվոլսկուն. «Երեք տարի առաջ գերմանացիները քաղաքական սխալ էին համարում Մարոկկոյի մասին Անգլիայի և Ֆրանսիայի համաձայնագրի մեջ իրենց չընդգրկելը։ Այդ պատճառով ես սխալված չեմ լինի եթե ենթադրեմ, որ մեր Թղթակցին արած թուրքական գլխավոր հյուպատոսի հայտարարության վրա ինչ-որ անքույթ տեղում դրված է «made in Germany» դրոշմը»[76]։

Թավրիզի իրադարձությունները խրախուսեցին նաև թուրքոֆիլ քրդական խաներին և հույս ներշնչեցին նրանց, որ հեղափոխական իրադարձությունների հետևանքով թուլացած Իրանը այլևս ի վիճակի չի լինի պահել Քուրդիստանը, որը կանցնի Թուրքիային[77]։ Անտարակույս այս երազանքը փայփայում էր նաև երիտթուրքական կառավարությունը։ Պատահական չէ, որ Ռուսաստանի մինիստրների խորհրդի նախագահ Ստոլիպինը Կովկասի փոխարքային ուղղված իր 1909 թ. մայիսի 26-ի գաղտնագրված հեռագրում մեծագույն տագնապ էր հայտնում Թավրիզի իրադարձությունների կապակցությամբ։ Մասնավորապես նա շեշտում էր, որ Թավրիզում թուրքական հյուպատոսական ներկայացուցչի ակտիվ ելույթը անցանկալի է Ռուսաստանի համար[78]։

Երիտթուրքական կոմիտեն հատկապես մեծ հույսեր էր կապում Ստամբուլում գործող իրանական հեղափոխական «Սաադաթե Իրան» էնջումենի[79] հետ, աշխատելով օգտագործել նրա հեղինակությունը և իրանական հեղափոխական շրջանների հետ ունեցած կապերը դրանք Իրանում իր քաղաքականությանը ծառայեցնելու համար։ Սակայն փաստերը վկայում են, որ դա ոչ միշտ էր հաջողվում երիտթուրքերին, որովհետև այդ էնջումենը հաճախ բացահայտ ձևով դեմ էր դուրս գալիս Իրանում Թուրքիայի ագրեսիվ գավթողական քաղաքականությանը[80]։

---

76 *Նույն տեղում, лл. 266—267։*

77 Дм. Беляев, Очерки северо-восточной части..., стр. 11.

78 ЦГИА Груз. ССР, ф. 15, д. 198, л. 16.

79 *Այդ էնջումենը կազմակերպվել էր երիտթուրքական հեղաշրջումից հետո։*

80 АВПР, ф. «Персидский стол», 1909 г., д. 661, лл. 2—3.

1909 թ. «Միասնություն և Առաջադիմություն» կոմիտեն առաջ քաշեց մի լողունգ սուննիների և շիիների միասնության, այլ կերպ ասած Թուրքիայի և Իրանի քաղաքական միավորման մասին, իբր թե օտարերկրյա տերությունների ոտնձգություններից այդ երկու դավանակից երկրների տերիտորիալ ամբողջականությունն ու անձեռնմխելիությունը պաշտպանելու համար[81]: Առաջ քաշվեց նաև այսպես կոչված «միջադդային մահմեդական պառլամենտ ստեղծելու նախագիծ», որի նպատակն էր բոլոր մահմեդականներին համախմբել Թուրքիայի գերիշխանության տակ[82]:

Այս բոլորի հետևում թաքնված էր աբդուլհամիդյան պանիսլամիզմը և Օսմանյան կայսրության կողմից իրանական պետությանը կուլ տալու ձգտումը, որը մատուցվում էր որոշ չափով նոր ձևով:

Փաստերը աներկբայորեն վկայում են, որ իրենց «հեղափոխականներ» և «իրանական հեղափոխության դաշնակիցներ» հորջորջող էթիհադականները 1909 թվականից ընդլայնելով ագրեսիան Իրանում, բացի տերիտորիալ զավթումներից հետապնդում էին նաև իրանական հեղափոխությունը ջախջախելու նպատակներ: Ավելի կոնկրետ, նրանք Իրանում իրագործում էին հակահեղափոխական ինտերվենցիա: Դեռևս 1909 թ. ամռանը երիտթուրքական կառավարությունը ակտիվ պայքար էր մղում Իրանում հեղափոխական էնջումենների և ֆիդայիների դեմ[83]: Թուրքական զինվորները ջախջախում էին զավթված շրջանների հեղափոխական կազմակերպություններին, իսկ դիմադրության դեպքում ուղղակի ոչնչացնում էին ֆիդայիներին: Այսպես օրինակ, 1909 թ. հունիսին Խոյում հեղափոխական էնջումենը ջախջախելու ժամանակ տեղի է ունենում կատաղի մարտ ասկյարների և ֆիդայիների միջև, որոնց ղեկավարում էր Խոյի էնջումենի նախագահ, փառաբանված հեղափոխական Հայդար-խան-Ամու-օղլին: Վերջինս ծանր կորուստներ տալով, իր ջոկատի մնացուկների հետ ստիպված էր նահանջել[84]: Երիտթուրքական կառավարության ղորքերի և հեղափոխական ֆիդայիների

---

81 Л. В. Евдокимов. Панисламизм и пантюркизм. «Военный сборник», (СПб), 1911, № 12, стр. 91—92; *տե՛ս նաև* К. Смирнов, Примиренне суннитов с шиитами («Кавказский военный переводчик», 1911, № 4).

82 «Известия штаба Кавказского военного округа», № 25, Тифлис, 1909, стр. 92.

83 АВПР, ф. «Персидский стол», 1909 г., д. 661, л. 46.

84 ЦГИА Груз. ССР, ф. 15, д. 170, лл. 62—62 об; АВПР, ф. «Персидский стол», 1909, д. 661, лл. 96, 103—104, 116.

միջև թեժ մարտեր տեղի ունեցան նաև Ուրմիայի շրջակայքում[85]։ Ռեակցիոն էղբալ-ուս-Սալթանեն Մակուի խանությունում հեղափոխականներին ջախջախելու համար հրավիրեց թուրքական մեկ գումարտակ, որից հետո սկսվեց հեղափոխականներին համակրող գյուղերի բնակչության զարհուրելի կոտորած։ Ամբողջ գյուղեր կրակի մատնվեցին[86]։ 1910 թ. մայիսին Սոուջբուլաղում տեղի էին ունենում կատաղի մարտեր Թավրիզից ժամանած ֆիդայինների (որոնց ղեկավարում էր Սոուջբուլաղի էնջումենի նախագահ, հայտնի հեղափոխական Ղազի Ֆաթթահը) և ասկյարների միջև[87]։

Այս իրադարձությունների հետևանքով իրանական ֆիդայինների շրջանում գնալով ուժեղանում էր դժգոհությունը երիտթուրքական «հեղափոխականների» նկատմամբ։ Ուրմիայում ֆիդայինների կողմից թուրքական հյուպատոսի դեմ կատարվեց մահափորձ, որը հանդիսանում էր ընդհանուր դժգոհության արտահայտություն։ Քերմանշահի և Բանդար-Աբբասի վրայով ֆիդայինները սկսեցին զենք մատակարարել թուրքերից դժգոհ բնակչությանը նրանց դեմ պայքարելու համար[88]։

1910 թ. գարնանից Թուրքիան ընդլայնեց իր զավթումներն Ուրմիա լճի հարավ-արևմտյան շրջաններում, Սալմաստի շրջանում, որտեղ գրավվեցին նրա կենտրոն Դիլման քաղաքի շրջակա գյուղերը և վերջապես Ղոթուրի շրջանը, այդպիսով մոտենալով Ռուսաստանին սահմանակից Մակուի խանությանը։ Միաժամանակ Վանի կուսակալ (վալի) Բեքիր-Սամի բեյը իր կառավարության համաձայնությամբ ղորքերի նոր համալրում ուղարկեց թուրք-իրանական սահմանը[89]։ Բոլոր նշաններից երևում էր, որ երիտթուրքական կառավարությունը նոր քայլ է կատարում վիճելի տերիտորիան ամրապնդելու և նոր զավթումներ կատարելու ուղղությամբ։ Ստամբուլի ռուսական դեսպանին ուղղված իր 1910 թ. հունվարի 28-ի թվակիր նամակում ռուսական փոխ-հյուպատոս Ս. Օլֆերևը փորձում էր բացատրել Իրանի նկատմամբ Թուրքիայի վարած ագրեսիվ քաղաքականության միջազգային-քաղաքական պատճառները։ «Ոչ ոք չի կարող երաշխավորել այն բանի համար,— գրում էր նա,— որ ոչ հեռու ապագայում, Արարատի ստորոտը, որտեղից իջնում

---

85 Նույն տեղում, л. 63.

86 Նույն տեղում, лл. 105, 106.

87 «Тифлисский листок», 21 мая 1910.

88 «Тифлисский листок», 31 декабря 1910.

89 ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, д. 492, лл. 6, 18.

են հանապարհները Ռուսաստան և Իրան, Թուրքիայի համար կըստանա ավելի մեծ նշանակություն, քան ամբողջ Մակեդոնիան, որովհետև ամեն ինչ վկայում է այն մասին, որ թուրքական կայսրության ծանրության կենտրոնը անխուսափելիորեն Արևմուտքից տեղափոխվում է Արևելք։ Միջագետքը, Փոքր Ասիան, Սիրիան, Պաղեստինը պետք է ընդգրկվեն համաշխարհային կյանքի ընդհանուր շրջանառության մեջ։ Դա պատմության հերթական խնդիրն է, և այն կիրագործվի»[90]։

Երիտթուրքական կառավարությունը 1910 թ. սկզբներից Անգլիայի և Ռուսաստանի առջև կրկին սկսեց հարց հարուցել Իրանում «հավասար իրավունքներ ունենալու», այլ կերպ ասած Իրանի բաժանման մեջ Թուրքիային ևս մասնակից դարձնելու վերաբերյալ։ Այսպես, 1910 թ. ամռանը նույն Բեքիր-Սամի բեյը Վանում Ս. Օլֆերևի հետ դրույցի ժամանակ «պլատոնական մտքեր էր արտահայտում Պարսկաստանի բաժանման անհրաժեշտության մասին Ռուսաստանի, Անգլիայի և Թուրքիայի միջև»[91]։ Օլֆերևին ոչինչ չէր մնում, եթե ոչ հիշեցնել, որ Իրանի անձեռնմխելիությունը երաշխավորված է անգլո-ռուսական համաձայնագրով։

Այս հարցում ակներևորեն գոյություն ուներ ներքին համաձայնություն երիտթուրքական կառավարության և Գերմանիայի միջև։ Այդ մասին վկայում է հետևյալ փաստը։ 1910 թ. հուլիսի 24-ի համարում Ստամբուլում հրատարակվող «Le Jeune Turk» թերթը հրապարակեց մի հոդված «Պարսկական հարցը և Թուրքիան» վերնագրով։ Հոդվածում Ռուսաստանի հասցեին կատարվում էին չարամիտ հարձակումներ և կոչ էր արվում իրանական գործերի վերաբերյալ հատուկ համաձայնագիր կնքել Գերմանիայի հետ[92]։

Գերմանական իմպերիալիզմը ավելի ու ավելի էր խրախուսում թուրքական էքստրեմիստական շրջաններին, ընդլայնել ագրեսիան Իրանի դեմ։ Արդեն 1909 թվականից նկատվում էր նաև Գերմանիայի և Թուրքիայի հակառուսական գործունեության կոոպերացում։ Այդ հանգամանքը հատկապես որոշակիորեն դրսևորվեց թուրքական բանակի նկատմամբ Գերմանիայի ազդեցության ուժեղացումից հետո։

Գերմանացիների դրդմամբ 1910 թ. թուրքերը ավելի ու ավելի հաճախ էին խոսում Իրանում երկաթուղային շինարարության մա-

---

90 Նույն տեղում, լ. 57.

91 Նույն տեղում, լ. 259.

92 Նույն տեղում, լլ. 285—286.

սին: Այսպես օրինակ, նույն «Le Jeune Turk» թերթում հրապարակվում էին հոդվածներ, որտեղ այն միտքն էր առաջ քաշվում, որ Ջուլֆա-Թավրիզ-Թեհրան գծի հետ մրցակցելու համար Թուրքիան պետք է կառուցի Կ. Պոլիս-Սրվաս-Էրզրում-Բայազետ-Թավրիզ-Թեհրան գիծը[93]: Հասկանալի է, որ սեփական ուժերով Թուրքիան երբեք ի վիճակի չէր այդպիսի գիծ կառուցելու, հետևաբար կասկածից դուրս է, որ դա նրան հուշում էր գերմանական իմպերիալիզմը:

1910 թ. ամռանը թուրքական զորքերը ակտիվացրին իրենց առաջխաղացումը դեպի հյուսիս, Մակուի խանության ուղղությամբ: Այդ բանը արդարացնելու համար երիտթուրքական գործակալությունը Իրանում լուրեր էր տարածում, որ Ռուսաստանի, Անգլիայի և Թուրքիայի միջև գոյություն ունի գաղտնի համաձայնություն Իրանը բաժանելու վերաբերյալ, ընդ որում Թուրքիային պետք է անցնեն սահմանամերձ հողերը, այդ թվում նաև Մակուի խանությունը[94]:

Ռուսաստանի արտաքին գործերի մինիստրությունը բառացիորեն խուճապի մեջ էր: Որոշվեց անհապաղ հայտարարել Բ. Դոանը, որ Թուրքիայի հետագա ոտնձգությունները Մակուի խանության սահմաններում կդնահատվի որպես Ռուսաստանի դեմ ուղղված ոչ բարեկամական ակտ[95]: Դրությունը առավել վտանգավոր էր դառնում այն բանի հետևանքով, որ Մակուի սարդար Մուրթեզա զոլֆխանը բացահայտ ձևով դրսևորում էր Թուրքիային մերձենալու տենդեցներ[96], իսկ Գերմանիան գաղտնապես աջակցում էր Մակուի խանությունը Թուրքիային անցնելու երիտթուրքական կառավարության ջանքերին: Այդ ուղղությամբ հատկապես ակտիվորեն աշխատում էր Թեհրանում գերմանական միսիայի զինվորական կցորդ Կոմս ֆոն Կաննիցը[97]:

Ս. Օլֆերևն առաջարկում էր իր կառավարությանը, Մակույում անհապաղ հիմնել ռուսական փոխ-հյուպատոսություն քաղաքական և ստրատեգիական տեսակետից այդ կարևոր վայրում ամրապնդվելու և թուրքական ոտնձգություններին վերջ տալու համար[98]:

---

93 ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, д. 492, л. 308.

94 ЦГИА Груз. ССР, ф. 15, д. 299, лл. 13б—14, 79б.

95 «Турецко-персидская погран., спорная полоса», стр. 81.

96 ЦГИА Груз. ССР, ф. 15, д. 299, л. 6.

97 Նույն տեղում, л. 8.

98 ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, д. 492, л. 337.

Յարական կառավարության դիվանագիտական ճնշումը Թուրքիայի վրա շուտով ունեց իր արդյունքները։ Ժամանակավորապես դադարեցվեցին Թուրքերի հարձակողական գործողությունները Ավաջիքի և Մակուի խանության ուղղությամբ։

Զախողվելով Մակուի խանությունը գավթելու հնարավորությունից, Թուրքիան 1910 թ. աշնանը զարգացրեց իր հարձակողական գործողությունները Ուրմիայի ուղղությամբ։ Թուրքական զորքերը գրավեցին Դիլմանը (Շահփուր) և մոտեցան Խոյին[99]։ Սենատում սուլթանի դահակալական ճառի առթիվ իր ելույթի ժամանակ մեծ վեզիրը գոհունակությամբ նշեց Ուրմիայում ձեռք բերված հաջողությունների մասին[100]։

Վերլուծելով թուրքական զորքերի նոր առաջխաղացման փաստը, ռուսական գործիչները գտնում էին, որ երիտթուրքերի նպատակն է գրավել Ուրմիան և Սոուջբուլաղը, իսկ ապագա իղձը՝ ամբողջ Ադրբեջանը[101]։

Էնվեր բեյը, Ռիֆաաթ փաշան, Թավրիզում թուրքական հյուպատոսը և այլն համառորեն հերքում էին նոր հարձակման փաստը Իրանում։ Նրանք իրանական տերիտորիայում «որոշ կետերի» գրավումը պատճառաբանում էին նրանով, որ դրանք նախազգուշական միջոցառումներ են, որոնց նպատակն է կանխել իրանական քրդերի հարձակումները թուրքական տերիտորիայի վրա[102]։

Իրենց զորքերի ներկայությունը իրանական տերիտորիայում թթիհադականները պատճառաբանում էին նաև նրանով, որ Իրանի բոլոր քրդերը իբր պատկանում են Օսմանյան կայսրությանը և որ թուրքական զորքերի առկայությունը Իրանական Քուրդիստանում բերում է քրդերին հովանավորություն ցույց տալու անհրաժեշտությունից։ Այսաեղից էլ քրդական ֆեոդալների հողային տիրույթները Բ. Դուբը համարում էր իր տերիտորիաների մի մասը։ Դրանով նրանք իրանական պետության իրավունքները հիշյալ տերիտորիաների նկատմամբ փոխարինվում էին հողային սեփականության իրավունքներով։ Այսպես, Շամդինանի շեյխի ընդարձակ հողային տիրույթները Ստամբուլը համարում էր կայսրության տերիտորիայի մի մասը[103]։ Իսկ երբեմն առաջ էր քաշվում տրամաբանորեն դրան

---

99 ЦГИА, ф. 1276, д. 927, л. 176; д. 929, л. 431; ф. 560, д. 467, л. 134.

100 «Тифлисский листок», 19 ноября 1910 г.

101 ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, д. 492, л. 337.

102 АВПР, ф. «Политархив», 1910 г., д. 1039, л. 158.

103 Объезд оккупированных..., стр. 96, 122—123.

հակառակ տեսակետ, արդարացնելով զորքերի ներկայությունը անվիճելի իրանական տերիտորիայում քրդերի կողմից մշտապես խախտվող կարգն ու հանգստությունը վերականգնելու պատրվակի տակ[104]։

1909 թվականից երիտթուրքական կառավարությունը ձեռնարկեց զավթված տերիտորիաների ամրապնդման գործին։ Մի շարք վայրերում մտցվեց թուրքական քաղաքացիական վարչություն, զավթված շրջաններում բնակչությունից հավաքվում էին հարկեր, թուրքերին վարձով էին տրվում տեղական կալվածատերերի և խաների հողերը, որոշ վայրերում հիմնվեցին թուրքական մաքսատներ։ Ջիարիք և Ուշնու բնակավայրերում, իսկ հետագայում նաև Սուլդուզում իշխանությունները հիմնեցին կայմակամություններ և այդ կարևոր կետերը ցանկանում էին հեռագրական գծերով կապել Վանի հետ։ Այնուհետև նրանք ձեռնարկեցին հեռագրական գծի կառուցմանը Վանի և Ուրմիայի միջև[105]։

Զավթված շրջանները անվանվեցին «Նեվահիյե ջեդիդե» (նոր շրջաններ), դրանով իսկ այդ շրջանները հայտարարելով կայսրության մի մասը[106]։ Այդ շրջաններում օկուպացիոն իշխանությունները վերացրին աղնամայի (անասունների համար գանձվող հարկ) և աշարի (տասանորդ) գանձումը։ Ստամբուլը կարգադրել էր ամեն ինչ անել, շահելու տեղական բնակչության համակրանքը[107]։

Զավթված շրջաններում տեղական բնակչության հաշվին երիտթուրքական «գաղափարական գործիչները» բաց էին անում դպրոցներ, որտեղ դասավանդումը պետք է կատարվեր թուրքերեն լեզվով և թուրք հրահանգիչների հսկողության տակ։ Այդ դպրոցները դրնվում էին «Միասնություն և Առաջադիմություն» կոմիտեի անդամների իրավասության ներքո[108]։

Մի շարք կայմակամներ աշխատում էին թուրքական զավթումները արդարացնել դեմագոգիկ «տեսակետներով», որ Իրանի տարբեր մասերը պետք է ենթարկվեն օտարերկրյա օկուպացիայի, որպեսզի տեղական բնակչությունը ազատվի իրանական հողատերերի դեսպոտիզմի սարսափներից։ Բաների կայմակամ Սուլեյման-

---

104 АВПР, ф. «Персидский стол» «Б», 1911 г., д. 94, лл. 6—6 об.

105 ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, д. 492, лл. 3—3б, 18, 24, 159.

106 Նույն տեղում, л. 205։

107 Նույն տեղում, л. 216։

108 Объезд оккупированных .., стр. 65, 111; АВПР, ф. «Персидский стол», 1910, д. 666, лл. 3—3 об.

բնյը, օրինակ, դա անվանում էր «քրդերին սահմանադրական ոգով դաստիարակելու ծրագիր»[109]։

Իսկ այն շրջաններում, որտեղ դեռևս չէին հասցրել հիմնավորվել, թուրքական իշխանությունները անց էին կացնում բռնություններ կատարելու քաղաքականություն, որպեսզի ծայր աստիճանի հուսահատության հասած բնակչությունը ստիպված լինի ապավինել իրենց։ Վանի վալի Բեքիր Սամի բեյը այդ քաղաքական դծի իմաստը Ս. Օլֆերևին մեկնաբանում էր հետևյալ կերպ, թե ինքը Ադրբեջանի բնակչության վրա նայում է որպես թուրքահպատակների և առաջարկում է նրանց անմիջականորեն դիմել թուրքական դատարաններին[110]։

Լայնորեն կիրառվում էր նաև այսպես կոչված «դեհալեթի» պրակտիկան, երբ առանձին անձի կամ համայնքի կողմից դիմում էր կատարվում օկուպացիոն իշխանություններին, իրենց թուրքական հովանավորության տակ վերցնելու վերաբերյալ։ Հեղափոխական էնջումենների գործունեությունից ահաբեկված մի շարք ռեակցիոն բրդական ֆեոդալներ դեհալեթ (հպատակության թուղթ) էին տալիս, որպեսզի թուրքական դրոշի տակ կարողանան պայքար մղել էնջումենների դեմ[111]։

Օկուպացված իրանական տերիտորիաների բնակչությունը անընդհատ բողոքում էր իր կառավարությանը և ռուսական հյուպատոսներին, թուրքական քաղաքացիական իշխանությունների, սպաների ու դինվորների բռնությունների և կամայականությունների դեմ[112]։

1911 թ. թուրքական զորքերը ինտենսիվորեն շարունակում էին իրանական տերիտորիաների զավթումները։ Զավթված շրջանների տարածությունը ըստ Վ. Մինորսկու տվյալների,— 1911 թ. ամռանը կազմում էր հյուսիսից-հարավ մոտ 300 կիլոմետր, իսկ լայնքով 20-ից մինչև 80 կիլոմետր, այլ կերպ ասած մոտավորապես 12 հազար քառակուսի կիլոմետր, այն դեպքում, «երբ Բելգիայի տերիտորիան հավասար է 29.500 քառ. կմ-ի»[113]։

Այդ ժամանակ զավթումների ծավալը ընդհանուր առմամբ համընկնում էր այն պահանջների հետ, որոնք շարադրված էին Դեր-

---

109 Նույն տեղում, էջ 41։

110 ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, д. 492, л. 308.

111 Объезд оккупированных..., стр. 38.

112 ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, д. 492, л. 308.

113 Объезд оккупированных..., стр. 107.

վիշ փաշայի քաղաքական դեկուցագրում, որպես Օսմանյան կայսրության պատմական սահմաններ[114], թեև որոշ ժամանակ անց թուրքական զորքերն առաջ անցան նույնիսկ այդ սահմաններից։ Ռուսական և անգլիական սահմանային կոմիսարներ Մինորսկին և Շիպլեն հաղորդում էին, որ թուրքերի կողմից զավթված են կենտրոնական կամ Մուքրի Քուրդիստանը, Սոուջբուլաղի մերձակա գյուղերը, ամբողջ Սուլդուզի շրջանը, կարճ ասած Ջաղաթու գետից արևմուտք ընկած բոլոր տերիտորիաները։ Զբաղեցնելով դրանով, նրանք աշխատում էին նաև տիրապետող դիրք ձեռք բերել հարավից դեպի Թավրիզ տանող ճանապարհների նկատմամբ[115]։

Ինչպես հայտնի է, 1911 թ. նոյեմբերին ռուսական զորքերը օկուպացիայի ենթարկեցին Իրանի հյուսիսային շրջանները։ Անգլիան պաշտպանեց ռուսական կառավարության այդ քայլը, որովհետև նույնանման քայլ նա կատարել էր երկրի հարավում։ Այդ առթիվ համայնքների պալատում հանդես գալով ճառով, Անգլիայի արտաքին գործերի մինիստր Գրեյը հայտարարեց, որ Իրանում ռուսական զորքերը օտարերկրյա միակ զինված ուժերը չեն, որ այնտեղ գտնվում են նաև թուրքական զորքեր[116]։ Անգլիական արտաքին քաղաքականության ղեկավարը ըստ էության շեշտում էր, որ Թուրքիան Իրանում ինտերվենցիայի է դիմել Ռուսաստանից և Անգլիայից առաջ։

Ռուսական ջոկատների Իրան մուտք գործելուց հետո թուրքական կառավարությունն ակտիվացրեց իր ագրեսիվ գործողությունները իրանական Ադրբեջանում։ Թուրքիայից ռուսական ներկայացուցիչները տագնապալից լուրեր էին ուղարկում արտաքին գործերի մինիստրությանը, որ իրանական սահմանների մոտ անընդհատ կենտրոնացվում են զորքեր և որ համառ լուրեր են շրջում Թուրքիայի և Ռուսաստանի միջև պատերազմի անխուսափելիության մասին[117]։

Արևմտյան Իրանում ռուսական հեղինակության հարված հասցնելու համար երիտթուրքական կառավարությունը կրկին լայնորեն սկսեց օգտագործել իրանական քրդերին։ Նրանց վրա խնդիր

---

114 Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878—1917, М., 1939, серия II, т. 19, ч. I, стр. 259 (*հետագայում* МОЭИ).

115 Объезд оккупированных..., стр. 122—124.

116 «Тифлисский листок», 11 февраля 1912 г.

117 МОЭИ, т. 19, ч. II, стр. 208—209.

էր դրված կազմակերպել տրանսպորտը, ստեղծել առևտրի համար անհապաղ վիճակ, կողոպտել ռուսոֆիլ տրամադրություններ ունեցող ցեղերի և ցեղապետերի գույքը, տեռորի ենթարկել տեղական բնակչությանը, հարձակումներ կազմակերպել ռուսական ջոկատների վրա և այլն[118]:

Իրանում դարձյալ ուժեղացվեց պանիսլամիզմի պրոպագանդան: Այդ պրոպագանդան հետապնդում էր բացահայտ ֆշնամական նպատակներ Ռուսաստանի դեմ[119]: Կենտրոնը հրամայեց Իթթիհադի Բաղդադի կոմիտեին Ռուսաստանի դեմ ոտքի հանել նաև Քարբալայի և Նաջաֆի իրանահպատակ բարձր հոգևորականությանը: Հիշյալ քաղաքներում հրատարակվող իրանական թերթերում բարձր հոգևորականությունը բուռն հակառուսական ագիտացիա ծավալեց, կոչ անելով դաշինք կնքել Թուրքիայի հետ «Իրանի ազատության ու անկախությանը սպառնացող երկու պետությունների (Ռուսաստանի և Անգլիայի—Վ. Բ.) դեմ»[120], ընդհուպ մինչև կոչ անելով Կովկասում և Իրանում սրբազան պատերազմ հայտարարել Ռուսաստանի դեմ:

Երիտթուրքական գործակալությունը բացահայտ ձևով ագիտացիա էր մղում «Թուրքիայի հովանավորության տակ Ադրբեջանի անկախությունը հռչակելու մասին, կամ Ադրբեջանը Թուրքիային միացնելու օգտին»[121]: Այսպիսով երիտթուրքական կառավարությունը նպատակասլաց կերպով հող էր նախապատրաստում, որպեսզի լեգալիզացիայի ենթարկի կատարված փաստը, և պաշտոնապես հայտարարի ամբողջ Արևմտյան Ադրբեջանի աննեքսիայի մասին:

Այս բոլորի մասին հաղորդելով իրենց կառավարությանը, ռուսական հյուպատոսները պահանջում էին նրանից Թուրքիայի սահմանամերձ շրջաններում անհապաղ զորքեր կենտրոնացնել թուրքական առաջխաղացումը արգելակելու և Արևմտյան Իրանում Ռուսաստանի տնտեսական ու քաղաքական շահերը ապահովելու նպատակով: Ս. Գոլուբինովը օրինակ, գրում էր, որ «Եթե տգետ և շահախնդիր մեջլիսն ու մուշտեհիդները աչք են փակում հարուստ

---

118 АВПР, ф. «Персидский стол», «Б», 1911 г., д. 94, л. 23 об; ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, д. 540, лл. 12—13; МОЭИ, т. 19, ч. I, стр. 81.

119 АВПР, ф. «Политархив», 1911 г., д. 1041, лл. 241—242.

120 «Тифлисский листок», 1911 г., 27 февраля; ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, д. 511, лл. 21—23, 40—40 об.

121 АВПР, ф. «Персидский стол», д. 917, л. 177.

նահանգի անջատման և Թուրքիային անցնելու վրա, ապա Ռուսաստանի վրա ընկած է պատմական պարտք—Թուրքիային ցույց տալ նրա իսկական սահմանը, հիշեցնելով, որ Ուրմիայի շրջանի վրա ծախսված է ոչ միայն մեծ քանակությամբ ռուսական դրամ, այլև թափված է շատ ռուսական արյուն»[122]:

Սակայն Թուրքիայի հետ բախվելու վտանգը ցարական կառավարությանը ետ էր պահում վճռական գործողությունների դիմելուց:

Իտալո-թուրքական պատերազմում Թուրքիայի կրած տևրիտորիալ կորուստները նրան մղում էին նոր զավթումների Իրանում: Ստամբուլում ռուսական դեսպան Զարիքովը 1911 թ. սեպտեմբերին հաղորդում էր արտաքին գործերի մինիստրություն՝ Ներատովին, որ ըստ իրեն հասած տեղեկությունների, թուրքերը մտածում են Տրիպոլիի համար փոխհատուցում փնտրել Ուրմիայի կողմում[123]: Երիտթուրքական կառավարության այդ մտադրությունը խրախուսվում էր Գերմանիայի կողմից, որովհետև հանդիսանալով Իտալիայի դաշնակիցը, այդ պատերազմը սպառնալիքի տակ էր դրել Գերմանիայի հեղինակությունը Թուրքիայում: Որպեսզի ինչոր չափով արդարացնի իրեն Ստամբուլի կառավարության աչքում, Գերմանիան դրդում էր նրան Արևմուտքում իր կորուստների համար փոխհատուցում ստանալ Իրանից:

1912 թ. մարտին թուրքական զորքերն Ուրմիայի շրջանում բռնկրսեցին նոր զավթումներ կատարել: Բոլոր նշաններից երևում էր, որ նրանք պատրաստվում էին ներխուժել Ուրմիա քաղաքը[124]: Սահմանային կոմիսար Բեհջեթ բեյը անձամբ ժամանեց Ուրմիայի և Սուլդուզի շրջանները զինակոչիկներ հավաքագրելու մտադրությամբ[125]: Նրա հրամանով Սուլդուզ—Ուրմիա ճանապարհի վրա դրվեցին մի քանի պահակակետեր Ուրմիա գնացող հացի քարավանները կանգնեցնելու համար: Այսպիսով թուրքական հրամանատարությունը որոշել էր սովի մատնել Ուրմիայի շրջանը և դրանով կոտրել նրա բնակիչների դիմադրության ոգին: Միաժամանակ սահմանի այն կողմից սկսեցին մեծ քանակությամբ զինք տեղափոխել Իրանական Քուրդիստան և բաժանել քրդերին[126]:

---

122 ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, д. 540, л. 14.

123 МОЭИ, т. XVIII, ч. II, стр. 31.

124 ЦГИА Груз. ССР, ф. 15, д. 365, лл. 18, 33.

125 Նույն տեղում:

126 Նույն տեղում, л. 33; ЦГИА Груз. ССР, ф. 15, д. 363, л. 4.

1912 թ. մարտին Թուրքական հրամանատարությունը լուրջ փորձ կատարեց նաև Քերմանշահը գրավելու ուղղությամբ։ Օգտվելով Սալար-էդ-Դոուլեի հակահեղափոխական խռովությունից, նա որոշեց զորքեր ուղարկել Քերմանշահ և քարավանների պաշտպանության պատրվակի տակ գրավել այն։ Այդ նպատակով գլխավոր շտաբի սպա Մուստաֆա էֆենդին կառավարության գաղտնի հանձնարարությամբ մեկնել էր Քերմանշահ, Խանեկինի և Քերմանշահի միջև ընկած ճանապարհը ուսումնասիրելու և նկարահանելու համար[127]։

Թուրքիան պատրվակ էր փնտրում նաև Զոհաբը գրավելու համար։ Անգլիան խոստացավ նրան այդ հարցում զիջումներ անել, պայմանով որ նրա կողմից պահպանվի Մոհամմերայի ստատուսքվոն[128], ի պատասխան դրա, ռուսական արտաքին գործերի մինիստրությունը 1912 թ. սեպտեմբերի 11-ին Դրեյին հանձնված հուշագրում հայտարարեց, որ «եթե Թուրքիային հաջողվի աննկատելի ներթափանցել Խոյի, Սալմաստի, Ուրմիայի, Սուլդուզի և Սոուջբուլաղի շրջաններում նրա կողմից օկուպացիայի ենթարկված տերիտորիաները, ապա Ռուսաստանը իր կողմից, ստիպված կլինի օկուպացիայի ենթարկել Ադրբեջանի մի մասը, ավելի կոնկրետ Մակուի, Ղոթուրի, Խոյի շրջանները և հնարավոր է, որ նույնիսկ Մարագան»...[129]։

Հուշագիրը ազդեց անգլիական արտաքին գործերի մինիստրության վրա և նա անհապաղ պատասխանեց, թե հնարավոր է, որ Անգլիայի կողմից հարկ չլինի զիջումներ անել Թուրքիային[130]։

Միաժամանակ երիտթուրքական կառավարությունն ակտիվացրեց իր ագրեսիվ գործողությունները Մակուի խանության ուղղությամբ։ Այս խանության մահմեդական բնակչության շրջանում լայն պրոպագանդա ծավալվեց հօգուտ Թուրքիայի։ Իթթիհադի էմիսարներն առանձնապես մեծ ջանքեր էին գործադրում տեղական քուրդ և ադրբեջանցի բնակչության միջև դաշինք ստեղծելու ուղղությամբ, որպեսզի պատերազմի դեպքում նրանց ոտքի հանեն ռուս-

---

127 Штаб Кавказского военного округа. Сводка сведений о сопредельных странах, добытых разведкой за время с 1 марта по 1 апреля 1912, №№ 19—20. Тифлис, 1912, стр. 31—34; МОЭИ, серия II, т. XX, ч. II.

128 МОЭИ, նույն տեղում, стр. 52.

129 МОЭИ, серия II, т. XX, ч. II, стр. 255.

130 „British documents on the origins of the war 1889—1914", London, 1936, vol. IX, p. I. p. 768.

ների դեմ։ Այդ պլանը սակայն հաջողություն չունեցավ, որովհետև ադրբեջանցիները կտրուկ հրաժարվեցին դրանից[131]։

1912 թ. գարնանը երիտթուրքերի կողմից Իրանում կազմակերպվեց «գաղտնի թուրքական կառավարություն»[32], որը, բան երևույթին, Ադրբեջանի աննեքսիայի դեպքում իր ձեռքն էր վերցնելու զավթված երկրամասի կառավարման գործը։

Այս բոլորին տեղյակ լինելով հանդերձ, ցարական Ռուսաստանը և Անգլիան դարձյալ սահմանափակվում էին լոկ Բ. Դրոան առջև դիվանագիտական առաջադրություններով։

Սակայն շուտով իրադարձությունների մեջ տեղի ունեցավ կտրուկ շրջադարձ։ Սկսվեց Բալկանյան պատերազմը։ Իշխանության ղեկի մոտ իթթիհադականներին փոխարինած իթթիլյաֆիստները որոշեցին, որ Թուրքիայի համար ստեղծված այդպիսի ճգնաժամային պահին ծայրահեղ վտանգավոր է սուր վեճի մեջ գրտնվել Ռուսաստանի հետ, որը կարող էր հանգեցնել ռազմական բախման, մանավանդ, որ կառավարությունը ուժգին տեմպերով Փոքր Ասիայից զորքերը տեղափոխում էր պատերազմի թատերաբեմ, թուլացնելով արևելյան ճակատը։ Այդ պատճառով իթթիլյաֆիստական կառավարությունը ստիպված էր որոշում ընդունել իրանական զավթված տերիտորիաներից թուրքական զորքերի ժամանակավոր դուրս բերման մասին[133]։

Այդ որոշման մասին թուրքական արտաքին գործերի մինիստրությունը 1912 թ. հոկտեմբերի 18-ին պաշտոնապես հայտնեց Գիրսին[134]։ Հաջորդ օրը Թեհրանում թուրքական դեսպանը շահական կառավարությանը ներկայացրեց նոտա, որի մեջ հայտնելով վերոհիշյալ որոշման մասին, իրանական կառավարության առջև դնում էր հետևյալ պահանջները, ավելացնելով, որ դրանք չիրագործելու դեպքում Բ. Դուռը «ի վիճակի չի լինի իր զորքերը դուրս բերել Իրանից»։

Թուրքական կառավարությունը պահանջում էր որպեսզի

1. Էվակուացիայի ենթարկված շրջանները չգրավվեն ոտարերկրյա «այլ» զորքերի կողմից (իմա Ռուսաստանի—Վ. Բ.).

---

131 ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, д. 572, л. 3.

132 Сводка сведений..., за время с 1 мая по 1 июня 1912 г., № 23—24, Тифлис, 1912, стр. 1.

133 С. Н. Бабич, По северной Персии, «Военный сборник», 1913, № 5, стр. 180.

134 В. Ф. Минорский, Турецко-персидское разграничение, Петроград, 1916, стр. 8.

2. Ներում շնորհել այն բոլոր իրանահպատակներին, որոնք օկուպացիայի շրջանում աջակցություն էին ցույց տալիս թուրքական զորքերին.

3. Տալ էվակուացիայի ենթարկված շրջանների թուրքահպատակ սունների բնակչության կյանքի և գույքի ապահովության երաշխիք։

Նոտայում միանգամայն պարզորոշ կերպով նշվում էր, որ Բ. Դուռը չի հրաժարվելու հատուկ հետաքրքրություն դրսևորելուց իր կողմից մաքրված իրանական շրջանների նկատմամբ և չնայած «ներկայումս կայսրության ապրած ցնցումներին, իրեն իրավունք և ուժ է վերապահում կապերը չխզել Իրանի հետ ունեցած այն տնտեսական և քաղաքական շահերից, որոնք թուրքերին ստիպեցին իրագործել դեպի Արևելք շարժվելու իրենց ծրագիրը»[135]։

Այս պահանջներն ըստ էության անընդունելի էին, որովհետև Ստամբուլը իրեն իրավունք էր վերապահում միջամտել հյուսիս-արևմտյան Իրանի ներքին գործերին։

Սակայն շահական կառավարությունը, հակառակ Ռուսաստանի դիմադրության, ընդունեց Թուրքիայի առաջադրած վերոհիշյալ պայմանները, որից հետո 1912 թ. հոկտեմբերի 15-ից սկսվեց զորքերի էվակուացիան։ Այն ավարտվեց նույն թվականի նոյեմբերի 8-ին։

Այսպիսով, Բալկանյան պատերազմում թուրքական բանակի ջախջախումը դաշնակից պետությունների կողմից, ստիպեց Բ. Դռանը ժամանակավորապես հրաժարվել Իրանում ագրեսիվ, զավթողական քաղաքականությունը շարունակելու կուրսից։ Բ. Դռան այդ վճիռը չափազանց մեծ դժվարությամբ ընդունվեց թուրքական կառավարության էքստրեմիստական տրամադրություններ ունեցող գործիչների, երիտթուրքերի, թուրքական սահմանային իշխանությունների և հատկապես սպայության կողմից։ Ուրմիայի նախկին շահբենդեր (գլխավոր հյուպատոս), երիտթուրքական կուսակցության անդամ Սաադի-բեյը խոյի ռուսական հյուպատոսի հետ զրույցի ժամանակ բացահայտ կերպով դրսևորում էր իր դժգոհությունը իթթիլյաֆիստական կառավարության այդ քայլից։ «Պարսկաստանից նահանջելը,— հայտարարում է նա,— ավելի ամոթալի է, քան Սալոնիկի կապիտուլյացիան։ Ռումելիում մեր գործը վաղուց պարտված

---

135 ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, д. 603, лл. 24—24 об. Сводка сведений..., за время с 1 по 15 февраля 1913, № 40, Тифлис, 1913, стр. 1.

էր և միայն մեր կառավարողների անշարժությունը գործը հասցրեց մինչև խայտառակ կատաստրոֆայի, իսկ այստեղ մենք դեռ նոր էինք սկսել գործել և ոչ առանց հաջողության, և արդեն ստիպված ենք փախչել: Եթե մեր հայրենիքին երբևիցե հաջողվի հավաքել իր ուժերը մեր ապրած փորձությունից հետո, ապա ազգը, հավանական է, իր մեջ կգտնի արիություն հաշտվելու բալկանյան ջարդի հետ, սակայն նա չի ների ներկայիս կառավարությանը մեր դավանակից Պարսկաստանից նահանջելու համար: Ամբողջ մահմեդական աշխարհը հասկանում է, որ մի կողմից մեզ նեղում է Ռուսաստանը, իսկ մյուս կողմից հարվածում են նրա զավակներն ու աշակերտները»[136]:

1913 թ. հունվարի 10-ին կատարած ռազմական հեղաշրջման շնորհիվ իշխանության ղեկը գրավելուց հետո, Իթթիհադը կրկին սկսեց դրսևորել Իրանում զավթումներ կատարելու բուռն ձգտում: Ամբողջ 1913 թ. ընթացքում Իրանում և Թուրքիայում գտնվող ռուսական գործիչները այն միտքն էին հայտնում, որ հսկայական կորուստներ ունենալով Արևմուտքում, թուրքերը կրկին տերիտորիալ փոխհատուցում են փնտրելու իրենց թույլ հարևանի՝ Իրանի հաշվին, որ անհաղթահարելի ուժի ճնշման տակ նրանց կողմից կատարված զորքերի էվակուացիան ժամանակավոր փաստ է: Հենց որ կայսրությունը ուշքի գա ծանր ցնցումներից, նրանք կրկին կվերադառնան Իրան, հատկապես եթե նրանց մեջքին կանգնի Գերմանիան[137]:

Երիտթուրքական կառավարությունը իր գործակալների միջոցով հրահրում էր իրանական քրդերին՝ չենթարկվել իրանական և ռուսական իշխանություններին, միաժամանակ նրանց հույս տալով, որ շուտով թուրքերը կրկին կվերադառնան Իրան[138]: Վանի նահանգի թուրքական իշխանությունները սահմանակից շրջանների քրդերին զենք էին բաժանում իրանական տերիտորիայի վրա հարձակումներ գործելու համար[139], երիտթուրքական կոմիտեի կարգադրությամբ սահմանային իշխանությունները գաղտնի մարդասպաններ էին ուղարկում Իրան՝ Ռուսաստանի կողմնակից քրդական ցեղապետերին տեռորի ենթարկելու նպատակով[140]: Իրանում կազմա-

---

136 ЦГИА Груз. ССР, ф. 15, д. 363, л. 81.

137 ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, д. 603, лл. 7—8; ф. 15, д. 372, л. 24.

138 АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1912—1913 гг., д. 3573, лл. 229—230; ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, д. 603, л. 7 об.

139 ЦГИА Груз. ССР, ф. 15, д. 371, л. 138.

140 *Նույն տեղում, лл. 138—139*

կերպում էին քրդական դինված ավազակախմբեր՝ ռուսների իշխանությունը ճանաչող քրդական աշիրեթների գյուղերը և արոտավայրերը ասպատակելու համար[141] և այլն: Միաժամանակ թուրքական հյուպատոսությունները իրենց գործակալների միջոցով բուռն պանիսլամիստական պրոպագանդա էին մղում Ադրբեջանում և Քուրդիստանում[142]:

Այս և նման բազմաթիվ այլ փաստեր ակնառու կերպով ցույց են տալիս, որ զավթումների օսմանյան քաղաքականության գործիչները մինչև առաջին համաշխարհային պատերազմի սկսվելը չէին հաշտվել իրանական տերիտորիայից հեռանալու մտքի հետ: Նրանք իրենց դաշնակցի՝ գերմանական իմպերիալիզմի ամենաակտիվ աջակցությամբ պատրաստվում էին Իրանի, Անդրկովկասի, Միջին Ասիայի և Աֆղանստանի նկատմամբ իրագործել իրենց պանիսլամիստական ծրագիրը և կենսագործել «Մեծ թուրքական կայսրություն» ստեղծելու պանթուրքական գաղափարը:

Այդ պլաններն իրագործելու նպատակով 1914 թ. Թուրքիան նախվեց համաշխարհային պատերազմի մեջ, փորձելով զենքի ուժով ապահովել իր «կենսական շահերն» Իրանում և Անդրկովկասում:

В. А. БАЙБУРТЯН

ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В ОТНОШЕНИИ ИРАНА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Резюме

В статье рассматривается экспансионистская политика Османской Турции в отношении Ирана в период иранской революции 1905—1911 гг. и накануне первой мировой войны.

Теряя захваченные страны Юго-Восточной Европы, Турция в начале XX в. стремилась расширить свои границы на востоке, в частности за счет Ирана.

Идеология панисламизма, служившая турецким правящим кругам орудием захватнической политики, должна была

---

141 *Նույն տեղում, лл. 159—161:*

142 ЦГИА Груз. ССР, ф. 15, д. 372, лл. 20—20а.

оправдать эти политические планы. Пользуясь военной и политической слабостью Ирана и ослаблением России в русско-японской войне, осенью 1905 г. турецкие войска совместно с курдскими гамидийскими полками вторглись в пределы Ирана и начали оккупацию иранских территорий. Агрессивная политика султана Абдул-Гамида II в отношении Ирана преследовала цели захвата всего Иранского Курдистана и Западного Азербайджана и разгром революционного движения в Иране. Следовательно, Порта проводила контрреволюционную интервенцию в Иране с целью разгрома иранской революции. Таким образом, султанское правительство вместе с Англией и царской Россией выступало в годы иранской революции в роли душителя национально-освободительного, антиимпериалистического и антифеодального движения иранского народа, причем Турция прибегла к контрреволюционной интервенции значительно раньше, чем царская Россия и Англия.

После младотурецкого переворота 1908 г. младотурки выступали продолжателем политики султана Абдул-Гамида II. Младотурецкое правительство с первых же дней своего существования разработало широкие захватнические планы в отношении Ирана. Маскируясь революционными лозунгами и выставляя себя в качестве «защитника» иранской революции, младотурки за короткий срок оккупировали значительные территории в Иранском Азербайджане и Курдистане. Их захватническая политика поощрялась и поддерживалась империалистической Германией, которая искусно использовала Турцию для осуществления своих собственных захватнических планов на Среднем Востоке.

Хотя осенью 1912 г. в силу внешнеполитических осложнений (итало-турецкая война, Первая балканская война) и внутренних затруднений, а также под давлением царской России и Англии турецкое правительство эвакуировало свои войска из оккупированных областей Ирана, однако оно и в дальнейшем многократно делало попытки вернуть себе «потерянные» в Иране территории.

Накануне первой мировой войны Турция готовилась с самой активной помощью Германии осуществить планы захвата Ирана и Закавказья. С целью осуществления этих широких планов Турция вступила в I мировую войну.

Е. К. САРКИСЯН

АДМИНИСТРАТИВНАЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ОСМАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ЗАПАДНОЙ АРМЕНИИ

Османская империя, созданная турецкими захватчиками в результате бесконечных кровопролитных войн в XIII—XVII вв., была военно-феодальным деспотическим обширным государством. Турками были покорены весь Балканский полуостров, часть придунайских стран, побережье Черного моря, Крымский полуостров, все арабские страны, вся северная часть Африки, вся Малая Азия, Западная Армения, часть Грузии и др.

Чтобы управлять огромной империей, состоявшей из народов различного социально-экономического развития, турецкие султаны разработали не только гибкую систему военно-политической администрации, но и не менее гибкую систему фискального учета всех владений и доходов государства и соответствующего аппарата управления ими[1].

Первые сведения об административном делении Османской империи относятся к 1574 году. Сведения эти содержатся в сборнике «Султанские послания», составленном видным государственным деятелем при султане Мураде III Феридун-беем. Трудно сказать, к какому периоду относятся данные, приведенные Феридун-беем об административном делении, так как в его сборнике «Султанские послания» помещены фирманы, официальные послания султанов, садразамов, везиров, документы, относящиеся к внутриполитическим и внешнеполитическим вопросам, начиная с возникновения Османской империи, примерно с 1300 г. до 90-х годов XVI века.

По сборнику «Султанские послания» Османская империя делилась на 34 эйалета, состоявших из 242 лив. Кроме эйалетов были: 11 хюкюметов, 2 воеводства, 1 эмирство, 1 шериф-

---

[1] «Аграрный строй Османской империи XV—XVII вв.», Документы и материалы. Составление, перевод и комментарии А. С. Тверитиновой, М., 1963, стр. 12.

ство и одно ханство[2]. Во главе эйалета стоял назначаемый султаном бейлербей, во главе ливы или санджака — санджакбей, назначаемый бейлербеем.

Административная структура Османской империи часто подвергалась изменениям, что связано было с военной, налоговой и фискальной политикой турецких султанов.

Об административном делении Османской империи в 40-х годах XVII в. говорится во второй части трактата—«Рисале», крупного деятеля султанского двора при падишахах Мураде IV (1623—1640) и Ибрагиме (1640—1648) Кочибея. По Кочибею, Османская империя состояла из 22 эйалетов и 237 санджаков[3].

Об административном делении Османской империи подробно говорится и в трактате, составленном придворным чиновником Али Чаушем в 1653 году. «Этот трактат, — пишет А. С. Тверитинова, — представляет собой попытку систематизировать все положения об аграрно-правовом устройстве Османской империи. Он дает огромный материал не только об административной структуре империи и разнообразных формах тимарных владений, но и излагает юридические основы различных форм перехода земельных владений из одних рук в другие, порядок учета и распределения земель как между феодалами, так и между крестьянскими общинами»[4].

По данным Али Чауша, империя делилась на 32 эйалета, состоявших из 247 санджаков[5].

В трактате Али Чауша Западная Армения была разделена на следующие эйалеты: Сивас, Диарбекир, Эрзурум, Чылдыр, Карс, Ван. Административное устройство, как во всей империи, так и в Западной Армении оставалось почти без изменения до первой переписи населения Османской империи в 1831 г. По этой переписи Османская империя состояла из 29 эйалетов, 179 ливы и 13 хюкюметов[6].

Западная Армения включена была в эйалеты: Диарбе-

---

2 См. *«Թուրքական աղբյուրները Հայաստանի, հայերի և Անդրկովկասի մյուս ժողովուրդների մասին», հատ. Բ., կազմեց Ա. Խ. Սաֆրաստյան, Երևան, 1964, էջ 212—222։*

3 Подробно о названиях вилайетов и санджаков см. А. С. Тверитинова, Второй трактат Кочибея, «Учен. записки института востоковедения АН СССР», т. VI, М., 1953, стр. 240—241.

4 «Аграрный строй Османской империи XV—XVII вв.». Документы и материалы, стр. 13—15.

5 Названия вилайетов и санджаков см. «Аграрный строй Османской империи XV—XVII вв.». Документы и материалы, стр. 92—98.

6 См. „Belleten", Türk Tarih Kurumu, c. XV, ekim, 1951, sayı 60, Ankara, 1951, s. 617—628.

кир, Сивас, Эрзурум, Карс, Чылдыр, Ван; Армянская Киликия входила в эйалет Адана.

В эйалет Диарбекир входили ливы: Амид, Хани, Мазгирд, Мефаркин, Харберд, Синсар, Естерид, Сивечек, Ергани, Анаде, Хисни Кеуф, Чемишгезек, Нусайвин, Чепакчун, Сагман, Чермик, Кулб, Илкис, Пепвек, Тертекрен, Палу, Гийех, Джире, Егил, Хаззо, Терджи, Сару (Савир); в эйалете Сивас — ливы: Сивас, Атася, Бозок, Чорум, Джаник, Девриги, Аранкир; в эйалете Эрзурум — ливы: Ерзинджан (Ерзика), Хыныс, Келкит, Малазгерт, Тортум, Карахисар, Испир, Куручая, Пасин, Мамерван, Козанджан (Казавджан), Кыги, Медженкерд; в эйалете Карс — ливы: Карс, Кагызман, Кечван, Шурегив, Зарушад; в эйалете Чылдыр — ливы: Леване (Вартин), Шавшад, Махджив, Герджер (или Гырджыр), Гебеджун (или Гебеджик); в эйалете Ван—ливы: Ван, Адилджеваз, Ширве (Ширван), Есбаберд, Койин, Зерики, Кердикар (или Кирдкар), Агакис, Ерджис, Мукус, Муш, Баргири, Хаккари, Битлис, Хизан, Хошап (или Махмудие). Киликия входила в эйалет Адана, куда входили ливы: Адана, Тарсус, Алания (Алаий), Урул, Сис, Узейр, Бейлан (последние два санджака в других списках числятся в составе эйалета Алеп)[7].

Из перечисленных эйалетов самым сложным по своим географическим условиям, разношерстному составу населения и трудно управляемым был эйалет Диарбекир. В этом эйалете фактически господствовали курдские аширеты. В эйалете Диарбекир были ливы или санджаки, где курдские племенные вожди находились либо в полной независимости от турецкого правительства, либо в полунезависимом положении. Из двадцати двух санджаков или лив эйалета от турецкого правительства были зависимыми следующие санджаки-ливы: Амид, Хани, Мазгирд, Мефаркин, Харберут, Синджар, Естерид, Сиверек, Ергани, Анаде, Хысны Кейф, Четишгезек, Нусайбин, Чепакчур, Сагман, Чермик, Кулб, Илкие, Пенбек, Тертсекрек. Остальные следующие хюкюметства: Балу, Гийех, Джизри, Егил, Хаззо, Терджил и Саро были независимыми от турецких властей областями. Эмиры этих лив, читаем у Али Чауша, «обладают барабаном и знаменем... имеются и такие (эмиры.—Е. С.), которые в соответствии с имеющимися у них на руках грамотами от прежних султанов, не подлежат ни увольнению, ни назначению... Когда случается августейший поход, они сами, их заимы и владельцы тимаров выступают вместе со своими бейлербеями»[8].

---

[7] „Belleten", № 60, s. 619—626.

[8] «Аграрный строй Османской империи XV—XVII вв.». Документы и материалы, стр. 95.

По сложности управления после Диарбекирского эйалета идет эйалет Ван, состоявший из 17 санджаков (названия которых мы указали выше), 5 хюкюметств и одного оджаклыка. Из хюкюметств известны были Хаккиари, Битлис, Хизан, Хошаб[9], которые были подвластными территориями курдских аширетов.

Самым могущественным из перечисленных хюкюметств был Битлисский, курдский бей которого мог выставить на поле сражения, кроме известного количества хорошей пехоты, не менее 20—25 тыс. всадников. «Он жил в замке, — пишет Линч, — к которому вели три последовательных, подвесных моста, а частные его апартаменты были расположены в последнем и самом маленьком из трех дворов, через которые посетитель должен был пройти пешком на аудиенцию. Бей не признавал ни турецкого султана, ни персидского шаха, и оба они искали его расположения, благодаря стратегическому значению его города, который мог остановить сообщение между Алеппо и Тавризом»[10].

Приведенная выдержка из книги Линча, основанная на первоисточниках, свидетельствует о том, что битлисский курдский бей, хотя и номинально был зависимым от бейлербея эйалета Ван, фактически был полновластным хозяином в Битлисском санджаке. Последний курдский властелин Битлисского санджака был Шериф-бей, который после упорных боев с турецким Решид-пашой был разбит в 1849 г., и этим был положен конец независимости Битлиса и он был превращен в отдельный Битлисский вилайет.

В 40-х годах XIX в. турецким властям удалось ликвидировать и другие курдские хюкюметства — деребейства.

При султане Махмуде II, в 1834 г. вся Османская империя, за исключением провинций вассальных, была разделена на 36 эйалетов, состоявших из 126 лив и 1267 каз[11]. Султанская власть разделила Западную Армению на Эрзерумский, Сивасский, Трапезундский, Диарбекирский и Харпутский эйалеты.

С 1864 г. это территориальное распределение было вновь переделено: султанское правительство решило для удобства управления провинциями создать административные большие единицы — вилайеты — по национальному признаку.

---

[9] См. „Belleten", 1951, № 60, s. 626.

[10] Х. Ф. Б. Линч, Армения. Путевые очерки и этюды, т. II, Турецкие провинции, пер. с англ. Тифлис, 1910, стр. 191.

[11] См. А. Убичини и П. Де-Куртейль, Современное состояние Османской империи, Статистика, правление, администрация, финансы, армия, общины немусульманские и пр., пер. с франц., СПб., 1877, стр. 79.

«Первый вилайет, составленный из трех эйалетов — Силистрии, Видина и Ниша, был учрежден в 1864 г. в виде опыта, под названием вилайета Дунайского. Когда опыт был найден удовлетворительным, новая система была обобщена и постепенно распространена на всю империю»[12]. По новому административному делению вся Османская империя состояла из 27 вилайетов, заключивших в себе 123 лив (санджаки), ливы подразделялись на казы, а казы на нахие.

Европейская часть Османской империи состояла из 10 вилайетов и 44 лив, Азиатская часть — из 16 вилайетов и 74 лив, Африканская — из 1 вилайета и 5 лив. Столица империи — Константинополь со своими окрестностями не входила в это деление. Не входил также Ливан, который с 1864 г. получил автономное правление[13].

Западная Армения, входящая в Азиатскую часть Османской империи, состояла из вилайетов — Эрзурум (с ливами— Карс, Муш, Эрзинджан, Ван), Диарбекир (с ливами—Мардин, Сырт, Малатия). Киликия состояла из одного вилайета— Адана, состоявшего из лив—Аданз, Козан, Ичьиль, Пайас[14].

Убичини и Де-Куртейль в своей работе пишут, что администрация вилайетов была установлена законом 1870 г., на основании которого каждый вилайет управлялся генерал-губернатором (вали), назначаемым султаном. Как представителю власти во всех ее отраслях, кроме судебной и военной, вали подчинены были начальники всех административных частей. Вали управлял полицией вилайета, а также приводил в исполнение решения судов. Вали имел: помощника, директора финансов — дэфтэрдара, мактубджи — главного секретаря, директора иностранных дел, через посредство которого вел все дела между местными властями и представителями иностранных держав, директоров народного просвещения, торговли и земледелия, дорог, кадастра и народной переписи, эвкафе, архивов, начальника полиции. Перечисленные должностные лица назначались приказом султана, по представлению соответствующих министров.

Во главе ливы или санджака стоял мутасарриф. Он назначался ирадэ (приказом) султана. Мутасарриф управлял

---

12 Там же, стр. 79—80.

13 Название вилайетов и лив см. А. Убичини и П. Де-Куртейль, указ. работа, стр. 80—83.

14 По данным «Турецкого сборника», изданного в Петербурге в 1868 г., вся Западная Армения состояла из одного Эрзерумского вилайета, куда входили 7 санджаков: Эрзерум, Эрзинджан, Муш, Чылдыр (Ардаган), Карс, Баязет и Ван с Хеккяри (стр. 207). Об этом же пишут А. Убичини и П. Де-Куртейле, см. ук. работу, стр. 14.

всеми делами — административными, финансовыми, полицейскими и приводил в исполнение решения гражданских и уголовных судов. Он был подотчетен вали. Мутасарриф имел: мухасебеджи—вице-директора финансов, тахрират мудири—начальника корреспонденции в ливе, вице-директоров публичных работ, эвкафа, кадастра, полиции.

Каза управлялся каймакамом (вице-губернатором), который назначался вали-губернатором. Каймакам имел такие же права в казе, какие мутасарриф в ливе, и он имел мал мудири (надзирателя финансов), секретаря казы, заведующего корреспонденцией и архивами, надзирателя кадастра, начальника полиции.

Во главе нахие стоял мудир, который избирался ежегодно жителями нахие, состоявшем из не менее 200 дворов. После избрания он должен был быть утвержден вали. Мудир имел при себе помощника (муавин)[15].

«Если деревня вся состояла из христиан, — пишут Убичини и Де-Куртейль,— мудир и муавин бывают христиане, если деревня смешанная, т. е. состоящая из мусульман и христиан, то мудир избирается из более многочисленной общины, и в таком случае муавин должен принадлежать к другой общине»[16].

Нужно отметить, что административное устройство Османской империи не во всех провинциях было одинаково. Султанское правительство, исходя из своей политики в отношении покоренных турками народов, часто перекраивало территорию этих народов. Так, после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. султанское правительство, желая уменьшить процентное соотношение армян к остальным народностям, задалось целью искусственно разобщить вилайеты со сплошным армянским населением. Для достижения этой цели Порта разбила эти округа на небольшие части и присоединила их к соседним округам, населенным исключительно курдами или мусульманами. Благодаря такой политике Эрзерумский вилайет был сначала разделен на 4 вилайета: Эрзерумский, Ванский, Хеккиярийский и Мушский; затем Хеккиярийский (с курдским населением) был присоединен к Ванскому, а Мушский—к Битлисскому; другие курдские округа были присоединены к Диарбекирскому вилайету, а Дерсим введен в состав Харпутского[17]. Об этом же военный агент России в

---

[15] См. Убичини и Де-Куртейль, указ. работа, стр. 85—87.

[16] Там же, стр. 88.

[17] ЦГИА Арм. ССР, ф. «Выписок», оп. 1, д. 39, л. 1, 2 Об административном делении Западной Армении и Киликии см. *Պարսեղեան, Հայկական խնդիրը և Ազգային սահմանադրութիւնը Թուրքիայում, հատ. Ա, Թիֆլիս, 1912, էջ 421—422.*

Турции Филипов в своем донесении от 19 октября 1880 г. пишет: «В основании действий турецкого правительства лежит намерение так разделить Армению на уезды (каймакамлыки) и участки (нахии), чтобы армянское население было, по возможности, лишено большинства, т. е. местности со сплошным армянским населением, составлявшие одно административное целое, раздробляются на части, которые присоединяются к соседним местностям, населенным преимущественно курдами или турками»[18].

Так, к Ванскому вилайету был присоединен вилайет Хеккияри (курдский элемент), вилайет Муш превращен в санджак и присоединен к образованному вновь Битлисскому вилайету, охватившему часть Курдистана; точно так же вилайет Дерсим (курдский) был присоединен к Харпутскому санджаку (армянский) и образовался новый вилайет Мамурет-уль-Азиз.

Такое же искусственное деление проведено и в Киликии, где армянское население было разделено между Аданским и Алеппским вилайетами.

Итак, в 70-х годах XIX в. Западная Армения состояла из Ванского, Эрзерумского, Битлисского, Сивасского, Диарбекирского и Харбердского вилайетов. После русско-турецкой войны из Западной Армении к России перешел бывший Карский вилайет с территорией 16463 кв. верст, населением около 300 тыс. человек, треть которого составляли армяне.

Турецкое правительство, преследуя политики уменьшения процентного соотношения армян, в 1880 г. снова перекроило Западную Армению на следующие вилайеты: Эрзерумский, Мамурет-уль-Азиз, Дерсимский, Битлисский, Ванский, Хекярийский, Диарбекирский, Сивасский. Через 6 лет, в 1886 г. оно опять меняет административное деление Западной Армении. По этому новому делению, она состояла из Битлисского, Ванского, Эрзерумского, Диарбекирского, Мамурет-уль-Азизского и Хекярийского вилайетов[19]. В 1895 г. Западная Армения состояла из Ванского, Эрзерумского, Сивасского, Битлисского, Харбертского и Трапезундского вилайетов[20]. Эти вилайеты были упомянуты в ноте послов Англии, Франции и России султанскому правительству от 30 апреля 1895 г. о проведении реформ в указанных вилайетах. Султанское правительство в указанных вилайетах,

---

18 АВПР, ф. «Политархив», д. 563, л. 16.

19 См. А. И. Гиппиус, Статистические таблицы вилайетов Турецкой империи, ближайших к Закавказью, Тифлис, 1889, стр. 6, 11—14. *Մ. Գ. Ներսիսյան, Հայ ժողովրդի ազատագրական պայքարը թուրքական բռնապետության դեմ 1850—1870ԹԹ., Երևան, 1955, էջ 33։*

20 См. газ. *«Մշակ», 1895, № 54.*

в которых армяне, по сравнению с турками и курдами, составляли относительное большинство, назначало губернаторами и их заместителями турок, проводивших в жизнь армяноубийственную политику кровавого султана в Западной Армении. Одним из методов снижения процентного соотношения армян по сравнению с турками и курдами турецкое правительство видело в размещении мухаджиров-переселенцев—мусульман в Западной Армении.

Турецкое правительство размещало мухаджиров-мусульман в армянских вилайетах, отдавая им земли, принадлежавшие убитым или бежавшим от погромов армянам, в целях увеличения процентного соотношения мусульманского населения в Западной Армении. Об этом генеральный консул в Бейруте Лишин в своем донесении российскому послу в Константинополе от 12 октября 1898 г. писал, что «переселенцам обещают большие льготы: освобождение на десять лет от воинской повинности, даровой продукт, даровой земельный надел (из армянских, т. е. удобных и сравнительно хорошо обработанных земель) и денежное вспомоществование во время пути и в первые три месяца по водворению на месте, в размере 3 пиастр для мужчин, 2 пиастр для женщин и 1 пиастра для детей»[21].

Все это делалось с целью изменить процентное соотношение населения вилайетов Западной Армении в пользу мусульман. Эту политику султанское правительство проводило систематически и особенно усилило во второй половине XIX в., точнее с 1880 г., когда армянский вопрос из внутреннего [illegible] вопросом международным и объектом спекуляции для [illegible] ких держав в их ближневосточной политике.

Однако, несмотря на все искусственные меры турецкого правительства уменьшить процентное соотношение армянского населения по сравнению с мусульманским, армяне не потеряли преобладающей своей численности.

Для доказательства обратимся к фактам. Имеющиеся по вопросу численности армян в Западной Армении источники и литература дают весьма различные данные, ибо, как правильно сказано в книге «Турецкая империя», «Турция принадлежит еще к тем государствам, которые не имеют основательных сведений ни о своем пространстве, ни о своем населении. География и этнография Турции разрабатываются пока исключительно только иностранными учеными и консулами, или даже простыми туристами, взгляды которых не всегда бывают чужды различных предвзятых целей»[22].

Первая всеобщая перепись населения Османской импе-

---

[21] АВПР, ф. «Канцелярия», оп. 1, д. 87, л. 43.

[22] «Турецкая империя», СПб., 1868, стр. 180.

рии была проведена в 1831 г. Данные этой переписи, опубликованные в 1943 г., были обнаружены впервые турецким историком Энвер Зия Каралом[23]. До появления этой работы в исторической литературе первой переписью населения Османской империи считалась перепись 1844 г. По первой переписи 1831 г. переписные листы по всем эйалетам не сохранились, поэтому невозможно установить общую численность населения Османской империи, в том числе и численность армян как в Западной Армении, так и в других частях Турции. По переписи же 1844 г., которая проводилась с участием европейских специалистов, население Османской империи составляло 35.350.000 человек. В империи имелось 14 народностей, среди которых армян было 2.400.000, из коих 400 тыс. в европейской Турции, 2 млн. в азиатской[24]. По свидетельству авторитетных специалистов, данные переписи 1844 г. неточны и неполны, поэтому нужно относиться к ним строго критически. Турецкие должностные лица по переписи населения собирали данные о народонаселении без соответствующей проверки на местах, халатно относились к своим обязанностям. «Собранный материал и все данные,— пишет Е. Хатанесян,— не были сконцентрированы в центральной статистической канцелярии. Часто посланные из вилайетов известия не доходили до центра, по всей вероятности пропадали в дороге. В центральной канцелярии некоторые цифровые данные были подвергнуты самовольным изменениям»[25]. Однако несмотря на все это, некоторые видные европейские статистики и географы, зная об ошибках и тенденциозных изменениях, сами уточняли данные переписи 1844 г., подсчитывали итоги и выводили весьма приблизительные цифры, которые и легли в основу многих работ, осветивших численность народов Османской империи.

В дальнейшем турецкое правительство время от времени и весьма нерегулярно издавало салнаме—ежегодники; содержавшиеся в них статистические данные большей частью осно-

---

[23] См. Enver Ziya Karal, Osmanlı İmperatorlugunda ilk nüfus sayımı 1831, Başvekilat Istatistik Um. Müd., Ankara, 1943; „Belleten", № 60, 1951, s. 617—628.

[24] М. А. Убичини, Изображение современного состояния Турции в географическом, статистическом, религиозном и военном отношениях, пер. с франц., СПб., 1854, стр. 8. По данным «Турецкого сборника» (СПб, 1868), население Османской империи составляло 26.550.000, в т. ч. 2,5 млн. армян. Численность армян во всем мире 3,5 до 4 млн. По статистике Дадиана, число армян свыше 5 млн. (см. А. Убичини и П. Де-Куртейль, стр. 35).

[25] *Ե. Խաչատուրեան, Հայոց թիվը, Բոստոն, 1965, էջ 4։*

ваны на догадках и предположениях. Особенно искажали численность христианских народов империи. Турецкое правительство из политических соображений всячески старалось показать число христиан, особенно армян, заниженным, искусственно увеличивая при этом число мусульман, и особенно турок. Ко всему этому нужно прибавить еще и то, что сами армяне старались не показать свою настоящую численность, чтобы перепись не служила, как заметил в свое время Бруссали, предлогом для установления новых налогов. Страшась их, армяне не смеют открыть свою настоящую численность даже собственному нотариусу. Другая причина кроется в том, что, боясь турок, многие армяне становятся под покровительство консулов, чтобы воспользоваться капитуляциями, т. е. изъятием из действий турецких законов, что очень легко осуществляется в Турции с помощью денежных взносов. С другой стороны, статистика 1844 г. не принимает во внимание большое число армянских деревень, расположенных в гористых местностях, куда курды тогда не пропускали правительственных агентов[26].

К указанным причинам нужно добавить еще и то, что часть армян, желая освободиться от тяжелого турецкого гнета и постоянного преследования, принимала исламское вероисповедание. Естественно, что эти армяне во время переписи 1844 г. также не входили в графу армян. Эти причины свидетельствуют о том, что в Османской империи число армян значительно превышало данные переписи 1844 г. Многие авторы, учитывая вышеуказанное, насчитывают армян в Турции от 3 млн. до 3.800.000. Бруссали в цитируемой нами выше статье утверждает, что общее число армян в Османской империи достигает 3.800.000 человек. Мкртич Дадиан в своей брошюре, использовав данные из турецких салнаме, пишет, что в 1870 г. численность армянского населения Османской империи доходила до 3 млн. 400 тыс., из которых 150 тыс. жили в Константинополе[27].

Даже по некоторым турецким салнаме численность армян доходила до 3 млн. 500 тыс. Так, согласно турецким официальным салнаме, в 1870 г. в Азиатской части Османской империи общая численность населения составила 17.216.000, из которых 3.600.000 армян[28]. По турецким салнаме в 50-х годах

---

[26] Les revendications de l'Arménie, par Jean Broussali, в „Revue française de l'étranger et des colonies", t. 3, 1886, p. 517. См. также „Турецкий сборник", стр. 180.

[27] Мкртич-бей Дадиан, Современное армянское общество, Армяне Оттоманской империи, пер. с франц., Тифлис, 1878, стр. 8.

[28] См. *Ա. Համբարյան, Ագրարային հարաբերությունները Արևմտյան Հայաստանում (1856—1914), Երևան, 1965, էջ 43։*

XIX в. в шести вилайетах армянское население составляло 3.015.000[29], которое по вилайетам распределялось так:

Сивасский	— 900.000 чел.
Каринский	— 65.000 »
Ванский	— 650.000 »
Багешский	— 400.000 »
Харбердский	— 500.000 »
Диарбекирский	— 500.000 »

Известный армянский общественный деятель, редактор либеральной газеты «Мшак», издававшейся в Тифлисе, Григор Арцруни в своем обращении 1867 г. к русскому правительству о помощи западным армянам писал, что в настоящее время численность армян в Турции превышает 4 миллиона. Это, конечно, преувеличено.

Константинопольский армянский патриарх Нерсес Варжапетян через своих представителей собрал статистические данные о численности армянского населения как в армянских вилайетах, так и в других вилайетах Османской империи, в которых проживали армяне. По далеко не полным данным, полученным патриархом, армянское население во всей Турции составляло 3 млн., из которых 400 тыс. в европейской части Турции и в Константинополе, 600 тыс. в Малой Азии и в Киликии, 670 тыс. в Малой Армении (Сивасский вилайет и санджак Кесари) и 1.330 тыс. в турецкой части Великой Армении (вилайеты Ван, Эрзерум, северная часть Диарбекирского вилайета и северная часть Сииртского санджака)[30].

В русском «Правительственном вестнике» 1878 г. указано, что в Османской империи проживает 3 млн. армян, из которых 400 тыс. в Константинополе и на Балканском полуострове, 2 млн. в Великой Армении, куда входили Ванский, Эрзерумский, Харпутский и верхний Месопотамский вилайет, 600 тыс. в Малой Азии и Киликии[31]. Газета «*Մշակ*» в 1878 г. писала, что в Османской империи численность армян доходила до 3 млн.[32] Карл Маркс в статье «К истории возникновения восточного вопроса», напечатанной в 1854 г., писал: «В Оттоманской империи имеется 13.730.000 греко-православных, 2.400.000 армян и 900.000 католиков. Каждая из этих групп в свою очередь делится на более мелкие... армяне—на григо-

---

29 См. газ. «*Հորիզոն*», *1913, փետրվարի 3, № 27*.

30 См. *Պրակիր կազմակերպական կանոնագրի Օսմանյան Հայաստանի, Կ. Պոլիս, 1878, էջ 30*.

31 «Правительственный вестник», 1878, № 112.

32 См. газ. «*Մշակ*», *1878, № 59*.

рианских и армян-католиков»[33]. Если к 2.400.000 армян-григориан прибавить армян-католиков, то, по данным Маркса, численность армян будет свыше 2,5 млн. Если учесть, что после переписи 1845 г. до русско-турецкой войны 1877—1878 гг. прошло 30 лет, в течение которых при нормальных жизненных условиях за счет естественного роста численность армян должна была с 2,5 млн. дойти до 5 млн., то при постоянном преследовании и притеснении армян со стороны турецких властей и курдских беков естественный рост был незначительным. Судя по приведенным выше данным, этот рост не превышал полмиллиона. Все это дает нам основание констатировать, что до русско-турецкой войны 1877—78 гг. численность армян доходила до 3 миллионов.

В общей численности населения Западной Армении по сравнению с турками и курдами армяне составляли подавляющее большинство[34]. Когда после Берлинского конгресса армянский вопрос особенно обострился и стал вопросом международной дипломатии, султанское правительство всячески стало усиливать турецкий элемент в армянских вилайетах, экономически разорять армян путем лишения последних земель и добиваться их вытеснения из их родины — Западной Армении. В этой своей политике оно стало действовать настолько откровенно, что приказывало местным властям: «Армян становится слишком много и нужно сократить их число». И в своих официальных нотах державам утверждало, что армяне в Западной Армении составляют абсолютное меньшинство и потому турки имеют полное основание называть ее «Курдистаном», ибо, по мнению турецких властей, курды якобы составляли «большинство»[35].

Между тем в связи с обсуждением в 1880 г. проекта о реформах в армянских вилайетах, как раз с согласия Германии и Турции было установлено, что в Ванском и Битлисском вилайетах армяне составляли свыше 50% общего населения, в Трапезундском вилайете—38%, в Диарбекирском, Харбердском и Сивасском вилайетах—32%[36].

В 1880 гг. турецкое правительство, для того чтобы доказать державам отсутствие в Турции армянского вопроса, часто прибегало к так называемой «переписи» населения. Так, министр иностранных дел Турции Абдин-паша в своей ответ-

---

33 К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., второе изд., М., 1958, т. 10, стр. 171.

34 См. ЦГИМ, ф. «Канцелярия», д. 26, 1878, л. 16, д. 28, л. 29.

35 АВПР, ф. «Политархив», д. 3449, л. 131.

36 См. *Ս. Սարգսյան, Արևմտահայության վիճակը XIX դարի վերջերին, Երևան, 1968, էջ 324—325։*

ной ноте послам держав в Константинополе от 5 июля 1880 г., основываясь на официальную «перепись», утверждал, что армян по всей империи не более 700.000 человек и что в Ванском, Диарбекирском, Битлисском, Эрзерумском и Сивасском вилайетах число армян достигает всего 17%, мусульман же—79% всего населения[37]. По «переписи» 1888 г. в девяти вилайетах—Алеппо, Адана, Трапезунда, Эрзерума, Вана, Битлиса, Диарбекира, Мамурет-уль-Азиза и Сиваса было 4.629.375 человек, которые распределялись по национальностям следующим образом: мусульман — 3.619.625, армян — 726.000 и других христиан — 283.000. Даже английский посол, жонглировавший армянским вопросом, нашел, что число армян в этих вилайетах уменьшено на 25%. Султанское правительство, чтобы свести на нет проект реформ 1895 г. в армянских вилайетах, снова прибегло к фальсификации численности армянского населения. Так, официозная газета «Sabah» писала, что армяне во всей империи составляют 997.369 человек[38].

Результаты официальных «переписей» турецкого правительства опровергаются опубликованными Лэаром данными. По данным Лэара, в 6 вилайетах проживало 1.630 тыс., в Киликии — 380 тыс., в Азиатской Турции — 455 тыс., в Измире—50 тыс., в остальной Европейской Турции—10 тыс. и в Константинополе — 135 тыс. Всего в Османской империи численность армян составляла 2 млн. 660 тыс. чел.[39].

О несостоятельности приведенных турецким правительством данных о численности армян в Турции свидетельствуют цифры в докладе к правительственному бюджету 1881 г., изданном в официальном салнаме, где говорится, что сумма всех налогов равна 462.870 лирам. В этом докладе говорится, что «число совершеннолетних мужчин (15—60 лет) в Турции равно половине числа христианского населения, и, следовательно, бюджет удвоится, если начнут взимать налог и с христиан». По этому счету число армян в Турции в 1884 г. должно было быть более 3.000.000[40].

Турецкие политические деятели как тогда, так и в последующие годы исказили действительную численность армянско-

---

37 М. Т. Ролен-Жекмен, Армения, армяне и трактаты, пер. с франц., в сб. «Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 г.». М., 1896, стр. 94. См. также *Հ. Պարոնյան, Երկերի ժողովածու, Երևան, 1965, հ. 4, էջ 394։*

38 *Հ. Պարոնյան, Արևմտահայերի ազատագրության հարցը, Երևան, 1968, էջ 207։*

39 Marcel Léart, La question Arménienne a la lumiére des documents, Paris, 1913, p. 59,

40 См. ЦГИА Груз. ССР, ф. 2 с, д. 3188, л. 43.

го населения Турции. Так, один из палачей армянского народа небезызвестный Талаат-паша в своих воспоминаниях старался «доказать», что в восточных вилайетах «Анатолии (т. е. подвластной Турции Армении. — *Е. С.*) армяне составляли меньшинство. Османы не отбирали у армян восточных вилайетов, армяне сами обратились за покровительством к османам, которые оказали им хороший прием и всегда к ним хорошо относились. И теперь вместо благодарности за все это они хотят отнять у Османской империи часть ее территории»[41].

Талаат-паша считает Западную Армению, завоеванную турецкими ордами, турецкой территорией, а армяне, по его мнению, как гости на этой территории, не должны иметь никаких претензий.

Впоследствии кемалистские деятели, продолжая политику младотурецких палачей в армянском вопросе, утверждали то же самое. Так, во время турецко-советских переговоров (июль—август 1920 г.) глава турецкой делегации министр иностранных дел кемалистского правительства Бекир Сами-бей, возразив народному комиссару иностранных дел РСФСР Чичерину создать армянский очаг в пределах Ванского и Битлисского вилайетов, заявил: «Повсюду в нашей стране армяне жили вместе с мусульманским населением. Армяне нигде не составляли национального большинства, они нигде не составляли даже 1/3 всего населения». Бекир Сами-бей в категорической форме заявил, что вопрос о выделении территории для Армении не может быть предметом обсуждения[42].

Современные турецкие историки и политические деятели в фальсификации исторических фактов не отстают от младотурецких деятелей. Так, проф. Тайиб Гокбилгин цинично пишет, что «в течение всей истории в восточных вилайетах, являющихся родиной турок, армяне с давних пор составляли незначительное меньшинство»[43]. Для доказательства «своих измышлений» он приводит данные, не имеющие ничего общего с действительностью. «Там (в Западной Армении.—*Е. С.*),— пишет он,— против четырех миллионов мусульманского населения имелось 600 тыс. христиан». Автор утверждает, что турки составляли подавляющее большинство населения Эрзерумского и Битлисского вилайетов, а в Диарбекирском вилайете процент армян даже не доходил до 5-ти[44].

---

[41] Talât Paşanın hatıraları, İstanbul, 1946, s. 58—59.

[42] Ali Fuat Cebesoy, Moskova hatıraları. См. газ. „Vatan", 14 и 21 марта, 1954 г.

[43] Prof. Tayyip Gökbilgin, Milli mücadele başlarken. Mondros mütarekesinden Sivas kongresine. Birinci kitab, Ankara, 1959, s. 73.

[44] Prof. Tayyip Gökbilgin, s. 114.

Другой турецкий историк Эсад Урас, преследуя ту же цель и останавливаясь на официальных данных турецкой статистики, пишет, что во всей Османской империи число армян составляло один миллион 161 тыс. и они даже в Битлисском, Эрзерумском, Ванском вилайетах не составляли большинства. Не было ни одного вилайета, санджака, даже нахие, где армяне составляли бы большинство[45].

Сенатор Сади Кочаш в своей книге «Армяне на протяжении истории и турецко-армянские отношения», стараясь «показать» законное владение турками Западной Арменией, советует великим державам не поднимать вопрос армянских земель в Турции, ибо и они в свое время овладели многими странами и об этом сейчас никто не говорит и все это ушло в область предания.

Сади Кочаш, продолжая «доказывать» права турок на захваченную ими Западную Армению, приводит статистический материал относительно численности армян, почерпнутый им из турецких официальных переписей населения и из работ туркофильских авторов. Из приведенных Кочашем цифровых данных он заключает, что армяне в Западной Армении составляли не более 13% общего состава населения[46], следовательно, для создания автономной Армении не было необходимых условий и численного перевеса над турками и курдами, среди которых они были рассеяны. Очень трудно было даже в пределах одного вилайета найти хоть один район, где армяне составляли бы большинство[47].

Многие европейские и русские дипломатические представители, военные агенты в Турции, путешественники и исследователи, выполнявшие заказы своих правительств, стремившихся свести на нет армянский вопрос в Турции, при определении численности армян в Османской империи за основу приняли вышеприведенные нами данные турецкой официальной «статистики».

Так, французский исследователь Виталь Кинэ, основываясь на турецкой «статистике», утверждал, что ни в одном из шести вилайетов Западной Армении армяне не составляют большинства населения. Для сведения на нет проекта реформ в Армении царская дипломатия прибегла к выдуманной в 1880 г. «переписи» населения Абедин-паши, которую в свое время вместе с другими державами царские дипломаты считали несоответствующей действительности и переписью не

---

[45] Esat Uras, Tarihte ermeniler ve ermeni meselesi, s. 145—147.

[46] Sadi Koçaş, senator, Tarih boyunca Ermeniler ve türk-ermeni ilişkileri, Ankara, 1967, s. 259.

[47] Sadi Koçaş, s. 260.

внушающей доверия. Но в 1895 г. эти же данные «переписи» Абедин-паши в глазах царизма стали несомнительными и достоверными.

Так, царский генерал Зеленый в 1885 г., основываясь на «переписи» Абедин-паши, писал, что в шести армянских вилайетах количество армян не превышало 650.000 и по вилайетам распределялось так:

Ванский	вилайет	— 103.000
Эрзерумский	»	— 120.000
Битлисский	»	— 154.000
Сивасский	»	— 123.000
Диарбекирский	»	— 70.000
Харпутский	»	— 80.000

Тот же Зеленый в другом месте пишет, что в 6 вилайетах общее число населения доходило до 3.580.000, из них 700 тыс. армян, что составляло 18% ко всему населению.

Приведенные данные опровергаются русскими же военными агентами в Османской империи и другими авторами, объективно осветившими статистику Западной Армении.

В Центральном государственном военно-историческом архиве имеется докладная записка русского военного агента, показывающая подробно по отдельным вилайетам и казам численность населения Западной Армении по национальному признаку. Автор записки, использовавший многочисленные источники, считает, что общая численность армян во всей Османской империи составляла 2.700 тыс.[48]. По данным Кавказского отдела Русского географического общества число армян в Турции достигало 2,3 млн., из них $1^1/_2$ млн. падало на Западную Армению, 400 тыс. — на другие области Азиатской Турции и столько же на Европейскую, главным образом, Константинополь — 250 тыс.[49]

По сведениям 1889 г., собранным одним из дипломатических агентов, в казах (уездах) Муш, Битлис, Буланых, Ахлат армяне составляли от 50 до 65% всего населения. В казе Ван — 80%, в г. Эрзеруме — 30%[50]. По данным французского исследователя Людвика де Контансона, относящимся к 1900 г., в восточных вилайетах 1.133.779 армян, что составляет 41,3% всего населения этих вилайетов.

И. Флеровский в своей статье «Армяне», использовав данные Л. Де Контансона, пишет: «По отдельным санджакам от-

---

[48] См. ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3870, л. 1—16.

[49] Журн. «Современник», ноябрь 1914, стр. 188.

[50] См. ЦГИМА, ф. 543 (Царскосельское), оп. 1, д. 751, л. 254.

носительное к остальному населению число армян еще значительнее и выражается следующими цифрами: Ванский санджак—50%, Мушский — 45%, Битлисский — 33%, Сгертский — 30%, Аданский — 29%, Эрзерумский — 25%, Кесарийский санджак — 23%, Диарбекирский — 23%[51]. Французский исследователь Элизе Реклю, пользуясь наиболее достоверными источниками, писал, что число армян в Османской империи достигало 2.500.000[52]. То же утверждал русский исследователь В. Н. Филиппов, отмечая, что число армянского населения составляло около 2.500.000[53]. Другой французский автор Морис Перно в своей книге «Турецкий вопрос» писал, что в Турции проживало 2.500.000 армян[54]. Русский консул в Эрзеруме сообщал, что в Баязетском санджаке, не считая город Баязет, турецкого населения почти нет. А во всем Битлисском вилайете турки составляют всего 4%[55].

Известный исследователь Армении англичанин Линч, собравший на месте огромный материал, лежавший в основе его капитального двухтомного объемистого труда об Армении, касаясь численности армянского населения в Западной Армении, писал: «В Ванском вилайете они (армяне. — *Е. С.*) в сравнении с количеством мусульманского населения составляют большую силу... Если взять вилайет в целом, за исключением, конечно, Хаккяри, они превышают почти на одну треть итог мусульманского населения. В городе Ване соотношение между армянами и турками приблизительно такое, как два к одному. В Битлисском вилайете они составляют большинство в окрестностях Муша и в плодородной Буланикской области к северо-западу от оз. Ван. Мусульмане, напротив, преобладают в менее людном Харпутском санджаке и в казе или административном подразделении Палу»[56].

Даже ярый туркофил Чарк, восхвалявший турецкое господство в Западной Армении и утверждавший, что армяне в Османской империи равноправные соотечественники, пользовавшиеся всеми правами, пишет, что по статистическим данным 1897 г. численность армян в Турции составляла бо-

---

51 См. «Современник», ноябрь 1914, стр. 188.

52 *Էլիզե Ռեկլյու, Լազիստան և Քուրդիստան, Փոքր Ասիա, Միջագետք, Ասորիք և Պաղեստին, Վաղարշապատ, 1893, էջ 70։*

53 В. Н. Филиппов, Военное обозрение азиатской Турции, 1881, см. ЦГВИА, ф. 450, д. 533, л. 47.

54 Maurls Pernot, La Question Turque, Рукопись перевода этой книги хранится в архиве Груз. филиала Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 11, д. 29, л. 615.

55 См. «Известия Министерства иностранных дел», 1913, кн. II, стр. 112.

56 Ф. Б. Линч, Армения. Путевые очерки и этюды, т. II, стр. 546.

лее 2.300 тыс. человек, подавляющая часть которых жила в Анатолии[57]. Приблизительно эти же данные мы находим у известного французского историка Жака де Моргана, отмечавшего, что из 4 млн. 160 тыс. армян, насчитывающих до 1914 г., 2.230.000 человек проживало на территории Турции, 1 млн. 500 тыс.— в России, 64 тыс.— в Персии, остальные— в других странах[58].

Из приведенных выше различных данных видно, что численность армянского населения в Османской империи к концу XIX в. доходила до 2,5 млн., из них в Западной Армении— 1,5 млн. и в процентном соотношении превышала турок и курдов, взятых в отдельности[59]. При нормальных жизненных условиях армянское население должно было в последующие годы увеличиться за счет естественного роста. Но в результате систематически проводимой турецким правительством по-

---

[57] I. G. Çark, Türk devleti hizmetinde Ermeniler, 1453—1953, Istanbul, 1953, s. 240.

[58] Jacques de Morgan, Histoire du peuple Armenien, Paris, 1919, p. 294.

[59] Эту же цифру подтверждает Ерванд Хатанесян в работе «Численность армян». Для выяснения более или менее достоверного числа армян в Западной Армении он брал за основу данные константинопольского армянского патриарха, которые были представлены Берлинскому конгрессу. По данным патриарха, численность армян в Западной Армении составляла 1 330 000. Сюда не входили 100 тыс. армян, проживавших на той части территории Западной Армении, которая по Сан-Стефанскому миру перешла к России. Чтобы определить численность армян к 1915 г., т. е. накануне геноцида, Хатанесян с 1878 по 1915 гг. делит на три периода: с 1878 до 1895 гг., когда в Армении не было массовой резни, насильственного выселения и заметного течения эмиграции, естественный рост армянского населения, по Хатанесяну, составляет три процента, хотя и в нормальных условиях армяне дают 4 проц. роста. Второй период—с 1895 по 1898 гг., когда в результате массовой резни, организованной турецким правительством, и вынужденной массовой эмиграции армянское население Западной Армении уменьшилось более чем на 300 тыс. чел. Учитывая все это, до 1906 г. естественный рост армян Хатанесян считает 2%, а с 1906 г. по 1915 г., если не считать Аданскую резню, в результате которой погибло свыше 30 тыс. армян, естественный рост армян доходит до 3%. На основании этих подсчетов Хатанесяна численность армян в Западной Армении должна была быть 2 623 000. Но перед геноцидом численность армянского населения в Западной Армении составила лишь 1,5 млн. Куда же делись один миллион армян. На это Хатанесян отвечает, что один миллион исчез в результате насильственной исламизации, туркизации, курдизации и отдельных убийств.

литики экономического притеснения и резни армянское население в Западной Армении шло на убыль, что видно из отчета русского посла в Константинополе, представленного в министерство иностранных дел в 1913 г. В отчете указывается, что потеря армян во время резни 1894—1896 гг. составляла (учитывая умерших от голода и лишений) 350 тыс. чел. С 1880 по 1910 гг. из армянских вилайетов бежали в Россию 70 тыс., в Болгарию, Румынию и Египет 60 тыс. и в Америку и другие страны не менее 70 тыс.[60] «Из одного Битлиса,— пишет Термен, — эмигрирует в Америку ежегодно 30 тыс. армян. А ведь это все работники, производители, поэтому многие земли остаются необработанными»[61]. Положение армян еще более ухудшилось после прихода к власти младотурецкой партии в 1908—1909 гг., устроившей в 1909 г. массовую резню армян в Киликии, в результате которой погибло 30 тыс. армян.

Жестокая жизнь армян в Западной Армении заставила десятки тысяч мужчин в поисках сносных условий работы оставить свои семьи и переехать в другие страны, чтобы прокормить и себя и поддержать семью на родине. Покидавшие Западную Армению вследствие постоянного притеснения, разбоя и экономического разорения армяне в своем письме от 27 октября 1885 г. министру иностранных дел России, прося помочь армянам Западной Армении освободиться от кровавого турецкого ига, отмечали: «Армянский народ обрекается на гибель; гибнут люди, уничтожаются хозяйства; проводится в жизнь план истребления. Со времени 61 статьи Берлинского трактата турецкое правительство, применяя скрытую систему, направляет все свои усилия к истреблению армянской нации на ее родине». Все это, говорится далее в письме, вынуждает армян покинуть пределы своей родины. Так тысячи отцов семейств оказываются за границей, и ежедневно пополняются их ряды. Вдали от семей они бродят по свету, изыскивая все средства, чтобы вернуться к милым их сердцу очагам и к своим несчастным детям. Они тоскуют за границей по своим семьям, в то время как их семьи — отцы, матери, дети — гибнут от нужды и лишений на родине. «Мы хотим иметь возможность, — говорится в заключение письма, — вернуться на свою родину, жить там и мирно обрабатывать священную землю, завещанную нам нашими предками, полившими ее своей кровью. Мы говорим от имени лишенных родины отцов, тоскующих по своим детям, от имени

---

60 ЦГВИА, ф. 200/с. оп. 1, ед. хр. 991, лл. 554—560.

61 Р. И. Термен, Отчет о полевой поездке 1907 г. в Ванском, Битлисском и Диарбекирском вилайетах, Тифлис, 1909, стр. 71.

сыновей, которые были вынуждены покинуть родителей и сестер не для того, чтобы избежать пыток, а чтобы, спасшись самим, обеспечить своим несчастным семьям кусок хлеба»[62]. Массовое отходничество значительно снизило деторождаемость, а царившая бедность жестоко отражалась на смертности детей в Армении. Все это приводило к уменьшению численности армян в Западной Армении.

Об убыли армянского населения говорит и нижеприведенная сравнительная таблица:

Таблица 1

	1882	1912	Прирост	Уменьшение
В Турецкой Армении	1·630.000	1.018·000	—	612.000
Киликии	380.000	407.000	+ 27.000	
В др. местах Османской империи	650·000	675.000	+ 25.000	
Итого	2.660.000	2.100.000	+ 52.000	612.000

Приведенные в этой таблице цифры показывают, что в течение 30 лет армянское население Западной Армении уменьшилось на 612 тыс. Это является ярким доказательством политики преследования, гонения, экономического порабощения, насильственной исламизации и физического истребления султанским правительством армян в Западной Армении. Что же касается армян, живших за пределами Западной Армении — в Киликии и других вилайетах и городах Османской империи, в отношении которых турецкое правительство не проводило политику систематического преследования и истребления, в тот же 30-летний период они несколько увеличили свое число за счет естественного прироста.

По сведениям армянского патриаршества Константинополя, в 1880 г. в Ванском вилайете армян насчитывалось около 300 тыс., а в 1910 г. их осталось лишь 150 тыс. В Мушском санджаке (с Сасуном) в 1880 г. армян было 120 тыс., в 1910 г. их число уменьшилось до 55 тыс. В 1870 гг. весь юго-восток Мушской равнины был еще сплошь населен армянами, в 1910 г. там осталось только 6 армянских селений, остальные 30 были курдами или армянами, принявшими ислам и уже обратившими себя в курдов. Лишь названия селений

[62] АВПР, ф. «Константинопольское посольство», д. 3133, л. 27.

свидетельствовали о том, что они раньше были населены армянами. Все территории к юго-востоку от Муша по склону Тавра в 70—80-х годах XIX в. были населены армянами, в первом же десятилетии XX в. большинство из них уже было заселено курдами. «Встречающиеся всюду среди турецких и курдских селений развалины армянских церквей, крепостей и кладбищ также свидетельствуют о том же, — писал надворный советник Вышинский, — что ныне мусульманские области еще недавно были армянскими. В казе Мотки теперь живут почти исключительно курды. Армян считается здесь не более 10%, а лет 60 тому назад это была еще чисто армянская область. В казе Хойт то же самое — сейчас армяне составляют лишь около 50%, а еще лет 40—50 тому назад это была область сплошь армянская. Тортумская область, к северо-востоку от Эрзерума, в настоящее время почти сплошь мусульманская, а между тем здесь сохранилась масса армянских памятников: развалины крепостей, церквей и проч. — было время, когда этот край был населен почти исключительно армянами, впоследствии принявшими ислам и отуречившимися. Исчезновение здесь армян происходит почти на глазах у современников: здесь еще во многих селениях можно встретить турок, отцы которых были еще христианами и даже носили чисто армянские имена»[63].

«Английский вице-консул Диарбекира, — пишет Термен,— ездивший по Битлисскому вилайету со специальной комиссией изучить положение армян, передавал мне следующие цифры: в 6 селениях Ахлатской казы 5 лет тому назад было 725 семейств, теперь же 575, но из них только 35 имеют собственное хозяйство, 226 семейств мирибэ, остальные 312 живут поденной работой, слуги или нищие. В Буланыкской казе в 26 посещенных им селениях было прежде 3890 семейств, теперь же всего 958, т. е. выселилось 2832 семейства (73%)»[64].

Несмотря на все антиармянские мероприятия турецкого правительства—уменьшить в процентном отношении число армян в Западной Армении, армяне не потеряли преобладающей своей численности в отношении турок и курдов, взятых в отдельности, что показывает нижеприведенная таблица, со-

---

[63] ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, ед. хр. 991, лл. 432—447. Записка по армянскому вопросу надворного советника Вышинского, Эрзерум, 23 ноября 1912. О насильственной исламизации см. *Հ. Յակոբոս Վ. Տաշեան, Հայ բնակչութիւնը Սև ծովեն մինչև Կարին, Պատմական-ազգագրական հարեւանցի ակնարկ մը, Վիեննա, 1921։ Յակոբ Շահպազեան, Քուրդո-հայ պատմութիւն, Վ. Պոլիս, 1911, էջ 92, 93, 111։*

[64] Термен, указ. раб., стр. 71.

	Эрзерум	Ван	Битлис
Турки	240.000	47.000	40.000
Черкесы (эмигр.)	7.000	—	10.000
Персы	13.000	—	—
Лазы	10.000	—	—
Цыгане	—	3.000	—
Оседлые курды	35.000	32.000	35.000
Кочевники курды	40.000	40.000	42.000
Кызылбаши	25.000	—	8.000
Заза-тмбли-шариклис	30.000	—	47.000
Езиды	3.000	25.000	5.000
Армяне	215.000	185.000	180.000
Несториане, ягубы и халдеи	—	18.000	15.000
Греки и др. христиане	12.000	—	—
Итого	630.000	350.000	382.000

Таблица 2

Харберт	Диарбекир	Сивас	Итого	%
102.000	45.000	192.000	666.000	25,4
—	—	45.000	62.000	3,4
—	—	—	13.000	
—	—	—	10.000	
—	—	—	3.000	
75.000	30.000	35.000	242.000	9,2
20.000	25.000	15.000	182.000	7,1
80.000	27.000	—	140.000	5,3
—	—	—	77.000	2,9
—	4.000	—	37.000	1,4
168.000	105.000	165.000	1018.000	38,9
5.000	60.000	85.000	123.000	4,7
—	—	30.000	42.000	1,6
450.000	296.000	507.000	2615.000	100%

ставленная нами на основании данных Константинопольского патриарха[65] (см. табл. 2).

Как показывают цифры таблицы[66], армяне в Западной Армении перед первой мировой войной составляли 38,9%, турки—25,4%, курды—кызылбаши, заза и др.—24,5% всего населения. Таким образом, число армян было больше числа турок и курдов, взятых в отдельности. Турецкое же правительство, чтобы показать число армян меньше, сопоставляет их число с числом турок и курдов, взятых вместе, оправдывая это тем, что последние исповедуют одну и ту же религию. Если к данным Константинопольского армянского патриарха 1912 г. — 2.026.000 прибавить 3% естественного роста, то численность армян во всей Турции к 1915 г. составит 2.213.697, из коих 1,5 млн. в Западной Армении. Это дает нам основание констатировать, что в 1915 г. процентное соотношение армян Западной Армении ко всему ее населению составляло около 41%, а процент турок и курдов, взятых в отдельности, был еще ниже, чем указано в вышеприведенной таблице.

Итак, результатом четырехсотлетнего господства турецкого военно-деспотического режима в Западной Армении было то, что если в XVII в. армяне составляли 98% всего населения, а мусульмане — всего 2%, то до массовой резни армян в 1915—1916 гг. их процентное соотношение ко всему населению снизилось до 41%.

Младотурецкое правительство завершило армяноубийственную политику турецких султанов в годы первой мировой войны и добилось полного очищения Западной Армении и Киликии от их коренного армянского населения путем массового выселения и геноцида армян. Это был первый геноцид в истории человечества, стоивший армянскому народу полтора миллиона человеческих жизней.

Ե. Ղ. ՍԱՐԳՍՅԱՆ

ՕՍՄԱՆՅԱՆ ԿԱՌԱՎԱՐՈՒԹՅԱՆ ՎԱՐՉԱԿԱՆ ԵՎ ԴԵՄՈԳՐԱՖԻԿԱԿԱՆ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ԱՐԵՎՄՏՅԱՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ

Ա մ փ ո փ ո ւ մ

Հոդվածում թուրքական, եվրոպական, հայկական և ռուսական աղբյուրների և գրականության հիման վրա լուսաբանվում է օս-

65 В конце 1912 г. по распоряжению Константинопольского армянского патриарха, повсеместно по Турции епархиальными начальниками была проведена перепись армянского населения, результаты которой в 1913 г. были представлены послам великих держав в Константинополе, занимавшихся тогда армянским вопросом.

66 См. ЦГИА Груз. ССР, ф. 2с, д. 3188, л. 43.

մանյան կառավարության վարչական և դեմոգրաֆիկական քաղաքականությունը Արևմտյան Հայաստանում՝ սկսած վերջինիս Թուրքիայի ռազմա-ֆեոդալական լծի տակ վերջնականապես ընկնելուց (1639 թ.) մինչև 20-րդ դարի առաջին տասնամյակը: Ցույց է տրվում, որ մինչև 19-րդ դարի երկրորդ կեսը Թուրքիայի վարչական բաժանումը սերտորեն կապված էր թուրքական կառավարության ագրարային, հարկային և ռազմական քաղաքականության հետ:

19-րդ դ. երկրորդ կեսից, ավելի ճիշտը 1878 թ. Բեռլինի կոնգրեսից հետո, երբ հայկական հարցը դարձավ միջազգային դիվանագիտության հարց, մեծ պետությունները այն օգտագործեցին Թուրքիայի համար մղված պայքարում ուժեղացնելու իրենց տնտեսական և քաղաքական դիրքը կայսրության ներսում: Սուլթանական կառավարությունը հայերի նկատմամբ էլ ավելի ուժեղացրեց տնտեսական կեղեքումը, հողազրկումը և հետապնդումը: Այդ կապակցությամբ էապես փոխվեց նաև սուլթանական կառավարության վարչական և դեմոգրաֆիկական-վիճակագրական քաղաքականությունը Արևմտյան Հայաստանում: Սուլթանական կառավարությունը, ջանալով ցույց տալ, որ Թուրքիայում հայկական հարց գոյություն չունի, դիմում էր ամեն մի խարդախ միջոցի՝ հայերի թիվը Արևմտյան Հայաստանում պակաս ցույց տալու համար: Քաղաքական այդ նպատառումից ելնելով 19-րդ դ. երկրորդ կեսից Արևմտյան Հայաստանի վարչական կառուցվածքը նա հաճախ փոփոխության էր ենթարկում: Հայաշատ հայկական վիլայեթներին միացնում էր թուրքաբնակ և քրդաբնակ շրջաններ, որպեսզի նվազեցնի հայերի տոկոսային գերազանցությունը մահմեդական ժողովուրդների նկատմամբ: Հետապնդելով այդ նույն քաղաքականությունը, սուլթանական կառավարությունը հաճախ դիմում էր մարդահամարի վիճակագրական տվյալների միտումնավոր նենգափոխմանը: Իր պաշտոնական հրատարակած սալնամեներում Արևմտյան Հայաստանի 2,5 մլն. հայերի թիվը նվազեցնում էր մինչև 700 հազարի:

Հոդվածում բազմաթիվ տվյալների հիման վրա ցույց է տրվում, որ չնայած սուլթանական կառավարության հայաջինջ քաղաքականությանը, հայերը իրենց հայրենիքում՝ Արևմտյան Հայաստանում մինչև նրանց մասսայական տեղահանումը և ֆիզիկական բնաջնջումը 1915—1916 թթ. կազմում էին ամբողջ աղգաբնակչության գերակշռող տոկոսը:

Г. Б. АКОПОВ

КУРДЫ И КУРДСКИЙ ВОПРОС В ТУРЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Курды — наиболее многочисленное национальное меньшинство Турции[1]. Одновременно с этим турецкие курды составляют значительную часть курдского народа, — около его половины[2]. Отсюда — особый интерес науки к курдскому вопросу в Турции и вместе с тем к данным турецких источников о курдах.

Несмотря на этот интерес, турецкие источники изучены до того слабо, что ныне мы располагаем всего лишь одним их обзором объемом в газетную статью[3]. Но дело, конечно, не в объеме, а в том, что обзор этот не дает должного представления о турецком курдоведении в целом. Этим объясняется отчасти тот факт, что в последнее время и в нашем курдоведении наблюдается тенденция, когда история курдов, в том числе и курдского вопроса в Турции, «изучается» без данных турецких источников и литературы[4]. Это оправдывается тем, что-де в них нет материалов, заслуживающих внимания. Цель настоящего очерка — показать несостоятельность этих аргументов: как ни скудны сведения турецких источников, они содержат немало данных с курдах и курдском вопросе в Турции; курдский вопрос — это вопрос борьбы курдов против турецкой реакции, вопрос противоборства двух идеологий, и очевидно, что без их изучения невозможно научное освещение истории этого вопроса.

---

[1] «Население мира», М., 1965, стр. 236.

[2] خلاصة تاريخ الكرد وكردستان ، ج ١ القاهرة ١٩٣٦ ص ٣٩

[3] „Roja Newe" 15 mayis 1963.

[4] Таковы, в частности, вышедшие недавно в свет работы Н. А. Халфина, «Борьба за Курдистан» (М., 1963) и М. С. Лазарева, «Курдистан и курдская проблема», М., 1964.

Но одно дело материалы, другое — наука, литература о курдах и тот факт, что ныне в Турции фактически нет курдоведения как научной дисциплины[5]. Это объясняется отсутствием курдоведческих традиций турецкой историографии[6], а отсутствие таких традиций — целым рядом исторически обусловленных моментов.

Как известно, турки на Ближнем Востоке появились в XI—XII вв. Отсюда, во-первых, не имея связей с курдами, турки не могли иметь о них какое-либо представление. Во-вторых, несмотря на модные среди турецких историков тенденции третирования «варваров-курдов», культурные связи этих двух народов развивались так, что исторически активной стороной в них были не турки, а курды[7]; вопреки попыткам И. Конялы доказать обратное[8], известно, что арабский алфавит, например, турками воспринят был у курдов[9]. В этом плане неудивительно, в-третьих, что в то время, когда в Курдистане жили и творили такие выдающиеся представители средневековой историографии, как Абу-Ханифа ад-Динвари[10], Ибн аль-Асир[11], Абуль-Феда[12] и другие[13], турки не имели историографической литературы. Отсюда неудивительно, что в то время, когда нет турецких источников по истории курдов, в изучении своей истории турецкие авторы обращаются к трудам не только арабских, персидских и армянских авторов[14], но и средневековых курдских историков; в их числе отметим известного курдского историка, везира султана Селима Идриси

---

[5] D. K. Sthhesenanli. Kürtler meuşel ve kürt dili incelemeleri. Istanbul, 1963. s. 5.

[6] Об этом см. Г. Б. Акопов, Критический обзор версий туранийско-турецкого происхождения курдов. «Вестник общественных наук», № 4, 1966, стр. 25.

[7] Н. Я. Марр, Еще о слове «челеби», ЗВО, т. XX, II—III, 1911, стр. 124.

[8] Konyali J. Türkler ve arap yazısı, „Tarih Hazinesi", № 8, Istanbul, 1951, s. 390—393.

[9] О. Л. Вильчевский, Библиографический обзор зарубежных курдских печатных изданий в XX столетии, «Иранские языки», I, Л., 1945

[10] Ростем-хан Дунбули, «Ишарат оль-Мазахеб», фонд персидских рукоп. Матенадарана СМ. Арм. ССР, инв. № 622, л. 51.

[11] Шараф-хан Бидлиси, Шараф-наме, каирск. изд., стр. 101—102.

[12] Лен-Пуль, Мусульманские династии, стр. 69.

[13] О них см. например: П. Лерх, Исследования об иранских курдах и их предках..., кн. I, СПб, 1856, стр. 32.

[14] Отметим изданные на турецком языке извлечения из армянских источников по истории Турции,— H. D. Andriasyan. Türk tarihine ait Ermeni kaynaklar, cilt I, Istanbul, 1949—1950.

Битлисского[15] и особенно эмира Шараф-хана Бидлисского, автора изданного недавно и на русском «Шараф-наме»[16].

Все это не означает, однако, ни отсутствия средневековой турецкой историографии, ни того, что в трудах отдельных ее представителей встречаются интереснейшие сведения по истории как курдов, так и других народов, в том числе и армянского[17]. Наиболее ранние из таких сведений мы находим в تاج التواريخ — «Венце историй» крупного турецкого историка XVI в. Мовлана Саадэддина. Начав возвышаться еще при султане Селиме, он был наставником Мурада III и, как отмечает Бидлиси, пользовался при дворе «большим доверием и расположением», вмешиваясь нередко, — конечно, при обычном в таких случаях «пишкеше», — в тяжбы курдских феодалов[18]. Близость ко двору обеспечивала Мовлану Саадэддину достаточную осведомленность в курдских делах, — не случайно его «Венцом историй» пользовались как средневековые курдские историки, например, Бидлиси[19], так и современные[20]. Но зато его не очень жалуют нынешние турецкие историки, — во всяком случае, ни в одной их работе мы не нашли упоминания о «Тадж ат-таварихе», о имеющихся в нем данных о курдах.

Немало интересных сведений имеется в «Книге путешествий» — سياحت نامه известного турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби. Эти данные разбросаны по многим томам его «Книги» (Стамбул, 1896). Но особенно много их в III томе, где мы находим собранные автором во время путешествий 1648—1650 гг. данные о курдах прилегающих к Урмии и Сивасу районов; некоторые сведения имеются в IV томе, в частности в разделах, рассказывающих о путешествиях автора в район Вана, в Иран и Ирак. Особый интерес представляют данные о курдах, собранные в V томе «Книги путешествий», посвященном описанию его движения из Мосула в Курдистан и из Эрзерума в Стамбул; весьма ценны приводимые здесь сведения о переселении отдельных курдских пле-

---

15 О нем см., например: «Шараф-наме», каирск. изд., стр. 448—451.

16 Шараф-хан Бидлиси, Шараф-наме, т. I, М., 1967.

17 Так, в последние годы Сектором востоковедения АН Арм. ССР в переводе А. Х. Сафрастяна издано три тома «Турецких источников по истории Армении, армян и других народов Закавказья»,— т. I, 1961; т. 2, 1964; т. 3, 1967 (на арм. яз.).

18 «Шараф-наме», каирское изд., стр. 290.

19 Там же, стр. 31—32.

20 „Roja New!", 15 mayis 1963.

мен с юга на север, в район Эрзерума и вообще Западной Армении.

Не меньше данных о курдах содержится в جهانما (Стамбул, 1733) другого автора XVII в. Катиба Челеби. Эти его данные давно известны в курдоведческой литературе[21]. Поэтому, не касаясь их, отметим тот факт, что при всем их интересе сведения Катиба Челеби в основной массе — это не оригинальные материалы, а всего лишь заимствования из трудов того же Идриси и особенно Бидлиси[22]. Нельзя, кроме того, не отметить и тот подмеченный курдскими авторами факт, что турецкие историки, отрицая национальность курдов и их историю, умышленно обходят «невыгодные» данные турецких историков[23], — в той мере, что в являющейся единственной в Турции работе по истории курдов книге Ф. Кырзыоглу «Курды» имеется всего лишь одна ничего не говорящая цитата из книги Эвлия Челеби[24].

Из этого видно, что дело не только в отсутствии традиций, но и в «нигилистическом» отношении современных турецких авторов к «османским историкам», доходящим до того, что тот же Кырзыоглу обрушивается на них за то, что в их трудах курды названы курдами, а Армения... Арменией[25], поскольку для него никогда никакой Армении не существовало, а курды — это всего лишь «одичавшие турки».

Рассмотренные факты подводят к пониманию некоторых особенностей современного турецкого курдоведения. Речь идет об отсутствии у него традиций. Дело в том, что цитируемое «открытие» Кырзыоглу, имея в турецкой литературе глубокие корни, свидетельствует о том, что зарождение интереса к курдам в Турции было обусловлено не научными, а политическими целями. Поэтому, говоря о современном турецком курдоведении, нужно иметь в виду не столько науку, сколько вопрос об освещении «внеполитичной» буржуазной турецкой историографией курдского вопроса, в частности в Турции.

В XVI в. курдские феодальные княжества Армении и Западного Курдистана были завоеваны Селимом и включены в состав Османской империи. Несмотря на ряд антитурецких выступлений курдских феодалов, вплоть до XIX в. они в об-

---

21 Наиболее полно их извлечения,—F. B. Charmoy, Chezef-Nameh t. I, pt. 1, Sbg. 1868.

22 А. А. Папазян, Труды Кятиба Челеби как источник по истории Армении (XVIII в.), М., 1967, стр. 9, 14—15.

23 عبد العزيز ياملكى ، كوردستان وكورد اختلالرى ، تهران ، ١٩٤٦ ص ١٥

24 Z. Kırzıoğlu, Kürtler. I Bölüm, Istanbul, 1964, s. 127—128.

25 Там же, стр. 49—50.

щем ладили с султанскими властями. Поэтому в Турции той эпохи не было того, что ныне мы называем курдским вопросом; не было и характерной для современности обостренности курдско-турецких отношений. Именно этим объясняется, что в трудах средневековых турецких авторов мы находим, хоть и обрывчатые и неполные, но вполне объективные данные о Курдистане, его княжествах, населении, особенностях его быта, культуры и языка. Основная масса этих сведений известна в европейской науке[26] и не требует специального представления. Отметим лишь, что в настоящее время в Турции ведется широкое изучение средневековых документов — различного рода грамот, налоговых реестров, в которых имеется немало данных и о курдских районах. Наиболее ценным из работ этого типа является книга К. Кемаля о Юго-Восточной Турции[27]. Некоторые относящиеся к XVI—XVIII вв. фирманы приведены Ахмед Рефиком в «Турецкие ашираты Анатолии»[28]; впрочем, автор не различает национальности «турецких аширатов Анатолии», и это затрудняет использование его книги в курдоведческом плане. Кстати, некоторые данные о курдах А. Рефик сообщает и в «Большой всемирной истории»[29].

Для более близких нам времен, в частности XIX в., определенный интерес представляют справочные и обзорные издания типа ولايات شرقيه Али-Мири-Эфенди, а также ежегодники «Сал-наме». В их числе статью о курдах мы находим, например, в «Ежегоднике Османской империи» от 1312 г. х. سالنامه دولت عليه عثمانيه. Аналогичные статьи имеются в отдельных областных «Сал-наме», например, تاريخچه ارضروم от 1294 г. х., изданного там же в Стамбуле. Особо следует отметить опубликованную в этом «Сал-наме» от 1301 г. х. статью о курдах деда Зия Гёокальпа, Тоуфик-эфенди Рифатлу Муфтизаде, интересную, кстати сказать, тем, что автор отвергает пантюркистские взгляды на курдов, в том числе и на их язык.

Некоторые сведения по истории курдов встречаются в трудах турецких историков, посвященных истории отдельных областей и городов. К их числу относится, например, изданная в 1922 г. в Стамбуле книга Нюсрет Мехмета, ديار بكر.

---

[26] Наиболее полное их извлечение см.: F. B. Charmoy, t. I, pt. 1, 1868.

[27] K. Kemal, Anadolu'nun Doğu ve Cenupdoğusu. Ankara, 1933.

[28] Ahmet Refik (Altinay), Anadolu'da Türk aşiretleri. Istanbul, 1930.

[29] احمد رفيق ، بيوگ تاريخ عمومى ، جلد ، استانبول ١٩١٠

436—25

Истории той же области Эрзерум и обитающим там курдам посвящено исследование М. Инчана «Erzerum»[30], ему же принадлежит небольшая работа того же содержания «Bitlis»[31]. Некоторые сведения о курдах Эрзерума имеются в I томе изданной в 1936 г. в Стамбуле работы А. Ш. Бейгу «Erzerum tarihi». Такой же характер носят работы И. Кеоктина „Kars tarihi öncesi hakkında ilk rapor"[32] и его же „Kars tarihi öncesi". Из работ этого типа следует особо отметить وان تاريخى وكوردلر حقنده تتبعات В. Юнювера и „Kars tarihi" Ф. Кырзыоглу, о которых—далее особый разговор.

Кроме таких локальных «Историй», вопросы истории курдов затрагиваются также в работах, посвященных истории Турции, и в модных среди турецких историков, но компелятивных «Всеобщих историях». Кроме отмеченной работы Ахмета Рефика этого типа, отметим مرات العبر مفصل تاريخ عمومى диарбекирца Саид-паши (Стамбул, 1306), в VIII томе которой дается история Диарбекира и Мосула и некоторых населенных курдами районов Ирака. К работам этого типа следует отнести и تاريخ جودت Ахмета Джевдета (Стамбул, 1309—1893), особенно ее IX том, в котором имеются сведения о некоторых событиях XIX в. на территории Курдистана. Не лишена интереса и изданная в 1878 г. в Стамбуле تاريخ لطفى турецкого историка XIX в. Ахмета Лютфи. Кстати, Лютфи принадлежит оставшаяся неизвестной в курдоведческой литературе специальная работа об одном из крупнейших выступлений курдов в первой половине XIX в. — امير بدر خان (Каир, 1907). Кроме этих работ, данные о средневековом Курдистане имеются в آناطولو بيگليگ /بيگلرى/ и в изданной в 1928 г. в Стамбуле работе Фуада Кепрюлу «Заметки по истории анатолийских княжеств»[33]. Автор, конечно, не различает «анатолийские княжества», и это требует особого отношения к его работе.

В дополнение к отмеченной выше тенденции «изучать» историю курдов в Турции без данных турецких источников следует добавить, что это особенно относится к истории их антитурецких восстаний XIX в. Между тем, имеется немало источников, без которых не обойтись. К их числу, наряду с «Историей Джевдета» и некоторыми другими отмеченными работами, относится, например, مكتوب سرى Их автор Сари-

---

30 Опубликовано в „Belleten", VIII, temuz, 1943.

31 Там же.

32 Опубликовано в „Türk tarihi kongresi", III, Ankara, 1948.

33 Опубликовано в „Türkiyet Mecmuasi", № 2, Istanbul, 1928.

паша в период 1876—1908 гг. был губернатором Диарбекира, и его «Письма», изданные в двух томах в Стамбуле в 1900—1901 гг., содержат немало данных о положении в Курдистане в последней четверти XIX в. и предшествующий период.

Интересные данные об этом периоде — первой половине XIX в.— имеются в изданном в 1896 г. в Стамбуле يادگار Мольтке. Впрочем, турецкое издание этих «Мемуаров» Мольтке не отличается оригинальностью, поскольку мы имеем не только немецкое[34] и французское[35], но и, в извлечениях, их русское издание[36]. В этом плане некоторый интерес представляет интерпретация тех или иных данных его «Мемуаров», данных в فيلد مارشال فون مولتكه (Стамбул, 1892)—«Фельдмаршал фон-Мольтке» Субхи Омара. Автор акцентирует внимание на турецком периоде жизни фон-Мольтке, стремясь дать в выгодном свете его высказывания и факты[37]. При надлежащем подходе немало интересных сведений по истории курдов в XIX в. можно найти в трехтомнике „Türkiye tarihi" Зия Карала. Эта пронизанная пантюркистской тенденциозностью работа хорошо известна у нас и не нуждается в специальном представлении.

Насколько нам известно, первая специально курдоведческая работа в Турции вышла в свет в 1891 г. Это — курдско-арабский словарь, написанный курдом-моткинцем Шейх Юсуф Зия эд-Дином Халиди الهديه الحميديه فى لغه الكرديه Посвященный султану Абдул-Гамиду, во вводной части он содержит некоторые сведения о курдах, почерпнутые в основном из турецких источников и излагаемые в верноподданических тонах.

Выход в свет работы Халиди и ее посвящение — не случайное явление. Дело в том, что к этому времени турецкие правящие круги успели убедиться не только в антитурецкой направленности курдского движения и его ориентации на Россию и намечавшемся союзе с армянским национальным движением, но и в антифеодальной основе курдских восстаний. Чтобы задержать этот процесс и направить движение в нужное султану русло, было решено начать формирование из курдов иррегулярной конницы «хамидие». Облегчить эту задачу и

---

[34] H. Moltke. Breife über Zustande und Begebenheiten in der Türkie aus dem Jahren 1835 und 1839, Berlin, 1893.

[35] „Lettres du marechal de Moltke sur l'Orient", Paris, 1872.

[36] В том числе: фон-Мольтке, Географические заметки о Малой Азии. ИКОИРГО, т. III, (приложен. 2), 1871.

[37] Это особенно касается, — H. Moltke, Das Land und Volk der Kurden, „Vermischte Schriften zur orientalische Frage", Bd. II, Berlin, 1892.

освятить союз курдских феодалов и султана — такова основная цель работы Халиди и ее породившие условия.

Но одновременно с этим рассмотренная работа осталась свидетельством обеспокоенности правящих кругов Турции обострением курдского вопроса. Не останавливаясь на вопросе о деятельности возникших в это время курдских националистических организаций[38], отметим, что лидеры младотурецкого движения в борьбе за власть опирались и на национальное движение угнетенных народов Османской империи[39]; имеются данные об их связях и с некоторыми курдскими лидерами[40]. Именно с этой целью, пишет один из армянских авторов начала XX в., турки начали искать пути сближения с курдами, и одним из таких путей должен был явиться тезис о том, что турки и курды — это две родственные народности[41]. Чтобы понять суть этого тезиса и истинные цели этой турецко-курдской «родственности», необходимо иметь в виду то обстоятельство, что турецкий, в частности младотурецкий национализм, в отличие от национализма угнетенной нации, — это был национализм господствующей нации, направленный не против угнетения, а на то, чтобы удержать другие народности в составе империи. Направленный против национализма угнетенных наций, младотурецкий национализм был поэтому шовинистическим и реакционным. Младотурки думали не об освобождении угнетенных народов, а о том, чтобы использовать их движение в своих целях. Неудивительно поэтому, что достигнув власти, они тут же отказались от своих обещаний[42], в том числе и курдам; «идеологическим» обоснованием этого должен был послужить тезис об их «родственности» туркам. Тезис этот им был нужен как во внутриполитических целях, так и для обоснования захватнических устремлений в отношении всего Курдистана[43]. Кроме того, турецко-курдская «родственность» им нужна была для того, чтобы использовать курдов в борьбе против освободительного движения других народов, в частности армянского, и для отрицания национальной самобытности курдов и их права на независимость. Джалалат-Али Бадр-хан рассказывает о младотурецких лидерах, которые, имея в виду курдов, утверждали, например, что в

---

38 В. Никитин, Курды, М., 1964, стр. 289—290.

39 А. Ф. Миллер, Краткая история Турции. М., 1948, стр. 116, 124.

40 О. Л. Вильчевский, Библиографический обзор зарубежных курдских печатных изданий в XX столетии. «Иранские языки», вып. I, Л., 1945.

41 *Հ ա կ ո ր Շ ա հ պ ա զ յ ա ն, Քուրդ-Հայ պատմություն, Պոլիս, 1911, էջ 10.*

42 М. К. Курдское движение, «Кавказ», № 84, от 15 апреля 1914.

43 «Материалы по изучению Востока», вып. 2, Пбг., 1915, стр. 87.

Турции нет других национальностей, — «все жители Турции — турки»[44]. Об аналогичных фактах рассказывает и В. А. Гордлевский и ряд других авторов того времени[45].

Короче, речь шла о необходимости убедить курдов в том, что они — родственная туркам народность. Доказать это взялся... немецкий ориенталист Фрич. Говоря точнее, случилось так, что, не найдя среди турецких историков человека, способного сделать это, младотурки обратились к Фричу[46], и тот написал كوردلر تاريخى واجتماعى تدقيقات вышедшую в 1915 г. на турецком в Стамбуле. Эта «История курдов и социологические исследования» определяет до сих пор отношение правящих кругов Турции к курдскому вопросу, в той мере, что через сорок лет те или иные ее положения фигурируют в официальной «Турецкой энциклопедии»[47]. Отсюда ясно, что без изучения концепций Фрича нельзя понять взгляды турецких авторов на курдов и их историю. Необходимость остановиться на этой книге тем более велика, что несмотря на европейское происхождение ее автора, она не известна в европейской науке, в том числе и нашем курдоведении.

Рассматриваемая «История курдов» — это монография довольно значительного объема. Она состоит из двух вводных глав и самой «Истории». Одна из таких глав называется «Происхождение курдов», а другая посвящена вопросу об организации курдского аширата — племени. Будучи написанной по заказу младотурок, работа Фрича, естественно, имеет целью оправдать их политику. Во вводной главе «Происхождение курдов» автор, играя на случайно попавшем в науку термине «туранийский»[48], пытается доказать, что турки—это предки легендарных туранийцев, а потому они—исконные обитатели Ближнего Востока. А раз это так, пишет Фрич, история курдско-турецких отношений уходит в глубокую древность; курды — это иранцы, но случилось так, что ассирийцы переселили их из Центрального Ирана на территорию современного Курдистана, чтобы создать из них кордон против «туранийского государства» Урарту. В дальнейшем, после

---

[44] جلالت على بدر خان ، مكتوب تركيا رئيس جمهوريه غازى مصطفى كمال پاشا حضرتلرنيه طبريه ١٩٣٣ ، ص ١٤

[45] В. А. Гордлевский, Избр. соч., т. II, АН СССР, 1961, стр. 305.

[46] Фамилия автора на обложке книги оканчивается на арабскую букву «джим», но в латинской транскрибции Fritz; курдский историк Амин Зяки (т. I, стр. 24) называет его Фридж, а А. Ямулки (стр. 9)—Фрич.

[47] „Hayat Ansiklopediasi", cilt 7, Ankara, 1932.

[48] Г. Б. Акопов, Вопросы этногенеза народов Ближнего Востока в освещении пантюркистской историографии, «Известия АН Арм. ССР», № 7, 1965.

падения Ассирии, курды оказались под властью туранийцев и начали туранизироваться. Датируя этот процесс глубокой древностью, Фрич пишет, что, несмотря на иранское свое происхождение, курды исторически — туранийцы, следовательно, родственная туркам народность; в доказательство он ссылается на то, что-де из восьми тысяч слов известной курдской лексики только 300 слов — искони курдские, а остальные— или турецкие, или слова, попавшие в курдский из арабского и персидского через турецкий. Но раз курды давно стали туранийцами и не имеют самобытного языка, резюмирует Фрич, очевидно, что они являются турками.

Различие между курдами и турками Фрич видит лишь в том, что в отличие от вторых, курды — это горцы, отставшие от турок в своем общественно-экономическом развитии. Эта «идея» взята им из анекдота младотурецкого времени о том, как бог решил однажды осмотреть свои владения, — осмотрев Европу и Турцию, он остался довольным их прогрессом; когда же очередь дошла до Курдистана, то всевышнего очень огорчила его отсталость, на что курды ответили, что-де они не понимают причин божеского гнева, ибо они остались такими, какими тот их сотворил...[49]. Курдское общество Фрич рассматривает как находящееся на стадии первобытных родо-племенных отношений. Отсюда должен следовать вывод, что курды не доросли до того, чтобы требовать независимости; они должны держаться «европеизирующейся» Турции. В обоснование этого Фрич утверждает, что турецкие курды шагнули далеко вперед по сравнению с курдами России и особенно Ирана.

Идея благотворности господства турок над курдами пронизывает историческую часть книги Фрича. Она написана на основе данных «Шараф-наме» и некоторых других источников, в том числе турецких, об отношениях курдских княжеств к Османской империи. Факты этих отношений подносятся тенденциозно и имеют целью доказать, что между курдами и османами всегда царил дух взаимопонимания и религиозного, культурного и вообще «национального» единства.

Нет надобности доказывать, что такая «История курдов» вполне импонировала и импонирует взглядам турецких авторов. Неслучайно, что она цитируется не только отдельными историками[50], но и в таких официальных изданиях, как вышедшая через четыре десятилетия «Турецкая энциклопедия»[51]. Это означает, что в разоблачении пантюркистских

---

[49] «Кавказ», № 150, 4 июля 1915 г.

[50] Ali Kemal. Erzincan. Erzincan, 1932, s. 1.

[51] „Hayat. Ansiklopediası" cilt 7, s. 2966.

фальсификаций турецких историков нужно начинать с критики всего того антинаучного, что внес в изучение истории курдов этот член кайзеровской академии наук.

Это тем более важно, что к его работе обращаются не только турецкие авторы, — ссылки на Фрича встречаются в трудах многих курдских историков[52]. Впрочем, их интересует не его пантюркизм, а разработка Фричем тех или иных вопросов истории курдов. Во всяком случае, без него не обойтись в изучении феодальных отношений в Курдистане, истории отдельных феодальных княжеств, истории курдско-турецких отношений и т. д.

Одновременно с книгой Фрича в том же 1915 г. в Стамбуле вышла книга Мустафы Нури-паши عبادة ابليس. Посвященная описанию особенностей верований курдов-иезидов, она представляет собой набор различных анекдотов о том, что-де иезиды — это поклонники черта Иблиса. Если исходить из времени ее издания, не будет преувеличением сказать, что основная цель этой книги — доказать, что иезиды, а с ними вместе и курды вообще — это такие же «неверные», как и армяне, и что поэтому их истребление — долг истого мусульманина; неслучайно, что ее издание совпало со временем организованного младотурками истребления курдов[53] и других «профилактических операций»[54].

Курдский историк Ихсан Нури свидетельствует, что министерством внутренних дел Турции в 1918 г. издана была работа كورد عشيرتلرى[55]. Найти эти «Курдские племена» нам не удалось, но, судя по всему, речь идет о работе М. Закарья, которой нам предстоит коснуться далее. Впрочем, Ихсан Нури хорошо знает турецкую литературу о курдах и, возможно, имеет в виду не известную нам работу.

Несколькими годами позже, именно в 1921 г., в Стамбуле вышла в свет оставшаяся не известной как европейскому курдоведению, так и восточным, в том числе турецким, авторам небольшая книжка Пашузаде حياتِ مملكت — اكراد عادت الحان Ее автор, если судить по имени Муса Казим, — курд из Дерсима, а по фотографии на титульном листе — офицер турецкой армии. Несмотря на этнографическое название, в работе очень мало данных об «обычаях курдов», но зато в

---

[52] А. Ямулки, Курдистан и курдские восстания, Тегеран, 1946, стр. 9.

[53] М. С. Лазарев, Курдистан и курдская проблема, М., 1964.

[54] В. Никитин, Курды, М., 1964, стр. 291.

[55] احسان نورى تاريخ ريشه نشرادى كرد ، تهران ۱۳۳۳ ص ۱۰۳

ней немало рассуждений о том, что курды — это потомки древних хеттов, а хетты — это турки-туранийцы; отсюда следует, что курды — это турки по происхождению и, следовательно, по национальной принадлежности. Этот свой тезис автор аргументирует некоторыми, впрочем, весьма несерьезными «данными» из истории курдско-турецких отношений.

К тому же времени относится выход в 1920 г. в свет в Стамбуле книги В. Юнювера под претенциозным названием وان تاريخى وكوردلر حقنده تتبعات[56] —«претенциозным», ибо в ней нет ни «истории Вана», ни «исследований о курдах»[57]. Книга эта посвящена доказательству известного нам тезиса, что Урарту—это «туранийское государство», а обитавшие на ее территориях древние курды—кардухи, или куртии—это туранийцы. Дело лишь в том, пишет автор, что «армяне, зная историю лучше нас, используют ее данные с тем, чтобы привлечь курдов на свою сторону»[58]. Понятно, что опасаясь этого, автор имеет целью доказать, что курды — это турки как по этногенезу, так и национальной принадлежности.

Рассмотренные материалы дают нам возможность сделать некоторые выводы о начальной истории буржуазного турецкого курдоведения. Речь идет о том, что турецкая историография не имеет курдоведческих традиций; отсутствие серьезной научной базы, как будет видно далее, дает о себе знать в работах современных турецких авторов. Отсюда, в роли специалистов-курдологов в Турции того времени выступали или немец Фрич, или такие курды по происхождению, как Шейх Юсуф Халиди, Муфтизаде, или тот же Пашузаде; то же, как будет видно далее, наблюдается и в современном турецком курдоведении. Речь идет о том, что зарождение интереса к курдам в Турции было обусловлено не научными, а политическими целями,— далее мы увидим, что эта политическая сторона дела до сих пор является определяющим в современном турецком курдоведении. Именно этим объясняется то, что все курдоведение сводилось к «этногенетике» доказательства того, что курды как по происхождению, так и по национальности — это турки; эту же тенденцию мы наблюдаем и в современном курдоведении. Отсюда понятно и

---

[56] В некоторых работах эта книга названа „Van tarihi ve kürtler hakkında tatkikat",—„Roja-Newe", 15 mayis, 1963.

[57] Интересно отметить, что, говоря, видимо, об этой работе, Дж. А. Бадр-хан называет ее просто «Исследования о курдах»,—«Письмо президенту Турецкой республики Гази Мустафа Кемаль-паша Ататюрку», Табарие, 1933, стр. 29—31.

[58] «История Вана...», стр. 20.

то, что в Османской Турции, если не считать публикации поэмы известного курдского поэта XVII в. Ахмеда Хани «Мам-у Зин»[59], не издано ни одной работы по истории курдской культуры; эта традиция не нарушается и в современной Турции.

Египетский журнал «Ат-тарраки» как-то заметил, что о курдах не говорят там, где не хотят признавать курдский вопрос[60]. Неудивительно поэтому, что в Турции за четыре десятилетия республиканского строя, как о том пишет Д. К. Шихсенеанлу, не было издано ни одной курдоведческой работы[61]. Но зато там издано немало законов, которые объявляют курдов турками, а литературу о них — крамольной[62]. Сохранив, однако, господство над курдами, кемалисты получили в наследство и курдский вопрос, а вместе с тем и необходимость как-то реагировать на него.

Нужно сказать, что кемалисты, как и младотурки до них, на первых порах не отказывались от заигрывания с курдами. Курдские авторы уверяют, что за участие в войне против греков курдам было обещано отдать им территории на юге Турции. В связи с такими же обещаниями ставится участие курдов в действиях против армян[63]. Известно участие курдских шейхов на конгрессе кемалистов в Эрзеруме; что Кемаль Ататюрк, находясь в Диарбекире, сформировал из курдов воинскую часть и налаживал лояльные отношения с курдскими феодалами[64]. Турецкие авторы ныне немало пишут о том, что курды едва ли не с самого начала выступали против республиканского режима[65]; при этом выдвигается мысль, что они, в силу отсталости и реакционности, связывались с империалистами и выполняли их волю[66]. Но, вопреки этим измышлениям, известно, что англичане, например, делали немало, чтобы удержать курдов от антикемалистских выступлений.

---

[59] احمد خانی ' مام وزین ' استانبول ۱۹۱۹

[60] «الترقی» 20 мая 1945 г.

[61] D. K. Sıhhesenanlu, s. 5.

[62] „Son posta", 1 сентября 1949 г.

[63] «کوهستان» ' شماره ۱۴ و ۱۶ مورخه ۷ و ۲۱ خردا د ۱۳۲۴.

[64] Дж.-А. Бадр-хан, Письмо Ататюрку, стр. 22—24.

[65] Yunus Nadi. Büyük Millet Meclisin açilişi ve isyanlar, Istanbul, 1955.

[66] Речь идет, в частности, о попытках Юнуса Нади доказать, что антикемалистское выступление губернатора Элазиза Али Галиба было инспирировано англичанами; вместе с этим проанглийским объявляется и движение курдов этой области,— Yunus Nadi, Bab-i Ali'nin milli heraketi dagctmak ve Mustafa Kemal tevkif etmek teşebüsü. Ali Gälib hadisesi, Istanbul, 1955.

Но когда в мае 1919 г. некоторые курдские главари собрались в Малатьи, чтобы договориться о совместном выступлении, английский резидент «Интеллидженс Сервис» в Алеппо полковник Белл удерживал их от этого шага[67]. Как бы то ни было, очень скоро на сторону Кемаля перешли такие деятели, как ставший впоследствии редактором и издателем газеты «Улус» курд Джихад Бабан; кемалистскую революцию принял и, как его называют курдские авторы, «самый крупный пророк туркизма»[68], курд из Диарбекира Зия Геокальп[69].

Как видно, у курдов немало заслуг перед кемалистским движением[70]. Именно им, описанию заслуг курдов перед Турцией посвящена опубликованная тем же Геокальпом в издаваемом им журнале اجتماعيت статья «Чтобы любить, нужно знать», в которой он призывает изучать курдов и в отношении к ним исходить из отмеченных их «заслуг»[71]. Интересно отметить, что несмотря на все его собственные «заслуги» перед пантюркизмом, Геокальп не отрицал этнической и языковой самобытности курдов; об этом говорит его статья, опубликованная в одном из номеров газеты «Гиресюн» за 1926 г.[72]. Но вместе с тем он не отказывал в публикации в своем журнале «Иджтимаиет» статей противоположного содержания. Одна из них — статья начальника департамента племен министерства внутренних дел Турции М. Зекерья[73] كوردلر حقنده تدقيقات Основываясь на ту же «туранийскую теорию», автор пишет, что обитающие на востоке Турции «кочевые племена» курдов, находясь на протяжении всей своей истории в зависимых и подчиненных отношениях к туркам-туранийцам, сами являются туранийцами по происхождению, следовательно, турками в национальной своей принадлежности[74].

---

67 В. Никитин, Курды, М., 1964, стр. 292—293.

68 Дж.-А. Бадр-хан, стр. 66.

69 Batîn Saffet Urfi. Atatürk inkilabi ve Ziya Gökalp, Dahya Kemal, Halide Adıvar, Istanbul, 1951.

70 Хазнадар, М., стр. 50

71 Работа эта повторно опубликована в курдском журнале «Денг», № 1, 1962, стр. 2—3.

72 Дж.-А. Бадр-хан, стр. 66—67.

73 Ввиду утери обложки указать дату и номер этого журнала не представляется возможным. Об этом см. в «Roja Newi» от 15 мая 1963 г. с той, однако, разницей, что ее автором назван не М. Закарья, а известный турецкий общественный деятель Закарья Сертель.

74 Г. Б. Акопов, Критический обзор версий туранийско-турецкого происхождения курдов, «Вестник обществ. наук» АН АрмССР, № 4, 1967, стр. 31.

Как видно, несмотря на изменения в политической структуре Турции, взгляды на курдов и основное направление курдоведческих работ не претерпели изменений. Впрочем, изменения произошли. Они выразились в том, что возникшие в младотурецкое время туранийско-турецкие концепции получили окончательное и официальное закрепление в законе, который, исходя из «фонетических соображений»[75], предписывал называть курдов не курдами, а «горскими турками»[76]. Изменилось, кроме того, и то, что если раньше в Турции издавалась кое-какая курдская[77] и курдоведческая литература, отныне ее издание рассматривалось как политическое преступление.

Несмотря на это, в период от кемалистской революции до начала второй мировой войны в Турции издано несколько книг, без которых невозможно изучение курдского вопроса в этой стране. К ним относятся, в частности, упомянутая книга А. Кемаля «Erzincan», изданная в Эрзинджане в 1932 г. Ее автор — губернатор Эрзинджана. Проработав долгое время в этой области, он собрал немало исторических, географических и статистических данных об области и ее населении, в том числе и курдском. Его материалы позволяют наметить общую картину истории края и его экономики, населения, его хозяйственного и культурного уклада. Работа А. Кемаля—одна из немногих турецких изданий, в которых есть подробнейшее описание того, что часто называют «племенным составом» населения. Несмотря на то, что и она не свободна от обычных пантюркистских тенденциозностей и других недостатков, работа А. Кемаля — это ценнейший источник изучения курдов Эрзинджана.

Неплохим дополнением к ней может служить изданная в 1940 г. в Стамбуле книга О. Агара "Tűnceli-Dersim geografiyası" и, судя по названию, работа Назми „Dersim". Эта последняя осталась нам недоступной. Что же касается книги Агара, то, кроме географии Дерсима или современного Тюнджели, читатель найдет в ней немало сведений об экономике этой области и ее курдском населении.

Исключительным явлением в турецком курдоведении следует признать книгу Н. Хаккы „Derebeyive Dersim", изданную в 1932 г. в Анкаре. Имея в виду рецензию А. Д. Новичева на нее[78], ограничимся сообщением, что работа эта отличается стремлением автора выяснить общественно-экономические причины недовольства курдов и их антитурецких вос-

---

[75] Дж.-А. Бадр-хан, стр. 79.

[76] L. Rambout, Les kurdes et le droit. Paris, 1947, p. 32—43.

[77] D. K. Sihhesenanlu, s. 5—6.

[78] «Библиография Востока», М.—Л., 1934, стр. 54—64.

станий. При критическом отношении она может послужить ценным источником для изучения феодально-патриархальных отношений курдского общества, форм капиталистического ограбления курдского крестьянства и других вопросов их общественного и политического положения. Отметить это тем более важно, что в последнее время в Турции наметилась новая тенденция — признание социальных причин курдского вопроса. Выступая на недавнем заседании руководства народно-республиканской партии, ее генеральный секретарь заявил, что «восточный вопрос не является курдско-турецким вопросом. Он является вопросом экономическим»[79]. Но вот что интересно: сведя всю экономическую основу курдского вопроса к тому, что-де дело в отсталости курдов, Эрджовид продолжал: «В Анатолии, и особенно на востоке, не может быть курдско-турецкой розни, ибо житель Анатолии является турком»[80]. Так, начав с признания экономических причин недовольства курдов, он пришел к отрицанию их национальности и национального характера движения курдов в современной Турции. Это — официальная установка, которой руководствуются в своей деятельности турецкая историография и публицистика и которая определяет политику правительства.

Вопрос о политике правящих кругов Турции в курдском вопросе выходит за рамки нашей темы, тем более, что мы располагаем специальным исследованием этого вопроса, охватывающим период до 1939 г.[81] Хуже обстоит дело с последующим периодом, и поскольку без этого невозможно понять все «нюансы» турецкого курдоведения в последующий период, мы вынуждены рассматривать их на общем фоне политики турецкого правительства в курдском вопросе этого периода.

Начнем с того, что на всем его протяжении, вплоть до начала 60-х годов в Турции не было издано ни одной курдоведческой работы. Поэтому основным источником изучения курдского вопроса являются изредка просачивающиеся в прессу обрывочные сведения о дебатах в парламенте, сводки о военных операциях в Курдистане и другие сведения этого типа. К сожалению, материалы турецкой прессы недостаточно изучены, и мы вынуждены отказаться от ее обзора[82]. Отметим лишь,

---

[79] Milliyet», 8 декабря 1967 г.

[80] Там же.

[81] М. А. Асратян, Политика турецких правящих кругов по отношению к курдскому населению (1924—1939). «Кр. сообщения Ин-та народов Азии», вып. XXX, М., 1961.

[82] Интересную выборку данных турецкой прессы см. в отмеченной в предыдущей ссылке работе М. Асратяна, а также в кн. Л. Рамбу,— L. Rambout. Les kurdes et le droit. Paris, 1947.

что как ни стремились правящие круги Турции отрицать наличие курдов, даже официальная статистика, объявлявшая турками всех, кто владеет турецким языком, признавала, что в Турции живет полтора миллиона курдов[83], а сведения прессы — о военных действиях в Курдистане, о наличии курдского вопроса и его нарастающем обострении[84].

В этих условиях вопрос о национальности курдов и их расовой принадлежности приобретал особое значение. Но в отличие от предшествующего периода, теперь речь шла не о «родственности» курдов туркам, а о том, чтобы обосновать политику их физического истребления: «пламя костров, разгорающихся на востоке,— говорил Якуб Кадри,— это огонь войны между двумя нациями: турецкой, которую европейцы называют тюрко-монгольского происхождения, и курдской, которую они считают нацией индоевропейского происхождения». Вопреки мнению, что в годы второй мировой войны турецкое правительство «стремилось временно не задевать национальных чувств курдского народа»[85], политика геноцида особенно откровенной стала именно в это время. Готовясь вступить в войну на стороне фашистской Германии[86], турецкие реакционеры имели целью очистить свой тыл от неблагонадежного курдского элемента; в грохоте боев на фронтах войны мир не услышал шума действий турецкой армии по подавлению «волнений» курдов; речь шла о запланированных операциях по истреблению курдов; эти операции курдская пресса характеризует как одно из проявлений политики геноцида[87]. От этой участи курдов спас перелом в ходе войны, в частности разгром фашистских войск на Волге и в районе Курска—Орла.

Окончание второй мировой войны ознаменовалось новым поворотом турецкой науки в отношении курдов. Планы англо-американских империалистов превратить Турцию в жандарма на Ближнем Востоке[88] возродили захватнические устремления турецких реакционеров в отношении всего Курдистана. В этих условиях «индоевропеизм» курдов отошел на второй план, — требовалось обосновать право Турции на ту часть Курдистана, которая «томится под иранским игом». Имея в виду от-

---

[83] „Istatistik yıllığı", IX, 1944, s. 47.

[84] L. Rambout, p. 19.

[85] М. Хазнадар, Очерки истории современной курдской литературы, М., 1967, стр. 52.

[86] А. Ф. Миллер, Краткая история Турции, М., 1948, стр. 218—219.

[87] „Denge Kurdistan", № 3—4, Paris, sept.-oct. 1949.

[88] И. В. Самыловский, Турция—вотчина Уолл-стрита, М., 1952, стр. 38—50.

поведь, данную этим «новым песенкам» турецких реакционеров[89], отметим, что именно к этому времени относится начало активной «научной» деятельности Ф. Кырзыоглу, слывущего ныне лучшим в Турции знатоком курдов. Это обязывает нас начать рассмотрение турецкого курдоведения в послевоенный период с некоторых замечаний о творческом пути и научных выступлениях Ф. Кырзыоглу.

Выходец из крупной феодальной фамилии туркизировавшихся курдов района Карса, Кырзыоглу воспитывался в духе ненависти к исконному населению этой области и к русским, которые, как он пишет, притесняли их род. Россия, уверяет Кырзыоглу, завоевав Карскую область, отдала ее в руки армян, айсоров и иезидов и, поселив в ней «разных хохлов, молокан и латышей», имела целью «выкорчевать из нее мусульманство и туркизм и уничтожить все наши памятники». Еще в студенческие годы он начал пописывать о «тех четырех десятилетиях черных дней», в течение которых Карская область находилась «во власти дашнаков и приспешников Москвы»[90]. Оголтелый шовинизм и антирусизм привел Кырзыоглу в число сотрудников реакционного журнала «Чинаралты»[91], который впоследствии за открытые симпатии к фашизму был закрыт правительством[92]. Особую активность он начал проявлять в послевоенные годы, когда, как он пишет, «большевистская Россия», «американские армяне» и «грузинские профессора» выдвинули вопрос об «исторических правах». Отрицанию фактов, что Карская область — составная часть исторической Армении и обоснованию тезиса об обитании в ней турок еще во времена... Адама посвящено несколько статей Кырзыоглу[93]. Этому же вопросу посвящена и его «История Карса», отмеченная правительственной премией[94]. Вдохновленный такой оценкой своего творчества, Кырзыоглу издал вторую «Историю Карса», увеличив ее объем вдвое и посвятив немало ее страниц курдам, вопросу их национальности и «турецкой принадлежности».

Как видно, к курдоведению Кырзыоглу шел исподволь, в силу пантюркистских устремлений. Этим определяется основ-

---

[89] ابراهیم نادری ' یک نغمه جدید داریا ' شماره ۲۰۵ ' ۸ فروردین ۱۳۳۵

[90] F. Kırzıoglu, Kars tarihi. Istanbul, 1953, s. XII.

[91] Из его работ в этом журнале см. „Çinaralti", № 25, Istanbul, 1942.

[92] Б. М. Данциг, Турция, М., 1949, стр. 235.

[93] Эти его работы опубликованы в следующих изданиях: «Tanin» (от 30 хазирана и 3 темуза 1945), „Tesvir" (от 11 темуза и 21 нисана 1947), „Hurses" (от 22 оджака 1946), „Altınıçşık" (от 25 хазирана 1947).

[94] „Kars tarihi", s. XIII.

ное направление всех его курдоведческих выступлений. Им, в частности, изданы две статьи о курдском языке: одна об «огузских элементах» в курдском[95], другая о его связях с тюркскими, в частности, турецким языком и вытекающем отсюда турецком происхождении курдского языка[96]. Кроме того, им написана работа под названием «Корень курдов»[97], изданная также в виде отдельной брошюры[98]. Особенно активно курдоведческая деятельность Кырзыоглу развернулась в последующие годы. Касаясь причин этого, Кырзыоглу пишет, что в Советском Союзе действует несколько центров «лазологии, иезидологии и курдологии», которые тем только и занимаются, что режут и кромсают Турцию на части[99]. Но вряд ли Кырзыоглу сам верит в «агрессивность» советского курдоведения, — другое дело, что он не может не видеть нового обострения курдского вопроса в Турции и пытается содействовать его притуплению и ликвидации. Поскольку без этого невозможно понять направления творчества Кырзыоглу и современного турецкого курдоведения вообще, — несколько слов о курдском вопросе в современной Турции, тем более, что о нем ничего не известно.

Источники свидетельствуют, что, подавив Араратское восстание, турки поставили на Арарате обелиск с надписью: «Здесь похоронена идея курдской независимости»[100]. Но вскоре им пришлось «подавлять» эту идею в Дерсиме и вслед за тем, как отмечалось, в других районах. Выполняя отведенную им англо-американскими империалистами роль жандарма против революционно-демократического движения, турецкая реакция ввела в восточные районы огромные контингенты войск. В этих условиях нет ничего удивительного в «спокойствии» курдов. Но это «спокойствие», как отмечала пресса, было кажущимся. Выступления против феодалов-помещиков и властей не прекращались ни на один день. Активизировались действующие за рубежом националистические организации. Неслучайно поэтому, что одной из целей переговоров Нури Саэда с турецким правительством был вопрос о совместных действиях против курдов[101]. Но иракская рево-

---

[95] „Turizm", Ankara, 1962, s. 43.

[96] F. Kırzıoğlu, Kürtlerde oğuzcanın izlari vo aileye ait sözler.

[97] F. Kırzıoglu, Kürtlerin kökü „Türk kültürü", № 6, Ankara, nisan, 1956.

[98] Издано в серии: „Diarbekir tanitma dergisi laybulari", № 9, Bölüm I, Tarih takımı, 3, Diarbekir.

[99] „Kars tarihi", s. XVI.

[100] Дж.-А. Бадр-хан, Письмо..., стр. 77.

[101] «Ծագիկ», 2 июня 1966 г.

люция не дала осуществиться этим планам. Одновременно с этим она дала новый толчок развитию курдского движения в Турции под влиянием успехов национально-демократического движения курдов в Ираке.

Короче, речь идет о нарастании в Турции мощного курдского движения. Предупреждая его, турецкие власти бросили в тюрьмы сотни живущих в Анкаре и Стамбуле курдов, основная вина которых состояла, по отзыву американской «Нейшинл гардиан», в том, что «они — курды. Они требуют от турецкого правительства называть их курдами, а не горскими турками. Они требуют также разрешить печатание курдских журналов»[102]. Особенно широкая волна репрессий прокатилась по курдским районам. В одном только Диарбекире арестовано было 500 человек, объявленных реакционерами на том только основании, что «они создали курдский алфавит»[103]. Турецкие реакционеры, угрожая курдам, напоминали им о законе, по которому полиция имеет право преследовать всех, кого она подозревает в «подстрекательстве» курдов на выступления против правительства[104].

Все это оправдывалось тем же старым тезисом отрицания национальности курдов. Выступая в Диарбекире, Гюрсель говорил, что в Турции нет никаких курдов, — все ее жители — это турки по происхождению[105]. Вторя ему, один из руководящих деятелей Турции Оздаг уверял, что курды — это те же турки, и чтобы никто в этом не усомнился, он добавлял: «Мы издали закон, и будем наказывать всякого, кто будет называть население восточных областей курдами»[106]. В ответ на это по курдским районам прокатилась волна массовых выступлений[107]. Отличительной их особенностью было то, что наряду с антиправительственными лозунгами они проходили под лозунгами требований национальных свобод: «Мы не турки, мы — курды», «Турецкое правительство должно признать наши национальные права!». Правительство ответило на это артиллерией и авиацией, в ходе операций которых погибло несколько сот курдов, огромное число людей было ранено[108].

Одновременно с этим турецкие власти пошли на кое-ка-

---

102 Цит. по: «Очерк истории современной курдской литературы», стр. 53.

103 „Yeni Istanbul", 6 ноября 1960 г.

104 „Milliyet", 25 октября 1960 г.

105 „Hürriyet", 25 октября 1960 г.

106 Цит. по: «Проблемы современной Турции», ИВЛ, 1963, стр. 141.

107 Карту этих выступлений см.: „Kurdish Facts", Mau 1961, 6.

108 «Combat», 15 мая 1961 г.

кие «послабления», надеясь разрядить обстановку и прибрать курдов к рукам. С этой целью в 1962 г. было разрешено издание в Стамбуле курдско-турецкой газеты «Джиле-Фырат» и такого же журнала «Денг». Обзор этих изданий — тема особого разговора. Отметим лишь, что они не оправдали надежд турецких властей, ведя, вопреки всем цензурным препятствиям, пропаганду идей курдского национализма. В этих условиях неудивительно, что оба эти издания вскоре были закрыты, а их актив репрессирован. Начались преследования всех подозреваемых в каком-либо отношении к курдскому движению. В течение 1963 г. в одном только Стамбуле состоялись два процесса[109] над курдами, обвиняемыми в национальной деятельности.

Несмотря на это, борьба курдов в Турции растет и ширится. Имеются данные о новых массовых выступлениях в 1967 г.[110] Положение настолько серьезно, что даже НРП нашла необходимым созвать специальное совещание руководства, посвященное «восточному вопросу», как ныне в Турции называют курдский вопрос. Выступая на этом совещании, Исмет Инёню говорил, что он лично много сделал, чтобы облегчить его разрешение, но «уже сорок лет восточный вопрос не выходит у меня из головы»[111]. Впрочем, курдский вопрос «не выходит из головы» не только бывших, но и нынешних властей. В январе 1968 г. в Диарбекире было арестовано 14 человек по обвинению в курдской националистической деятельности[112]. Пресса вскоре сообщила, что трое из них освобождены, но прокуратура опротестовала их освобождение, мотивируя тем, что они имели целью создать подпольную курдскую организацию[113]. Отвечая словно прокуратуре, вскоре министерство внутренних дел сообщило об аресте еще 6 человек, обвиняемых в попытках создать демократическую партию Курдистана[114], а министерство юстиции объявило о назначении процесса над девятью курдами в Газиантабе по обвинению в курдской националистической деятельности[115].

Особое беспокойство турецких властей вызывает то, что, несмотря на все их попытки превратить населенные курдами территории в «терра инкогнито», когда даже корреспон-

---

109 «Vakit», 22 июня 1963 г.

110 A. H. Ülman, Ufutuki tehlike: kürt sorumu. „Forum", № 326, cilt 20, Ankara, kasim 1967, s. 14—15.

111 „Milliyet", 8 декабря 1967 г.

112 „Milliyet", 27 января 1968 г.

113 „Cumhuriyet", 31 января 1968 г.

114 „Milliyet", 8 февраля 1968 г.

115 „Milliyet", 20 февраля 1968 г.

дент лондского «Тайма» путешествует в сопровождении полицейского офицера[116], — сведения о курдском вопросе становятся достоянием мировой общественности. Не меньшее беспокойство вызывает проникновение в Турцию «агентов Барзани»[117] и вообще влияние борьбы курдов Ирака на турецких курдов[118]. Именно этим объясняются поиски турецкими реакционерами путей вмешательства в дела Ирака. В период правления баасистов им даже удалось договориться о совместных действиях против курдов[119], но решительное предупреждение Советского правительства не дало возможности развязать эту провокацию[120].

Несмотря на то, что турецкая пресса стремится извратить суть и цели этого движения, приписывая его активным участникам «коммунизма», ее данные не лишены определенного интереса. Они дают возможность выявить некоторые новые особенности курдского движения в Турции.

Это тот, во-первых, факт, что наличие курдского вопроса в Турции признается и ее официальными кругами. Когда-то турецкая пресса уверяла, что «в Турции нет курдского меньшинства, ни кочующего и ни оседлого, ни сознательного и ни несознательного»[121]. Отмеченный выше журнал «Денг» рассказывает об организованной ею пресс-конференции ведущих турецких журналистов; перед ними был поставлен вопрос: что они думают о «корне курдов»?; одни ответили, что они ничего не думают, ибо нет никаких курдов, другие нашли, что вопрос этот не актуален, а третьи признали, что в Турции живет «несколько миллионов», что есть курдский вопрос и необходимо найти его решение[122]... Так, поставленный в отвлеченной форме вопрос о происхождении курдов перерос в дискуссию о курдском вопросе и путях его разрешения. Вернувшись из поездки по Турции, бельгийский журналист Арман Гаспар также говорит о нескольких миллионах курдов в этой стране и обострении курдского вопроса[123]. Этого ныне не отрицают и руководящие круги Турции[124].

Речь идет, во-вторых, о том, что, в отличие от прежних восстаний, руководимых шейхами и феодалами, ныне в руко-

---

116 „The Times", 24 января 1963 г.

117 „Milliyet", 6 февраля 1968 г.

118 „Ջաբհոնը", 2 июня 1966 г.

119 „Milliyet", 29 мая 1966 г.

120 „Известия", 16 июня 1963 г.

121 «Son posta», 11 апреля 1947 г.

122 «Deng», № 2, 1963, 5, 12—13.

123 «Азия и Африка сегодня», № 1, 1965, стр. 51—54.

124 «Milliyet», 8 декабря 1967 г.

водство движением пришли новые силы. Из материалов процесса видно, в частности, что основная масса обвиняемых— это работники умственного труда, чиновники, офицеры и студенты[125].

Этим объясняются, в-третьих, и новые формы движения. В отличие от бесперспективных и разрозненных восстаний, ныне речь идет о том, чтобы создать массовые общественные организации с определенными лозунгами и программой, способными возглавить движение масс и направить их на борьбу за эти цели. Несмотря на подавление выступлений 1961 г., они показали не только организованность и сознательность движения, но и такое новое явление в нем, как сочетание национальных и общедемократических, социальных требований.

Новые цели и лозунги обусловливают и новые формы организации. Поэтому, в-четвертых, в отличие от организационной рыхлости, например, «Хойбуна», ныне речь идет о создании единой партии. Другое дело, что данные о ней расходятся: в то время как министерство внутренних дел арестовало 6 курдов за деятельность по созданию демократической партии Курдистана[126], турецкая пресса говорит о возрождении «Общества освобождения курдов» с Центральным комитетом в Стамбуле и его ответвлениями в Анкаре и Измире, Диарбекире и других городах Курдистана[127].

Новым в курдском движении в Турции является и то, что в отличие от прежних лидеров, оторванных от народа и рассчитывавших на помощь иностранных разведок, ныне речь идет об опоре не только на курдские массы Турции, но и на национально-демократическое движение курдов в других странах. Материалы отмеченного процесса[128] и новейшие данные турецкой прессы говорят, в частности, о связях курдского движения в Турции с движением в Иракском Курдистане[129], деятельностью Ассоциации обучающихся в Европе курдских студентов[130], а также сирийскими курдами; имеются данные о получении турецкими курдами от них материальной помощи[131].

Нельзя, наконец, не отметить и то новое в современном курдском движении, что национальные требования в нем пе-

---

125 «Vakit», 22 июня и 15 августа 1963 г.

126 «Milliyet», 1 февраля 1968 г.

127 «Milliyet», 23 января 1968 г.

128 «Vakit», 15 июня 1963 г.

129 «Milliyet», 6 февраля 1966 г.

130 «Milliyet», 23 января 1968 г.

131 «Milliyet», 1 февраля 1968 г.

реплетаются с требованиями социальными. Важно в этой связи отметить то новое в отношении правящих кругов Турции к курдскому вопросу, что проявилось, например, на недавнем заседании руководства народно-республиканской партии. Выступая на нем, генеральный секретарь этой партии заявил: «Восточный вопрос не является курдско-турецким вопросом. Он является вопросом экономическим». И хотя вся его «экономика» свелась к тезису об отсталости курдов, из материалов этого заседания видно: его участников беспокоило то обстоятельство, что социальное и экономическое положение курдов ведет к тому, что «Восток разворачивается влево»[132]. Давно известно, что говоря о «движении влево», имеется в виду «коммунизм», который так часто фигурировал в материалах отмеченных процессов над курдскими националистами[133]. Этот «коммунизм», как отмечалось, заставил НРП в бытность ее у власти, запретить... несуществующую книгу «Курды и русские революции»[134]. Он же дал министру сменившего народно-республиканцев кабинета демократов Серену заявить: «Наши враги не только русские, но и живущие на востоке курды»[135], поскольку имеется известное и ему их движение «влево».

Из рассмотренных материалов, если отбросить, конечно, их антикоммунистическую тенденциозность, видно, что речь идет о глубоком и организованном движении с определенными целями и лозунгами; движении, в котором национальные требования переплетаются с общедемократической борьбой; движении, тяготеющем поэтому к общей борьбе народов за демократию, независимость и социальный прогресс.

Нет надобности доказывать, что такое движение не может не беспокоить правящие круги Турции, тем более, что оно начинает получать все больший резонанс у мировой общественности. Несмотря на то, что Севрский договор остался клочком бумаги[136], признание в нем прав курдов до сих пор, как о том сообщает и турецкая пресса, вызывает озабоченность и беспокойство правящих кругов Турции[137], особенно если иметь в виду такие факты, как обращение курдов в Ор-

---

132 «Milliyet», 8 декабря 1967 г.

133 «Vakit», 15 августа 1967 г.

134 «Son posta», 1 сентября 1949 г. Такая работа нам не известна, судя по всему, речь идет о книге А. Ямулки «Курдистан и курдские восстания», т. I, Тегеран, 1946.

135 Цит. по «Вестник общественных наук» АН АрмССР, № 4, 1967, стр. 43.

136 В. Никитин, Курды, М., 1964, стр. 292—293.

137 „Forum", № 236, cilt 20, kasim 1967, s. 14—15.

ганизацию Объединенных Наций в 1948 г.[138], слухи о готовящихся новых шагах в этом направлении[139].

Таковы некоторые особенности современного положения курдского вопроса в Турции, обусловливающие цели и направление курдоведческой работы турецких авторов. Ее задачи остаются теми же, что и ранее: оправдать политику игнорирования национальных требований курдов и их ассимиляции, — как рекомендует А. Доган, распространением среди них турецкого языка и культуры и... силою оружия[140].

Основным идеологом этой политики выступает, как отмечалось, Ф. Кырзыоглу. Еще в «Истории Карса» он обещал выступить с серией работ, как он пишет, «доказывающих туркизм курдов»[141]. Две из них уже изданы[142]. Из первой мы узнаем, что автор имеет целью написать восемь книжек под общим названием «Являющиеся со всех точек зрения туркáми курды». Пока мы имеем только первую часть, которая называется «Являющиеся с исторической точки зрения туркáми курды». Эта небольшая по объему книжка, как видно из названия, посвящена рассмотрению этно-генетических и исторических аргументов автора на вопрос об этнической и исторической принадлежности курдов. Некоторые концепции Ф. Кырзыоглу нами рассмотрены в специальной работе на эту тему[143]. Поэтому нам остается коснуться лишь одной особенности работ этого слывущего лучшим в Турции знатока курдов.

Рассказывая об отмеченной выше пресс-конференции турецких журналистов, «Денг» пишет, что на вопрос о «корне курдов» Кырзыоглу ответил, что курды не могут иметь своего особого корня, поскольку они — турки, и в доказательство сослался на тот факт, что-де описанные Геродотом кардухские предки курдов имели лук, похожий на это оружие древних турок[144]. Возможно, журнал утрирует, приписывая Кырзыоглу «открытие», что кардухов описал не Ксенофонт, а Геродот и сделал это в IX в. до н. э., но все дело в том, что ироническое отношение к осведомленности Кырзыоглу в вопросах истории не лишено оснований. Так, в его «Истории

---

138 „Memorandum sur la question kurde", BCEK, № 6, 1949, p. 12—34.

139 «Эпишрбр», 29 сентября 1966 г.

140 «Dünga», 3 сентября 1962 г.

141 „Kars tarihi", s. 120.

142 F. Kırzıoğlu. Kürtler, I Bölün, Tarih bakımından kürtlerin türklügü, Ankara, 1964.

143 Г. Б. Акопов, Критический обзор версий туранийско-турецкого происхождения курдов. «Вестник общественных наук», № 4, 1967.

144 „Deng", № 1, 1963, s. 12—13.

Карса», есть, действительно, утверждение, из которого следует, что Ксенофонт описал кардухов за 70—80 лет до того, как... родился[145]. Такие же ляпсусы встречаются и в других его работах. Нам приходилось уже отмечать, например, что говоря о тюркском происхождении курдов—кики или мили, Кырзыоглу не знает, что в описываемое им время таких курдских «племен» не было; что касается происхождения курдов 63-го полка войск «хамидие» от тюрок-халаджанов, то он не знает не только того, что среди курдов нет такого «племени», но и того, что войска «хамидие» не могли иметь 63-го полка, ибо насчитывали всего 62 полка; говоря об огузском происхождении курдов — аман, он не знает, что такого племени нет среди курдов и не было среди огузов и т. д. и т. п.[146].

Все эти «открытия» не исключительное явление в турецкой литературе о курдах. Еще Дж.-А. Бадр-хан заметил, что в пантюркистских фальсификациях современные турецкие авторы идут дальше младотурок[147]. Иллюстрируя это, М. Хазнадар обращает внимание на то, что если Фрич нашел в курдском языке 300 собственно курдских слов, то «Ени Истанбул»[148] недавно «установила», что в нем не более 50 таких слов[149]. Более того, в некоторых случаях нынешние пантюркисты идут дальше, чем сам «самый крупный пророк пантюркизма»: в то время как Геокальп говорил о древности и самобытности курдского языка, авторы толкового «Турецкого словаря» уверяют, что «курды не имеют особого своего языка»[150].

Антинаучная и антикурдская пантюркистская тенденциозность турецких авторов давно известна[151]. Известны и разоблаченные, например, Р. Ясеми «методы» этих фальсификаций и цели[152]. Курдские авторы отмечают, что отрицание национальной и этнической самобытности их народа—это нечто иное, как отрицание науки[153], и нет ничего удивительного в том, что эти фальсификации встречают резкую отповедь.

---

145 «Kars tarihi», s. 98.

146 Г. Б. Акопов, Критическая история проблемы происхождения курдов, Ереван, 1964, стр. 42—46.

147 Дж.-А. Бадр-хан, стр. 46.

148 «Yeni Istanbul», 6 ноября 1960.

149 М. Хазнадар, стр. 53.

150 „Türkçe sözlük", Ankara, 1959, s. 511.

151 Ն. Խ. Մախմուդով, Քուրդ ժողովուրդը ե. 1959։

152 رشید یاسمی کرد وپیوستگی نژادی وتاریخی او ، ص ۸

153 Дж.-А. Бадр-хан, стр. 29.

Типичен в этом отношении ответ И. Надери редактору «Улуса» Атаю. Оценивая его «Новые песенки» о «родственности» и «близости» курдов туркам, Надери напоминает, как тот же «Улус» называл курдов «дикарями», оправдывая политику их физического истребления[154]. Анализируя эти же «родственные» притязания, А. Ямулки пишет, что все это — вымысел «шарлатанствующих турецких историков»[155].

Рассмотренный материал, подтверждая это не совсем научное, но вполне определенное мнение, дает возможность заключить, что, несмотря на наличие в трудах средневековых турецких историков кое-каких данных о курдах, турецкая историография не имеет глубоких курдоведческих традиций; дело усугубляется игнорированием турецкими авторами «невыгодных» материалов турецких источников. Интерес к курдам в Турции зародился в связи с обострением курдского вопроса; поэтому это был не научный, а политический интерес, обусловленный политическими целями. Оказавшись на службе политики, «внеполитичная» буржуазная турецкая историография занимается не историей курдов, их языком и культурой, а тем лишь, чтобы отрицать их национальность и обосновать таким образом политику насильственной ассимиляции курдов и их физического истребления. Поэтому вся турецкая курдология сводится к «этнополитике». Не имея возможности обосновать пантюркистские установки, она вынуждена извращать историю и фальсифицировать факты. Все это означает, что ныне в Турции фактически нет курдоведения как науки о курдском народе, его истории и культуре, о курдском вопросе в Турции.

Но это не означает правомерности игнорирования работ турецких авторов о курдах. Как ни скудны средневековые турецкие источники, без них вряд ли можно воспроизвести картину ими освещаемых этапов истории курдского народа. Немало данных, при надлежащем подходе, можно найти в работах и современных турецких авторов, — в условиях, когда доступ в курдские районы закрыт даже для западных журналистов, их данные — это единственный источник о курдах Турции. Нельзя, кроме того, не учитывать, что курдский вопрос в Турции — это вопрос борьбы сил курдского национального движения против шовинистической политики турецких реакционеров, и очевидно, что без изучения турецкой литературы о курдах невозможно изучение их политики в курдском вопросе и их истории вообще.

---

154 «داریا» شماره ۲۰۵ ، فروردین ۱۳۲۵.

155 А. Ямулки, стр. 15.

ՔՐԴԵՐԸ ԵՎ ՔՐԴԱԿԱՆ ՀԱՐՑԸ ԹՈՒՐՔ ՊԱՏՄԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ

Ա մ փ ո փ ո ւ մ

Հոդվածը նպատակ ունի ընթերցողին ծանոթացնել Թուրքիայում քրդերի պատմության ուսումնասիրության, թուրք պատմաբանների հիմնական աշխատությունների հետ և ցույց տալ այն ուղղությունները, որով թուրքական պատմագրության մեջ լուսաբանվում են քրդերի պատմության հարցերը։

Հոդվածն սկսվում է միջնադարյան թուրք պատմաբանների (Մովլանա Սաադէդդին, Էվլիա Չելեբի և Քյաթիբ Չելեբի) աշխատությունների տեսությամբ, որոնք քրդագիտության վերաբերյալ նյութեր են պարունակում։ Այնուհետև ցույց է տրվում, որ քրդերի մասին առանձին տեղեկություններ են հանդիպում զանազան «տեղային» (Նյուարեթ, Ինանչ, Քեոքթին, Բայգու, Ցունուվեր, Ցրղօղլու) և այլն «ընդհանուր» պատմություններում (Ջևդեթ, Լյութֆի, Ռեֆիկ, Դիարբեքիրլի), միջնադարյան փաստաթղթերի հրատարակություններում (Քեմալ, Ռեֆիկ) և մեմուարային գրականության մեջ (Մոլտքե, Սարի Փաշա)։ Սակայն թուրքական պատմագրությունը քրդական տրադիցիաներ չունի։

Հենց դրանով է բացատրվում այն հանգամանքը, որ երբ երիտթուրքերի համար անհրաժեշտություն ստեղծվեց որոշակի դարձնել իրենց հարաբերությունները քրդերի հետ, սեփական մասնագետ չգտնելով, նրանք դիմեցին գերմանացի արևելագետ Ֆրիչին։ Նրա «Քրդերը» առաջին ինքնուրույն քրդագիտական աշխատանքն է Թուրքիայում։ Պանթուրքական ոգով գրված այդ աշխատությունը մինչև այժմ որոշիչ է հանդիսանում թուրք հեղինակների աշխատանքներում։ Այդպիսին են Մուստաֆա Նուրի Փաշայի, Զաքարիայի, Փաշա-զադեի, Գյոքալփի և այլոց աշխատությունները։

Նրանք բոլորը ժխտում են քրդերի ազգությունը, դրանով հիմնավորելով Թուրքիայի կառավարող շրջանների իրավունքը՝ արհամարհելու նրանց ազգային շահերը։

Դրանով է բացատրվում և այն փաստը, որ իրոք թուրք հեղինակների բոլոր «հետազոտությունները» պտտվում են քրդերի ծագումաբանական և ազգային պատկանելության հարցի շուրջը։ Բա-

ցառություն է կազմում լոկ Հաքեկքիի աշխատությունը, որտեղ փորձ է արված պարզաբանել քրդական ապստամբությունների պատճառները։ Որոշ աղգագրական և տնտեսագիտական նյութ են պարունակում Քեմալի և Աղարի աշխատությունները։ Այսուհանդերձ, նրանցից ոչ մեկը քրդագիտական բնույթի չէ։

Ճանաչելով քրդական հարցը, Թուրքիայի կառավարող շրջանները երկար ժամանակ արգելում էին հատուկ քրդագիտական աշխատությունների հրատարակումը։ Դրությունը որոշ չափով փոխվեց վերջին տասնամյակում։ Քրդական հարցի սրմամբ անհանգստացած, նրանք ձգտում են համոզել, քրդերը թուրք են և հիմք չունեն անկախություն պահանջելու։

Այդ թեզի ապացուցմանն է նվիրված Թուրքիայի այժմյան նշանավոր քրդագետ Կըրզը-օղլույի «ստեղծագործությունը»։ Հրատարակված է մի քանի աշխատություն, այդ թվում՝ «Ղարսի պատմությունը», «Քրդերի արմատը»։

Նա նախատեսում է հրատարակել 8 աշխատություն «բոլոր տեսակներից թուրք հանդիսացող քրդերը» ընդհանուր վերնագրով։ Առայժմ լույս է տեսել մի գրքույկ՝ «Պատմական տեսակետից թուրք հանդիսացող քրդերը»։ Այդ աշխատության մեջ աղբյուրների ենթադրությունները, անտեղյակությունը ինչպես քրդերի, այնպես էլ թուրքերի պատմության հարցերին, միահյուսվում են շովինիզմի, քրդերի նկատմամբ ատելության, հակասովետականության հետ։

Հոդվածն ավարտվում է այն եզրակացությամբ, որ թուրք պատմագիտությունը չունի քրդագիտական տրադիցիաներ։ Քրդերի նկատմամբ հետաքրքրությունը կրում է ոչ թե գիտական, այլ քաղաքական բնույթ։ Նպատակը ոչ թե քրդերի ուսումնասիրությունն է, այլ նրանց աղգության բացառումը։ Այստեղից էլ՝ թուրք հեղինակների աշխատությունների հակագիտականությունը։ Բայց, չընայած այս բոլորին, քրդերի պատմությունը լուսաբանելիս չի կարելի արհամարհել միջնադարյան պատմաբանների տվյալները և այն սակավ նյութը, որ հաղորդում են ժամանակակից հեղինակները։

Նրանց աշխատությունների ուսումնասիրման անհրաժեշտությունը թելադրվում է նաև նրանով, որ վերջիններս քրդական հարցում Թուրքիայի կառավարող շրջանների քաղաքականության ուսումնասիրության միակ աղբյուրն են։

Մ. Հ. ՔՈՉԱՐ

ԹՈՒՐՔԱԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ՊՈԼՍԱՀԱՅ ԲԱՐԲԱՌՈՒՄ (ԲԱՅԵՐ)

Փոխառությունների պրոբլեմը և դրա հետ սերտ կապված՝ լեզվի տարբեր մակարդակների ներթափանցման և օտար լեզվի ազդեցության ենթարկվելության հարցը, գրավել և գրավում է հետազոտողների ուշադրությունը։ Այս կապակցությամբ հայ-թուրքական լեզվական առնչությունների ուսումնասիրությունը անվիճելի գիտական հետաքրքրություն է ներկայացնում ինչպես հայագետների, այնպես էլ թուրքագետների համար։ Այս առնչությունների ուսումնասիրությունը սկսվել է դեռևս 19-րդ դարի սկզբին և հիմք դրել ամբողջ ուղղության ստեղծման, որ ստացավ Armeno-Turcica *անունը։ Հայ-թուրքական լեզվական առնչությունների ուղղությամբ բոլոր որոնումները վերաբերում են գրավոր գրականության հուշարձաններին։*

Սակայն, հայ թուրքական լեզվական առնչությունները բարբառագիտության տեսակետից, և, մասնավորապես, թուրքաբանության պլանով, դեռևս անբավարար է ուսումնասիրված։ Հայոց լեզվի որոշ բարբառների ուսումնասիրությունը հնարավորություն կտա լուսաբանել թուրքական լեզուների պատմական վիճակի առանձին հարցեր։ Այս կապակցությամբ մեծ հետաքրքրություն է ներկայացնում պոլսահայ բարբառը, քանի որ այն երկար ժամանակ սերտ կապի մեջ էր գտնվում թուրքերեն լեզվի հետ։

Արևմտահայ դասական գրող Հ. Պարոնյանի ստեղծագործություններից (Երկեր 11 հատ. Երևան, Պետհրատ, 1931—1948 թթ.) քաղված նյութի հիման վրա մենք փորձել ենք քննել Կոստանդնուպոլսի բարբառի հայոց լեզվի թուրքաբանությունները, տալ դրանց բառա-իմաստաբանական և ձևաբանական բնութագիրը։ Ներկա հոդվածում քննարկվում են բայ-թուրքաբանությունները հայոց լեզվի Կոստանդնուպոլսի բարբառում։

Վերջինիս մեջ թուրքերենից փոխառված բայերը գոյականներից հետո քանակով և օգտագործելիությամբ գրավում են 2-րդ տեղը։

Հր. Աճառյանը, դասակարգելով փոխառվող բայերը, դրանք բաժանում է 2 խմբի.

1. Թուրքական բայական հիմքեր, որոնք ձևավորված են բայի հայկական քերականական ձևերով.

2. Բաղադրյալ բայեր, որոնց անվանական մասը կազմված է թուրքերեն դերբայից, իսկ բայական մասը՝ հայերեն ընել (etmek), ըլլալ (olmak) օժանդակ բայից։

Մեր հավաքած փաստական նյութը թույլ է տալիս ընդլայնել այս դասակարգումը և մանրամասնորեն կանգ առնել տարրալուծական բնույթի բայերի վրա, քանի որ օրինակները խոսում են փոխառությունների էլ ավելի մեծ բազմազանության մասին։

Բայերի մեր առաջադրած դասակարգումը ենթադրում է երեք խումբ.

1. Բայի հայկական քերականական ձևերով կազմված թուրքական բայական հիմքեր.

2. Բաղադրյալ բայեր, որոնք կազմված են թուրքական անուներից և հայերեն օժանդակ բայից։ Տվյալ խմբի բայերի մեջ առանձնակի հետաքրքրություն են ներկայացնում բայական դարձվածաբանությունները։

3. Տարալուծական — միշ ընել (— miş ənel) և միշ ըլլալ (miş əllal) բայեր։

1-ին խմբի բայերի թիվը սահմանափակ է, սակայն կարելի է նկատել հետևյալ օրինաչափությունը. միևնույն բայերը բազմիցս հանդիպում են տեքստերում։ Այդ փաստը խոսում է այն մասին, որ նրանք ուսումնասիրվող շրջանում մտած են եղել Ստամբուլի հայ բնակչության առօրյա բառապաշարի մեջ։

Դիմենք օրինակների։

Թուրքերեն cal-mak բայը անցել է հայոց լեզվին, պահպանելով միայն իր որոշ նշանակությունները. 1. խփել, զարկել, 2. նվագել (երաժշտական գործիքի վրա)։

...մինչև իրիկուն բիանո կը չալե... հ. 8, էջ 154։

չալ-ել—çal-mak «նվագել» (երաժշտ. գործիքի վրա)
չալ-ե-çal-e եղակի թիվ, 3-րդ դեմք ներկա ժամանակ սահմանական եղանակ։

...երբեմն մատվըներովդ կը չալես ալ... հ. 10, էջ 124։

չալ-ել—çal-mak «խաղալ»

չալ-ես—çal-es 3-րդ դեմք, եզակի թիվ, ներկա ժամանակ, սահմանական եղանակ։

Թուրքերեն լեզվում բայագոյացման երկու ձև կա—համադրական և տարրալուծական։ Համադրական բայերը բաժանվում են արմատական և ածանցյալ տեսակների։

Ածանցյալ հիմքերով բայերը կազմվում են անուններից՝ տարբեր արտածվող և ոչ արտածվող ածանցների օգնությամբ։

Հետազոտվող լեզվում կարելի է նշել տարրալուծական հետևյալ բայերը şişmarla ածանցյալ բայը կազմված şişman (գեր, չաղ, ճարպոտ, պիրկ) ածականից արգասավոր la-վերջածանցից, որը անուններից բայական հիմքեր է կազմում։

Սակայն Կոստանդնուպոլսի հայերի խոսքում şişmala=—բայի հիմքը կորցնում է վերջածանցը։

...Ինչպես, կը շիշմաննան կոր... հ. 10, էջ 97։

կը շիշման-նան—3-րդ դեմք, հոգն. թիվ սահմ. եղանակի ներկա շարունակ. ժամանակ, շիշման-նալ—şişmanla-mak գիրանալ կը շիշման-նան kə şişman-nankor 3-րդ դեմք, հոգնակի, թիվ սահմանական եղանակի ներկա շարունակական ժամանակ։

...Անճարակներ մնացել ենք, հազըրին կը պեքլեենք... հ. 2, էջ 71. պեքլե-ել «սպասել»։

ածանցյալ բայ կազմված le աֆֆիկսով։ bek անվանական մասից։

...կենե մի պաշլայեր, աստվածդ սիրես... հ. 6, էջ 49։

պաշլա-յել—basla=mak «սկսել»

ածանցյալ բայ՝ կազմված =la=աֆֆիկսից baş անվանական մասից։

մի պաշլա-յեր-mi başla-yer 2-րդ դեմք, եզակի թ. հրամայական եղ. ...ինձի նայե երեկ գիշերվան պես նորեն չպաշլայենք... հ. 2, էջ 66. չպաշլա-յենք—çə başla-yenk ժխտական հոլովում, 1-ին դեմք, հոգնակի թիվ ապառնի ժամանակ, ընձական եղանակ։

Ինչպես նշվեց վերը, հայկական քերականական ձևավորմամբ թուրքական բայերի փոխառությունների թիվը սահմանափակ է, բայց դրանց կիրառությունը շատ տարածված էր։

Մի այլ, բայց ավելի մեծ խումբ են կազմում բարդ բայերը, որոնք կազմված են թուրքական անունից և հայկական օժանդակ բայից։

Ա. Կոնոնովը «ժամանակակից թուրքերեն լեզվի քերականություն» աշխատողության մեջ գրում է. տարրալուծական բնույթի թուրքական բայերը բաղադրյալ բայեր են, որոնք կազմվում են 2 տարրից. անունից, իսկ ավելի հազվադեպ՝ անունների խմբից և բառա-շարահյուսական հատուկ դեր ունեցող բայից։

Այսպիսի բաղադրյալ բայերում նախնական ներքին հարաբերությունները իրենցից բայական ստորոգյալի նկատմամբ լրացման հարաբերակցություն ունեն։ Հետագայում 2 մասերը միաձուլվել են լեքսիկական մի ամբողջության մեջ, իսկ նշված բայերը դարձել են բառակազմական տարր[1]։

Թուրքերենում բառակազմա-շարահյուսական նշանակություն ունեցող օժանդակ բայերի շարքն են դասվում etmek, eylemek kılmak *բայերը։*

*Պոլսահայերի բարբառում թուրքերեն օժանդակ բայերը մեծ մասամբ օգտագործվում են ընել (*etmek*) և ըլլալ (*olmak*) օժանդակ բայերի հետ։* Etmek *(ընել) բայը կազմում է ներգործական չեզոք սեռի բայեր։ Բաղադրյալ բայի ներգործական կամ չեզոք լինելը պայմանավորված է անվանական մասով։*

Մեծ մասամբ դա գոյական է՝ թուրքական կամ փոխառված արմատով։

*Ընել (*etmek*) օժանդակ բայով կազմված ներգործական սեռի բաղադրյալ բայեր.*

...իւթիւ կընե կոր...—արդուկում է... հ. 10, էջ 97.
*իւթիւ ընել—*ütü etmek *«արդուկել»*
*իւթիւ—*ütü *«արդուկ»*
...թող չի դար, մենք տավեթ ըրինք՞,... հ. 7, էջ 30.
*տավեթ ընել—*davet etmek *«հրավիրել»*
*տավեթ—*davet *«հրավերք», «խնջույք», «բանկետ»*
...խեննթ չենք, որ ձեզի սիկուրթա ընենք... հ. 2. էջ 101.
*սիկուրթա ընել—*sigorta etmek *«ապահովագրել»*
*սիկուրթա—*sigorta *«ապահովագրություն»*
...ժողովուրդը միայն ղայպ ըրի կըսե... հ. 5. էջ 26.

---

1 *Ա. Կոնոնով, ժամանակակից թուրք. լեզվի քերակ., Մոսկվա-Լենինգրադ, 1956, էջ 263։*

ղայպ ընել—kaybetmek *«կորցնել»*

ղայպ—kayep *«կորուստ», «բացակայություն», «անհետացում»*

...չընդունված ըլլալը պիտի գրով հաղորդվի իրեն, որպեսզի խոթինաֆ ընե. հ. 2. էջ 22.

խոթինաֆ ընել—istinaf etmek *«ներել»*

խոթինաֆ—istinaf *ներում*

...աֆ կընենք, ամա Համբարձում աղա, սա ըրածնիդ ալ չվայելեր... հ. 10. էջ 117.

աֆ ընել—affetmek *«ներել»*

աֆ—af *«ներողություն»*

...ատիկա ատեթա ֆասլ ընել է... հ. 10. էջ 79.

ֆասլ ընել—fasletmek *«բաժանել», «վերլուծել», «կարգավորել»*

ֆասլ—fasel *«բաժանմունք», «մաս», «գլուխ»*

...լիքորինոզները տակավին թելեկրաֆ կամ շմենտիֆեր իճաատ չեն ըրած...

իճաատ ընել—icat etmek *«հայտնագործել»*

իճաատ—icat *«հայտնագործում», «բացահայտում»:*

Հատուկ բառա-շարահյուսական նշանակություն ունեցող թուրքերեն այն բայերը, որոնք բաղադրյալ բայերի բառակազմական տարրեր են, ինչպես օր. etmek *բայը հաճախ աֆիքսային կրկնակներ ունեն.*

Պոլսահայ բարբառում այդ ղուգահեռականությունը, այսինքն համադրական ածանցյալ բայի փոխարինումը բաղադրյալով, ավելի լայն տարածում ունի քան գրական թուրքերենում: Սա առավելապես խոսակցական թուրքերենի և նրա բարբառների օրինաչափությունների արտացոլումն է.

Օրինակներ՝

...զահեր ես թող կուտամ, որ դուլլս կոտրվի, դեռ անցյալ շաբթու մերամեթ ընել տվի... հ. 8. էջ 156.

մերամեթ ընել—meramet etmek/merametlamak *«ուղղել», «վերանորոգել»*

մերամեթ—meramet *«վերանորոգում»*

...մի խմեց, ես զոռ չեմ ըներ... հ. 1. էջ 147.

զոռ ընել—zor etmek/zorla mak *ստիպել, հատկացրել*

զոռ—zor *«ստիպել»*

Գրական թուրքերենի saymak *բայը պոլսահայ բարբառում փոխարինվում է ուրիշ՝ տարրալուծական ձևով, որը գործածական է խոսակցական լեզվում (*sayge etmek*):*

...ես կուզեմ որ հարսս ինքն իրմե սայլի ընե և աշխատի... հ. 7. էջ 261։

սայլի ընել—saygı etmek/saymak *«հարգել»*

սայլի—saygi *«հարգանք»*

...բոլիսիքը կը բերեն և ամեն տեղ տալտըրմա կընեն... հ. 7. էջ 287,

տալտըրմա ընել—daldırma etmek *«մտցնել»*

Բայց (մտցնել, խոթել) հայկական տարբերակում վեր է ածվում բաղադրիչ բայի, որը կազմված է բայական անունից՝ dalderma *և օժանդակ «ընել» (*etmek*) բայից։*

Ինչպես երևում է օրինակներից, վերը բերված բոլոր բաղադրյալ բայերը ներգործական են, նրանց անվանական մասը նշանակում է գործողության անուն, (որը կարող է ունենալ ուղղակի լրացում, օբյեկտ կամ ձև)։

*Չփոխարկվող բաղադրիչ բայերը ընել (*etmek*)-ի հետ՝*

...շիտակը Առաքել աղան սուտ լախբրտոը չըներ... հ. 10. էջ 80.

լախբրտոը ընել—lakirdı etmek *խոսել*

լախբրտոը—lakırdı *«խոսք» «խոսակցություն»*

...յեկուր, կտոր մը յարտըմ ըրե... հ. 5. էջ 269.

յարտըմ ընել—yardım etmek *«օգնել»*

յարտըմ—yardım *«օգնություն»*

...որ չափերնը թերս խալթ չընե... հ. 7. էջ 225.

խալթ ընել—haltetmek *«հիմարություն անել»*

խալթ—halt *«հիմարություն», «անմիտ արարք»*

...մարդիկ հավիտյան իրարու արյուն պիտի խմեն և իրարու քյուֆուր պիտի ընեն... հ. 9. էջ 175.

քյուֆուր ընել—küfretmek *«հայհոյել», «անպատվել»*

քյուֆուր—küfür, *«հայհոյանք»*

...Ի՛նչ վնաս ունի, դուն ալ ումուր կընես... հ. 1. էջ 159.

ումուր ընել—umur etmek *«անհանգստանալ»*

ումուր—umur *«անհանգստություն»*

...Ի՞նչ կընենք պարոն Միհրան, թող տվեք, որ լաստիկները հանի, զահմեթ մի ընեք... հ. 1. էջ 199.

զահմեթ ընել—zahmet etmek *«անհանգստանալ», «նեղություն կրել»*

զահմեթ—zahmet *«աշխատանք», «դժվարություն», «անհանգստություն»*

...թոքա մը ընենք... հ. 7. էջ 228.

թոքա ընել—toka etmek *կենաց խփել*

Թոքա—toka *«կենաց»*

...բայց պեքճին տանին առջև կեցած շարունակ փատը զարնելեն մերաք չըրի... հ. 8. էջ 168.

մերաք ընել—merak etmek *«անհանգստանալ», «հետաքրքրվել»*

մերաք—merak *«հետաքրքրասիրություն» «հետաքրքրություն», «անհանգստություն», «վախ», «ահաբեկում»:*

Վերը բերված օրինակներում ներգործական բայերի անվանական մասը նշանակում է առարկա, հետևանք կամ վիճակ: Թուրքերեն լեզվում բայը իր բայակազմական դերում ունի ոճական համանիշներ eylemek *«անել» «արտադրել», «կատարել» համանիշները, որոնք հանդիպում են պաշտոնական-գրասենյակային լեզվում:*

Kılmak *«անել»-ը օգտագործվում է շատ սակավ,* buyurmak *«հրամայել», «ցանկանալ» և* etmek *բայի փոխարեն, երբ գործողությունը կատարվում է բարձրապաշտոն մարդու կողմից, կամ այնպիսի անձի կողմից, որին դիմում են հատուկ հարգանքով:* Etmek *բայի այս ոճական համանիշները սահմանափակ կիրառություն ունեն իր իսկ թուրքերենի մեջ, այդ պատճառով փոխառված բայերում հայերենում, առավել ևս խոսակցական լեզվում, բոլորը փոխարկվում են* etmek *օժանդակ բայով:*

Շատ թուրքագետներ բաղադրյալ բայերի շարքն են դասում կապակցությունները (անուն-բայ) olmak *«լինել» «արվել» «դառնալ»*

...չիյտեմ... վերեմ պիտի ըլլամ ձեր ձեռքեն... հ. 9. էջ 220.

վերեմ ըլլալ—verem olmak *«թոքախտով հիվանդանալ»*

վերեմ—verem *«թոքախտ»*

...քովիններուդ երեսը ծուռծուռ կը նայիս կոր, որպեսզի սուս ըլլան... հ. 9. էջ 250.

սուս ըլլալ—sus olmak *«լռել»*

սուս—sus *«լռություն»*

...մարդը քսան և հինգ անգամ բիշման կըլլա կոր ձեզի հանդիպելուն վրա... հ. 9. էջ 151.

բիշման ըլլալ—pişman olmak *«փոշմանել», «զղջալ»*

բիշման—pişman *«զղջալ»*

...չորբա բերբերին թրաշ եղեր ես... հ. 1. էջ 113.

թրաշ ըլլալ—tiraş olmak *«սափրվել»*

թրաշ—tiraş *«սափրում»*

...և այնքան աղմուկներ պիտի ընեմ, որ ամեն մարդ թաճիզ ըլլալ... հ. 9. էջ 191.

թաճիզ ըլլալ—taciz olmak *«անհանգստանալ», «նեղվել», «հոգնել»*

թաճիզ—taciz *«նեղություն», «անհանգստության պատճառում»*
...որպեսզի սա մարդոց մուհթաճ չըլլամ... հ. 9. էջ 207.
մուհթաճ ըլլալ—muhtaç olmak *«կարիք զգալ»*
մուհթաճ—muhtaç *«կարիք»*
...մարդուս արյունը կավրվի, լեղին կը բրդի կամ սըրաճա կըլլա... հ. 10. էջ 158։
սըրաճա ըլլալ—sıraca olmak *«խլախտով հիվանդանալ»*
սըրաճա—sıraca *«խլախտ»*
Olmak *բայը բառակազմական դերում մոտենում է*—lan-/-len—*աֆիքսին։*

Թուրքերենում այդ աֆիքսների միջոցով կազմված այն ածանցյալ բայերը, որոնք հաճախ օգտագործվում են հատկապես այս ձևվով, հայերեն տարբերակում կիրառվում են միայն որպես տարրալուծական բայեր։ Այս փոխարկումը ածանցյալ բայից տարրալուծականի կրկին թուրքերեն խոսակցական լեզվի օրինաչափություններից մեկի արտացոլումն է։

...կարծվիլ չուզելը շատ մերաք եղավ ինձի... հ. 6. էջ 225։
մերաք ըլլալ—merak olmak *«անհանգստանալ»*
մերաք—merak *«հետաքրքրություն», «հետաքրքրասիրություն», «անհանգստություն»*
...բան մը կա, որ ինձ շատ մերաք եղած է... հ. 1. էջ 58.
մերաք ըլլալ (նայիր վերև)
...գոնե այս գիշեր չոլուխով-չոճուխով մասխարա ըլլանք և պալո երթանք հ. 6. էջ 94.
մասխարա ըլլալ—maskara olmak *«ծիծաղի առարկա դառնալ»*
մասխարա—maskara *«ծիծաղի առարկա»*
...մորդ յարտախ ըլլաս պարի... հ. 5. էջ 269.
յարտախ ըլլալ yardak olmak *«օգնական դառնալ»*
յարտախ—yardak *«օգնական»։*

Բոլոր բայական համադրությունները «ըլլալ»-ի հետ ունեն չեզոք, ընդհանուր անդրադարձ կամ կրավորական նշանակություն։ Դրանց անվանական մաս կարող են դառնալ գոյականներ, ածականներ (ինչպես մեր օրինակներում)։

Բացի վերը քննարկված՝ բաղադրյալ բայերի կազմավորման ձևից, թուրքերենում բայական արտահայտությունների կազմավորման համար կա նաև զուտ շարահյուսական ձև։ Դրանք դարձվածաբանական կայուն համադրություններ են, կազմված լրացումից (պարագայից, ենթակայից և բայական ստորոգյալից)։

Այս բայական դարձվածքաբանություններում անվանական

մասի և բայի հարաբերակցությունը հիմնված է բառակազմությունների համար բնորոշ շարահյուսական հարաբերությունների վրա:

Այս կայուն բառակազմությունները պոլսահայերի լեզվին են անցել նույն տեսքով, ինչպես և etmek և olmak-ով կազմված բաղադրյալ բայերը, այսինքն դրանց անվանական մասը թուրքական է, իսկ բայը—պատճենած:

Դիտարկենք մի քանի օրինակներ:

...հինգ ղուրուշով չալըմ կը ծախեր... հ. 1. էջ 63.
չալըմ ծախել—çalim satmak «երևակայել», «ձևացնել»
ծախել—satmak «վաճառել»
չալըմ—çalim «երևակայություն»
...եկուր այս անգամ չղռանք տե չիֆտե մը նետենք... հ. 10. էջ 291.
չիֆտե նետենք—çifte atmak «աքացի տալ»
նետել—atmak «նետել»
չիֆտե—çifte «աքացի»
...թաքլաք մը նետել տվեք... հ. 1. էջ 126.
թաքլաք նետել—taklak atmak «թավալել»
նետել—atmak «նետել»
թաքլաք—çifte «թավալել», «մահվան օղակ»
...եթե աղջիկ մը յուր սիրեկանը կորուսնե պակլա նետել կուտա... հ. 2. էջ 155.
պակլա նետել—bakla atmak «բախտ բացել»
պակլա—bakla «բակլա»
...աղեկ, տղաս ալ թող թուփ նետել սորվի... հ. 8. էջ 173.
թուփ նետել—top atmak «թնդանոթից կրակել»
թուփ—top «թնդանոթ»
...կը տեսնանք, աս ալ մեզ թուփ նետել տալու կը նայի... հ. 2. էջ 37.
թուփ նետել—top atmak «սնանկանալ», «ցնդել օդ»
նետել—atmak դցել, նետել
թուփ—top «թնդանոթ», «զենք»
...համոզված եմ ես, որ աղեկ բարա կոտրեցիր հ. 10. էջ 185.
բարա կոտրել—para kırmak «վաստակել»
բարա—para «փող»
...պոնո մը ունիս քովս... ձեզի կոտրել տալու եկա... հ. 10. էջ 27.
պոնո կոտրել—bono kırmak «մուրհակ զեղչել»
կոտրել —kırmak «կոտրել», «ջարդել»
պոնո—bono «մուրհակ», «չեկ»
...էֆենդի բարադ կավրեմ... հ. 2. էջ 108.

բարա ավրել—para bozmak «մանրել փողը»
ավրել—bozmak «փչացնել», «քանդել», «մանրել»
...գործերուն մեջ րիւշվեթ չեմ ուտեր... հ. 2. էջ 58.
րիւշվեթ ուտել—rüşvet yemek «կաշառք վերցնել»
ուտել—yemek «ուտել»
րիւշվեթ—rüşvet «կաշառք»
...ինչ կըսես աղբար, ֆայիտները կառնենք ու յան կուգանք... հ. 8. էջ 99.
յան գալ—yan gelmek «հանդստանալ»
գալ—gelmek «գալ»
յան—yan «կողմ»
...վազ անցա բուկին ընելիք յարտըմեդ... հ. 5. էջ 269.
վազ անցնել—vaz geçmek «հրաժարվել», «միտքը փոխել»
անցնել—geçmek «անցնել»
վազ—vazi/vaiz «խրատ», «քարոզ»
...սիկարա մը կըխմենք, էֆենտի... հ. 9. էջ 250.
սիկարա խմել—sigara içmek «ծխել» (սիգար)
խմել—içmek «խմել»
սիկարա—sigara «սիգար»
...ուրեմն գարար տանք ու լմցնենք... հ. 2. էջ 205.
գարար տալ—karar vermek «որոշում ընդունել»
տալ—vermek «տալ»
գարար—karar «որոշում»

Կայուն քառակապակցութիւնների մեջ կան այնպիսիք, որոնք պոլսահայերենում պատճենած են ամբողջապես—ինչպես անվանական, այնպես էլ բայական մասերը։

...և հսկել, որ գիշերները չբացվի և պաղ չառնե... հ. 8. էջ 205.
պաղ առնել—soğuk almak «մրսել»
պաղ—soğuk «ցուրտ», «սառը»
առնել—almak «վերցնել»

Նույն սկզբունքով է կազմված նաև «հազալ» բայը։ Թուրքերենում այդ բայը բաղադրյալ չէ (öksürmek) և այդ ձևը բառարանները չեն տալիս։ Պոլսահայ բարբառում կա հենց այդպիսի մի օրինակ, որը խոսում է այդպիսի ձևի առկայության մասին Ստամբուլի Թուրքերեն խոսակցական լեզվում... հազ մը առինք... հ. 7. էջ 223.
հազ առնել—«հազալ»
...պատասխանը չառնելու համար հեռագիր քաշին... հ. 9. էջ 287.
հեռագիր քաշել—telegraf çekmek «հեռագրել»

հեռագիր—telegraf «հեռագիր»
քաշել—çekmek «քաշել»

Պոլսահայ բարբառի մեջ թուրքաբանությունների ներթափանցման ուսումնասիրությունը (ձևաբանական ու շարահյուսական առումներով) հիմք է տալիս եզրակացնել, որ մի շարք դեպքերում այն պայմանավորված է երկու լեզուների տիպոլոգիական կառուցվածքների ընդհանրությամբ, ընդհանրություն, որը հնարավորություն է տալիս համեմատաբար հեշտությամբ հայկական բաղադրամասերը փոխարինել թուրքականով, չխախտելով իր իսկ կառուցման ընդհանուր սկզբունքը։

Տարրալուծական բնույթի բայերի մի այլ մեծ խումբ պոլսահայ բարբառում (ինչպես նաև Երևանի, Նոր Նախիջևանի և ուրիշ բարբառներում գոյարկվում է թուրքական բայական—miş անվան և հայերեն ընել և ըլլալ օժանդակ բայերից կազմված բառակապակցությունների ձևով։

Անվանական այսպիսի կազմամաս ունեցող բաղադրյալ բայերը ավելի շատ բնորոշ են Կոստանդնուպոլսի՝ քան թե հայկական մյուս բարբառներին։

Սակայն բուն թուրքերեն լեզվում բաղադրյալ այս բնույթի բայերը գոյություն չունեն։

Նման ձևի բաղադրյալ բայերի հայոց լեզվի մյուս բարբառներում նույնպես տարածված լինելը վկայում է այդ փոխառությունների ոչ թե թուրքական, այլ թյուրքական բնույթի մասին։ Այն վերաբերում է ավելի վաղ ժամանակաշրջանների, քանի որ թուրքերեն լեզվում իսկ miş ձևը զարգացել է որպես verbum finitum, *իսկ* miş *ձևի ինդիֆերենտությունը ժամանակի նկատմամբ, որը դիտվում է պոլսահայ բարբառի տարրալուծական բայերի նշանակալից խմբերում, վերաբերում է այդ ձևի ավելի վաղ վիճակին։*

*Դեռևս պրոֆեսոր Ժ. Դենին իր «Թուրքերեն լեզվի քերականություն» գրքում անդրադարձել է այն փաստին, որ անգամ «հնում—*miş *-(i)ն... -ig... ձևերը կիրառվել են որպես գործողության անուններ»*[1]։

Ն. Կ. Դմիտրիևը նույնպես նշել է, որ դեռևս օրխոնյան արձանագրություններում «միշ»-ը միաժամանակ հանդես է գալիս որպես verbum infinitum *(դերբայ, բայական անուն) ինչպես նաև*

---

[1] J. Deny. Grammaire de la langue turque (dialekte osmanli), Paris, 1920. стр. 1113, § 716.

verbum finitum *(անցյալ ժամանակների որևէ մեկի նշանակությամբ)*[2]։

Ա. Գաբենը նույնպես այն տեսակետին է, որ—mĭš—miş ձևը գործածվում է ածականաբար, գոյականաբար և որպես ստորոգյալ[3]։

Ե. Վ. Սևորդյանը բայական աֆիքսավոր անունների մեջ տարբերակում է երկու խումբ. առաջին—miş-ով ածանցյալներ, որոնք անտարբեր են կատարյալ ձևի նկատմամբ, երկրորդ՝ այն ածանցյալները, որոնցում կատարյալի իմաստը ավելի կամ պակաս հստակությամբ է ի հայտ գալիս։ Առաջին խումբը բնորոշ է տվյալ ձևի ավելի վաղ ժամանակների, երկրորդը՝ հետագա ժամանակաշրջանի համար։ Այդ տարբերությունները խմբերի միջև կանխորոշում են նաև իմաստների կազմի ու բնույթի տարբերություններ։

Խմբային այս տարբերակները զանազանություն են մտցնում նաև իմաստների թե՛ բնույթի, և թե՛ կազմի մեջ։

Առաջին խմբին պատկանող ածանցյալներին բնորոշը որևէ պրոցեսի անվան նշանակություն արտահայտելն է։

Միանգամայն հիմնավոր է նշել, որ հայերենի հիշյալ բնույթի բաղադրյալ բայերում—miş-ով կազմված անվանական մասը ֆրեհնից բայական անուն է ներկայացնում, որը նշանակում է պրոցեսի անվանում, և ոչ թե թուրքական կամ ադրբեջանական տիպի դերբայ։

Այժմ քննենք «միշ»-ով և «ընել» օժանդակ բայով կազմված մի քանի բաղադրյալ բայեր։

...չենք ուզեր, որովհետև անոր քյուլ յութտուրմիշ չենք կրնար ընել... հ. 2. էջ 56.

հայ.—քյուլ յութտուրմիշ ընել—«խաբել»

թուրք. kül yutturmak—*«խաբել»*

քյուլ յութտուրմիշ—kül yutturmuş *«խաբեբայություն», «խաբել»*

...պոթին մը առ ըսի, հիններս յամալաթմիշ ընելով բերանս գոցեցիր... հ. 2. էջ 65.

---

[2] Н. К. Дмитриев. К вопросу о значении османской глагольной формы «мыш», ЗКВ, II, вып. I, 1926, стр. 10.

[3] A. von Gabain alttürkishé Grammatik, Leipzig, 1950, стр. 114.

[4] Э. В. Севортян, Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке, М., 1966, стр. 348.

[5] *Հ. Աճառյան, Հայերենի լիակատար քերականություն, Երևան, 1961 թ. հ. 4, դիրք 2, էջ 489—498։*

Հայ.—յամալաթմիշ ընել—նորոգել, կարկատել
Թուրք.—yamalatmakze—նույն նշանակությունն ունի
յամալաթմիշ—yamalatmeş—գործողության անուն, կազմված է yamalatmak—*բայից:*
...գողություն ընե՞մ, մարդ տոլանտըրմիշ ընեմ...
Հայ. տոլանտըրմիշ ընել «խաբել»
*Թուրք.—*dolandermak *նույնը*
*տոլանտըրմիշ—*dolandermış *միևնույն բայից՝ գործողության անուն*
...շատ խայնաթմիշ ըրինք... հ. 8. էջ 334.
Հայ.—խայնաթմիշ ընել «հռացնել»
*Թուրք.—*kaynatmak *նույնը*
*խայնաթմիշ—*kaynatmiş *—միևնույն բայից կազմված գործողության անուն է:*
...քեզի յախըշտըրմիշ չեմ ըներ կոր այս խոսքերը... հ. 6. էջ 15.
Հայ.—յախըշտըրմիշ ընել—«արժանի, սազական համարել»
*Թուրք.—*yakıştırmak *նույն նշանակությունը ունի*
*յախըշտըրմիշ—*yakıştırmiş *—միևնույն բայից կազմված գործողության անունը*
...ինչ ընեիքս շաշըրմիշ եմ ըրեր... հատ. 9. էջ 175.
Հայ.—շաշըրմիշ ընել—շփոթվել, շվարել
*Թուրք.—*şaşırmak *նույնը*
*շաշըրմիշ—*şaşırmış *միևնույն բայից կազմված գործողության անուն:*

Մի շարք դեպքերում բայական ձևերը կազմված են բայասեռի հիմքերից, որոնցում սեռի ցուցիչը երբեմն բառակազմական, երբեմն էլ ուղղակի սեռը տարբերակող (հարկադրական, միջին-անդրադարձ, կրավորական և այլն) նշանակություն ունի:
...ամա աս ու ան մեզի այրպլամիշ պիտի ընե եղեր... հ. 2. էջ 150.
Հայ.—այրպլամիշ ընել «ամոթանք տալ» պախարակել»
*Թուրք.—*ayıplamak *նույնը*
*այրպլամիշ—*ayıplamış *միևնույն բայից կազմված գործողության անուն:*

Այն բաղադրյալ բայերում, որոնց անվանական մասը որևէ պրոցեսի անվանում է և պերֆեկտիվ նշանակություն չունի, օժանդակ բայ է դառնում ինչպես և վերոհիշյալ օրինակներում, ընել-ը:

Այն բաղադրյալ բայերը, որ կազմված են olmak *օժանդակ բայով, անվանական մասը ոչ թե որևէ պրոցեսի անվանում է նշա-*

նակում, այլ հատկանիշ՝ անկախ բայական ժամանակից, չնայած կատարյալի իմաստը ըստ երևույթին գերակշռում է։

Դիմենք օրինակների։

...չեմ ուզեր, պե ատամ, ճիյերս սղլամիշ կըլլա կոր... հ. 1. էջ 120

հայ.—սղլամիշ ընել—«ցավալ, կսկծալ»

թուրք sızlamak նույնը

սղլամիշ—sızlamış «ցավացող, կսկծացող»

...բեր փաթլամիշ ըլլանք ու ելլանք... հ. 6. էջ 15.

հայ.—փաթլամիշ ըլլալ—«պայթել», «տրաքել»

թուրք.—patlamak «պայթել», «տրաքել»

փաթլամիշ patlamış «կուշտ կերած», «տկռած»

...փաթլամիշ ըլլալ կուզես նե՝ եղիր... հ. 6. էջ 177.

...մինչև պայաթլամիշ չըլլան չենք կրնար տալ... հ. 8. էջ 183.

հայ.—պայաթլամիշ ըլլալ—«չորանալ», «հնանալ», «քարթուանալ»

թուրք. bayatlamak նույնը

պայաթլամիշ—bayatlamış «չորացած», «հնացած», «քարթուացած»

...պեյնդըդ սոլմուշ եղավ... հ. 10. էջ 98.

հայ.—սոլմուշ ըլլալ «գունատվել»

թուրք—solmak նույնը

սոլմուշ—solmuş «թոշնած», «գունատ»

...իյնալը յարամիշ եղեր է քեզի... հ. 6. էջ 36.

հայ.—յարամիշ ըլլալ «օգտակար», «լինել», «պետք լինել»

թուրք—yaramak նույնը

յարամիշ—yaramış «պետքական», «օգտակար»

...անոնք ալ վաղը պիտի չյուրիմիշ ըլլան...

հայ.—չյուրիմիշ ըլլալ «նեխել», «հոտել», «փչանալ»

թուրք.—çürümek նույնը

չյուրիմիշ—çürümiş «նեխած», «հոտած» «փչացած»։

Վերը թվարկած տարրալուծական բայերի քննությունը ցույց է տալիս, որ նրանք կազմված են ըստ հայկական մոդելի՝ թյուրքական mış բայական անվանական ձևի բառա-իմաստային կիրառմամբ։ mış-ի տվյալ ձևի նշանակությունները, որոնք հայտնի են հին թյուրքական հուշարձաններից, չեն պահպանվել արդի թյուրք լեզուներից և ոչ մեկում։ Այդ իսկ պատճառով, հայերենի որոշ բարբառներ, մասնավորապես պոլսահայ բարբառը, կարող են վերին աստիճանի օգտակար լինել թյուրքական լեզուների օրինաչափությունների ուսումնասիրման համար։

М. Р. КОЧАР

ТУРКИЗМЫ (ГЛАГОЛЫ) В КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМ ДИАЛЕКТЕ АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

Резюме

Настоящая статья посвящена глаголам-туркизмам в константинопольском диалекте армянского языка—одной из частных проблем, касающихся армяно-тюркских языковых отношений, исследования которых привели к образованию целого направления в тюркологии, получившего название Armeno-Turcica.

На основе практического материала, взятого из произведений классика западноармянской литературы А. Пароняна, автором сделана попытка дать классификацию и анализ туркизмов, их лексико-семантическую и морфологическую характеристику.

Автор приходит к выводу, что изучение константинопольского и некоторых других диалектов армянского языка, тесно соприкасавшихся с тюркскими языками, может оказаться важным подспорьем для изучения тюркской диалектологии и истории развития тюркских языков.

Ա. Հ. ՓԱՓԱԶՅԱՆ

ՊԱՏՄԱԿԱՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆԸ ՔՅԱԹԻԲ ՉԵԼԵԲԻԻ «ՋԻՀԱՆ-ՆՅՈՒՄԱ»-ՈՒՄ
(17-րդ դ.)

Միջնադարյան Օսմանյան կայսրության պատմագրությունը իր նշանակալից զարգացմանը հասավ 17-րդ դարում։ Հայտնվում են հանգամանորեն շարադրված մի շարք երկեր, նվիրված Օսմանյան կայսրության անկմանը, որոնց հեղինակները հանդես են գալիս առավել ինքնուրույնությամբ և համարձակ դատողություններով՝ տեղի ունեցած իրադարձությունների շուրջը։ Ի տարբերություն բանաքաղված աշխատությունների, որոնք հատուկ էին նախորդ հեղինակներին, 17-րդ դ. մի շարք պատմաբաններ պաշտպանում են տվյալ ժամանակի առաջավոր գաղափարները և ունակություն ցուցաբերում վերլուծելու Օսմանյան կայսրության ճգնաժամային անկման հետ կապվող բարդ հարցերը։

Այդ ժամանակվա օսմանյան իրականության մեջ բազմակողմանի զարգացած անձնավորություններից մեկն էր համարվում Քյաթիբ Չելեբին[1]։

Քյաթիբ Չելեբին հանրահայտ է ոչ միայն որպես ականավոր թուրք պատմագիր. նա իր ավանդն է ներդրել գիտության այնպիսի բնագավառներում ինչպիսիք են՝ աշխարհագրությունը, փիլիսոփայությունը, մատենագիտությունը և այլն։ Նրա աշխատությունները, որոնք իրենց մեջ պարունակում են հարուստ փաստական տեղեկություններ, լայն ուշադրության են արժանացել ոչ միայն Թուրքիայում, այլև նրա սահմաններից դուրս, հատկապես Եվրոպայում։

---

1 *Մուստաֆա Իրն Աբդուլլահը (1609—1657) արևելագետների շրջանում առավելապես հայտնի է Քյաթիբ-Չելեբի կամ Հաջի Խալիֆա անուններով։ Այդ մասին տե՛ս Ա. Ս. Սաֆրաստյան, 17-րդ դարի թուրքական գիտական մտքի ներկայացուցիչներ Քյաթիբ Չելեբին և Էվլիա Չելեբին, «Արևելագիտական ժողովածու», հատ. 2, 1964, էջ 283—301։*

Սույն հոդվածի սահմաններում իհարկե հնարավոր չէ հանգամանորեն կանգ առնել Քյաթիբ Չելեբիի կյանքի և գիտական գործունեության ժառանգության վրա։ Կաշխատենք ցույց տալ Քյաթիբ Չելեբիի «Ջիհան նյումա»-ի (Աշխարհի հայելի) անհերքելի նշանակությունը, որպես աղբյուր Հայաստանի պատմական աշխարհագրության, բացահայտել և համեմատել այն սկզբնաղբյուրները, որոնք հեղինակը օգտագործել է «Արմենիա երկրի մասին»[2] գլուխը շարադրելիս և կանգ առնել գոյություն ունեցող թարգմանությունների վրա։

«Ջիհան-նյումա»-ն հանդիսանում է առաջին ընդհանուր պատմա-աշխարհագրական աշխատությունը, որի թուրքերեն շարադրմանը Քյաթիբ Չելեբին ձեռնարկել է 1648 թ.[3]։ Գոյություն ունեն «Ջիհան նյումա»-ի երկու անավարտ խմբագրություններ։ Նրանցից առաջինը գրված է արաբական և պարսկական աղբյուրների հիման վրա։ Եվրոպական երկրների վերաբերյալ բավարար նյութերի բացակայության պատճառով աշխատությունը մնացել է անավարտ։ Այդ իսկ պատճառով եվրոպական մի քանի ատլասների, հատկապես «Գերհարդ Մերկատորի» «Atlas Minor»-ի թարգմանությունից հետո Քյաթիբ Չելեբին ձեռնամուխ է լինում «Ջիհան նյումա»-ի երկրորդ խմբագրությանը և վերստին մաքրագրում է այն 1654 թ.[4]։ Այստեղ ի հակադրություն եվրոպացի աշխարհագրագետ-

---

2 Ժամանակակից թուրք պատմաբանները իրենց աշխատություններում հետապնդելով ազգայնամոլական նպատակներ, փորձում են նենգափոխել և խեղաթյուրել համաշխարհային ճանաչում ստացած պատմական դեպքերը։ Նրանք հատկապես ճգնում են ժխտել հայ ժողովրդի պատմական անցյալի, Արևմտյան Հայաստանի գոյությունը։ 1957 թ. թուրք պատմաբան Համիդ Սադի Սելենը տպագրեց առանձին ուսումնասիրություն «Ջիհան նյումա»-ի վերաբերյալ։ Այդ ուսումնասիրության մեջ նույնությամբ բերված են այն երկրների անունները, որոնք նկարագրվել են Քյաթիբ Չելեբիի կողմից, սակայն «Ջիհան նյումա»-ում շատ պարզ գրված «Արմենիա երկրի մասին» վերնագիրը գարձել է «Արևելյան Անատոլիա»։ Տե՛ս Kâtip Celebi, Hayati ve eserleri hakkında incelemeler, Ankara, 1957, s. 127. Հետագայում հապավված „Kâtip Çelebi".

3 «Ջիհան նյումա»-ի վերաբերյալ գոյություն ունեն մի շարք ուսումնասիրություններ, որոնցից առավել բովանդակալից են ակադ. Ի. Յու. Կրաչկովսկու և գերմանացի արևելագետ Ֆ. Թեշների աշխատությունները, Տե՛ս И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. IV, М.—Л., 1957. F. Taeschner, Die Geographische Literatur der Osmanen ZDMG, 77 (2), 1923. A. A. Abdulhak, La Science chez les turcs Ottomans, Paris, 1934, p. 107—116. O. S. Gökyay, „Kâtip Çelebi", s. 61—73. H. S. Selen, „Kâtip Çelebi", s. 121—137.

4 Օտար գրականության թարգմանության գործում նրան օգնել է ֆրանսիացի դավանափոխ Շեյխ Մուհամմեդ Իխլասին։

ների, որոնց համար բնորոշ էր առաջին տեղը տալ արևմտյան երկրներին, Քյաթիբ Չելեբին սկսեց իր շարադրանքը Ասիայի երկրների նկարագրությունից՝ Ճապոնիայից։

«Ջիհան նյուման»-ն թուրքերեն տպագրված առաջին գրքերից մեկն է, այն հրատարակել է թուրքական առաջին տպարանի հիմնադիր, ծագումով հունգարացի, Իբրահիմ Մյութեֆերրիկան 1732 թ.[5]։ Այս հրատարակությունը ունի բազմաթիվ լրացումներ՝ կատարված 17-րդ դարի արաբ աշխարհագրագետ Աբու-Բեքր Իբն-Բահրամի (մեռ. 1691 թ.) «Ջոկրաֆիյա-ի Քաբիր» «Մեծ աշխարհագրություն) գրքի հիման վրա և մի շարք հավելվածներ ու քարտեզներ բերված հրատարակչի կողմից։ Անհրաժեշտ է նշել, որ Իբրահիմ Մյութեֆերրիկան մտադիր է եղել «Ջիհան նյուման»-ն հրատարակել երկու հատորով, որոնցից առաջինը պետք է ընդգրկեր Ասիա մայր ցամաքի նկարագրությունը, իսկ երկրորդ հատորը՝ Եվրոպան, Աֆրիկան և Ամերիկան։ Սակայն երկրորդ հատորը հրատարակելու նրա մտադրությունը չի իրագործվել։

«Ջիհան նյուման»-ի հրատարակությունը, որը ներկայումս հանդիսանում է մատենագիտական հազվագյուտ օրինակ, բաղկացած է ընդարձակ ներածությունից և առանձին գլուխներից, ուր տրված է ասիական երկրների նկարագրությունը։ Քառասունմեկերորդ գլուխը նվիրված է Հայաստանի նկարագրությանը։ Այս գլխում խոսվում է միայն Արևմտյան Հայաստանի մասին, այսինքն այն նահանգների մասին, որոնք Կասրի Շիրինի (14 սեպտեմբեր 1639 թ.) պայմանագրով մնացին Օսմանյան կայսրության տիրապետության տակ։ Քյաթիբ Չելեբին այս գլխում Արևելյան Հայաստանի նկարագրությունը առանձին չի տվել։ Արևելյան Հայաստանը, որտեղ կազմվել էին Երևանի, Նախիջևանի և Ղարաբաղի խանությունները, այդ ժամանակ գտնվում էր Սեֆյան Պարսկաստանի գերիշխանության ներքո։ Արևելյան Հայաստանի նահանգների նկարագրությունը տրվում է 39-րդ գլխում, Վրաստանի և Ադրբեջանի (Ատրպատականի) քաղաքների նկարագրության հետ։

«Ջիհան նյուման»-ի հեղինակային ձեռագիրը, որը գտնվում է «Թոփկափը»-ի (Պոլիս) պալատում[6] և այլ ձեռագրային ընդօրինակությունները վերջանում են Վանի վիլայեթի նկարագրությամբ։ Հայտնի է, որ Քյաթիբ Չելեբիի գրչին է պատկանում «Արմենիա երկրի մասին» նկարագրության միայն մի մասը, այսինքն՝ Վանի

---

[5] ١٧٣٢ ، جهانئما استانبول ، كاتب چلبى

[6] O. Ş. Gökyay, Kâtip Çelebi, s. 69.

և Կարսի վիլայեթները։ Մնացած վիլայեթների նկարագրությունը վերցված է վերոհիշյալ աշխարհագրագետի՝ Աբու-Բեքր իբն-Բահրամի աշխատությունից և լրացված է «Ջիհան նյումա»-ի հրատարակիչ Իբրահիմ Մյութեֆերրիկայի կողմից։

Այս կապակցությամբ Իբրահիմ Մյութեֆերրիկան իր «Հրատարակչի հավելված»-ում (ذييل ناشر) տալիս է հետևյալ բացատրությունը.

«Թյուրիմացությունից խուսափելու համար [անհրաժեշտ է հիշել], որ այս հետաքրքիր երկի հեղինակը՝ հանգուցյալ Քյաթիբ Չելեբին գրքի սկզբում խոստացել էր, որպեսզի այս հանրահայտ խմբագրության մեջ նկարագրի աշխարհի պետությունները և երկրների դիրքը Արևելքից դեպի Արևմուտք։ [Այսուհանդերձ] այն հասցվում է մինչև այստեղ։ Հեղինակային ձեռագիրը և տարբեր մարդկանց մոտ գտնվող ընդօրինակությունները վանի վիլայեթի նկարագրությունից այն կողմ չեն անցնում։ Ի միջի այլոց, հարկ եղավ գրքի սկզբից մինչև այստեղ տալ մի շարք բացատրություններ, իսկ վերջում ամբողջացնել այն։ Ինչպես ձեռագրում, այնպես էլ այս հրատարակության մեջ 41-րդ գլուխը ընդգրկում է «Արմենիա երկրի» նկարագրությունը։ Հիշյալ երկրի բաժանման և սահմանազատման ժամանակ, մատնանշելով գոյություն ունեցող տարաձայնությունները, [Քյաթիբ Չելեբին], ասել է՝ «Էրզրումի և Կարսի վիլայեթները, որոնք մտնում են Մեծ Արմենիայի մեջ, նկարագրելու ենք առանձին բաժիններով»։ Ակնհայտ է, որ [Քյաթիբ Չելեբին] այս նկարագրությունները տալիս է զուգընթացաբար [հարևան] երկրների տարբեր գլուխներում և բաժիններում։ Հավանական է, որ այս գրքի շարունակությունը կորել է կամ անժամանակ մահը չի թույլատրել [հեղինակին] կատարելու իր խոստումը։ Ուստի, նվաստը՝ (այսինքն՝ Իբրահիմ Մյութեֆերրիկան—Ա. Փ.) որպեսզի գոնե մոտավորապես իրագործեմ հանգուցյալի նպատակն ու ցանկությունը, խոնարհաբար, իմ հնարավորության սահմաններում տալիս եմ երկրների ու պետությունների նկարագրությունը, ձգտելով պահպանել նրա [Քյաթիբ Չելեբիի] աշխատության շարադրանքի ոճն ու հաջորդականությունը։ Քանի որ Կարսի և Զըլգըրի վիլայեթները նախապես համառոտ հիշատակվում և նկարագրվում են Գյուրջիստանի և Ախասխայի (Ախալցխա) գլուխներում, ուստի մենք կսկսենք Էրզրումի վիլայեթի նկարագրությունից։ Դրանով մենք արժանի հարգանք մատուցած կլինենք նաև նրանց, որոնք հաստատում են, որ հիշյալ վիլայեթի քաղաքները պատկանում են

Մեծ Արմենիային։ Այնուհետև կաշխատենք անցնել Ասիայի մյուս երկրների նկարագրության, որպեսզի ամենաբարձրյալն աստծո օգնությամբ գիրքը ամբողջացնենք։ Երկրների և պետությունների նկարագրության ընթացքում մենք ընտրեցինք և կրճատեցինք Աբու Բեքր Իբն Բահրամ ալ-Դիմեշկիի թարգմանած «Ջոկրաֆիյա»-ի քաբիր «գրքի առանձին մասերը, իսկ երբեմն էլ դիմեցինք տեքստի անփոփոխ տեղադրմանը»[7]։

Այս ծանոթագրությունից պարզվում է, որ Քյաթիբ Չելեբիի «Ջիհան նյումա»-ում, հրատարակչի կողմից ընդգրկվել են Աբու Բեքր Իբն Բահրամի՝ «Մեծ աշխարհագրություն» երկը, որի հիմքում ինչպես հայտնի է, ընկած է Հոլանդացի գիտնականներ՝ հայր և որդի Բլեուների հանրահայտ Atlas Major*»-ի*[8] *թարգմանությունը։*

«Ջիհան նյումա»-ին նվիրված մի շարք հետազոտությունների հեղինակները, նշում են, որ Աբու Բեքր Իբն Բահրամը հանդիսացել է «Ջիհան նյումա»-ի շարունակողը[9]։

Մենք հնարավորություն չունեցանք de visu *ստուգելու, թե ինչպես է կատարվել այդ շարունակությունը հիշյալ ձեռագրերում։ Դժբախտաբար Ա. Ա. Արդուլհակը չի մատնանշել ընդօրինակված այն ձեռագրերի տարեթվերը, որոնք ինչպես ինքն է նշում, ունեցել են Իբն Բահրամի կողմից կատարված շարունակությունը*[10]։ *Ուստի, քանի որ «Ջիհան նյումա»-ի հեղինակային ձեռագրում բացակայում է Իբն Բահրամի կողմից գրված շարունակությունը*[11]*, ապա այն հարցը թե վերջինս ե՞րբ և որտեղ է կատարել իր շարունակությունը մնում է դեռևս չլուսաբանված։ Ի միջի այլոց, վերևում բերված Իբրահիմ Մյութեֆերրիկայի բացատրությունից հետևում է, որ հատկապես նա՝ Իբրահիմ Մյութեֆերրիկան է կատարել այն նյութերի ընտրությունը Իբն Բահրամի երկից, որոնք բացակայում*

---

7 *«Ջիհան նյումա», էջ 422։*

8 *Տե՛ս* Joan Blaeu, Atlas Major seu cosmographia blaeuiana qua solum, salem, coelum accuratissime describuntur, Amsterdam, 1662.

9 И. Ю. Крачковский. Избр. соч., стр. 619, 632. F. Babinger, Die Geschichtschreiber der Osmanen und ihre Werke, Leipzig, 1927, Ss. 119, 226. O. Ş. Gökyay, „Kâtip Çelebi", s. 66—68. A. A. Abdulhak, La science chez les turcs Ottomans, p. 121.

10 *Ա. Ա. Արդուլհակը նշում է, որ «Ջիհան նյումա»-ի ձեռագիր օրինակներից մեկը՝ Իբն Բահրամի շարունակությամբ, գտնվում է բրիտանական թանգարանում 1030 համարի տակ։*

11 O. Ş. Gökyay, Kâtip Çalebi, s. 68—69.

են «Ջիհան նյումա»-ում։ Այսպիսով մեզ համար հավաստի է մընում այն փաստը, որ «Ջիհան նյումա»-ի հրատարակության վերջում՝ 422 էջից հետո բերված նյութերը փոխառնված են Իբն Բահրամի գրքից։ Այսուհանդերձ Իբն Բահրամի աշխատության բնագրի անմիջական կապը «Ջիհան նյումա»-ի բնագրի հետ դեռևս չի կարելի լիովին լուսաբանված համարել, քանի որ տվյալ հարցը չի ուսումնասիրված պատմաբանների կողմից։

Իբն Բահրամի աշխատությունների նշանակության մասին անհրաժեշտ է գրել հատուկ հետազոտություն։ Դեռևս չի ուսումնասիրված օգտագործված աղբյուրների և նրա ստեղծագործության ինքնուրույնության մակարդակը։ Պարզ չէ թե նրա աշխատությունը ի՞նչ աստիճանի է փոփոխության ենթարկվել Իբրահիմ Մյութեֆերրիկայի կողմից, երբ վերջինս ընտրել և կրճատել է իր օգտագործած նյութերը։

Ընդհանուր առմամբ շարադրանքի ոճը խիստ համանման է Քյաթիբ Չելեբիի շարադրանքի ոճին։ Այսուհանդերձ հետաքրքրությամբ կարելի է նկատել, որ Իբն Բահրամի աշխատությունից փոխառնված տեքստի լեզուն պարունակում է նշանակալից քանակությամբ արաբական տարրեր, չնայած որ քերականական կառուցվածքը թուրքերեն է։ Ըստ երևույթին այս հանգամանքը բացատրվում է նրանով, որ Իբն Բահրամը ծագումով Դամասկոսից լինելով՝ հիմնականում ապրել է Հալեպում և ապա Պոլսում և Քյաթիբ Չելեբիի նման լավ տիրապետելով թուրքերեն և արաբերեն լեզուներին, առավելապես արաբերենի աղդեցության տակ է մնացել։

«Ջիհան նյումա»-ի աղբյուրները.—Ինչպես վերևում նշեցինք «Ջիհան նյումա»-ն շարադրված է մինչև 17-րդ դարը գոյություն ունեցող աշխարհագրական ու մասամբ պատմական երկերի ուսումնասիրության հիման վրա։ Աղբյուրների շարքում, որոնք Քյաթիբ Չելեբին օգտագործել է «Ջիհան նյումա»-ն շարադրելիս, հիշատակվում են մեծ մասամբ արաբական, պարսկական և թուրքական աշխարհագրական երկերը, նաև եվրոպացի գիտնականների աշխատությունները։ Բոլոր աղբյուրները անհրաժեշտ ծանոթագրություններով թվարկված են «Ջիհան նյումա»-ի առաջաբանում հետևյալ հաջորդականությամբ[12]։

1) Զաքարիա Իբն Մուհամմեդ Կազվինի՝ «Ասար ալ-բիլադ վա ախբար ալ-իբադ» և «Աջաիբ ալ-Մախլուքաթ»։

12 Տե՛ս «Ջիհան նյումա», էջ 8—14։

2) Մուհամմեդ իբն Ահմեդ ալ-Մուկադդասի՝ «Ահսան աթ-թակասիմ ֆի Մարիֆատ ալ-ակալիմ»։

3) Գնրհարդ Մերկատորի «Atlas Minor»-ը, որի թուրքերեն թարգմանությունն է՝ «Լավամի ան-նուր ֆի զուլմատ Ատլաս մինուր»։

4) Աբրահամ Օրթելիոսի աշխարհագրությունը՝ «Atlas Major»։

5) Սիփահի զադե Մուհամմեդ էֆենտի՝ «Աուզահ ալ մասալիք իլա մարիֆատ ալ-բուլդան վա-լ-մամալիք»։

6) «Թարիհ ալ-հինդ ալ-Գարբի»։

7) Մուստաֆա իբն Ալի՝ «Թուհֆատ ազ-զաման վա հարիդատ ալ-ավան»։

8) Աբու-Ֆիդա՝ «Թակվիմ ալ-բուլդան»։

9) Պտղոմիոսի «աշխարհագրության» արաբերեն թարգմանությունը։

10) Զայն ադ-դին Օմար իբն Մուզաֆֆար իբն Վարդի՝ «Հարիդատ ալ-աջաիբ»։

11) Աբու-Աբդալլահ Մուհամմեդ իբն Աբու ալ-Նուր ալ-Հիմայրի՝ «Ար-բաուդ ալ-միթար ֆի հաբար ալ-աքթար»։

12) Սուլեյման իբն Ահմեդ ալ-Մահրի՝ «ալ-Ումդա ալ-մահրիյա», «Թուհֆատ ալ-ֆուհուլ ֆի թամհիդ ալ-ուսուլ», «Քիթաբ ալ-մինհաջ ալ-ֆահիր ֆի իլմ ալ-բահր ազ-զահիր»։

13) Սիդի Ալի զադե՝ «Մուխիդ»։

14) Անանիա Լորենցացի և Կլուվերիացի՝ «Աշխարհագրությունը»։

15) Խալիլ իբն Շահին ազ-Զահիրի՝ «Քաշֆ ալ-մամալիք»։

16) Քիթաբ մասալիք վա-լ-մամալիք»,—Այս վերնագրի տակ Քյաթիբ Չելեբին թվարկում է արաբերեն և պարսկերեն լեզուներով գրված հետևյալ հեղինակների աշխատությունները. Ահմեդ իբն Սահլ ալ-Բալխի, Սայիդ իբն Ալի ալ-Ջուրջանի, ալ-Մասուդի, Աբու-Ուբայդա ալ-Բաքրի, Հասան իբն Ահմեդ ալ-Մուհալլաբի, իբն Սայիդ ալ-Մաղրիբի, իբն Խաուքվալ, Ահմեդ ալ-Ուզրի, Աբու ար-բահիմ Մեշխեդի։

17) Յակուտ ալ-Համավի՝ «Մուջամ ալ-Բուլդան»։

18) Մուհամմեդ Աշըք՝ «Մանազիր ալ-ավալիմ»։

19) Շերիֆ Մուհամմեդ բին Մուհամմեդ ալ-Իդրիսի՝ «Նուզհատ ալ-մուշ թաք ֆի խթիրաք ալ-աֆաք»։

20) Ամին Մուհամմեդ Ռազի՝ «Խաֆտ իքլիմ»։

21) Համդալլահ Ղազվինի՝ «Նուզհատ ալ-Քուլուբ»[13]։

«Ջիհան նյումա»-ի հետազոտողներ՝ Ֆրանց Թեշները և Ի. Յու. Կրաչկովսկին ժամանակին նշել են, որ «Ջիհան նյումա»-ի ուսումնասիրության մեջ կարևորագույն խնդիրներից մեկը համարվում է այն, որ ի հայտ բերվեն Քյաթիբ Չելեբիի գրչին պատկանող՝ և նրա նախորդներից փոխ առնված նյութերը[14]։ Այդ խնդրի իրագործումը իհարկե չի առնչվում մեր թեմայի հետ, սակայն մենք կաշխատենք հայտաբերել և վերլուծել այն աղբյուրները, որոնք օգտագործվել են Քյաթիբ Չելեբիի կողմից Հայաստանի պատմական աշխարհագրությունը շարադրելիս։

«Ջիհան նյումա»-ի ուսումնասիրությունը ցույց տվեց, որ բացի առաջաբանում նշված աղբյուրներից, տեքստում հիշատակվում են նաև այլ աղբյուրներ[15]։ Այսպես, որպես աղբյուր 41-րդ գլխի համար օգտագործված են նաև հետևյալ աշխատությունները. Շերեֆ խան Բիթլիսիի՝ «Շերեֆ-նամե»-ն, Աշ-Շարիշիի՝ «Մակամատ»-ը, Այնը Ալի էֆենդիի՝ «Կավանինի ալ-ի Օսման»-ը և Կոչա Նիշանչիի՝ «Թաբաքատ ալ-մամալիք»-ը։ Բացի նշված աշխատություններից Քյաթիբ Չելեբին հանդես է եկել նաև իր անձնական հուշերով, որոնք լոկ պատմական բնույթ են կրում կապված սուլթան Մուրադ IV-ի արևելյան արշավանքի հետ, որին մասնակից է եղել Քյաթիբ Չելեբին[16]։

Քյաթիբ Չելեբիի օգտագործած աղբյուրների շարքում աչքի ընկնող տեղ է գրավում պարսիկ պատմաբան և աշխարհագրագետ՝ Համդալլահ Ղազվինիի «Նուզհատ ալ-Քուլուբ» (Սրտի զվարճանք) աշխատությունը, գրված՝ 1339 թ.։ Այստեղ մի շարք երկրների նկարագրության հետ մեկտեղ բերվում է մոնղոլա-պարսկական պետության, կենտրոնական կառավարության կողմից սահ-

13 Նշված աղբյուրները մանրամասն ուսումնասիրվել են ակադ. Ի. Յու. Կրաչկովսկու կողմից, «Արաբական աշխարհագրական գրականություն» աշխատության մեջ։

14 فرانج تەشنەر، عثمانلیلردە جوغرافیه، توركیات مجموعەسی،
جلد ٢، استانبول ١٩٢٦–١٩٢٨، ص ٢٩٩ (И. Ю. Крачковский, Избр. соч., стр. 618).

15 Այստեղ անհրաժեշտ է մատնանշել մի շարք ուսումնասիրողների խոր մոլորվածությունը, քանի որ նրանք հաստատում են թե, երբ Քյաթիբ Չելեբին իր երկի առաջաբանում թվարկած աղբյուրներից բացի այլևս չի վկայակոչել որևէ այլ հեղինակի աշխատություն։ Դա ճիշտ չէ։ «Ջիհան նյումա»-ի բնագիրը խայտաբղետ է բազմաթիվ հեղինակների անուններով և աշխատություններով, որոնցից Քյաթիբ Չելեբին կամ էլ նրա նախորդները փոխ են առել բերված նյութերը։ (Տե՛ս-
И. Ю. Крачковский, Избр. соч., стр. 618;
فرانج تەشنەر، عثمانلیلردە جوغرافیه، توركیات مجموعاسی، ص ٢٩٩

16 «Ջիհան նյումա», էջ 391, 397, 408, 410, 412, 417, 418։

մանված Անդրկովկասի վարչական բաժանումը (1254/55), ինչպես նաև տնտեսա-աշխարհագրական կարգի բավականաչափ տվյալներ և տեղեկություններ հարկային սիստեմի մասին։

Մանրամասն ուսումնասիրությունը ցույց է տալիս, որ բազմաթիվ քաղվածքներ, բերված Ջևլեբիի կողմից, վերարտադրված են աննշան փոփոխություններով համարյա թե բառ առ բառ, բայց առանց որևիցե քննադատական վերլուծության։ Որպեսզի ցույց տանք թե ինչ աստիճանի բարեխիղճ է գտնվել Ջևլեբին օգտագործված աղբյուրների նկատմամբ, ստորև բերում ենք մի հատված «Ջիհան նյումա»-ից զուգահեռարար պարսկերին բնագրի հետ.

Թուրքերեն տեքստ

حمد الله ایدر ارمن ولایتی ایکی قسمدر صغری وکبری وارمینیهٔ صغری ایراندہ داخل دکلدر ارمینیه کبری انك شرقنده روم شمالنده شام جنوبنده بحر روم غربنده در بلاد سیس وترسوس وقبرس انك معظم بلادیدر ارمینیهٔ کبری ایران حدنده داخل اولوب تومان اخلاط دمکله مشهور در حدودی ارمینیهٔ صغری وروم ودیار بکر وکردستان واذربایجان وارانه پیوسته اولور طولی ارزن الرومدن سلماسه عرضی اراندن اقصای ولایت خلاطه منتهی دار در ملکی خلاط اولوب محقوق دیوانیه سی زمان سابقده ایکیوز تومنه قریب ایدی صکره اوتوز طقوز تومنه اندی[17]

Պարսկերեն տեքստ

در ذکر موضع ولایت ارمن وآن بردو قسم است، ارمینیة الاکبر وارمینیة الاصغر، وارمینیة الاصغر داخل ایران نیست وارمینیة الاکبر در شرق او افتاده است وولایات روم به شمالش ودیار شلم بر جنوبش ودریای روم در غربش. وبلاد سیس وقبرس وطرنزون معظیم بلاد انجاست، واز انجا هر سال سه تومان بر سبیل خراج بایران مید هند وارمینیة الاکبر داخل ایرانست وبحساب یکتومان وبتومان اخلاط مشهورست، هوایش اکثر معتدل، حدودش تا ارمینیة الاصغر وروم ودیاربکر وکردستان واذربایجان واران پیوسته است. طولش از ارزن الروم تا سلماس وعرض از اران تا اقصای ولایات اخلاط. ودار الملك ان دیار شهر اخلاط است. حقوق دیوانیش در زمان سابق قوب دویست تومان این زمان بوده است واکنون سی وند تومانست.[18]

---

17 «Ջիհան նյումա», էջ 410։

18 حمد الله قزوینی، نزهة القلوب، بکوشش محمد دبیر سیاقی، تهران، ۱۳۳۶، ص ۱۱۷

Այս հրատարակությունը իրենից ներկայացնում է գիտա-քննադատական տեքստ, կատարված չորս ձեռագրերի հիման վրա։ Գոյություն ունի նաև տեքստի անգլերեն թարգմանություն։ Տե՛ս Gibb memorial series, XXIII, pt. 1—2.

43 6—28

Թարգմանություն

Համդալլահը ասում է, որ Արմեն վիլայեթը բաղկացած է երկու մասից՝ Մեծ Արմենիայից և Փոքր Արմենիայից: Փոքր Արմենիան չի սահմանակցում Պարսկաստանի հետ: Իսկ Մեծ Արմենիան ընկած է նրանից արևելք, Ռումը՝ (Սեբաստիայի նահանգ) հյուսիս, Շամը՝ հարավ, Ռումի ծովը՝ (Միջերկրական ծով) արևմուտք: Սիսը, Կիպրոսը և Թարսուսը նրա մեծ քաղաքներից են: Մեծ Արմենիան սահմանակցում է Պարսկաստանի հետ և հանրահայտ է Թուման Ախլաթ անունով: Նա սահմանակցում է Փոքր Արմենիայի, Ռումի, Դիարբեքիրի, Քուրդիստանի, Ադրբեջանի (Ատրպատական) և Արրանի (Աղվանքի) հետ: Նրա երկարությունը ձգվում է Արզն-առ-Ռումից (Կարին) մինչև Սալմաս, իսկ լայնությունը՝ Արրան վիլայեթից մինչև Խլաթի հեռավոր [սահմանը]: Նրա մայրաքաղաքն է Խլաթը: Նախկինում դիվանային հարկը կազմել է 200 թուման, իսկ հետագայում այն նվազել է մինչև 39 թուման:

Թարգմանություն

Հիշատակություն Արմեն վիլայեթի տեղի մասին

Նա բաղկացած է երկու մասից՝ Մեծ Արմենիայից և Փոքր Արմենիայից: Փոքր Արմենիան չի մտնում Պարսկաստանի մեջ: Մեծ Արմենիան ընկած է նրանից արևելք, Ռումը՝ հյուսիս, Շամի երկիրը՝ հարավ, Ռումի ծովը՝ արևմուտք: Սիսը, Կիպրոսը և Տրապիզոնը նրա մեծ քաղաքներից են: Յուրաքանչյուր տարի այստեղից որպես խարաջ Պարսկաստանին վճարում են 3 թուման:

Մեծ Արմենիան մտնում է Պարսկաստանի մեջ: Ըստ հաշվառման նա իրենից ներկայացնում է մեկ թուման Ախլաթ[19]: Կլիման մեծ մասամբ բարեխառն է: Նրա սահմաններն են Ռումը, Դիարբեքիրը, Քուրդիստանը, Ադրբեջանը և Արրանը: Երկարությամբ այն ձգվում է Արզն-առ-Ռումից մինչև Սալմաս, իսկ լայնությամբ՝ Արրանից մինչև Ախլաթի վիլայեթի հեռավոր սահմանը: Այս երկրի մայրաքաղաքը Ախլաթ քաղաքն է: Նախորդ ժամանակներում դիվանային հարկը կազմել է մոտավորապես՝ 200 թուման, իսկ այժմ՝ 39 թուման:

---

19 *Մոնղոլական նվաճման ժամանակ վիլայեթները բաժանվում էին ավելի փոքր ռազմա-վարչական միավորների «թուման» անունով: Այսինքն՝ այնպիսի շրջանի, որը բանակի համար տրամադրում էր 10.000 զինվոր: Ախլաթ քաղաքը, որը մինչև այդ եղել է Շահարմենների մայրաքաղաքը կազմել է մեկ «թուման»:*

Ինչպես տեսնում ենք, տեքստը համարյա բառացի թարգմանված է թուրքերենից։ Այնուհանդերձ Քյաթիբ Չելեբին ուշադրություն չի դարձրել օգտագործված աղբյուրի գրության ժամանակի վրա և այդ է պատճառը, որ «Ջիհան նյումա»-ում առաջացել են մի շարք թյուրիմացություններ։ Օր. հարկային սիստեմի բոլոր թվերը, որոնք բերված են «Ջիհան նյումա»-ում, վերցված են «Նուզհատ ալ Քուլուբ»-ից։ Բայց չէ որ այս աղբյուրը կապված է մոնղոլական արշավանքի հետ և ոչ մի առնչություն չունի 17-րդ դ. Օսմանյան կայսրության հարկային սիստեմի հետ։

Տարակուսանք է առաջանում նաև վարչական բաժանման մեջ. Քյաթիբ Չելեբին 410 էջում նշում է, որ Կարսի վիլայեթը մտնում է Մեծ Հայքի սահմանների մեջ, մինչդեռ Կարսի նկարագրությունը տրված է Վրաստանի բաժնում, այսինքն՝ պարզապես հիմնված է «Նուզհատ ալ-Քուլուբ»-ում բերված վարչական բաժանման վրա[20]։

Եթե 14-րդ դ. Համդալլահ Ղազվինին գրել է, որ «Սիսը Թարսուսը և Կիպրոսը նրա (Հայաստանի) ամենամեծ քաղաքներից են», դա հասկանալի է։ Չէ՞ որ Սիսը 12—14-րդ դդ. եղել է Կիլիկիայի հայկական թագավորության մայրաքաղաքը, իսկ Կիպրոսը որոշ ժամանակով քաղաքականապես ենթարկվել է նրան։ Բայց երբ Քյաթիբ Չելեբին գրում է, որ «ներկայումս նրանց (հայերի) մայրաքաղաքը Սիսն է», չի համապատասխանում իրականությանը։ 17-րդ դ. Սիսը, Թարսուսը և Կիպրոսը մտնում էին առանձին վարչական միավորի կազմում՝ Կիպրոսի վիլայեթի մեջ[21]։

Միևնույն բովանդակությունը ունեցող պարսկերեն ու թուրքերեն տեքստերի համակարգային համեմատությունը ի հայտ է բերում բավականաչափ տարընթերցվածքներ, հատկապես հարկային վճարումների թվերի մեջ։

---

20 Տե՛ս «Նուզհատ ալ-Քուլուբ» էջ. 108։ Համդալլահ Ղազվինիի մոտ Վրաստանի նկարագրության բաժնում ընդգրկված է նաև Բագրատունիների հայկական թագավորության մայրաքաղաքը՝ Անին (961—1045)։ Այս պատահական չէ։ Մոնղոլական նվաճման ժամանակ Հայաստանի և Վրաստանի երկրամասերը բաժանվել էին երկու վիլայեթների. 1) Գյուրջիստանի վիլայեթ, 2) Մեծ Արմենիայի վիլայեթ։ Գյուրջիստանի վիլայեթը իր մեջ ընդգրկում էր նաև Հայաստանի հյուսիս-արևելյան շրջանը, այսինքն՝ այն մասերը, որոնք Թամարա թագուհու իշխանության շրջանում (1184—1213) գտնվում էին վրացական տիրապետության ներքո։

21 عین علی افندی ، قوانین ال عثمان در خلاصه مضمین دفتر دیوان ، استانبول ، ۱۰۱۸ ، ص ۲۱

Տե՛ս նաև 1653 թ. Ալի Չաուշի կազմած ցուցակը (А. С. Тверитинова, Аграрный строй Османской империи XV—XVII вв. М., 1963, стр. 98).

Օրինակի համար համեմատենք «Ջիհան նյումա»-ից[22] և «Նուզհատ ալ-Քուլուբից»[23] բերված հետևյալ հատվածները։

Թուրքերեն տեքստ

ترکوی بر شهر کوچکدر زمان سابقده
بر عظیم شهر ایمش بر پشته اوزره
دوشمشدر والاطاغندن بر بیوك نهر
بونك یاننه اوغرار باغچه وباغستان
فراواندر انواع میوه حاصل اولو
وشهرینك ایچنده بر طرفنده بر محکم
قلعسی واردر حقوق دیوانهسی یکرمی
بش دینار در میمان بر قصبه در که
باغستان ومیوهسی فراواندر وحقوق
دیوانهسی اون ایکی بیك دینار در .

Թարգմանություն

Տերկրին *մի փոքր քաղաք է։ Անցյալում այն եղել է մեծ քաղաք։ [Քաղաքը] գտնվում է բլրի վրա։ Ալա դաղից (Ծաղկաց լեռն) [բխող] մի մեծ գետ հոսում է [քաղաքի] մոտով։ Կան բազմաթիվ պարտեզներ և այգիներ, որտեղ հասունանում են զանազան պտուղներ։ Քաղաքի ներսում, մի կողմի վրա կա մի անառիկ բերդ։ Դիվանային հարկը 25 դինար է։*

Մեյմանը *մի կասաբա է, որի այգիներն ու պտուղները առատ են։ Դիվանային հարկը 12000 դինար է։*

Պարսկերեն տեքստ

بوکوی شهری کوچکست ودر زمان
سابق شهری بزرك بوده است وبر
سر پشتهءی افتاده است ورودی بزرگ
دارد واز الاطاق می اید وباغات
فراوان دارد ودرو میوه بانواع میاشد
واندرون شهر قلعهٔ محکم دارد بریك
طرف شهر . حقوق دیوانیش بیست
وپنجهزار دینارست .
نیان قصبه بیست در وباغستان
ومیوه بسیار حقوق دیوانیش شانزده
هزار دینارست

Թարգմանություն

Բերկրին *մի փոքր քաղաք է, որը անցյալում եղել է մեծ քաղաք։ [Քաղաքը] գտնվում է բլրի վրա։ Ալա-Դաղից [բխող] մի մեծ գետ հոսում է [քաղաքի] մոտով։ Կան բազմաթիվ պարտեզներ ու այգիներ, որտեղ հասունանում են զանազան պտուղներ։ Քաղաքի ներսում, մի կողմի վրա կա մի անառիկ բերդ։ Դիվանային հարկը 25000 դինար է։*

Նեանը *մի կասաբա է, որի այգիներն ու պտուղները առատ են։ Դիվանային հարկը 16000 դինար է։*

---

22 *«Ջիհան նյումա», էջ 418։*

23 *«Նուզհատ ալ-Քուլուբ», էջ 118։*

Կասկածից վեր է, որ այս հանրահայտ քաղաքների անունները և դիվանային հարկերի թվերը ճիշտ են բերված միայն պարսկերենի բնագրում։

Մեզ թվում է, որ տեքստերում առկա այս և այլ տարընթերցվածքները գոյություն ունեցել են (մի գուցե ընդօրինակողի անփութության հետևանքով) այն օրինակում, որը Իբրահիմ Մյութեֆերրիկան հիմք է ընդունել իր հրատարակության մեջ, սակայն առանց որևիցե քննադատական վերլուծության և տարբեր օրինակների համեմատության։ Հնարավոր է նաև, որ այս սխալները արդյունք են տպագրական շարվածքի՝ օր. «բե»-ի (ب) փոխարեն շարված է «թե» (ت) կամ վեցի (٦) փոխարեն երկու (٢) և այլն։

Վանի վիլայեթի քաղաքների նկարագրության ընթացքում Քյաթիբ Չելեբին լայնորեն օգտագործել է Շերեֆ խան Բիթլիսիի պատմական երկը՝ «Շերեֆ նամե»-ն, գրված պարսկերեն լեզվով 1596 թ.[24]։ Քյաթիբ Չելեբին այս գրքից կատարել է տառացի քաղվածքներ կրճատումներով, իսկ երբեմն էլ տեքստի ինքնուրույն մշակումով։ Այսպես, ամբողջությամբ քաղվածաբար բերված են Բաղեշի, Խլաթի, Մուշի, Խնուսի, Սուքմանաբադի, Խոշաբի, Բայանի, Խիզանի նկարագրությունները և մի շարք պատմական հաղորդումներ Վան քաղաքի և նրա վիլայեթի այլ շրջանների մասին, այն տարբերությամբ, որ փոխ առնված նյութերը տրված չեն աղբյուրում գոյություն ունեցող հաջորդականությամբ։ Օր. «Շերեֆ-նամե»-ում առաջինը նկարագրվել է Բաղեշը, իսկ «Ջիհան նյումա»-ում Խլաթը։ Տեղափոխություն է նկատվում նաև հենց տեքստի բովանդակության մեջ[25]։

Որպեսզի ցույց տանք «Շերեֆ նամե»-ից փոխ առնված և տեղափոխված նյութերը, զուգահեռաբար բերում ենք համապա-

---

24 «Շերեֆ նամե»-ի պարսկերեն բնագիրը առաջին անգամ հրատարակել է ռուս արևելագետ Վ. Վելյամինով-Զերնովը։ Տե՛ս Schéref-nâmeh ou histoire des kourdes par Schéref, prince de Bidliş, publie par V. Veliaminof-Zernof, texte pers, vol. I—II, SPb. 1860—1862. Գոյություն ունի նաև Շարմուայի ֆրանսերեն թարգմանությունը։ Տե՛ս Chéref-nâmeh ou fastes de la Nation Kourde par Chéref'ouddine, traduits et commentès par F. B. Charmoy, vol. I—II, SPb. 1868—1875. Մեր համեմատությունը «Ջիհան նյումա»-ի տեքստի հետ կատարված է Կահիրեում նոր հրատարակված՝ میر شرف خان بدلیسی ، شرفنامه ، قاهره ، ۱۹۳۱ հետ։

25 Համեմատիր «Ջիհան նյումա»-ի հետևյալ հատվածները, էջ 413, 414, 416, «Շերեֆ նամե»-ի 444, 454, 460, 461 էջերի հետ։

տասխան հատվածներ թե «Ջիհան նյուման»-ից և թե «Շերեֆ նամե»-ից։

Պարսկերեն տեքստ

بنابر موافقت آب وهوای انجه بخاطر اسکندر میرسدکه شهر و قلعه بناکند که قرنه بعد قرن وبطنه بعد بطن از ان باز کویند ببدلیس نام غلام خود میفرمایندکه در ینجا قلعه وشهری بنا نماید ودر متانت وحصانت بنوعی اقدام می باید کرکه اکر مثل من پادشاهی ارادهٔ تسخیر ان کند کمند مقصود بکنکرهٔ کاخشی نرسد . بدلیس حسب الفرمان قضا جریان بتعمیر قلعه وعمارت حصار مبادرت نموده . قریب بدو فرسخی چشمه در مابین رود خانهٔ کسور ورباط در موضعی که الحال جای قلعه وقصبهٔ بدلیس است بنا کرده باندك فرصتی باتمام میرساند ... [27]

وچون هیاءت مجموی قلعهٔ بدلیس مثلث افتاده بواسطهٔ ان دایم الاوقات از اضطراب وانقلاب خالی نیست ... [28]

ودر محلی که اسکندر از سفر ایران عودت کرده بد انجا میرسد بدلیس در قلعه وحصار را استوار کرده امادهٔ جنك وجدال ومستعد حرب وقتال شده کردن از طوق اطاعت وفرمان بر داری کشیده . [29]

Թուրքերեն տեքստ

بعده اول کذرکاهده بر شهر ومتین قلعه بناسی فرمان ایددی که بنم کبی بر پادشاه تسخیرندن عاجز اوله دییجك بدلیس نام غلام چشمهٔ مزبوره ایکی فرسخ یرده کسور چایی ایله رباط اراسنده بر حصار متین بنا ایلدیکه الی الان اول کنر کاهده سد سدیدر چونکه قلعهٔ بدلیس مثلث الشکل واقع اولمشدر هر بار اضطراب وانقلابدن خالی دکلدر حتی اسکندر ایراندن دونشده بدلیس اظها عصیان ایدوب یول ویرمدی . [26]

---

26 «Ջիհան նյուման», էջ 213—214։
27 «Շերեֆ նամե», էջ 443։
28 Նույն տեղում, էջ 444։
29 Նույն տեղում, էջ 443։

Այնուհետև նա (Ալեքսանդր Մակեդոնացին) հրամայեց այդ լեռնանցքում կառուցել քաղաք և մի անառիկ բերդ, «որպեսզի մինչև անգամ այնպիսի փադիշահ, ինչպիսին ես եմ, չկարողանա դրավել այն»: Բիթլիս անունով ծառան հիշյալ աղբյուրից 2 փարսախ հեռավորության վրա, Կեսուր և Ռաբաթ գետերի միջև կառուցեց մի անառիկ բերդ, որը մինչև այսօր ամուր կանգնած է այդ անցքում: Չնայած, որ Բիթլիս բերդը կառուցված է եռանկյան ձևով, այսուհանդերձ այն զերծ չի եղել [ներքին] խռովություններից և ապստամբություններից: Նույնիսկ, [պատահել է այնպես], որ Իսքենդերը Պարսկաստանից վերադառնալիս, Բիթլիսը ապստամբություն է բարձրացրել և հրաժարվել է նրան ճանապարհ տալ:

Այդ [տեղերի] բարենպաստ կլիմայի համար Իսքենդերը մտահղացավ կառուցել մի քաղաք և բերդ, որպեսզի դրանց մասին խոսվեր դարե-դար և սերնդեսերունդ: Նա հրամայեց Բիթլիս անունով իր զուլամին կառուցել այդ տեղերում մի քաղաք և բերդ, և ջանար, որպեսզի դրանք ունենային այնպիսի ամրություն և անձեռնմխելիություն [ինչպես ինքն էր ասում՝] «եթե իմ նման որևիցե կայսր իղձ ունենա նվաճելու այն, թող որ նրա ցանկության օղաթոկը չհասնի պարսպի աշտամներին»: Համաձայն [Իսքենդերի] հրամանին Բիթլիսը հապճեպ ձեռնամուխ եղավ բերդի և նրա ամրությունների կառուցմանը: Նա հիմնադրեց [այն] մոտավորապես աղբյուրից 2 փարսախ հեռավորության վրա, Կեսուր և Ռաբաթ գետերի միջև, այն տեղում, որտեղ ներկայումս գտնվում է Բիթլիսի բերդը և Կասաբան, և ավարտեց այն կարճ ժամանակում (էջ 443):

Եվ չնայած, որ Բիթլիսի բերդը կառուցվել է եռանկյան ձևով, (այսինքն այն դրսից եղել է անառիկ և անձեռնմխելի—Ա. Փ.) այսուհանդերձ այն զերծ չի եղել ներքին խռովություններից և ապստամբություններից: (էջ 444):

Երբ Իսքենդերը վերադարձավ Պարսկաստանի արշավանքից և հասավ այնտեղ, Բիթլիսը ամրաց-

բեց բերդի դարբասն ու պարիսպները և նախապատրաստվեց դիմադրել և ճակատամարտ տալ. հրաժարվեց ենթարկվել և հպատակություն ցույց տալ (443)։

Հիմնականում Քյաթիբ Չելեբին «Շերեֆ նամե»-ից բերված քաղվածքները հաղորդել է ճշգրտությամբ, սակայն ըստ երևույթին փոխ առնված նյութերի մի քանի տեղերը կատարվել են անուշադիր, որը և հասցրել է տեքստի մասնակի աղավաղման։

Պարսկերեն տեքստ

واز ثقاب روات مرویست که در ازمنهٔ سابقه مار بسیار در قلعه پیدا شده سکان ومتوطنان آنجارا از کثرت حیه تعیش بد شواری بوده آخر الامر حکما در درگاه قلعه طلسمی تعبیه نموده اندکه مار کمتر کشته مزاحم مردمان نمیشود. والحال بشکل آدمی که مار در دست دارد از سنك تراشیده در روی دیوار نمایا نست وبطلسم درگاه اشتهار دارد. وقصبهٔ بدلیس در بندیست در مابین اذربیجان ودیار بکر وربیعه وارمن که اکر حاجیان ترکستان وهندوستان از ایران وعراق وخراسان بزیارت حرمین الشرفین زادهما الله تعالی تشریفا وتعظیما توجه فرمایند. واکر سیاحان جده وزنکبار وتاجران خطا وختن وروس وسقلاب وبلغار وسوداکران عرب وعجم وروند کان اکثر عالم تردد نمایند مادامی که از سنك سوارخ بدلیس مرور وعبور نکنند مسیر نیست.[31]

Թուրքերեն տեքստ

منقولدرکه سلفده انده مار بسیار ایدی حکمادن بری درکاه قلعه‌ده سنك تراشیده دن بر مار شکلنی طلسم ایدوب قودقدن صکره کورنمز اولدی ...

قصبهٔ مزبوره اذربیجان ایله دیا ربکر وربیعه وارمن اراسنده بر دربند ر ترکستان وایران وخراسندن حجاز وشام طرفنه کیدنلر لابد انك دلکلی قیاسندن کچرلر غیری یول یوقدر یاخود طولاشقدر اول سنك سوارخ بتلیسدن بر فرسخ جنوب طرفنه دوشر.[30]

---

30 «Ջիհան նյումա», էջ 414։

31 «Շերեֆ նամե», էջ 444—445։

Պատմում են, որ անցյալում այնտեղ (Բիթլիսում) դռյուբյուն են ունեցել անհամար թվով օձեր։ Իմաստուններից մեկը որպես թալիսման բերդի ճակատին քարից քանդակել է մի օձ։ Դրանից հետո [օձերը] այլևս չեն հայտնվել։

Հիշյալ քաղաքը իրենից ներկայացնում է մի լեռնանցք Ադրբեջանի, Դիարբեքիրի, Ռաբիայի և Արմեն[իայի] միջև։ Նրանք, որոնք Թուրքեստանից, Պարսկաստանից, Խորասանից ուղևորվում են դեպի Հիջազ և Շամ, ստիպված են անցնել ժայռի անցքով, հակառակ դեպքում պետք է շրջանցեն այն։ Այլ ճանապարհ գոյություն չունի։ Այդ ժայռի անցքը գտնվում է Բիթլիսից հարավ՝ մեկ փարսախ հեռավորության վրա։

Ըստ արժանահավատ պատմողների՝ հայտնի է, որ անցյալում բերդում եղել են շատ օձեր։ Օձերի շատությունից տեղի բնակիչները և նորեկները վատ են ապրել։ Ի վերջո իմաստունները բերդի դարբասի վրա տեղադրել են մի թալիսման, որպեսզի օձերը նվազեն և մարդկանց դժվարություն չհարուցեն։

Հիմա էլ պարսպի վերևում երեվում է քարից տաշված մի մարդկային կերպարանք, որը իր ձեռքում բռնել է մի օձ։ Այն հայտնի է, որպես դարբասի թալիսման։

Բիթլիսի Կասաբան իրենից ներկայացնում է մի լեռնանցք Ադրբեջանի, Դիարբեքիրի, Ռաբիայի և Արմեն[իայի] միջև։ Այնպես որ, եթե Թուրքեստանի և Հինդուստանի ուխտավորները Պարսկաստանի, Իրաքի և Խորասանի միջով ուխտի գնան դեպի նվիրական քաղաքներ՝ [Մեքքա և Մեդինե],—«Թող որ ամենաբարձրյալն աստված բազմապատկի նրանց հարգանքն ու մեծարումը»—եվ եթե Ջիդդայի և Զանգբարի ուղևորները, Խաթայի, Խոթանի, Ռուսի, Սակլաբի և բուլկարի վաճառականները, արաբի, աջեմի վաճառականները և աշխարհի մեծ մասի ճամփորդները ուղևորություն կատարեն, անկարելի է, որ նրանք չանցնեն Բիթլիսի քարե ժայռի միջով։

«Ջիհան նյումա»-ում բազմիցս հիշատակվում է՝ «նվաստս նշում է» կամ «Մի պատմության մեջ ասում են» արտահայտությունները, որոնք միշտ չէ որ վերագրվում են Քյաթիբ Չելեբիին։ Այդ արտահայտությունների հեղինակը Շերեֆ-խանն է որից փոխ է առնված համապատասխան բաժինների նյութերը։

Քյաթիբ Չելեբիի օգտագործած մյուս աղբյուրների մեջ, ըստ փոխ առնված նյութերի ծավալին, առավել կարևոր տեղ է գրավում հռչակավոր արաբ աշխարհագրագետ Աբու-լ-ֆիդայի (1273—1331) «Թակվիմ ալ-Բուլդան» («Երկրների կարգավորում») աշխատությունը[32]։

Հայտնի է, որ 8-րդ դ. սկզբին Արաբական խալիֆաթը Անդրկովկասյան երկրներից նվաճված երկրամասում սահմանեց նոր վարչական բաժանում, որի հետևանքով Հայաստանը, Վրաստանը և Աղվանքը կազմեցին մեկ լայնարձակ վարչական միավոր Էրմենիա (կամ Արմենիա) անվան տակ։ Այս անվանումը արաբական աշխարհագրագետները սկսեցին գործածել նոր բովանդակությամբ։

Աբու-լ-ֆիդան, մյուս արաբ աշխարհագրագետների նման Հայաստանը նկարագրում է Վրաստանի, Ադրբեջանի (Ատրպատական) և Աղվանքի հետ։ Սակայն քաղաքների նկարագրության ընթացքում նա ստույգ նշում է, թե որ երկրին է պատկանում այս կամ այն քաղաքը։ Օր. Թիֆլիսը «Թակվիմ ալ-բուլդան»-ի մեջ նկարագրված է ընդհանուր բաժնում, բայց ցույց է տրված նաև, որ այն վրացական քաղաք է, Բեյլեկանը (Փայտակարան) աղվանական, իսկ Բերդան և Սուլթանիեն՝ ադրբեջանական[33]։ Ըստ երևույթին Քյաթիբ Չելեբին խորամուխ չի եղել այս ծանոթագրությունների, քանի որ Հայաստանի քաղաքների հիշատակության մեջ, նա անվանում է նաև վերոհիշյալ քաղաքները։

Ընդհանուր առմամբ տեքստերի համեմատությունը ցույց է տալիս, որ փոխ առնված նյութերը վերարտադրված են համարյա թե բառ առ բառ աննշան կրճատումներով։

---

[32] M. Reinaud, et de Slane M. G., Géographie d'Aboulféda, texte arabe, Paris, 1840. *Գոյություն ունի նաև բոլոր նյութերի ֆրանսերեն թարգմանությունը։ Տե՛ս* M. Reinaud, Géographie d'Aboulféda, traduite de l'arabe en francais, t. 1—2, Paris, 1848. Guyard S., Géographie d'Aboulféda, traduite de l'arabe en francais, t. 2, seconde partie, Paris, 1883.

[33] *Տե՛ս «Թակվիմ ալ-բուլդան», էջ 353, 355, 357։*

Թուրքերեն տեքստ

موش تقویمده بر طاغك دیبنده دوز یرده بر وادی اغزنده بلدهٔ صغیره در صحراسی غایت واسع ایکی مرحله مسافه اولوب موش اوواسی دیمکله مشهوردر [34]

Թարգմանություն

Մուշը ըստ «Թակվիմ [ալ-բուլդան»-ի] փոքր քաղաք է, որը գտնվում է լեռան ստորոտում, հարթ տարածության վրա, գետի հունի մոտ։ Նրա հարթավայրը հույժ լայնարձակ երկու օրվա տևողությամբ ճանապարհ է և հայտնի է «Մուշ օվասը» (Մուշի հովիտ) անունով։

Արաբերեն տեքստ

وعن بعض اهل تلك البلاد وموش بلدة صغيرة بغير سور وهي في ذيل جبل في فم واد ولها وطأة عظيمة تعرف بصحراء موش مسيرة يومين وبها مروج ومراع وموش عن ميافارقين على نحو مرحلتين وعن خلاط على نحو ثلث مراحل [35]

Թարգմանություն

Այս քաղաքի բնակիչների պատմածի համաձայն, Մուշը առանց պարիսպների փոքր քաղաք է, որը գտնվում է լեռան ստորոտում հարթ տարածության վրա, գետի հունի մոտ։ Նրա հարթավայրը հույժ ընդարձակ երկու օրվա տևողությամբ ճանապարհ է և հայտնի է «Մուշ օվասը» (Մուշի հովիտ) անունով։ Մուշը գտնվում է Միաֆարկինից երկու՝ իսկ Խլաթից երեք օրվա հեռավորության վրա։

Թուրքերեն տեքստ

وسطان تقویمده واندن بر مرحله قدر جنوبه وشرقه دوشر بحیره کنارنده دوز یرده بر بلدهدر واوه اندهٔ نهایت بولور اوتهسی کردستان طاغلریدر دیو یازا [36]

Արաբերեն տեքստ

وعن بعض اهل تلك البلاد وسطان بين الشرق والجنوب عن وان وبينهما اكثر من مسيرة يوم ووسطان على حافة بحيرة ارجيش من اخر الوطأة واول الجبل قال المهلبي ووسطان من بلاد ارمينية وبينها وبين سلماس ثلثة عشر فرسخا وبين وسطان وبين وان ستة فراسخ [37]

---

34 «Ջիհան-նյումա», էջ 416։
35 «Թակվիմ ալ-բուլդան», էջ 393։
36 «Ջիհան նյումա», էջ 417։
37 «Թակվիմ ալ-բուլդան», էջ 397։

Ոստան «Թակվիմ [ալ-բուլդան»-ում] գրված է, որ քաղաքը գտնվում է հարթ տարածության վրա լճի ափին, Վանից հարավ-արևելք մի օրվա հեռավորության վրա: Հարթավայրը վերջանում է այնտեղ, իսկ մյուս կողմում Քուրդիստանի լեռներն են:

Այս քաղաքի բնակիչների պատմածի համաձայն, Ոստանը գտնվում է Վանից հարավ-արևելք ավելի քան մեկ օրվա հեռավորության վրա: Ոստանը ընկած է Արճեշ լճի ափին, այնտեղ, որտեղ վերջանում է հարթավայրը և սկիզբ են առնում լեռները: Ալ-Մուհալլաբիի ասածների համաձայն Ոստանը Հայաստանի քաղաքներից մեկն է: Ոստանը գտնվում է Սալմաստից տասներեք, իսկ Վանից վեց փարսախ հեռավորության վրա:

Անհրաժեշտ է նշել, որ «Ջիհան նյուման»-ում տեղ են գտել որոշ անճշտություններ, որոնք վկայում են Քյաթիբ Չելեբիի և օգտագործված աղբյուրների հեղինակների սահմանափակ պատկերացումների մասին: Քյաթիբ Չելեբին հաճախ տեղեկություններ է բերում վաղ շրջանի աղբյուրներից առանց որևիցե ուղղումներ մտցնելու նրանց մեջ: Այսպես, Հայաստանի սահմանները նկարագրելիս Քյաթիբ Չելեբին նշում է, որ «ներկայումս Մեծ Արմենիան բաղկացած է Վանի, Կարսի և Էրզրումի վիլայեթներից, իսկ Փոքր Արմենիան՝ Ադանայի և Մարաշի վիլայեթներից»[38]:

Ինչպես հայտնի է Մեծ և Փոքր Հայքի բաժանումը կապված է հայ ժողովրդի վաղ շրջանի պատմության հետ: Սելևկյանների տիրապետության ժամանակ (4-րդ դարի վերջերից մինչև 2-րդ դարի սկզբները մ. թ. ա.) Հայաստանը բաղկացած էր երեք մասերից՝ 1) Փոքր Հայք, 2) Մեծ Հայք, 3) Ծոփք: Սելևկյանների տիրապետության անկումից հետո նրանից բաժանվեցին Մեծ Հայքը և Ծոփքը, որովհետև նրանց կառավարիչները՝ Արտաշեսը և Զարեհը իրենց անկախ հռչակեցին[39]:

Սրանցից ամենամեծ և հզոր պետությունը Մեծ Հայքն էր, որտեղ համարյա վեց դար թագավորում էին նախ Արտաշեսյանների՝

---

38 «Ջիհան նյուման», էջ 410:

39 Տե՛ս Страбон, География, М., 1964, стр. 498.

ապա Արշակունիների դինաստիան (189 թ. մ. թ. ա. 428 մ. թ.)։ Տիգրան II-ի տիրապետության (95—56 թթ. մ թ. ա.) շրջանում, երբ Մեծ Հայքը հասել էր իր ամենաբարձր հզորության, Ծոփքը միանում է Մեծ Հայքին։

«Ջիհան նյումա»-ում ճիշտ չէ պատկերված Մեծ Հայքը, որովհետև բոլորովին մոռացության է տրված Արևելյան Հայաստանը։ Ք յաթիբ Չելեբին, ինչպես վերը նշեցինք, Հայաստանը նկարագրելիս նկատի է ունեցել միմիայն Արևմտյան Հայաստանը։ Բացի այդ, 17-րդ դարում Արևմտյան Հայաստանի տերիտորիայում մտնում էին ոչ թե երեք, այլ հինգ վիլայեթ՝ Վանը, Կարինը, Կարսը, Դիարբեքիրը, Զուլղըրը և մի քանի քրդական հյուրյու-մեռներ։

Նկատի առնելով Ք յաթիբ Չելեբիի և Համդալլահ Ղազվինիի Հայաստանի վարչական բաժանման տվյալները, անհրաժեշտ է տարբերել վաղ շրջանում գոյություն ունեցող Փոքր Հայքը Կիլիկիայի «Փոքր Հայքի» հետ, որը հիմնվեց 1080 թ. և գոյատևեց մինչև 1375 թ.։

Լատինական ժամանակագիրները և միջնադարի այլ պատմագիրներ Կիլիկիայի հայկական թագավորությունը անվանում էին «Փոքր Արմենիա», իսկ երբեմն էլ պարզապես «Արմենիա» (Armenia minor, Armenia)։ Կիլիկիայի հայկական թագավորության շրջանի հայկական աղբյուրները Կիլիկիան անվանում էին «Աշխարհ» կամ «Տուն», «Կիլիկիայի աշխարհ», կամ «Հայկական աշխարհ» ինչպես նաև «Սիսվան»[40]։

Անհրաժեշտ է նշել, որ արաբ աշխարհագրագետները նույնպես որոշակի պատկերացում ունեին Կիլիկիայի հայկական թագավորության մասին։ Արաբները Կիլիկիայի հայկական թագավորությունը հաճախ անվանում էին «Սիսի երկիր»։ Յակուտ ալ-Համավին (1178—1229) հիշատակում է այն որպես «հայոց սուլթան իբն Լավոնի երկիր» կամ պարզապես «Իբն Լավոնի երկիր»[41]։

Ինչ վերաբերում է Կիլիկիայի հայկական թագավորության երկրամասին, ապա այն կազմվել էր բուն Կիլիկիայից և նրա սահմանամերձ մարզերից։

«Ջիհան նյումա»-ում Մարաշի վիլայեթի կազմում հիշատակվում են այնպիսի քաղաքներ, որոնք երբևիցե չեն ընդգրկվել նրա

---

40 Г. Г. Микаелян, История Киликийского армянского государства, Ереван, 1952, стр. 5—6.

41 Հ. Ք. Նալբանդյան, Արաբական աղբյուրները Հայաստանի և հարևան երկրների մասին, Երևան, 1965, էջ 45, 83, 100, 120։

մեջ։ Ինչպես օր. էլբիստանը, Այնթաբը, Մալաթիան, Կախտան և այլն։ Անհրաժեշտ ուշադրություն չի հատկացված Կիլիկիայի արևմտյան հատվածի նկարագրությանը։ Մարաշի և Ադանայի վիլայեթների նկարագրությունները, որտեղ վարչական բաժանումը վերաբերվում է 17-րդ դ., լրիվ պատկերացում չի տալիս Կիլիկիայի ամբողջական երկրամասի մասին։ Կիլիկիայի հայկական թագավորությունը Միջերկրական ծովի ափին ավելի ընդարձակ տարածություն ուներ, քան այն ցույց է տրված «Ջիհան նյումա»-ում։

Նշենք նաև այն մասին, որ Քյաթիբ Չելեբին մոռացության է տվել Հայաստանի մի շարք հանրահայտ քաղաքների և բերդերի նկարագրությունը՝ (ինչպես Անին, Օլթին, Քանիսան և այլն), որոնց մասին խոսվում է թե արաբական և թե պարսկական աղբյուրներում։

«Արմենիա երկրի մասին» գլխում Դվինը և Դեբիլը համարվել են տարբեր հայկական քաղաքներ. նույնիսկ Դեբիլը (էջ 418) ընդգրկվել է Վանի վիլայեթի նկարագրության մեջ։ Մինչդեռ Դեբիլն ու Դվինը միևնույն քաղաքի անվանումներն են։ Դվինը հայկական անվանումն է, իսկ Դեբիլը՝ արաբական։ Դվինը պատմականորեն երբեք չի մտել Վանի վիլայեթի մեջ։ 17-րդ դարում այն մտնում էր Երևանի խանության կազմի մեջ։

«Ջիհան նյումա»-ի թարգմանությունները. «Ջիհան նյումա»-ի առանձին գլուխներ թարգմանվել են տարբեր լեզուներով։ Ի. Համմերը գերմաներենի է թարգմանել Բալկանյան թերակղզու երկրներին վերաբերող նյութերը[42]։ Նա իր թարգմանության համար օգտագործել է «Ջիհան նյումա»-ի ձեռագրի առաջին խմբագրությունը։ Ընդհանրապես առաջին խմբագրության ձեռագիրը հազվադեպ է օգտագործվել, քանի որ այն դեռևս չի հրատարակված և դժվարհասանելի է գիտնականների լայն շրջանին։

«Ջիհան նյումա»-ն ամբողջությամբ թարգմանվել է լատիներեն Մ. Նորբերկի կողմից[43]։ Ինչպես նշում է ակադեմիկոս Ի. Յու.

---

[42] Von Hammer, Rumeli und Bosna, Wien, 1812. *Համմերի այս գիրքը բուլղարերենի է թարգմանել Ստոյան Արգիրովը։ Տե՛ս* Мустафа бен Абдулах-Хаджи Халфа, Румелия и Босна. Географическое описание. От немското издание на Йосеф Хамер превел и снабдил с обяснителни бележки Стоян Аргиров, София, 1938. *Համմերը մի շարք հոդվածներ է թարգմանել նաև Իբրահիմ Մյութեֆերրիկայի հրատարակություններից։ Տե՛ս* Yahrbucher der Litteratur, t. XIII, Wien, 1821, s. 213—265, t. XIV, 1822, s. 21—88.

[43] Norberg Mathias, Gihannuma, geographia Orientalis, ex turcico in latinum versa, t. I—II, Londini Gothorum, 1818.

Կրաչկովսկին՝ «ներկայումս այդ թարգմանությունը կարելի է միանգամայն հնացած համարել, հակառակ նորքերկի ժամանակին կատարած բոլոր ծառայություններին»[44]։

Լատիներեն մի այլ թարգմանություն «De Liber Mundum Ostendens» վերնագրով (կատարված Օ. Հ. Կեշվինդի, Վ. Հուսարդի և Տ. Շտուրմերի կողմից) անտիպ վիճակում գտնվում է Վիեննայի Միխիթարյանների գրադարանում[45]։

Փոքր Ասիային վերաբերող նյութերի ֆրանսերեն առաջին թարգմանությունը պատկանում է Մ. Արմենի գրչին։ Այն հրատարակվել է 1846 թ. Սեն Մարտինի «Աշխարհագրական հայտնագործումների պատմության» մեջ[46]։ Այս թարգմանության մեջ ընդգրկված են Եփրատ գետի (Կարասու վտակով) և Էգեյան ծովի միջև ընկած նահանգների նկարագրությունը։ Հասկանալի է, որ այստեղ չի տրված Հայաստանի լրիվ նկարագրությունը։ Զգալի կրճատումներով և առանց ծանոթագրությունների թարգմանված են այն հատվածները, որոնք ընդգրկում են Կարինի (Էրզրումի վիլայեթից), Ադանայի և Մարաշի վիլայեթների նկարագրությունը։

Գոյություն ունի նաև Հայաստանին, Քուրդիստանին և մասամբ Արաբական Արևելքի երկրներին վերաբերող նյութերի ֆրանսերեն մի այլ թարգմանություն, որ կատարել է ռուս արևելագետ Ֆ. Շարմուան[47]։ Անհրաժեշտ է նշել, որ Արմենի թարգմանությունը իր որակով զիջում է Շարմուայի թարգմանությանը։ Հայաստանի վերաբերյալ նյութերը ռուսերեն թարգմանելու ընթացքում, մենք նպատակահարմար գտանք քննադատական համեմատություն կատարել հատկապես Շարմուայի ֆրանսերեն թարգմանության հետ, քանի որ այն մեր կարծիքով հանդիսանում է առավել հաջող թարգմանություն[48]։ Այսուհանդերձ Շարմուայի թարգմանությունը կատարված է բավականին ազատ, առանց պահպանելու գիտական թարգմանություններում ընդունված սկզբունքը։ Այսպես, այն լրացուցիչ բառերն ու դարձվածքները, որոնք հանդիսանում կն-

---

[44] И. Ю. Крачковский, Избр. соч., стр. 621.

[45] Fr. Babinger, Die Geschichtschreiber..., s. 200.

[46] Saint-Martin, Histoire des découvertes géographiques de nations europeénes dans les diverse parties du monde, t. 3, Paris, 1846, p. 642.

[47] Տե՛ս F. B. Charmoy, Chéref-nâmeh ou fastes de la Nation Kourde par Chéref-ou'ddine, t. I, St. Pétersbourg, 1868, pp. 159—203, 237—248.

[48] Մենք պատրաստում ենք Հայաստանին վերաբերող նյութերի ռուսերեն առաջին գիտական թարգմանությունը՝ անհրաժեշտ ծանոթագրություններով։

Շարմուայի հավելվածները, չեն առնված փակագծերի մեջ։ Գոյություն ունեն նաև մի շարք տեղերի անվանումներ, որոնք սխալաբար են ընթերցված։ Օր. Դովին, Տեռեվան, Գէօլուն և այլն (Դվինի, Տարվանի, Գյուլեկի փոխարեն)։ Բացի այդ նկատվում են նաև այլ անճշտություններ, որոնք ի հայտ են բերված մեր թարգմանության ծանոթագրություններում։

«Ջիհան նյուման»-ի ոչ լրիվ թարգմանությունը եղել է նաև հայերեն՝ Հակոբ Նալյանի կողմից կատարված, որը սակայն մնացել է անտիպ[49]։ Հայաստանի, հայերի և Անդրկովկասի մյուս ժողովուրդների վերաբերյալ նյութերը մասնակի կրճատումներով թարգմանել է Ա. Խ. Սաֆրաստյանը[50]։

Այստեղ հարկ ենք համարում ճշտել մի փաստ։ Լեոն «Հայոց պատմության» մեջ գրում է, թե իբր «Ջիհան նյուման»-ն հայերենի թարգմանել է նույն 17-րդ դարում Երեմիա Քյոմուրճյանը[51]։ Այդ մասին թե մեր որոնումները և թե Երեմիա Քյոմուրճյանի և գրական ժառանգության վերաբերյալ վերջերս կատարված ուսումնասիրությունները հանգեցնում են այն եզրակացության, որ նման թարգմանություն գոյություն չի ունեցել[52]։ Անհրաժեշտ է նշել, որ իրականում Ե. Ջ. Քյոմուրճյանը գրել է «Աշխարհագրություն» անունով մի աշխատություն, որտեղ նկարագրված է եղել Հնդկաստանը, Պարսկաստանը և Փոքր Ասիան (այդ թվում նաև Հայաստանը)։ Դժբախտաբար այդ աշխատությունը չի պահպանված և նրա մասին գոյություն ունեն շատ քիչ տեղեկություններ։ Այնպես որ մենք կարող ենք միմիայն ենթադրել, որ նա օգտագործել է «Ջիհան նյուման»-ն, որպես աղբյուր իր «Աշխարհագրություն» շարադրելիս։

Վերջապես մի այլ հայ աշխարհագրագետ Ղուկաս Ինճիճյանը, նույնպես ունեցել է իր ձեռքի տակ «Ջիհան նյուման»-ն, երբ շարադրել է «Հայաստանը» իր «Աշխարհագրություն չորից մասանց աշխարհի» գրքում։ Այս աշխատության մեջ թարգմանաբար գրաբար լեզվով բերված են բազմաթիվ մեջբերումներ «Ջիհան նյուման»-ից։

---

49 Հ. Սիրունի, Հայաստանը, ըստ թուրք աշխարհագիրներու, «Պատմա-բանասիրական հանդես», 1965, № 3, էջ 101։

50 Ա. Խ. Սաֆրաստյան, նշվ. աշխ., հատ. Բ, էջ 13—73։

51 Լեո, Հայոց պատմություն, հատ. Գ, Երևան, 1946, էջ 101։

52 Eremya Çelebi Kömürcüyan, Istanbul tarihi, Istanbul, 1952, s. XXIII. Հ. Ս. Մահակյան, Երեմիա Քյոմուրճյան, Երևան, 1964.

Հոդվածի վերջում հարկ ենք համարում նշել, որ «Ջիհան նյումա»-ն իր թերություններով հանդերձ, հանդիսանում է գիտական կարևոր արժեք ներկայացնող պատմական աշխարհագրություն՝ ասիական երկրների, այդ թվում նաև Արևմտյան Հայաստանի վերաբերյալ։ Անհրաժեշտ է նկատի ունենալ նաև, որ ուսումնասիրվող ժամանակաշրջանում նման տիպի պատմական աշխարհագրություն բացակայում է հայ պատմագրության մեջ։ Կարևոր է նաև այն, որ «Ջիհան նյումա»-ն հանդիսանում է որպես թուրք դիտնականի ստեղծագործություն, որը տվել է իր անձնական եզրակացությունը Հայաստանի սահմանների և 17-րդ դ. Օսմանյան կայսրության մեջ մտնող նրա հողերի վարչական բաժանման մասին։

А. А. ПАПАЗЯН

ИСТОРИЧЕСКАЯ АРМЕНИЯ В «ДЖИХАН-НЮМА» КЯТИБА ЧЕЛЕБИ (XVII в.)

Резюме

«Джихан-нюма» («Миропоказатель», «Косморама») — первое всеобщее историко-географическое произведение, написанное на турецком языке Кятибом Челеби в 1648 г., и одна из первопечатных книг, изданных основателем первой турецкой типографии Ибрагимом Мютеферриком в 1732 г.

«Джихан-нюма», которая ныне представляет библиографическую редкость, состоит из обстоятельного предисловия и разделов с описанием стран. Глава 41 включает описание только западных областей Армении, т. е. той части Армении, которая по договору, заключенному между Ираном и Турцией в Каср-и Ширине (14 сентября 1639 г.), попала под господство Османской империи. Описание городов Грузии, Албании (Кавказской) и Азербайджана (Иранский) дано в 39-й главе.

В статье дается общая характеристика «Джихан-нюма», сопоставление источников, использованных Кятибом Челеби в изложении раздела исторической географии Армении, сведения о существующих переводах на другие языки и их оценка. Здесь же выявлены некоторые неточности в изложении Кятиба Челеби.

ԲՈՎԱՆԴԱԿՈՒԹՅՈՒՆ

Ռ. Պ. Կոնդակչյան. Թուրքիայի ներքին քաղաքականությունը 1950—1960 թթ. 5

Գլուխ առաջին. Դեմոկրատական կուսակցության կազմավորումը և անցումը իշխանության գլուխ

Գլուխ երկրորդ. Դեմոկրատական կուսակցության տնտեսական քաղաքականությունը 32

Գլուխ երրորդ. Առաջադիմական ու դեմոկրատական ուժերի ճնշման քաղաքականությունը 61

Գլուխ չորրորդ. Միջկուսակցական պայքարը Թուրքիայում 1950—1960 թթ. 88

Եզրակացություններ 113

Հ. Մ. Մարտիրոսյան. Թուրքական կառավարող շրջանների քաղաքականությունը օտարերկրյա կապիտալի նկատմամբ... . . . 141

Ռ. Ս. Դանիելյան. Լուսավորությունը Թուրքիայում 1960—1965 թթ. . 170

Ռ. Ս. Կորխմազյան. Գերմանո-թուրքական հարաբերությունների հարցը (1939—1940 թթ.) 198

Շ. Խ. Մ Հ Յ Ի. Թուրքիան և քրդերի ազգային ինքնավարության պրոբլեմը իրագում... 218

Ռ. Գ. Սահակյան. Թուրք-ֆրանսիական հարաբերությունները 1919—1921 թթ. 237

Գ. Ս. Քիլիմջյան. Թուրք-հունական հարաբերությունները թուրք պատմագրության մեկնաբանությամբ (1908—1912 թթ.) . . . 278

Հ. Հ. Մարտիրոսյան. Կիլիկիայի 1909 թ. ապրիլի հայկական կոտորածը և երիտասարդ թուրքերի պատասխանատվության հարցը . . 297

Վ. Ա. Բայբուրդյան. Թուրքիայի քաղաքականությունը Իրանի նկատմամբ 20-րդ դարի սկզբին 319

Ե. Ղ. Սարգսյան. Օսմանյան կառավարության վարչական և դեմոգրաֆիկական քաղաքականությունը Արևմտյան Հայաստանում . . . 357

Գ. Բ. Ակոպով. Քրդերը և քրդական հարցը թուրք պատմագրության մեջ 383

Մ. Հ. Ջոշար. Թուրքաբանությունները պոլսահայ բարբառում (բայեր) . 412

Ա. Հ. Փափազյան. Պատմական Հայաստանը Քյաթիբ Չելեբիի «Ջիհան նյումա»-ում (17-րդ դ.), ... 427

ОГЛАВЛЕНИЕ

Р. П. Кондакчян. Внутренняя политика Турции (1950—1960) . 5
Глава I. Образование и приход к власти демократической партии 10
Глава II. Экономическая политика демократической партии 32
Глава III. Политика подавления прогрессивных и демократических сил 61
Глава IV. Межпартийная борьба в Турции в 1950—1960 гг. 88
Выводы 113
А. М. Мартиросян. Политика турецких правящих кругов в отношении иностранного капитала 141
Р. С. Даниелян. Просвещение в Турции 1960—1965 гг. . . 170
Р. С. Корхмазян. К вопросу о германо-турецких отношениях (1939—1940 гг.) 198
Ш. Х. Мгои. Турция и проблема курдской национальной автономии в Ираке 218
Р. Г. Саакян. Турецко-французские отношения в 1919—1921 гг. 237
Г. С. Килимджян. Турецкая историография о турецко-греческих отношениях (1908—1912 гг.). 278
А. Г. Мартиросян. Резня армян в Киликии в апреле 1909 г. и вопрос об ответственности младотурок 297
В. А. Байбуртян. Политика Турции в отношении Ирана в начале XX века 319
Е. К. Саркисян. Административная и демографическая политика османского правительства в Западной Армении . . . 357
Г. Б. Акопов. Курды и курдский вопрос в турецкой историографии 383
М. Г. Кочар. Туркизмы (глаголы) в константинопольском диалекте армянского языка 412
А. А. Папазян. Историческая Армения в «Джихан-нюма» Кятиба Челеби (XVII в.) 427

Печатается по решению ученого совета
Сектора востоковедения
АН Армянской ССР

Редакторы издательства *Ж. В. Налчаджян,*
А. А. Овакимян
Худож. оформление *Ю. А. Аракеляна*
Технич. редактор *С. К. Закарян*
Корректоры *Г. А. Абрамян, Л. К. Арутюнян*

ВФ 03491 Заказ 436 Тираж 5000
Изд. 3190. РИСО 1202. Сдано в производство 30/X 1969 г.,
Подписано к печати 20/X 1970 г Печ. л. 28,25.
Изд. 26,95 л. Бумага № 1, 60×90 1/16. Цена 1 р. 90 к.

Типография Издательства Академии наук Армянской ССР,
Ереван, Барекамутян 24.